ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

НАУКИ—ПОЛИТИКИ—ЛИТЕРАТУРЫ,

основанный М. М. Стасюлевичемъ въ 1866 году.

ПЯТИДЕСЯТЫЙ ГОДЪ.

МАЙ.

Редакція и Главная Контора журнала: Моховая, 37.

ПЕТРОГРАДЪ.

1915.

Печать Калязинской Библиотеки. Городской общественной

Журнальный фонд Московской обл. библиотеки

49 к.

24604

Типографія т-ва „Общественная Польза“, Б. Подъяческая, № 39.

11 МАЙ 1978

ПЕЧАТЬ КАЛЯЗИНСКОЙ БИБЛИОТЕКИ. ГОРОДСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ

СОДЕРЖАНІЕ.

КНИГА ПЯТАЯ. — МАЙ.

СТРАН.

I. ПОЖАРЪ.—(Очеркъ).—**М. Горькаго** 5
II. НОЧЬ.—Стихотвореніе.—**Сем. Астрова** 30
III. „ВОЗВРАЩЕНІЕ“.—**А. Окулова** 31
IV. ВОЙНА.—Стихотвореніе.—**М. Ватсонъ** 67
V. ВОСПОМИНАНІЯ О СѢЧЕНОВѢ.—(Къ исторіи науки въ Россіи).—**Ил. Мечникова** 68
VI. ПѢСЕНКА.—Стихотвореніе.—**Н. Венгрова** 86
VII. ПРОВОДЫ.—**Вл. Ладыженскаго** 87
VIII. СТИХОТВОРЕНІЯ.—**Николая Морозова** 103
IX. ПЛАКАТЫ.—**М. Моравской** 105
X. ЦѢННОСТЬ ЖИЗНИ.—(Этюдъ).—**Д. Овсянико-Куликовскаго** 117
XI. И. И. МЕЧНИКОВЪ.—**В. Заленскаго** 151
XII. РИЧАРДЪ ФЕРЛОНГЪ.—Темпля Сёрстона.—(Окончаніе).—Съ англ. пер. **М. Славинской** 171
XIII. МѢЩАНСКАЯ ТРАГЕДІЯ.—(Farfui).—Романъ Лучіано Цукколи.—(Окончаніе).—Переводъ съ итальянскаго **Е. Журавской** 213
XIV. ХРОНИКА.—ГЕРМАНЦЫ ПРОТИВЪ АНГЛИЧАНЪ.—**Максима Ковалевскаго** 265
XV. ЗАГРАНИЧНЫЯ НАСТРОЕНІЯ.—(Путевыя впечатлѣнія).—**Р. Бланка** . 296
XVI. УРАВНОВѢШЕННАЯ АНГЛІЯ.—**В. Майскаго** 313
XVII. НОВОЕ ЯЗЫЧЕСТВО НА ПОЧВѢ НАЦІОНАЛИЗМА.—**Л. Слонимскаго** . 338
XVIII. ТЕАТРЪ И ЛИТЕРАТУРА.—(Новыя пьесы).—**Е. Колтоновской** . . . 344
XIX. ПРОЕКТЪ ВЫПУСКА МЕЛКИХЪ БИЛЕТОВЪ КАЗНАЧЕЙСТВА.—**М. Боголѣпова** 359
XX. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Политика нейтральныхъ государствъ на Балканскомъ полуостровѣ.—Вопросъ о вмѣшательствѣ Италіи въ войну.—Дипломатическіе споры между Германіею и Соединенными Штатами.—Политическія перспективы въ Европѣ 367
XXI. ПРОМЫШЛЕННЫЙ КРЕДИТЪ.—**И. И. Левина** 380
XXII. НА ТЕМЫ ДНЯ.—Бесѣда генералъ-губернатора Галиціи съ представителями печати. — Традиціи прошлаго. — Академія наукъ и реакціонная печать.—В. О. Люстихъ и Г. К. Градовскій †.—**К. Арсеньева** . . . 389

СТРАН.

XXIII. ВОПРОСЫ ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ. — Смѣна въ теченіе шестнадцати лѣтъ девяти министровъ народнаго просвѣщенія. — Циркуляръ и законъ въ школьномъ дѣлѣ.—Циркуляръ Л. А. Кассо о жеребьевкѣ евреевъ.— Совѣщаніе о реформѣ средней школы.—Совмѣстительство званія члена Госуд. Совѣта по выборамъ съ должностью на государственной службѣ.— Изъ кассаціонной практики сената. — А. А. Стаховичъ †. — **В. Кузьмина-Караваева** 403

XXIV. А. Н. СКРЯБИНЪ. — (Скончался 14 апрѣля 1915 г.). — **Виктора Вальтера** 416

XXV. Е. В. ДЕ-РОБЕРТИ.—**Максима Ковалевскаго** 421

XXVI. ПАМЯТИ П. А. ГОЛУБЕВА.—**Ч. Вѣтринскаго** 423

XXVII. ОБЗОРЪ ВОЕННЫХЪ СОБЫТІЙ.—(Девятый мѣсяцъ войны).— **А. Оглина** . 425

XXVIII. ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — День печати. Кличъ. Сборникъ на помощь жертвамъ войны. Подъ редакціей И. А. Бунина, В. В. Вересаева, Н. Д. Телешова. Художественный отдѣлъ подъ наблюденіемъ А. М. Васнецова и В. В. Переплетчикова. — **Н. Кашина**. — Русскіе Пропилеи. Томъ I. Матеріалы по исторіи русской мысли и литературы. Собралъ и приготовилъ къ печати М. Гершензонъ. Москва, изд. М. и С. Сабашниковыхъ.—**Ч. Вѣтринскаго.**—Французскіе лирики XVIII вѣка. Сборникъ переводовъ, составленный І. М. Брюсовой, подъ редакціей и съ предисловіемъ Валерія Брюсова. Москва. Книгоиздательство К. Ф. Некрасова. — **Павла Зорева**. — Stephen Graham. Russia and the Warld (Россія и міръ).—**Р**. 435

XXIX. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ 444

XXX. НОВЫЯ КНИГИ И БРОШЮРЫ 446

XXXI. ОБЪЯВЛЕНІЯ 449

ОТЪ РЕДАКЦІИ. Рукописи, присылаемыя въ редакцію для просмотра, должны быть переписаны на пишущей машинѣ и на одной сторонѣ листа; на отвѣтъ редакціи и на возвратъ рукописи заказной бандеролью должны быть приложены марки.

Пріемъ редакторовъ: А. С. Посникова — по субботамъ отъ $4^1/_2$ до $5^1/_2$ ч., Д. Н. Овсянико-Куликовскаго — по средамъ отъ 2 до 3 ч. (кромѣ праздниковъ).

Съ К. К. Арсеньевымъ—сношенія письменно по адресу: Царское Село. Церковная улица, д. Сутугиной.

Пріемъ секретаря—по средамъ отъ 11 до 1 ч., а также въ часы пріемовъ редакторовъ (кромѣ праздниковъ).

11 МАЙ 1915

№ 1662 Литера

ПЕЧАТЬ КАЛЯЗИНСКОЙ БИБЛІОТЕКИ. ГОРОДСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ

ПОЖАРЪ.

Очеркъ.

Наша улица—Мало-Суетинская—круто опускалась съ горы къ рѣкѣ по двумъ сторонамъ оврага—съѣзда, вымощеннаго, точно на смѣхъ, неровно, крупнымъ булыжникомъ. По откосамъ оврагъ густо заросъ лопухами, полынью, конскимъ щавелемъ; въ гущѣ пыльнаго бурьяна, среди сношенныхъ опорковъ, черепковъ посуды и битаго стекла, грустно прятались синіе цвѣты павилики, розовыя кисточки клевера, золотыя звѣзды лютиковъ и мохнатый одуванчикъ.

Съѣздъ былъ непригоденъ для ѣзды,—даже пустыя телѣги сами собою катились внизъ, подпирая лошадей, а съѣхать съ возомъ и подавно никто не рѣшался.

Такъ, почти круглый годъ, эта щель въ землѣ была безлюдна, и хотя внизу гудѣлъ городъ, но казалось, что съѣздъ ведетъ за рѣку, въ синевато-сѣрую пустоту луговъ. Только лѣтомъ въ праздничные дни, да жаркими ночами, доможители Мало-Суетинской вылѣзали изъ своихъ жилищъ, располагаясь въ бурьянѣ откосовъ для бесѣдъ, пьянства и любви, возбуждаемой не столько игрою здоровой крови, сколько желаніемъ избыть скуку нищей жизни.

Улицей назывались двѣ узкія полоски земли между линіями домовъ и откосами съѣзда. Старенькіе дома, распухшіе отъ обилія жителей, смотрѣли другъ на друга черезъ съѣздъ водянистыми очами окошекъ, тѣсно жались другъ къ другу, не то осторожно спускаясь внизъ, къ простору широкой рѣки, не то съ трудомъ восходя наверхъ, къ тихому городу богатыхъ купцовъ и строгихъ чиновниковъ.

Тѣсно, точно кадки огурцами, дома были набиты мастеровщиной, все—скорняки, жестяники, столяры и портные для лавокъ готоваго платья на балчугѣ. Эти люди съ утра до ночи

создавали непрерывный шумъ—особенно выдѣлялся стукъ деревянныхъ молотковъ по листамъ жести и дробные удары тонкихъ палокъ по шкуркамъ мѣха. Плакали дѣти, ругались женщины, безумно орали пьяные,—жизнь Мало-Суетинской улицы, задыхаясь въ тѣснотѣ и грязи, пѣла всѣмъ знакомую, безстыдную пѣсню.

Всѣ доможители не любили свою улицу: земля подъ окнами домовъ была заплескана помоями, засорена разной дрянью; изъ подворотень выбѣгала мелкая стружка, текли грязные ручьи; въ травѣ у заборовъ блестѣли обрѣзки жести, куски стекла; лѣтомъ они вонзались въ ноги дѣтей.

Только разъ въ годъ, на Троицу, домохозяева—не всѣ, конечно,—сметали соръ улицы измызганными метлами подъ откосы съѣзда.

И на стѣнахъ домовъ грязи наросло не меньше, чѣмъ на землѣ. По субботамъ бабы старательно мыли полы, но отъ этого только кислый запахъ гнили растекался въ воздухѣ, да съ утра до вечера на улицѣ стояли лужи удивительно грязной воды.

Осенними ночами, когда въ большинствѣ оконъ огонь погашенъ, а въ нѣкоторыхъ еще горитъ, улица, подъ вѣтромъ и дождемъ, становилась особенно унылой; дома, разбухнувъ, оплывали, вездѣ хлюпала и ворчала вода; желтыя пятна свѣта ложились изъ оконъ на ручьи, ручьи сердито трепали эти пятна, стараясь погасить даже призракъ огня. И вообще, всегда огонь въ этой улицѣ былъ тоже какъ будто не любимъ—мало его, затерянъ онъ въ тѣсныхъ клѣткахъ домовъ.

Въ улицѣ жило человѣкъ двѣсти, но наиболѣе замѣтными людьми считались трое: лавочникъ Братягинъ, бездѣльный юноша Коля Яшинъ и печникъ Чмыревъ.

Братягинъ—вдовецъ, лѣтъ сорока пяти, крѣпкій мужчина съ большими глазами; сѣро глядя на людей, они, казалось, все понимали, проникая прямо въ душу, но они были странно неподвижны—лицо Братягина сплошь заросло желтоватой шерстью, и глаза какъ будто заплутались въ ней.

— Зна-аю я васъ!—встряхивая головой, говорилъ онъ людямъ, и люди не сомнѣвались къ томъ, что онъ знаетъ ихъ.

Онъ читалъ «Мямлинскій Листокъ» и, когда клочья старыхъ номеровъ, вмѣстѣ съ покупками, попадали жителямъ, они тоже читали газету. Къ лавочнику ходили совѣтоваться о домашнихъ дѣлахъ, жаловаться другъ на друга, онъ охотно писалъ

прошенія мировому и увѣренно говорилъ о Россіи, о Богѣ, о непорядкахъ жизни.

— Живете вы, какъ свиньи!—вѣско внушалъ онъ суетинцамъ; голосъ у него былъ громкій, и они, покорно вздыхая, соглашались съ нимъ.

Онъ жилъ чисто смирно, одиноко; стоялъ среди суеты нашей улицы крѣпко, точно по колѣна въ землю врытъ. Знали, что, когда женщина помоложе и почище просила у него въ долгъ, онъ, внимательно и молча выслушавъ ея просьбы и жалобы, приказывалъ ей, кивая за прилавокъ, на дверь въ свою комнату:

— Пройди туда, что ли...

Черезъ нѣкоторое время онъ выводилъ ее оттуда и, брезгливо поплевывая, отпускалъ ей товара не больше, чѣмъ на гривенникъ. Это—знали, но никто не осуждалъ вдоваго человѣка, а его оцѣнка женской ласки не считалась нищенской въ нашей улицѣ.

Печникъ Чмыревъ и Коля Яшинъ служили улицѣ для забавы и осмѣянія.

Надъ Колей издѣвались потому, что онъ былъ юноша скромный, болѣзненный, одѣвался франтовато и хотя пѣлъ въ церковномъ хорѣ, но не пьянствовалъ, какъ всѣ пѣвчіе, и вообще въ немъ не замѣчали никакихъ пороковъ. Это возбуждало ревнивыя подозрѣнія улицы и даже нѣсколько обижало людей—всѣ живутъ во грѣхѣ предъ Богомъ, всѣ другъ про друга знаютъ что-нибудь худое, а онъ—безпороченъ!

— Пройдетъ съ нимъ!—объясняли наиболѣе добродушные люди.—Онъ матери боится, а—помретъ мать, покажетъ Коля фокусы!

Онъ читалъ книжки и даже—говорили—сочинялъ стихи барышнямъ Карахановымъ; ихъ было семь, всѣ онѣ ходили въ одинаковыхъ платьяхъ и,—должно быть за это—улица звала ихъ «семь дуръ Карахановыхъ».

Когда Коля въ праздники, передъ вечерней тихонько шагалъ мимо оконъ—всѣ знали, что онъ идетъ къ «семи дурамъ»; ихъ барскій, ветхій домъ стоялъ первымъ при входѣ изъ города въ нашу улицу, спрятанъ въ саду, среди липъ, покрытыхъ лишаями. Стройный, маленькій, похожій на подростка, несмотря на свои двадцать лѣтъ, Коля шелъ, сконфуженно наклонивъ голову, пряча блѣдное лицо и покашливая въ отвѣтъ на шутки. Въ рукѣ у него тросточка съ набалдашникомъ въ видѣ лошадиной ноги—наслѣдство послѣ отца, другая рука въ карманѣ

брюкъ, а изъ грудного кармашка тужурки всегда торчитъ кончикъ платка—золотисто-желтый или алый, подъ цвѣтъ галстуку.

Изъ оконъ кричатъ ему:

— Эй, Яшинъ-мамашинъ! Чахотошный, эй!

И почти всегда — мальчишки и взрослые — простѣйшими словами спрашивали объ одномъ и томъ же:

— Которую сегодня цѣловать будешь?

Коля идетъ, какъ глухонѣмой, только иногда кашляетъ погромче, да поводитъ плечами, точно его кнутомъ бьютъ.

Но его, все-таки, не очень обижали, а вотъ о Чмыревѣ даже сами суетинцы говаривали:

— Терпѣливъ печникъ, круглый чортъ! Другой бы, на его мѣстѣ, въ драку съ нами полѣзъ, а то—кирпичъ въ окно...

Чмыревъ былъ человѣкъ коротконогій, толстый; его широкое лицо исчертили красныя и сизыя жилки, гдѣ-то среди нихъ безпокойно и внимательно бѣгали маленькіе, черные глаза.

— Сафьяновая рожа!—говорили ему суетинцы, онъ останавливался и, загибая палецъ на лѣвой рукѣ, считалъ серьезно:

— Разъ.

— Утюгъ!

— Два.

Люди солили слова свои все круче, но печникъ оставался непоколебимъ и все считалъ:

— Шастнадцать. Ну?

— Пошелъ...

Чмыревъ смѣялся сиплымъ смѣхомъ и говорилъ:

— Ну, какъ жа вы? Дажа разозлить человѣка не умѣити! Чего жа вы умѣити?

И уходилъ, куда ему надо, поглаживая корявой рукою толстые волосы бороды—борода у него была точно изъ бѣленыхъ нитокъ, прямая, сѣрая и тяжелая. Смѣшной особенностью печника было наянливое стремленіе внушать людямъ любовь къ чистотѣ, благообразію, порядку. Это замѣтили за нимъ давно: однажды весенніе потоки, выворотивъ булыжникъ съѣзда, вымыли на немъ глубокія ямы,—печникъ тотчасъ же сталъ учить доможенителей:

— Вы ба забили ямы-те мусоромъ, а то сами жа, пьяные, ноги ломать будитё...

Онъ говорилъ объ этомъ нѣсколько разъ, на смѣхъ людямъ и, наконецъ, утромъ воскреснаго дня, самъ началъ поправлять мостовую: наносилъ мѣшкомъ мусора, песку, уложилъ булыжники и утрамбовалъ. Смѣшно и досадно было смотрѣть, какъ онъ во-

зился съ этимъ дѣломъ на пользу городской управы, и много глумились надъ нимъ. Тогда и было замѣчено, что онъ—чудакъ.

— Дѣла надо дѣлать прочно, надолго, — любилъ онъ говорить.—Мы на землѣ не одни живемъ...

Его спрашивали:

— А кто еще, кромѣ насъ?

— Чай—не всѣ сразу помремъ...

— Экой чудакъ!—удивлялись жители.

Особенно прославился онъ послѣ своей распри съ Братягинымъ изъ-за Лидуши Сувойкиной. Это была дѣвушка-подростокъ, миловидная и очень набалованная матерью. Она считалась не въ своемъ умѣ, послѣ того, какъ ея мать, торговка старьемъ на балчугѣ, умерла въ тюрьмѣ, куда ее посадили за сбытъ краденаго.

Однажды Лидуша, остановивъ Чмырева на улицѣ, спросила его:

— Какъ мнѣ быть, Василій Лукичъ?—Она знала, что съ печникомъ тоже иногда, шутки ради, совѣтовались.—Лавочникъ говоритъ, что я сирота, безприданница, да и полудурье, такъ замужъ меня никто не возьметъ, а шла бы я за него...

Чмыревъ спросилъ:

— Тебѣ который годокъ-та?

— Пятнадцать скоро...

Черезъ нѣсколько дней въ лавку Братягина явилась важная барыня съ полицейскимъ и очень запугала почтеннаго лавочника угрозами отдать его подъ судъ.

Эта исторія сильно подняла Чмырева въ глазахъ улицы, но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ стало извѣстно, что Лидуша поступила на содержаніе къ мировому судьѣ,—печникъ былъ снова жестоко осмѣянъ, а Братягинъ увѣренно говорилъ:

— Зна-аю я эдакихъ-то!

И даже обѣщалъ доказать, что Чмыревъ самъ сосваталъ дѣвицу мировому, взявъ съ него за это пять съ полтиной.

Въ сватовство улица не повѣрила, но печникъ навсегда упалъ въ ея мнѣніи.

А кромѣ всего этого, разъ въ годъ—обыкновенно весною—Чмырева настигалъ дикій запой и мучилъ его недѣли по двѣ, какъ черная немощь, валяя круглое тѣло по землѣ, въ грязи, по камнямъ мостовой.

— Свинья,—говорилъ Братягинъ, стоя на стражѣ у двери лавки своей и спрятавъ руки подъ передникъ, всегда чистый.

Суетинскіе мальчишки ѣздили на пьяномъ печникѣ верхомъ, а онъ, ползая на четвереньках, дико оралъ:

— Бож-жа мой... Ббо-жа!

Весною, когда земля оттаетъ, люди тоже какъ будто становятся мягче.

По вечерамъ и въ праздники суетинцы поднимались къ забору Карахановыхъ и на пустырь противъ него, садились на кучи мусора, торчавшія по пустырю сѣрыми могилами, и смотрѣли внизъ, на рѣку.

Сбросивъ сѣро-синій ледъ, рѣка разлилась далеко по лугамъ и покрыла ихъ мутнымъ стекломъ до чуть видной на краю земли бѣлой церкви села Толоконцева. Кое-гдѣ стекло какъ бы разбито, и сквозь него проросли кусты, вершины деревьевъ, высунулись крыши какихъ-то хижинъ. Въ одномъ мѣстѣ надъ гладью половодья стоятъ три кудрявыя дерева—одно къ одному, какъ три брата,—утонувъ вплоть по нижніе сучья.

Надъ рѣкою, въ зеленоватомъ вешнемъ небѣ, между послѣднихъ облаковъ зимы сверкаетъ юное солнце, золотые лучи ласково грѣютъ воду, мѣстами она—какъ расплавленное олово.

Бѣлымъ дымомъ стремительно бѣгутъ въ небѣ клочья облаковъ, сѣрыя тѣни легкой кисеей гладятъ рѣку противъ теченія; вѣтеръ—на сѣверъ, а рѣка—на востокъ. Въ широкихъ даляхъ водной пустыни снуютъ рыбацкія лодки, какъ мухи на стеклѣ, буксирный пароходъ тяжело тащитъ изъ затона пустыя тупоносыя баржи, лебедемъ спускается по рѣкѣ бѣлый пассажирскій, взбивая пѣну красными лапами. Сверху рѣки, звено за звеномъ, плывутъ плоты, темные куски эти точно острова на водѣ; думается, что земля таетъ, какъ ледъ, отрывается сама отъ себя и спѣшитъ уплыть скорѣе къ теплому морю, ближе къ ласковому солнцу.

И какъ будто все на землѣ передвигается—дома, деревья медленно подставляютъ озябшіе бока вешнему солнцу, также осторожно и скрыто-радостно, какъ дѣлаютъ это наши суетинцы.

Въ саду Карахановыхъ набухаютъ почки, рыжеватыя вѣтви становятся желто-зелеными, вороны шумно поправляютъ гнѣзда, растрепанныя зимними вьюгами. По откосамъ съѣзда среди острой щетины робкихъ травъ свѣтятся золотые цвѣты бѣдняковъ—одуванчики, любимые дѣтьми. И даже между сѣрыхъ камней мостовой выползаютъ на солнце какіе-то блѣдные стебли. На пустырѣ, на сѣрыхъ холмахъ, среди кусковъ ржавой жести, высунулись ростки полыни, и въ густомъ запахѣ гнили уже слы-

шенъ ея горькій острый запахъ. Скромный подорожникъ стелется подъ ногами, раскрашивая грязныя тропы своей яркой зеленью, и всюду побѣдно вздымается къ солнцу новое, юное, ласковое.

Обновилась земля и стала словно дѣвушка, на крѣпкомъ тѣлѣ ея явились тонкіе шелковые волосы, радостно и стыдливо волнуя еще не проснувшееся сердце матери. Всюду оживленно прыгаютъ воробьи—самая безстрашная птица, яростно играютъ дѣти, выпущенныя изъ долгаго плѣна зимы; безумно радъ солнцу тонконогій народъ, и съ каждымъ днемъ все больше краснѣетъ кровь его, посинѣвшая за зиму, въ ядовитой духотѣ тѣсныхъ, грязныхъ комнатъ.

Кричитъ наша улица; вылѣзли тяжелыя женщины, зимняя любовь «отъ нечего дѣлать» наградила ихъ новыми беременностями; стоятъ онѣ у воротъ и, открывъ вялыя, синія губы, жадно дышатъ новымъ воздухомъ, разсказывая другъ другу о своихъ болѣзняхъ, о болѣзняхъ дѣтей, о томъ, какъ дороги дрова и хлѣбъ, какъ изнурительна работа, грубы мужья; хвастаются хорошими сновидѣніями. Но много есть такихъ, что и сновъ не видятъ никогда.

Мужчины пьютъ водку на пустырѣ, играютъ въ карты—въ три листика, ругаютъ свою работу, хозяевъ, а тѣ, кто посолиднѣе, собрались у лавки Братягина.

Гдѣ Братягинъ, тамъ и Чмыревъ; враги, они всегда другъ противъ друга и, если Чмыревъ бесѣдуетъ у забора Карахановыхъ, Братягинъ—самъ пойдетъ туда дразнить его. А гдѣ Чмыревъ, тамъ неизмѣнно Коля Яшинъ прячется за чью-нибудь спину и слушаетъ акающую рѣчь печника.

— Теперь возьмемъ—строеніе,—говоритъ Чмыревъ, ковыряя воздухъ тяжелой рукой съ тупыми пальцами.—Что это будетъ—строеніе? А понимай—все! Божій ли храмъ, домъ ли,—жилища наша...

Кто-то изъ доможителей насмѣшливо вставляетъ:

— Храмъ—одно, а домъ—другое...

Чмыревъ сипло кричитъ:

— Постой, погоди,—какъ другое? Въ храмѣ—дѣти Божіи и въ домѣ они же!

— Какія мы дѣти Божіи...

— Погоди,—это зависимо отъ того, какъ на себя взглянуть...

Тутъ Братягинъ вставляетъ вѣское слово человѣка, знающаго людей.

— Во храмѣ—ни псы, ни свиньи не живутъ.

— Во-онъ что?—кричитъ печникъ.—Ты думаешь — коли обругалъ самъ себя, то и правъ предъ Богомъ, предъ людьми?

— Да я—не себя...

Но Чмыревъ идетъ на грудь ему, какъ мордвинъ на медвѣдя.

— Стой! Ежели всѣ псы, да свиньи, тогда—и ты!

Лавочникъ, видя, что всталъ на споръ неловко для себя, отходитъ прочь, говоря:

— Эхъ, обормотъ!

— То-то жа!—побѣдоносно кричитъ Чмыревъ и снова начинаетъ:

— Ну, вотъ, значитъ—строеніе! Что такое?

— Вези дальше...

— Ну—трактиръ, скажемъ, ну?—торопится публика.

— Отчего жа именно—трактиръ?—смущенно спрашиваетъ печникъ.

Публика хохочетъ.

— Эхъ, ты, судакъ-малосолъ!—кричитъ кто-то.

Коля Яшинъ пробуетъ поддержать печника и, покашливая, напоминаетъ:

— Вѣдь Лукичъ—всегда объ одномъ, вы знаете его мысли...

— То-то вотъ и есть, что всегда юрунду сѣетъ,—кричитъ со стороны Братягинъ.

Онъ разсуждаетъ проще, понятнѣе Чмырева, особенно крѣпко звучитъ его глуховатый голосъ у дверей лавки.

— Живете вы, какъ свиньи безтолковыя, въ грязи, въ безобразіяхъ, чешетесь обо что попало. И ежели подохнете всѣ сразу—никакого убытку Россія не потерпитъ.

Съ нимъ соглашаются.

— Вѣрно, не потерпитъ...

— Кто вы такіе для Бога?

— Н-да... Не жалко насъ Господу...

— А за что васъ жалѣть?

— Конешно... Куда ужъ...

— То-то—вотъ! Знаю я васъ...

Онъ такой плотный, Братягинъ; люди чувствуютъ, что его презрѣніе къ нимъ—необоримо; всѣ они не любятъ лавочника, но уважаютъ и боятся его ума.

— Вотъ,—внушаетъ онъ, потряхивая газетой,—завели, на великъ грѣхъ, Думу, собрали туда разныхъ этихъ... десять цѣлковыхъ въ сутки на рыло, а ихъ — около пяти сотъ! Стало быть—въ мѣсяцъ—вынь да положь на нихъ полтораста тысячъ,

а ежели въ годъ — такъ это ужъ восходитъ до двухъ милліоновъ. Да—квартира, да то, да сё... Вотъ они куда идутъ, ваши деньги, а вы...

Думу онъ очень не любитъ и говоритъ про нее охотнѣе всего, всего злѣе.

— Раньше, бывало, эдакихъ-то въ Сибирь, да въ каторгу засылали, а нынѣ — получи десять цѣлковыхъ въ день и ори всѣ, не сходя съ мѣста! Раньше умнѣй было, да и подешевле. А теперь—хотимъ жить, какъ за-границей, въ стѣсненіи и со стыдомъ. Русскій долженъ по-русски жить, своимъ умомъ, а не чужимъ примѣромъ. Заграница-то вся до насъ за хлѣбомъ идетъ.

Коля Яшинъ и Чмыревъ иногда пытаются возражать лавочнику:

— Дума,—тихо говоритъ Коля,—это сдѣлано для общаго согласія интересовъ...

Но лавочникъ суетъ ему въ носъ газету.

— На-ко, вотъ, найди мнѣ—гдѣ оно, согласіе-то!

А Чмыревъ сипло кричитъ:

— Ежели люди домыслятъ, что есть строеніе... ежели и кирпичъ правильно положенъ—крѣпко лежитъ...

— Ты «Листокъ» читать умѣешь? — строго спрашиваетъ Братягинъ.

Чмыревъ неграмотенъ и молчитъ, дергая себя за бороду.

Суетинцы смѣются.

Иногда наверху, въ началѣ улицы, точно семь гусынь, являются семь дуръ Карахановыхъ; впереди старшая, Серафима, коротенькая и толстая, какъ Чмыревъ, лицо у нея обрюзгло, губы смѣшно надуты; за нею — двоешки: Нонна и Римма, сухонькія, юркія, съ накрашенными щеками; потомъ — косоглазая Софья, черная, какъ цыганка, и точно изъ дощечекъ, угловато сложена изъ плоскихъ костей. За нею, пританцовывая и жеманясь, идутъ младшія — Вѣра, Надежда и Любовь, — особенно уродлива толстогубая, курносая Любовь, съ калмыцкими глазами. Извѣстно, что всѣ онѣ живутъ въ постоянныхъ ссорахъ и одѣваются одинаково изъ ревнивой зависти другъ къ другу.

Разнаго роста, онѣ останавливаются у входа въ улицу, какъ солдатики нестроевой роты, смотрятъ на половодье разными глазами и о чемъ-то шепчутся, поворачивая другъ ко другу несчастливыя лица.

Можетъ быть, суетинцы за то и не любятъ ихъ, что всѣ онѣ такъ некрасивы и напоминаютъ о несчастьяхъ, о тяжелой, запутанной жизни.

На Мало-Суетинской знаютъ ихъ исторію: генералъ Измаилъ Карахановъ женился на вдовѣ Люташкиной съ дочерью, но оказалось, что вдова еще до свадьбы была беременна и черезъ шесть мѣсяцевъ, родивъ двойни—умерла. Тогда генералъ запилъ отъ обиды и женился во второй разъ на дѣвушкѣ, дочери тюремнаго смотрителя Пѣвцова, а Серафима, дочь первой жены, встала въ домѣ за экономку и воспитательницу своихъ сестеръ. Вторая жена генерала, родивъ въ пять лѣтъ четырехъ дѣвочекъ, тоже начала пить и, спившись, умерла, въ одинъ годъ съ мужемъ. Такъ и остались на свѣтѣ семь дуръ, одиноки и осмѣяны.

Мальчишки, видя смѣшную линію этихъ дѣвицъ, начинали весело пѣть пѣсню, сложенную нашей мастеровщиной:

— Семь вѣниковъ идутъ,
Сами улицу метутъ,
Они шаркаютъ, пылятъ,
Уважать себя велятъ.
Они гузками трясутъ...

— Allons, m-elles! — говоритъ Серафима сестрамъ, и всѣ онѣ уходятъ къ себѣ въ садъ, медленно и важно, какъ гусыни. За ними виновато шагаетъ Коля Яшинъ, глядя въ землю, а вслѣдъ Колѣ—свистъ и крѣпкія слова улицы.

— Сорьé!—кратко говоритъ лавочникъ, глядя на дѣвицъ.

Жители торчатъ у лавки Братягина вплоть до поздняго вечера, слушая твердыя слова умнаго человѣка. Изрѣдка они осторожно спрашиваютъ его о чемъ-нибудь, но больше молчатъ, поглядывая внизъ на рѣку.

Тамъ быстро, по-весеннему, творятся разныя чудеса, навѣвая на душу задумчивость и лѣнь. Солнце давно окунулось въ красное море половодья, вода въ лучахъ — точно багровый бархатъ, на немъ чернымъ узоромъ—вѣтви затопленнаго кустарника. Вѣетъ сыростью, дымомъ пароходовъ, шумъ города внизу и вверху становится мягче, приглушенный влажнымъ воздухомъ.

Изъ далекихъ лѣсовъ за лугами осторожно поднимается ночь, скользитъ по водѣ и стираетъ яркія краски вечерней зари. Вспыхиваютъ звѣзды, ихъ острыя отраженія, вонзаясь въ рѣку, кажутся потерянными лучами ушедшаго солнца. Потомъ, выкатываясь изъ-за черныхъ домовъ города, въ синее небо восходитъ молодая луна, рѣка блеститъ мѣдью, — если подплыть въ лодкѣ къ этой мѣдной полосѣ и ударить по краю ея весломъ, въ ночи разольется гулкій, длительный звонъ. Ночная тьма пріятно ласкаетъ усталые за день глаза, тишина баюкаетъ душу, какъ родная мать.

Изъ темной дали, оттуда, гдѣ потонуло солнце, съ верха рѣки тихонько спускаются красные огни; едва замѣтные сначала, они подплываютъ все ближе, становятся ярче, больше, и вотъ видно, что это горятъ костры на плотахъ, радостно мечется густо-красное пламя—въ черныхъ космахъ дыма смѣется чье-то здоровое, доброе, мохнатое лицо.

Слышенъ тревожный бой деревяннаго била по чугунной доскѣ, слышенъ радостный звѣриный ревъ и вой плотогоновъ—они обязаны давать сигналы по ночамъ и пользуются этимъ, ревутъ во всю власть души.

Суетинцы смотрятъ на эти огни, слушаютъ буйный крикъ плотогоновъ и негромко говорятъ другъ другу:

— Эко орутъ...

— Дикой народъ...

— Лѣсовики, конешно.

Но плоты исчезаютъ вмѣстѣ съ огнями, неутомимое теченіе темной рѣки быстро смываетъ все. Снова на ней тихо, пусто, и въ тишинѣ этой сладостно тонетъ душа.

Иногда ночь бываетъ такъ мила, чудесна, что ужъ не хочется, чтобъ миновала она и не надо солнца, а сидѣлъ бы на горѣ, любуясь рѣкою, до часа, когда незамѣтно успешь на вѣки вѣковъ.

Весенними ночами Яшинъ и Чмыревъ нерѣдко оставались на улицѣ до разсвѣта.

— Мнѣ—тихій воздухъ нуженъ, — объясняетъ Коля свою безсонницу, а печникъ любилъ бесѣды въ ночной тишинѣ и въ тьмѣ, тьма и тишина дѣлаютъ улицу, землю и всю жизнь болѣе благообразной.

Тамъ, гдѣ заборъ Карахановыхъ загибался тупымъ угломъ къ неровной линіи домовъ, у забора лежалъ толстый обрубокъ липы, сажени полторы длиною, онъ лежалъ на трехъ сучьяхъ, ушедшихъ въ землю до основанія, и былъ похожъ на безголовую лошадь о трехъ ногахъ.

На немъ и сидѣли друзья — наиболѣе безсонные и безпокойные люди Мало-Суетинской.

— Что, Коляга, какъ дѣла? — спрашивалъ Чмыревъ, поглядывая на рѣку, а рѣка—точно бездонная пропасть, налитая густымъ воздухомъ.

— Да, такъ, ничего,—отвѣчаетъ Коля, зажигая папиросу. Онъ тоже смотритъ въ даль голубоватыми глазами, его скромное, невеселое лицо задумчиво, какъ всегда.

— Ну, а съ дѣвицами—какъ?

— Все такъ же...

— Играешь?

— Со старшими. Въ винтъ.

Чмыревъ добродушно смѣется.

— Винтъ! Это — картежъ, я понимаю... Я спросилъ въ простомъ смыслѣ—какъ, молъ, трогаешь?

Коля молчитъ, глядя на красный угасающій огонекъ папиросы, потомъ съ досадой, жалобно разсказываетъ:

— Онѣ сами все заигрываютъ со мной, особливо—Софья, она и колѣнками подъ столомъ, и ногами... А мнѣ она не нравится. Мнѣ Надежда нравится, она — самая кроткая и всему вѣритъ. Только—капризная она чрезвычайно: обожаю, говоритъ, финики. А принесешь ей—фыркаетъ; я, говоритъ, терпѣть не могу финиковъ, а только винныя ягоды... Удивительная... Остальныя—Богъ съ ними!

— Вотъ, Надежду и приспособь,—доброжелательно совѣтуетъ печникъ.—Все едино—замужъ имъ никоторой не выскочить, перестарки онѣ и немилыя...

Ему нравится учить юношу обращенію съ дѣвицами, онъ говоритъ охотно, съ большими подробностями, какъ человѣкъ, который знаетъ и любитъ дѣло.

Семь звѣздъ Большой Медвѣдицы высоко въ небѣ, сверкаютъ такъ ярко, точно рады видѣть весеннюю землю и широкій водный потокъ среди нея.

Медлительно покуривая, Коля говоритъ:

— Какой я женихъ? У меня—чахотка...

— Развѣ я про то?—удивленно восклицаетъ Чмыревъ.—Али ты не слушалъ? Я тебя въ женихи не прочу, а такъ совѣтую—поиграй, веселѣй будетъ! Имъ—все едино...

Внизу, въ городѣ еще не заснули—торопливо катятся пролетки по камнямъ, хлопаютъ двери. Слышится глухое, сердитое рычаніе, тяжелая возня, посвистываютъ пароходы на рѣкѣ, кто-то шлепаетъ по водѣ широкими ладонями.

— Жалко мнѣ ихъ, Василій Лукичъ!—говоритъ Коля съ тихой досадой.—Кабы можно, то-есть, если бы я былъ здоровый человѣкъ и распутный, то я бы со всѣми ими связался—честное слово!

Печникъ добродушно смѣется.

— Со всѣми? Ахъ, ты...

— Ей же Богу! Съ одной, съ другой... Вотъ—пожалуйте!—семь любовницъ въ одномъ домѣ!

иногда кажется, что печникъ говоритъ—«юрунду». Но, понимая, что за темными словами живетъ какое-то доброе чувство къ людямъ, къ нему, Коля изрѣдка сочувственно, какъ можно ласковѣе вздыхаетъ.

— Да. Конечно...

— Ежели что строится, такъ оно—не зря! Это—надо понять, а безъ понятія—все будетъ въ родѣ твоихъ безплодныхъ дѣвицъ, всѣ люди—безплодные и больше ничего. Понялъ?

— Да, да...

— Слѣдственно—надо довѣрять людямъ. Я не про нашихъ, наши люди—пустяки, пустой народъ, безъ ядра! А кто строитъ, тотъ—дорого стоитъ...

Въ безформенной русской душѣ медленно кружатся, путаются косноязычныя мысли—это мысли старыя, христіанскія, заношенныя міромъ, загрязненныя, но для печника онѣ—новы, онъ считаетъ ихъ рожденными его сердцемъ, онѣ убиваютъ сонъ, безпокоя своей тяжелой возней.

Иногда Чмыревъ вздыхаетъ глубоко и тоскливо:

— Эхъ, кабы грамотенъ былъ я, да кабы наученъ! Доказалъ бы я всѣ начала, ей Бо-о...

Коротка ночь, — еще недавно погасла заря вечера и недавно лунный свѣтъ лежалъ на рѣкѣ, размахнувшейся по лугамъ, а вотъ уже на востокѣ—свѣтлѣетъ и семь звѣздъ Медвѣдицы потеряли свою яркость. Луна гдѣ-то сзади, надъ городомъ, рѣка подъ тѣнью его черна и бархатна, а вдали—посвѣтлѣла и видно, какъ на рябой водѣ скользятъ лодки.

Тянетъ утренней свѣжестью, запахъ ея побѣдно заглушаетъ ѣдкіе запахи улицы, и только теперь понятно, какъ они тяжелы. Въ монастырѣ звонятъ къ заутренѣ, Коля смотритъ въ небо и говоритъ, смущенно улыбаясь:

— Вотъ, когда звонъ въ лунную ночь, такъ мнѣ кажется, что это по лунѣ бьютъ...

— Жизнь наша недовольная,—ворчитъ печникъ,—улица эта, пропади она... Братягинъ, побей его Богъ... Грабитель! Ну—грабь, чортъ съ тобой, да—не дави ты мнѣ душу! А онъ—на душу наступаетъ... Называются люди, туда же... Удивительное дѣло, до чего противно все это душѣ, право...

Точно напѣвая забытую пѣсню, Коля вполголоса, съ напряженіемъ лепечетъ, покачивая головой въ аккуратной фуражкѣ:

...—Что часъ—то жизнь моя короче
И съ каждымъ днемъ труднѣй она!
Уже прошелъ я путь мой краткій

Центральный фонд Московской обл. библиотеки

И ничего, въ концѣ, не жду.
Такъ неразгаданной загадкой
Въ сырую землю я сойду.
Я жилъ, какъ тѣнь, средь сѣрыхъ тѣней,
Во всемъ покорствуя судьбѣ,
Умру—ни слезъ, ни сожалѣній...

— Грустно говоришь,—перебиваетъ печникъ. Коля сконфуженно и кротко извиняется:

— Да вѣдь это такъ только, для забавы...

Зябко передернувъ плечами, онъ приподнимаетъ воротникъ тужурки и, глядя въ даль, молчитъ; губы его шевелятся, точно юноша считаетъ угасающія звѣзды, а Чмыревъ бормочетъ.

— Ты—черной мысли не предавайся! Всѣ помремъ, тутъ хвастать нечѣмъ. Помереть и комаръ — мастеръ, а ты вотъ ухитрись, поживи хорошо. Я-те докладаю—строеніе...

Зацвѣла заря, высоко въ зеленоватомъ небѣ озолотились края перистыхъ облаковъ, свѣтлыя пятна ложатся одно за другимъ на половодье. Четкіе удары монастырскаго колокола такъ странно ясны, что, кажется, можно видѣть въ воздухѣ колебанія ихъ—сначала мѣдная пыль звука летитъ облакомъ, густо и быстро, потомъ дымокъ ея становится прозрачнѣй и пропадаетъ, истончаясь до неслышнаго, невидимаго.

Пожаръ на Мало-Суетинской возникъ за полночь послѣ Успенья, приходскаго праздника нашей улицы. Загорѣлось у столяровъ, въ подвалѣ двухэтажнаго дома скорняка Сычева; огонь выметнулся изъ окна на улицу вдругъ, точно вспыхнулъ изъ нѣдръ земныхъ и сразу поднялъ ветхій домъ съ земли широкими красными ладонями.

Домъ, пережившій множество зимнихъ вьюгъ, ощипанный морозами, оплаканный дождями, старчески закряхтѣлъ, грѣясь въ пламени; затрещала, отскакивая, его обшивка, тёсъ, не однажды прокрашенный масляной краской; домъ точно раздѣвался въ огнѣ, сбрасывая грязно-рыжія доски, въ огненныхъ языкахъ и синихъ струйкахъ дыма.

Лопались стекла, издавая рѣзкій звукъ, изъ темно-багровыхъ оконъ высовывался подушками тяжелый сѣрый дымъ, а за нимъ—огонь, тотчасъ загибавшій вверхъ красныя цѣпкія лапы съ острыми когтями.

Кто-то вышибалъ рамы верхняго этажа, въ одномъ окнѣ появился гробообразный черный сундукъ и упалъ сквозь огонь

на улицу, въ костеръ теса, наличниковъ, ставень, горѣвшій у стѣны дома. За сундукомъ въ окно высунулась волосатая фигура въ бѣлой рубахѣ и тонкимъ голосомъ крикнула:

—Гори-имъ!..

По двору забѣгали темные люди и вмѣстѣ со звономъ стеколъ, трескомъ дерева слились истерическіе, тоже стеклянные вопли женщинъ, визги дѣтей.

Большинство мужчинъ улицы было пьяно, но этотъ первый внятный крикъ какъ будто отрезвилъ пьяныхъ, разбудилъ сонныхъ, къ дому Сычева стали сбѣгаться, завертѣлись передъ огнемъ багрово освѣщенные человѣчки. Маленькій мужичекъ схватилъ горящую доску, сбросилъ ее подъ откосъ въ бурьянъ, уже высушенный солнцемъ, и тотчасъ по бурьяну полетѣли желтые мотыльки, сѣрые стебли полыни унизались жемчугомъ, алые цвѣты вспыхнули на метелкахъ щавеля.

Быстро сбѣгалась публика изъ города, черной тучей мухъ она облѣпила узкую полосу земли по ту сторону съѣзда и кричала оттуда.

И на той, и на другой сторонѣ было весело; шутили праздные люди изъ города, шутили и наши суетинцы, пьяненькіе и беззаботные, видя, какъ на дворѣ Сычева хозяева и постояльцы суются въ огонь и отскакиваютъ прочь, закрывая глаза руками.

На женщинѣ затлѣла юбка, она приподняла ее и стала мять руками, показывая голыя, дрожащія ноги, это—показалось смѣшнымъ.

Смѣялись и надъ маленькимъ рыжимъ Сычевымъ,—пьяный, въ однихъ подштанникахъ и рубахѣ, онъ прыгалъ передъ домомъ, плевалъ въ огонь и, рыдая, лаялъ:

—Гори-и, пропадай, дуй... Кто наживалъ? Я наживалъ! Гори, чортъ дери...

Домъ стоялъ, точно котелъ въ кострѣ, сыпались золотые угли, взрывало крышу; въ густотѣ багроваго дыма, въ красной пыли искръ, высоко взлетали головни, падая на мостовую съѣзда, въ бурьянъ. Какъ будто всѣ маленькіе огни, погашенные людьми этой улицы, тихонько, подземно собрались, соединились въ одно непобѣдимое пламя и вотъ запѣли жаркую пѣснь свободы и мести, разрушая грязныя, душныя клѣтки людей.

Сычевъ быкомъ лѣзъ въ огонь, точно бодая его, волосы на головѣ опалило ему, они спеклись, покрылись сѣро-желтой

коркой: онъ подскакивалъ, наступая на угли босыми ногами, и оралъ, грозя кулакомъ:

—Гори-и!

Кто-то большой взялъ его подъ мышки и унесъ, какъ чортъ грѣшника.

Выбѣжала простоволосая старуха и, махая на огонь иконой въ бѣлой ризѣ, басомъ запѣла:

—Ма-атушка-а, пособница-а, угомони-ка Ты силу дьявольску-у...

Ея сѣдые короткіе волосы шевелились, тянулись къ огню и краснѣли, точно загораясь, а серебро иконы отражало острые лучи.

Вдругъ вспыхнуло еще дома черезъ три, на задворкахъ, люди шарахнулись туда и завыли отчаянно, понявъ, что пожаръ будетъ не малый. Сквозь горящій бурьянъ, подъ откосъ посыпались ребятишки, но это уже не возбудило смѣха и шутокъ публики.

А черезъ нѣсколько минутъ загорѣлось и за спиною зрителей, на другой сторонѣ съѣзда, на дворѣ Братягина, раздался хозяйскій отчаянный ревъ лавочника:

—Родимые—сарай... керосинъ, масло...

Черная толстая линія людей разорвалась противъ лавки, схлынула вверхъ и внизъ улицы—стало видно окна Братягина, дверь лавки. Стекла, отражая пламя, точно приманивали его, а со двора густо и увѣренно поднимался къ мутнымъ звѣздамъ сѣрый, жирный дымъ.

Прошло съ полчаса, пока появилась первая пожарная команда, но насосы и бочки воды не могли подъѣхать близко къ домамъ, воду подавали съ мостовой вверхъ по откосу, охотниковъ качать было недостаточно.

Съ обѣихъ сторонъ улицы жители сбрасывали подъ откосы мебель, узлы, какіе-то ящики, все это катилось подъ ноги пожарныхъ лошадей, пугая ихъ. Брантмейстеръ, закинувъ голову, приставилъ ко рту мѣдный рупоръ и кричалъ направо и налѣво:

—Не смѣй бросать ничего, дьяволы!

Съѣздъ былъ забитъ темной массой людей, головы у всѣхъ красныя, лица колебались; подъ ногами катались кадки, стулья, подушки, въ кучѣ все прибывавшихъ вещей яростно топтались мѣдноголовые пожарные, трещала мебель, хрустѣла посуда, тревожно звонили колокольчики, лошади, всхрапывая, трясли

гривами и, оскаливъ зубы, косились на людей глазами, отражавшими огонь.

Три костра поднимались къ небу съ веселымъ трескомъ и воемъ, дома таяли и плавились въ красныхъ взрывахъ пламени, по крышамъ бѣгали золотые гребни, золотыя птицы летали въ тучахъ дыма и, отчаянно каркая, надъ садомъ семи дуръ Карахановыхъ шарахались большія, обезпокоенныя вороны, сбивая крыльями съ деревьевъ изсохшій листъ.

Красная метель гуляла по улицѣ, огонь празднично разыгрался и творилъ непонятное, чудесное. Вотъ взвѣяло въ синеватомъ воздухѣ широкое полотнище кумача, наклонилось къ дереву, и дерево сразу зацвѣло алыми цвѣтами, а черезъ минуту оно уже—черное и тонкіе сучья его курятся сизыми струйками дыма, точно восковыя свѣчи, только-что погашенныя чьимъ-то дуновеніемъ. Дымится голубымъ дымомъ ярко освѣщенная крыша, и вдругъ откуда-то съ неба невидимо спускаются на нее веселой стаей трепетныхъ птицъ лоскутья пламени, бѣгутъ по тесу до конька крыши и украшаютъ его острыми зубьями. Пламя вздымается снизу, занавѣшивая стѣны домовъ, изгибаясь змѣей, заглядываетъ съ крыши въ окна, точно вызывая кого-то изъ дома; черный дымъ густо течетъ сквозь переплеты рамъ, онѣ вспыхнули и сверкаютъ въ окнахъ жемчужными крестами.

Стѣна досчатаго сарая вся разубрана золотымъ позументомъ, изъ щелей выползаютъ гибкія змѣйки огня, свиваются въ пурпуровые клубки и катятся по стѣнѣ вверхъ, внизъ, падаютъ на черную землю и лижутъ ее.

Горячій воздухъ жегъ лица людей, пытавшихся что-то вытащить изъ огня, они бѣгали передъ нимъ по узкой полосѣ земли, осыпанной углями, подъ дождемъ искръ, корчились, присѣдали къ землѣ, вскрикивая, и катились подъ откосъ, куда вмѣстѣ съ ними опускался тошный запахъ горѣлой кожи, шерсти и тряпокъ.

Стеклянная дверь лавки Братягина висѣла на одной петлѣ, изъ ея черной внутренности медленно истекали сизыя струи дыма, лавочникъ метался съ улицы въ лавку и обратно, вытаскивая ящики, жестянки, мѣшки и сваливалъ все это въ кучу, на край откоса, подъ искры и угли.

— Таскай, — кричалъ онъ десятку людей, помогавшихъ ему,—родимые, сосѣдушки,—таскай!

И ненужно взмахивалъ правой рукою, растрепанный, страшный и жалкій.

Было свѣтло, какъ днемъ, нестерпимо жарко, душилъ дымъ, выщипывая глаза людямъ; бушевалъ, все усиливаясь, шумъ и гулъ; въ одномъ мѣстѣ куча людей, закинувъ на горѣвшую стѣну длинный багоръ, дергала его за веревку и кричала:

— Ой-разъ! Ой-разъ!

Коля Яшинъ, сидя на столбѣ забора Карахановыхъ, смотрѣлъ на все, прищуривъ глаза, быстро смахивалъ слезы, выжатыя дымомъ, кашлялъ и непрерывно говорилъ, въ радостномъ удивленіи:

— Смотрите, пожалуйста, смотрите!

Домъ, гдѣ онъ жилъ, уже сгорѣлъ, его мать лежала на кухнѣ дѣвицъ Карахановыхъ. Садъ дѣвицъ заваленъ имуществомъ погорѣльцевъ, забитъ женщинами, дѣтьми; вездѣ на жухлой травѣ одежда, перины, подушки, на нихъ—возятся плачущія дѣти. Шесть дуръ носились по саду, возбужденныя, растрепанныя, утѣшая женщинъ и дѣтей, дружески перекликаясь сестра съ сестрою, и у всѣхъ, у каждой, явилась серьезная, материнская забота о людяхъ, умѣніе помочь имъ въ бѣдѣ.

Только одна Надежда сидѣла на заборѣ рядомъ съ Колей и все спрашивала его о чемъ-то, тихонько и пугливо. Но онъ не слушалъ ея словъ, указывалъ рукою на улицу, стараясь раскрыть глаза какъ можно шире.

— Несчастье вѣдь, а—со стороны глядѣть, точно праздникъ и всѣ играютъ, удивительно, право! Смотрите — у лавки сидитъ человѣкъ на корточкахъ и ѣстъ изюмъ—вонъ, какъ! А мальчишки—точно ласточки! Какъ Братягинъ суется въ огонь... Наша мастеровщина ничего не дѣлаетъ—видите, сколько собралось? Работаютъ люди все изъ города, а наши—какъ чужіе сами себѣ... Ахъ, Господи...

Раздался странный звукъ—мягко лопнуло что-то; надъ лавкой Братягина широко взметнулось пламя и покрыло всю ее багрово-желтой шапкой; отъ лавки отскочило нѣсколько темныхъ фигуръ, потомъ еще одна вырвалась изъ двери, изъ-подъ огня, и стремглавъ сбѣжала подъ откосъ, а вслѣдъ затѣмъ нѣсколько голосовъ крикнуло въ перебой:

— Люди—въ лавкѣ—воды, эй!

Коля тоже тихо крикнулъ:

— Я говорилъ...

Онъ спрыгнулъ съ забора и поспѣшно бросился къ лавкѣ. Изъ-подъ откоса, подъ ноги ему, вылѣзъ на четвереренькахъ Чмыревъ, оборванный, мокрый съ ногъ до головы, страшно блестя глазами, онъ крикнулъ въ лицо Колѣ:

— Бѣгёмъ!

Яшинъ схватилъ его за надорванный рукавъ рубахи, оторвалъ рукавъ совсѣмъ и вытеръ на-бѣгу влажной тряпицей вдругъ и обильно вспотѣвшее лицо.

— Ползи!—снова крикнулъ печникъ, ложась на животъ передъ огненной рамой двери.—Кричи—воды!

И, скрываясь въ двери, какъ огромная жаба, завылъ сипло:

— Воды-ы!...

Коля тоже сунулся въ мягкій потокъ дыма; въ спину и затылокъ ему больно ударила струя воды, столкнула съ ногъ, онъ опрокинулся на четвереньки и полѣзъ въ жаркій дымъ, кашляя, вскрикивая:

— Гдѣ? Василій Лукичъ...

— Тащи!—хрипѣлъ невидимый печникъ.

Шипѣла вода, дымъ затыкалъ ротъ, точно мокрая тряпка, прижималъ къ полу, наваливаясь на тѣло горячей периной, билъ по головѣ частыми, мягкими ударами, обезсиливая съ каждой секундой.

Сквозь вѣки Коля видѣлъ багровое, и ему казалось, что онъ тонетъ въ густой, горячей крови, захлебывается ею и вотъ сейчасъ нырнетъ въ жаркую глубину ея навсегда.

— Эхъ,—взвизгнулъ онъ отъ страха, извиваясь на полу, слѣпой, обезсиленный, и тотчасъ наткнулся на большой, тяжелый сапогъ. Приподнялъ его, нащупалъ чью-то другую ногу, впрягся въ нихъ, привсталъ и пошелъ встрѣчу воды, крѣпко закрывъ глаза, стараясь согнуться какъ можно ниже.

Точно собака лизнула горячимъ языкомъ—обожгло ухо, щеку; огонь красно заглянулъ въ глаза сквозь вѣки, но тотчасъ же въ горло и грудь хлынулъ воздухъ; теплый, неиспытанно вкусный, онъ сразу выпрямилъ скорченное тѣло, заставилъ открыть глаза.

— Какъ изъ могилы вылѣзъ,—сказалъ Коля кому-то, кто крѣпко обнялъ его и повелъ за собою.

Юношу мучительно билъ кашель, кружилась голова, подламывались ноги, сердце трепетало, точно обожженное.

Потомъ онъ увидалъ себя снова подъ заборомъ Карахановыхъ, на липѣ, рядомъ съ нимъ сидѣлъ черный печникъ, безъ бороды, безъ бровей, полуголый, весь мокрый и въ грязи, только одни глаза чистые.

— Я, братъ, съ самаго начала дѣйствую,—говорилъ онъ, отплевываясь кровью.—Пьяныхъ вытаскивалъ, хозяйство, ребятишекъ. Силъ даже нѣту! Ты ожегся ли?

— Ухо, кажется...

— Ухо—ничего! А меня—гляди, какъ опалило! Прямо—въ родѣ свиньи... Ну, айда, помогать...

Пошли, подъ краснымъ небомъ, взявшись за руки, Чмыревъ шагалъ и отплевывался.

— Зубы мнѣ вышибли, чортъ! Нѣтъ, каковъ народъ, драть его горой! Стоятъ, какъ у праздника, и болѣ—никакихъ! Я кричу: братцы, что вы—воду жа качать надо, помогать надо! Мы, говоритъ, погорѣльцы! Будто—погорѣли, такъ ужъ имянинники? И чему погорѣть? Охи, да блохи—и все имущество! Не народъ, а пустяки, пустое мѣсто... А бабы-та? Ну, смѣшной же народъ, бабы эти...

Въ небѣ колебалось зарево, дымъ какъ будто подпиралъ его, поднимая все выше, внизу сверкала багровая полоса рѣки. Коля точно сквозь сонъ смотрѣлъ, какъ огонь на землѣ доѣдаетъ груды бревенъ, досокъ, стропилъ, грызетъ раскаленными зубами ворота, заборы, бѣгаетъ по откосамъ и жнетъ бурьянъ золотыми серпами. Колокольчики пожарной команды безпокойно звонили будто внутри головы, горячая земля подъ ногами качалась и плыла. Сѣтью висѣли передъ сухими глазами искры, и вездѣ по землѣ живой, веселой кровью растекался огонь.

— Вотъ, и сгорѣла улица,—грустно сказалъ Коля.

— Не вся,—дѣловито отозвался печникъ,—домовъ пятокъ отстояли все жа!

Добрались до насоса, онъ вскочилъ на подножку, говоря Колѣ:

— Становись рядомъ—легше будетъ!

Вцѣпился въ ручку насоса кривыми пальцами и, кланяясь, заоралъ, запѣлъ:

— Ка-ачай, ребя, качай!..

Коля тоже сталъ кланяться, мѣрно сгибая спину, взмахивая руками такъ, что было больно плечамъ. Возносясь и падая, передъ его глазами заколыхались огромныя знамена пламени. Земля тоже поднималась, опускалась и отъ этого странно ныло въ груди, гдѣ-то у горла. Черной волной набѣгала на городъ зарѣчная даль—набѣжитъ безшумно и безшумно схлынетъ, раскачивая землю взадъ и впередъ.

— Не могу я,—сказалъ Коля.

— О?—воскликнулъ печникъ съ сожалѣніемъ и, переставъ качать, самъ себѣ объяснилъ: — Значитъ — усталъ парень! Ну, тогда идемъ за другимъ дѣломъ, дѣловъ тутъ—конца нѣтъ!

Снова пошли куда-то мимо рыжихъ лошадей съ огненными

глазами, мимо зеленыхъ бочекъ и сердитыхъ мѣдноголовыхъ солдатъ. Непрерывно, досадно звонили проклятые колокольчики, будя смутную тревогу въ сердцѣ Коли.

Вышли наверхъ, въ устье улицы, затисканное толпой публики, чернобородый полицейскій ткнулъ Чмырева въ животъ ножнами шашки и закричалъ:

— Чего шляешься, морда! Прочь!

— Ну, ну,—пробормоталъ печникъ, встряхивая животомъ.— Дѣятель! На пожарѣ и безъ тебя горячо...

И сказалъ, взглянувъ на Колю:

— Лицо у тебя, братъ, даже синее...

— А вѣдь мы съ тобой—человѣка спасли! — вспомнилъ Коля.

— Двоихъ дажа, ты—одного, я—одного... Ну, лавошникъ это, положимъ, не человѣкъ, названіе одно... Онъ еще экзамента не сдавалъ на человѣка-та... А кто—другой?

— Не знаю,—сказалъ Коля.

— Н-да—ругали мы съ тобой, ругали эту улицу, и все... а, какъ случился пожаръ... замѣчательно!..

Печникъ усмѣхнулся, потрясъ головой и, усадивъ Колю на любимое мѣсто, на липу подъ заборомъ, быстро ушелъ, говоря:

— Погляжу еще, нѣтъ ли чего...

Коля сѣлъ на бревно, опираясь спиною о заборъ, устало поглядывая вдоль улицы и внизъ, на рѣку. Въ груди что-то мѣшало дышать, точно туда налили тяжелой воды.

Свѣтало; уже звѣзды исчезли, какъ бы сгорѣвъ въ земномъ огнѣ; огонь поблѣднѣлъ, сталъ желтѣе, но доѣдалъ остатки жилищъ все съ той же веселой яростью, какъ ночью, когда онъ былъ ослѣпительно красенъ.

Было странно видѣть, какъ старое дерево, насыщенное грязью, превращается огнемъ въ янтарь и огромные куски янтаря плавятся, таютъ, текутъ по землѣ золотыми ручьями. Это было странно—и грустно, и радостно.

Темной, тѣсно установленной шаршавыми домами улицы— не было и съ этимъ не хотѣлось мириться. Горѣли ряды костровъ, изъ нихъ во всѣ стороны торчали черныя головни, курясь дымомъ и паромъ, шипя подъ бѣлой струею воды. Огромныя груды угля сверкали на грязной землѣ, среди нихъ торчали закопченыя, развалившіяся печи. Какъ помѣшанные, около костровъ съ воемъ бѣгали люди, взмахивая руками; это напоминало Колѣ картинку въ какомъ-то журналѣ: «Жертвоприноше-

ніе»—на ней тоже вокругъ костра прыгали темные люди, высоко вздымая руки, открывъ круглые, рыбьи рты.

Внизу—синяя рѣка, придавлена со стороны луговъ къ городу песчанымъ островомъ, покрытымъ кустами ивняка. За рѣкою въ сѣрую даль уходили орбиты луга, зарево пожара покрыло ихъ рыжей ржавчиной. Кое-гдѣ въ лугахъ грустно маячили одинокія деревья, — скоро эти пустынныя дали станутъ еще грустнѣй. Съ деревьевъ сада Карахановыхъ на плечи и колѣни Коли падали изсушенные жаромъ листья, они кружились, точно маленькія, безсильныя птицы.

Явился Чмыревъ, сѣлъ рядомъ и сталъ дышать тяжело, какъ лошадь.

— Устали?

— Есть маленько...

Колѣ показалось, что онъ беззвучно икнулъ, въ груди что-то тихонько порвалось, и сразу же исчезла тяжесть. Потомъ онъ ощутилъ во рту соленый вкусъ крови, плюнулъ, плюнулъ еще, но кровь все заполняла ротъ. Онъ наклонился, открылъ ротъ и, холодѣя, сталъ смотрѣть, какъ на землю льется красная тонкая струя.

— Вонъ, какъ?—неодобрительно сказалъ Чмыревъ, тоже поплевывая.—Видно, что усталъ ты... мм...

— Ужъ это, пожалуй... — заговорилъ Коля, но печникъ убѣдительно и ласково перебилъ его рѣчь:

— Это—ничего! Пройдетъ. Все, братъ, пройдетъ!

И весело усмѣхнулся, продолжая:

— Я тоже, вотъ, кровью плююсь,—мнѣ за ночь два раза по мордѣ дали! Одинъ разъ — давеча, — пожарный, а теперь вотъ—бариньъ! На ногу ли я ему наступилъ, толкнулъ ли, что-ли, какъ онъ меня бабахнетъ! И оба раза по одной скулѣ, дери ихъ горой!

— Дуракъ,—сказалъ Коля, такъ отчетливо, какъ будто хотѣлъ убѣдиться, что у него еще есть голосъ.

— Правой рукой бьютъ, вотъ и выходитъ все въ одно мѣсто,—объяснилъ Чмыревъ, помолчавъ, и предложилъ:

— Ты—прилягъ, положи голову-то на колѣни мнѣ...

— Нѣтъ,—рѣзко сказалъ юноша,—не хочу я лежать!

— Какъ хочешь... А—лучше бы...

Чмыревъ сунулъ въ ротъ себѣ пальцы, ощупывая зубы.

Сѣрыми столбами вздымался дымъ и паръ, въ небѣ тяжело двигались первыя осеннія тучи, угрожая проливнымъ дождемъ.

Черные, мокрые угли плотно вымостили землю, всюду трепеталъ и злился побѣждаемый огонь.

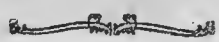
— Ахъ, Господи,—воскликнулъ печникъ, вынувъ пальцы изо рта и вытеревъ губы подоломъ изорванной рубахи. — Не свои мы люди на землѣ... И — вообще, не то все... Не такъ надо...

— Да,—согласился Коля.

Кровь все еще шла изо рта у него, онъ сидѣлъ, согнувшись, подпирая голову, пристально глядя, какъ по утоптанной землѣ растекается алое пятно и меркнетъ тихонько.

Въ щель съѣзда опустился липкій, ѣдкій чадъ — оттого и вода рѣки казалась такой небывало синей...

М. Горькій.



НОЧЬ.

Блуждаю, точно въ подземельи,
Я въ дебряхъ властной темноты,
И больше нѣтъ въ душѣ веселья,
И нѣтъ мечты.

Часъ тьмы великой, тьмы угрозной,
Усталымъ отъ печали лѣтъ
Ты возвѣщаешь:—поздно! поздно!
Возврата нѣтъ.—

Мертвящій часъ!—Но не напрасно
Въ немъ тишь звенитъ;—о, Боже мой,
Мнѣ дай постигнуть міръ безгласный
Судьбы ночной.

Я льну къ землѣ любовнымъ слухомъ:—
Ты знаешь, знаешь грусть мою...
Помилуй, Боже, нищихъ духомъ
Въ родномъ краю!

Сем. Астровъ

„ВОЗВРАЩЕНІЕ“.

Въ вагонѣ-ресторанѣ онъ былъ почти одинъ; въ дальнемъ углу за столикомъ разговаривали два галицкихъ помѣщика-поляка, которыхъ онъ не слышалъ, да за сосѣднимъ столомъ, окутанный листами большой газеты, углубленно читалъ какой-то господинъ англійскаго вида. Больше никого.

Скорый поѣздъ торопился, постукивалъ и часто вскрикивалъ, какъ ребенокъ, котораго подбрасываютъ вверхъ; за большими ресторанными стеклами бѣжали ровныя, покойныя поля Галиціи—почти родныя поля.

А онъ все сидѣлъ надъ своей давно остывшей чашкой. Такъ проходили часы.

Онъ былъ взволнованъ затаеннымъ, внутреннимъ волненіемъ и, когда онъ бралъ въ руки ложечку, чтобы отпить нѣсколько капель кофе, пальцы его дрожали. Какъ во всѣхъ настоящихъ русскихъ людяхъ, въ немъ было что-то неуловимо-растерянное—и въ слишкомъ густыхъ волосахъ, и въ бородѣ, которая сильно завивалась, и въ галстукѣ, завязанномъ однимъ движеніемъ—не глядя, и въ его улыбкѣ, которая не предназначалась никому, и больше всего въ томъ, какъ онъ отдавался своимъ мыслямъ. Въ этомъ была нервная, болѣзненная страстность. Вотъ уже прошли часы, какъ онъ смотрѣлъ на бѣгущія поля и думалъ.

Сколько лѣтъ прокатилось надъ нимъ, сколько лѣтъ разлуки со всѣмъ роднымъ, сколько лѣтъ изгнанья, скитаній въ тоскѣ, влюбленныхъ словъ, которыхъ никто не услышалъ, и слезъ нѣжной привязанности, спрятанныхъ отъ всего міра. Длинные годы.

И онъ думалъ:—Какъ я могъ жить безъ родины, какъ я только могъ... Другой родины не будетъ никогда.

И эти простыя слова вызывали слезы на его глаза; какая-то сила подымалась изъ груди, сжимая горло, и онъ беззвучно нашептывалъ ласкательныя имена, пришедшія вдругъ въ голову

изъ глубины забытаго дѣтства, ласкательныя до сладкаго стыда, нѣжныя до того, что ихъ можно сказать только матери, обнимая ея колѣна.

Какъ будто навстрѣчу ему звучалъ привѣтъ, и чья-то дорогая рука изъ далекой дали махала ему бѣлымъ платкомъ въ знакъ душевнаго мира и любви:—пріѣзжай, пріѣзжай, тебя здѣсь всѣ ждали, въ твоей комнатѣ стоятъ цвѣты и посмотри—мы всѣ плачемъ отъ радости...

И онъ несся навстрѣчу всему этому, напрягая силы, чтобы остановить свое волненіе. Привыкшій къ страданью, къ тому, чтобы скрывать свои чувства, онъ теперь былъ безсиленъ сдѣлать это.

Замелькали въ поляхъ березки съ опущенными вѣтвями. И онъ вспомнилъ. Онъ вспомнилъ, какъ однажды, далеко, въ чужой странѣ, измученный и несчастный, онъ увидѣлъ Карсавину. Она танцовала вотъ такъ же, внизъ опустивъ руки, она была покорно-опьяненное дитя жизни, среди чужой страны она была долгожданной вѣстью, родной сказкой,—и безпощадно разсказала ему все; нѣтъ, тогда она не пожалѣла его тоски: она напомнила ему весеннія сѣверныя зори, и красный кумачъ деревенскихъ дѣвушекъ на подтаявшей горкѣ, и пѣсни, пѣсни страстныя и грустныя, и родное веселье, слитое съ рыданіемъ, и робкій звонъ колокольчика среди заснувшей степи. Нѣтъ, она все разсказала ему, и манила, и звала съ собой. Какое это было томительное страданіе.

Въ глубинѣ души шевелится что-то, растетъ нѣжное и незрячее, какъ подъ землей весенніе первые побѣги, еще не позелененные солнцемъ. Чуется начало новой жизни, исполненной труда и свѣтлаго отдыха; точно послѣ стоновъ вѣтра тихая тишина шепчетъ слова умиротворенія: не нужно, и довольно. И хочется съ дѣтскимъ блаженствомъ закрыть свои глаза.

На русской границѣ, пока провѣряли чужой паспортъ, который онъ далъ за неимѣніемъ своего, пока смотрѣли его вещи въ ревизіонномъ залѣ, онъ ничего не замѣчалъ и не отдавалъ себѣ отчета въ томъ, что происходило вокругъ него.

Онъ слушалъ съ радостнымъ удивленіемъ.

Кругомъ раздавались звуки русской рѣчи. Нѣтъ, слово—это не условный знакъ, это не цифра и не уравненіе; это мелодія, которая слышна изъ тысячи, подобной ей нѣтъ другой на землѣ; это призывъ, который будитъ всю душу, какъ лучъ, освѣщая душевныя потемки до самаго дна, до сказочныхъ дней

туманнаго младенчества. Родная рѣчь—это какъ крикъ гусей въ ночномъ весеннемъ небѣ, завѣтный зовъ въ прекрасные края, въ синія, счастливыя, ликующія дали.

И онъ слушалъ журчаніе говора, которое доносилось со всѣхъ сторонъ. Сновали носильщики, суетились чиновники таможни; зіяли раскрытыми ртами развороченные чемоданы; груды выброшенныхъ вещей, растерзанныхъ и измятыхъ, валялись на прилавкахъ; люди раздражали другъ друга, вступали въ пререканія, ссорились и толкались. А онъ ничего не замѣчалъ, погруженный въ свои мечтанія.

— Г. Гастонъ Лемерсье.

— C'est moi. Я.

И только въ ту минуту, когда жандармъ подалъ ему его провѣренный паспортъ, онъ вспомнилъ, что ѣхалъ въ неизвѣстность, навстрѣчу тяжелымъ опасностямъ и, можетъ быть,—на страданіе.

Онъ очень крѣпко спалъ. Утомленный долгой дорогой, растративъ всѣ силы души на впечатлѣнія этого долгожданнаго возвращенія, которое онъ тысячи разъ до мельчайшихъ подробностей съ любовью представлялъ себѣ, онъ не видѣлъ никакихъ сновъ въ эту ночь, ни разу не проснулся и не пошевелился. Когда же наконецъ глаза его раскрылись, и онъ съ трудомъ понялъ, гдѣ онъ находится, онъ вскочилъ и однимъ толчкомъ широко распахнулъ свое окошко.

Напротивъ подъ майскимъ солнцемъ свѣтло зеленѣли деревья Царскаго сада по холмамъ; толпились крикливые биржевики въ ближней кофейнѣ; трамваи пересѣкали другъ другу путь, на площади. Все было знакомое: и праздные посыльные въ красныхъ отворотахъ у дверей гостиницы, и малорусскія бабы и дѣвушки босикомъ въ расшитыхъ сорочкахъ съ кувшинами молока, нанизанными на палку, и Крещатикъ, и вывѣска ресторана черезъ улицу, и подсолнечное сѣмя, усыпающее тротуары.

Онъ позвонилъ и послалъ посыльнаго въ адресный столъ за справками. Кто же еще остался тутъ изъ людей, которые были когда-то близки, съ которыми начиналась жизнь. Тысячи воспоминаній, какъ стадо козъ въ узкомъ проходѣ, тѣснились въ его головѣ и такъ же, какъ стадо, воспоминанія эти нестройно кричали, перебивая другъ друга. Нѣкоторымъ изъ нихъ онъ улыбался, и они исчезали, получивъ эту улыбку; другія стояли передъ его взоромъ съ укоромъ и грустью; третьи прятались гдѣ-то далеко

и робко, онъ не смѣлъ приблизить ихъ, чтобы не испугать, и не смѣлъ ихъ приласкать, чтобы не сдѣлать самому себѣ больно. Давно уже сердце не билось такимъ счастливымъ ожиданіемъ.

За завтракомъ, среди пустой залы, гдѣ онъ сидѣлъ за столомъ одинъ, онъ поднялъ бокалъ въ честь кого-то (кого, не назвалъ и не зналъ), и выпилъ этотъ бокалъ маленькими медленными глотками, улыбаясь при этомъ лакею, который стоялъ передъ нимъ, склонивъ свою голову на бокъ, съ салфеткой, торчащей твердымъ угломъ изъ-подъ руки.

Потомъ принесли адресныя справки. Былъ среди нихъ одинъ листокъ, который онъ долго разсматривалъ, хотя на немъ и не было написано ничего особеннаго.

Значитъ, она жила въ томъ же, все въ томъ же маленькомъ домѣ съ садомъ на крутой и узкой улицѣ.

Онъ тщательно одѣлся и пошелъ. Старый нищій съ сѣдой бородой стоялъ на колѣняхъ прямо среди широкаго троттуара и протягивалъ прохожимъ свою шапку:—Паничу, паничу, подайте бідненькому сыротині... и древней-древней степью вѣяло отъ его обдутаго вѣтрами лица, и отъ его пѣвучаго голоса, похожаго на ноющій звукъ лиры, и отъ его тусклыхъ, давно померкшихъ глазъ. Потомъ попалась вереница богомолокъ изъ разныхъ мѣстъ въ пестрой одеждѣ, которыя молча прошли одна за другой нитью, какъ тянутъ въ даль весной перелетныя птицы въ пустомъ небѣ. И отъ всего этого просыпалось въ груди что-то спавшее тамъ долгимъ и непробуднымъ сномъ—таинственная связь, связующая вѣчнымъ узломъ далекія и дикія поля съ его душой, съ душой человѣка, жившаго далеко, говорившаго на чужомъ языкѣ, много лѣтъ погруженнаго въ блистательное прошлое другого народа. И вотъ этотъ узелъ завязался. Какими ненужными показались эти проведенные на чужбинѣ годы, поверхностными, спадающими съ души, какъ сухая скорлупа; какой неотразимо-убѣдительной была жизнь, которую онъ видѣлъ передъ собой. Именно въ ней ему назначено найти забытый танецъ жизни, утраченный счастливый ритмъ и искренность передъ собой. Это—его жизнь, предназначенная ему судьбой.

Онъ погрузился въ свои мысли. И только на углу узкой улицы, круто подымающейся вверхъ, онъ остановился. Нѣсколько разъ вздохнувъ, онъ дернулъ за звонокъ и съ краской въ лицѣ услышалъ его трель гдѣ-то далеко, въ глубинѣ сада. Потомъ прибѣжала горничная и открыла ему калитку.

— Вамъ барина, паничу? Они вышли.

— Нѣтъ, мнѣ нужно видѣть барыню.

Онъ долго и растерянно шарилъ визитную карточку: — Wladimir Orlow, Paris.

— Я подожду въ саду, голубушка.

Какъ тихо шла здѣсь жизнь. Все та же зеленая бесѣдка и лозы винограда на стѣнахъ, и скромныя окна маленькаго дома, и тотъ же извивъ дорожки, цвѣтникъ съ кустами розъ посрединѣ,—все то же, точно время прокатилось надъ этимъ мѣстомъ, какъ громъ гдѣ-то высоко подъ облаками, не задѣвъ его. И все такъ же мирно пѣли птички въ кустахъ, и бѣлоснѣжная кошка нѣжилась безмятежно на зеленой крышѣ.

— Пожалуйте въ гостиную, панычъ.

Онъ прошелъ туда черезъ садъ, черезъ столовую, которую зналъ, и остановился. Ему дѣлалось трудно дышать отъ всего, что́ онъ переживалъ въ этотъ день. Если бы все это происходило не здѣсь, а въ какомъ-нибудь другомъ мѣстѣ, если бы это былъ незнакомый домъ, незнакомыя, чужія вещи,—можетъ быть, прошлое не съ такой силой охватывало бы его, не съ такой неумолимостью погружало бы его въ старое, полузабытое очарованіе.

Но здѣсь онъ зналъ все: большой портретъ ея отца на стѣнѣ, альбомы, фарфоровыя бездѣлушки, разрѣзной ножикъ, забытый на столѣ, зеленую мебель и ковры; ея шаль была раскинута въ креслѣ, гдѣ она сидѣла — она только-что встала и ушла отсюда... На всемъ была неуловимая, на все изливающаяся прелесть женщины, которую онъ когда-то любилъ, воспоминаніе о которой осталось чистымъ и неомраченнымъ. И онъ чувствовалъ непрерывную радость — смотрѣть на ея вещи, касаться ихъ осторожными пальцами, чувствовалъ тысячу мимолетныхъ и неуловимыхъ впечатлѣній, которыя тревожили его сердце; вдыхалъ воздухъ и зналъ, что это—ея воздухъ, что ея грудь здѣсь только-что дышала.

Потомъ онъ услышалъ шелестъ, и она быстро вошла. Она, по обыкновенію, имѣла такой видъ, какъ будто бы вошла слишкомъ быстро и теперь нѣсколько мгновеній не знала, что́ ей дѣлать.

Онъ разомъ разсмотрѣлъ ее всю. Она стала блѣднѣе и тоньше; знакомая робкая улыбка кривила ея губы, и завитки бѣлокурыхъ волосъ безъ блеска слегка колебались у висковъ при каждомъ вздохѣ ея часто дышавшей груди; и грудь была все такая же—маленькая и дѣвичья.

Она протянула ему обѣ руки сразу.

— Вотъ и вы, наконецъ.

Ея слабый, ломкій голосъ дошелъ до его сердца и сжалъ его. Онъ не ожидалъ, что это впечатлѣніе будетъ такъ сильно, и никакія слова не приходили въ голову.

— Значитъ, вы получили амнистію?

Тогда онъ сѣлъ рядомъ съ ней и началъ разсказывать.— Нѣтъ, надежды на амнистію давно потеряны. Нельзя себѣ представить, какой это былъ мучительный ударъ для многихъ, кто отчаялся и усталъ, кто уже больше ничего не хотѣлъ бы, кромѣ покоя. Нельзя представить себѣ всей этой боли и горечи разочарованія.

— А вы?

— А я однажды сѣлъ на кровать въ своей унылой комнатѣ среди вечерняго сумрака и сказалъ себѣ: — Мой другъ... Ты ѣдешь или остаешься?... И я поѣхалъ.

Она смотрѣла на него изумленными синими глазами.

— Какъ же вы теперь?

— А я теперь иностранецъ, Гастонъ Лемерсье... изъ помѣстья Коровій Бродъ.

— А потомъ?

— Потомъ я не знаю. Зачѣмъ далеко заглядывать. Я чувствую, какъ мнѣ хорошо. Мнѣ необыкновенно хорошо.

Онъ осмотрѣлся кругомъ и опять взглянулъ на нее. Какая прекрасная и грустная встрѣча. Что принесли съ собой годы и навсегда унесли съ собой? Онъ хотѣлъ заговорить о нихъ—и не могъ рѣшиться.

— Вы надолго пріѣхали?

— Я постараюсь, чтобы надолго. Но это вѣдь не въ моей власти. Можетъ быть, мнѣ придется опять скрываться, уѣзжать куда-нибудь.

— Вы устали?

— О, да!

— Но вы все такой же.

— Неужели, вы находите?

Да, она это находила. Она замѣтила нѣсколько сѣдыхъ волосъ на вискахъ, легкія складки у рта и усталость взгляда; но все-таки она находила, что онъ все такой же. Она читала въ его лицѣ, какъ въ знакомой книгѣ: она видѣла намекъ, начало — и знала окончаніе. Все та же еще не убитая жизнью страстность, та же мука противорѣчій и тѣ же страданія—«потомъ». Близкій и родной, сидѣлъ онъ передъ ней, потому что

въ немъ воплощалась и ея молодость. Пусть прошли годы, пусть кругомъ все измѣнилось, но она легко его видѣла такимъ, какимъ онъ былъ въ то время, когда еще едва и только робко касался жизни; она продолжала слышать его душу.

И это ее глубоко растрогало. Она волновалась и хотѣла бы въ чемъ-то утѣшить его, въ чемъ-то обрадовать—передать ему привѣтъ.

— Почему вы не написали мнѣ никогда?

— Я помнилъ, какъ мы разстались.

Это было за нѣсколько дней до ея свадьбы, когда она, вдругъ охваченная увлеченіемъ и неизвѣстно откуда пришедшей любовью, разомъ оборвала нить своей прежней жизни; она неожиданно ушла въ среду своихъ чопорныхъ родныхъ, покинувъ кружокъ друзей, съ которыми начала жить. И быстро она оказалась замужемъ за кѣмъ-то чужимъ и неизвѣстнымъ; все это случилось само собой, въ нѣсколько недѣль, — она не успѣла опомниться. И никто изъ ея друзей никогда не узналъ, какъ это случилось.

— Все же я нѣсколько разъ писала вамъ.

— Но я не получалъ этихъ писемъ, ни разу.

— Да... Они никогда не были отправлены.

Ея руки разбирали и складывали складки на бархатной скатерти. Потомъ она подняла глаза, и на нихъ были слезы, хотя она и улыбалась.

— Вы на меня не сердитесь? Не правда ли?

— О, нѣтъ.

— И никогда не сердились?

— Нѣтъ, никогда.

Она съ усиліемъ наклонила голову, какъ будто бы хотѣла прибавить что-то, но вмѣсто этого, она только несмѣло, робко улыбнулась.

— Какъ хорошо, что я вижу васъ,—прошептала она.

Въ сосѣдней комнатѣ послышался четкій стукъ каблучковъ по паркету, и вбѣжала дѣвочка лѣтъ шести. Она на мгновеніе остановилась съ раскрытымъ ртомъ, изъ котораго готовы были вырваться слова.

— Это моя дочь, Лили.

Но она могла бы не предупреждать объ этомъ, потому что онъ это видѣлъ. Что-то милое ему чудилось въ этой фигуркѣ, въ овалѣ лица и въ синѣющихъ, какъ у матери, быстрыхъ глазкахъ. Онъ протянулъ руку, и дѣвочка довѣрчиво подошла къ нему.

— А я васъ знаю. Вы—Володя Орловъ,—сказала она.— У мамы стоитъ ваша карточка.

Вѣра Ивановна подозвала ее и, наклонившись, стала поправлять на ея головѣ развязавшуюся ленту. Волосы ихъ смѣшались.

— Папа сейчасъ придетъ. Онъ зашелъ въ магазинъ за конфектами. Мнѣ за конфектами, мама?

Тогда онъ торопливо поднялся.

— Извините, я пойду.

Они нѣсколько мгновеній стояли другъ противъ друга, не разжимая своихъ рукъ, и молчали.

— Вы вернетесь?

— О, конечно. Но я не хотѣлъ бы сейчасъ... Извините.

Она сказала ему просто, смотря въ глаза:

— Каждое утро я бываю дома, Владиміръ Николаевичъ.

Когда онъ ушелъ, Лили говорила ей что-то: — Мама... Мама...

Но она не слушала. Она думала объ этомъ человѣкѣ, котораго столько лѣтъ хотѣла видѣть. И вотъ онъ пріѣхалъ наконецъ.

Черезъ день, въ теплый вечеръ, Орловъ спускался по большой каменной лѣстницѣ къ Днѣпру вмѣстѣ со своимъ старымъ другомъ Красновскимъ, котораго онъ вызвалъ телеграммой изъ уѣзда, гдѣ тотъ служилъ врачемъ; въ городѣ изъ старыхъ друзей никого не оказалось.

Красновскій былъ счастливый человѣкъ: онъ мало измѣнился, хотя жизнь и не щадила его; онъ все еще покатывался отъ веселаго хохота, закинувъ назадъ голову, и его брюшко добродушнаго человѣка слегка двигалось при этомъ вверхъ и внизъ. По ошибкѣ онъ женился на глупой и злой великаншѣ, но, при своемъ маленькомъ ростѣ, онъ насмѣшливо и бодро несъ этотъ большой крестъ.

Они быстро спускались, перепрыгивая разомъ по двѣ ступеньки. Эта безконечная лѣстница, идущая къ лодочнымъ пристанямъ, имъ напоминала ихъ юность, и они смѣялись, стуча палками по каменнымъ плитамъ.

На пристани они выбрали зеленую двухгребку, которая называлась «Сонечка».

Еще не вошедшій въ берега Днѣпръ, широкій и многоводный, морщился и поблескивалъ желтыми змѣями подъ фонарями набережной; зажженный передъ праздникомъ крестъ св. Влади-

міра, какъ чудесное созвѣздіе, горѣлъ высоко въ темномъ небѣ, и нити электрическихъ огней, точно ожерелья золотистыхъ топазовъ увѣшивали черные отъ ночи холмы; и все это опрокидывалось въ Днѣпръ, искрилось, извивалось блистающими лентами, и нѣжно-бархатный куполъ ночи опускался сверху какъ будто бы для того, чтобъ умиротворить и смягчить всѣ шумы жизни; только упавшее гдѣ-то въ лодкѣ среди тьмы весло вдругъ рождало надъ черной водой быстрокрылое испуганное эхо.

Когда они пересѣкли теченіе и вплыли въ залитые разливомъ кусты, Орловъ вдругъ понялъ, понялъ до глубины сердца, что это — весна, старая, забытая имъ украинская весна, съ соловьемъ, который качался и пѣлъ гдѣ-то близко надъ ухомъ на склоненной къ самой водѣ дрожащей вѣткѣ, закрывъ глаза отъ сладкой страсти.

Наивное, растроганное настроеніе постепенно овладѣвало имъ. Съ неожиданной ясностью, до самыхъ маленькихъ подробностей, точно все это воспоминаніе было залито свѣтомъ тысячи огней, горѣвшихъ тогда въ залѣ, онъ вспомнилъ одинъ весенній балъ въ Купеческомъ. Тогда онъ былъ почти мальчикомъ, а ее еще называли Вѣрочкой, и онъ былъ подавленъ ея прелестью; съ неизъяснимой влюбленностью онъ смотрѣлъ на ея серебряныя туфли, на ея руки въ бѣлыхъ перчаткахъ, на ея золотыя рѣсницы вокругъ синихъ глазъ; шелестъ ея платья томительнымъ, щемящимъ холодомъ проходилъ по его сердцу.

— Василій, ты помнишь, какъ мы собирались на этотъ балъ?

Красновскій хохоталъ.

— У брата Кости были такіе ботинки, что онъ боялся тряхнуть ногой, чтобы они не вползли по голени до колѣна... Но какъ онъ жарко танцовалъ мазурку безъ подметокъ!

Они бросили весла и сидѣли другъ противъ друга со шляпами на затылкѣ.

— А помнишь, какъ въ Выгуровщинѣ мы, вереницей, взявшись за руки, шли зимней ночью по дорогѣ, шли, раскрывъ рты, опьяненные луннымъ свѣтомъ и блескомъ снѣговъ, съ громкими пѣснями, роняли другъ друга, падали всей вереницей въ сугробы и снова шли. И какъ звенѣли тогда здоровые голоса...

Орловъ помнилъ еще, какъ на обрывѣ, надъ замерзшимъ Ирпенемъ онъ обнималъ тогда подъ голубой луной одну дѣвушку; они долго стояли съ ней неподвижно среди сіянія снѣжныхъ искръ, окаменѣвъ, и ничего не говорили. Не было словъ; не нашлось такихъ достаточно нѣжныхъ и прекрасныхъ словъ, кото-

рыя они могли бы сказать въ такую минуту. И не было у нихъ мысли ни о какомъ будущемъ, ни о какихъ иныхъ ласкахъ и наслажденіяхъ: только вотъ такъ стоять.

— Василій, что́ ты теперь скажешь о любви? Теперь, послѣ всѣхъ этихъ лѣтъ?

Красновскій шлепнулъ веслами по водѣ.

— Чтобы быть любимымъ, надо имѣть много свободнаго времени.

Орловъ декламировалъ—изъ прошлаго:—«О вы женщины-царицы, неужели же среди холмовъ и счастливыхъ садовъ вашей страны лисицы найдутъ себѣ норы, птицы небесныя—гнѣзда, а въ вашихъ городахъ камни по-прежнему будутъ вопіять противъ васъ и служить единственнымъ изголовьемъ, на которое Сынъ Человѣческій можетъ преклонить свою голову?»

— Все это романтика, мой другъ. Мы старѣющіе и все еще сумасшедшіе романтики. Вотъ и все.

Въ отвѣтъ Орловъ вскочилъ на ноги; лодка закачалась.

— Старѣющіе романтики! Да, можетъ быть, это у нихъ горитъ послѣдній мерцающій цвѣтъ. Среди черной ночи несутъ они,—старички,—свои нагорѣвшіе, чадящіе свѣтильники, покрывая ихъ полой, и дикій вѣтеръ ненастья задуваетъ робкіе огни. Но только онъ не задуетъ ихъ.

Но Красновскій продолжаетъ грустно поддразнивать его.

— Перестань красиво изъясняться. Ты только-что вернулся къ намъ, ты не знаешь и не замѣчаешь, какъ все измѣнилось кругомъ. Надъ всѣмъ надъ этимъ романтизмомъ теперь смѣются въ четвертомъ классѣ гимназіи.

— Надъ чѣмъ смѣются? Надъ милымъ своимъ, надъ собственной своей затаенной мечтой. Это съ тоски.

— Нѣтъ, мой другъ. Мы живетъ теперь, какъ говорится, среди позитивной культуры. Зачѣмъ же безсмысленно тосковать. Это давно не въ модѣ.

— А... Позитивная культура. Нѣтъ большаго отчаянія; я видѣлъ ее въ расцвѣтѣ, съ холоднымъ сердцемъ, съ повергнутой поэзіей, съ убитымъ миѳомъ, со смѣхомъ надъ порывами, надъ чувствами. Я объѣлся Западомъ. И я больше ни во что не вѣрю, кромѣ горячаго сердца. Человѣкъ родится для того, чтобы переживать высокія, волнующія чувства. Убивая это, онъ убиваетъ въ себѣ все.

— Все-таки онъ убиваетъ, и будетъ еще больше убивать, и ты ничего не подѣлаешь. Шишъ возьми съ твоими чувствами.

Орловъ засмѣялся.

— Мы брюзжимъ. Это привычка. Наши жалобы—это всеобщее клише... людей нашего возраста.

Онъ какъ будто бы торопливо повернулъ страницу своихъ мыслей; онъ не хотѣлъ объ этомъ думать. Онъ теперь желалъ бы забыть, хотя бы на время, весь грузъ разочарованія, который угнеталъ его вотъ уже нѣсколько лѣтъ, разочарованія въ въ человѣкѣ, въ толпѣ, въ обществѣ, разочарованія въ человѣческихъ мечтахъ, жалкая примиренность которыхъ его приводила въ отчаяніе. Человѣчество, непрестанно творящее возвышенную легенду, въ ней почерпающее силу любви и вѣры—вотъ что́ ему чудилось, чего онъ хотѣлъ бы и чего онъ боялся не чувствовать въ жизни.

— Василій, ты считаешь себя счастливымъ?

— Счастье сидитъ въ насъ безвыходно, голубчикъ. Ты помнишь, какъ мы мечтали о разныхъ дѣяніяхъ и битвахъ. Они всѣ оказались внутри насъ. Я живу и работаю, пускаю табачный дымъ колечками.

— И тогда мечтаешь? О чемъ?

— Да какъ тебѣ сказать. Я нахожу удовольствіе мечтать о самыхъ простыхъ вещахъ. Поѣхать куда-нибудь и отдохнуть отъ всего—отъ работы и отъ семейной жизни.

— Семейная жизнь тяжела тебѣ?

— Нѣтъ, не очень. Я не обращаю не нее вниманія.

И тутъ началось что-то, чего они взаимно не понимали. Орловъ никогда не былъ женатъ, даже на время, и мало представлялъ себѣ, какъ можно на это не обращать вниманія.

Они теперь лежали оба на спинкѣ и смотрѣли въ небо; лодка беззвучно плыла куда-то внизъ по теченію, и каждый изъ нихъ думалъ о своемъ.

Потомъ Орловъ сказалъ:

— Чѣмъ дольше я живу, тѣмъ больше влюбляюсь въ жизнь, не въ мою именно жизнь, а вообще. Все пустяки, все ничтожно рядомъ съ безмѣрнымъ счастьемъ жить. Я иногда чувствую прелесть жизни до муки, до того, что мнѣ трудно дышать. А, между тѣмъ, я очень несчастный человѣкъ, Василій.

— Нѣтъ, это неправда. Ты живешь; ты, въ сущности, душой еще мальчишка. А въ этомъ все счастье.

Орловъ приподнялся и сѣлъ на лавочку.

— Ты находишь, что я похожъ на мальчишку?—спросилъ онъ радостно.—Ты знаешь, что я хотѣлъ сказать тебѣ то же самое? У тебя тамъ брюшко, ты земскій докторъ и все прочее. А все-таки, ты не настоящій солидный человѣкъ, ты притворяешься.

Ты просто привыкъ считать себя солиднымъ человѣкомъ, ты привилъ себѣ эту мысль. Но ты способенъ показывать себѣ языкъ въ зеркалѣ, когда ты одинъ и безъ свидѣтелей крутишься на одной ногѣ, или вдругъ, въ мечтахъ, вообразить себя Наполеономъ или архіепископомъ, и при этомъ ходить по комнатѣ въ увлеченіи и благословлять народъ на обѣ стороны... Знаешь ли, Васька, что это великолѣпно? Дошелъ ли ты до той глубокой мысли, что это обыкновенно хорошо, что это надо не убивать въ себѣ, а культивировать? Что въ этомъ вся мудрость жизни?

И они пустились въ разсужденія. Они вспоминали кучу всякаго вздора, смѣшныхъ и милыхъ пустяковъ своего общаго прошлаго, нелѣпыя остроты и преувеличенія.

— Ты помнишь на экзаменѣ Никольскаго? По геометріи?—Никольскій, нарисуйте треугольникъ... И онъ нарисовалъ громадный треугольникъ—съ дырочкой.—А дырочка зачѣмъ? А чтобы его можно было на гвоздикъ вѣшать...

И они сидѣли другъ противъ друга и хохотали, держась за животы; они переставали хохотать и начинали снова.

Проплыли Соловьиный островъ, Цѣпной мостъ, потомъ Желѣзнодорожный мостъ... Длинными черными нитями ползли тяжелые плоты; потухающіе костры на нихъ краснѣли багровыми угольями. На рѣкѣ было все такъ же тихо; только изрѣдка пищала птица въ лугахъ, да доносился сладкій, громкій зѣвокъ пробужденнаго на мигъ плотовщика.

— Гдѣ мы?

— У Китаева.

Красновскій посвисталъ.

— Это верстъ двѣнадцать подыматься вверхъ на веслахъ?

— А ты вотъ докажи, ты докажи на практикѣ, что ты не старый рыдванъ, а юноша.

— Я предпочелъ бы это доказать не веслами, а на словахъ—діалектикой.

И они начали грести; но привычка къ этому спорту у нихъ уже исчезла: много лѣтъ они не брались за весла. Они быстро разогрѣвались, тяжело дышали, и крупныя капли пота текли по лицу.

— Чортъ, это несносно! Я брошу.

Но Орловъ рѣшилъ доказать, что онъ можетъ работать попрежнему. Онъ все больше и больше входилъ въ знакомый ритмъ движенія: наклонъ къ кормѣ, распрямленіе ногъ, усиліе спины

и ударъ бецепсовъ; и снова съ нѣжнымъ плескомъ весла бѣгутъ впередъ, описывая плавную дугу. Бодрость проникаетъ тѣло, грудь вдыхаетъ шире и глубже, и мускулы слегка болятъ, наливаясь горячей кровью.

Стало свѣтать; востокъ покрылся несмѣлой алостью; птицы въ прибрежныхъ кустахъ затормошились, запрыгали и стали перекликаться тонкими свистами, похожими на кристальный звонъ воды, падающей въ камняхъ. Потомъ громадное раскраснѣвшееся солнце вылѣзло широкимъ, сверкающимъ краемъ и тяжело повисло надъ дальнимъ лѣсомъ. И брызнувшіе лучи сейчасъ же заиграли весело на всемъ, зардѣли, зачешуились багряной чешуей днѣпровскія воды; запламенѣли въ голубомъ небѣ золотые лаврскіе купола. Купола, купола—какъ золотыя чаши на жертвенникѣ, зелено-бархатный покровъ котораго складками сбѣгалъ съ холмовъ до самыхъ текущихъ мирно водъ, и въ водахъ волновались купола, какъ золотыя знамена. Вверху на холмахъ ударили къ заутренѣ; всколыхнулся дремотный воздухъ, и запѣлъ, низко и покойно, и мѣдный голосъ тяжело наполнилъ чашу неба.

Орловъ все гребъ и гребъ—за двоихъ, потому что Красновскій лѣниво лежалъ не двигаясь. Но утомленіе постепенно возрастало. Безсонная ночь въ вагонѣ, волненія и впечатлѣнія возвращенія—все это начинало сильно сказываться.

Орловъ налегъ на весла и сразу погналъ лодку къ зеленому пригорку, который поднимался изъ воды. Лодка съ размаха вошла въ траву и стала; и сразу сдѣлалось все тихо, покойно вокругъ.

Подъ грѣющимъ солнцемъ они оба лежали въ истомѣ; травы начали пахнуть, густо и пряно; закружились, замелькали надъ ихъ головами жучки и мошки въ погонѣ за солнцемъ и любовью, и ихъ тихое жужжанье навѣвало сонъ.

Засыпая, Орловъ неясно грезилъ о золотѣ, о куполахъ въ бездонномъ небѣ, о зеленыхъ холмахъ, и долго шепталъ себѣ:— я пойду и скажу... Но что именно онъ скажетъ, кому, не зналъ: что-то хорошее и важное.

На этотъ разъ Вѣра Ивановна провела его въ свою комнату; въ саду шелестѣлъ дождь, а въ домѣ шла большая чистка и уборка: насталъ канунъ Троицы; кромѣ того, мужъ Вѣры Ивановны былъ въ отъѣздѣ: торопились безъ него привести домъ въ порядокъ.

По дорогѣ къ Мезенцевымъ, на улицѣ, Орловъ очень волновался и нѣсколько разъ спрашивалъ себя, въ чемъ дѣло. Но

онъ не могъ по-настоящему отвѣтить себѣ: ничего особеннаго не случилось, онъ ничего не ждалъ и не собирался дѣлать ничего важнаго. Онъ шелъ сюда просто потому, что его тянуло сюда, потому что въ его душѣ проснулись тихіе и прекрасные голоса, которые онъ здѣсь слышалъ лучше, чѣмъ гдѣ-нибудь.

Но, когда Вѣра Ивановна ввела его въ свою комнату, волненіе его еще усилилось: въ этой комнатѣ былъ такой чистый и грустный покой, было что-то печальное и дѣвичье, говорящее о неудовлетворенности жизнью, объ отрѣшеніи отъ нея,—что-то такое, что́ вызывало въ немъ сожалѣніе, смутную надежду на что-то и радость, въ которой онъ не сумѣлъ бы себѣ признаться.

— Какъ хорошо жить, имѣя близко около себя вотъ такую комнату. Какъ это должно быть прекрасно.

Она удивилась.

— Почему?

— Да потому, что она вся такая женская, вся—до самой маленькой вещицы. Вы знаете, всю мою жизнь я живу одинокимъ, но для меня женщина всегда была самымъ желаннымъ, самымъ мечтаемымъ въ жизни, обѣщаніемъ радости и силъ—именно силъ для чего-нибудь прекраснаго.

— О, Боже мой, развѣ нужна женщина... Мужчины такъ хорошо живутъ въ одиночествѣ, и такъ хорошо работаютъ. Совсѣмъ незамѣтно, чтобы они отъ этого страдали.

— Мужчины въ одиночествѣ грубѣютъ, опускаются. Ихъ благородство тускнѣетъ, съ каждымъ днемъ ихъ душевная свѣжесть, неизбѣжно, мало-по-малу увядаетъ. Всегда такъ.

— Да... Но столько, сколько женщинъ бываетъ въ ихъ жизни безъ того, чтобы они жили съ ними... Не все ли равно?

— Когда бываетъ не одна, а много женщинъ, это почти страшно.

Она бѣгло взглянула на него, чтобы посмотрѣть, какое у него лицо при этомъ.

— Развѣ? Скажите, почему?

— Потому что каждый долженъ, хотя бы въ мечтахъ, имѣть одну женщину—единственную, несравненную... Безъ этого его сердце погибаетъ. Сердцу остается только чувственность, пресыщенность или звѣриная ревность. Почти ничего.

— Вы пережили это?

— Слишкомъ, до отчаянія пережилъ. Я давно пересталъ цѣнить влюбленность, физическія отношенія въ любви; это такое ничтожное основаніе для близости.

И вдругъ,—по тому, какъ она слушала его и смотрѣла, и потому что она была такъ близко, ему непремѣнно захотѣлось высказать ей здѣсь, сейчасъ же мысли о своей жизни, которая его мучила послѣдніе годы. Онъ придвинулся къ ней ближе, такъ какъ хотѣлось разсказать ей свою большую тайну.

— Въ моей мечтѣ о любви осталось мало эгоизма, такъ мало стремленія къ владѣнію. Вы знаете, всѣ дни я мечтаю о прекрасной, нѣжной женщинѣ, которая была бы рядомъ со мной, душу которой я чувствовалъ бы всегда близко. Я слишкомъ переполненъ злобой и разочарованіемъ.

Онъ на минуту закрылъ глаза; брови его горестно сдвинулись, придавая лицу выраженіе мрачности. Вѣра Ивановна слушала его почти со страхомъ: что́ онъ хотѣлъ разсказать ей.

— Мои чувства искажены,—заговорилъ онъ опять. Какая-то неудержимая гримаса горечи перекосила мою душу. Каждый человѣкъ кричитъ однажды о близости и о теплѣ, умоляетъ объ истинной, глубокой, безцѣнной любви. И такъ именно теперь происходитъ со мной. Цѣлыми часами я тайно, стыдливо мечтаю, чтобы жить съ такой женщиной подъ одной кровлей, радоваться этому, радоваться ея походкѣ, звуку ея голоса съ утра до вечера, радоваться ея шляпѣ, которая виситъ въ передней, ея перчаткамъ, забытымъ на столѣ. Я хотѣлъ бы только смотрѣть на нее и слышать ея молчаливую ласку. Это принесло бы мнѣ душевное исцѣленіе и немножко гармоніи, которой я жажду, потому что я не могу, я не въ силахъ работать съ такимъ злымъ крикомъ на душѣ. И ничего больше я не хотѣлъ бы отъ этой женщины.

Онъ кончилъ и остановился, переводя духъ.

— Можетъ быть, это непонятно, но это такъ. Вы понимаете:—быть только близко?

— И... Вы знаете такую женщину?

— Да, кажется, я знаю.

Она вздрогнула, и нѣсколько мгновеній продолжалось молчаніе.

— Это—вы. Это вы, Вѣра Ивановна. Простите.

— Но это невозможно... Нѣтъ!

Какая-то стеклянная штучка выпала изъ ея рукъ и разбилась; она стала собирать ея осколки. Она растерянно и испуганно взглянула на него.

— Это совершенно невозможно... никогда.

— Почему? Ради Бога, скажите мнѣ. Я такъ много думалъ объ этомъ. Я такъ хотѣлъ бы жить около васъ.

И, какъ будто жалуясь на что-то, она начала говорить:

— О, это немыслимо, нѣтъ. Сила сложившейся жизни такъ велика. Пока васъ не было, мы все же жили, можетъ быть, не интересно и сѣро какъ-нибудь жили, но эта жизнь приросла къ намъ. Жизнь наша—моя и мужа—окончательно сложилась. У меня ребенокъ, дочка,—вы видите. И меня такъ любятъ или дѣлаютъ видъ, что любятъ. Нѣтъ, это невозможно. Подумайте мгновеніе, о чемъ вы говорите; столько лѣтъ прошло. Какъ и въ чемъ я могла бы измѣнить свою жизнь. О, нѣтъ. Я слишкомъ стара для этого, я трусиха... Я не посмѣю никогда.

Она торопилась и какъ-будто бы что-то отстраняла отъ себя въ смятеніи слабыми руками, махала ими.

Онъ порывался прервать ее, чтобъ доказать и объяснить ей, но покорный звукъ ея ломкаго голоса, ея страхъ, умоляющій взглядъ ея глазъ останавливали его.

— Я устала жить. Развѣ вы не можете этому повѣрить? Теперь уѣхалъ мужъ на три—четыре дня—и я боюсь, я всего боюсь. Я счастлива снова встрѣтить васъ, но я ничего не могу измѣнить въ жизни... Видите? Зачѣмъ вы мнѣ все это сказали?

И онъ думалъ о томъ, зачѣмъ онъ сказалъ. Онъ не собирался дѣлать этого и сдѣлалъ.

Но постепенно ему стало казаться, что все къ лучшему. Ну да, онъ хорошо сдѣлалъ, такъ должно было случиться, все равно этимъ должно было кончиться рано или поздно; и, можетъ быть, еще давно, за границей онъ втайнѣ думалъ объ этомъ разговорѣ и желалъ его, рѣшилъ все заранѣе, не умѣя самому себѣ сознаться въ этомъ.

— Я вѣдь люблю васъ, Вѣра Ивановна. Давно.

Она стояла передъ нимъ и грустно качала головой безъ словъ, съ покорностью и лаской.

— Невозможно. Я знаю, что вы любили меня... Но невозможно.

Прибѣжала Лили изъ сада и что-то быстро заболтала, защебетала.

— Лили, пойди, пожалуйста, гулять... Въ садъ, пожалуйста.

Она протянула ему руку.

— Мнѣ тоже уйти? Вы этого хотите? Да?

Она кивнула:

— Да.

И, когда лицо его вдругъ поблѣднѣло отъ печали, и онъ

сдѣлалъ движеніе къ двери, чтобы уйти, она не смогла отпустить его такъ, и снова протянула къ нему руки.

— Зачѣмъ я должна такъ говорить? Простите, милый другъ... Я безконечно виновата передъ вами. Зачѣмъ жизнь мучитъ насъ безпрерывно... Но этого нельзя измѣнить.

Она закрыла лицо и заплакала, прислонившись къ стѣнѣ своимъ дѣвичьимъ, тонкимъ тѣломъ.

Онъ хотѣлъ что-то сказать, но и его губы вдругъ задрожали.

Онъ повернулся и неслышно вышелъ, ступая по коврамъ.

Сначала онъ хотѣлъ итти домой, но сейчасъ же понялъ, что онъ не въ состояніи остаться въ одиночествѣ. Онъ сталъ ходить по улицамъ безъ всякой цѣли—направо, налѣво. Неожиданная сцена глубоко взволновала его.

Онъ даже остановился, сжимая руки. Все его существо возстало и взывало о борьбѣ.—Покончить съ этимъ, во что бы то ни стало, все разъяснить, употребить всѣ силы... Теперь же. Вотъ что нужно было сдѣлать немедленно. Слишкомъ много лѣтъ все это тянулось, влекло и обманывало...

Онъ круто повернулся и зашагалъ обратно, и шаги его все ускорялись по мѣрѣ того, какъ онъ шелъ.

Когда онъ пришелъ, домъ уже былъ прибранъ. Въ гостиной по угламъ стояли молодыя березки—старый и нѣжный обычай праздновать весну, о которомъ нянька не забывала никогда; бальзамическій, еле уловимый запахъ молодой листвы наполнялъ воздухъ.

Вѣра Ивановна вошла и остановилась далеко, не подходя къ нему.

И онъ сейчасъ же началъ, полный смятенія и нетерпѣнія:

— Я къ вамъ вернулся, извините. Но я не въ силахъ выносить такія отношенія, они меня душатъ. Въ нихъ прекрасное обѣщаніе, которое не исполняется. Вы ничего не сказали мнѣ—пусть,—но я знаю, я убѣжденъ, что вы несчастны. Я чувствую всѣмъ моимъ сердцемъ. Я не могу этого вынести. Все возмущается во мнѣ противъ насилія жизни, злоба охватываетъ меня...

— О, вы—мужчина,—тихо сказала она,—вы не поймете, вы не хотите видѣть невозможности. Вы ничего не слышите, кромѣ своего желанія; все другое не существуетъ для васъ. И какъ это больно!

И съ новымъ порывомъ, съ жаромъ, который приливалъ въ его сердце, онъ приблизился къ ней.

— Я пришелъ къ вамъ за милосердіемъ, вы слышите. Если бы вы хорошо знали меня до самой глубины души, до ужаса моей слабости, можетъ быть, вы отвернулись бы отъ меня... И все-таки я прихожу къ вамъ съ любовью, съ тоской и любовью. Я заслужилъ отъ судьбы немножко счастья и отдыха, я прошу ихъ у васъ, я умолю...

— Развѣ я не вижу? не понимаю васъ? Боже мой, какъ я понимаю васъ! И какъ я хотѣла бы дать вамъ ласку, о которой болитъ ваша душа... Но я не могу.

Она прервала свои слова, остановилась и снова продолжала слабымъ голосомъ, который, какъ свирѣль, звучалъ и умиралъ безропотно.

— Милосердіе... Развѣ я сама не нуждаюсь въ милосердіи? Но вы безжалостны, вы не слышите, вы ни разу не подумали обо мнѣ. Если бы я могла разсказать вамъ, что у меня въ прошломъ... О, у меня не было ни радостей борьбы, ни красивой грусти изгнанья, ни свободы. Я просто увядала, медленно годъ за годомъ. Я совершила ошибку, и тяжко расплатилась за нее, и все еще расплачиваюсь, расплачиваюсь... всю жизнь. Я живу съ человѣкомъ, который далекъ отъ меня—вы можете себѣ представить, что это такое, хоть на минуту, хоть на одно мгновенье. Вѣдь я не могу разсказать вамъ всего, всѣхъ мелочей, всѣхъ униженій, всей ненависти, которую я чувствую къ себѣ; вѣдь я не могу раскрыть передъ вами этой пустыни, въ которой я томлюсь, потому что тамъ—пусто... Лили—вотъ все, что я имѣю, вся моя радость и мое самое большое несчастье. Я не принадлежу себѣ, не смѣю располагать собой, я должна, должна безконечно... Я навсегда скована ея маленькими ручками. Какъ это понятно!

Вѣра Ивановна стояла у окна, спиной къ нему, съ опущенными плечами, съ руками, которыя упали вдоль тѣла безъ силъ. И тихая покорность,—казалось,—неудержимо пригнетала ее къ землѣ, окутывала ее, какъ саваномъ.

Тогда, при видѣ этой кротости, при видѣ этихъ безсильно опущенныхъ рукъ, отчаянная мысль пришла ему въ голову:—все погибало передъ нимъ, надо было спасать теперь же, сію минуту сдѣлать послѣднюю попытку—или все будетъ потеряно навсегда...

Онъ шагнулъ впередъ и обнялъ ее, и, какъ только онъ почувствовалъ ее въ своихъ рукахъ, голова его закружилась,

мысли сдѣлались неясными; сладкая, долгіе годы неудовлетворенная жажда ея близости опьяняла его; онъ началъ шептать ей безпорядочно и жарко, все больше и больше прижимая ее къ себѣ:—Не пугайся, я такъ люблю тебя... Прости мнѣ, слышишь... Прости. Сколько лѣтъ я тосковалъ о тебѣ, теперь ты не можешь, ты не смѣешь оттолкнуть меня... Вѣдь, если оттолкнешь меня теперь—это навсегда...

Она задыхалась; въ одно мгновеніе, всѣмъ тѣломъ она почувствовала его силу, его любовь, которая устремлялась къ ней; его умоляющіе глаза были такъ близко, и на одинъ мигъ она погрузилась въ нихъ своимъ сдающимся, восхищеннымъ взглядомъ.

Но сейчасъ же страхъ исказилъ ея лицо.

— Пустите... Пустите же...

Она повторяла это слово поблѣднѣвшими губами и отталкивала его.

—Пустите... Я закричу!

Тогда онъ отпустилъ ее, чувствуя, что все погибло.

Они оба тяжело дышали, дрожащіе, потерянные, со страданіемъ въ глазахъ. Онъ что-то пытался сказать, но губы его шевелились беззвучно.

Потомъ она хотѣла поправить измятыя въ борьбѣ складки платья, протянула руку—и зашаталась, теряя сознаніе. Онъ сталъ безсмысленно метаться, искалъ воду, стаканъ; говорилъ какія-то несвязныя слова, умолялъ ее робкимъ голосомъ успокоиться, упрашивалъ простить его...

И наконецъ она оправилась; она ни слова не говорила ему. И въ эти минуты молчанія глухое горе стало медленно наполнять его—увѣренная безнадежность, которая убиваетъ надежды.. Онъ смотрѣлъ на ея измученное, прекрасное лицо, смотрѣлъ въ ея затуманенные глаза и думалъ:—Нѣтъ, она никогда не рѣшится... Никогда. Все это кончено разъ и навсегда, и я долженъ уйти отсюда.

И какъ онъ ушелъ, онъ потомъ не помнилъ. Все покрылось туманомъ въ этомъ душевномъ смятеніи, въ этомъ чувствѣ непоправимаго и несчастнаго, что произошло между ними.

Онъ только смутно слышалъ, какъ въ послѣднее мгновеніе она спросила его:—Навсегда? Совсѣмъ?

— Да,—отвѣтилъ онъ.—Да, совсѣмъ, совсѣмъ... Прощайте!

И она осталась одна, одна на цѣлый день; это было мучительно. Лили бѣгала въ саду, и изрѣдка неясно доносился издалека ея веселый голосъ, голосъ ребенка, упоеннаго движе-

ніемъ, солнцемъ, радостью прелестныхъ увлекающихъ игръ; голосъ этотъ звенѣлъ отъ внутренняго торжества и восхищенія, потухалъ и снова вспыхивалъ, какъ огонекъ; и другой дѣтскій голосъ отвѣчалъ ему то близко, то вдали:—Лили... Лили...

А въ домѣ была тишина. Срубленныя березки неслышно увядали по угламъ, разливая запахъ лѣса и осенней листвы; иногда трещала мебель или паркетъ; иногда прислуга стучала посудой, или хлопала дверь. Но было слишкомъ тихо.

Вѣдь, она одержала побѣду надъ собой, она могла быть довольна. Господи, какъ подстерегаетъ жизнь: изъ-за угла, внезапно, вдругъ... хватаетъ и несетъ, и несетъ, пока не разобьешься. Но она спаслась, освободилась. Будущее такъ покойно—навсегда.

И она оглянулась вокругъ себя.

Все то же:—дни и недѣли, мѣсяцы, годы; никогда ничего не измѣнится; въ сущности, жизнь прожита, опредѣлилась, вотъ она—какъ напечатанная, конченная книга; теперь остается перелистывать ея страницы, взадъ и впередъ, вѣчно однѣ и тѣ же, неизмѣнныя страницы.

И отъ этой мысли тоска стала сжимать ея сердце:—Неужели отъ жизни все уже взято, до послѣдней капли? Неужели больше никакихъ глубокихъ радостей, глубокихъ привязанностей? Неужели немножко счастья для себя, немножко свѣтлыхъ дней, возможность обнять кого-то близкаго, безконечно родного, возможность забыться въ этомъ сліяніи, укрыться отъ холода опустошенной жизни,—неужели все это невозможно навсегда?

И она начала понимать то, что́ произошло,—сначала смутно, а потомъ яснѣе и яснѣе, и по мѣрѣ того, какъ росло ея пониманіе, холодный страхъ непоправимаго подымался въ ней до крика, до отчаянія:—Вѣдь она убила себя, да, убила своими руками. Она разорвала будущее, какъ нѣжный кружевной платокъ, и уронила его обрывки... Это она сама, своими руками.

И она изумилась этой мысли съ холоднымъ содроганіемъ:—это невозможно, она не могла этого сдѣлать; это было бы безуміемъ, жестокимъ, безполезнымъ безуміемъ; она не поступила бы такъ...

Но она такъ поступила.

И эта мысль рождала такое необъятное отчаяніе, такую боль невыносимую и острую, что она вдругъ заломила надъ головой свои руки, и долгій, болѣзненный стонъ раздался въ пустомъ домѣ... Убить себя, убить свою, нѣжную измученную любовь къ этому человѣку, любовь, которой она жила, къ которой въ минуту горя она

спускалась въ самыя тайныя глубины своей души, какъ къ хрупкому цвѣтку, выращенному украдкой; растерзать ее безумными руками... О, нѣтъ, этого не должно случиться!

Въ смятеніи, часто шепча одно слово за другимъ, она носилась по комнатѣ, какъ листъ, подхваченный водоворотомъ вѣтра; платье ея развѣвалось и путало ей ноги; она вдругъ стала легкой, готовой къ неизвѣстному пути; она сама себѣ кивала головой короткими и рѣшительными кивками.

Нѣтъ, этого не должно случиться!

Убить эту любовь... Но тогда въ жизни не останется никакой мечты, никакой надежды; уничтожить свое послѣднее прибѣжище, послѣдній пріютъ... Ради чего? Ради одного страданія.

Зубы ея крѣпко сжались; она видѣла: это страданіе передъ собой уже началось, уже развертывался этотъ ужасный клубокъ. Она видѣла Орлова, когда онъ беззвучно шепталъ искаженными губами, съ лицомъ, перекошеннымъ гримасой страданія; какъ онъ, уже уходя, не помнилъ дверь, въ которую вошелъ, и безпомощно блуждалъ глазами отъ боли и униженія.

И жалость, растроганная жалость охватывала ее—жалость къ нему, къ себѣ, къ ихъ заблудившимся и несчастнымъ жизнямъ. Сердце ея вдругъ смягчилось; она сѣла и стала плакать долго, сладко, прикрывая платкомъ ротъ, чтобы не всхлипывать слишкомъ громко.

Бѣдная, измученная любовь, надежда ея умерла. Онъ никогда не проститъ ей своего униженія, онъ надѣялся и вѣрилъ въ эту любовь. Сколько разъ въ тяжелые дни онъ ласкалъ себя мыслью о ней, успокаивалъ себя, обѣщалъ себѣ:—вотъ тогда, вотъ тогда все будетъ прекрасно. Но она не пожалѣла, нѣтъ, не пожалѣла, безжалостно убила эту любовь.

И она опять вскочила на ноги, полная рѣшимости:—Я не хочу.

Глаза ея загорѣлись.

— Не хочу,—сказала она вслухъ, не замѣчая этого.

И цѣлый вихрь мыслей закружился въ ея головѣ: все исправить, сейчасъ же немедленно; пусть случится все, что угодно, но только спасти эту любовь, опять тихо и украдкой любоваться на нее, носить ее въ себѣ и вѣчно чувствовать ее у сердца.

Теперь ей казалось, что минуты драгоцѣнны, надо спѣшить во что бы то ни стало.

Непокорными пальцами она рылась въ ящикахъ стола,

искала бумагу, конверты. Писала нѣсколько строкъ, улыбалась и разрывала листокъ въ клочки.—«Приходите сегодня, ужасно нужно увидѣться»... Нѣтъ, не то. Или:—«Простите, ради Бога, простите»... Нѣтъ.

«У меня есть большая-пребольшая новость; я хочу вамъ сказать ее. Приходите сегодня—я буду ждать; обязательно—обязательно сегодня. Вѣра М.»

Она позвонила прислугу и отправила листокъ на телеграфъ.

Часы въ столовой пробили девять.

Вѣра Ивановна посмотрѣла еще нѣсколько мгновеній на спящую Лили, а потомъ подняла руки къ своимъ загорѣвшимся щекамъ.

Здѣсь было такъ тихо; прикрытая лампочка бросала матовый, кроткій свѣтъ, и дѣвочка ея спала. Такъ мирно, такъ привычно—какъ всегда. И старая нянька давно спала въ сосѣдней комнатѣ.

Вѣра Ивановна повернулась и пошла быстрыми, неслышными шагами.

Въ своей комнатѣ она поспѣшно, лихорадочно пораскрывала ящики комода, шкафъ, картонки, шкатулочки на туалетномъ столикѣ. Она перебирала все, откладывала къ сторонѣ и снова мѣшала въ кучу. Напѣвая какую-то пѣсенку безъ словъ и безъ смысла, она стала переодѣваться.

Она вѣдь рѣшилась. Сколько лѣтъ она не одѣвалась ни для кого, не видѣла платьевъ, которыя носила. Теперь одѣвалась—для чего.

Она думала о всѣхъ влюбленныхъ, которые были около него за эти года—разныхъ: красивыхъ и некрасивыхъ, смѣлыхъ и робкихъ. Какой красивой ей нужно быть, чтобы овладѣть его любовью... Робко она объ этомъ думала—какъ овладѣть? Какъ быть «прекрасной несравненной»—онъ такъ сказалъ.

Она боялась и нетерпѣливо ждала этой встрѣчи. Что́ она скажетъ? какъ онъ войдетъ? какая у нея пребольшая новость для него? Ея любовь? И какъ сказать ему о ней?

И вдругъ она сказала себѣ: — Кого я жду сегодня? Любовника...

Краска стыдливости залила ее всю—ея щеки, лобъ, ея шею. На мгновеніе она закрыла лицо руками, и, когда отняла ихъ, напротивъ изъ рамы зеркала на нее смотрѣло счастливое лицо блестящими и смѣлыми глазами.

— Я жду любовника...

И началось ожиданіе, въ которомъ былъ страхъ и жгучій стыдъ, и сладость.—Какъ это будетъ? Что́ я скажу ему? Я такая маленькая, сѣренькая, ничтожная... Что́ я скажу ему? Господи... Что́ я дѣлаю!

Она ждала и слушала, когда зазвенитъ звонокъ, который былъ проведенъ отъ калитки къ дому. Потомъ она рѣшила ждать въ саду, потому что тамъ темно и онъ не увидитъ ея лица, когда они встрѣтятся, а это было самое страшное.

Она сидѣла на скамейкѣ и ждала. Теплый воздухъ, полный запаховъ и цвѣтовъ, казался душнымъ, его не хватало, и грудь часто и тяжело дышала; вверху на темномъ небѣ остро свѣтили звѣзды своими ломкими, что-то нащупывающими лучами; иногда прохожій проходилъ по улицѣ, за калиткой, далеко; или майскій жукъ, залетѣвъ въ листву, недовольно бунчалъ тамъ, пока не падалъ тяжело на землю.

Часы въ комнатѣ пробили одиннадцать.

Тогда, внезапно, одна мысль пришла ей въ голову, и сердце ея похолодѣло:—А что́, если онъ не придетъ сегодня? Если его не было дома... онъ не знаетъ, не получилъ телеграммы? Задержало что-нибудь?.. Или—вдругъ онъ арестованъ?

Она едва не разрыдалась отъ горя. Она бросилась къ калиткѣ и стала слушать. Тишина.

Одѣвалась, столько улыбалась себѣ, такъ жарко ждала его, такія нѣжныя слова звучали въ душѣ, такъ она устремлялась къ нему, покорная и полная любви...

Гдѣ-то близко шла ея Оксана и по-малорусски громко болтала со своимъ кавалеромъ. Скоро ключъ ея зазвякалъ въ замкѣ калитки.

Вѣра Ивановна поспѣшно скрылась въ густые кусты сирени; платье ея цѣплялось за вѣтви и рвалось. Она притаилась тамъ, сжимая грудь, чтобы сердце не билось такъ сильно.

Оксана поцѣловалась съ кѣмъ-то и тихо скользнула въ домъ.

И опять началась тишина, безконечная тишина.

Вѣра Ивановна сидѣла неподвижно, въ безмолвномъ отчаяніи. Отъ ночного воздуха ей сразу стало холодно, она сжималась вся въ комокъ, старалась согрѣться и не могла.

Почему она была увѣрена въ томъ, что онъ придетъ? Можетъ быть, онъ не захочетъ придти къ ней никогда? Онъ усталъ, утомился отъ ея постоянной трусости, отъ ея ничтожной, маленькой, испуганной душонки. Это должно же было когда-нибудь вызвать въ немъ презрѣніе. Она однажды обманула его,

давала ему надежды, улыбалась его любви и—обманула, и съ тѣхъ поръ лгала, лгала... Она все дѣлала для того, чтобы любовь его умерла, она годами стремилась къ этому и достигла. Онъ не вернется къ ней, онъ пойдетъ теперь въ другое мѣсто... А она осталась одна со своей смѣшной любовью.

Думать объ этомъ было слишкомъ горько и тягостно, слишкомъ обидно для сердца.

Медленно и вяло она встала и пошла домой, въ свою комнату. Тамъ она раздѣвалась, роняя все на полъ, кое-какъ. И плакала. Она какъ будто бы постарѣла на нѣсколько лѣтъ—въ два часа.

Или, быть можетъ, онъ арестованъ? Въ тюрьмѣ, одинъ среди холодныхъ стѣнъ?

Она вскакивала и хваталась въ страхѣ за голову:—Невыносимо. Что случилось?

Орловъ, возвращаясь отъ Вѣры Ивановны, засталъ у себя Красновскаго. Въ первый моментъ это ему было очень тяжело: душа его была полна крикомъ и смятеніемъ; онъ еще мучительно ясно слышалъ обрывки произнесенныхъ словъ, этотъ вопль:—Пустите... который вѣчно будетъ звучать въ его ушахъ; эти отталкивающія руки и ужасъ на лицѣ, который мерещился его глазамъ.

Онъ опустился на стулъ безъ силъ, не сказавъ ни слова.

Но Красновскій точно не замѣчалъ этого, хотя и посмотрѣлъ на него внимательно.

Онъ оживленно расхаживалъ по комнатѣ и почти безъ перерыва говорилъ:

— Представь себѣ—молоденькая фельдшерица. Она у меня излѣчиваетъ всѣхъ. При чемъ тутъ лѣкарство? Ни при чемъ. Вся сила лѣкарства зависитъ отъ того, кто его даетъ. Ты думаешь, въ древности не было чудесныхъ излѣченій? Да столько же, сколько и теперь. Лѣчатся вѣрой и упованіемъ: вѣрой въ лѣкарство или во врача. Если бы вѣру сажали, какъ картошку, міръ не зналъ бы половины своихъ болѣзней.

И онъ усиленно развивалъ эту мысль до самыхъ ея крайнихъ послѣдствій.

— Человѣкъ себя чувствуетъ такимъ, какимъ онъ вѣритъ, что чувствуетъ. Въ этомъ скрыта вся человѣческая свобода, вся эмансипація отъ насилія обстоятельствъ. Царство вѣры есть царство освобожденія. Желаешь ли ты освободиться? Повѣрь. Всѣ думаютъ, что вѣра сама выростаетъ, какъ сорная трава.

Это неправда. Посади ее и слѣди; ухаживай за ней, поливай, разрыхляй землю. Не будь мелоченъ, смотри на главное. Чего не понимаешь—и не надо; жди. Лучше совсѣмъ не понять, чѣмъ понимать плохо вкось и вкривь. Разъ ты не можешь постичь самой реальности,—значитъ, все зависитъ отъ того, какой она тебѣ представляется. Ну, и сдѣлай ее для себя прекрасной; всѣмъ прекраснымъ, что есть въ тебѣ, укрась ее... А если она остается скверной рожей, такъ ты не пеняй на зеркало.

Орловъ долго слушалъ его молча. Всѣ эти слова проникали въ мозгъ и отвлекали его отъ мыслей. Наконецъ, онъ спросилъ:

— Ты это серьезно говоришь?

Красновскій очень оживился отъ этого вопроса—точно онъ только и ждалъ его.

— Да, почти, то-есть въ самомъ главномъ, хотя я и высказываю мою мысль въ глупой формѣ. Я столько видѣлъ счастливыхъ людей въ ужасныхъ обстоятельствахъ и столько несчастныхъ въ счастливыхъ обстоятельствахъ, что я сталъ думать: все зависитъ отъ воспріятія, все на свѣтѣ... Но почему мы сидимъ въ этомъ противномъ номерѣ? Это безжалостно. Я хочу обѣдать.

И онъ потащилъ Орлова въ ресторанъ, въ большую залу, гдѣ слышался говоръ и звонъ посуды.

Онъ сразу увидѣлъ, что съ Орловымъ случилось что-то тяжелое, и рѣшилъ во что бы то ни стало развлечь его—изъ любви къ нему и изъ эгоизма, потому что былъ благодаренъ ему за прогулку на Днѣпрѣ, потому что ихъ старая дружба возрождалась, и это теплое чувство такъ давно не согрѣвало его среди работы, вѣчной суеты жизни и чуждыхъ людей.

Онъ выдумывалъ дорогія кушанья, заказывалъ разныя вина, пробовалъ, критиковалъ, наливалъ и чокался.

— Чѣмъ ничтожнѣе цѣли, которыя ставитъ себѣ человѣкъ въ жизни, тѣмъ онъ несчастнѣе. Вотъ она гдѣ, справедливость, вотъ возмездіе. Вотъ тебѣ и борьба. Занимайся не тѣмъ, какъ въ мірѣ нужно разставить стулья, а собственную скорлупу преодолѣй: тогда сразу все виднѣе станетъ. Это давно извѣстно.

— Хорошія мысли.

— Да, для тѣхъ, кому меланхолить некогда. А мнѣ некогда — у меня никого нѣтъ, кто бы мнѣ слезы утиралъ.

Онъ засмѣялся своимъ веселымъ раскатистымъ смѣхомъ.

Теперь онъ уже увѣреннѣе смотрѣлъ на Орлова, ожидая, что они опять проведутъ съ нимъ прекрасный вечеръ.

— Дорогой мой, чтобы по-настоящему мечтать, нужно непрестанно толкаться среди жизни, среди самой скучной жизни. А что́ ужъ можно выдумать скучнѣе моей. Поэтому я и знаю, какъ мечтаютъ. Ты попалъ на скверную зарубу, потому что ты не умѣешь разставаться: ты слишкомъ долго плачешь на прощаньи; полоса жизни отъ тебя уходитъ, а ты стоишь безъ конца и платочкомъ ей машешь. Ты повернись на каблукахъ и уйди въ другую сторону.

— И это говоришь мнѣ ты, съ твоимъ постоянствомъ жизни?

— Постоянство мое обманчиво, какъ и твое разнообразіе. Можно сидѣть въ Черниговѣ, давно покинувъ его душой для странъ невиданныхъ, и можно уѣхать въ Индію, а потомъ на Мадагаскаръ,—и все-таки волноваться черниговскими дѣлишками.

— По-твоему такъ происходитъ со мной?

— Да, у тебя есть такая точка. Ты сдираешь съ себя прошлое, какъ кожу, вмѣстѣ съ кровью, а нужно снимать его легко, какъ чулокъ. Вѣдь, нога-то, твоя живая нога остается при тебѣ, а чулки всегда найдутся.

Орловъ улыбнулся.

— Это пустяки, Василій. Твоя жизнь не только есть содержаніе, но въ то же время и форма. Какъ ты раздѣлишь ихъ?

— Да и не надо дѣлить. Содержаніе остается при тебѣ, а форму надѣваетъ жизнь. Ну, и пусть ее сколько угодно надѣваетъ. Все равно, въ какихъ штанахъ ходить.

Орловъ съ горечью усмѣхался смѣлости этихъ мыслей и жару, съ которымъ онѣ говорились. Были ли онѣ совсѣмъ искренни? Кто знаетъ. Быть можетъ, онѣ были только тоской о свободѣ, о которой шла рѣчь, быть можетъ, онѣ выражали одну только мечту Красновскаго о томъ, чего онъ никогда не могъ достигнуть. Такъ много людей, которые пытаются бороться со своими страданіями презрѣніемъ, униженіемъ дѣйствительности передъ лицомъ того, о чемъ они мечтаютъ. Чтобы не видѣть острыхъ камней, по которымъ они идутъ, чтобы не видѣть крови, капли которой роняютъ,—они высоко смотрятъ горящими глазами на край неба, гдѣ загорѣлась для нихъ звѣзда. Сколько радостныхъ мучениковъ въ жизни, сколько весельчаковъ, которые веселятся, чтобы не плакать.

Съ теплымъ благодарнымъ чувствомъ онъ смотрѣлъ на Красновскаго; напряженность его нервовъ разрѣшилась въ усталую, мягкую чувствительность.

Какова власть прошлаго надъ людьми! Сколько людей онъ видѣлъ и зналъ за послѣдніе годы, милыхъ и немилыхъ; они приходили и уходили, всегда чужіе... Но въ связяхъ юности есть нѣчто нетлѣнное, что̀ сильнѣе времени, сильнѣе оболочекъ жизни; всегда остается какая-то дверь, тайная калитка, увитая плющемъ, и входишь черезъ нее въ знакомый садъ: да, здѣсь растутъ еще цвѣты, которые когда-то вмѣстѣ сажали, этотъ розовый кустъ сталъ большимъ, а тѣ бѣлые левкои погибли— вѣдь, это были только однолѣтніе цвѣты...

— Вотъ эту рюмку ликера я выпиваю за веселье, Орловъ,— за веселье, во что бы то ни стало, потому что у веселыхъ людей открытая душа: играй, вѣтеръ, шевели струны. А въ струнахъ— движеніе, а въ движеніи—жизнь, а въ жизни двое созидающихъ: мечта и трудъ. Что̀ лучше, пусть рѣшаютъ мудрецы.

Обѣдъ ихъ кончился; кофе было выпито. Накуренный воздухъ давилъ на грудь, и за сосѣднимъ столомъ двѣ дамы слишкомъ громко смѣялись.

— Что̀ же, пойдемъ куда-нибудь.

Они расплатились и пошли.

Красновскій увезъ Орлова на край города, куда-то на откосъ.

Солнце уже закатилось; надъ Днѣпромъ пролетали послѣднія чайки, спѣша на вечерній отдыхъ; бѣлый низовой пароходъ маневрировалъ въ гавани взадъ и впередъ, оставляя за собой двѣ волны—точно косу волосъ, раздѣленную на двѣ сѣдѣющихъ пряди. Внизу у подножья откоса въ монастырѣ монахи служили всенощную, и хоръ ихъ съ сильными басами отдаленно рокоталъ, то вырастая порывомъ, то покорно затихая. Синѣли далекія дали; Днѣпръ двумя поворотами тянулся въ широкую степь, закрываясь неясной, дрожащей дымкой.

Орловъ и Красновскій сидѣли на обрывѣ, обнявъ колѣна руками. Ниже ихъ, по вьющейся съ Подола дорогѣ, все шли и шли вереницами на гору богомолы.

— Господи, сколько ихъ ходитъ по Кіеву... Тысячи.

— Меня поразили лица русскихъ крестьянскихъ дѣвушекъ: кроткія съ дѣтскимъ оваломъ щекъ и небесно-чистыми глазами. Ты обращалъ когда-нибудь вниманіе на глаза крестьянокъ,

Василій? Какая въ нихъ робость невѣдѣнія, покорность, готовность къ ласкѣ—въ этомъ взглядѣ немножко сбоку, немножко исподлобья, который ждетъ только твоей улыбки, чтобы засіять привѣтомъ. Меня глубоко трогаютъ эти глаза; въ Европѣ я нигдѣ не видѣлъ такихъ. Отчего? Что̀ значитъ эта чистота на-ряду съ изувѣрскимъ мракомъ русской жизни? Залогъ какихъ еще несбывшихся возможностей въ этомъ человѣчески-прекрасномъ взглядѣ?

Красновскій не сразу отвѣтилъ.

— Многое чудится тебѣ.

— Они же Божьи дѣти.

— Да, дѣти. Иногда они страшныя, злыя дѣти.

— Но вѣдь это только порывами... Развѣ такова злость на Западѣ? Тамъ везутъ человѣка на судъ, связаннаго, окруженнаго конвоемъ, безопаснаго, а тысячная толпа кричитъ кругомъ:—На смерть, на смерть его!—совсѣмъ какъ Іудеи передъ дворцомъ Пилата:—Распни! У насъ въ Россіи ты видѣлъ ли такую звѣриную злость, такую подлую мстительность? У насъ пригорюнится прохожая баба, скажетъ:—несчастный... и дастъ ему калачъ.

— Да, если до этого мужички на задахъ у деревни полѣномъ его не прикончатъ. Ты теперь патріотъ, голубчикъ, ты восхищенный человѣкъ, ослѣпленный. Тамъ, вѣдь, не хуже, гдѣ ты былъ только-что: мы здѣсь сидимъ и грезимъ обо всемъ, что̀ тамъ накоплено, обо всей этой роскоши историческаго богатства, о человѣчной формѣ жизни—именно грезимъ обо всемъ этомъ.

— Ну, человѣчныхъ формъ жизни тамъ немногимъ больше, чѣмъ у насъ. Тамъ много звѣрства въ крахмальныхъ воротничкахъ, въ котелкахъ и съ галстукомъ; тамъ ученые на конгрессахъ обсуждаютъ, что̀ для закона импозантнѣе: на веревкѣ тебя повѣсить, или обрѣзать тебя машинкой, какъ сигару съ одного конца. Да и не въ этомъ дѣло, я никого не обвиняю. Нѣтъ.

— А въ чемъ же?

Вокругъ нихъ темнѣло—быстро, по-южному, какъ будто бы кто-то свѣтъ убавлялъ въ свѣтильникѣ. Прямо противъ нихъ на небѣ загорѣлась яркая вечерняя звѣзда.

Орловъ, не отрываясь, смотрѣлъ на нее.

— Не все ли равно, въ какихъ штанахъ ходить,—усмѣхнулся онъ.—Ты, кажется, такъ сказалъ?

Но Красновскій не отвѣтилъ.

И Орловъ снова началъ:

— Безконечно милый ликъ отчизны, другой не будетъ ни-

когда... Это какъ въ любви: не отвлеченно-правильная красота чаруетъ тебя и влечетъ, а земная грѣшная прелесть, неповторяемость любимаго, его единственность именно въ этомъ сочетаніи очарованія и грѣха, достоинствъ и недостатковъ, дурного и прекраснаго. Народъ—это лицо; когда онъ спитъ, онъ самъ себя не чувствуетъ; когда онъ слышитъ зовъ, онъ вдругъ встаетъ, поднятый единствомъ воли. Это страшно и прекрасно. Что́ было бы съ тобой, если бы погибла твоя родина?

— И все-таки, много есть людей, которые ее мѣняютъ.

— Кто мѣняетъ. Но это же больные люди, это клочья разорванной одежды, оставленные народомъ на шипахъ придорожнаго кустарника. Перемѣнить родину... Это такъ же безумно, какъ перемѣнить свою мать, выбрать себѣ другую, подходящую по своему вкусу. Это же невозможность. Спроси о перемѣнѣ родины у тѣхъ, кто былъ насильственно оторванъ отъ нея. Это тяжко и мучительно.

— А по-моему ужъ тѣмъ хорошо уѣхать изъ Россіи, что нигдѣ не увидишь еще такого количества страданія. У насъ слишкомъ много страданія. Я-то, сидя въ деревнѣ, хорошо и близко вижу это.

Орловъ нѣсколько мгновеній колебался, а потомъ сказалъ:

— А что́ сдѣлалось бы съ людьми, Василій, если бы не было страданія? Люди стали бы скотами. Страданіе—какъ огниво, оно высѣкаетъ искры. Не ему ли обязано все, что̀ создано людьми, все, что́ подумано ими прекраснаго, все, что́ перечувствовано возвышеннаго. Я тебя сегодня слушалъ, и думаю, что ты ошибаешься. Ты говоришь: свобода въ томъ, чтобы не обращать вниманія на жизнь, такъ высоко поднять чашу своей души, чтобы волны жизни не доставали до нея—въ этомъ человѣческая свобода. А по-моему—это иллюзія свободы, условная свобода отреченца и аскета. Люди—рабы только потому, что они боятся страданія. Докторъ Паскаль мечталъ когда-то полезно утилизировать энергію страданія, но онъ былъ псевдо-ученый, утопическій матеріалистъ, онъ ничего не понялъ. Онъ не понималъ, что великая сила исторіи, сила столь дорогого ему человѣческаго прогресса именно и есть сила страданія; она утилизирована въ мірѣ. Она есть источникъ и символъ стремленія къ высшему достиженію; она вдохновляетъ все: открытіе радія и паровыхъ тюрбинъ, мечтанія о прекрасномъ будущемъ человѣчества, щемящія сердце слова погребальныхъ хоровъ и нѣжные стихи новорожденной любви. Если бы не было страданія, въ

мірѣ ничего не происходило бы великаго и люди превратились бы въ павіановъ. Мнѣ это такъ безконечно ясно, и такъ нужно много думать, чтобы додумать послѣдствія этой мысли до конца. Это моя самая дорогая мысль.

Орловъ замолчалъ среди сумрака; онъ ждалъ отвѣта Красновскаго, но тотъ теперь лежалъ неподвижно на спинѣ и смотрѣлъ въ небо. Далеко внизу шелъ пароходъ въ Черниговъ, суетливо шлепая плицами по водѣ; монахи уже не пѣли подъ горой, и монастырь погрузился въ тихую темноту.

— Очищеніе страданіемъ,—началъ онъ снова.—Это древняя, какъ міръ, идея. И, можетъ быть, не было никогда народа на землѣ, который такъ глубоко пріютилъ бы ее въ своемъ сердцѣ, какъ русскій народъ. Если бы у насъ родился большой человѣкъ, громадный художникъ, достаточно искренній и чистый сердцемъ, не съ больнымъ геніемъ, какъ измученный Достоевскій, а свѣжій, не предубѣжденный книжностью, не ослѣпленный повседневной борьбой,—можетъ быть, изъ этой идеи онъ родилъ бы ослѣпительно-прекрасное созданіе; можетъ быть, онъ отгранилъ бы истину, какъ блистающій брилліантъ, и показалъ бы ее изумленному міру на всеобщее любованіе.

Но Красновскій продолжалъ молчать.

— Что́ сталось бы съ человѣческимъ сердцемъ, Василій, съ бѣднымъ запыленнымъ, усталымъ, захватаннымъ руками жизни сердцемъ, если бы оно не страдало? Чѣмъ оно могло бы возродиться, чѣмъ очиститься? Я не вижу другой силы въ мірѣ, ея нѣтъ. Человѣкъ задохся бы въ собственномъ ядовитомъ дыханіи; силой непрестаннаго наслажденія убилъ бы навсегда въ себѣ всякую возвышенную мечту. Это было бы неизбѣжнымъ, ужаснымъ концомъ.

И Красновскій опять ничего не отвѣтилъ ему.

Тогда мысли Орлова вдругъ вернулись къ самому себѣ. Онъ вспомнилъ все, что́ съ нимъ случилось сегодня, а потомъ все, что́ онъ пережилъ за послѣдніе годы: какая тамъ пыль, какая пыль... сколько ненужныхъ поступковъ, пошлыхъ отношеній, судорогъ душевнаго опустошенія, кошмаровъ наяву при свѣтѣ бѣлаго дня; сколько душевной свѣжести, растраченной расточительно и безумно, сколько поруганныхъ грезъ, поруганныхъ мало-по-малу, коварно, незамѣтно, при попустительствѣ ослабѣвшей воли, при сообщничествѣ усталаго сердца... И сколько дней искупленія, сколько тоски, сколько задушенныхъ криковъ, сколько порывовъ къ людямъ, остановленныхъ больнымъ, болѣзненнымъ недовѣріемъ... Сколько страданія.

Онъ быстро всталъ на ноги, потому что не могъ овладѣть собой. Онъ отошелъ въ сторону, чтобы его не видѣлъ Красновскій, легъ на землю и заплакалъ тамъ, уткнувшись лицомъ въ траву.

Развалины прошлаго, жизнь, разоренная безжалостно, безконечный грузъ душевнаго несчастья... Чудесныя тѣни прошлаго—онъ низко кланялся имъ, какъ живымъ. Былое стало теперь какъ отшумѣвшій лѣсъ, наполненный тихой осенью; свѣтлое солнце весны, ярый шумъ унесся въ даль покорнаго забвенія. Какое мучительное, сжимающее сердце сожалѣніе...

Но онъ привезъ съ собой растроганную примиренность, сердце его было полно сладкимъ милосердіемъ. И отсюда рождалась неясная, но прекрасная надежда.

У себя въ гостиницѣ, куда они вернулись вмѣстѣ съ Красновскимъ, Орловъ нашелъ телеграмму Вѣры Ивановны. Итти къ ней было невозможно: уже пробило два часа ночи. Но онъ радовался глубоко и страстно:—это былъ призывъ, котораго онъ ждалъ такъ долго, это было обѣщаніе свѣтлаго, счастливаго будущаго, теплая, дорогая рука, протянутая ему черезъ пустыню ушедшихъ лѣтъ, въ минуту безнадежности...

И онъ счастливо засмѣялся, и долго смѣялся самъ себѣ; подошелъ къ Красновскому, похлопалъ его по плечу, переставилъ нѣсколько вещей, не зная, чѣмъ занять себя; легъ на кровать и снова всталъ.

— Что́ мы будемъ дѣлать? Василій, выдумывай. Голубчикъ, что́ дѣлать? Что́ дѣлать?

Красновскому надо было уѣхать утромъ съ одиннадцатичасовымъ поѣздомъ.

— Я бы хотѣлъ заснуть. А ты?

— О, нѣтъ. Я, кажется, не засну. Ни въ коемъ случаѣ не засну. Это не удастся.

Орловъ бѣгалъ по номеру и рылся въ своихъ вещахъ.

— Надо мнѣ найти что-нибудь, какую-нибудь книжку... А ты спи спокойно. Мнѣ жаль, что ты будешь спать. Но тебѣ надо завтра на работу, значитъ, необходимъ отдыхъ. Не бойся, я не буду мучить тебя. Я себѣ найду что-нибудь.

— Итакъ, ты получилъ какое-то пріятное извѣстіе.

— Да, я получилъ... Кажется.

— Удивительная вещь—человѣческій голосъ. Зачѣмъ слова,

когда можно все разсказать безъ словъ—въ однѣхъ интонаціяхъ. Собаки совершенно правы, когда онѣ понимаютъ насъ безъ языка.

Орловъ взглянулъ на него и расхохотался.

— Что же ты понялъ? Разскажи мнѣ.

— Нѣтъ, пожалуй, что я не разскажу тебѣ.

— Почему?

— Да какъ-то неловко. Что ужъ!

Полураздѣтые, съ разстегнутыми воротами рубашекъ, они сидѣли и долго разговаривали, весело и оживленно. Часы проходили за часами; подъ раскрытыми окнами раздались голоса, и началось движеніе; появились дворники съ метлами, побѣжали шустрые газетчики. Потомъ ожила и гостиница.

Они взяли ванну, плескались въ водѣ и громко переговаривались черезъ тонкую перегородку; послѣ купанья заказали себѣ ранній завтракъ и сѣли завтракать въ номерѣ Орлова. Купанье освѣжило ихъ, и они чувствовали себя возбужденными и бодрыми, безпричинно смѣялись и шутили очень невзыскательно.

День начинался свѣтлый и безоблачный; вѣтеръ приносилъ еще свѣжія утреннія дуновенія.

Орловъ наклонился изъ окна и крикнулъ цвѣточницѣ. Она поднялась къ нимъ и продала имъ нѣсколько розъ, раскрывшихся, какъ влажные розовые рты.

— То, панычу, для чорявоі баришні, щоб вона не журилась.

— Ну, ужъ, конечно, для черненькой.

Орловъ рѣшилъ проводить Красновскаго на вокзалъ, а оттуда поѣхать къ Вѣрѣ Ивановнѣ—раньше онъ не могъ явиться къ ней.

И они ѣли, пили, шутили съ подававшимъ лакеемъ и хохотали.

И вдругъ среди раската громкаго смѣха раздался стукъ въ двери.

Орловъ открылъ—и остановился на порогѣ растерянный: это была Вѣра Ивановна. Она закрылась густой вуалью, но онъ сейчасъ же узналъ ее.

— Вы? Это вы?

— Вы на свободѣ? Невредимы? Слава Богу!

Измученная сомнѣніями этой ночи, мыслями о разрывѣ, объ арестѣ, объ ужасахъ тюрьмы, она взглянула теперь на его радостное лицо, на его протянутыя руки — и горячая волна прилила къ ея щекамъ.— Ну да, онъ не зналъ, его не было, онъ не получилъ ея телеграммы... Вся мука этой ночи, вся

обида, всѣ колебанія и страхи—все разсѣялось, какъ дымъ. Сразу стало покойно и хорошо на душѣ.

Вѣра Ивановна откинула вуаль и вошла въ комнату.

Красновскій вскочилъ въ восторгѣ:

— Господи Боже мой, я не видѣлъ васъ два года.

— Да, два года вы не хотѣли видѣть меня, Красновскій.

Они были расположены другъ къ другу, хотя и рѣдко встрѣчались; теперь они дружески здоровались и улыбались.

— Я хотѣлъ васъ видѣть, но не хотѣлъ показывать себя.

— Отчего?

— О-о-о... Такъ печально разсказывать. Такъ пріятно бываетъ думать, что воспоминаніе о тебѣ осталось неиспорченнымъ. У меня были такіе бѣлые зубы, когда вы знали меня.

Вѣра Ивановна разсмѣялась.

— А ну, покажите ваши зубы, чтобы они больше не мѣшали мнѣ видѣть васъ.

Пока они говорили, Орловъ стоялъ надъ столомъ и смотрѣлъ куда-то расширенными глазами:—Вотъ совершалось все, чего онъ хотѣлъ, добивался, о чемъ долго и недовѣрчиво мечталъ. И что́ же? Ну, и что́ же?

Смутное чувство какой-то вины лежало на его душѣ; онъ не могъ назвать его, осмыслить, но отъ этого оно становилось еще больнѣе. Точно онъ обманулъ чье-то довѣріе, взялъ слишкомъ много, а далъ такъ мало, такъ жалостно мало: свою усталую душу, раздираемую противорѣчіями, лишенную цѣльнаго порыва, униженную недовѣріемъ къ себѣ, съ чувствомъ грѣха и чего-то нечистаго, что́ мучило его. Было мгновеніе, когда онъ смотрѣлъ на Вѣру Ивановну съ испугомъ.

Но голосъ ея такъ радостно звучалъ, такая счастливая улыбка приподымала ея губу.

— Вы меня не приглашаете съ вами завтракать? Нѣтъ?

Тогда онъ очнулся и захлопоталъ. Онъ придвинулъ ей стулъ, задернулъ штору надъ ея головой, бѣгалъ куда-то къ распорядителю, что-то еще заказывалъ, возвращался и на минуту присаживался около нея:—да, это была она; чудо совершилось... Она не захотѣла ждать, пока онъ придетъ къ ней—она пришла сама, съ несмѣлой улыбкой и кроткими глазами. Вотъ она была здѣсь, у него въ комнатѣ.

Онъ вставалъ, дѣлалъ нѣсколько шаговъ и опять возвращался. Онъ смотрѣлъ на блескъ граненой посуды, въ которой переломлялись лучи солнца, и блескъ этотъ заливалъ его, какъ будто бы все сверкало и переливалось этимъ блескомъ.

— Вы ничего не говорите?

— Я?

— Ну, вы.

Красновскій смѣялся.

— Это отъ безсонной ночи. Отъ этого происходитъ разсѣяніе сознанія, когда мысли разлетаются, какъ воробьи. Оставьте его, не въ этомъ дѣло... Милая Вѣра Ивановна, развѣ можно было придумать что-нибудь чудеснѣе того, что́ вы сдѣлали. Вы пришли къ намъ,—какъ когда-то въ старое время. Сегодня свѣтитъ солнце, у васъ оживленные и радостные глаза. Я люблю людей такими до страсти. Я поѣду сейчасъ въ деревню и всю дорогу буду думать объ этомъ. Позвольте поцѣловать вамъ руку... и прочее, и прочее, чего я не умѣю разсказать.

Онъ поцѣловалъ ея руку. А потомъ поѣхали на вокзалъ.

Открытая коляска катилась неслышно, и лязгъ лошадиныхъ подковъ о камни мостовой казался въ чистомъ воздухѣ особенно четкимъ и звонкимъ.

Красновскій сидѣлъ на скамеечкѣ, напротивъ Орлова и Вѣры Ивановны.—Значитъ, это серьезно,—думалъ онъ.—Вотъ она ѣдетъ черезъ весь городъ съ нами въ коляскѣ, и всѣ мы помолодѣли, и всѣ именинники. И это очень хорошо...

Дорогой онъ подзывалъ всѣхъ цвѣточницъ и покупалъ цвѣты; цѣлый ворохъ цвѣтовъ скопился на колѣняхъ у Вѣры Ивановны.

— Василій Григорьевичъ, довольно... Вы шутите?

— Ничего, ничего,—говорилъ онъ.—Ужъ вы, пожалуйста, сдѣлайте ваше одолженіе.

Къ поѣзду они почти опоздали и на перронѣ пришлось бѣжать, расталкивая по дорогѣ всѣхъ встрѣчныхъ.

У вагона Красновскій посмотрѣлъ сіяющими глазами на Орлова, на Вѣру Ивановну, и опять крѣпко цѣловалъ ей руки.

— Прощай, Лемерсье, мой другъ... Мы родились съ тобой въ разныхъ странахъ, но я тебя люблю. Au revoir, au revoir mes amis... А я въ свою деревню.

Поѣздъ свистнулъ и пошелъ. Красновскій долго еще махалъ имъ шляпой, пока вагонъ его не скрылся за поворотомъ.

Они остались одни на перронѣ.

Кругомъ ихъ текла густая толпа провожающихъ, которые теперь уходили; въ сущности они были одни. И они подали другъ другу руки.

Орловъ сказалъ ей:—Благодарю...

Но это было совсѣмъ не то, что̀ онъ хотѣлъ сказать. Его чувства были такъ сильны, такъ смутны и такъ переплетались между собой,—ему трудно было начать съ чего-нибудь.

— Вы хотѣли что-то сказать мнѣ, Вѣра Ивановна? Вчера?

— Я? Нѣтъ...

— Большую новость, кажется.

— Ахъ, новость?.. Нѣтъ.

Это было невеликодушно—спрашивать такъ. И она сейчасъ же испугалась и заторопилась съ вокзала.

— Меня потеряли дома. Лили...

Но онъ задержалъ ее. На перронѣ перекликались носильщики, катая съ грохотомъ пустыя багажныя телѣжки; свистали на стрѣлкахъ локомотивы.

— Я правильно понялъ васъ? Скажите?

Она стояла, отвернувшись, и кусала губы.

— Ради Бога, скажите.

И сейчасъ же онъ увидѣлъ, что допрашивать было не нужно.

Она на мгновеніе прижала его руку къ своей груди и быстро пошла къ выходу.

— Не теперь. Пожалуйста... Голубчикъ.

Когда онъ подсаживалъ ее въ пролетку, она повернула къ нему лицо; глаза ея горѣли.

— Я люблю васъ. Вы же видите...

— Вѣра Ивановна...

— Нѣтъ, до вечера... Сегодня! Ради Бога... Извощикъ, поѣзжайте.

Извощикъ тронулъ, и она еще разъ оглянулась.

— До свиданія, до свиданія... Вечеромъ!

— Вѣра Ивановна...

Онъ хотѣлъ кинуться за ней, чтобы еще разъ увидѣть ея лицо. Но пролетка была уже далеко.

Въ этотъ вечеръ онъ не пришелъ къ ней; ей принесли письмо. Она прочла его и долго сидѣла неподвижно. Сначала лицо ея омрачилось, но потомъ оно стало яснѣть все больше.

«То, что̀ случилось со мной, кажется мнѣ съ каждымъ часомъ прекраснѣе. Я не могу сегодня придти къ вамъ—не долженъ это дѣлать; я боюсь. Когда вы прочтете это письмо, вы поймете меня.

Я слишкомъ нехорошо жилъ, чтобы взять вашу любовь,— я не могу. Родина разбудила все прекрасное, что́ жило еще въ моей душѣ, и волшебной властью она растрогала меня до сладкихъ слезъ; съ неумолимой ясностью она освѣтила мнѣ глубину моего собственнаго сердца—и я ужаснулся при видѣ его: какое опустошеніе. Какая заброшенность, какое постыдное равнодушіе поселилось тамъ—равнодушіе къ самому дорогому, къ самому любимому моему. Какая ничтожная погоня за своимъ счастьемъ, за какимъ-то отдѣльнымъ отъ всей жизни; какая нездоровая погоня за ощущеніями... Я не смѣю подойти къ вамъ съ такимъ сердцемъ — я слишкомъ люблю васъ, слишкомъ радуюсь на васъ. И вотъ—я окончательно рѣшилъ... Пожалуйста, не пугайтесь. Я рѣшилъ заслужить у судьбы мое будущее съ Вами, мою прекрасную жизнь, которую я вижу впереди. Она должна быть безмятежна... Прости, если я дѣлаю тебѣ больно. Но я рѣшилъ явиться на судъ, самъ добровольно. Пусть это принесетъ мнѣ много страданій—я не боюсь ихъ. Я люблю тебя, и хочу любить безконечно шире и сильнѣе, я полонъ мечтой о будущемъ. И я долженъ стать радостнымъ и свободнымъ, душевно и тѣлесно; страданіе будетъ для меня благомъ,—не страшись его.

Я хотѣлъ бы надолго, надолго обнять тебя, чтобы ты услышала, какъ бьется мое сердце; неизъяснимая нѣжность наполняетъ меня при мысли о тебѣ... Черезъ нѣсколько часовъ я буду уже за каменными стѣнами. Привѣтъ тебѣ, привѣтъ на всю жизнь...

P. S. Можетъ быть, ты скоро сможешь увидѣться со мной— черезъ рѣшетку... И какъ я буду любоваться на тебя, жадно смотрѣть на тебя! Какую лучезарную мечту ты поселила въ мое сердце. Привѣтъ, привѣтъ»...

Позднимъ вечеромъ онъ пришелъ въ полицейскій участокъ.

— Я—Орловъ, Владиміръ Николаевичъ. Я много лѣтъ скрывался за границей отъ суда по политическому дѣлу. Арестуйте меня.

И его арестовали. А онъ мечтательно улыбался въ это время.

Двѣ любви сливались въ его сердцѣ, двѣ самыхъ прекрасныхъ, чистыхъ любви, которыми онъ былъ одаренъ въ жизни; недавнее прошлое казалось ниспосланнымъ испытаніемъ, которое завершилось счастливо. Конецъ безконечнымъ скитаніямъ, теперь— конецъ тоскѣ. Онъ дома, дома...

Дверь за нимъ закрылась.

А. Окуловъ.

ВОЙНА.

Дымится къ небу кровь. Безъ устали, жестоко,
Въ бояхъ чудовищныхъ смерть коситъ жизни цвѣтъ.
И льется море слезъ.—А на небѣ высоко
Тамъ плачутъ сонмы звѣздъ и меркнетъ лунный свѣтъ.

* * *

Дымится къ небу кровь. Съ любовью беззавѣтной,
Идутъ на смерть они—герои безъ числа—
Ихъ кликъ: «За родину», и лозунгъ ихъ завѣтный:
«Побѣда»—счастье въ ней чтобъ родина нашла.

* * *

Хотя душа горитъ въ страданіи безсильномъ
И сердце мнѣ гнететъ безумная печаль,
А все же я смотрю съ порывомъ свѣтлымъ, сильнымъ,
Съ надеждой пламенной въ волнующую даль.

* * *

Настанутъ дни побѣдъ—и надъ родной страною,
Какъ солнце изъ-за тучъ, должна, должна тогда
Разлить ся радостной, широкою волною
Свободы, равенства и братства красота.

М. Ватсонъ.

ВОСПОМИНАНІЯ О СѢЧЕНОВѢ.

(Къ исторіи науки въ Россіи).

Осенью 1905 года, въ Москвѣ на разстояніи немногихъ дней, состоялось двое похоронъ. Въ концѣ октября хоронили молодого ветеринара Баумана, революціонера, освобожденнаго послѣ манифеста 17 октября и убитаго во время уличной демонстраціи какимъ-то темнымъ противникомъ совершившейся реформы. Толпа въ нѣсколько сотъ тысячъ провозглашала соціалистическія стремленія пѣньемъ и рѣчами около гроба, покрытаго красной тканью и сопровождавшагося красными знаменами.

Недѣли двѣ позднѣе (5 ноября) опустили въ могилу знаменитаго ученаго и профессора, скончавшагося послѣ долгой жизни упорнаго труда въ пользу науки и человѣчества. На похоронахъ Ивана Михайловича Сѣченова присутствовали почти исключительно его друзья и личные знакомые. Студентовъ собралось всего лишь нѣсколько человѣкъ. Трудно представить себѣ болѣе рѣзкій контрастъ въ проявленіи чувствъ къ усопшему. А между тѣмъ труды Сѣченова составили прочный вкладъ въ науку, достоинство котораго и теперь обще-признанное, со временемъ получатъ еще болѣе полную оцѣнку.

Немного было и есть въ Россіи ученыхъ, дѣятельность и вліяніе которыхъ оставили бы по себѣ такой глубокій слѣдъ, какъ болѣе чѣмъ тридцатилѣтняя работа Сѣченова. Не говоря о цѣломъ рядѣ спеціальныхъ изслѣдованій въ области физіологіи, его труды по раціональный психологіи, преподаваніе въ нѣсколькихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, публичныя чтенія, руководство многочисленными учениками,—все это составило такой крупный итогъ, который долженъ занять не одну страницу въ исторіи умственнаго развитія Россіи.

Такъ какъ мнѣ привелось въ теченіе болѣе десяти лѣтъ находиться въ особенной близости къ Сѣченову и такъ какъ теперь врядъ-ли осталось много лицъ, хорошо знавшихъ его въ моло-

дые годы, то, я думаю, не будетъ лишнимъ подѣлиться съ читателями воспоминаніями объ этомъ замѣчательномъ ученомъ и человѣкѣ. Дѣлая это, я къ тому же исполняю долгъ передъ другомъ, которому считаю себя обязаннымъ во многихъ отношеніяхъ.

Начало дѣятельности Сѣченова совпало съ пробужденіемъ Россіи послѣ Крымскаго пораженія и вступленіемъ на престолъ Александра II-го, съ эпохой такъ мало похожей на теперешнія времена. «Къ высокой жизни вѣчныя стремленія» (Фаустъ, 2-я часть) тогда не подавлялись, а по возможности поощрялись. Пользуясь этимъ, молодой инженеръ бросаетъ военную службу и ѣдетъ за границу учиться. По прошествіи короткаго времени, онъ заявляетъ себя выдающейся работой по физіологіи (о газахъ крови) и вскорѣ возбуждаетъ всеобщее вниманіе въ высшей степени талантливымъ сочиненіемъ: «Рефлексы головного мозга», трактующимъ о задерживаніи непроизвольныхъ движеній и о механизмѣ психической дѣятельности.

Повсюду въ Россіи заговорили о Сѣченовѣ. Маленькая медицинская газета (Медицинскій Вѣстникъ), которая до тѣхъ поръ вращалась лишь среди врачей, стала переходить изъ рукъ въ руки всѣхъ образованныхъ людей. Идеи Сѣченова, высказанныя имъ въ этомъ сочиненіи, не замедлили войти въ плоть и кровь молодого поколѣнія, подготовленнаго къ воспріятію ихъ чтеніемъ выдающихся произведеній иностранной научно-популярной литературы. Извѣстность Сѣченова среди молодежи еще болѣе увеличилась вслѣдствіе распространившихся слуховъ о томъ, что онъ изображенъ въ видѣ одного изъ героевъ романа Чернышевскаго «Что дѣлать»— Кирсанова. Послѣ этого Сѣченовъ сразу былъ признанъ «новымъ» человѣкомъ, первообразомъ, которому нужно было слѣдовать во всемъ. Аудиторія его наполнялась многочисленными слушателями, въ число которыхъ попало и нѣсколько женщинъ (изъ первыхъ, получившихъ высшее образованіе); всѣ они жадно ловили каждое слово, выходящее изъ устъ любимаго профессора.

Сѣченовъ, однако, вовсе не искалъ популярности. Онъ, напротивъ, скорѣе избѣгалъ ея. Къ репутаціи его среди студентовъ примѣшивалась политическая нотка, которая была совершенно не во вкусѣ молодого ученаго. Сѣченовъ всегда былъ очень либерально настроенъ, но чуждъ какого бы то ни было политическаго увлеченія. Онъ страстно любилъ науку и лабораторію, въ которой разрабатывалъ ее, но въ политикѣ придерживался принципа: «ни реакціи, ни революціи». Между

тѣмъ, послѣ освобожденія крестьянъ, стало сильно сказываться въ молодой Россіи крайнее направленіе въ политикѣ. Давно пущенная въ ходъ мысль, что Россія должна показать загнившей Европѣ, какъ устроить общественную жизнь, чтобы не было нищеты и чтобы благополучіе сдѣлалось всеобщимъ— нашла себѣ новую почву. Это направленіе завладѣло умами очень многихъ среди умственно развитой, дѣятельной молодежи, но оно не входило въ программу Сѣченова. Вслѣдствіе того онъ сталъ все болѣе отстраняться отъ политики и все болѣе уходить въ науку, результатомъ чего было то, что о немъ распространилось мнѣніе, будто онъ сдѣлался недоступнымъ и что къ нему крайне трудно проникнуть. Къ этому еще присоединился слухъ, будто онъ живетъ по программѣ Кирсанова, что еще болѣе побуждаетъ его уединиться отъ общества.

Все это очень смущало меня, которому чрезвычайно хотѣлось познакомиться съ учителемъ, видимо способнымъ къ самому широкому полету мысли. Соблазнъ былъ тѣмъ болѣе великъ, что во время пребыванія моего на югѣ Италіи въ 1865 году, я оказался въ двухъ шагахъ отъ Сѣченова. Я жилъ въ Неаполѣ, предаваясь тамъ изученію морскихъ животныхъ, а Сѣченовъ проводилъ каникулы въ сосѣднемъ Сорренто. Какъ было не попытаться встрѣтиться съ нимъ? По природѣ застѣнчивый, я еще болѣе боялся идти къ нему, такъ какъ Сѣченовъ былъ физіологъ новаго физико-химическаго направленія, я же, поглощенный всецѣло строеніемъ и исторіей развитія животныхъ, былъ очень несвѣдущъ по физикѣ и химіи. Мой товарищъ и сожитель А. О. Ковалевскій (сдѣлавшійся вскорѣ знаменитымъ зоологомъ) былъ не смѣлѣе меня. Самымъ храбрымъ въ нашей компаніи оказался баронъ А. Ф. Стуартъ, который взялъ на себя починъ поѣздки въ Сорренто и визитъ къ Сѣченову. Такъ какъ тамъ въ то же время проживала другая русская знаменитность — Бакунинъ, то рѣшено было заодно пойти и къ нему. Это было тѣмъ легче, что, въ противоположность Сѣченову, Бакунинъ былъ извѣстенъ большою доступностью. Въ послѣднюю минуту къ намъ присоединился профессоръ и академикъ Ф. В. Овсяниковъ, которому захотѣлось при случаѣ повидать знаменитаго революціонера. Мы прежде всего и направились къ Бакунину. Онъ принялъ насъ съ распростертыми объятіями и тотчасъ же сталъ проповѣдывать свою теорію о ниспроверженіи существующаго общественнаго строя, наводя этимъ даже нѣкоторый страхъ на добродушнаго Овсяникова, который не замедлилъ спросить: «но что же, Михаилъ Александ-

ровичъ, будетъ послѣ такого переворота?»—«Ну, этого теперь предсказать невозможно», отвѣчалъ Бакунинъ. «Непосредственная задача состоитъ въ томъ, чтобы не оставить, что́ называется, камня на камнѣ, а потомъ уже будетъ видно, какъ строить новую жизнь». Тѣмъ временемъ принесли огромный кофейникъ, чтобы угощать насъ кофе. Бакунинъ, найдя, что жена его не достаточно расторопна, самъ сталъ распоряжаться; но не прошло нѣсколькихъ минутъ, какъ своими энергичными движеніями онъ опрокинулъ кофейникъ и розлилъ весь кофе на полъ. Разумѣется, это возбудило особую веселость, а Бакунина еще болѣе воодушевило. Онъ сталъ увѣрять насъ, что Россія наканунѣ государственнаго переворота, уже начавшагося съ возстанія киргизовъ, которые по послѣднимъ газетнымъ извѣстіямъ отказались платить подати (ясакъ), а за киргизами и вся Россія не замедлитъ превратиться въ пылающій революціонный очагъ. Нечего и говорить, что пламенныя рѣчи Бакунина не оказали на насъ ни малѣйшаго вліянія; но, тронутые его откровенностью и радушіемъ,—мы разстались друзьями.

Отъ Бакунина мы, трое молодыхъ людей, отправились къ Сѣченову, откуда вынесли совершенно другого рода впечатлѣніе.

Трудно представить себѣ въ самомъ дѣлѣ болѣе рѣзкій контрастъ, чѣмъ тотъ, который оказался въ характерахъ этихъ двухъ русскихъ знаменитостей. Съ одной стороны, кипучая натура, не знающая мѣры, вѣчно переливающаяся черезъ край совершенно поверхностнаго бушеванія; съ другой—мысль и дѣло, идущіе изъ самой глубины души. Каждое слово Сѣченова, прежде чѣмъ выйти наружу, подвергалось строгому контролю разсудка и воли. Въ то же время это былъ вовсе не сухой резонеръ, а въ высшей степени сердечная, чувствительная натура.

Сѣченовъ принялъ насъ ласково, очень просто, безъ всякихъ лишнихъ любезностей. Я сразу былъ пораженъ его замѣчательной наружностью. На широкомъ, некрасивомъ, со слѣдами оспинъ, очень смугломъ лицѣ, нѣсколько сглаженнаго монгольскаго типа, блестѣли темные глаза необыкновенной красоты. Въ нихъ выражался глубокій умъ и особенная проницательность, соединенная съ необыкновенной добротой.

Разговоръ нашъ сразу принялъ дѣловой, научный характеръ и вращался вокругъ злободневныхъ для того времени вопросовъ знанія. Сѣченовъ сталъ посвящать насъ въ результаты его новѣйшей работы по физіологіи нервныхъ центровъ и прочиталъ статью, приготовленную имъ къ печати.

Мы вышли совершенно очарованные новымъ знакомствомъ, сразу признавъ въ Сѣченовѣ «учителя». Но лично я не былъ удовлетворенъ тѣмъ, что не удалось побесѣдовать съ нимъ съ глазу на глазъ и высказать ему нѣкоторыя мои сокровенныя мысли. Среди физіологовъ въ тѣ времена до того господствовало убѣжденіе, что разработка вопросовъ жизни должна производиться съ исключительной цѣлью сводить физіологическіе процессы на болѣе простыя физико-химическія явленія, что неслѣдованіе этому направленію влекло за собой чуть не исключеніе изъ разряда біологовъ. Поощренный доброжелательнымъ пріемомъ Сѣченова, я на другой же день пошелъ къ нему одинъ, чтобы излить передъ нимъ мои помыслы о научномъ значеніи изслѣдованій въ области сравнительной исторіи низшихъ организмовъ, отрасли науки, тогда только-что зародившейся.

И на этотъ разъ отношеніе Сѣченова было очень симпатично, что́ еще болѣе, чѣмъ въ первое посѣщеніе, привлекло меня къ нему. Онъ оказался вовсе не такимъ узкимъ послѣдователемъ новаго направленія физіологіи, какъ большинство его соратниковъ.

Вскорѣ послѣ нашего свиданія Сѣченовъ покинулъ южную Италію, и слѣдующій разъ я встрѣтился съ нимъ лишь два года спустя въ Петербургѣ. Тамъ онъ сдѣлался центромъ небольшого, почти замкнутаго кружка, въ который попало нѣсколько врачей и другихъ лицъ, причастныхъ къ наукѣ и литературѣ, въ томъ числѣ очень немного женщинъ. Я былъ охотно принятъ имъ въ его среду и не упускалъ случая, чтобы посѣтить его кружокъ, собиравшійся по вечерамъ разъ въ недѣлю. Болѣе близкое знакомство лишь усилило обаяніе, которое внушалъ характеръ и отношеніе къ людямъ Сѣченова. Послѣдній познакомилъ меня съ Боткинымъ, Груберомъ, Пеликаномъ и нѣкоторыми другими изъ его хорошихъ знакомыхъ. Я очутился, такимъ образомъ, въ близости къ свѣтиламъ петербургскаго медицинскаго міра, среди котораго Сѣченовъ былъ, безспорно, звѣздой первой величины.

Получивъ мѣсто штатнаго доцента въ только-что учрежденномъ тогда Одесскомъ университетѣ, я съ грустью покинулъ Петербургъ, не безъ тайной надежды вернуться обратно. Это мнѣ удалось нѣсколько мѣсяцевъ спустя, но въ такую пору, когда Сѣченовъ уже уѣхалъ за границу.

Сѣченова не удовлетворяла преподавательская дѣятельность, особенно въ медицинской академіи, гдѣ большинство профессоровъ признавало, главнымъ образомъ, чисто-практическое при-

мѣненіе врачебной науки. Его постоянно тянуло въ европейскія лабораторіи для спокойной разработки особенно интересовавшихъ его вопросовъ; а послѣ усиленныхъ занятій его привлекалъ непродолжительный отдыхъ на лонѣ природы, особенно въ Италіи, которую онъ страстно любилъ.

Получивъ заграничную командировку, я, по дорогѣ къ Средиземному морю, навѣстилъ Сѣченова въ Грацѣ, гдѣ онъ съ особеннымъ энтузіазмомъ работалъ въ лабораторіи Роллета надъ раздраженіемъ чувствительныхъ спинно-мозговыхъ нервовъ лягушки. Мы провели нѣсколько дней въ постоянномъ общеніи, при чемъ становилось все болѣе очевиднымъ, что мы пришлись другъ другу по душѣ.

Въ моемъ усиленномъ желаніи основаться въ Петербургѣ влеченіе къ Сѣченову играло очень большую роль. Мнѣ удалось получить мѣсто доцента при каѳедрѣ зоологіи въ Петербургскомъ университетѣ, и я надѣялся окончательно устроиться тамъ. Къ сожалѣнію, условія, съ которыми я встрѣтился, оказались далеко не благопріятными. Въ тѣ времена при каѳедрѣ не было лабораторіи, такъ что работать приходилось въ нестерпимо холодномъ зимою помѣщеніи, среди двухъ шкафовъ зоологическаго музея. Въ виду невозможности приспособиться къ этому, я долженъ былъ устроить для себя и для малочисленныхъ учениковъ моихъ рабочее помѣщеніе въ моей и безъ того крошечной квартирѣ на Среднемъ проспектѣ Васильевскаго острова. Такъ дѣло шло нѣкоторое время, но было ясно, что такое положеніе не могло тянуться долго. Между тѣмъ какъ профессора Петербургскаго университета отнеслись къ моему горю безъ всякаго участія, я нашелъ сочувственный откликъ у Сѣченова.

Разъ какъ-то получаю я отъ него письмо (я въ то время былъ за границей), въ которомъ онъ сообщаетъ очень непріятныя для меня вѣсти. Онъ узналъ отъ академика Зинина, что мои петербургскіе коллеги были бы очень рады моему уходу изъ университета и замѣнѣ меня казанскимъ профессоромъ Н. П. Вагнеромъ, получившимъ преходящую славу открытіемъ безполаго размноженія личинокъ одного комара и сдѣлавшимся впослѣдствіи знаменитымъ сказочникомъ подъ псевдонимомъ Кота Мурлыки. Въ виду этого, Сѣченовъ предложилъ мнѣ выйти изъ университета съ тѣмъ, чтобы занять освободившуюся каѳедру зоологіи въ медицинской академіи, гдѣ онъ въ то время преподавалъ физіологію [1]). Я, разумѣется, съ распростертыми объ-

[1]) Въ своей автобіографіи (стр. 142) Сѣченовъ, видимо, забывъ исторію моего выхода изъ Петербургскаго университета, передаетъ ее не соотвѣтствующимъ дѣйствительности образомъ. Моя забаллотировка въ медицинскую академію состоялась не въ 1869, а въ 1870 году.

ятіями принялъ это предложеніе. Осуществленіе его еще болѣе приблизило бы меня къ Сѣченову и къ тому же улучшило бы мое матеріальное положеніе, которое было крайне тяжелымъ.

Сѣченовъ немедленно сталъ хлопотать, выставивъ на первый планъ, что было бы чрезвычайно полезно усилить научную часть преподаванія въ медицинской академіи, которая очень страдаетъ отъ черезчуръ практическаго характера его.

Въ виду этого онъ предложилъ доктора Голубева на каѳедру микроскопической анатоміи, а меня на каѳедру зоологіи. Заручившись согласіемъ нѣкоторыхъ своихъ товарищей, главнымъ образомъ, Боткина и Грубера, Сѣченовъ внесъ свое предложеніе въ канцелярію академіи. Онъ былъ въ высшей степени огорченъ и обиженъ, когда она забаллотировала обоихъ его кандидатовъ. Этотъ провалъ былъ послѣдней каплей, переполнившей чашу терпѣнія Сѣченова.

Онъ давно уже страдалъ отъ того, что большинство профессоровъ академіи, ударившись въ медицинскую практику, не только забрасываютъ научную сторону своей службы, но еще въ добавокъ принижаютъ сколь возможно научную дѣятельность учрежденія. Такое отношеніе нѣкоторыхъ изъ его практикующихъ товарищей выражалось, между прочимъ, въ запусканіи шпилекъ по его адресу, придираясь къ малѣйшему поводу. Это явленіе хорошо знакомо не только профессорамъ медицинской академіи. Вынужденные усилить доходы принятіемъ мѣстъ въ практическихъ учрежденіяхъ, какъ городское управленіе, дирекціи банковъ и тому подобное, такіе профессора смотрѣли съ особенной недоброжелательностью на тѣхъ своихъ товарищей, которые остаются вѣрными наукѣ и ни подъ какимъ предлогомъ не соблазняются матеріальными выгодами. Противъ нихъ устраиваются всевозможные подкопы, жадно ищутъ малѣйшей ошибки или несоблюденія какой-нибудь пустой формальности, чтобы отравить имъ существованіе и побудить ихъ освободить мѣсто.

Выйдя изъ засѣданія конференціи, на которой Голубевъ и я были забаллотированы, Сѣченовъ рѣшилъ подать въ отставку изъ медицинской академіи. Преданный всецѣло наукѣ, онъ не имѣлъ другихъ средствъ существованія, кромѣ профессорскаго жалованья съ придачей небольшого дохода отъ литературной работы (журнальныхъ статей, редакціи переводовъ и проч.).

По выходѣ изъ медицинской академіи ему, которому пользованіе лабораторіей было необходимо для продолженія научной дѣятельности, представлялась перспектива сдѣлаться приватъ-

доцентомъ въ какомъ-нибудь университетѣ, добывая средства литературнымъ трудомъ.

Послѣ неудачи въ медицинской академіи, рѣшивъ во что бы то ни стало уйти изъ негостепріимнаго Петербургскаго университета, я согласился на предложеніе ректора Новороссійскаго университета занять каѳедру зоологіи въ качествѣ ординарнаго профессора. Разсчитывая на «медовый мѣсяцъ», которымъ пользуются первое время вновь избранные профессора, я составилъ планъ перетянуть въ Одессу и Сѣченова. Я надѣялся, что мнѣ удастся преодолѣть неизбѣжныя къ тому препятствія. Громкая научная репутація моего друга должна была служить притяженіемъ въ глазахъ еще молодого университета, которому представилась возможность привлечь въ свою среду знаменитаго профессора. Наличность довольно большого, еще не заполненнаго помѣщенія (которое было до того временно отдано въ аренду подъ гостиницу) позволяла устроить хотя и небольшую физіологическую лабораторію. Сочувственное отношеніе тогдашняго попечителя Голубцова, врача по профессіи— все это позволяло надѣяться на осуществленіе моего плана.

Я былъ несказанно обрадованъ, получивъ согласіе Сѣченова. Возможность пріютиться на новомъ мѣстѣ при условіяхъ, довольно благопріятныхъ для научной работы, улыбалась ему. Къ тому же на него повліяло еще два обстоятельства. Въ Одесскомъ университетѣ въ то время не было медицинскаго факультета, вслѣдствіе чего онъ сразу былъ избавленъ отъ тѣхъ непріятностей, которыя отравляли ему жизнь въ медицинской академіи. Кромѣ того, Одесса приморскій городъ, немного напоминающій итальянскіе города. Сѣченовъ обожалъ Италію и стремился туда каждый разъ, какъ это было только возможно. Средиземное море, итальянская природа, люди и языкъ приводили его въ особенно повышенное настроеніе.

Послѣ того, какъ главные пункты задачи были разрѣшены, оставалось еще оборудовать нѣкоторые формальные вопросы. Чтобы сдѣлаться профессоромъ на естественномъ факультетѣ, по уставу нужно было имѣть соотвѣтственную ученую степень; Сѣченовъ же былъ только докторомъ медицины. Препятствіе это было устранено избраніемъ его почетнымъ докторомъ зоологіи. Послѣднее затрудненіе состояло въ нѣкоторомъ противодѣйствіи со стороны министра народнаго просвѣщенія къ утвержденію Сѣченова, извѣстнаго своимъ либеральнымъ образомъ мыслей. Въ своей замѣчательной въ литературномъ отношеніи автобіографіи[1]),

[1]) Автобіографическія замѣтки И. М. Сѣченова. Изданіе „Научнаго Слова", Москва 1907 г.

Сѣченовъ разсказалъ, какимъ образомъ это препятствіе было благополучно устранено.

Прежде чѣмъ покинуть медицинскую академію, Сѣченовъ позаботился о достойномъ замѣщеніи его кафедры. У него въ то время было нѣсколько ближайшихъ учениковъ, въ числѣ которыхъ назовемъ будущаго профессора Пашутина, Тарханова и Спиро. Но онъ не считалъ ихъ еще достаточно готовыми къ преподаванію. Поэтому онъ обратилъ вниманіе на только-что вернувшагося изъ-за границы молодого, но уже очень извѣстнаго талантливаго физіолога Ціона, вышедшаго изъ той же школы, что и Сѣченовъ, изъ школы Лудвига. Хотя въ то время антисемитическое движеніе въ Россіи далеко не было такъ сильно, какъ въ послѣдующія времена, тѣмъ не менѣе Сѣченову пришлось много хлопотать, чтобы заставить профессоровъ академіи и начальство согласиться поручить каѳедру еврею Ціону. Въ концѣ концовъ это удалось. Ціонъ вступилъ въ отправленіе своихъ обязанностей, и Сѣченовъ радовался тому, что каѳедра попала въ хорошія руки. Но, къ сожалѣнію, уже въ непродолжительномъ времени начались непріятности въ медицинской академіи по поводу новаго профессора. Нашлись причастныя къ дѣлу лица, которыя очень одобряли преподаваніе Ціона. Такъ, служитель при каѳедрѣ, отставной солдатъ, находилъ его лекціи гораздо болѣе интересными, чѣмъ лекціи Сѣченова.

«Ну, что Иванъ Михайловичъ», говорилъ онъ: «Принесетъ на лекцію нѣсколько лягушекъ; все дѣло этимъ и кончается. Совсѣмъ не то Илья Фадеевичъ (Ціонъ). Передъ лекціей вокругъ каѳедры помѣститъ собакъ и кроликовъ, иногда даже гусей. И что же? Къ концу лекціи никого изъ нихъ не остается въ живыхъ: все изрѣзано профессоромъ!» Это наивное сравненіе очень характерно для обоихъ физіологовъ. Сѣченовъ былъ необыкновенно добръ и отличался очень мягкимъ сердцемъ. У него хватало жестокости только для холоднокровныхъ животныхъ, какъ лягушки и, пожалуй, черепахи; но ему было невыносимо подвергать страданію болѣе чувствительныхъ животныхъ, какъ всякія теплокровныя и особенно собаки.

Страдальческое выраженіе глазъ собакъ, которыхъ мучили во время опытовъ въ разныхъ лабораторіяхъ, гдѣ онъ бывалъ, доводило его до слезъ. Вообще доброта Сѣченова была безгранична. Такъ, напримѣръ, когда ему приходилось брать извозчика, онъ обыкновенно выбиралъ самаго захудалаго, у котораго была самая несчастная кляча.

«Ну что, бѣдняга», говаривалъ онъ. «Его, очевидно, избѣгаютъ; нужно же дать ему заработокъ».

Не таковъ былъ преемникъ Сѣченова. Не стѣснявшійся мучить животныхъ, онъ не обнаруживалъ особенно добрыхъ чувствъ и къ людямъ. Эту сторону своего характера онъ не замедлилъ проявить на своихъ лекціяхъ. Чуть не съ первой лекціи онъ началъ развѣнчивать своего предшественника, доказывая, что его репутація — дутая и что у него нѣтъ никакихъ научныхъ заслугъ. Студенты, почитавшіе Сѣченова, возмутились такимъ поведеніемъ Ціона, и это было началомъ того раздора между профессоромъ и его слушателями, который повелъ къ очень печальнымъ осложненіямъ. Не питая уваженія къ нравственной личности Ціона, студенты стали относиться отрицательно и къ его научной дѣятельности. По малѣйшему поводу они громко выражали ему знаки неодобренія. Отсюда—безпорядки на лекціяхъ. Не встрѣчая сочувствія въ своихъ товарищахъ, Ціонъ долженъ былъ подать въ отставку. Но онъ сдался не добромъ. Человѣкъ очень энергичный и не стѣснявшійся въ средствахъ борьбы, онъ выступилъ открыто противъ молодежи, сталъ обвинять ее въ бунтарствѣ и проповѣдывалъ необходимость принять радикальныя мѣры противъ революціи, которую они будто бы систематически подготовляли. Не находя подъ собою достаточно почвы въ Россіи, Ціонъ уѣхалъ за границу, занимаясь въ перемежку наукой, финансовыми дѣлами, журналистикой и политикой. Ему удалось составить значительное состояніе, но онъ не съумѣлъ составить себѣ сколько-нибудь прочнаго положенія; онъ нажилъ себѣ только враговъ, перессорился со всѣми и кончилъ свой вѣкъ въ печальномъ одиночествѣ.

Какой контрастъ съ Сѣченовымъ, который всюду, куда ни попадалъ, встрѣчалъ сочувственное, порою прямо восторженное отношеніе окружающихъ. Весь его умственный и нравственный обликъ внушалъ безграничное уваженіе, и вліяніе его сказывалось на каждомъ шагу. На шестнадцать лѣтъ моложе его, я однакоже былъ не юнцомъ, когда сблизился съ нимъ. Но тѣмъ не менѣе я чувствовалъ на себѣ нѣкоторый отпечатокъ его личности и мнѣ было пріятно сознавать его превосходство. Когда шла избирательная борьба по поводу моей кандидатуры на каѳедру въ медицинской академіи, была пущена мысль, что лестное мнѣніе обо мнѣ Сѣченова было лишь выраженіемъ нашей личной дружбы. «Кукушка хвалитъ пѣтуха за то, что хвалитъ онъ кукушку». Этотъ стихъ баснописца долженъ былъ служить

однимъ изъ доказательствъ моей негодности къ занятію профессуры. Быть можетъ, онъ и повліялъ на мою забаллотировку, но не имѣлъ никакого успѣха въ попыткѣ разрознить Сѣченова со мною.

Пріѣхавъ въ Одессу, Сѣченовъ устроился рядомъ со мною въ меблированныхъ комнатахъ на Херсонской улицѣ. Хотя оба женатые, мы были вынуждены обстоятельствами жить «по холостому», и зажили мы, что называется, душа въ душу. Утромъ мы отправлялись въ университетъ, гдѣ чтеніе лекцій и практическія занятія со студентами занимали несравненно меньше времени, чѣмъ наши спеціальныя работы. Сѣченовъ, закончившій къ пріѣзду въ Одессу свои изслѣдованія по физіологіи нервной системы, вернулся къ своей первоначальной темѣ, къ изученію газовъ крови и особенно къ состоянію въ ней угольной кислоты и къ отношенію послѣдней къ различнымъ солямъ. По цѣлымъ часамъ слышенъ былъ періодическій шумъ отъ выкачиванія газовъ въ воздушномъ насосѣ, придуманнаго имъ устройства и привезеннаго имъ съ собою изъ Петербурга. Когда рѣчь заходила о Сѣченовѣ и кто-нибудь спрашивалъ, гдѣ его можно найти, то обыкновенно слѣдовалъ отвѣтъ: «идите въ его лабораторію—онъ тамъ качаетъ».

По вечерамъ характеръ занятій мѣнялся. Сѣченовъ принимался за писаніе статей, которыя помѣщалъ у Стасюлевича въ «Вѣстникѣ Европы». Въ Одессѣ онъ написалъ почти всѣ свои психологическія работы и въ томъ числѣ свои полемическія статьи противъ Кавелина. Въ концѣ вечера онъ часто звалъ меня къ себѣ или заходилъ ко мнѣ, чтобы прочитать написанное, послѣ чего мы отправлялись ужинать. Еще съ офицерскихъ и студенческихъ временъ, Сѣченовъ сохранилъ любовь къ хожденію по ресторанамъ, и ему доставляло большое удовольствіе пойти ужинать съ тѣмъ, чтобы насладиться тамъ полубутылкой краснаго вина. Онъ становился разговорчивъ и охотно вступалъ въ бесѣду со служителемъ, особенно когда встрѣчалъ итальянца и могъ поговорить съ нимъ по-итальянски. Видъ моря, теплые вечера въ Одессѣ переносили его въ Италію. Вспоминая прошлое, Сѣченовъ разсказывалъ, какъ онъ въ молодости предавался кутежамъ съ товарищами и какъ они пили до того, «чтобы не чувствовать, когда воронъ станетъ клевать глаза». Впослѣдствіи отъ этого, разумѣется, сохранились одни невинные слѣды, въ видѣ потребленія небольшого количества вина. Помимо ужиновъ въ ресторанахъ, Сѣченовъ особенно любилъ устраивать то, что онъ называлъ «балами». «Приходите ко мнѣ на балъ», говорилъ онъ мнѣ и своимъ ближайшимъ друзьямъ.

Вскорѣ по переѣздѣ въ Одессу, онъ сдѣлался тамъ центромъ кружка, въ которомъ на первомъ планѣ былъ доцентъ физики— Умовъ съ молодой женой, которыхъ Сѣченовъ очень полюбилъ. Тамъ же участвовалъ ассистентъ Сѣченова, его ученикъ Спиро, отличавшійся особенной ловкостью въ приготовленіи физіологическихъ опытовъ и необыкновеннымъ искусствомъ пѣть романсы и аріи. Въ тѣ времена въ Петербургѣ была еще жива слава тенора Кальцолари, отличавшагося необыкновенно мягкимъ тембромъ и передававшаго содержаніе арій съ особенной выразительностью. Спиро, какъ никто, умѣлъ подражать ему. Благодаря этому таланту онъ игралъ большую роль на «балахъ» Сѣченова. Въ родословной этихъ баловъ участвовало происхожденіе Сѣченова отъ помѣщиковъ крѣпостного времени, большихъ хлѣбосоловъ. Онъ чрезвычайно любилъ угощать своихъ гостей, и его балы доставляли ему особенное удовольствіе. Для этого онъ накупалъ кучу устрицъ, которыя открывалъ съ большимъ мастерствомъ, всякой провизіи и, разумѣется, вина; онъ подчивалъ ими съ особенными прибаутками. За ужиномъ шли веселые разговоры и пѣніе. Такъ продолжалось до глубокой ночи, когда усталые гости (на балахъ никогда не танцовали) расходились по домамъ. На другое утро, разумѣется, возобновлялись серьезныя занятія, непрерывно продолжавшіяся на многія недѣли.

Къ числу отвлеченій отъ преподавательской и научной дѣятельности нужно отнести участіе Сѣченова въ окружномъ судѣ въ качествѣ присяжнаго засѣдателя. Не знаю почему, его довольно часто призывали къ выполненію этой обязанности и всегда вмѣстѣ со мною. Такимъ образомъ, неразлучные дома и въ университетѣ, мы оказывались неразлучными и въ судѣ, гдѣ всегда голосовали одинаково. Намъ приходилось большею частью быть старшинами присяжныхъ и выносить приговоры, которые всего чаще были оправдательными. По этому поводу у прокуроровъ составилось ложное убѣжденіе, будто мы оба раздѣляемъ теорію о невмѣняемости преступленій. Одинъ товарищъ прокурора въ своей обвинительной рѣчи долго распространялся о томъ, что среди присяжныхъ есть такіе, которые, на основаніи ученія о рефлексахъ головного мозга, считаютъ всякое преступленіе ненаказуемымъ. Въ дѣйствительности наши частые оправдательные приговоры едва-ли не въ большинствѣ случаевъ объяснялись крайней неполнотой и небрежностью въ составленіи предварительнаго слѣдствія. Невозможно было брать на свою совѣсть осужденіе обвиняемыхъ безъ достаточнаго основанія.

Иногда же намъ приходилось выносить оправдательные приговоры, несмотря на то, что мы подавали голоса въ пользу обвиненія. Это случалось всегда, когда дѣло шло о мошенникахъ, совершившихъ различные подлоги съ болѣе или менѣе сложными пріемами, или о чиновникахъ, уличенныхъ во взяточничествѣ и другихъ преступленіяхъ. Въ числѣ присяжныхъ всегда оказывалось достаточное число голосовъ за оправданіе, такъ какъ имъ былъ недоступенъ разборъ сколько-нибудь запутаннаго преступленія. Что касается чиновниковъ, то такіе прясяжные ссылались на несправедливость наказанія только нѣкоторыхъ изъ нихъ, въ то время какъ всѣ они взяточники и негодяи. Несмотря на все наше профессорское краснорѣчіе, намъ не удавалось въ такихъ случаяхъ добиться обвиненія въ виду противодѣйствія низшей братіи, которая упорно стояла на своемъ «не виновникъ», какъ говорили крестьяне одесскаго уѣзда. Наоборотъ, когда на скамьѣ подсудимыхъ оказывался кто-нибудь, обвиняемый въ конокрадствѣ, то ему всегда приходилось плохо отъ тѣхъ же присяжныхъ, несмотря на недостаточность предварительнаго и судебнаго слѣдствій.

Обсуждая дѣла въ судѣ, Сѣченовъ и я основывались исключительно на нашемъ понятіи о справедливости, не внося ни малѣйшаго посторонняго элемента, никакой политики.

Такими же мы всегда были и въ университетскихъ дѣлахъ. Мы не присоединились ни къ одной изъ существовавшихъ партій—московской и малороссійской—и сохраняли свою независимость. Мы старались, по мѣрѣ силъ, содѣйствовать научному успѣху университета, не взирая на то, происходитъ ли предлагаемый кандидатъ изъ мѣстныхъ и мало-и новороссійскихъ ученыхъ, или же онъ является чужимъ,—«москалемъ». Къ студентамъ мы относились сколь возможно снисходительно на экзаменахъ и при обсужденіи ихъ провинностей, считая вредной и излишнею строгость. Мы, на основаніи фактовъ, могли убѣдиться въ томъ, съ какой легкостью совершаются превращенія молодыхъ людей, какъ бывшіе крайніе революціонеры становятся ревностными охранителями, а соціалисты самаго лѣваго толка превращаются въ настоящихъ кулаковъ. При такихъ условіяхъ жестоко карать недочеты и проступки неустановившейся молодежи, примѣняя къ нимъ мѣрило, пригодное лишь къ болѣе зрѣлому возрасту.

Вполнѣ солидарные по всѣмъ вопросамъ общественнымъ и нравственнымъ, неудивительно, что наши отношенія дошли до большой интимности. Намъ не оказывалось надобности скрываться другъ передъ другомъ. Однажды видя Сѣченова съ нѣко-

торыхъ поръ особенно мрачнымъ, я спросилъ его, что съ нимъ. «Вотъ въ чемъ дѣло, мамаша» (такъ называлъ онъ меня). Съ нѣкоторыхъ поръ я почувствовалъ особенное влеченіе къ молодой женщинѣ, которой даю уроки по математикѣ и физикѣ. Я рѣшительно не знаю, какъ это произошло, и думаю, что это лишь временное увлеченіе, зависящее, очевидно, отъ прилива крови къ продолговатому мозгу». Съ теченіемъ времени послѣ окончанія уроковъ и по отъѣздѣ молодой дамы, Сѣченовъ успокоился, и жизнь вошла въ обычную колею, безъ рѣзкихъ перемѣнъ настроенія духа.

Я привелъ этотъ случай какъ очень характерный для душевнаго склада моего друга и интересный даже съ болѣе общей точки зрѣнія. Извѣстный поборникъ допущенія женщинъ къ высшему образованію, онъ съ раннихъ поръ сталъ испытывать влеченіе къ прекрасному полу. Самый переходъ его отъ военной службы къ наукѣ совершился подъ вліяніемъ молодой женщины, въ которую онъ влюбился въ Кіевѣ, еще будучи саперомъ. Она внушила ему стремленіе къ высшимъ формамъ человѣческой дѣятельности и зажгла въ немъ тотъ священный огонь, который пылалъ въ немъ въ теченіе всей его жизни. Разорвавъ съ прошлымъ, Сѣченовъ на свои небольшія средства поѣхалъ учиться за границу и сразу окунулся въ европейскую науку. Сначала его работы вращались около вопросовъ съ общественнымъ оттѣнкомъ, какъ его изслѣдованія о дѣйствіи спирта на организмъ; но мало-по-малу онъ перешелъ къ задачамъ чисто научнымъ. Нельзя не видѣть въ этомъ явленіи новаго доказательства того закона, что характерная для мужчинъ иниціатива въ низшихъ и высшихъ проявленіяхъ геніальности связана съ отправленіемъ, которое, вслѣдствіе очень глубоко укоренившагося предразсудка, относится къ числу особенно презираемыхъ.

Подобно тому какъ мускульная сила была пріобрѣтена еще животными предками человѣка, въ борьбѣ за обладаніе самкой, такъ и умственное превосходство мужчины развилось съ тою же цѣлью. Связь поэзіи, литературы, ораторскаго искусства и музыки съ любовью признана всѣми дотого, что принято относиться снисходительно къ увлеченіямъ такихъ геніевъ, какъ Гёте, Байронъ, Викторъ Гюго, Толстой, Вагнеръ и проч. Но почему-то существуетъ мнѣніе, будто научная иниціатива составляетъ исключеніе изъ этого правила. Такъ, напр., Оствальдъ, въ своей біографіи геніальныхъ физиковъ и химиковъ, настаиваетъ на томъ, что въ жизни ихъ любовная сторона не играла замѣтной роли. Но на чемъ основываетъ онъ это убѣжденіе? Въ автобіографіяхъ принято не

говорить объ этомъ щекотливомъ предметѣ. Ни въ автобіографіи Дарвина, ни въ автобіографіи Герберта Спенсера (я выбираю ихъ для примѣра) нѣтъ ничего, что̀ могло бы пролить нѣкоторый свѣтъ на отношеніе ихъ творчества къ любви. Мимоходомъ Дарвинъ упоминаетъ, что ему нравились красивыя женщины, а Спенсеръ замѣчаетъ, что онъ не могъ бы жениться на Джорджъ Эліотъ уже оттого, что она была некрасива; но оба автобіографа не идутъ дальше въ освѣщеніи этой стороны ихъ жизни. Несмотря на то, что Спенсеръ, въ своей двухтомной автобіографіи, увѣряетъ читателей, что онъ предлагаетъ имъ свою естественную исторію, тѣмъ не менѣе онъ не поступилъ, какъ тотъ русскій сановникъ, который, убѣждая другого сановника, поборника классицизма, въ пользѣ преподаванія естественныхъ наукъ въ женскихъ институтахъ, замѣтилъ, что это преподаваніе должно доходить лишь до пояса. А между тѣмъ было бы очень важно, въ интересахъ человѣческаго преуспѣянія, имѣть обстоятельныя свѣдѣнія о любовной сторонѣ жизни великихъ людей.

Не подлежитъ сомнѣнію, что въ ученомъ мірѣ не должны встрѣчаться примѣры похожденій, подобныхъ тѣмъ, которыя извѣстны относительно геніальныхъ литераторовъ и композиторовъ, но это еще не доказываетъ, чтобы любовь не играла направляющей роли въ жизни ученыхъ. Изъ числа извѣстныхъ мнѣ случаевъ, сошлюсь на слѣдующій. Кто не знаетъ, что нѣмецкій бактеріологъ Робертъ Кохъ принадлежитъ къ числу величайшихъ благодѣтелей человѣчества и самыхъ выдающихся ученыхъ нашего времени? Послѣ многолѣтней, упорной работы надъ чахоткой, вотъ что̀ случилось съ нимъ. Разойдясь со своей женой, доброй матерью и хорошей домохозяйкой, Кохъ пламенно влюбился въ молодую актрису, съ которой онъ долженъ былъ въ концѣ концовъ сочетаться законнымъ бракомъ. Это событіе совпало съ открытіемъ съѣзда нѣмецкихъ врачей въ Лейпцигѣ въ 1892 году, въ которомъ мнѣ пришлось принять участіе. Трудно описать всю степень злорадства знаменитѣйшихъ нѣмецкихъ профессоровъ, которые, въ дружеской бесѣдѣ за кружкой пива, разносили Коха за его поведеніе въ видѣ отместки за его научное превосходство.

Увлеченія Сѣченова не ограничивались тѣми двумя примѣрами, которые я привелъ выше. Онъ очень мило разсказываетъ въ своей автобіографіи о случаѣ, который произошелъ съ нимъ въ Римѣ. Въ началѣ своего пребыванія за границей, остановясь въ пансіонѣ молодой, красивой итальянки, онъ сразу страстно влюбился въ нее и дошелъ до того въ своемъ ослѣп-

леніи, что предложилъ ей «руку и сердце». Стоило большихъ усилій со стороны его друзей и его самого, чтобы разстроить это безумное предпріятіе. И въ дальнѣйшей жизни Сѣченова бывали случаи, подтверждающіе несправедливость мнѣнія Оствальда.

Говоря объ интимной сторонѣ характера моего друга, не могу не коснуться еще слѣдующей черты его. Въ высшей степени поразительно, что этотъ глубокій умъ, проникшій въ сокровенные закоулки духовной жизни, внесшій положительный методъ въ изученіе психологіи, не могъ отдѣлаться отъ самыхъ нелѣпыхъ предразсудковъ. Съ нимъ ни за что нельзя было поздороваться черезъ порогъ; онъ ни подъ какимъ видомъ не соглашался передать солонку съ солью, всячески увертывался отъ числа 13, и тому под. Нашъ общій товарищъ, знаменитый профессоръ Ценковскій рѣшительно не могъ понять этой двойственности сѣченовской натуры. Между тѣмъ у Сѣченова эта предразсудочность была совершенно серьезна. Она доказываетъ, до какой степени укореняются впечатлѣнія первыхъ лѣтъ: разъ проникнувъ въ дѣтскую душу, они остаются въ ней навсегда или же проходятъ съ величайшимъ трудомъ. Я помню упорную борьбу, которую долженъ былъ вести противъ нелѣпыхъ предразсудковъ (трехъ свѣчей, луны съ лѣвой стороны и т. п.), заимствованныхъ въ раннемъ дѣтствѣ у моей матери. Было бы очень интересно изучить психологію этихъ заблужденій.

Жизнь Сѣченова, такая, какою я ее описалъ, продолжалась въ Одессѣ съ небольшимъ пять лѣтъ. Къ концу этого срока его потянуло на сѣверъ, отчасти по семейнымъ соображеніямъ, отчасти вслѣдствіе потребности болѣе широкой научной дѣятельности. Въ Одесскомъ университетѣ того времени былъ большой недостатокъ и въ лабораторной обстановкѣ, и въ составѣ профессоровъ, среди которыхъ Сѣченовъ, все болѣе и болѣе увлекавшійся физико-химической стороной своей задачи, нуждался въ опытномъ совѣтникѣ (какого онъ нашелъ въ Петербургѣ въ лицѣ Менделѣева). При отсутствіи медицинскаго факультета и малочисленности студентовъ на естественномъ, физіологія не могла занять подходящаго ей мѣста, вслѣдствіе чего онъ не могъ создать школы учениковъ, какъ это ему удалось въ медицинской академіи.

Какъ при переходѣ въ Одессу, такъ и для возвращенія въ Петербургъ, Сѣченову нужно было преодолѣть строгость ми-

нистра народнаго просвѣщенія, графа Д. А. Толстого. При помощи разныхъ протекцій, это ему удалось, и онъ былъ, наконецъ, переведенъ профессоромъ въ Петербургскій университетъ. Такъ какъ мнѣ невозможно было слѣдовать за нимъ, то мы разстались въ 1876 году. Только два года спустя мы встрѣтились во время турецкой войны, которая насъ обоихъ въ высшей степени волновала. Но эта встрѣча была очень кратковременной. Гораздо дольше мы были вмѣстѣ въ 1891 году, когда Сѣченовъ пріѣхалъ въ Парижъ съ тѣмъ, чтобы позаняться въ Пастеровскомъ институтѣ съ цѣлью ближайшаго ознакомленія съ ученіемъ о ферментахъ и съ микробіологіей вообще. Мы съ нимъ видѣлись каждый день и подолгу бесѣдовали.

Онъ оставался такимъ же добрымъ и преданнымъ другомъ, подчасъ веселымъ собесѣдникомъ. Но временами у него проскальзывали грустныя ноты, и онъ безъ видимой причины обнаруживалъ мнительность. «Я вамъ не хочу мѣшать», «быть можетъ я вамъ надоѣлъ» и т. под.—звучали странно въ его рѣчи. Ему было тогда всего 62 года, но, несмотря на его сохранившуюся живость, старость уже давала себя чувствовать. Это замѣчалось въ характерѣ его разговора и во многихъ мелочахъ жизни. Онъ сохранилъ прежнее хлѣбосольство и съ особенной любовью разыскивалъ разныя рѣдкости, чтобы угощать друзей.

Какъ и прежде мы сохранили полнѣйшее сходство во взглядахъ на окружающее. Разъ какъ-то спросилъ онъ меня, думаю ли я окончательно поселиться во Франціи, и на мой утвердительный отвѣтъ замѣтилъ, что я дѣлаю очень хорошо и что онъ совѣтуетъ мнѣ не возвращаться въ Россію, гдѣ жить особенно тяжело. Довольно продолжительное пребываніе Сѣченова въ Парижѣ перенесло насъ въ одесскія времена, и мнѣ жалко было разставаться съ нимъ. Послѣ этого мнѣ удалось еще разъ увидаться съ нимъ въ Москвѣ въ 1897 году, во время международнаго медицинскаго конгресса. Среди всеобщей сутолоки и калейдоскопической смѣны встрѣчъ и впечатлѣній, мы уединились у него на квартирѣ, чтобы еще разъ побесѣдовать по душѣ и съ сочувствіемъ вспомнить былое. Это было наше послѣднее свиданіе.

Оба, лѣнивые корреспонденты, мы лишь изрѣдка обмѣнивались письмами, а черезъ общихъ знакомыхъ были освѣдомлены другъ о другѣ.

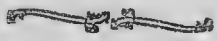
Въ возрастѣ 76 лѣтъ, заболѣвъ воспаленіемъ легкихъ, столь губительнымъ для стариковъ, Сѣченовъ скончался. Чтобы дать

читателю представленіе о его заслугахъ, не входя въ разборъ его научныхъ трудовъ, скажу, что нашъ современный знаменитый физіологъ И. П. Павловъ охарактеризовалъ Сѣченова, какъ отца физіологіи въ Россіи. Кромѣ многихъ первоклассныхъ работъ, онъ создалъ немало учениковъ, къ числу которыхъ, кромѣ упомянутыхъ выше, нужно причислить еще профессоровъ Вериго и Кравкова, учениковъ послѣдняго періода его дѣятельности. Но вліяніе Сѣченова распространялось и далеко за предѣлы его спеціальности и память о немъ сохранится на всѣ времена.

Я боюсь, что не съумѣлъ достаточно изобразить передъ читателемъ его возвышенную, чистую личность; но все-таки надѣюсь, что мои воспоминанія пригодятся историку русскаго просвѣщенія вообще, а имѣющей быть изготовленной къ полувѣковому юбилею исторіи Новороссійскаго университета, въ частности.

Ил. Мечниковъ.

Saint Léger Yvelines.
16/29 іюля 1914 г.



ПѢСЕНКА.

Въ саду трава покошена
До самаго ручья...
Забыта и заброшена
Подъ грушею скамья...
Брожу по саду—слушаю,
Какъ плачутъ соловьи...
Весной, подъ этой грушею
Цвѣли глаза твои...
Была черешня гибкая
Бѣлѣе молока...
Стыдливою улыбкою
Алѣли облака...
Бѣгутъ, что воды вешнія
Невѣрные года...
Подъ бѣлою черешнею
Ты молвила мнѣ:—Да!
Зардѣлась ярче зореньки,
Потупила глаза...
А послѣ... послѣ въ горенкѣ
Укрылась егоза...
И съ той поры невесело
Брожу я самъ не свой...
...Туманъ заря развѣсила
Надъ скошенной травой...

Н. Венгровъ.

ПРОВОДЫ.

I.

Теперь, во время мобилизаціи, во всемъ городѣ и особенно на желѣзнодорожномъ вокзалѣ стояла непрерывная суета. Какая-то особенная, до сихъ поръ невѣдомая жителямъ, жуткая суета. Въ городѣ формировались и спѣшно развертывались запасные полки, и ихъ эшелоны ежедневно отправлялись на западъ, подолгу ожидая на вокзалѣ своей очереди, чтобы пропустить другіе полки, шедшіе медленнымъ и непрерывнымъ потокомъ съ востока. Въ то же время въ городъ подходили изъ уѣздовъ запасные,—бородатые, давно не стриженные и сожженные солнцемъ люди, внезапно оторванные войной отъ земледѣльческаго труда и скудныхъ полосъ земли.

И городъ сразу пересталъ жить своей обычной, изъ года въ годъ тянувшейся жизнью. Теперь весь интересъ жизни прикованъ былъ къ вѣстямъ съ запада. Лихорадочно читали газетныя телеграммы, считали раненыхъ и гадали о завтрашнемъ днѣ. Дѣвушки толпой стояли у докторскихъ подъѣздовъ, записывались на курсы сестеръ милосердія. Приспособляли подъ лазареты городскія училища и распредѣляли дѣтей по смѣнамъ въ другихъ. А народная толпа жила слухами, темными и преувеличенно страшными, и жадно тянулась къ газетѣ. На вокзалѣ и на улицахъ выпрашивали у проходящихъ газету, поднимали выброшенные изъ оконъ старые листки, сходились толпами и обсуждали событія. И для всѣхъ какъ-то сразу сдѣлались маленькими и незначительными обычные интересы жизни. Всѣхъ приковала къ себѣ, владѣя человѣческими помыслами, война. Война—съ ея кровавыми побѣдами и кровавыми пораженіями...

Въ городѣ формировался Н—скій запасный пѣхотный полкъ, который долженъ былъ выступить ровно черезъ три недѣли со дня объявленія мобилизаціи. Боялись, впрочемъ, что онъ опоз-

даетъ за неготовностью обоза, и объ этомъ шушукались потихоньку. Но ученіе и стрѣльба производились каждый день регулярно. Каждый день выводили людей на поляну за полотномъ желѣзной дороги, и на ихъ движенія любовались бабы, приходившія изъ уѣзда навѣщать взятыхъ мужей. Бабы стояли въ сторонкѣ, ожидая конца ученія, и тихо вздыхали. Онѣ не понимали значенія этихъ движеній и поворотовъ, и они казались имъ страшными. Мысль невольно приковывалась къ смерти и вырывалась иногда въ шепотѣ:

— Нѣтъ, не вернется мой-то. Гдѣ ужъ тутъ. Страсти какія!

Мысль о близкой смерти посѣщала и офицеровъ. Поэтому Николай Петровичъ Висновскій, прапорщикъ запаса, кончивъ ученіе, спросилъ рядового Петрова:

— Ну какъ, братецъ, войны не боишься?

— Такъ что, ваше благородіе, воля Божья. Отъ ей никуда не уйдешь,—спокойно отвѣтилъ Петровъ.

— А твоя жена здѣсь, тебя провожаетъ?—спросилъ зачѣмъ-то Висновскій.

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе.

— Что же это такъ? Или она тебя разлюбила?

— Еще придетъ, когда насъ погонятъ. Ей и дома много дѣловъ, ваше благородіе.

Николай Петровичъ отошелъ и подумалъ, поморщившись:

— Удивительно простыя отношенія въ народѣ. Насъ черезъ нѣсколько дней погонятъ отсюда, можетъ быть, навсегда, а онъ разсуждаетъ о томъ, что у жены много дѣловъ. И потомъ—какое-то спокойное, равнодушное ко всему отношеніе. Точно рѣчь идетъ не о жизни и смерти, а о чемъ-то другомъ.

И потомъ, догоняя ротнаго командира, онъ крикнулъ ему на ходу:

— Георгій, пойдемъ на вокзалъ чай пить!

— Ну что жъ, это дѣло хорошее, — откликнулся тотъ и остановился, поджидая товарища.

Когда онъ оглянулся, Николай Петровичъ подумалъ о томъ, что у этого сорокалѣтняго человѣка самое заурядное лицо, не обращающее на себя вниманія толпы. Такое же, какъ у большинства солдатъ, которыми онъ командовалъ. Около двадцати лѣтъ прослужилъ онъ въ армейскомъ полку, отписывался по начальству, возился съ денщиками и остался холостымъ. Сначала, какъ это обыкновенно бываетъ, онъ не смѣлъ мечтать о семейномъ уютѣ, къ которому втайнѣ стремился, по бѣдности и неопредѣленности положенія кочующей жизни, а потомъ такъ это и осталось. И

жажда семейнаго уюта росла въ душѣ капитана вмѣстѣ съ застѣнчивостью и нерѣшительностью. Эта мягкая застѣнчивость, можетъ быть, особенно привлекала къ нему товарищей.

— Такъ что, ваше благородіе, попьемъ чайку,—сказалъ Николай Петровичъ, догнавъ капитана, прикладывая руку къ козырьку и вытягиваясь во фронтъ, чтобы изобразить солдата.

— Попьемъ. Чайку попить дѣло доброе!

— А то, може, насъ скоро убьютъ, а чай другимъ останется.

— Что жъ, можетъ быть, и убьютъ, дѣло Божье!—серьезно сказалъ капитанъ.

И опять Николая Петровича поразило сходство капитана съ солдатомъ. Такое же лицо и одинаковыя мысли. Даже способъ выраженія ихъ одинаковъ: простъ и серьезенъ. И какая-то равнодушная покорность тому неизбѣжному, что́ стоитъ выше человѣческой воли. И потому, пройдя нѣсколько шаговъ молча, онъ сказалъ, понижая почему-то голосъ до шепота:

— Видишь ли, Георгій Алексѣевичъ, ты смотришь на все какъ-то очень ужъ равнодушно. А я, признаюсь, боюсь. То-есть не то, чтобы очень я трусилъ, а такъ... И вообще кругомъ какая-то нелѣпость кошмарная. Вотъ сейчасъ говорилъ я съ солдатомъ. И онъ—тоже, какъ ты: воля Божья, и ничего, совершенно спокоенъ. А мнѣ приходилось ломать цѣлую жизнь. Дома жена какъ-то странно держитъ себя, и я вижу, что плакала, потому что носъ красный. Вообще не по себѣ иногда мнѣ бываетъ.

— Ничего, привыкнешь. А, можетъ быть, это оттого, что ты адвокатъ. Всю жизнь думалъ, какъ бы устроить себѣ жизнь получше, а тутъ вдругъ эта война. Ну, да ничего, обойдется... Пойдемъ поскорѣй. Пить, въ самомъ дѣлѣ, хочется очень.

И оба ускорили шагъ, пробираясь къ вокзалу по площади, украшенной объявленіями, казалось, такими странными и ненужными: кафешантанъ и какао Ванъ-Гутенъ.

II.

На вокзалѣ была обычная суета. Всѣ проходы и залъ завалены были багажемъ пассажировъ, ожидавшихъ единственнаго поѣзда. На этомъ поѣздѣ мѣста брались съ боя, занимались коридоры и площадки вагоновъ. А пока, въ ожиданіи, пассажиры бродили по вокзалу въ перемежку съ офицерами проходившихъ

воинскихъ поѣздовъ. Въ этомъ потокѣ людей было тѣсно и душно, и чувствовалось какое-то необычное, тревожное настроеніе. Висновскій и капитанъ нашли, однако, у самой стѣны крошечный столикъ и занялись чаепитіемъ. Было пріятно наливать чай, доливая стаканы водой изъ огромнаго пузатаго чайника, и онъ казался такимъ вкуснымъ, что сначала долго молчали. Потомъ Висновскій занялся разглядываніемъ пассажировъ и вдругъ сказалъ, оживляясь:

— Посмотри, Георгій... вонъ тамъ. Вѣдь это Леля. Я скажу Еленѣ Александровнѣ, что ты не замѣчаешь своей любви, и что я первый ее замѣтилъ.

Георгій Алексѣевичъ ничего не отвѣтилъ, но, густо покраснѣвъ, сталъ медленно пробираться въ толпѣ. Черезъ минуту вернулся онъ съ Лелей. Теперь за маленькимъ столикомъ стало оживленнѣй и веселѣй. Хорошенькая и хрупкая, бѣлокурая Леля, съ темными бровями и длинными рѣсницами, была задумчива и говорила немного. Настроеніе поднялось просто оттого, что между ней и капитаномъ чувствовалось дружеское участіе и было что-то еще не досказанное.

— Скоро, господа, ѣдете?—просто и грустно спросила Леля.

— Да. Недѣли черезъ двѣ съ небольшимъ. А вы, Леля?

— Не знаю. На-дняхъ, можетъ быть. Надо же ѣхать, если больше дѣваться некуда.

И тогда разговоръ зашелъ объ ея положеніи, о томъ, что она совсѣмъ не годится въ учительницы, и что она чувствуетъ, что безъ малѣйшей пользы и радости мучитъ себя тоской въ глухой деревнѣ.

— Но что́ же мнѣ дѣлать,—безпомощно и грустно говорила Леля.—Два года тому назадъ кончила я гимназію и осталась на улицѣ. Мать умерла, отецъ служитъ приказчикомъ въ магазинѣ и едва кормится. Мои занятія музыкой оборвала нищета. И меня мучитъ то, что я занимаюсь не своимъ дѣломъ. А потомъ этотъ ужасъ одиночества, грубые окрики инспектора... Нужно любить свое дѣло, вотъ какъ, напримѣръ, Катя, моя подруга... Ну, да что́ говорить обо мнѣ. Бываетъ же часто такъ, что жизнь коверкаетъ людей по-своему и все оттого, что не хватаетъ проклятыхъ денегъ. Точно вся жизнь на свѣтѣ зависитъ отъ нихъ.

— И еще отъ силы воли. Вы забываете о ней, Елена Александровна,—замѣтилъ Висновскій.

— Да гдѣ же ее взять, если ея нѣтъ? Ну, научите меня, что́ я должна дѣлать.

И, прихлебывая медленными глотками остывающій чай, Леля подумала:

— Вотъ такъ говорятъ они всѣ. Но найдется ли среди нихъ хоть одинъ, который бы помогъ не словами, а дѣломъ? Вѣдь, у нихъ больше возможности бороться съ невзгодами жизни. Почему же они считаютъ нужнымъ только поговорить и пройти мимо?

— Ну, зачѣмъ вы говорите такъ про себя, что дѣваться вамъ некуда,—съ мягкимъ упрекомъ сказалъ Георгій Алексѣевичъ.—Знаете, такъ нельзя говорить, когда вы еще такъ молоды и когда передъ вами цѣлая жизнь. Развѣ вы знаете, что еще можетъ вамъ встрѣтиться въ жизни?

— Ничего, разумѣется. Добываніе изо дня въ день хлѣба, нелюбимое дѣло, одиночество и тоска въ глухой деревушкѣ. Ну, да что́ говорить объ этомъ? И безъ того много страданія въ жизни. Вотъ хоть бы эта война. А людей все-таки неудержимо тянетъ къ веселью. Слышите, пилитъ гармоника и тренькаетъ балалайка. Это сибирскія войска стоятъ на пути. Пойдемте ихъ провожать.

— Васъ туда не пропустятъ,—сказалъ Николай Петровичъ.

— Что ты, какъ не пропустятъ? Не пропустятъ Лелю вмѣстѣ съ офицерами? Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ пойдемте ихъ провожать,—заторопился Георгій Алексѣевичъ, стараясь перемѣнить разговоръ и какъ-нибудь измѣнить настроеніе Лели, отъ котораго ему дѣлалось больно.

На платформѣ суеты было меньше. Стояли солдаты, отдававшіе честь, проходили иногда офицеры, и гдѣ-то вдали, въ самомъ концѣ платформы, дымился паровозъ воинскаго поѣзда, стоявшаго на запасномъ пути. Это были товарные вагоны, чередовавшіеся съ платформами. Въ открытыя двери вагоновъ видны были лошади и слышно было, какъ онѣ вкусно жевали овесъ. Въ другихъ сидѣли или лежали, безпечно развалясь, люди. Другіе толпами бродили вокругъ вагоновъ, сдвинувъ на затылокъ огромныя мѣховыя папахи. На платформахъ стояли зловѣщія орудія, покрытыя брезентомъ, и неподвижные часовые. Черезъ городъ теперь и ночью и днемъ проходили сибирскіе стрѣлки съ своей артиллеріей. И во всѣхъ концахъ поѣзда, тамъ, гдѣ была гуще толпа людей, раздавалась гармоника, а иногда и обрывокъ пѣсни,—какой-то странной пѣсни, гдѣ тоска перемѣшивалась съ удалью, такой же безграничной, какъ и сибирскія степи. Уже два раза прошлась Леля вмѣстѣ со своими

спутниками вдоль воинскаго поѣзда, и ей было любопытно и странно вглядываться въ суровыя и чужія лица людей, проходившихъ куда-то далеко на западъ для страшнаго дѣла.

Вдругъ, переходя осторожно пути съ ведромъ въ рукахъ, показалась женщина. Она шла дѣловой походкой, не поднимая глазъ, и, очевидно, принадлежала къ какой нибудь изъ желѣзнодорожныхъ семей. Но появленіе женщины сразу подняло и оживило солдатъ. Ихъ толпа на пути сдѣлалась гуще, веселѣй запилила гармоника и раздались голоса:

— Иди къ намъ, тетка. Иди, чего ты! Поплясать бы маленечко!

Но женщина шла, по-прежнему не поднимая глазъ, и только чуть-чуть, казалось, ускорила шагъ. Тогда толпа загородила ей дорогу.

— Ну чего ты? Попляши съ нами, тетка. Можетъ, намъ и плясать-то въ остатній разъ.

— Вотъ съ нимъ, съ Сидоромъ попляши. Ловокъ онъ у насъ больно!

— Ну-те васъ! Пустите-ка штоль!—говорила смущенная женщина.

Но уже кругомъ нея образовался широкій кругъ бородатыхъ улыбающихся людей въ сѣрыхъ шинеляхъ. Лихо заливалась гармоника, а Сидоръ, заломивъ на потный затылокъ тяжелую папаху, выдѣлывалъ вензеля.

— Вотъ здорово! Валяй веселѣй! Чего жъ ты, тетка, стоишь? Валяй съ нимъ живѣй, може, въ остатній разъ!

И, захваченная, можетъ быть, общимъ настроеніемъ и взвизгиваніями гармоники, женщина нехотя опустила ведро на землю и, застыдившись, выплыла въ кругъ, семеня ногами и чуть-чуть шевеля плечами, тоже нехотя, словно для того, чтобы отвязаться.

— Ай, ловко! Вотъ ловко! Валяй съ имъ во-всю! Потѣшь насъ, красавица!

Сидоръ, распаленный уже гуломъ одобренія и пляской, пустился теперь въ присядку. Онъ вскакивалъ и, продѣлавъ неожиданные и могучіе прыжки, вновь опускался и стелился по землѣ мягко и молодцовато. Женщина, вдругъ подперевъ правый бокъ рукою, выхватила платокъ и пошла быстро и плавно, съ ритмическими приговорами.

— Ай да тетка! Пава, какъ есть! Жги, жги!

И толпа сдвигалась плотнѣй, сливаясь въ сплошномъ гулѣ и радостномъ гоготаніи.

— По вагонамъ! Садись!—кричалъ рядомъ капитанъ въ походной формѣ и, видя, что его крикъ безполезенъ, скомандовалъ горнисту.

— Труби, чортовъ сынъ. Сборъ. По вагонамъ.

И, когда послѣ сигнала толпа медленно и нехотя начала расходиться, капитанъ сердито прибавилъ:

— Труби бѣгомъ! Ползутъ, какъ старыя бабы.

А женщина, вновь застыдившись, уходила теперь съ ведромъ медленно, не подымая глазъ, теряясь послѣ неожиданной пляски на безчисленныхъ путяхъ станціи.

—Вотъ все и кончилось. Пойдемте, господа, допивать чай,—сказалъ Георгій Алексѣевичъ, чувствуя, что, захваченный чужимъ весельемъ, онъ не можетъ больше спокойно гулять по платформѣ.

— Вотъ и у насъ также будутъ недѣли черезъ двѣ плясать около поѣзда,—сказалъ Николай Петровичъ, наливая горячій чай изъ свѣжихъ чайниковъ.—Приходите тогда, Елена Александровна, насъ провожать.

— Нѣтъ ужъ. Я лучше прощусь съ вами сегодня. Будьте здоровы, а, главное, не тоскуйте. Возвращайтесь живыми, а если будете тосковать, то я, право, не знаю, нужно ли вамъ этого пожелать.

— Зачѣмъ вы такъ говорите?—сказалъ Георгій Алексѣевичъ и вдругъ покраснѣлъ густо, до самыхъ волосъ.—Зачѣмъ вы такъ говорите? Вѣдь это же невозможно. Вѣдь вы знаете, Леля, что я васъ люблю, хотя и не ухаживалъ за вами именно потому, что за вами нельзя ухаживать, потому что можно любить. Вы же вѣдь знаете. Выходите, Леля, за меня замужъ. Если я не вернусь, то вы будете свободной и сумѣете устроиться въ томъ обществѣ, куда вы стремитесь. Помните, что передъ вами длинная и интересная жизнь. А если я вернусь, то что-жъ, развѣ я не люблю васъ? Но теперь это дѣло не мое, а воля Божья.

— Ну, вотъ и отлично. Вотъ и отлично!—заговорилъ почему-то вдругъ шепотомъ Николай Петровичъ.

Леля молчала. Она и сама не знала, что́ она чувствовала въ эту минуту. За ней, какъ за хорошенькой дѣвушкой, ухаживали сплошь всѣ мужчины, съ которыми она только знакомилась, но никогда еще и никто не относился къ ней дружески, просто какъ къ человѣку. Теперь въ словахъ этого застѣнчиваго капитана, уходящаго черезъ нѣсколько дней на войну, ей чувствовался не жадный до ея ласкъ мужчина, а нѣжный и заботливый братъ. Но неожиданность, свалившаяся здѣсь на нее сразу,

здѣсь, на вокзалѣ, когда она рѣшила черезъ нѣсколько дней ѣхать въ село къ своей безрадостной жизни, словно давила ее, путая ея мысли. И черезъ секунду она заговорила растеряннымъ шепотомъ:

— Но вѣдь это на всю жизнь. И такъ сразу. Георгій Алексѣевичъ, надо подумать...

— Что́ же тутъ думать?

И потомъ, помолчавъ, онъ тихо прибавилъ:

— Некогда думать.

Тогда Леля подняла голову и, всматриваясь ему въ лицо долгимъ и пристальнымъ взглядомъ, твердо сказала:

— Хорошо. Я согласна.

Шутки Николая Петровича по поводу неожиданности радостнаго событія не удались на этотъ разъ окончательно. Леля быстро встала и, застыдившись, вдругъ начала торопиться.

— До завтра. Завтра зайдите ко мнѣ. Я сегодня скажу все отцу и завтра рѣшимъ всѣ подробности. До свиданія, Георгій Алексѣевичъ... милый...

И она убѣжала такъ, что Николай Петровичъ не успѣлъ съ ней проститься.

— Ну, поздравляю, поздравляю,—говорилъ онъ, оставшись вдвоемъ съ капитаномъ.—Но однако же такъ невозможно. Мы съ тобой нынче поужинаемъ, знаешь, по-холостецки въ послѣдній разъ. Безъ этого невозможно. Я такъ и женѣ скажу, что произошло въ нашей военной семьѣ чрезвычайное событіе. Она поворчитъ, разумѣется, но вѣдь это такъ полагается. Я забѣгу за тобой часовъ въ десять. Эка ты какой счастливый, Георгій!

— Хорошо, хорошо,—говорилъ капитанъ.

И видно было, что его совершенно не интересуетъ теперь то, что́ говоритъ товарищъ. Ну, ужинать такъ ужинать, если ужъ такъ полагается, а дѣло въ другомъ. Дѣло въ томъ, что теперь есть на свѣтѣ человѣкъ, близкій и связанный съ нимъ на всю жизнь, человѣкъ, къ которому онъ, быть можетъ, вернется, а, можетъ быть, нѣтъ.

III.

Варвара Львовна Висновская, когда узнала отъ мужа о внезапной свадьбѣ капитана, подняла брови, отставила отъ себя чашку съ чаемъ и сказала:

— Не понимаю. Человѣкъ идетъ на войну, гдѣ надо ждать столько печальныхъ случайностей, и вдругъ женится наканунѣ.

Не понимаю. А ты еще собираешься чествовать его ужиномъ и поздравлять. Съ чѣмъ это, позвольте спросить?

— Ахъ, Господи! Но если человѣкъ счастливъ. Если онъ нашелъ, наконецъ, друга и ту чистую привязанность, по которой тосковалъ цѣлую жизнь.

— Воображаю. Я еще понимаю, если бы онъ жилъ съ ней раньше и хотѣлъ оставить ей обезпеченіе.

Николай Петровичъ не возражалъ. Онъ зналъ, что его возраженіе сейчасъ же обратится въ безконечный споръ, во время котораго ему придется выслушать нѣсколько отчасти справедливыхъ упрековъ. Его жизнь сложилась такъ, что, женившись рано и по увлеченію, онъ во многомъ расходился съ женой, съ которой впрочемъ никогда и не былъ близокъ духовно. Ихъ связь держалась теперь только на условіяхъ принятыхъ въ обществѣ приличій, да на денежныхъ отношеніяхъ, на которыя себя считала въ правѣ жена. Онъ зналъ, что война безпокоитъ ее и естественнымъ страхомъ за него, и еще тѣмъ, что сразу уменьшаетъ ихъ общій доходъ, отнимая у него весь сравнительно большой частный заработокъ. Она же знала, что онъ покучиваетъ иногда на сторонѣ, спускаясь иногда до кафешантанныхъ пѣвицъ, и презрительно молчала объ этомъ съ брезгливой снисходительностью порядочной женщины. Такъ между ними тянулось уже давно, и никому не приходило въ голову искать какого-нибудь выхода изъ создавшагося положенія. Поэтому ни въ какіе идеалы въ любви Варвара Львовна не вѣрила и жила изо дня въ день такъ, какъ жили, можетъ быть, многія изъ ея гимназическихъ подругъ. И главное, что́ представлялось ей необходимымъ въ жизни—было спокойствіе и комфортъ.

А Николай Петровичъ, уклонившись отъ спора, въ десятомъ часу благополучно выбрался изъ квартиры, успокоительно замѣтивъ женѣ:

— Ты, Варя, меня не жди. Мы, можетъ быть, засидимся.

— Воображаю я эти ужины ваши! — сказала Варвара Львовна и не прибавила больше ни слова.

Николай Петровичъ вышелъ въ приподнятомъ настроеніи. Ему хотѣлось радоваться радостью товарища, безудержно веселиться и напиться до-пьяна, только бы измѣнить то впечатлѣніе смутной тревоги и, можетъ быть, страха, подъ которымъ онъ жилъ уже больше недѣли. И предвкушая радость острыхъ ощущеній, онъ быстро шагалъ теперь по грязнымъ и темнымъ улицамъ въ маленькую квартиру товарища. По случаю моби-

лизаціи, въ городѣ спиртными напитками торговать было запрещено. Во всѣхъ ресторанахъ какъ-то сразу поселилась пустота и унылая скука. Но Николай Петровичъ зналъ, что въ кафешантанѣ «Эльдорадо» можно было еще по знакомству достать вина въ отдѣльномъ кабинетѣ и провести время по-прежнему. Въ общемъ залѣ кафешантана дѣйствительно было пустынно и скучно. Два-три посѣтителя лѣниво пили чай, подсѣвши поближе къ крошечной эстрадѣ, гдѣ такъ же лѣниво пѣла напудренная женщина странный романсъ. Николай Петровичъ, наскоро обозрѣвъ все это, прошелъ прямо въ кабинетъ и сталъ заказывать ужинъ:

— И къ закускѣ, понимаешь ли, дашь похолоднѣй водки, а потомъ заморозишь бутылочку,—внушительно говорилъ онъ офиціанту.

— Осмѣлюсь доложить, что по случаю, какъ все запрещено, никакъ невозможно. Большая можетъ быть непріятность и штрафъ.

— Ну, вотъ вздоръ какой. Позови мнѣ хозяина.

Хозяинъ, съ которымъ Николай Петровичъ былъ знакомъ, какъ и большинство богатыхъ посѣтителей кафешантана въ городѣ, нашелъ выходъ изъ затруднительнаго положенія. Дѣйствительно, онъ не могъ дать вина въ виду небывалыхъ строгостей по этому поводу, но, если бы Николай Петровичъ захотѣлъ перейти наверхъ, въ номеръ къ знакомой пѣвицѣ, то тамъ, въ частной квартирѣ...

— Велите накрыть намъ въ № 36-мъ. Я пойду къ Катѣ.

— Ну зачѣмъ? Право, не нужно,—пытался возразить Георгій Алексѣевичъ.

— Тогда пожалуйте въ залъ. Одинъ моментъ. А мы приготовимъ.

Въ залѣ было по-прежнему скучно. Катя только-что кончила декламировать стихи, которыми, повидимому, никто не интересовался, и, переодѣвшись, пришла въ залъ и прямо подошла къ Николаю Петровичу.

— А ты меня совсѣмъ забылъ,—сказала она сердечно и просто.—Скука у насъ ужасная. Хотя бы такъ зашелъ днемъ, навѣстить на минуту.

— А вотъ мы къ тебѣ идемъ сейчасъ ужинать,—радостно объявилъ Николай Петровичъ и познакомилъ ее съ товарищемъ.

Номеръ, въ которомъ былъ поданъ ужинъ, былъ самымъ обыкновеннымъ, маленькимъ и достаточно грязнымъ номеромъ провинціальной гостиницы. Этотъ номеръ поглощалъ, однако,

треть жалованія Кати. Таковъ ужъ былъ порядокъ, установленный хозяиномъ для своихъ артистокъ. Другая треть жалованія шла на обѣды, а послѣдняя расходилась на подачки режиссеру, прислугѣ и на какіе-то неуловимые мелкіе расходы. Въ общемъ получалась едва прикрытая, какая-то сытая бѣдность. И въ этой бѣдности изо дня въ день тянулась жизнь, начинавшаяся къ вечеру, освѣщавшаяся яркими снопами электричества, съ чужими бокалами шампанскаго и ликерами...

Теперь, послѣ первыхъ выпитыхъ рюмокъ, когда Катя узнала о причинѣ неожиданнаго торжества, она вдругъ стала серьезной и нѣжно заговорила съ Георгіемъ Алексѣевичемъ. Ее интересовало—сколько онъ получаетъ на службѣ и сколько останется его молодой женѣ, когда онъ уѣдетъ. Высчитавъ все подробно, она налила вина и, стукнувъ Георгія Алексѣевича по плечу, дружелюбно сказала:

— За ваше здоровье. Богъ вамъ пошлетъ. Возвращайтесь живыми. За это я пью!

— Ну, смотри, Катя, ты, кажется, начинаешь мнѣ измѣнять,—шутливо замѣтилъ Висновскій.

— А ну тебя! Очень я тебѣ нужна... да и никому я не нужна. А пью я за честныхъ людей, которые не хотятъ поиграть съ женщиной, да и бросить ее. Вотъ и къ тебѣ привязалась я здѣсь, а что́ изъ того? Все равно, одно и то же вездѣ.

И во время ужина Георгій Алексѣевичъ узналъ обыкновенную и несложную повѣсть.

Въ этой повѣсти всталъ передъ нимъ и далекій сибирскій городъ, и какой-то нотаріусъ, долго ухаживавшій за Катей, бывшей тогда въ пятомъ классѣ гимназіи.

Нищета въ семьѣ почтоваго чиновника съ одной стороны, блескъ кинематографовъ и кабинетовъ гостиницъ съ другой,—все въ этомъ разсказѣ перепутывалось въ такомъ же безпорядкѣ, въ какомъ перепутывается въ сложной и нервной городской жизни. И видно было, что эта молодая женщина, почти еще дѣвочка, тоскуетъ о спокойной и тихой привязанности и съ лаской и тихимъ упрекомъ глядитъ на Николая Петровича, который здѣсь, можетъ быть, въ первый разъ заговорилъ съ ней просто и по-человѣчески послѣ ея недолгихъ скитаній. Но уже вѣры въ жизнь для себя у нея не было.

— Вотъ только бы расплатиться съ долгами. Хозяину должна сорокъ пять рублей и взять негдѣ. Перестали торговать виномъ, и нѣтъ посѣтителей. Прежде хоть у столиковъ дарили рублей по пяти за то, что посидишь съ ними. А теперь у насъ

стала пустыня. Половина разъѣхались, а намъ уменьшили жалованіе. Если бы только достать деньги, все бы бросила и пошла бы въ сестры милосердія... если бы приняли. Въ мѣсяцъ, говорятъ, можно и здѣсь приготовиться.

— Выпьемте, господа, — сказалъ Николай Петровичъ.— Выпьемте за милую и хорошую сестру милосердія. Только съ условіемъ, что ты будешь ухаживать за мной, если придется намъ встрѣтиться.

И Висновскій, шутя, цѣлуясь и чокаясь, досталъ семьдесятъ пять рублей, — всѣ деньги, бывшія съ нимъ, и отдалъ ихъ Катѣ.

— А по счету за ужинъ расплачусь завтра. Хозяинъ привыкъ оказывать мнѣ довѣріе.

— Ну, и достанется же тебѣ отъ жены,—сказала, покачавъ головой, Катя.

Ужинъ сталъ веселой товарищеской пирушкой. Пили и чокались, говорили тосты, въ которыхъ желали другъ другу самаго обыкновеннаго—сохранить жизнь. Никакихъ громкихъ словъ о побѣдахъ и подвигахъ. Шли на опасность, потому что шли всѣ, потому что отъ этого долга нельзя было избавиться. Георгій Алексѣевичъ впрочемъ пилъ мало, и время отъ времени его охватывала жуткая радость сознанія, что онъ теперь не одинъ и что, уходя, оставляетъ здѣсь друга. Зато пилъ много Висновскій. Иногда ему дѣлалось больно отъ мысли, что вотъ черезъ нѣсколько недѣль его, вѣроятно, убьютъ, и что нѣтъ возможности избавиться отъ этого кошмара. Иногда ему дѣлалось радостно отъ того, что рядомъ съ нимъ женщина, которая льнетъ къ нему съ благодарной нѣжностью...

Разошлись поздно. И, придя домой, Висновскій равнодушно выслушалъ презрительные упреки жены. Они казались почему-то такими маленькими и ненужными.

Полковой обозъ, о которомъ было извѣстно, что онъ никакъ не можетъ быть готовъ во́-время, вдругъ оказался готовымъ. Не знали навѣрное, отчего произошло это. Отъ того ли, что, какъ говорили одни, пришла партія рабочихъ, исправившая повозки, или, какъ говорили другіе, оттого, что пріѣзжалъ генералъ и кричалъ въ гостиницѣ на начальство цѣлый часъ, не переводя духу. Обозъ неожиданно и вдругъ оказался готовымъ. Это ускорило выступленіе и обратило два-три послѣдніе дня для выступающихъ въ непрерывную суету. Задержавшаяся изъ-за мелкихъ формальностей свадьба Лели могла состояться только за два дня до похода. Бабы какимъ-то образомъ точно знали о времени

выступленія полка, и теперь ихъ набралась въ городѣ цѣлая толпа. Эта толпа бродила весь день вокругъ палатокъ и ночью располагалась на ночлегъ тутъ же, въ маленькой рощѣ у самаго лагеря. На кухнѣ у Варвары Львовны появилась Аксинья, жена рядового Петрова, и, подперши щеку рукой, дѣловымъ тономъ разсказывала о своемъ путешествіи. Она шла пѣшкомъ верстъ двадцать вдоль рельсовъ, а потомъ забралась на площадку единственнаго переполненнаго поѣзда. Такъ и доѣхала.

— Кондукторъ говоритъ: дай двугривенный, а я говорю— нѣтъ. Какія, говорю, родимый, тебѣ деньги съ солдатки. Нешто ихъ наготовишься?

Дальше шелъ разсказъ о томъ, что ихъ полосу подъ озимое посѣяли міромъ, а снопы возила она сама, а помочь въ молотьбѣ обѣщали двоюродныя сестры. Пятилѣтняго ребенка, идя сюда, она оставила имъ же.

— Какъ же ты жить будешь, когда мы уйдемъ?—спросилъ Николай Петровичъ съ нѣкоторымъ удивленіемъ.

— Какъ-нибудь проживемъ. Нешто одна я? Всѣ, почитай, такъ-то. Воля божья. Отъ ей никуда не уйдешь.

И опять въ этой покорности чему-то высшему, что̀ управляетъ человѣческой жизнью, Николаю Петровичу почувствовалось то общее, что̀ соединяетъ Аксинью съ только-что женившимся капитаномъ и съ рядовымъ Петровымъ. И онъ съ завистью теперь думалъ объ этомъ настроеніи, которое давало имъ силу такъ просто относиться къ жизни, тогда какъ его, по мѣрѣ близости выступленія, все больше охватывалъ страхъ и кровавые кошмары войны.

— Ну, побѣгу. Калачика папушнаго надо купить мому-то. Чайку съ имъ попить на послѣдяхъ. Мы съ имъ пыньче каждый день пьемъ чай съ калачами,—сказала Аксинья.

И черезъ часъ она уже сидѣла рядомъ съ мужемъ у самой палатки. Передъ ними лежала колбаса и папушный хлѣбъ. Оба они, потные, утирались платками и пили чай съ блюдечекъ. Пили долго, не торопясь.

— Ты, главное, хлопочи объ ребенкѣ. И живи смирно,— сказалъ, наконецъ, Петровъ.

Аксинья ничего не отвѣтила и еще налила ему чаю.

А въ это время Николай Петровичъ дѣлалъ послѣдніе разсчеты и оставлялъ Варварѣ Львовнѣ какіе-то векселя.

Черезъ день надо было выступать.

Отъѣздъ воинскаго поѣзда, назначенный въ три часа, задержался на станціи. Поэтому первый эшелонъ Н—скаго полка въ

составѣ цѣлаго батальона заполнилъ платформу и залъ третьяго класса въ ожиданіи посадки. По путямъ станціи бѣгали дежурные паровозы, гдѣ-то вдали составляя поѣздъ, и исчезали надолго, пропуская товарные поѣзда съ воинскимъ грузомъ. Офицеры въ походной формѣ пили чай въ ожиданіи отъѣзда, писали коротенькія письма на открыткахъ и прощались съ знакомыми. Толпа бабъ бродила по платформѣ вмѣстѣ съ солдатами, нѣкоторыя, пристроившись тутъ же, пили чай на этотъ разъ уже изъ походныхъ солдатскихъ чайниковъ. Аксинья пила чай вмѣстѣ съ мужемъ и тремя односельчанами. И ихъ разговоръ передъ отъѣздомъ былъ самымъ обыкновеннымъ дѣловымъ разговоромъ. Точно бряцаніе ружей и походное снаряженіе съ тяжелыми сумками и стальными лопатками не могло имѣть къ нему никакого отношенія. Говорили объ озимяхъ, которыя теперь засѣвались, и о плохомъ урожаѣ, который теперь, въ виду отъѣзда мужиковъ на войну, дѣлалъ жизнь семей дома еще тяжелѣе.

— Главное дѣло, вы берегите скотину. А ужъ тамъ вернемся, коли Богъ велитъ, такъ опять помаленьку наладимъ.

И Аксинья спокойно и дѣловито слушала совѣты людей, которымъ, быть можетъ, не суждено было никогда вернуться къ любимой землѣ.

— И еще вотъ что,—сказалъ Петровъ.—Ты, Аксютка, сынишку не балуй. Вы, бабы, на этотъ счетъ молодцы. А ты пожмись пока-что маленечко.

— Ну, вотъ, нешто я не понимаю,—серьезно и тихо отвѣтила Аксинья.

А въ залѣ второго класса въ это время Варвара Львовна тихо плакала, стараясь это дѣлать такъ, чтобы было незамѣтно другимъ. Она отвертывалась, вытирала глаза и потомъ улыбалась.

— Ну, надѣюсь, что это скоро кончится, эта кошмарная нелѣпость, и ты, слава Богу, вернешься домой. Но только будь остороженъ и береги себя сколько возможно.

И при этомъ она смущалась, потому что не знала, въ чемъ должна была заключаться осторожность и отъ чего нужно было беречься на войнѣ.

— Успокойся, пожалуйста,—говорилъ Николай Петровичъ.—Успокойся и помни, что безпокойствомъ ты себѣ только нервы разстроишь и ничему не поможешь.

И въ то же время онъ не могъ сдержать въ себѣ того безпокойства, отъ котораго предостерегалъ жену. Такъ же, какъ и ей, ему казалось, что какая-то кошмарная нелѣпость захва-

тила его въ свою власть и тащитъ за собою въ какую-то страшную пропасть. Все его существо внутренно возмущалось этой нелѣпостью, хотѣлось закричать, что онъ не хочетъ идти, а мысль, какъ ни искала, не могла найти примиренія съ тѣмъ, что́ теперь было дѣйствительностью. Висновскому казалось страннымъ, что многіе, и такихъ было большинство среди офицеровъ,—спокойно и просто относились къ необходимости идти на возможную смерть. Чѣмъ они вдохновлялись и въ чемъ находили опору? Ну, побѣдятъ они нѣмцевъ, и сдѣлается, какъ говорятъ, легче и лучше жить въ цѣлой Европѣ. Но ему-то что за дѣло до этого, если онъ даже и не увидитъ ничего, а будетъ гнить въ забытой, безкрестной могилѣ на поляхъ Польши? И, глядя на смущеніе и грусть Варвары Львовны, онъ чувствовалъ то же смущеніе и такъ же скорбѣлъ о грубомъ насиліи надъ своей благополучно налаженной жизнью.

Георгій Алексѣевичъ въ это время тихо переговаривался съ Лелей. Она разсѣянно слушала его, словно не придя еще въ себя послѣ внезапно обрушившихся на нее событій. Изъ свадьбы, состоявшейся третьяго дня, она отчетливо помнила то жуткое чувство какой-то огромной отвѣтственности, которое охватило ее тогда, когда она садилась въ автомобиль, чтобы ѣхать въ церковь. Остальное проходило теперь въ ея сознаніи, словно въ туманѣ. И двусмысленныя шутки напившагося на радостяхъ родственника, и строгая сдержанность мужа, отказавшагося отъ ласкъ, потому что онъ считалъ семейную жизнь возможной только послѣ войны,—все казалось ей теперь безконечно далекимъ. А Георгій Алексѣевичъ говорилъ тихо:

— Помни, Леля, что ты совсѣмъ свободна. Если я вернусь, будемъ жить, а нѣтъ, то выходи замужъ. Помни, что я, одинокій, уходя на войну, оставляю дома сестру. Пиши мнѣ о себѣ больше... Вѣдь у меня никого, кромѣ тебя, нѣтъ на свѣтѣ.

Наконецъ-то къ вечеру, когда солнце, вырвавшись изъ-за тучъ, освѣтило косыми лучами вокзалъ и убѣгавшія въ тихую даль полей рельсы, поданъ былъ воинскій поѣздъ. Эшелонъ размѣстился по вагонамъ, и тотчасъ же здѣсь и тамъ запилила гармоника и затренькала балалайка, какъ символы неумирающаго человѣческаго веселья даже передъ лицомъ ожидающей смерти.

Провожающія женщины высыпали на платформу, и кое-гдѣ раздавались бабьи рыданія. Офицеры стояли у своего вагона, готовые вскочить на подножку. И вотъ тутъ-то, протискиваясь черезъ толпу, прибѣжала Катя и сунула въ руку Николаю Петровичу клочекъ газетной бумаги, перевязанный ниткой.

Поѣздъ тронулся. Изъ нѣсколькихъ вагоновъ вырвалось ура, подбадривающее и рѣшительное, въ которомъ звучала покорность чему-то неизбѣжному и важному, стоящему выше интересовъ отдѣльнаго человѣка. Поѣздъ уходилъ медленно, и надъ нимъ стелился дымъ паровоза, который, казалось Лелѣ, принималъ страшные образы ангела, вооруженнаго косой смерти. Варвара Львовна безсознательно глядѣла вслѣдъ поѣзду и все еще слабо махала бѣлымъ платкомъ. Аксинья и Катя рыдали просто, по-бабьи, съ всхлипываніями и причитаніями. И всѣ стояли долго-долго, пока не скрылся поѣздъ въ тихой дали полей.

Въ корридорѣ офицерскаго вагона Николай Петровичъ развернулъ газетную бумажку. Въ ней лежалъ серебряный эмалированный крестикъ на шелковомъ шнуркѣ. Николай Петровичъ поцѣловалъ его, перекрестился и надѣлъ на себя. Потомъ онъ вошелъ въ вагонъ и сѣлъ пить чай съ офицерами, около которыхъ хозяйничали денщики съ походными чайниками...

Вл. Ладыженскій.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

I.

Въ высотѣ.

Бушевали волны въ морѣ,
Ели гнулись на землѣ,
Мы летѣли на просторѣ
На воздушномъ кораблѣ.
Вѣтеръ вылъ, дрожали реи,
Мощно двигались винты,
Но неслись всего быстрѣе
Наши смѣлыя мечты.
И влекли насъ въ край далекій,
Гдѣ свободно дышетъ грудь,
Гдѣ царитъ просторъ широкій
И для мысли воленъ путь.
Что послужитъ намъ границей?
Мы свободны и сильны.
Кто летаетъ въ небѣ птицей,
Не согнетъ своей спины.
Намъ привыченъ вѣтеръ бурный,
Не страшны раскаты грозъ,
Мы несемся въ край лазурный,
Въ міръ волшебныхъ, свѣтлыхъ грезъ!
Бороздите жъ море, бури,
Гните ели на землѣ,
Не страшны вы намъ въ лазури
На воздушномъ кораблѣ!

II.

На аэростатѣ.

Тихо спустилася ночь благодатная,
Плавенъ мой низкій полетъ.
Вѣетъ съ луговъ теплота ароматная,
Небо въ безбрежность зоветъ.
Свѣтитъ луна на селенье уснувшее,
Въ избахъ угасли огни.
Что жъ отравляетъ мнѣ душу минувшее,
Чудятся давніе дни?
Грезятся близкихъ черты незабвенныя...
Всѣ ужъ давно подъ землей!
Слышу я помыслы ихъ сокровенные,
Словно со дна подо мной.
Всѣ вы погибли, товарищи вѣрные!
Нѣтъ васъ со мной въ высотѣ.
Видѣлись ярко вамъ дали безмѣрныя
Только въ одной лишь мечтѣ.
Не было въ мірѣ добрѣй васъ, правдивѣе...
Что жъ не со мной вы, друзья?
Какъ же случилось, что, всѣхъ васъ счастливѣе,
Въ небѣ летаю лишь я?
Что это? Стѣны кладбища старинныя...
Всюду могилы во мглѣ...
Тѣни ихъ лунныя, черныя, длинныя,
Жутко ползутъ по землѣ.
Какъ я спустился къ костямъ истлѣвающимъ,
Къ старымъ надгробнымъ крестамъ?
Выше же, выше! Къ свѣтиламъ сіяющимъ,
Къ вѣчнымъ ночнымъ небесамъ!

Николай Морозовъ.

ПЛАКАТЫ.

I.

— Ты бездаренъ, бездаренъ!

— Лена!..

— Нечего взывать тономъ ангельскаго упрека: Лена!—Я говорю правду, ты бездаренъ. Эти твои слова, что я враждебной критикой отнимаю охоту къ дѣлу, гублю твою вѣру въ себя,—эти слова мнѣ надоѣли. Незачѣмъ тебѣ вѣрить, не во что тебѣ вѣрить!..

Такъ и сыпались обидныя, ранящія фразы. Ихъ рѣзко выкрикивала маленькая, свѣтлоглазая женщина, съ большимъ выпуклымъ лбомъ, съ лицомъ миловиднымъ и добрымъ, которому даже гнѣвъ не могъ придать отталкивающаго выраженія.

Художникъ слушалъ молча. Онъ зналъ, что все это говорится въ злости. Что часъ спустя зазвучатъ другія слова, любовныя и ласковыя, укоръ въ бездарности будетъ названъ злой, завѣдомой ложью, будетъ объясненъ вспышкой гнѣва, желаніемъ сдѣлать больно. Онъ все это зналъ по опыту прошлыхъ лѣтъ.

Но вѣдь должно же быть зерно правды въ этомъ гнѣвномъ упрекѣ? Во время каждой ссоры ему швыряютъ въ глаза слово «бездарность», а потомъ — наивное оправданіе: «Это было сказано нарочно»... Почему же такъ часто ей приходитъ на умъ именно такое оскорбленіе?

Тягость этой мысли такъ пришибла его, что не хотѣлось грубо отвѣчать Ленѣ: испарились готовыя сорваться съ языка дерзкія выраженія, и не хватило задора продолжать ссору. И онъ, послѣ долгаго молчанія, сказалъ искренно и печально:

— Ты, Лена, думаешь вправду, какъ и другіе, что у меня нѣтъ таланта. Ты это высказываешь только въ гнѣвѣ, а въ наши мирные дни изъ жалости скрываешь... Какъ мнѣ это больно!

Она уже овладѣла своимъ раздраженіемъ и съ раскаяніемъ вспомнила неосторожныя слова. Она взобралась къ другу на колѣни, отняла его руку отъ лица, и, цѣлуя его пальцы, стала увѣрять, какъ всегда:

— Это я со зла... завѣдомую неправду... милый!..

Но художникъ не вѣрилъ. Онъ съ ласковой грустью принималъ ея поцѣлуи, уже забывъ поводъ къ ссорѣ, которая возникла, собственно, изъ-за пустяка. Онъ давно принялъ за незыблемый законъ, что люди, живущіе три года вмѣстѣ, въ тѣсной комнатѣ и съ кучей денежныхъ непріятностей, неминуемо должны «грызться». И онъ старался легко переносить это.

Но одно ему трудно было забыть,—упреки въ бездарности. Они, быть можетъ,—правда, если даже она, любящая, повторяетъ это такъ часто?

Всѣ товарищи пренебрежительно относились къ его работамъ: «Деревянная живопись», «маляръ»,—это говорилось иногда даже въ глаза. А преподаватели художественнаго училища, видя его усердіе и блестящіе за работой глаза, щадили ученика и говорили: «Вы сможете, пожалуй, стать художникомъ» такимъ похоронно-соболѣзнующимъ тономъ, какимъ увѣряютъ безнадежно больного: «Вы еще выздоровѣете»...

Онъ упорно не хотѣлъ вѣрить въ свою бездарность. Онъ, вѣдь, любилъ живопись страстно, по-своему, любилъ краски и вещи: ему правилось изображать автомобили, аэропланы, мебель на витринахъ и дамскія манто... Люди мало его интересовали: лица у него выходили деревянными, пейзажъ словно вырѣзанный изъ картона, копировалъ онъ отвратительно.

А эта страсть къ большимъ полотнамъ! Онъ изводилъ на матеріалъ чуть ли не половину своего скуднаго заработка,—самые скромные этюды ему хотѣлось писать на саженныхъ полотнахъ; ему грезились многометровыя картины, съ гигантскими соборами, съ башнями выше горъ... И вещи, вещи, вещи ему хотѣлось писать: онъ представлялъ себѣ малиновыя мантіи королей, четко отороченныя горностаемъ, золотисто-коричневые дирижабли, плывущіе по ослѣпительно-синему небу, быстроходные автомобили-ландолэ, или гоночные серебристо-сѣрые моторы, сплющенные съ боковъ, заостренные спереди, со спрятаннымъ вглубь сидѣніемъ, похожіе на огромныхъ стальныхъ рыбъ, плывущихъ стремительно и почти безшумно...

Онъ ненавидѣлъ голое тѣло, «Медицейскихъ и прочихъ Венеръ», какъ онъ выражался, класическія nu, гдѣ нѣтъ ни

одной рѣзкой линіи, ни одного «головоломнаго контура»,—ему были дороже неестественно-изогнутыя очертанія машинъ. Его глазамъ было скучно глядѣть на нѣжные оттѣнки,—онъ поклонялся семи цвѣтамъ радуги. И онъ писалъ женщинъ—ради ихъ нарядовъ, небо ради рѣющихъ въ немъ аэроплановъ, и все въ общемъ писалъ ради рѣдкихъ, рѣзкихъ, головоломныхъ контуровъ и оглушительно-яркихъ красокъ, чистыхъ красокъ солнечнаго спектра.

Товарищи пробовали его причислить къ отъявленнымъ импрессіонистамъ. Потомъ къ кубистамъ, бранясь, причисляли его нѣкоторые. Но ничего не вышло: у него не было никакой школы, никакой теоріи,—«сплошной дурной вкусъ»—пожимали плечами въ школѣ.

Изъ глухой провинціи, мало-развитый, онъ пріѣхалъ сюда, въ большой южный портовый городъ, и, какъ дикарь цвѣтными камушками, былъ очарованъ, захваченъ внѣшней городской культурой. Его въ трепетъ восторга привелъ увидѣнный автомобиль и первый океанскій пароходъ.

Вотъ почему въ часы, свободные отъ обязательныхъ этюдовъ, онъ писалъ женщинъ, какъ манекеновъ—ради надѣтыхъ на нихъ мѣховыхъ манто, писалъ небо—ради плавающихъ въ немъ аэроплановъ, писалъ заводскія трубы выше замковыхъ башенъ, и браслеты съ драгоцѣнными камнями, утрированно-огромными, словно изъ ожерелія дикарей.

Его подруга, серьезная и работящая курсистка, съ которой онъ сошелся три года тому назадъ, была интеллигентнѣе своего мужа и всячески старалась «поднять его до себя». Но безнадежно. Онъ не любилъ книгъ и даже о живописи мало читалъ, говоря, что у него на это не хватаетъ времени:

— Работать въ школѣ, зарабатывать на жизнь и еще читать! Когда же на міръ смотрѣть?

— Я вѣдь успѣваю читать, хотя не меньше твоего бѣгаю по урокамъ,—возразила Лена,—*надо* стараться быть культурнымъ, въ особенности тебѣ,—вѣдь безграмотность художниковъ въ пословицу вошла. *Надо.*

И теперь,—только-что онъ это вспомнилъ,—Лена, вѣдь, ссорилась съ нимъ изъ-за непрочитанной книги. Держа подругу на колѣняхъ, онъ съ ненавистью глядѣлъ на изящно изданную монографію о Ботичелли, которая уже три недѣли тому назадъ была взята изъ читальни и за ея задержку полагался штрафъ.

— Штрафы при нашихъ доходахъ!—съ раскаяніемъ подумалъ художникъ,—какъ было Леночкѣ не злиться?

Но, конечно, высказывать подругѣ вслухъ, что она права, это была бы дурная семейная политика. Онъ рѣшилъ притвориться, что отъ ссоры еще остался тяжелый осадокъ, и, деликатно отстранивъ Лену, сказалъ:

— Я пойду... пройдусь,—тоскливо мнѣ теперь дома сидѣть...

Лена, огорченная, молча подала ему шляпу. Онъ грузными, медленными шагами измученнаго человѣка сошелъ съ лѣстницы, но, ступивъ на мокрый отъ весенняго дождя тротуаръ, взглянувъ на сверкающія лужи, похожія подъ солнцемъ на яркіе осколки разбитыхъ зеркалъ, стряхнулъ съ себя полу-искусственное тяжелое настроеніе. Поблекли даже тягостныя мысли о безталанности, когда въ лицо ударилъ морской соленый вѣтеръ, напомнившій о возобновленныхъ пароходныхъ рейсахъ, о прекрасныхъ океанскихъ гигантахъ, которые опять, вѣрно, прибыли въ гавань, о многокрылыхъ турецкихъ шхунахъ съ дерзко изогнутыми парусами, которыя иногда приплываютъ сюда съ азіатскаго побережья. И, нащупавъ въ карманѣ альбомъ для рисунковъ, художникъ отправился въ портъ.

II.

Нельзя было рисовать изъ-за вѣтра. Художникъ сидѣлъ на каменной тумбѣ, къ которой была привязана рыболовная баржа, и глядѣлъ на ея колеблющуюся мачту.

— И почему ее не повалятъ?—озабоченно думалъ онъ,—сломается, чего добраго...

И ему хотѣлось перепрыгнуть съ берега на эту колеблющуюся барку, повалить мачту и привязать ее, какъ слѣдуетъ, къ палубѣ. Хотѣлось двигаться, суетиться, дѣлать практически-нужное дѣло; хотѣлось напряженной, волнующей работы, глядя на буйно вздымающіяся волны, прекрасныя золотисто-зеленыя волны, хлынувшія къ берегу подъ напоромъ весенняго вѣтра. И такой скучной показалась вдругъ школьная живопись, этюды, краски, тихая, методичная работа...

«Ахъ, если бы въ краскахъ былъ скрипъ мачты, качаемой вѣтромъ! Если бы, глядя на кренящійся парусъ, человѣку становилось страшно! Этого нѣтъ. *Мастерство* отмѣчаютъ спокойно на картинѣ горящаго дома! Нестоющее искусство»...

«А почему крикливыя краски—это нехорошо?»—убѣжденно думалъ онъ: «краски именно должны кричать».

Ему мерещилось, что если бы сегодняшній весенній прибой

набросать на многоэтажномъ полотнѣ преувеличенно, изступленно-рѣзкими штрихами, и писать его фосфорически-рѣзкими красками (онъ читалъ гдѣ-то, что есть самосвѣтящіеся составы), то въ этой картинѣ слышался бы тревожный скрипъ мачтъ...

— Недоучка—фантазеръ!—ясно прозвучали въ его мозгу случайно подслушанныя слова профессора, прозвучали такъ рѣзко, словно ихъ только-что произнесли надъ ухомъ. И художникъ тряхнулъ головой, желая прогнать сумасбродныя живописныя фантазіи. Онъ поднялся, еще разъ окинулъ взоромъ заливъ и портъ, безмолвный сегодня по случаю праздника, и двинулся домой.

Онъ медленно шелъ по совсѣмъ пустынному молу, мимо высокихъ, неподвижно чернѣющихъ крановъ и громоздкихъ товарныхъ пароходовъ, надъ которыми сегодня вился лишь легкій дымокъ изъ пароходной кухни. У огромныхъ складовъ для хлѣба стаями ворковали голуби, отыскивая остатки зерна въ расщелинахъ мостовой. И гигантскія очертанія портовыхъ построекъ и океанскихъ пароходовъ казались еще огромнѣе отъ присутствія этихъ милыхъ, желанныхъ птицъ, напоминающихъ крошечные дворики городскихъ дачъ, гдѣ стоятъ иногда причудливо-расписанныя голубятни.

— Какой великій этотъ портъ!—вздохнулъ художникъ.

Для него огромное неизбѣжно сливалось съ великимъ и, глядя на портъ, онъ не могъ не мечтать о большихъ полотнахъ. Онъ съ отвращеніемъ подумалъ о миніатюрныхъ школьныхъ этюдахъ, которые ждутъ его дома, и, вспомнивъ, что ихъ давно слѣдовало бы окончить, замедлилъ шагъ.

— Весь день испортитъ мнѣ эта лилипутская живопись!—думалъ онъ, и сталъ брести домой медленно, какъ лѣнивый мастеровой на работу въ понедѣльникъ.

Дома его встрѣтила Лена оживленнымъ разговоромъ о томъ, что приходилъ какой-то пузатый купецъ, хотѣлъ заказать работу и оставилъ свой адресъ.

— Работа скверная, конечно; такая, что и браться за нее неловко; понимаешь—плакатъ надо состряпать... Но у насъ такъ мало денегъ—на урокѣ я, вѣдь, уже попросила впередъ,—и если бъ ты временно взялся...

Лена говорила смущенно, словно подбивала друга на нечестный поступокъ. Она, вѣдь, всегда внушала ему уваженіе къ живописи, хотѣла, чтобы онъ изучалъ ее «идеологически, научно», какъ она выражалась, хотѣла видѣть его хорошимъ, идей-

нымъ художникомъ. И вдругъ—сама изъ-за нужды толкаетъ его на такое дѣло...

— Профанація искусства!—съ выспреннимъ, но искреннимъ возмущеніемъ подумала она, и вдругъ, прерывая начатую фразу, заявила:

— Глупости я говорю. Конечно, ты за это не возьмешься, не долженъ браться. Какъ-нибудь проживемъ. Я постараюсь...

— Почему не взяться?—равнодушно сказалъ художникъ.—Слишкомъ ты няньчишься съ этой моей живописью. То бездарью называешь, то «воспитываешь»... А по мнѣ, что деревянные школьные этюды писать, что плакаты—одинъ чортъ. Деньги нужны.

— Ну, не сердись за утреннюю сцену!.. какой ты злопамятный! Я, право, не хочу, чтобы ты развращалъ свой талантъ. Не надо этой работы!.. Я постараюсь...

— Ты и такъ довольно стараешься, милая дѣвочка,—растроганно сказалъ художникъ,—выбиваешься ради меня изъ силъ. Гдѣ это слыхано, чтобы жена содержала мужа,—прибавилъ онъ шутливо.—Завтра же я «принимаю» твоего пузатаго купца.

III.

«Пузатый купецъ» оказался крупнымъ кавказскимъ садовладѣльцемъ. Онъ отправлялъ сюда свѣжіе фрукты,—виноградъ, персики и абрикосы, а также запаянныя жестянки съ консервами, съ «сырымъ» компотомъ, напоминающимъ зимою лѣто юга. Теперь онъ открывалъ здѣсь фруктовый подвалъ и ему былъ нуженъ рекламный плакатъ.

— Чтобы на каждой улицѣ, въ каждой гастрономіи было объявленіе о фруктовой торговлѣ Сарджанова!—говорилъ онъ, размахивая руками, и ярко блестѣли при этомъ на его морщинистомъ лицѣ еще молодые, энергичные и хитрые глаза.—И чтобы плакатъ былъ хорошій, съ фантазіей, чтобы онъ поражалъ публику. Такого рисунка живописецъ вывѣсокъ мнѣ не сдѣлаетъ, потому я и обратился къ вамъ, къ будущему художнику,—надо, чтобы это было сдѣлано по-европейски.

— Что же я долженъ написать?

— Что хотите, лишь бы съ фруктами. И чтобы это поражало... Epater!—блеснулъ онъ случайно узнаннымъ словомъ.—Я за границею видалъ прекрасные плакаты. Надо, чтобы и у

насъ... Отечественная промышленность, молодой человѣкъ, нуждается въ рекламѣ... Такъ вы возьметесь за это дѣло?..

— Да... то-есть, я не знаю, выйдетъ ли у меня... Вамъ это сдѣлать въ краскахъ?

— Непремѣнно въ краскахъ, въ яркихъ краскахъ! Какъ можно ярче и большіе размѣры: 3—4 квадратныхъ аршина.

Яркія краски и большой размѣръ! У художника дрогнуло сердце отъ этихъ словъ. Онъ даже не условился съ купцомъ о размѣрѣ платы и обѣщалъ написать плакатъ черезъ недѣлю.

Онъ ушелъ домой взволнованный и возбужденный, и, лишь въ нѣсколькихъ словахъ передавъ Ленѣ разговоръ съ купцомъ, весь день просидѣлъ молча на окнѣ, обдумывая планъ плаката.

— На немъ должны быть фрукты, — разсуждалъ онъ, — южные фрукты... И передъ его глазами рдѣли ярко оранжевые абрикосы, розовато-желтые персики и дыни блѣдно-золотого цвѣта. Всплывали живописныя кисти сизо-краснаго лѣчебнаго винограда, алыя черешни и малиновыя сливы. Всѣ оттѣнки любимаго имъ краснаго и желтаго цвѣта принимали очертанія поражающе огромныхъ и порою причудливыхъ фруктовъ. Онъ вспоминалъ лотки на базарѣ, перегруженные краснощекими яблоками и арбузами, похожими на зеленые глобусы, видѣлъ бананы, висящіе подъ темнымъ потолкомъ фруктоваго подвала, какъ десятки полумѣсяцевъ на черномъ небѣ; любовался мысленно десятками ослѣпительно-яркихъ апельсиновъ, которые можно было писать упрощенно, чистымъ сурикомъ...

— Фрукты... нужно много фруктовъ...—повторялъ онъ указаніе заказчика,—но куда же ихъ помѣстить?

Онъ съ усиліемъ освободился отъ этого наводненія плодовъ и, когда они отхлынули отъ его утомленныхъ глазъ, сталъ припоминать всѣ видѣнныя когда-либо корзины, хрустальныя фруктовыя горки и вазы. Но все это казалось слишкомъ маленькимъ, совсѣмъ ничтожнымъ...

Измученный долгимъ обдумываніемъ, онъ отвлекся на минуту отъ своей живописной темы, и его мысли побрели къ видѣнному сегодня порту... Повѣялъ вешній вѣтеръ, вздыбились волны, и неожиданно выплылъ изъ гавани, распустивъ паруса, гигантскій корабль, сверху до низу увѣшанный фруктами.

— Есть!..—облегченно вздохнулъ художникъ, вскочилъ съ подоконника и принялся шумно «дѣлать гимнастику», раскачивая на рукахъ Лену и переворачивая стулья, чтобы размять усталые отъ долгаго сидѣнія члены.

На слѣдующее утро онъ всталъ съ радостно-тревожнымъ

нетерпѣніемъ поскорѣе приняться за работу. Онъ вышелъ изъ дому бодрой походкой и глядѣлъ на всѣхъ разсѣянными улыбчивыми глазами; только на базарной площади взглядъ его сталъ зоркимъ и сосредоточеннымъ. Онъ медленно проходилъ мимо открытыхъ лавокъ фруктоваго ряда и глядѣлъ на плоды жадными глазами уличнаго лакомки. По временамъ онъ останавливался, вытаскивалъ свой грубый альбомъ въ парусиновомъ переплетѣ и наспѣхъ зарисовывалъ простыми штрихами группы огромныхъ зимнихъ яблокъ и айвы въ перемежку съ бокастыми грушами, тяжелыя кисти банановъ и тонкія, длинныя гроздья продолговатаго «зимняго» винограда, подвѣшенныя также, какъ и бананы, къ общему навѣсу лавокъ, «для красоты».

Но здѣсь встрѣчались большей частью лишь демократическіе плоды. И, побродивъ часа полтора мимо базарныхъ лотковъ, онъ отправился въ центръ города, къ огромному двухъэтажному гастрономическому магазину, за зеркальными стеклами котораго красовались коричневые кирпично-чешуйчатые ананасы на своихъ подставкахъ изъ узкихъ стрѣльчатыхъ листьевъ, лежали въ узорныхъ корзинахъ наполовину обнаженные отъ тонкой сухой корочки гранаты, похожіе на рубиновыя бусы, и длиннымъ рядомъ стояли вдоль стекла бородатые кокосовые орѣхи, словно угрюмые стражи этого изысканнаго плодоваго царства.

Художникъ стоялъ передъ витриною и безъ устали дѣлалъ наброски. Онъ забылъ, что ему нужны только фрукты; онъ срисовалъ также смутно видимыя за витриной горы затѣйливо разложеннаго товара, много разъ отраженнаго зеркальными стѣнами, и долго не могъ оторваться отъ этого поражающаго обилія вещей, навезенныхъ изъ разныхъ странъ.

Его поражали огромные красные омары и непочатые лососи съ хищными мордами, точно также, какъ въ другихъ магазинахъ—хитроумные оптическіе приборы, узорныя ткани, ювелирныя издѣлія, какъ все вообще нагроможденное внѣшней культурой въ этомъ великолѣпномъ приморскомъ городѣ, изъ котораго во всѣ страны міра расходились огромные океанскіе пароходы.

Онъ рисовалъ, пока у него не затекли пальцы и не заболѣли глаза. И эти лихорадочно набросанные рисунки походили на бредъ голодающаго, приглашеннаго быть зрителемъ въ чужомъ пиру... Но ни капли горечи не было въ душѣ этого неразвитаго художника, поклоняющагося городу, какъ дикари — величію европейцевъ; ни одна завистливая мысль не коснулась его мозга, когда онъ восторженно созерцалъ эти грубо и властно импонирующія блага культуры.

Какое ему было дѣло до «отечественной промышленности» и «хорошей рекламы»»! Развѣ ему хотѣлось *въ угоду заказчику* изумить публику плакатомъ, надъ которымъ онъ началъ работать? Онъ самъ былъ воплощеніемъ восхищеннаго изумленія передъ торговымъ городомъ, смотрѣлъ на него, какъ на чудовищно-огромную сокровищницу. И у него было нетерпѣливое и неодолимое желаніе изображать эту культуру вещей.

Окончательно измученный напряженнымъ рисованіемъ, онъ пошелъ отъ витрины и медленными шагами направился домой, обдумывая, какъ онъ используетъ сдѣланные наброски. На обратномъ пути ему опять пришлось переходить базарную площадь. Былъ уже часъ дня, и торговля затихла. Художникъ въ глубокой задумчивости шелъ по опустѣвшему базару, и всѣ его мысли были направлены только на плакатъ, который предстояло написать.

Вдругъ до ушей его донеслись частые удары въ барабанъ и нестройный звонъ колокольчиковъ. Эти звуки были довольно необычны и на минуту вывели художника изъ его творческаго транса. Къ тому же онъ носомъ къ носу столкнулся съ какимъ-то задорнымъ подросткомъ, который бѣжалъ на звукъ барабана и скороговоркой выругался на ходу:

— Тоже! повѣсилъ носъ и лѣзетъ...

Художникъ остановился и оглянулся. Въ дальнемъ углу площади стояла кучка людей, и къ ней прибывало все больше народу. Оттуда раздавалась эта безтолковая музыка и взрывы смѣха.

Инстинктъ зѣваки проснулся въ художникѣ и заглушилъ на мгновеніе его живописныя фантазіи. Онъ поспѣшно подошелъ къ небольшой толпѣ и протискался впередъ, чтобы посмотрѣть, въ чемъ дѣло.

На полу сидѣлъ на корточкахъ смуглый персъ въ рыжей высокой бараньей шапкѣ. Онъ ударялъ въ бубенъ, увѣшанный мелкими пузатыми колокольчиками, а передъ нимъ плясала обезьянка и корчила гримасы. Когда музыка прекратилась, мохнатая плясунья обошла публику съ опрокинутымъ бубномъ въ лапахъ, собирая пожертвованія. Кто-то, вмѣсто мѣдяка, кинулъ ей апельсинъ; обезьяна остановилась, присѣла на корточки, какъ ея хозяинъ, и чисто-человѣческимъ движеніемъ принялась очищать апельсинъ, разбрасывая вокругъ себя корки. Морда ея выражала радость закоренѣлаго лакомки-гастронома.

— Великолѣпно!—прошепталъ художникъ и вынулъ свой альбомъ.

Притупившимся карандашемъ онъ съ трудомъ зарисовывалъ эту подвижную, неусидчивую модель и думалъ, что именно она нужна для фруктоваго плаката. Онъ изобразитъ съ наивозможнѣйшей экспрессіей эту восхищенную морду, эти длинныя, цѣпкія лапы, швыряющія вокругъ апельсинныя корки. Обезьяна будетъ сидѣть на кормѣ задуманнаго корабля, на грудѣ ярко-оранжевыхъ апельсиновъ, и будетъ, какъ и эта, чистить огромный плодъ. За винтомъ по водѣ будутъ широкимъ вѣеромъ расходиться апельсинныя корки, изъ нихъ за уходящимъ кораблемъ намѣтится цѣлая дорога; она будетъ тянуться, расширяясь отъ разбѣгающихся волнъ, до самаго берега! Это великолѣпно создастъ перспективу.

Давно разошлась толпа, и ушелъ угрюмый персъ, спрятавъ за пазуху свою обезьянку, а художникъ все стоялъ съ раскрытымъ альбомомъ въ рукахъ и видѣлъ передъ собою плывущій по ослѣпительно-синему морю, нагруженный яркими плодами корабль, съ мачтами, увитыми виноградомъ, и съ восторженной обезьяной на кормѣ.

V.

Художникъ работалъ съ увлеченіемъ. Наконецъ-то онъ могъ съ чистой совѣстью рисовать своими необузданно-размашистыми, «головоломными штрихами», такими умѣстными для плаката. Самыя яркія, самыя пламенныя краски здѣсь были нужны, необходимы. На широкихъ улицахъ, на модныхъ площадяхъ, расклеенный по кіоскамъ и деревяннымъ чехламъ строющихся домовъ, плакатъ будетъ привлекать тысячи пораженныхъ его яркостью глазъ.

Художникъ работалъ восторженно, а его подруга вначалѣ и смотрѣть не хотѣла на «эту мазню». Но понемногу она заинтересовалась необычайно-усидчивой работой мужа, начала разглядывать новое полотно и даже высказывать поощрительныя замѣчанія. Подъ конецъ она уже сама мыла кисти, которыхъ у художника было слишкомъ мало, чтобы ему не приходилось ради нихъ отрываться отъ работы.

Это была первая картина, которая его удовлетворяла. И, заканчивая ее, онъ, вопреки психологіи всѣхъ художниковъ, довольныхъ, что можно вещь продать, думалъ съ мрачнымъ сожалѣніемъ о томъ, что съ ней нужно будетъ разстаться. Она была первой его *любимой* работой.

Это былъ какой-то сказочный тропическій портъ, гдѣ на

берегу высились подъ пальмами многоэтажные дома, а на крутомъ мысу, остро врѣзавшемся въ море, выше всѣхъ скалъ подымался черный маякъ изъ желѣзныхъ перекладинъ, похожій на Эйфелеву башню. Изъ ослѣпительно-синяго залива выходилъ корабль, нагруженный яркими плодами; огромные апельсины горѣли, какъ тропическія луны, желто-оранжевыя при восходѣ; преувеличенно-яркія дыни были, какъ блѣдно-золотыя сѣверныя солнца; а виноградъ чудовищно большими кистями лежалъ на палубѣ, свѣшивался за бортъ, отягчалъ края парусовъ, висѣлъ на мачтахъ и реяхъ, словно крупныя янтарныя четки. На кормѣ, съ полуочищеннымъ апельсиномъ въ лапахъ сидѣла огромная обезьяна, и на лицѣ ея, необычайно близкомъ къ человѣческому, была гримаса изступленнаго восторга. Это былъ панегирикъ городу, сумбурный и сильный, поражающій смѣлостью рѣзкихъ, простыхъ и выразительныхъ линій и оглушительно-яркими тонами.

Товарищи художника, прослышавшіе о «плакатномъ заказѣ», приходили поглядѣть на него. Художникъ не торопился сдавать свою работу, ему хотѣлось показывать ее. И почти каждый день въ маленькую комнатку на пятомъ этажѣ приходили все новыя лица;—чуть ли не половина школы перебывала тамъ.

Вначалѣ не знали, какъ отнестись къ этой вещи, очень ужъ она была непохожа на школьные этюды; пожимали плечами, или издѣвались; но одинъ изъ недавно поступившихъ, художникъ новаго толка, который съ одинаковымъ пыломъ отрицалъ передвижничество, бархатную тужурку и длинные волосы, заявилъ, что «въ Питерѣ это теперь въ модѣ, и даже крупные художники берутся за исполненіе плакатовъ». Послѣ этого общественное мнѣніе школы немного успокоилось, и даже нашлись поклонники «плакатнаго мастера».

Но художника все это мало трогало. Гораздо важнѣе было то, что его умница Лена, которую онъ всегда считалъ выше себя, сказала однажды, долго въ раздумьи простоявъ передъ оконченнымъ плакатомъ:

— А знаешь... я думаю, что это тоже искусство.

VI.

Когда заказчикъ пришелъ осмотрѣть работу, онъ выразилъ большой, немного дѣланный восторгъ, и наговорилъ художнику цѣлую кучу комплиментовъ. И тутъ же разочаровалъ его, заявивъ, что такой плакатъ вовсе ему не нуженъ, что не-

зачѣмъ было писать масляными красками и употреблять столько цвѣтовъ.

— Дорого и трудно воспроизвести... Вы бы это сдѣлали попроще, тушью на картонѣ. Потомъ, возлѣ каждой детали слѣдовало обозначить, какую краску нужно въ этомъ мѣстѣ пустить при печатаніи... Вотъ и все.

Художникъ разсердился:

— Почему же вы мнѣ этого раньше не сказали? Я не спеціалистъ по части плакатовъ...

Онъ хотѣлъ-было наговорить купцу обидныхъ фразъ, но подумалъ, что, значитъ, эта полюбившаяся ему картина останется у него, а заказчику можно будетъ дать упрощенную копію, которую сдѣлать совсѣмъ нетрудно. И онъ почти дружелюбно сказалъ:

— Хорошо, я теперь сдѣлаю это, какъ вамъ нужно.

Мѣсяцъ спустя были отпечатаны плакаты. На огромной площади, въ центрѣ города, на заборѣ строящагося зданія былъ наклеенъ цѣлый рядъ этихъ сказочныхъ кораблей съ отягченной плодами гротъ-мачтой, касающейся облаковъ. Въ этотъ день художникъ долго стоялъ у городского сквера, расположеннаго по серединѣ площади, и разглядывалъ издали свои плакаты. Они были менѣе красочны, чѣмъ тотъ, единственный, который остался въ его мастерской, но такъ же выразительны. И онъ глядѣлъ на нихъ съ горделивой радостью, словно владѣлецъ сказочнаго флота, уходящаго въ побѣдное плаваніе.

Странно было видѣть выраженіе властной гордости на простоватомъ лицѣ этого невысокаго широкоплечаго человѣка, немного сутулаго, съ блѣдными щеками и блеклыми глазами, которые отъ свѣтлыхъ бровей и рѣсницъ казались необычайно ясными. Онъ стоялъ, прислонившись спиной къ рѣшеткѣ сквера, издали немного жалкій въ своемъ порыжѣвшемъ пальто, и думалъ, что напишетъ еще другіе плакаты, гдѣ опять будетъ его любимый портъ,—или же черные корпуса фабрикъ съ десятками освѣщенныхъ оконъ на фонѣ синеватыхъ сумерекъ, огромные корпуса съ высокими, какъ башни, трубами, изъ которыхъ вмѣстѣ съ клубами дыма пышутъ искры, разсыпающіяся по небу безчисленными золотисто-красными звѣздами... И, чтобы какъ-нибудь узаконить безудержную радость отъ этихъ мыслей, онъ увѣренно повторялъ слова Лены:

«Это, вѣдь, тоже искусство!»

М. Моравская.

ЦѢННОСТЬ ЖИЗНИ.

(Этюдъ).

I.

Вмѣсто предисловія.

Въ этой статьѣ я хотѣлъ бы подвергнуть нѣкоторому пересмотру ходячее понятіе «цѣнности жизни». Оно, мнѣ кажется, принадлежитъ къ числу тѣхъ неопредѣленныхъ и неустойчивыхъ идей, которыя, объемля большой кругъ разнообразныхъ и противорѣчивыхъ явленій, не только не упорядочиваютъ ихъ, но вносятъ въ нихъ еще бо̀льшую путаницу. Чтобы разобраться въ этой путаницѣ, необходимо прежде всего отказаться отъ апріорнаго и слишкомъ общаго понятія «цѣнности жизни вообще» и на его мѣсто выдвинуть два болѣе частныхъ и болѣе точныхъ понятія: 1) «*субъективной* цѣнности жизни» и 2) «*объективной* ея цѣнности».

«*Субъективная цѣнность жизни*» *принадлежитъ къ области интимнаго самочувствія и индивидуальнаго самосознанія личности.*

Если человѣкъ привязанъ къ жизни, если она, при всѣхъ неудачахъ, несчастьяхъ и т. д., является для него несомнѣннымъ благомъ, которымъ онъ дорожитъ, то передъ нами психическое явленіе, подводимое подъ понятіе «субъективной цѣнности жизни».—Нельзя сомнѣваться въ томъ, что въ основѣ этого явленія лежитъ *органическій инстинктъ самосохраненія.* Но отожествлять ихъ нельзя. Привязанность къ жизни, отвращеніе къ смерти, радость бытія и другія проявленія «субъективной цѣнности жизни» представляютъ собою какъ бы психологическую «надстройку» на фундаментѣ инстинкта самосохраненія. На немъ они обосновываются, но онъ не перешелъ

въ нихъ. Онъ остался на своемъ мѣстѣ, и только его дѣйствіе преобразилось подъ ихъ вліяніемъ. И это вліяніе проявляется весьма различнымъ образомъ, то усиливая дѣйствіе инстинкта самосохраненія, то, напротивъ, ослабляя его силу. Иногда они даже вступаютъ въ конфликтъ съ нимъ. Такъ, напр., человѣкъ жизнерадостный, который «и жить торопится, и чувствовать спѣшитъ», въ погонѣ за впечатлѣніями и радостями бытія, часто не обращаетъ вниманія на опасности, угрожающія его жизни, и не боится ихъ: инстинктъ самосохраненія, подавленный чувствомъ жизни, стремленіями и увлеченіями человѣка, безмолвствуетъ.

Подъ «*объективною цѣнностью жизни*» я понимаю *оцѣнку жизни и дѣятельности субъекта, произведенную не имъ самимъ, а другими лицами, семьею, обществомъ, государствомъ, человѣчествомъ.*

Обѣ цѣнности (субъективная и объективная) могутъ совпадать или, точнѣе, совмѣщаться, приблизительно соотвѣтствуя одна другой; но такое соотвѣтствіе, повидимому, встрѣчается довольно рѣдко. У большинства нормальныхъ людей субъективная цѣнность жизни существуетъ и сохраняетъ свою силу независимо отъ высоты ихъ объективной цѣнности и не исчезаетъ даже при отсутствіи этой послѣдней. Человѣкъ, въ этихъ случаяхъ, дорожитъ самымъ фактомъ своего существованія, не заботясь о томъ, какъ оцѣниваютъ его жизнь другіе. Бываетъ и противоположное: человѣкъ сознаетъ, что его жизнь дорога не только ему, но и другимъ людямъ, обществу, странѣ, и это сознаніе значительно увеличиваетъ его субъективную цѣнность жизни; если оно исчезнетъ, послѣдняя пойдетъ на убыль. У иныхъ объективная цѣнность жизни оказывается безсильною какъ увеличить, такъ и уменьшить ея субъективную цѣнность.

Такимъ образомъ, передъ нами явленія по существу различныя. Субъективная цѣнность жизни принадлежитъ къ сферѣ интимныхъ переживаній личности, объективная—относится къ порядку взаимоотношеній между личностью и соціальной средой. И само происхожденіе ихъ различно: первая (субъективная) возникла *изъ инстинкта индивидуальнаго самосохраненія*, вторая (объективная)—*изъ инстинкта самосохраненія вида и соціальной группы.* Какъ извѣстно, эти два инстинкта—въ мірѣ животныхъ и у человѣка—далеко не всегда согласуются между собою, и нерѣдки случаи, когда одинъ изъ нихъ рѣзко и настойчиво противорѣчитъ другому.

II.

Субъективная цѣнность жизни и возрастъ.

Приступая къ разсмотрѣнію субъективной цѣнности жизни, мы, прежде всего, встрѣчаемся съ положеніемъ, гласящимъ такъ:

Субъективная цѣнность жизни является—въ психологіи личности—величиною не постоянною, а перемѣнною; она измѣняется въ ту или другую сторону въ зависимости отъ весьма различныхъ условій.

Въ ряду этихъ условій видное мѣсто занимаетъ *возрастъ*. У грудного младенца субъективной цѣнности жизни совсѣмъ нѣтъ, потому что онъ еще не живетъ настоящей человѣческой жизнью; у него, взамѣнъ того, есть только животный инстинктъ самосохраненія. Субъективная цѣнность пріобрѣтается постепенно вмѣстѣ съ опытомъ жизни и, при прочихъ нормальныхъ условіяхъ, увеличивается по мѣрѣ приближенія человѣка къ старости.—Вспомнимъ здѣсь то, что̀ говоритъ въ «Этюдахъ оптимизма» И. И. Мечниковъ о «развитіи чувства жизни» (стр. 187 и сл.). Онъ утверждаетъ, что «въ молодости этотъ инстинктъ слабо выраженъ», чѣмъ, по его мнѣнію, и объясняются тѣ безотрадныя, пессимистическія настроенія, которыя столь часто наблюдаются у молодыхъ людей и которыя обычно проходятъ въ зрѣломъ возрастѣ. И. И. Мечниковъ, въ подтвержденіе этого, приводитъ примѣры Шопенгауэра, Гёте и др., а также разсказываетъ любопытную исторію одного изъ своихъ близкихъ друзей. Тутъ же онъ ссылается на Мёбіуса, который говоритъ, что «пессимизмъ есть ступень юношескаго возраста, уступающая позднѣе мѣсто болѣе свѣтлому міровоззрѣнію»... (стр. 188—189).—Другая цитата изъ Мёбіуса гласитъ такъ: «Въ теоріи можно оставаться пессимистомъ, но чтобы быть пессимистомъ по чувству,—надо быть молодымъ. Чѣмъ старше мы становимся, тѣмъ больше дорожимъ жизнью... Когда пожилой человѣкъ не страдаетъ меланхоліей, то онъ не чувствуетъ себя пессимистомъ. — Мы не въ состояніи удовлетворительно объяснить психологію пессимизма молодыхъ людей; но онъ зависитъ отъ органической причины... и такое душевное состояніе надо разсматривать, какъ болѣзнь молодости»... (189).—Вполнѣ соглашаясь съ этимъ, И. И. Мечниковъ указываетъ еще на то, что «чувство жизни» подлежитъ упражненію,—оно можетъ раз-

виваться, усиливаться; подъ вліяніемъ особыхъ причинъ, оно обнаруживается у человѣка, который, казалось, былъ лишенъ его.—«У нѣкоторыхъ людей оно развито очень слабо. Большею частью оно обнаруживается поздно; но иногда появляется и раньше, подъ вліяніемъ болѣзни или другой смертной опасности. Случается, что у людей, пытавшихся лишить себя жизни, внезапно пробуждается инстинктъ жизни, заставляющій ихъ всячески стремиться спасти себя» (стр. 191).

Раздѣляя, въ существенномъ, этотъ взглядъ Мечникова и Мёбіуса, я думаю, однако, что онъ требуетъ нѣкоторыхъ оговорокъ. Положеніе, что «чувство жизни» растетъ вмѣстѣ съ возрастомъ человѣка, сохраняетъ свою силу, но въ извѣстной мѣрѣ ограничивается тѣмъ фактомъ, что, какъ извѣстно, существуютъ переходные возрасты, когда психика человѣка теряетъ устойчивость, и когда наблюдается уклонъ въ сторону разложенія того, что̀ уже было достигнуто. Таковъ юношескій возрастъ и отчасти также молодость, какъ переходъ къ среднему,—психически и соціально-зрѣлому, возрасту (приблизительно отъ 25 до 30 лѣтъ): человѣкъ, превращаясь изъ подростка въ юношу и изъ юноши въ молодого человѣка, переживаетъ кризисъ, который у однихъ протекаетъ глаже или скорѣе, у другихъ—болѣе бурно или дольше; иногда онъ остается едва замѣтнымъ и не оставляетъ слѣдовъ, но нерѣдко онъ принимаетъ такія формы, что человѣку потомъ долго еще приходится ликвидировать психическія послѣдствія, вызванныя ими.

Такъ вотъ, въ числѣ другихъ проявленій этого переходнаго возраста мы находимъ и упадокъ, или растрату раньше накопленнаго «чувства жизни», откуда временная меланхолія, пессимистическое настроеніе, преждевременная «разочарованность» и та «старость души» въ 18 или 20 лѣтъ, о которой говорилъ еще Пушкинъ (въ одномъ письмѣ по поводу «Кавказскаго Плѣнника»).—Когда Ленскій «пѣлъ увядшій жизни цвѣтъ безъ малаго въ осьмнадцать лѣтъ», то это было не только реторикою тогдашней романтики, но и результатомъ отравы души психическимъ ядомъ переходнаго возраста.

Развитіе «чувства жизни», т.-е. привязанности къ ней, въ эти годы какъ бы пріостанавливается,—субъективная цѣнность жизни падаетъ. Въ отношеніи къ самоубійству этотъ возрастъ едва-ли не самый опасный. Нерѣдко бываетъ достаточно простого укола самолюбія или другого ничтожнаго повода, чтобы юноша рѣшился покончить съ собою. Жизнь его манитъ, онъ доступенъ ея очарованію, но въ то же время онъ слишкомъ

чувствителенъ къ ея ударамъ, ея обидамъ и слишкомъ склоненъ къ преждевременному и скорому разочарованію. Въ дѣтствѣ его психика росла, такъ сказать, планомѣрно, и вмѣстѣ съ тѣмъ наростало и чувство жизни; теперь, въ юности, психика человѣка отъ ровнаго стихійнаго развитія переходитъ къ ускоренному, порывистому, напряженному формированію на новый ладъ: пробудившееся и властно заявляющее о себѣ половое чувство, потребность любви, ростъ сознанія, навязчивость теоретическихъ и практическихъ вопросовъ, которыхъ незрѣлая мысль не можетъ даже формулировать правильно, попытки приспособленія къ средѣ и т. д., все это производитъ въ душѣ броженіе и смуту, интеллектуальную неурядицу и моральную путаницу. Тутъ-то и производится «переоцѣнка всѣхъ цѣнностей». Человѣкъ уже не дитя, не подростокъ и разучился реагировать на впечатлѣнія по-ребячески; но онъ еще и не «настоящій» человѣкъ и не умѣетъ чувствовать, мыслить и поступать такъ, какъ подобаетъ человѣку зрѣлому, сложившемуся.

Душа юноши полна психологическихъ противорѣчій. Онъ очень доступенъ идеалистическимъ настроеніямъ, благороднымъ порывамъ и способенъ на самопожертвованіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ несомнѣнно эгоистъ въ большей мѣрѣ, чѣмъ былъ раньше и будетъ позже. — Онъ воспріимчивъ, чувствителенъ, эмоціоналенъ, но въ то же время, по извѣстному выраженію, «этотъ возрастъ не знаетъ жалости».—Юноша ревниво оберегаетъ свои права на самостоятельность и свободу сужденій и дѣйствій и вмѣстѣ съ тѣмъ чрезвычайно податливъ всему «стадному», гипнозу общественнаго мнѣнія своей среды, массовыхъ движеній, готовыхъ лозунговъ, стереотипныхъ идей.

Еще не окрѣпшая мысль находится въ броженіи и легко воспринимаетъ все яркое, крайнее, парадоксальное. Ей трудно разобраться въ интеллектуальномъ и моральномъ наслѣдіи прошлаго. Способность къ критикѣ и чутье дѣйствительности проявляются настолько слабо, что порою кажутся атрофированными.

Въ результатѣ получается картина аберраціи мысли, спутанности сознанія, общей дезорганизаціи духа. На этой почвѣ субъективная цѣнность жизни значительно понижается...

Я намѣренно сгустилъ краски. Онѣ вполнѣ подходятъ къ тѣмъ крайнимъ формамъ, въ какихъ весьма нерѣдко выражается кризисъ юнаго возраста; для характеристики умѣренныхъ формъ ихъ пришлось бы значительно затушевать. Но и тутъ онѣ оказываются пригодными—какъ своего рода микроскопъ, представляющій въ увеличенномъ и потому доступномъ наблюденію видѣ

процессы психическаго броженія и разложенія, вызываемые условіями даннаго возраста и въ большинствѣ случаевъ протекающіе болѣе или менѣе легко и быстро; иногда они совсѣмъ незамѣтны и нечувствительны даже для самого субъекта; но они всегда есть, хотя бы въ потенціальномъ состояніи, въ видѣ намека, въ видѣ не успѣвшей выясниться психической тенденціи. Если она выяснится, если намеки превратятся въ явственные симптомы, то передъ нами развернется картина душевныхъ состояній, которую можно назвать нормальнымъ «психозомъ юности».

Кромѣ кризиса юности, есть еще другой: кризисъ зрѣлости, обнаруживающійся на переходѣ къ старости. Повидимому, у большинства, при нормальныхъ условіяхъ, онъ протекаетъ весьма легко или даже совсѣмъ отпадаетъ. Старость подкрадывается незамѣтно—въ противоположность юности, наступленіе которой можно уподобить психической катастрофѣ. Но бываютъ случаи, когда на переломѣ зрѣлости обнаруживаются также процессы «катастрофическаго характера», вызывающіе меланхолическое или пессимистическое настроеніе, аналогичное тому, которое человѣкъ переживалъ въ юности, но теперь уже въ иной душевной перспективѣ. Этотъ кризисъ пережили И. С. Тургеневъ и Л. Н. Толстой. У перваго онъ отразился въ такихъ произведеніяхъ, какъ «Довольно», «Призраки» и нѣк. др.; у второго онъ явился психологическимъ основаніемъ извѣстнаго религіозно-моральнаго кризиса 1874 — 1878 г.г., протекавшаго чрезвычайно - бурно и едва не приведшаго великаго писателя къ самоубійству. Вышеупомянутыя произведенія Тургенева и «Исповѣдь» Толстого, разсматриваемыя съ этой точки зрѣнія, — настоящіе «человѣческіе документы», свидѣтельствующіе объ упадкѣ субъективной цѣнности жизни при наличности огромной объективной цѣнности ея и, притомъ, въ періодъ расцвѣта силъ и плодотворной дѣятельности и, въ довершеніе парадокса, рѣшительно безъ достаточнаго основанія, въ смыслѣ, напр., вліянія болѣзни, физической или душевной, несчастныхъ случайностей, внезапно обрушившейся бѣды и т. п.—Это также, въ своемъ родѣ,—«психозъ возраста».

Пониженіе субъективной цѣнности жизни, обусловленное психическимъ кризисомъ возраста,—явленіе временное, преходящее. Если человѣкъ благополучно пережилъ его и во-время ликвидировалъ его послѣдствія,—субъективная цѣнность жизни опять подымается и, при нормальныхъ условіяхъ (а нерѣдко и не взирая на наличность ненормальныхъ), достигаетъ болѣе или

менѣе высокаго уровня, который въ старости еще больше повышается.

Такова норма. Но встрѣчаются натуры, отъ этой нормы уклоняющіяся. Въ силу прирожденныхъ особенностей душевнаго склада, а иногда, быть можетъ, и подъ вліяніемъ пріобрѣтенныхъ на жизненномъ пути, эти натуры характеризуются, независимо отъ возраста, болѣе или менѣе значительнымъ пониженіемъ субъективной цѣнности жизни, нерѣдко опускающейся къ нулю.

Важнѣйшіе случаи этого рода распредѣляются по извѣстнымъ категоріямъ, или *психологическимъ типамъ*. Обратимся къ ихъ разсмотрѣнію, пользуясь частью примѣрами изъ дѣйствительной жизни, частью художественными образами, воспроизводящими соотвѣтственныя явленія дѣйствительности.

III.

Паденіе субъективной цѣнности жизни.

1. *Прирожденные меланхолики.* Однимъ изъ яркихъ представителей этого типа былъ *Лермонтовъ*. Грусть, которою проникнуты его юношескія стихотворенія, не можетъ быть объяснена одними только неблагопріятными условіями, среди которыхъ протекало его дѣтство (сиротство, ссора бабушки съ отцомъ поэта и пр.). Біографы Лермонтова и изслѣдователи его поэзіи опредѣленно указываютъ на *меланхолію*, какъ на отличительную, прирожденную черту его душевнаго склада.

Меланхолическое настроеніе съ годами не проходило у него, а напротивъ росло и углублялось. На всей поэзіи Лермонтова, отъ полудѣтскихъ опытовъ до предсмертныхъ произведеній, лежитъ все тотъ же отпечатокъ грусти, унынія, разочарованности, пессимизма, лишь осложняемый нѣкоторыми другими чертами, отражавшими сложную, бурную и страстную натуру поэта съ ея противорѣчіями и контрастами.

На «чувство жизни» меланхолія всегда дѣйствуетъ понижающимъ образомъ,—даже на ту органическую, почти животную «радость бытія», которая свойственна ребенку и изъ которой впослѣдствіи развивается (или можетъ развиться) субъективная цѣнность жизни.

У натуръ меланхолическихъ и, кромѣ того, отличающихся преждевременнымъ душевнымъ развитіемъ, съ наступленіемъ переходнаго возраста, психическій кризисъ выражается иначе, чѣмъ

у другихъ. Въ силу понятной реакціи противъ затяжной грусти дѣтскихъ лѣтъ, возникаетъ у нихъ утрированная, лихорадочная радость жизни,—душа юноши жадно ловитъ всѣ впечатлѣнія, просыпается для наслажденій, страстей, приманокъ любви, дружбы, борьбы и т. д. и являетъ ложный видъ какъ бы уже нажитой субъективной цѣнности жизни. Но въ глубинѣ души таится и отравляетъ ее все тотъ же ядъ безотрадныхъ, меланхолическихъ настроеній. Вскорѣ они обнаружатъ всю свою силу...

Лермонтовъ сталъ развиваться очень рано, и для него кризисъ юности наступилъ, когда ему было всего какихъ-нибудь лѣтъ пятнадцать. Именно въ этомъ возрастѣ онъ написалъ стихотвореніе «Къ друзьямъ», гдѣ онъ говоритъ:

. . . . . нерѣдко, средь веселья
Духъ мой страждетъ и груститъ,
Въ шумѣ буйнаго похмелья
Дума на-сердцѣ лежитъ...

Характерно также стихотвореніе «Монологъ» (того же 1826 г.), проникнутое рѣзкимъ пессимистическимъ настроеніемъ*).

Въ 1830 г. юный поэтъ жалуется на свое «одиночество», которое обусловливается тѣмъ, что

Дѣлить веселье всѣ готовы,—
Никто не хочетъ грусть дѣлить...

Въ очень интимномъ и искреннемъ стихотвореніи «1831 года, іюня 11 дня» поэтъ, которому шелъ 17-й годъ, выражаетъ и «жажду небытія» («жажда небытія во мнѣ сильнѣй страданій роковыхъ»), и смутныя влеченія къ широкой дѣятельности, къ борьбѣ, къ великимъ подвигамъ: «такъ жизнь скучна, когда боренья нѣтъ... Мнѣ нужно дѣйствовать, я каждый день безсмертнымъ сдѣлать бы желалъ, какъ тѣнь великаго героя, и понять я не могу, что значитъ отдыхать... Всегда кипитъ и зрѣетъ что-нибудь въ моемъ умѣ... Мнѣ жизнь все какъ-то коротка, и все боюсь, что не успѣю я свершить чего-то—...»

---

*) Повѣрь, ничтожество есть благо въ здѣшнемъ свѣтѣ!
. . . . . .
. . . . . .
Мы, дѣти сѣвера, какъ здѣшнія растенья,
Цвѣтемъ недолго, быстро увядаемъ...
. . . . . .
. . . . . .
И сердцу тяжко, и душа тоскуетъ...
. . . . . .
. . . . . .
И намъ горька остылой жизни чаша,
И ужъ ничто души не веселитъ.

Но все это проникнуто глубокою грустью, на всѣ думы и стремленія поэта наброшенъ траурный флеръ,—радости мысли и жизни отравлены тоской, разочарованіемъ, мрачнымъ предчувствіемъ близкой трагической смерти...

Есть время,—леденѣетъ быстрый умъ;
Есть сумерки души, когда предметъ
Желаній мраченъ; усыпленье думъ;
Межъ радостью и горемъ полусвѣтъ;
Душа сама съ собою стѣснена;
Жизнь ненавистна, но и смерть страшна..
Находишь корень мукъ въ себѣ самомъ,
И небо обвинить нельзя ни въ чемъ. (Строфа 24).
Я къ состоянію этому привыкъ... (Строфа 25)
. . . . . .
. . . . . .
Я предузналъ мой жребій, мой конецъ,
И грусти ранняя на мнѣ печать;
И какъ я мучусь, знаетъ лишь творецъ...
. . . . . Смерть моя
Ужасна будетъ . . . . . (28)

Позже, 1837 году, поэтъ (которому было тогда 23 года) писалъ:

Гляжу на будущность съ боязнью,
Гляжу на прошлое съ тоской...
. . . . . .
. . . . . .
И тьмой, и холодомъ объята
Душа усталая моя:
Какъ ранній плодъ, лишенный сока,
Она увяла въ буряхъ рока
Подъ знойнымъ солнцемъ бытія...

И въ послѣдніе годы звучатъ тѣ же мотивы — въ стихотвореніяхъ: «И скучно, и грустно», «За все, за все Тебя благодарю я» и др.

Вспомнимъ заключительныя строки перваго:

И жизнь, какъ посмотришь съ холоднымъ вниманьемъ вокругъ,
Такая пустая и глупая шутка!..

Вспомнимъ, какъ оканчивается второе:

Устрой лишь такъ, чтобы Тебя отнынѣ
Не долго я еще благодарилъ!..

Въ глубокой искренности всѣхъ этихъ признаній нельзя сомнѣваться. Столь же несомнѣнно и то, что тоска существованія, разочарованность, «усталость» души, равнодушіе къ жизни-

и т. д., все это было не случайнымъ, временнымъ настроеніемъ— «въ минуту жизни трудную», когда «тѣснится въ сердце грусть», а основнымъ фономъ души поэта, преобладающимъ и стойкимъ направленіемъ чувствъ и думъ. Меланхоликъ отъ рожденія, Лермонтовъ былъ настоящимъ—психологическимъ—пессимистомъ, и субъективная цѣнность жизни, всегда пониженная у него, съ годами все больше и больше понижалась, доходя до нуля. Онъ не наживалъ ея, а растрачивалъ. Скажутъ, быть можетъ, что это объясняется скорѣе тѣмъ, что онъ умеръ молодымъ, не достигши полноты душевной зрѣлости и не успѣвъ ликвидировать послѣдствія, или отголоски недавно пережитаго кризиса юности. Но такое возраженіе едва-ли было бы правильнымъ. Дѣло въ томъ, что всѣ времена и сроки жизни у этого необыкновеннаго человѣка были сокращены до послѣдней степени. Кризисъ юности онъ переживалъ мальчикомъ. Въ возрастѣ 23—25 лѣтъ онъ былъ уже вполнѣ зрѣлымъ, умственно и морально опредѣлившимся человѣкомъ и притомъ—въ расцвѣтѣ поэтическаго дарованія. И умеръ 27 лѣтъ отъ роду.... Въ теченіе 10 лѣтъ литературной дѣятельности (1831—1841) онъ пріобрѣлъ славу первостепеннаго поэта, преемника Пушкина, и *объективная стоимость его жизни*, имъ хорошо сознаваемая, росла съ каждымъ новымъ произведеніемъ. И по мѣрѣ того, какъ она росла, *его субъективная цѣнность жизни* все затемнялась и понижалась, доходя подъ конецъ чуть не до нуля,—до потери простого вкуса къ жизни, до готовности умереть въ любую минуту. Его послѣдняя дуэль психологически была равносильна самоубійству.

2. *Разочарованные, пресыщенные, скучающіе.* Есть люди, далеко не лишенные органической привязанности къ жизни, чѣмъ они и отличаются отъ прирожденныхъ меланхоликовъ, но, въ силу тѣхъ или другихъ причинъ, потерявшіе вкусъ и интересъ къ жизни. Подъ эту рубрику подойдутъ, напр., натуры такого рода: человѣкъ быстро, легко, страстно очаровывается наслажденіями, радостями, обольщеніями земной юдоли, а потомъ столь же быстро и легко разочаровывается. Ничто не радуетъ его, все кажется тусклымъ, прѣснымъ, скучнымъ. Его удѣлъ—безнадежная скука, тоска, taedium vitae. На этой почвѣ субъективная цѣнность жизни понижается и можетъ совсѣмъ исчезнуть. *Онѣгинъ* Пушкина и его же *Фаустъ* (въ геніальномъ отрывкѣ: «Мнѣ скучно, бѣсъ!.») служатъ прекрасными образцами этого психологическаго типа.

Вспомнимъ Онѣгина въ деревнѣ:

Два дня ему казались новы
Уединенныя поля,
Прохлада сумрачной дубровы,
Журчанье тихаго ручья;
На третій роща, холмъ и поле
Его не занимали болѣ,
Потомъ ужъ наводили сонъ;
Потомъ увидѣлъ ясно онъ,
Что и въ деревнѣ скука та же,
Хоть нѣтъ ни улицъ, ни дворцовъ,
Ни картъ, ни баловъ, ни стиховъ.
Хандра ждала его на стражѣ,
И бѣгала за нимъ она,
Какъ тѣнь, иль вѣрная жена... (I, LIV)

Онъ «охладѣлъ» и «усталъ» очень рано, совсѣмъ молодымъ человѣкомъ, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ разсѣянной жизни въ столицѣ и безплодныхъ попытокъ заняться хоть чѣмъ-нибудь, напр. самообразованіемъ и литературой. Онъ оказался «неудачникомъ», банкротомъ въ жизни, и притомъ—безъ достаточныхъ основаній, даже безъ права сваливать вину на всесильныя обстоятельства, не зависящія отъ его воли, на условія времени. Причина неудачъ коренилась въ немъ самомъ,—въ какомъ-то органическомъ порокѣ его душевнаго уклада. И въ результатѣ—

Недугъ, котораго причину
Давно бы отыскать пора,
Подобный англійскому сплину,
Короче, русская хандра
Имъ овладѣла понемногу;
Онъ застрѣлиться, слава Богу,
Попробовать не захотѣлъ,
Но къ жизни вовсе охладѣлъ... (I, XXXVIII)

Имъ овладѣла «охота къ перемѣнѣ мѣстъ»; усталые отъ жизни, угнетаемые скукой, часто ищутъ спасенія въ путешествіяхъ,—изъ нихъ выходятъ отличные туристы. Но и странствованія не помогли Онѣгину. На кавказскихъ «группахъ» онъ предается горькимъ размышленіямъ:

Зачѣмъ я пулей въ грудь не раненъ?
Зачѣмъ не хилый я старикъ,
Какъ этотъ бѣдный откупщикъ?
Зачѣмъ, какъ тульскій засѣдатель,
Я не лежу въ параличѣ,
Зачѣмъ не чувствую въ плечѣ
Хоть ревматизма?—Ахъ, Создатель!
Я молодъ, жизнь во мнѣ крѣпка,—
Чего мнѣ ждать? Тоска, тоска!...

Здѣсь, какъ это часто бывало, Пушкинъ проявилъ геніальную прозорливость психолога: для людей, въ родѣ Онѣгина,— утратившихъ субъективную цѣнность жизни, лучшій способъ оживить эту цѣнность, пробудить вкусъ къ жизни, это—заболѣть физически и заняться лѣченіемъ, какъ дѣломъ, какъ своего рода профессіональнымъ трудомъ...

Обезцѣненіе жизни весьма нерѣдко, и притомъ—въ разныя эпохи, въ различныхъ странахъ, наблюдается у людей богатыхъ и избалованныхъ, не сумѣвшихъ найти себѣ опредѣленное дѣло, которое представляло бы для нихъ живой интересъ, отвлекло бы ихъ отъ праздности и разсѣяннаго образа жизни и не давало бы имъ скучать. Но мы встрѣчаемъ и другого рода натуры—изъ той же категоріи «усталыхъ», «разочарованныхъ», «скучающихъ»: это— тѣ, которые теряютъ вкусъ къ жизни и впадаютъ въ пессимизмъ вовсе не отъ бездѣлья, а равно и не потому, что раньше слишкомъ очаровывались и обольщались радостями и наслажденіями праздной жизни, а по какимъ-то другимъ причинамъ. И это, пожалуй, наиболѣе въ психологическомъ отношеніи интересная группа «разочарованныхъ». Любопытный матеріалъ для ихъ изученія даютъ нѣкоторыя произведенія Тургенева, въ особенности «Довольно» и «Призраки». Выше я упомянулъ объ этихъ двухъ разсказахъ, какъ о документахъ, свидѣтельствующихъ о кризисѣ зрѣлаго возраста ихъ автора (Тургеневу было 40 лѣтъ, когда онъ писалъ ихъ). Но если не пріурочивать дѣла непремѣнно къ возрасту, или же взглянуть на кризисъ возраста только какъ на благопріятную почву, на которой обнаружились процессы, въ вскрытомъ видѣ существовавшіе и раньше, то, въ такомъ случаѣ, мы получимъ картину, пригодную для характеристики особой разновидности разсматриваемаго типа.

Передъ нами—человѣкъ, у котораго притупился вкусъ къ жизни потому только, что для него уже «ничто не ново подъ луною», что «впечатлѣнія бытія» потеряли для него интересъ новизны, вопроса, загадки. Онъ уже не способенъ удивляться чему бы то ни было, страшиться чего то ни было, волноваться, очароваться, радоваться. Ему страшно лишь одно: «то, что ничего нѣтъ на свѣтѣ страшнаго». И сама Смерть, жуткій образъ которой воспроизведенъ здѣсь (особенно-ярко въ «Призракахъ») представлена не какъ роковой вопросъ, грозная загадка, а только въ смыслѣ «ничтожества», т.-е. мертвящаго начала, которое обезцѣниваетъ жизнь человѣка и всего человѣчества, уничтожая ея смыслъ, значеніе, разумъ: все на свѣтѣ безсмысленно, неразумно, ничего нѣтъ «несомнѣннаго»...

Передъ нами—любопытная картина своеобразнаго психологическаго «нигилизма», приводящаго къ пониженію субъективной цѣнности жизни. Самъ И. С. Тургеневъ, какъ извѣстно, обнаруживалъ нѣкоторый уклонъ въ эту сторону...

Натуры этого рода характеризуются, въ сферѣ мысли, предрасположеніемъ видѣть во всемъ сходныя черты, повтореніе, въ разныхъ формахъ, все одного и того же,—ихъ «интеллектуальный слухъ» слышитъ въ судьбахъ и дѣлахъ человѣческихъ все тотъ же, давно пріѣвшійся, мотивъ,—жизнь людей и сама исторія человѣчества кажутся имъ вѣчною «тавтологіею»: «ничто не ново подъ луною, и все—суета суетъ». Такое воззрѣніе, въ которомъ есть что-то буддійское, и яркимъ представителемъ котораго былъ въ древности библейскій «Экклезіастъ», является симптомомъ и порожденіемъ *психологическаго пессимизма,* въ свою очередь служа основою пессимизма интеллектуальнаго, идейнаго. — Наоборотъ, способность видѣть разнообразіе вещей, улавливать ихъ отличія въ пространствѣ и во времени, слышать не одинъ, а множество мотивовъ, созерцать все человѣческое, все историческое въ развитіи, въ движеніи, быть убѣжденнымъ въ томъ, что «все ново», что жизнь и исторія никогда не повторяются,—вотъ именно эта способность является симптомомъ и продуктомъ *психологическаго оптимизма* и служитъ, въ свою очередь, основою оптимизма интеллектуальнаго, идейнаго [1]).

Но дѣло не ограничивается сферою мысли, поскольку это — не только вопросъ міросозерцанія. Нужно имѣть въ виду и сферу чувства, а также и воли. Представимъ себѣ человѣка съ развитыми и утонченными чувствами высшаго порядка и съ такимъ волевымъ укладомъ, который характеризуется относительною слабостью дѣйствующей воли. При наличности вышеуказаннаго міросозерцанія человѣкъ будетъ реагировать на впечатлѣнія по преимуществу чувствами грусти, тоски, унынія, потому что въ жизни человѣческой и въ исторіи народовъ слишкомъ много зла и грѣховъ всякаго рода, и еще потому, что картина вѣчнаго однообразія и отсутствіе новаго, неожиданнаго, загадочнаго сами по себѣ дѣйствуютъ на душу удручающимъ образомъ. Будь у человѣка дѣятельная воля, ея работа могла бы парализовать эти чувства,— ихъ голосъ былъ бы заглушенъ шумомъ жизни. Но мы взяли человѣка, не одареннаго дѣйствующею волею, мы взяли созерцателя, а не дѣятеля: у него чувства, вызываемыя зрѣлищемъ однообразія природы, жизни, исторіи, съ неизбѣжнымъ зломъ,

[1]) Я писалъ объ этомъ въ книгѣ о Тургеневѣ (II-ой томъ „Собранія сочиненій", стр. 56 и сл.).

бѣдствіями, смертью, остаются во всей своей силѣ. Къ этому психологическому типу и принадлежалъ И. С. Тургеневъ. Но у него черты типа были смягчены, прежде всего, вліяніемъ его художественнаго дарованія: какъ художникъ, онъ не могъ не улавливать отличій, перемѣнъ, тоновъ и полутоновъ, игры свѣта и тѣни,—всего, чѣмъ вещи проявляются отчетливо, разнообразно, индивидуально. Вмѣстѣ съ тѣмъ трезвый, критическій, отчасти скептическій умъ Тургенева не позволялъ ему преувеличивать значеніе единообразій въ природѣ и въ жизни человѣческой,— и на этомъ одномъ строить все свое міровоззрѣніе, возводя его на степень положительной доктрины, догматической системы идей. И поэтому все дѣло ограничивалось у него только *умонастроеніемъ*, принимавшимъ по временамъ пессимистическую окраску. «Довольно», «Призраки» и нѣкоторыя другія вещи въ томъ же духѣ выразили не готовое, выработанное воззрѣніе, а только поэтическое раздумье и показали склонность Тургенева къ безотраднымъ, грустнымъ домысламъ на тему о «суетѣ суетъ».

Какъ бы то ни было, но такое настроеніе и весь порядокъ сопутствующихъ ему чувствъ не могли не вліять понижающимъ образомъ на «чувство жизни».

Приблизительно то же самое скажемъ мы о Шопенгауэрѣ. Міровоззрѣнію этого геніальнаго мыслителя чужда идея эволюціи. То, что у Тургенева было лишь умонастроеніемъ, вылилось у Шопенгауэра въ законченную метафизическую систему съ логически вытекающими изъ нея пессимистическими выводами. Но по отношенію къ этому мыслителю вопросъ о субъективной цѣнности жизни представляется болѣе сложнымъ, чѣмъ у Тургенева: передъ нами своеобразная психическая организація, не умѣщающаяся въ рамки этой категоріи «разочарованныхъ», «усталыхъ», или «психологическихъ пессимистовъ» тургеневскаго типа. Мы скорѣе склонны отнести Шопенгауэра къ слѣдующей рубрикѣ.

3. *Душевно-одинокіе.* Есть психологическій типъ—людей неуживчивыхъ, не приспособленныхъ ни къ семейной, ни къ общественной жизни. Соціальныя связи и моральныя обязательства имъ претятъ, — и они стараются, по возможности, уклоняться отъ нихъ. Замкнутые въ себѣ, неэкспансивные, они тяготятся обществомъ, ревниво оберегаютъ отъ посторонняго взора свой внутренній міръ и живутъ одиночками, не чувствуя потребности въ постоянномъ и живомъ психическомъ обмѣнѣ. Такъ прожилъ Шопенгауэръ бо́льшую половину своей долгой

жизни и только въ старости сталъ общительнѣе, пріобрѣлъ друзей, учениковъ, почитателей. Это содѣйствовало повышенію его «чувства жизни» и, въ связи съ этимъ, смягченію его пессимизма.

Душевное одиночество, у разныхъ натуръ, обусловливается ихъ особенностями, если онѣ слишкомъ ярко выражены. У однихъ оно зависитъ главнымъ образомъ отъ дурного характера и крайняго эгоизма (Шопенгауэръ), у другихъ — отъ высокомѣрія, отъ презрѣнія къ людямъ, отъ недовѣрія къ нимъ (рѣзкій примѣръ—Яковлевъ, отецъ Герцена, литературный образецъ — разсказчикъ-герой въ разсказѣ Чехова «Жена»), у третьихъ, наоборотъ, отъ излишней скромности, отъ застѣнчивости и робости, отъ неувѣренности въ себѣ и боязни обмануть ожиданія, не выполнить обязательствъ. Наконецъ, бываютъ случаи пріобрѣтеннаго одиночества, т.-е. обусловленнаго не прирожденными свойствами человѣка, а обстоятельствами его жизни. Если, напр., человѣкъ съ развитымъ умомъ, съ умственными интересами, съ незаурядными нравственными требованіями принужденъ жить въ невѣжественной, отсталой и грубой средѣ, гдѣ господствуютъ «жестокіе нравы» и гдѣ его не цѣнятъ и не понимаютъ, то онъ, всѣмъ и всему чужой, поневолѣ станетъ душевно-одинокимъ.

Душевное одиночество, противорѣча соціальной природѣ человѣка, безспорно, содѣйствуетъ пониженію субъективной цѣнности жизни. Но тутъ наблюдаются весьма различныя и иногда неожиданныя послѣдствія. Бываетъ такъ, что человѣкъ душевно-одинокій, замыкаясь въ себѣ, доходитъ до крайняго эгоизма, и у него органическій инстинктъ самосохраненія проявляется съ особливою силою и настойчивостью; а это приводитъ либо къ тому, что субъективная цѣнность, опираясь на этотъ инстинктъ, все-таки удерживается на извѣстной высотѣ, вопреки понижающему дѣйствію одиночества, либо — къ тому, что она просто вытѣсняется, подмѣнивается инстинктомъ индивидуальнаго самосохраненія. Оттуда, между прочимъ, утрированная, доходящая до смѣшного, до трусости боязнь болѣзней, опасностей и смерти (такъ это было у Шопенгауэра). Въ другихъ случаяхъ рѣзкое пониженіе субъективной цѣнности жизни дѣйствуетъ парализующимъ образомъ и на его основу, на инстинктъ самосохраненія, и человѣкъ обнаруживаетъ полное равнодушіе къ жизни, идетъ навстрѣчу всякимъ опасностямъ, не боится смерти, склоненъ къ самоубійству. Въ психологіи самоубійцъ душевное одиночество имѣетъ первостепенное значеніе.

Отъ душевнаго одиночества не далеко до *аскетизма*.

Я имѣю въ виду не религіозный или моральный аскетизмъ, который въ большинствѣ случаевъ вовсе не роднится съ душевнымъ одиночествомъ и часто практикуется «на-людяхъ», коллективно (общины аскетовъ, монастыри, аскетическія секты),—я говорю объ *аскетизмѣ психологическомъ*, представляющемъ собою одно изъ послѣдствій, или одну изъ крайнихъ формъ одиночества души.

Психическая уединенность, отъ чего бы она ни происходила, можетъ довести человѣка до рѣшенія—сокращать свои потребности, сперва тѣ, для удовлетворенія которыхъ необходимо общеніе съ людьми, а потомъ, входя во вкусъ воздержанія, человѣкъ сокращаетъ и другія. Онъ создаетъ себѣ привычку отказываться отъ удовольствій, отъ самой невинной роскоши, ото всего, чѣмъ скрашивается однообразіе обыденной жизни. Человѣкъ становится ригористомъ и находитъ своеобразное наслажденіе въ обузданіи слабостей и прихотей, въ урѣзываніи потребностей. На этомъ пути можно дойти до «святости», до юродства, а равно и до крайняго эгоизма.

Чувство жизни, по необходимости, притупляется.

IV.

Сохраненіе и подъемъ субъективной цѣнности жизни.—Объективная цѣнность ея.

Я указалъ на важнѣйшіе психологическіе типы людей съ пониженной и исчезнувшей субъективной цѣнностью жизни (меланхолики, разочарованные, усталые, скучающіе, душевно-одинокіе). Теперь перехожу къ разсмотрѣнію натуръ, у которыхъ «чувство жизни» остается здравымъ и дѣятельнымъ и съ годами все растетъ, даже при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ существованія.

Начну съ указанія на эти условія: при ихъ наличности субъективная цѣнность жизни выступаетъ съ особливою отчетливостью.

Выше мы видѣли, что эта цѣнность есть чувство «наживное»: оно пріобрѣтается и упрочивается годами, достигая расцвѣта въ пожиломъ и старческомъ возрастѣ. И это осуществляется—вопреки всевозможнымъ бѣдствіямъ и страданіямъ, способнымъ, казалось бы, въ корнѣ уничтожить желаніе жить, внушить неодолимое отвращеніе къ жизни. Недуги и немощи старости, равно

какъ и перспективы близкой смерти, не ослабляютъ привязанности къ жизни. Калѣки, слѣпые, глухонѣмые, больные и т. д. не утрачиваютъ этой привязанности; напротивъ, у нихъ «чувство жизни» даже обостряется. Можно сказать, что физическіе недуги, при отсутствіи условій, понижающихъ субъективную цѣнность жизни (меланхолія и пр.), только содѣйствуютъ ея сохраненію: человѣкъ чувствуетъ себя больнымъ, несчастнымъ, обиженнымъ судьбой, жалуется на свою горькую участь и—чрезвычайно дорожитъ жизнью. Ея физическая убыль повышаетъ ея психологическую цѣнность. То же самое нужно сказать и о бѣдности съ ея лишеніями и невзгодами, о нищетѣ съ ея ужасами. Когда самоубійца ссылается на невыносимо-тяжкое матеріальное положеніе, приведшее его къ роковому рѣшенію, то это только—поводъ, мотивъ, но не причина: другіе въ такомъ же, или еще худшемъ положеніи не кончаютъ самоубійствомъ. Причину приходится искать въ упадкѣ чувства жизни, вызванномъ внутренними условіями: меланхоліей, психическою усталостью, разочарованіемъ и т. д., лишь обостренными—въ данномъ случаѣ—тяжелымъ матеріальнымъ положеніемъ. Если этихъ условій нѣтъ, человѣкъ не лишитъ себя жизни даже въ виду неминуемой голодной смерти [1]).

Жизнь—величайшее благо для всѣхъ,—для богатыхъ и бѣдныхъ, для счастливыхъ и несчастныхъ, для здоровыхъ и больныхъ, кромѣ тѣхъ, у кого она обезцѣнена вышеуказанными психологическими условіями.

И, прежде всего, жизнь—*благо субъективное*, расцѣниваемое самочувствіемъ и самосознаніемъ человѣка.

Людей съ *нормальною субъективною цѣнностью жизни*—великое множество. Эта огромная масса дѣлится на двѣ неравныя части: бо̀льшую часть составляютъ тѣ, у которыхъ, кромѣ субъективной цѣнности жизни, есть и объективная,—меньшую тѣ, которые этой послѣдней не имѣютъ. Въ той и другой категоріи мы находимъ неисчерпаемое разнообразіе натуръ человѣческихъ. Для упрощенія задачи я остановлюсь здѣсь лишь на трехъ основныхъ психологическихъ типахъ, минуя многочисленныя разновидности ихъ и переходныя формы отъ одного къ другому. Первый можетъ служить представителемъ всѣхъ тѣхъ, у кого, при наличности сильно-выраженнаго «чувства жизни», объективная цѣн-

[1]) Я не хочу утверждать, что *всѣ* самоубійства объясняются упадкомъ чувства жизни. Есть весьма много случаевъ самоубійства, объясняемыхъ другими причинами: психозомъ, страхомъ наказанія, стыдомъ, озлобленіемъ и т. д. и, наконецъ, упадкомъ *„общественной стоимости человѣка“*, о чемъ будетъ рѣчь ниже.

ность ея ничтожна, или равна нулю. Это—типъ, съ различныхъ точекъ зрѣнія отрицательный. Второй и третій схематически объемлютъ всѣхъ, которыхъ жизнь имѣетъ большую или меньшую объективную цѣнность: это люди, которые, живя, содѣйствуютъ такъ или иначе сохраненію, накопленію, созданію культурныхъ благъ и вносятъ свою лепту, хотя бы и очень скромную, въ общее дѣло *очеловѣченія* рода человѣческаго.

1. Первый—отрицательный—типъ, это—*фальстафы*. Разновидность человѣка, для котораго весь смыслъ и вся прелесть жизни сводятся къ сытому и пьяному прозябанію, къ чувственнымъ наслажденіямъ и веселому времяпрепровожденію, достаточно извѣстна и встрѣчается нерѣдко. Субъективная цѣнность жизни у натуръ этого рода несокрушима. Оттуда свойственная имъ трусость и боязнь смерти. Шекспиръ увѣковѣчилъ этотъ типъ въ образѣ Фальстафа. Объективная цѣнность жизни фальстафовъ ничтожна или равна нулю, и человѣчество много бы выиграло, если бы эти обжоры и сластолюбцы, эти, по выраженію Милля, «самодовольныя свиньи» исчезли съ лица земли. Къ счастью, они понемногу исчезаютъ, какъ законченный психологическій типъ въ его крайнемъ выраженіи,—его черты смягчаются, иныя изъ нихъ совсѣмъ отпадаютъ,—типъ въ извѣстной мѣрѣ облагораживается. Это совершается подъ воздѣйствіемъ внутреннихъ и внѣшнихъ причинъ. Первыя сводятся къ тому, что фальстафы съ психологическою необходимостью кончаютъ пресыщеніемъ, а пресыщеніе приводитъ къ пониженію субъективной цѣнности жизни.

Разъ это случилось,—фальстафъ уже не настоящій фальстафъ,—его самодовольство и жизнерадостность подкошены. Причины же внѣшнія состоятъ въ томъ, что общія условія и требованія современной культуры далеко не благопріятствуютъ размноженію и благополучію всѣхъ этихъ безпечальныхъ гастрономовъ жизни, гурмановъ, эстетовъ и т. п. Они не нужны человѣчеству и часто вредны, поскольку они понижаютъ уровень человѣчности. Къ тому же, въ большинствѣ случаевъ, они—не работники культуры, они только—потребители. Для прогресса культуры, который становится все болѣе ускореннымъ и напряженнымъ, необходимы работники, дѣятели, а не тунеядцы. И самый принципъ—жить для того только, чтобы наслаждаться, противорѣчитъ идеалу человѣчности.

2. *Работники культуры. Обыватели.* Не противорѣчитъ этому идеалу, хотя и не совпадаетъ съ нимъ, другой типъ людей съ упроченною субъективною цѣнностью жизни,—типъ, такъ-

называемый, «мѣщанскій», столь несправедливо осуждаемый мечтателями и романтиками. Люди безъ широкихъ умственныхъ интересовъ, безъ высшихъ стремленій, добропорядочно живущіе въ условіяхъ повседневности, хорошіе обыватели, труженики культуры, эти «мѣщане» въ своемъ міркѣ соединяютъ большую субъективную цѣнность жизни съ нѣкоторою объективною, къ которой не подобаетъ относиться пренебрежительно и высокомѣрно. Психологическое «мѣщанство», распространенное во всѣхъ слояхъ общества, отъ низшихъ до высшихъ, это—такой укладъ психики, который характеризуется умѣніемъ и охотою дѣлать свое маленькое—обывательское—дѣло, нужное обществу, и вмѣстѣ съ тѣмъ способностью удовлетворяться скромною долею, испытывая, въ ея предѣлахъ, радость существованія. Эта радость, вѣдь, также *нужна*—не только личности, но и обществу: чѣмъ больше валовая сумма жизнерадостности, тѣмъ человѣчество бодрѣе, жизнеспособнѣе. «Мѣщане», проявляя очень мало творчества, накопляютъ по мелочамъ огромную—въ общей суммѣ—силу жизни,—потенціальную энергію прогресса, которая въ свой чередъ—въ потомствѣ—освободится для новаго творчества.

Не будетъ парадоксомъ сказать, что всякій нормальный человѣкъ, будь онъ хоть семи пядей во лбу, долженъ быть и фактически является въ извѣстной мѣрѣ «мѣщаниномъ», шаблонно живущимъ въ нормахъ данной общественности, тянущимъ лямку соціальнаго тягла. Стремясь къ большимъ духовнымъ цѣнностямъ, нужно умѣть производить и маленькія. Право воспарять въ небеса покупается цѣною земныхъ дѣлъ, и никакое «великолѣпіе», никакой «геній» не избавляютъ смертнаго отъ обязанности быть прежде всего, порядочнымъ и полезнымъ обществу обывателемъ. Въ психологіи и въ жизни великихъ людей найдется немало «обывательскаго», «мѣщанскаго», и, наоборотъ, скрытая тяга къ идеальному, къ высшей человѣчности свойственна самому заурядному «обывателю». Если бы было иначе, всѣ великія завоеванія мысли и морали остались бы безъ примѣненія, сила генія не имѣла бы точки приложенія,—да едва-ли возможно было бы и самое появленіе натуръ и умовъ высшаго порядка.

Геній есть высшее проявленіе индивидуальности и высшая ступень творчества. Но индивидуальность зарождается и формируется въ нѣдрахъ культуры, въ жизни и дѣятельности всѣхъ ея работниковъ,—и на этой же почвѣ культуры обосновывается и всякое творчество.

Рядъ незамѣтныхъ переходовъ ведетъ отъ зауряднаго «мѣщанства» къ тому психологическому укладу, который характери-

зуется силой личной иниціативы, творчествомъ мысли и воли, разбивающимъ шаблонъ традиціи и созидающимъ новое, лучшее— на всѣхъ поприщахъ жизни и мысли.

Психологическое «мѣщанство» всѣхъ ступеней и во всѣхъ своихъ метаморфозахъ, поскольку оно являетъ собою типъ нормальнаго, здраваго и культурно-дисциплинированнаго человѣка, проявляетъ крѣпкое «чувство жизни», цѣпко держится за жизнь, какова бы она ни была,—*субъективная цѣнность жизни* въ этой огромной средѣ, вмѣщающей въ себѣ большинство культурнаго человѣчества, не опускается ниже нормы и часто норовитъ подняться выше, находя себѣ подспорье въ *объективной цѣнности*, все равно—большой или малой, подлинной или фиктивной. И поколѣніями накопляется огромный запасъ радости бытія вообще, радости соціальнаго бытія въ частности. Это—потенціальная энергія человѣчности, въ отдѣльныхъ исключительныхъ натурахъ переходящая изъ связаннаго состоянія въ свободное и проявляющаяся—какъ животворная, творческая сила.

3. Натуры этого рода, которыя можно назвать «*творческими*», при всемъ различіи умовъ, характеровъ, рода дѣятельности, личной судьбы и т. д., соединяются въ одну группу, образуя особый психологическій типъ, отличительными чертами котораго служитъ *высокая (выше нормы) субъективная цѣнность жизни*, болѣе или менѣе значительная, но всегда подлинная, настоящая, *объективная цѣнность* и *несокрушимый психологическій оптимизмъ*.

У насъ яркими представителями этого типа являются *Пушкинъ*, *Л. Н. Толстой*, *Пироговъ*. Я остановлюсь здѣсь только на первомъ.

Онъ можетъ служить образцомъ гармонической и здравой натуры, у которой субъективная цѣнность жизни проявляется съ исключительною силою и въ одной изъ ея высшихъ формъ.

Объ этомъ свидѣтельствуетъ какъ жизнь, такъ и поэзія Пушкина, обѣ проникнутыя искрящеюся жизнерадостностью, не исключавшею и глубокаго воспріятія отрицательныхъ сторонъ бытія вообще, русской дѣйствительности въ частности. Есть рядъ стихотвореній, гдѣ выражена тоска существованія, разочарованность, міровая скорбь, — таковы: «Даръ напрасный, даръ случайный»..., «Въ степи мірской», «Анчаръ» и др. Но у Пушкина это лишь временныя, преходящія настроенія. Они были доступны ему, потому что *все* было доступно его геніальной интуиціи. Они входили въ репертуаръ его всеобъемлющихъ переживаній, но не составляли органической принадлежности его духа. Надо

также не забывать, что художественный и лирическій геній Пушкина былъ по преимуществу объективный: поэтъ, съ его чрезвычайнымъ любопытствомъ и сочувствіемъ ко всему человѣческому, предпочиталъ изображать другихъ людей, чужое, разное—человѣческое, забывая о себѣ, о своемъ—и изображалъ такъ, что чужое казалось его собственнымъ, интимнымъ достояніемъ. И. И. Мечниковъ, конечно, ошибается, когда, приводя стихотвореніе «Даръ напрасный, даръ случайный», говоритъ, что Пушкинъ въ немъ «формулируетъ свое пессимистическое міровоззрѣніе» («Этюды оптимизма», 174). Міровоззрѣніе Пушкина было, напротивъ, оптимистическое. Онъ не упускалъ изъ виду положительныхъ сторонъ жизни, не преувеличивалъ отрицательныхъ, вѣрилъ въ лучшее будущее, въ торжество добра, умѣлъ во всемъ находить хорошее, примирять противорѣчія,—гуманность была основной стихіей его поэзіи, гармонія духа и свѣтлый взглядъ на вещи проявлялись не только въ содержаніи и въ идеяхъ его произведеній, но и въ самой психологіи его творчества. Умъ пытливый и вѣчно-дѣятельный, натура живая, кипучая и жизнерадостная, Пушкинъ не могъ выразить *свое* въ стихахъ, гдѣ говорится:

Цѣли нѣтъ передо мною,
Пусто сердце, праздненъ умъ,
И томитъ меня тоскою
Однозвучный жизни шумъ...

Если онъ, говоря такъ, въ самомъ дѣлѣ имѣлъ въ виду себя, то онъ сказалъ неправду. Но, какъ извѣстно, Пушкинъ, принадлежавшій къ числу самыхъ искреннихъ поэтовъ, никогда не лгалъ ни въ стихахъ, ни въ прозѣ. Въ данномъ стихотвореніи схвачено лишь минутное настроеніе, доступное всякому смертному, не чуждое, конечно, и Пушкину, но у него рѣдкое, «не свое»...

Пушкинъ очень яркій и безсмертный представитель психологическаго типа—«*пріемлющихъ міръ*», какимъ этотъ міръ является въ дѣйствительности, со всѣмъ его добромъ и зломъ, со всѣми его великими, быть можетъ, неограниченными возможностями и великими упованіями. «Пріятіе міра» означаетъ вовсе не то, что человѣкъ мирится съ наличностью зла, присущаго жизни человѣческой, и, на манеръ Панглосса, думаетъ, что «все идетъ къ лучшему въ семъ наилучшемъ изъ міровъ»... «Пріятіе міра» есть прежде всего «пріятіе» великихъ возможностей міра, и оно основано на любопытствѣ и сочувствіи «по человѣчеству» міру дѣйствительности, въ прошломъ и

въ настоящемъ, и на стихійной, изъ какого-то всечеловѣческаго, или, быть можетъ, космическаго инстинкта вытекающей, «любви къ дальнему». Таковъ и былъ нашъ Пушкинъ,—и, что́ всего отраднѣе и что́ такъ трогательно, онъ былъ такимъ не разсудочно, не философски, а по непосредственному чувству, натурально, геніально-простодушно, почти наивно...

V.

Общественная стоимость человѣка.

Субъективная цѣнность жизнь есть принадлежность личности, какъ таковой, элементъ ея индивидуальнаго самочувствія. Но сама личность есть продуктъ общественности и, кромѣ индивидуальнаго самочувствія, обладаетъ еще другимъ—общественнымъ. За вычетомъ извѣстныхъ случаевъ, о которыхъ будетъ рѣчь ниже, всякій нормальный человѣкъ (да и не только нормальный), чувствуя и сознавая *себя*, въ то же время чувствуетъ и сознаетъ *свои отношенія къ обществу*, въ особенности—къ той ближайшей средѣ, къ которой онъ принадлежитъ по роду занятій, по житейскимъ связямъ, по своему соціальному положенію. Онъ можетъ быть доволенъ или недоволенъ этими отношеніями, онъ можетъ различно оцѣнивать свое общественное положеніе и свою дѣятельность—какъ представителя извѣстной среды, какъ обывателя, какъ гражданина, вообще какъ «величины общественной». Вотъ именно эту *субъективную оцѣнку общественныхъ отношеній личности* я и обозначаю терминомъ «*общественная стоимость человѣка*»[1]).

Не трудно видѣть, что «общественная стоимость человѣка», по существу, отличается отъ «субъективной цѣнности жизни». Это явленія—разныя, что̀ и обнаруживается въ тѣхъ случаяхъ, когда они противорѣчатъ другъ другу. Человѣкъ съ несомнѣнною и выдающеюся общественною стоимостью, которую онъ чувствуетъ и сознаетъ, можетъ утратить «чувство жизни», напр., если онъ меланхоликъ. Онъ будетъ дорожить собою только какъ величиной общественной,—онъ не будетъ цѣнить своей личной жизни, хотя бы она была вполнѣ благополучна. И наоборотъ:

---

[1]) Я предложилъ этотъ терминъ впервые въ статейкѣ „Самоубійцы и Нирвана“ (въ журн. „Слово“ 1880 г.); позже мнѣ приходилось неоднократно пользоваться имъ. Въ книгѣ о Гоголѣ (т. I „Собр. соч.“) я старался углубить это понятіе.

бываютъ люди съ несокрушимо-радостнымъ чувствомъ жизни, не обладающіе общественной стоимостью и въ ней не нуждающіеся.

Тѣмъ не менѣе, оба явленія не остаются безъ вліянія другъ на друга. И можно принять, какъ правило, что, при отсутствіи противодѣйствующихъ причинъ, общественная стоимость человѣка замѣтно укрѣпляетъ и повышаетъ его субъективную цѣнность жизни.

Само происхожденіе ихъ различно. Субъективная цѣнность жизни возникла изъ органическаго инстинкта самосохраненія.

Первоисточника общественной стоимости человѣка приходится искать въ «*стадности*» первобытнаго человѣчества. На низшихъ ступеняхъ культуры «стадное чувство» проявляется съ стихійною силою, какъ могучій и дѣятельный инстинктъ, сравнительно съ которымъ инстинктъ самосохраненія индивидуума оказывается ничтожнымъ. Въ первобытномъ обществѣ коллективъ—все, особь—ничто. Внѣ общественности нѣтъ жизни. Въ теченіе долгихъ вѣковъ развитія культуры индивидуумъ, подчинясь инстинкту стадности, опутанный крѣпкими узами рода, общины, клана, потомъ государства, не существуетъ, какъ самодовлѣющая личность, не имѣетъ субъективной цѣнности жизни, какъ не имѣетъ ея, напр., муравей.

Тысячелѣтіями прогрессивнаго развитія совершался процессъ возникновенія и формированія личности въ нѣдрахъ общественности. Личность образовывалась на почвѣ раздѣленія труда, обособленія классовъ, вмѣстѣ съ успѣхами матеріальной культуры и общимъ осложненіемъ общественныхъ отношеній. На извѣстной высотѣ культуры, наконецъ, создается психологическая возможность антитезы: *личность* и *общество*. Рядомъ съ понятіемъ «мы» возникаетъ понятіе «я». Вмѣстѣ съ тѣмъ стадное чувство солидарности превращается въ то, которое я называю «общественною стоимостью человѣка».

Общественную стоимость личности можно разсматривать не только какъ преобразованіе стаднаго чувства, но и какъ его преодолѣніе. Отъ временъ первобытной солидарности личность унаслѣдовала стихійное тяготѣніе къ обществу. Но она уже не поглощается обществомъ,—она только стремится упрочить свои связи съ соціальной средой, найти въ ней *свое* мѣсто и дѣло,—служить ей, какъ цѣлому, сохраняя и, если возможно, еще болѣе развивая свою индивидуальность. Человѣкъ уже обладаетъ своею субъективною цѣнностью жизни и хочетъ, въ придачу, пріобрѣсти еще и общественную стоимость, и при томъ такъ,

чтобы между ними не было противорѣчія, чтобы одна не причиняла ущерба другой. Оттуда тѣ сложныя отношенія и конфликты между личностью и обществомъ, та борьба за индивидуальность, которыя, начавшись еще въ старину, достигли въ настоящее время крайняго напряженія и, наконецъ, выразились въ постановкѣ міровой проблемы согласованія *индивидуализма* и *соціализма*.

Во избѣжаніе недоразумѣній, необходимо подробнѣе описать понятіе общественной стоимости человѣка. И прежде всего, не нужно смѣшивать его съ понятіемъ «*объективной цѣнности жизни*». Такъ, напримѣръ, жизнь *Спинозы* или *Руссо* имѣла (и имѣетъ) огромную объективную цѣнность для всего человѣчества, но общественной стоимости эти великіе люди не имѣли, ибо они ни въ какой общественной средѣ не находили *своего* мѣста и дѣла, не были участниками въ соціальной жизни.— Общественная стоимость возникаетъ какъ результатъ участія человѣка въ жизни организованной группы, она есть функція общественнаго положенія и соотвѣтственной дѣятельности лица. Она можетъ осуществиться или не осуществиться независимо отъ того, имѣетъ ли жизнь человѣка объективную цѣнность, или нѣтъ. Бываетъ и такъ, что человѣкъ пріобрѣтаетъ въ извѣстной средѣ общественную стоимость въ ущербъ объективной цѣнности своей жизни. Такихъ случаевъ много... Весьма вѣроятно, напр., что объективная цѣнность жизни Бэкона была бы гораздо выше, если бы онъ не былъ государственнымъ человѣкомъ. Но бываетъ и наоборотъ: свою объективную цѣнность человѣкъ пріобрѣтаетъ именно благодаря своей общественной стоимости, въ свою очередь, возникшей въ силу его участія въ общественной или политической жизни страны. Такъ это было, напр., у Гладстона.

Общественная стоимость у большинства людей осуществляется въ средѣ очень узкой (деревня, городъ, уѣздъ, губернія, даже просто то или иное учрежденіе). Самой широкой средой является государство, а также и сфера междугосударственныхъ отношеній, затѣмъ міровая промышленность и торговля. Общественную стоимость можно потерять въ одномъ мѣстѣ и создать въ другомъ; можно имѣть ее одновременно въ разныхъ мѣстахъ. Ея пріобрѣтеніе, какъ и ея утрата, часто зависитъ отъ случайностей, а главнымъ образомъ отъ наличности или отсутствія спроса на человѣка, какъ величины соціальной. Наконецъ, укажу на то, что, въ противоположность объективной цѣнности жизни человѣка, его общественная стоимость есть явленіе исключительно *прижизненное*. Въ то время, какъ объективная цѣн-

ность человѣка можетъ пережить его, а нерѣдко реализуется, или обнаруживается впервые лишь послѣ его смерти,—общественная стоимость упраздняется смертью человѣка; она—принадлежность живого человѣческаго *я* и умираетъ вмѣстѣ съ нимъ, сближаясь въ этомъ отношеніи съ субъективною цѣнностью жизни.

VI.

Психологическіе типы людей съ неосуществленною общественною стоимостью.

Теперь обратимся къ разсмотрѣнію важнѣйшихъ случаевъ частичнаго или полнаго неосуществленія общественной стоимости. Съ этой стороны текущій фазисъ цивилизаціи, поскольку онъ характеризуется конкурренціей, закономъ спроса и предложенія, борьбою между индивидуумами за жизненныя блага и общественное положеніе, рѣзко отличается отъ предшествующихъ эпохъ.

Благодаря успѣхамъ культуры, просвѣщенія, общественной безопасности, благоустройства (въ Зап. Европѣ) не только городовъ, но и деревень, *жить* стало легче, чѣмъ, напр., это было не далѣе, какъ въ XVIII-мъ вѣкѣ. Но «*пристраиваться*», *находить свое мѣсто и дѣло въ обществѣ*, слѣдовательно, *пріобрѣтать общественную стоимость*, стало гораздо труднѣе. Передъ молодымъ человѣкомъ, вступающимъ въ сознательный и лично-отвѣтственный возрастъ, ставится задача, не всегда поддающаяся скорому и удовлетворительному рѣшенію: какую дорогу выбрать, чѣмъ заняться, гдѣ и какъ найти свое мѣсто и свое дѣло? На всякій спросъ есть десятки и сотни предложеній, на всякое «мѣсто»—множество претендентовъ. Къ тому же очень легко ошибиться: избрать не ту карьеру, какая соотвѣтствуетъ силамъ и особенностямъ натуры даннаго лица, ломиться не въ тѣ двери, пойти не по своей дорогѣ. И сколько есть людей, испортившихъ такой ошибкой свою жизнь!

Въ большинствѣ случаевъ общественную стоимость приходится завоевывать,—и не всегда пріобрѣтаютъ ее лучшіе люди; соціальная участь человѣка нерѣдко зависитъ отъ случая, отъ удачи, отъ благопріятнаго или неблагопріятнаго стеченія обстоятельствъ.

Не такъ было въ старину, напр., въ средніе вѣка, когда человѣкъ, прикрѣпленный къ сословію, цеху, учрежденію и т. д.,

находилъ себѣ мѣсто, заранѣе уготованное, и получалъ общественное положеніе, ему предназначенное. И его общественная стоимость осуществлялась легко и просто, за вычетомъ, разумѣется, особыхъ, непредвидѣнныхъ случайностей, вырывавшихъ человѣка изъ его среды и перебрасывавшихъ въ другую.

Съ переходомъ отъ средневѣковыхъ порядковъ къ новой культурѣ, въ психологіи, какъ индивидуальной, такъ и общественной, совершился коренной переломъ. Разорвались узы, приковывавшія человѣка къ средѣ,—личность раскрѣпостилась и стала дорожить своей индивидуальной свободой, какъ однимъ изъ высшихъ благъ. Вслѣдствіе этого, значительно возросла и окрѣпла *субъективная цѣнность жизни*. Но вмѣстѣ съ тѣмъ осложнилась *личная задача*—осуществленія человѣкомъ его общественной стоимости. Въ настоящее время, во всемъ цивилизованномъ мірѣ эта задача сопряжена съ бо́льшими или меньшими трудностями, и общественная стоимость пріобрѣтается либо съ запозданіемъ, либо оказывается неполной или непрочной, а нерѣдко остается совсѣмъ неосуществленною. На этой почвѣ возникли, прежде невѣдомые, типы людей безъ общественной стоимости, а равно и такихъ, у которыхъ атрофирована самая потребность имѣть ее. Въ человѣкѣ, существѣ искони соціальномъ, обнаружились черты и стремленія антисоціальныя.

Приступая къ обзору важнѣйшихъ явленій этого рода, упомяну сперва о достаточно-извѣстномъ типѣ *«лишнихъ людей»*, понимая этотъ терминъ въ томъ узкомъ и очень опредѣленномъ смыслѣ, въ какомъ у насъ принято называть «лишними» Чацкаго, Онѣгина, Печорина, Бельтова, Рудина,—литературныхъ представителей нашей интеллигенціи отъ 20-хъ до 50-хъ годовъ XIX-го вѣка. Когда въ отсталой странѣ впервые появляется интеллигенція, то ей трудно приспособиться къ средѣ и найти въ ней мѣсто и свое дѣло. И, въ большинствѣ случаевъ, представители интеллигенціи остаются «не-у-дѣлъ», безъ соціальнаго пристанища. Имъ очень трудно, иногда невозможно осуществить свою общественную стоимость, и только въ этомъ смыслѣ они и являются «лишними», между тѣмъ какъ ихъ жизнь и дѣятельность представляютъ, въ общей суммѣ, огромную *объективную цѣнность*. Полноты общественной стоимости не имѣли ни Пушкинъ, ни Гоголь, ни Лермонтовъ, ни Бѣлинскій, ни Герценъ. Въ зависимости отъ особенностей натуры и отъ обстоятельствъ жизни каждаго изъ нихъ, это отражалось различнымъ образомъ на ихъ *субъективной цѣнности жизни*. Для Пушкина неполное осуществленіе общественной стоимости было

сравнительно-незначительнымъ ущербомъ: слишкомъ ужъ великъ былъ у него запасъ жизнерадостности, и самъ онъ былъ призванъ не къ общественной дѣятельности, а къ геніальному поэтическому творчеству. Зато для Гоголя, по особому укладу его сложной натуры, неосуществленіе общественной стоимости было почти несчастьемъ, и это ослабляло, и безъ того, непрочную субъективную цѣнность его жизни [1]). Для Лермонтова отсутствіе общественной стоимости не имѣло существеннаго значенія, потому что, въ качествѣ меланхолика, онъ, все равно, былъ лишенъ субъективной цѣнности жизни. Но, судя по нѣкоторымъ даннымъ его біографіи, а также имѣя въ виду психологію Печорина (его автопортрета), можно думать, что, если бы Лермонтовъ нашелъ свое мѣсто и дѣло въ соціальной средѣ, то это явилось бы для него немаловажнымъ суррогатомъ субъективной цѣнности жизни. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ натуръ, которыя не могутъ ограничиться одною только умственною дѣятельностью, творчествомъ, и которыхъ тянетъ къ участью въ дѣйствительной жизни, къ борьбѣ. Ему далеко не были чужды *соціальныя страсти*, именно *честолюбіе* и *властолюбіе*, чего совсѣмъ не было у Пушкина. Бѣлинскій и Герценъ, какъ призванные идеологи-публицисты, имѣли всѣ данныя для пріобрѣтенія высокой общественной стоимости; но она оставалась у нихъ, по условіямъ времени, неосуществленною, какъ бы въ потенціальномъ состояніи, въ видѣ фикціи.

Общественную стоимость представители интеллигенціи пріобрѣтаютъ только съ распространеніемъ просвѣщенія, при общемъ оживленіи общественныхъ силъ, когда въ странѣ возникаетъ спросъ на интеллигентскій трудъ. Поворотъ въ эту сторону сталъ намѣчаться у насъ только въ 50—60-хъ годахъ прошлаго вѣка.

Спустимся ниже, съ верховъ интеллигенціи къ широкой общественной средѣ. И здѣсь мы найдемъ не мало «лишнихъ» людей—въ томъ же смыслѣ отсутствія общественной стоимости. Но ихъ психологія представляетъ другую картину,—и мы предпочтемъ называть ихъ не «лишними», а какъ-нибудь иначе, напр. «опустившимися», «соціально-негодными», «неудачниками» и т. п. Это—люди, по тѣмъ или инымъ причинамъ оказавшіеся неприспособленными къ участью въ общественной жизни и дѣятельности, плохіе работники культуры, или даже совсѣмъ не работники, тунеядцы. Таковъ, напр., Илья Ильичъ Обломовъ, таковъ

1) Анализу психологіи Гоголя съ этой стороны я посвятилъ особую главу (III) въ книгѣ „Гоголь“ (т. I „Собр. соч.“).

и его литературный предшественникъ Тентетниковъ. Гоголь очень интересовался этого рода натурами, которыхъ онъ называлъ «пропащими»,—имъ-то по преимуществу великій писатель и посвятилъ вторую часть своей безсмертной «поэмы». Подъ ту же рубрику подойдетъ, съ кое-какими ограниченіями, и чеховскій Ивановъ. У Обломова—болѣзнь «обломовщины», «параличъ воли», у Иванова—сильно-выраженная неврастенія. Причины различны, результатъ—все тотъ же: соціальная непригодность человѣка.

Случай чеховскаго Иванова представляется весьма типичнымъ не только у насъ, но и во всемъ цивилизованномъ мірѣ: неврастенія—болѣзнь вѣка, необходимая принадлежность текущаго фазиса культуры. Сильно выраженныя формы этой болѣзни подкашиваютъ трудоспособность и энергію человѣка. Онъ становится соціальнымъ инвалидомъ и, слѣдовательно, теряетъ возможность пріобрѣсти общественную стоимость. Подъ вліяніемъ неврастеніи понижается и субъективная цѣнность жизни.

Неврастенія—болѣзнь широко распространенная. При нѣкоторомъ прирожденномъ предрасположеніи она легко «наживается» непосильной работой, переутомленіемъ—въ погонѣ за благами жизни, въ борьбѣ за общественное положеніе. Неврастенія можетъ измѣнить характеръ человѣка до неузнаваемости: веселый, живой, дѣятельный человѣкъ становится вялымъ, угрюмымъ, лѣнивымъ. Субъективная цѣнность жизни быстро идетъ на убыль. Дѣло кончается меланхоліей, крайнимъ психологическимъ пессимизмомъ, а жизнь, нерѣдко,—самоубійствомъ...

Особый интересъ представляетъ другой типъ—людей безъ общественной стоимости: это—*крайне индивидуалисты и индифферентисты.*

Есть люди, которые брезгливо сторонятся отъ толпы и чувствуютъ неодолимое отвращеніе ко всему «стадному» въ человѣческой культурѣ; многіе изъ нихъ относятся рѣзко-отрицательно даже къ положительнымъ достояніямъ общественности, къ ея совѣсти, ея принципамъ, заранѣе предрѣшая, что здѣсь непремѣнно гнѣздится глупость и пошлость. Къ общественнымъ дѣламъ они равнодушны,—въ антитезѣ «я и общество» они ставятъ удареніе на «я». По всякому вопросу у нихъ свое особое мнѣніе. Они готовы возражать противъ аксіомъ потому только, что онѣ общеприняты и логически-обязательны... Такая характеристика невольно слагается въ умѣ, когда читаешь, напр., книгу Макса Штирнера «Единственный и его собственность»

(«Der Einzige und sein Eigentum»), нѣкоторыя произведенія Ницше и т. д.

Я имѣлъ въ виду крайнее—почти патологическое—выраженіе индивидуализма. Въ этомъ видѣ онъ проявляется въ дѣйствительности и въ литературѣ не такъ уже часто,—во всякомъ случаѣ не составляетъ общаго правила. Въ большинствѣ случаевъ индивидуалисты не остаются послѣдовательными и не являются безусловными отщепенцами отъ общественности. Волей-неволей имъ приходится такъ или иначе, хоть пассивно, участвовать въ общественной жизни, въ общей культурной работѣ. Но ихъ характерною чертою является убыль соціальныхъ инстинктовъ и альтруизма. Этимъ я не хочу сказать, что индивидуалистъ не можетъ быть добрымъ человѣкомъ и добропорядочнымъ членомъ общества. Онъ, конечно, можетъ обладать многими положительными качествами, быть человѣкомъ высоко-гуманнымъ и справедливымъ,—но у него нѣтъ, какъ говорится, «жилки» общественнаго дѣятеля, и онъ лишенъ *соціальныхъ страстей*, въ особенности *честолюбія* и *властолюбія*, которыя стихійно влекутъ человѣка къ вмѣшательству въ общественную жизнь, къ участью въ борьбѣ политическихъ партій, и заставляютъ его добиваться вліянія, отличій, власти. Въ этомъ отношеніи, индивидуалистъ—человѣкъ скромный, непритязательный. И иногда эта «безпартійность» и общественная «дикость» ставятъ его въ положеніе, особливо удобное для того, чтобы хорошо видѣть отрицательныя стороны общественной жизни, ошибки политическихъ дѣятелей и государственныхъ людей. Но, къ сожалѣнію, критикъ-индивидуалистъ склоненъ забывать, что la critique est aisée, mais l'art est difficile. И если случайныя обстоятельства вовлекутъ такого «критика» въ водоворотъ общественной жизни и политической борьбы, то онъ окажется совершенно безсильнымъ и безпомощнымъ и учинитъ такіе промахи и ошибки, какихъ не сдѣлаетъ самый неосторожный, опрометчивый общественный или политическій дѣятель.

У психологическаго индивидуалиста атрофированы общественные инстинкты, а безъ нихъ нельзя быть общественнымъ дѣятелемъ. *Пониманіе* дѣйствительности у него можетъ и быть, даже въ избыткѣ, если онъ—разумный, знающій, трезвый наблюдатель, но у него нѣтъ *чутья дѣйствительности*, нѣтъ *соціально-психологической интуиціи* въ отношеніи къ практикѣ жизни: на каждомъ шагу онъ будетъ сбиваться съ такта, разсуждая разумно, а дѣйствуя нелѣпо...

Общественная стоимость крайнихъ индивидуалистовъ либо

совсѣмъ не реализуется, либо,—по обстоятельствамъ личной жизни, по условіямъ профессіи,—осуществляется частично. Но имъ это не въ тягость. Они легко могутъ обойтись безъ общественной стоимости, или удовольствоваться намекомъ на нее, ея фикціей.

Психологическій индивидуализмъ нерѣдко вырождается въ общественный и даже моральный *индифферентизмъ*. Тогда возникаетъ крайне отрицательный типъ человѣка, равнодушнаго къ общественному благу, ко всѣмъ вопросамъ жизни, волнующимъ его ближнихъ. Еще шагъ дальше,—и мы встрѣчаемъ человѣка, неразборчиваго на средства къ достиженію своихъ личныхъ цѣлей, не стѣсняющагося строить свое благополучіе за счетъ интересовъ другихъ людей и въ ущербъ общему благу. Еще шагъ дальше,—и передъ нами моральный нигилистъ, человѣческая разновидность, характеризующаяся убылью или отсутствіемъ совѣсти, — типъ уже явно анормальный, психопатическій... Въ противоположность психологическимъ индивидуалистамъ въ тѣсномъ смыслѣ, эти общественные и моральные индифферентисты не уклоняются (къ сожалѣнію!) отъ участья въ общественной дѣятельности и зачастую, благодаря неразборчивости на средства, моральной беззастѣнчивости, пріобрѣтаютъ общественное положеніе, вліяніе, почетъ и т. д. и, слѣдовательно, осуществляютъ свою общественную стоимость. Большею частью люди этого—хищнаго—типа обладаютъ значительною субъективною цѣнностью жизни. Одного только нѣтъ у нихъ: *объективной* цѣнности жизни. Или, если нѣчто ей подобное и есть у нихъ, то это—очень условная, фиктивная, на недоразумѣніи основанная объективная цѣнность жизни, раньше или позже упраздняемая всеобщимъ осужденіемъ.

VII.

Личное счастье.

Личное счастье можно опредѣлить такъ: это—*сумма или психологическій синтезъ субъективной цѣнности жизни, общественной стоимости человѣка и объективной цѣнности его жизни.*

Субъективная цѣнность жизни сама по себѣ еще не составляетъ счастья. Она только—его основа или предпосылка. Я указалъ выше на способность большинства нормальныхъ людей

сохранять субъективную цѣнность жизни при всевозможныхъ бѣдствіяхъ, исключающихъ возможность личнаго счастья. Но упадокъ или отсутствіе субъективной цѣнности жизни преграждаетъ путь къ счастью: человѣкъ, лишенный непосредственной радости бытія, желанія, или охоты, жить, обреченъ чувствовать себя глубоко - несчастнымъ при наилучшихъ условіяхъ жизни, при наличности всѣхъ благъ земныхъ. Такъ это всегда, напр., у меланхоликовъ, такъ временно и у нормальныхъ людей, когда ихъ субъективная цѣнность жизни слишкомъ быстро и рѣзко падаетъ подъ вліяніемъ возраста или другихъ причинъ, напр. пресыщенія благами жизни, душевнаго переворота, приводящаго къ внезапному обезцѣненію этихъ благъ. Вспомнимъ Толстого въ періодъ кризиса (1874—1878 г.г.), когда онъ, столь богатый субъективною цѣнностью жизни, вдругъ почувствовалъ, что ему «нечѣмъ жить», и долженъ былъ прибѣгать къ мѣрамъ предосторожности, чтобы не лишить себя жизни.

Итакъ, безъ субъективной цѣнности жизни личное счастье невозможно. Самые несчастные люди на свѣтѣ это—прирожденные меланхолики, пресыщенные, разочарованные, душевно-одинокіе, всѣ, у кого субъективная цѣнность жизни значительно понижена.

Есть ли возможность помочь этой бѣдѣ,—искусственно повысить субъективную цѣнность жизни, или, по крайней мѣрѣ, не дать ей опуститься ниже той черты, за которой человѣку, въ самомъ дѣлѣ, психологически уже «нечѣмъ жить»?

Возможность есть... И лучшимъ средствомъ слѣдуетъ признать пріобрѣтеніе человѣкомъ *общественной стоимости.* Имѣть въ общественной средѣ свое мѣсто и дѣло, сознавать себя полезнымъ или, по крайней мѣрѣ, нужнымъ членомъ общества, чувствовать себя величиной общественной, это—великій источникъ живительной силы, энергіи жизни для человѣка, если только соціальные инстинкты въ немъ не убиты, и если онъ не инвалидъ. Старость страшна не столько своими немощами, какъ таковыми, и близостью смерти, сколько угрозою соціальной инвалидности,—перспективою—потерять общественную стоимость, перестать быть величиною общественною. Достаточно извѣстно, какъ цѣпко держатся старики за свое мѣсто и дѣло въ общественной средѣ, какъ не хочется имъ уходить «на покой». Утрата общественной стоимости способна иногда подкосить присущую старости высокую и прочную субъективную цѣнность жизни. Такіе случаи бывали,—въ томъ числѣ и очень тяжелые—съ трагическимъ исходомъ.

Затронутый вопросъ—о старости приводитъ къ слѣдующимъ, дальнѣйшимъ, соображеніямъ.

Если субъективная цѣнность жизни человѣка повышается и укрѣпляется по мѣрѣ приближенія къ старости, то нельзя ли предположить, что то же самое происходитъ и съ общественною стоимостью человѣка? Субъективная цѣнность жизни «наживается» съ годами и опытомъ жизни, можно сказать, съ привычкою жить (безспорно, превосходная привычка!); не наживается ли, соотвѣтственно этому, если не сама общественная стоимость, какъ таковая, то, по крайней мѣрѣ, стремленіе, психологическое тяготѣніе къ ней? Само собой разумѣется, что, если человѣкъ заблаговременно осуществилъ свою общественную стоимость и сохранялъ ее десятки лѣтъ, то въ старости у него упрочивается неискоренимая привычка имѣть ее, постоянно ее ощущать. Но возьмемъ другіе случаи. Человѣку въ молодости или въ зрѣломъ возрастѣ не удалось осуществить своей общественной стоимости, по крайней мѣрѣ, полностью: его не переставала томить тоска по ней, которую можно назвать «жаждою соціальнаго бытія». Такъ вотъ, я думаю, что подъ старость эта жажда, при нормальныхъ условіяхъ, усиливается, а не заглушается. Я думаю также, что, если раньше ея не было, на старости она возникнетъ. Въ молодости, да и въ зрѣломъ возрастѣ въ распоряженіи человѣка есть многое, что̀ можетъ служить ему суррогатомъ общественнаго положенія и соотвѣтственной дѣятельности; въ эти годы индивидуализмъ современнаго человѣка проявляется съ наибольшею силою,—общественные инстинкты въ большей или меньшей степени заглушаются другими стремленіями, соціальный альтруизмъ удерживается въ извѣстныхъ границахъ натуральнымъ эгоизмомъ молодости; и сама задача осуществленія общественной стоимости ставится скорѣе какъ задача *личная*, чѣмъ общественная,—въ антитезѣ «я и общество» удареніе падаетъ на «я». Подъ старость картина мѣняется. Эгоистическія стремленія и влеченія, заботы и планы, сопряженные съ устроеніемъ и налаживаніемъ личной жизни, виды на будущее и т. д., все это значительно сокращается или совсѣмъ отпадаетъ въ старости. Личная жизнь съ ея кипѣніемъ и ея осложненіями позади, нѣтъ видовъ на *личное* будущее. Но безъ будущаго нельзя жить, а жить нужно, и сложилась привычка и охота жить,—и поэтому перспектива *личнаго* будущаго замѣняется перспективою *общественнаго*,—коллективнаго, живымъ ощущеніемъ непрерывнаго пульса общей жизни, вѣчнаго прибоя поколѣній, зрѣлищемъ новыхъ всходовъ. Это—психологическая позиція, весьма благопріятная для

замѣны личнаго самочувствія общественнымъ, для перестановки ударенія съ перваго термина антитезы личности и общества на второй.

Мы приходимъ къ выводу, гласящему такъ: при нормальномъ теченіи вещей, когда нѣтъ сколько-нибудь значительныхъ противодѣйствующихъ вліяній, человѣкъ съ пониженной субъективной цѣнностью жизни (отъ чего бы это пониженіе ни происходило) имѣетъ всѣ шансы на ея повышеніе съ годами, по мѣрѣ приближенія къ старости, въ особенности, если къ тому времени опредѣлится или упрочится и общественная его стоимость. Упадокъ субъективной цѣнности жизни, обусловленный какъ временными, такъ и длительными, постоянными причинами, надо—перетерпѣть, пережить, въ надеждѣ, если не въ увѣренности, что раньше или позже она начнетъ повышаться и дойдетъ до нормы.

Третье слагаемое суммы счастья—*объективная цѣнность жизни человѣка*—имѣетъ особо-важное значеніе. При большой высотѣ этой цѣнности, она можетъ съ избыткомъ возмѣстить и упадокъ субъективной цѣнности, и недостатокъ или даже отсутствіе общественной стоимости. Человѣкъ, который знаетъ, что его жизнь имѣетъ объективную цѣнность—для многихъ людей, для общества, что ею дорожатъ, находитъ въ этомъ сознаніи источникъ животворной силы, заставляющей человѣка, даже вопреки отрицательному жизнеощущенію, убѣждаться въ томъ, что жизнь—res sacra, святыня, которую надлежитъ всячески беречь и лелѣять, и что, если и нельзя назвать ее высшимъ благомъ, то во всякомъ случаѣ она—основа, или источникъ всѣхъ благъ человѣческихъ, отъ низшихъ до наивысшихъ.

Объективную цѣнность имѣетъ жизнь всякаго человѣка, который содѣйствуетъ увеличенію, улучшенію и облагороженію человѣческаго бытья на землѣ. Эта цѣнность можетъ быть больше или меньше, смотря по качеству вклада, внесеннаго человѣкомъ въ общую сумму благъ жизни, и по количеству людей, цѣнящихъ этотъ вкладъ. Во всякомъ случаѣ, какъ бы малъ онъ ни былъ, онъ есть нѣчто положительное, нѣчто несомнѣнное,—такое, что «не отнимется»,—въ противоположность субъективной цѣнности жизни и общественной стоимости, которыя можно пріобрѣсти, но можно и потерять, и которыя нерѣдко бываютъ сомнительными и фиктивными.

Оттуда принципъ: *личное счастье слѣдуетъ строить на прочномъ фундаментѣ объективной цѣнности жизни.*

Если эта цѣнность пріобрѣтена,—все остальное «приложится»,—«приложится», по всей вѣроятности, и субъективная цѣнность жизни, и общественная стоимость (предполагая, что у даннаго лица раньше ихъ не было). А если онѣ и не «приложатся», то, имѣя объективную цѣнность жизни, можно обойтись и прожить и безъ нихъ [1]).

Д. Овсянико-Куликовскій.

---

[1]) Въ этой статьѣ я оставилъ безъ разсмотранія два вопроса, представляющіе большой интересъ для избранной мною темы. Это, во-первыхъ, вліяніе на цѣнность жизни, въ особенности *субъективную*, такихъ событій, какъ смуты, революціи, войны, промышленные кризисы и т. д.,—нарушающія „правильное“ теченіе жизни съ ея „нормальнымъ“ добромъ и зломъ.— Во-вторыхъ, это—вопросъ о нервныхъ и душевныхъ болѣзняхъ (я упомянулъ только о неврастеніи; о меланхоліи я говорилъ, не какъ о симптомѣ опредѣленныхъ психозовъ, а какъ о прирожденномъ укладѣ натуры, какъ о чертѣ характера). Для психологіи субъективной цѣнности жизни, а также и—общественной стоимости человѣка нѣкоторыя формы нервныхъ и душевныхъ болѣзней представляютъ большой интересъ: онѣ даютъ картину *психопатологіи той и другой*, проявляя въ сильно-увеличенномъ масштабѣ, словно подъ микроскопомъ, процессы ихъ анормальнаго подъема и анормальнаго пониженія.

И. И. МЕЧНИКОВЪ.

3-го мая текущаго года Пастеровскій институтъ, друзья и почитатели Ильи Ильича Мечникова будутъ праздновать семидесятилѣтіе дня его рожденія. Научная дѣятельность Ильи Ильича протекала въ Россіи и во Франціи; около тридцати лѣтъ тому назадъ онъ переѣхалъ изъ Россіи въ Парижъ, былъ очень радушно принятъ Пастеромъ и сталъ, съ самаго основанія Пастеровскаго института, однимъ изъ видныхъ дѣятелей его. Отсюда понятно, что Пастеровскій институтъ взялъ на себя иниціативу празднованія юбилея Ильи Ильича. Вполнѣ присоединяясь къ поздравленіямъ и лучшимъ пожеланіямъ, которыя будутъ выражены ученымъ міромъ по адресу нашего знаменитаго соотечественника, я желалъ бы въ этой краткой статьѣ познакомить русскую публику съ главными этапами научной дѣятельности Ильи Ильича и съ результатами ея, сдѣлавшими имя его всемірно извѣстнымъ.

Большинство нашей интеллигентной публики знакомо съ научной дѣятельностью И. И. Мечникова по его популярнымъ статьямъ, печатавшимся въ толстыхъ журналахъ и собраннымъ въ изданной недавно книгѣ «Сорокъ лѣтъ исканія раціональнаго міровоззрѣнія», и въ его книгахъ «Этюды о природѣ человѣка» и «Этюды оптимизма». Появленіе этихъ сочиненій въ нѣсколькихъ изданіяхъ за короткое время свидѣтельствуетъ объ интересѣ, который возбудили эти книги въ публикѣ. Тѣсныя рамки журнальной статьи заставляютъ меня отказаться отъ изложенія и обсужденія этихъ философскихъ сочиненій Ильи Ильича. Я долженъ съузить задачу и остановиться на его научной дѣятельности въ области біологіи и научной медицинѣ, въ которой она оставила самый блестящій слѣдъ. Илья Ильичъ принадлежитъ къ числу ученыхъ, заслуги которыхъ состоятъ не только въ открытіи новыхъ фактовъ, обогащающихъ науку, а въ томъ, что они даютъ наукѣ новыя плодотворныя идеи, оказывающія вл-

продолженіе долгаго времени вліяніе на направленіе научной работы.

Мои воспоминанія о лучшихъ годахъ моей жизни: дѣтствѣ и юности—связаны съ воспоминаніями о томъ же возрастѣ Ильи Ильича Мечникова, съ которымъ мы воспитывались въ одномъ и томъ же учебномъ заведеніи, во 2-й Харьковской гимназіи. Я знаю его почти съ дѣтства и съ того же возраста привыкъ уважать въ немъ человѣка, оказывающаго своимъ умомъ и своими благородными идеалами благотворное вліяніе на своихъ товарищей. Поэтому мнѣ особенно пріятно теперь, когда мы уже давно перевалили за границу средней человѣческой жизни, вспоминать о нашихъ учебныхъ годахъ въ гимназіи, изъ которой вышло не мало извѣстныхъ дѣятелей на поприщѣ науки и искусства. Въ то время, когда мы были въ гимназіи, въ концѣ пятидесятыхъ и началѣ шестидесятыхъ годовъ, тамъ же воспитывались нѣсколько лицъ, получившихъ извѣстность впослѣдствіи на различныхъ поприщахъ: Семирадскій, знаменитый художникъ, Лисенко, композиторъ, Градовскій, бывшій потомъ выдающимся профессоромъ Петроградскаго университета. Чѣмъ объяснить одновременное скопленіе такихъ талантовъ въ провинціальной гимназіи, этого, конечно, я не знаю, но долженъ сказать, что духъ тогдашней гимназіи, даже въ провинціальныхъ городахъ, былъ болѣе располагающимъ къ труду и къ развитію, чѣмъ впослѣдствіи. Тогда не было еще классическихъ гимназій и программа была гораздо разнообразнѣе, чѣмъ теперь. Въ гимназическомъ образованіи отводилось одинаковое мѣсто и классическимъ языкамъ, и родной исторіи и литературѣ, и естественнымъ наукамъ. Необремененные чрезмѣрнымъ количествомъ классныхъ уроковъ, мы находили время для чтенія серьезныхъ книгъ, научныхъ сочиненій; по извѣстнымъ научнымъ вопросамъ составлялись рефераты, устраивались диспуты, и я долженъ съ удовольствіемъ отмѣтить, что учительскій персоналъ принималъ дѣятельное участіе во всѣхъ этихъ благихъ начинаніяхъ, которыя вели къ интеллектуальному развитію подрастающаго поколѣнія. Этимъ гуманнымъ и раціональнымъ отношеніемъ учителей къ своимъ воспитанникамъ можно объяснить тѣ хорошія воспоминанія, которыя молодые люди, окончившіе гимназію, сохранили на долгое время о своихъ воспитателяхъ. Я говорю, конечно, только о той гимназіи, въ которой я учился, и не могу сказать, чтобы всѣ учителя относились такъ сердечно къ развитію своихъ воспитанниковъ; между учителями были и такіе, которые смотрѣли на службу въ гимназіи, какъ на казенную службу, и

относились къ ней, какъ чиновники, но такихъ было сравнительно мало, и память о нихъ сглаживается, уступая мѣсто свѣтлымъ воспоминаніямъ о настоящихъ учителяхъ-педагогахъ. Я вполнѣ увѣренъ, что подобныя гуманныя воспитательныя отношенія оказали большое вліяніе на дальнѣйшую дѣятельность воспитанниковъ гимназіи, особенно тѣхъ, которые впослѣдствіи посвятили себя наукѣ. Можетъ быть, этимъ и объясняется одновременный наплывъ въ Россіи талантливыхъ ученыхъ.

И. И. Мечниковъ, говоря о томъ, что «въ концѣ пятидесятыхъ и въ началѣ шестидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія въ Россіи сразу воспрянулъ научный духъ», приписываетъ изученіе естественныхъ наукъ тогдашнею молодежью вліянію Бокля, высказавшаго мысль, что прогрессъ обусловливается болѣе всего успѣхами положительнаго знанія. Бокль въ то время былъ, правда, излюбленною книгою русской молодежи; но наряду съ Боклемъ на развитіе естественныхъ наукъ въ Россіи имѣло вліяніе преподаваніе въ гимназіяхъ такъ наз. естественной исторіи. Правда, оно шло не вездѣ съ успѣхомъ, но, при всемъ томъ, оно пробуждало въ молодежи, вообще часто склонной къ собиранію коллекцій и къ изученію растеній и животныхъ, любовь къ естественнымъ наукамъ. Очень большую роль въ развитіи біологіи сыграло появленіе въ началѣ шестидесятыхъ годовъ перевода дарвиновскаго сочиненія «О происхожденіи видовъ» и различныхъ популярныхъ книгъ, излагавшихъ дарвиновскую теорію. Всѣ эти книги проникали въ гимназію, и гимназисты старшихъ классовъ съ большимъ интересомъ читали ихъ и, слѣдовательно, съ гимназической скамьи опредѣляли родъ своей будущей дѣятельности и прежде всего своихъ занятій въ университетѣ. Вопросы исторіи и теоріи эволюціи возбуждали наибольшій интересъ въ интеллигентномъ обществѣ, и этимъ можно объяснить подъемъ научныхъ стремленій къ изслѣдованію органической природы, которымъ характеризуются шестидесятые годы прошлаго столѣтія. Когда, въ концѣ шестидесятыхъ годовъ, появилось сразу громадное количество превосходныхъ работъ И. И. Мечникова и А. О. Ковалевскаго надъ эмбріологіею животныхъ, приходилось часто слышать вопросъ, отчего именно въ Россіи эмбріологія животныхъ процвѣтаетъ и стала излюбленною наукою русскихъ зоологовъ. Мнѣ кажется, причина этого явленія можетъ быть найдена въ совершенно правильномъ отношеніи русскихъ біологовъ къ теоріи эволюціи и въ частности къ дарвиновской теоріи. Русскіе ученые, не вдаваясь въ преждевременное рѣшеніе задачи относительно построенія родословной

таблицы животныхъ, принялись за тщательное изученіе эмбріологіи животныхъ, которая должна была дать матерьялъ, имѣющій служить въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ для теоретическаго заключенія о генетическихъ отношеніяхъ животныхъ другъ къ другу. Теорія эволюціи предполагаетъ, что эмбріологія любого животнаго представляетъ намъ живые документы его эволюціи. Слѣдовательно, для рѣшенія вопросовъ эволюціи надо изучить исторію эмбріональнаго развитія животныхъ и, только сопоставивъ всѣ эти отдѣльныя наблюденія, мы можемъ надѣяться получить генеалогическія таблицы, могущія представить намъ картину развитія животнаго міра. Попытки разныхъ ученыхъ представить генеалогію животныхъ на основаніи несовершенныхъ свѣдѣній въ эмбріологіи въ большинствѣ случаевъ оказались неудачными и скорѣе дискредитировали науку, нежели приносили ей пользу.

И. И. Мечниковъ окончилъ курсъ въ Харьковскомъ университетѣ, когда ему только-что минуло девятнадцать лѣтъ, въ такомъ возрастѣ, когда большинство молодыхъ людей сидятъ теперь еще на гимназической скамьѣ. Онъ пробылъ въ университетѣ два года. На 2-мъ курсѣ онъ оставилъ университетъ и держалъ окончательный экзаменъ въ качествѣ вольнаго слушателя. Въ то время это было возможно; впослѣдствіи же такое раннее окончаніе университета было запрещено, раньше даже того времени, когда былъ упраздненъ институтъ вольныхъ слушателей. Вѣроятно, такое запрещеніе имѣло въ основаніи какія-нибудь высшія соображенія просвѣтительной политики, не вполнѣ понятныя. Я зналъ нѣсколько молодыхъ людей, которые воспользовались возможностью держать экзаменъ раньше истеченія положеннаго четырехлѣтняго пребыванія въ университетѣ, и могу сказать, что это не вело за собою никакихъ вредныхъ послѣдствій. Напротивъ, всѣ извѣстныя мнѣ лица были потомъ прекрасными учеными и съ честью занимали профессорскія каѳедры, получивъ предварительно всѣ требуемыя по закону ученыя степени, что въ настоящее время все болѣе и болѣе становится рѣдкостью.

Въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія сравнительная эмбріологія, которой Илья Ильичъ посвятилъ значительную часть своей научной дѣятельности, далеко не представляла разработанной науки; отдѣльные немногочисленные факты, вытекающіе изъ наблюденій, были не систематизированы. Только развитіе цыпленка въ яйцѣ и развитіе нѣкоторыхъ млекопитающихъ были довольно удовлетворительно разработаны,

благодаря классическимъ работамъ Вольфа, Пандера и Бэра; добытые этими учеными результаты легли въ основу общихъ морфологическихъ и морфогенетическихъ воззрѣній первой половины прошлаго столѣтія. Одинъ изъ самыхъ важныхъ результатовъ этихъ изслѣдованій заключался въ открытіи извѣстной законности въ образованіи органовъ зародышеваго организма. Изслѣдованіями упомянутыхъ эмбріологовъ было доказано, что образованію органовъ цыпленка и млекопитающихъ животныхъ предшествуетъ извѣстное расположеніе строительнаго матеріала, клѣтокъ, въ лежащіе другъ надъ другомъ три слоя, зародышевые листы, названные по ихъ относительному положенію верхнимъ, среднимъ и нижнимъ. Каждый изъ этихъ общихъ зачатковъ организма даетъ начало опредѣленному комплексу органовъ. Было установлено, что изъ верхняго зародышеваго листа образуются кожа и нервная система, изъ средняго—мускулы, соединительная ткань, скелетъ, сердце, кровеносные сосуды, а изъ нижняго—эпителій пищеварительнаго канала, самая существенная часть этого органа. Такъ какъ эмбріологія большинства животныхъ, такъ наз. безпозвоночныхъ, была почти совсѣмъ неизвѣстна, то предстояло на первыхъ же порахъ рѣшить вопросъ: распространяется ли эта закономѣрность въ развитіи органовъ на всѣхъ животныхъ, или она имѣетъ только мѣсто въ развитіи высшихъ животныхъ, птицъ и млекопитающихъ, у которыхъ она была впервые открыта. За рѣшеніе этой задачи принялись два русскіе зоолога: И. И. Мечниковъ и А. О. Ковалевскій, блистательно ее рѣшившіе, и имена ихъ всегда будутъ сохранены въ исторіи біологическихъ наукъ.

Уже à priori можно было ожидать, что рѣшеніе вопроса о закономѣрности въ образованіи животнаго организма, свойственной всѣмъ животнымъ, встрѣтится съ большими трудностями. Такъ какъ строеніе животныхъ разнообразно, то можно было съ большою долею вѣроятности предположить, что и въ закладкѣ животнаго организма встрѣтятся разнообразныя уклоненія отъ того типа, который былъ открытъ и изученъ прежними эмбріологами въ развитіи млекопитающихъ и птицъ. Такъ и вышло на самомъ дѣлѣ. Закладка органовъ у животныхъ оказалась такой разнообразной, зародышевые листы оказались настолько замаскированными, что надо было много остроумія и проницательности, чтобы ихъ открыть и объяснить себѣ причину уклоненій отъ типа, извѣстнаго изъ изслѣдованій надъ птицами и млекопитающими. Лучшимъ доказательствомъ тѣхъ трудностей, которыя пришлось эмбріологамъ преодолѣвать при изслѣдованіи

зародышевыхъ листовъ безпозвоночныхъ животныхъ, служитъ большое количество случаевъ, когда извѣстнымъ органамъ приписывалось происхожденіе, совершенно несогласное съ закономѣрностью, установленною на большомъ количествѣ другихъ животныхъ.

А между тѣмъ рѣшеніе вопроса объ общности плана развитія всѣхъ животныхъ, которая должна была быть выражена въ закладкѣ ихъ организма въ формѣ зародышевыхъ листовъ, имѣло громадное принципіальное значеніе для теоріи эволюціи животнаго міра. Отъ рѣшенія этого вопроса въ положительномъ смыслѣ зависѣлъ весь дальнѣйшій прогрессъ эмбріологіи, а затѣмъ и морфологіи животныхъ вообще. Это рѣшеніе облегчало также въ значительной степени сравненіе дальнѣйшихъ процессовъ образованія органовъ у животныхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшеніе вопросовъ о генетическихъ соотношеніяхъ животныхъ между собою, ихъ взаимнаго родства и причинъ уклоненія строенія ихъ органовъ во время эмбріональнаго развитія. Если различные, часто очень сложные процессы эмбріональнаго развитія суть отраженія процессовъ эволюціи, то огромное значеніе тщательнаго изслѣдованія ихъ вполнѣ понятно. Посмотримъ, что сдѣлалъ Илья Ильичъ въ этой области и при какихъ условіяхъ шла его работа.

По окончаніи курса въ Харьковскомъ университетѣ онъ отправился за границу сначала на свои средства, вскорѣ затѣмъ былъ зачисленъ въ число стипендіатовъ правительства, командированныхъ для приготовленія къ профессорскому званію. Онъ работалъ въ лабораторіи проф. Р. Лейкарта въ Гиссенѣ и въ другихъ нѣмецкихъ лабораторіяхъ на различныя темы. Въ это время научная дѣятельность И. И. была изумительно продуктивна. Работы его сыпались какъ изъ рога изобилія и относились къ различнымъ областямъ зоологіи; въ это время онъ занимался развитіемъ нѣкоторыхъ круглыхъ глистъ, описалъ нѣсколько новыхъ и интересныхъ животныхъ, но главною цѣлью его изслѣдованій была эмбріологія безпозвоночныхъ животныхъ. Черезъ два года послѣ окончанія курса онъ напечаталъ обширную монографію о развитіи насѣкомыхъ, въ которой сообщены очень важные факты, не утратившіе значенія и до сихъ поръ. Значительную часть своего времени Илья Ильичъ посвятилъ изслѣдованію развитія морскихъ животныхъ.

Море съ давнихъ поръ представляло для зоолога самое привлекательное поприще для изслѣдованія. Морская фауна заключаетъ такое разнообразіе животныхъ, отличающихся интерес-

ными явленіями эмбріональнаго развитія и превращенія, сложными формами размноженія, своеобразнымъ строеніемъ, что при первомъ знакомствѣ съ нею чувствуется, что здѣсь находится первоначальный источникъ жизни, изъ котораго развивался неисчерпаемый по своему разнообразію животный міръ. Морская фауна дала массу матеріала для рѣшенія различныхъ біологическихъ вопросовъ; поэтому неудивительно, что зоологи всегда стремятся къ морю, какъ источнику обильнаго матеріала для изслѣдованія, состоящаго изъ самыхъ интересныхъ животныхъ. Изъ всѣхъ морей, омывающихъ Европу, Средиземное море привлекало къ себѣ наибольшее число біологовъ, такъ какъ фауна его несравненно богаче, нежели въ Сѣверномъ морѣ, а жизнь несравненно пріятнѣе и интереснѣе на его берегахъ, чѣмъ на берегахъ Сѣвернаго моря. Наиболѣе посѣщаемыми мѣстами были издавна Неаполь, Мессина и Ницца. Неаполь шестидесятыхъ годовъ, въ смыслѣ удобствъ для изслѣдованій морскихъ животныхъ, былъ далекъ отъ теперешняго. О роскошной зоологической станціи, снабженной превосходной библіотекой, пароходомъ, приспособленнымъ для ловли животныхъ, прекрасно устроенными лабораторіями, тогда не было и помину. Правда, и техника зоологическаго изслѣдованія была тогда гораздо проще. Зоологу, пріѣзжавшему въ Неаполь, приходилось или самому выѣзжать въ море для собиранія матеріала,—что, кстати сказать, составляло чудную прогулку,—или обращаться къ Джіованни, рыбаку, заслужившему громкую извѣстность среди европейскихъ зоологовъ. Джіованни, который, кажется, живъ и работаетъ до сихъ поръ, былъ и въ то время (пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ) довольно пожилымъ человѣкомъ, отличался удивительнымъ знаніемъ мѣстонахожденія морскихъ животныхъ. Достаточно было нарисовать ему въ общихъ чертахъ форму желательнаго животнаго, часто микроскопически маленькаго, описать его цвѣтъ, если возможно, сообщить ему манеру его движенія, чтобы быть увѣреннымъ, что онъ достанетъ заказанное животное со дна моря. Я думаю, что не одинъ зоологъ, изъ работавшихъ въ то время въ Неаполѣ, съ благодарностью вспомнитъ о благодѣтельномъ Джіованни, этомъ трудолюбивомъ рыбакѣ, съ помощью котораго сдѣлано было много хорошихъ изслѣдованій. Подобныя же условія существовали и въ Мессинѣ, съ тою только разницею, что Мессинскій заливъ, вслѣдствіе благопріятнаго расположенія теченія въ немъ, представлялъ изъ себя естественный аквариій, въ которомъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ берега, можно было ведрами набрать самыхъ цѣнныхъ животныхъ. Разумѣется, условія работы были

тогда не такъ удобны, какъ теперь; главнымъ образомъ, чувствовался недостатокъ въ библіотекѣ и въ нѣкоторыхъ лабораторныхъ приспособленіяхъ. Съ этими неудобствами приходилось поневолѣ мириться, но они не были настолько существенны, чтобы помѣшать работѣ. Доказательствомъ этому служитъ то, что, и при такихъ неудобствахъ, могли быть сдѣланы работы такой громадной важности, какъ изслѣдованія И. И. Мечникова надъ развитіемъ иглокожихъ и немертинъ, надъ развитіемъ медузъ и сифонофоръ, и изслѣдованія А. О. Ковалевскаго надъ развитіемъ амфіокса, асцидій, сагитты и многихъ другихъ животныхъ. Успѣхъ работы не всегда зависитъ только отъ обстановки и отъ техническихъ приспособленій, а больше отъ энергіи, находчивости и изобрѣтательности работающаго.

По истеченіи срока заграничной командировки Илья Ильичъ получилъ степень магистра зоологіи и былъ избранъ доцентомъ Новороссійскаго университета. Въ Одессѣ онъ пробылъ недолго, а въ концѣ 1867 года перешелъ доцентомъ въ Петербургскій университетъ, гдѣ и защищалъ докторскую диссертацію. Изъ Петербургскаго университета онъ вскорѣ уѣхалъ за границу, работалъ въ Неаполѣ и Мессинѣ, главнымъ образомъ, надъ развитіемъ иглокожихъ (морскихъ ежей, морскихъ звѣздъ и голотурій), медузъ, сифонофоръ и губокъ. Въ 1869 году онъ былъ вновь избранъ въ Новороссійскій университетъ ординарнымъ профессоромъ, гдѣ пробылъ до 1882 года.

Я не буду здѣсь вдаваться въ изложеніе очень интересныхъ и важныхъ фактовъ, добытыхъ И. И. во время его работы въ Неаполѣ и Мессинѣ, такъ какъ большинство изъ нихъ имѣетъ спеціальное значеніе. Остановлюсь только на общемъ значеніи этихъ изслѣдованій. Иглокожія и кишечнополостныя животныя (полипы, медузы и проч.) были соединены Кювье въ одинъ типъ животныхъ лучистыхъ, на основаніи лучистаго расположенія ихъ органовъ въ взросломъ состояніи. Въ 1848 году Лейкартомъ была впервые высказана мысль, что, несмотря на лучистое строеніе, иглокожія отличаются, однако, весьма существенно отъ медузъ и полиповъ большею сложностью своей организаціи и, главнымъ образомъ, тѣмъ, что у нихъ пищеварительная полость отдѣлена отъ общей полости тѣла, тогда какъ у медузъ и полиповъ эти полости слиты вмѣстѣ. Мысль, высказанная Лейкартомъ и осуществившаяся въ раздѣленіи типа лучистыхъ животныхъ на два типа: иглокожихъ (Echinodermata) и кишечнополостныхъ (Coelenterata), имѣла гораздо болѣе важное и общее значеніе, чѣмъ это кажется на первый взглядъ. Если полость

тѣла у иглокожихъ первоначально была соединена съ пищеварительною полостью и только впослѣдствіи отъ нея отдѣлилась, то такое же происхожденіе полости тѣла мы въ правѣ ожидать и у другихъ животныхъ. Такимъ образомъ, рѣшеніемъ этого вопроса относительно иглокожихъ разрѣшался вопросъ относительно этой чрезвычайно важной части тѣла всѣхъ животныхъ вообще. Далѣе, если вопросъ относительно происхожденія полости тѣла изъ пищеварительной полости будетъ рѣшенъ въ положительномъ смыслѣ, этимъ самымъ получается доказательство, что иглокожія, а вмѣстѣ съ ними и всѣ животныя, имѣющія полость тѣла, произошли отъ такихъ предковъ, у которыхъ полость тѣла составляла еще нераздѣльную часть пищеварительной полости, а, слѣдовательно, и функціонировала, какъ послѣдняя. Наконецъ, стѣнки полости тѣла представляютъ изъ себя источникъ для образованія ряда органовъ, какъ, напр., органы кровообращенія и выдѣленія, которыхъ у животныхъ, не имѣющихъ полости тѣла, нѣтъ. Слѣдовательно, появленіе полости тѣла въ животномъ организмѣ составляетъ уже само по себѣ большой прогрессъ въ строеніи его, а потому рѣшеніе вопроса о томъ, какимъ образомъ произошла полость тѣла, представляетъ глубокій интересъ для теоріи эволюціи животныхъ. Этотъ вопросъ можетъ быть рѣшенъ только путемъ изученія эмбріологіи животныхъ, снабженныхъ полостью тѣла, и сравненія съ строеніемъ такихъ животныхъ, у которыхъ полости тѣла нѣтъ. И. И. Мечниковъ совершенно правильно пришелъ къ рѣшенію этого важнаго вопроса, взявши объектами своего изслѣдованія съ одной стороны эмбріологію иглокожихъ, какъ животныхъ полостныхъ, и эмбріологію медузъ, какъ животныхъ, лишенныхъ полости тѣла. Появленіе работъ И. И., относящихся къ развитію этихъ двухъ типовъ животныхъ, было не одновременно; между его изслѣдованіями о развитіи иглокожихъ и затѣмъ надъ развитіемъ медузъ, гдѣ онъ дѣлаетъ окончательный выводъ о развитіи полости тѣла, прошло пять лѣтъ. Въ это время сдѣланы были изслѣдованія надъ образованіемъ полости тѣла у другихъ животныхъ, приводящія къ тому же выводу относительно происхожденія полости тѣла изъ пищеварительной полости, къ которому пришелъ Илья Ильичъ, и нисколько не умаляющія заслугъ его въ рѣшеніи этого вопроса, а, напротивъ, еще болѣе подкрѣпляющія ихъ значеніе. Онъ первый показалъ, что первичные зачатки полости тѣла и связанныхъ съ нею органовъ совершенно соотвѣтствуютъ трубчатымъ или мѣшковиднымъ отросткамъ пищеварительной полости кишечнополостныхъ животныхъ и образуются совершенно одинаково.

Занявшись работами Мечникова въ области развитія иглокожихъ и медузъ, мы отвлеклись нѣсколько отъ изслѣдованій его въ вопросѣ относительно зародышевыхъ листовъ у безпозвоночныхъ животныхъ. Илья Ильичъ былъ очень счастливъ въ выборѣ объекта для изслѣдованія по этому вопросу. Выборъ его палъ именно на развитіе зародыша скорпіона. Этотъ прекрасный, въ техническомъ отношеніи, матеріалъ далъ ему возможность вполнѣ точно и обстоятельно разрѣшить вопросъ относительно существованія зародышевыхъ листовъ у скорпіона и относительно образованія изъ нихъ органовъ по тому типу, который былъ найденъ у птицъ и млекопитающихъ. Онъ показалъ, что верхній зародышевый листъ даетъ у скорпіона начало нервной системѣ въ кожѣ, средній раздѣляется, какъ у позвоночныхъ, на отдѣльные, лежащіе другъ за другомъ парные первичные сегменты, соотвѣтствующіе таковымъ же позвоночныхъ животныхъ, а нижній превращается въ стѣнку кишечнаго канала. Одновременно и А. О. Ковалевскій опубликовалъ результаты своихъ изслѣдованій надъ развитіемъ червей и насѣкомыхъ, которые въ существенныхъ чертахъ совершенно совпадаютъ съ результатами изслѣдованій И. И. надъ скорпіономъ. Такимъ образомъ, разрѣшена была нашими учеными одна изъ величайшихъ проблемъ эмбріологіи и морфологіи, доказанъ былъ общій для всѣхъ животныхъ законъ развитія животнаго организма, открытіе котораго имѣло громадное значеніе для теоріи эволюціи животнаго міра.

Въ концѣ семидесятыхъ и началѣ восьмидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія направленіе научной дѣятельности Ильи Ильича измѣняется. Въ это время изъ-подъ его пера выходитъ мало эмбріологическихъ работъ; изслѣдованія его направляются теперь въ область физіологіи. Въ концѣ семидесятыхъ годовъ онъ публикуетъ рядъ работъ надъ внутриклѣтнымъ пищевареніемъ, которыя вскорѣ приводятъ его къ вопросамъ о борьбѣ организма съ болѣзнетворными началами, т.-е. въ область, пограничную между біологіей и медициной. Такой переходъ отъ вопросовъ эволюціи, гдѣ И. И. пріобрѣлъ себѣ громкое имя, къ вопросамъ патологіи кажется на первый взглядъ большимъ и и мало обоснованнымъ скачкомъ. Между тѣмъ этотъ переходъ есть строго-логическое слѣдствіе одной и той же идеи, вытекающей изъ результатовъ ряда эмбріологическихъ работъ, публикованныхъ прежде И. И. Чтобы выяснить послѣдовательность хода его идей, приведшихъ къ перемѣнѣ направленія его научныхъ изслѣдованій, мы должны сдѣлать маленькое отступленіе.

Въ началѣ семидесятыхъ годовъ Геккель опубликовалъ свою теорію гастреа, надѣлавшую много шума среди зоологовъ. Въ этой теоріи онъ старается найти общую родоначальную форму для всѣхъ многоклѣтныхъ животныхъ (т.-е. всѣхъ животныхъ, за исключеніемъ одноклѣтныхъ простѣйшихъ) въ гипотетической, довольно просто организованной формѣ, имѣющей видъ чашки или бокала съ двойными стѣнками. Наружная стѣнка этого гипотетическаго организма, названнаго имъ гастреей, будетъ представлять наружный покровъ и вмѣстѣ съ тѣмъ служить органомъ для воспріятія впечатлѣній изъ внѣшней среды; внутренній слой, одѣвающій непосредственно полость чашки, будетъ функціонировать какъ пищеварительный органъ, т.-е. заниматься перевариваньемъ и ассимиляціей пищи. Единственное отверстіе гастреа, открывающееся наружу, такъ наз. бластопоръ, служитъ одновременно для поступленія пищи въ пищеварительную полость, а также и для выхода непереваренныхъ пищевыхъ остатковъ наружу. Движеніе гастреа совершается при помощи мерцательныхъ рѣсничекъ, одѣвающихъ наружную поверхность такого примитивно устроеннаго организма. При всей простотѣ организаціи, гастреа имѣла все необходимое для того, чтобы совершать главныя функціи: питаніе, движеніе и воспринятіе внѣшнихъ ощущеній, а слѣдовательно, для того, чтобы жить и благоденствовать. Въ пользу Геккелевской теоріи гастреа говорили слѣдующія три обстоятельства. Во-1-хъ, то, что и въ настоящее время есть много животныхъ, похожихъ по своему строенію на гастреа. Это именно нашъ прѣсноводный полипъ, гидра, которая отличается отъ гастреа только тѣмъ, что имѣетъ кольцо щупальцевъ вокругъ ротового отверстія. Извѣстны однако организмы, вполнѣ сходные съ гидрой по своей организаціи и не имѣющіе щупальцевъ, это именно морская протогидра (Protohydra), найденная въ Сѣверномъ и Черномъ моряхъ, и еще болѣе сходная съ гастреей, чѣмъ гидра. Во-2-хъ, верхній и нижній слои тѣла гидры очень похожи по своему расположенію и своимъ функціямъ на верхній и нижній зародышевые листы у зародышей различныхъ животныхъ, на что еще до Геккеля указалъ Гексли. Слѣдовательно, становится вѣроятнымъ, что гастреа оставила слѣды своей организаціи въ эмбріологіи животныхъ. Въ-3-хъ, изъ изслѣдованій А. О. Ковалевскаго и другихъ эмбріологовъ было извѣстно, что многія изъ многоклѣтныхъ животныхъ выходятъ изъ яйца въ формѣ, чрезвычайно похожей на гастреа, живутъ самостоятельно въ морѣ и тамъ же, развиваясь дальше, превращаются въ гораздо выше организованныхъ жи-

вотныхъ. Это обстоятельство и послужило Геккелю основаніемъ для его теоріи. При всей кажущейся обоснованности теоріи гастреа, она однако не безупречна. Противъ нея могли быть сдѣланы возраженія, и одно изъ главныхъ заключается въ томъ: нѣтъ ли такихъ животныхъ, которыя рождаются въ видѣ личинокъ еще болѣе простыхъ, чѣмъ гастреа, которыя не имѣютъ пищеварительной полости и впослѣдствіи превращаются въ гастреаобразный организмъ? Тогда, конечно, значеніе гастреа, какъ первичной родоначальной формы всѣхъ многоклѣтныхъ животныхъ, теряетъ свою силу. Мечниковъ въ своихъ изслѣдованіяхъ надъ развитіемъ низшихъ многоклѣтныхъ животныхъ, гидроидныхъ полиповъ и медузъ, нашелъ цѣлый рядъ примѣровъ, гдѣ личинка рождается не въ видѣ гастреа, а въ видѣ гораздо ниже организованнаго существа, не имѣющаго еще пищеварительной полости и только впослѣдствіи получающаго его, превращаясь въ гастреаобразную форму. Эти факты тѣмъ болѣе цѣнны, что они относятся къ низшимъ многоклѣтнымъ организмамъ, въ развитіи которыхъ мы въ правѣ ожидать сохраненія архаическихъ родоначальныхъ формъ, черезъ которыя прошла ихъ эволюція. Если толковать эти случаи какъ выраженіе въ эмбріологіи исторіи эволюціи, то надо заключить, что раньше гастреа существовала другая родоначальная форма, которая при дальнѣйшемъ ходѣ эволюціи превращалась въ гастреа. Если же гастреа произошла отъ другого проще организованнаго организма, также способнаго къ самостоятельной жизни, то она не можетъ претендовать на роль первичнаго родоначальника многоклѣтныхъ организмовъ, а должна уступить это мѣсто болѣе примитивной формѣ, не имѣвшей еще пищеварительной полости. Такая форма, согласно изслѣдованіямъ Мечникова, должна была имѣть вмѣсто пищеварительной полости плотную клѣточную массу, паренхиму, и названа имъ паренхимулой. Физіологически паренхима этой формы должна исполнять функціи пищеварительнаго органа, т.-е. должна была принимать пищу и переваривать ее. Нѣтъ никакого основанія предполагать, чтобы такая безкишечная родоначальная форма многоклѣтныхъ животныхъ питалась исключительно жидкостью, морскою водою, эндосмотическимъ путемъ. Гораздо вѣроятнѣе предположить, что она, какъ и всѣ живущіе теперь полипы и медузы, могла питаться и твердою пищею, т.-е. микроскопическими животными, суспендированными въ морской водѣ. Питаніе твердыми веществами, при наличности пищеварительной полости, какъ у гастреа, совершается просто, такъ какъ пища попадаетъ въ пи-

щеварительную полость съ водою и тамъ переваривается при помощи пищеварительныхъ соковъ. При отсутствіи пищеварительной полости, надо предположить, что перевариваніе питательныхъ веществъ должно совершаться внутри самыхъ клѣтокъ паренхимы, которая представляетъ пищеварительный органъ. Отсюда возникаетъ вопросъ: могутъ ли сами клѣтки паренхимы схватывать твердыя пищевыя вещества и переваривать ихъ внутри себя? Перевариваніе твердыхъ веществъ одноклѣтными организмами, напримѣръ инфузоріями, амебами и проч., не подлежитъ давно никакому сомнѣнію. Возможность же внутриклѣтнаго пищеваренія у многоклѣтныхъ организмовъ надо было еще доказать, и И. И. принялся за изслѣдованіе этого вопроса.

Между червями есть интересная группа, у которыхъ пищеварительная полость заполнена клѣтками, паренхимой. Это такъ наз. безкишечные рѣсничные черви. Къ изслѣдованію этихъ животныхъ обратился И. И. Мечниковъ. Онъ показалъ, что не только у лишенныхъ пищеварительной полости рѣсничныхъ червей клѣтки паренхимы способны принимать и переваривать твердую пищу (напр. червей, мелкихъ раковъ и проч.), но что и у болѣе совершенныхъ, снабженныхъ пищеварительною полостью, клѣтки пищеварительнаго канала способны также переваривать твердыя вещества. Это открытіе произвело большую сенсацію. До тѣхъ поръ физіологи привыкли думать, что перевариваніе пищи совершается при помощи пищеварительныхъ соковъ, которые обрабатываютъ ее химически и превращаютъ въ состояніе, удобное для всасыванія. Клѣтки пищеварительнаго канала играютъ при этомъ роль железъ, выдѣляющихъ пищеварительные соки, или органовъ, проводящихъ жидкую обработанную пищу въ лимфатическіе сосуды. Оказалось, однако, что для перевариванія твердыхъ пищевыхъ веществъ вовсе нѣтъ необходимости въ выдѣленіи клѣтками пищеварительныхъ соковъ, снабженныхъ ферментами для химической обработки, а что твердыя вещества могутъ быть непосредственно переварены внутри самихъ клѣтокъ. Разумѣется, для этой цѣли внутри самихъ переваривающихъ клѣтокъ образуются вещества, служащія для химической обработки, но эти вещества не выдѣляются въ видѣ пищеварительныхъ соковъ въ кишечную полость, а остаются въ самыхъ клѣткахъ и тамъ функціонируютъ. Расширяя кругъ своихъ изслѣдованій надъ внутриклѣтнымъ пищевареніемъ и привлекая, какъ объектъ изслѣдованія, и другіе классы животныхъ, И. И. показалъ, что внутриклѣтное пищевареніе распространено гораздо шире, чѣмъ это можно было думать сна-

чала, что существуютъ такія животныя, какъ, напр., полипы, у которыхъ, при наличности пищеварительной полости, все-таки не выдѣляются пищеварительные соки, а пищевареніе имѣетъ характеръ внутриклѣтнаго. Всѣ эти факты доказали, что вовсе нѣтъ необходимости, чтобы первичная родоначальная форма многоклѣтныхъ животныхъ непремѣнно была бы снабжена пищеварительною полостью. Она могла совершенно свободно обходиться безъ такой роскоши, имѣя только внутри паренхимныя клѣтки, обладающія способностью къ внутриклѣтному пищеваренію.

Но, кромѣ того, факты, добытые Мечниковымъ при его изслѣдованіяхъ, ведутъ и къ другимъ важнымъ заключеніямъ. Оказалось, что къ внутриклѣтному пищеваренію приспособлены не только клѣтки пищеварительной полости, но и другія, амебообразно подвижныя клѣтки, лежащія внѣ этой полости. У губокъ эти блуждающія клѣтки внѣдряются между пищеварительными клѣтками, схватываютъ изъ пищеварительной полости твердыя пищевыя частички, поглощаютъ ихъ, перевариваютъ и отправляются, насытившись, на свое прежнее мѣсто. Изслѣдуя внутриклѣтное пищевареніе амебоидныхъ клѣтокъ у позвоночныхъ животныхъ, онъ встрѣтился съ другимъ въ высшей степени интереснымъ явленіемъ, имѣющимъ громадное вліяніе на ходъ его дальнѣйшихъ научныхъ изслѣдованій. Изъ своихъ наблюденій надъ превращеніемъ лягушекъ онъ убѣдился въ томъ, что амебоидныя клѣтки поѣдаютъ отмирающія части организма.

Извѣстно, что лягушки рождаются изъ яйца въ видѣ рыбообразныхъ личинокъ безногихъ, снабженныхъ хвостомъ, играющимъ роль органа движенія, и дышащихъ жабрами. Эти личинки, послѣ образованія ногъ, начинаютъ превращаться, при чемъ теряютъ хвостъ и жабры. Хвостъ лягушки имѣетъ очень сложное строеніе; въ немъ находятся мускулы, скелетъ, нервная система, кровеносные сосуды. Когда хвостъ при превращеніи начинаетъ исчезать, всѣ эти органы разрушаются. Они распадаются на отдѣльные элементы, которые мало-по-малу исчезаютъ. Какъ происходитъ это исчезаніе? Обыкновенно думали, что остатки этихъ элементовъ мало-по-малу всасываются кровью и затѣмъ выдѣляются изъ организма выдѣлительными органами. Наблюденія И. И. показали, что здѣсь удаленіе продуктовъ разрушенія органовъ происходитъ путемъ поѣданія ихъ амебообразными клѣтками. Эти клѣтки облекаютъ мало-по-малу куски распавшихся мускуловъ; послѣдніе теряютъ свою структуру, уменьшаются въ объемѣ и превращаются въ маленькія

капельки, похожія на жировыя, внутри амебообразныхъ клѣтокъ. Подобнымъ же образомъ удаляются при помощи амебообразныхъ клѣтокъ, которыхъ И. И. назвалъ фагоцитами, и другіе элементы разрушающихся тканей хвоста: нервной системы, кровеносныхъ сосудовъ и проч.

Превращеніе животныхъ вообще связано большею частью съ разрушеніемъ старыхъ элементовъ личинки и созиданіемъ новыхъ, изъ которыхъ строится обновленный организмъ, способный достигать окончательнаго развитія. Лучшимъ примѣромъ такого полнаго обновленія организма могутъ служить насѣкомыя, у которыхъ при переходѣ личинки въ куколку разрушаются почти всѣ личиночные органы, а на ихъ мѣстѣ возникаютъ изъ особыхъ зачатковъ свѣжей, живой ткани новые органы, совершенно непохожіе на личиночные, какъ сама личинка не похожа на взрослое крылатое насѣкомое. Это явленіе обновленія организма вообще распространено въ жизни каждаго организма, даже и такого, гдѣ превращеніе не выражено въ ясной формѣ. Вездѣ происходитъ отмираніе старой, изжившей ткани и замѣна ея новой, болѣе жизненной. Всегда, слѣдовательно, образуется множество продуктовъ разрушенія тканей, отмершихъ остатковъ ея, которые могутъ служить источникомъ зараженія организма, если они своевременно не будутъ удалены изъ него. Въ этомъ процессѣ удаленія существенную роль играютъ фагоциты, которые принимаютъ на себя обязанности санитаровъ.

Отъ этихъ фактовъ прямой и естественный переходъ къ выводамъ относительно роли, которую играютъ фагоциты въ борьбѣ организма съ болѣзнетворными началами, къ созданію «фагоцитарной теоріи», развитію которой И. И. посвятилъ бо́льшую часть своей ученой дѣятельности. Вѣдь, если фагоциты могутъ поѣдать отмершіе элементы тканей превращающагося животнаго, если они могутъ пожирать захваченные ими живые организмы, то, разумѣется, они могутъ справляться тѣмъ же путемъ и съ болѣзнетворными мелкими организмами, попадающими въ тѣло животнаго. Это поѣданіе микроорганизмовъ, причиняющихъ такую громадную массу болѣзней высшимъ организмамъ (о низшихъ мы въ этомъ отношеніи знаемъ, къ сожалѣнію, очень мало), есть прямое слѣдствіе способности клѣтокъ къ внутриклѣтному пищеваренію.

Въ 1883 году, на съѣздѣ русскихъ естествоиспытателей и врачей въ Одессѣ, И. И. Мечниковъ произнесъ рѣчь «о цѣлеб-

ныхъ силахъ организма»[1]), составляющую, какъ онъ самъ выражается, первый зачатокъ «теоріи фагоцитовъ». «Семь лѣтъ усиленной работы», говоритъ онъ, «было употреблено на утвержденіе устоевъ новаго ученія и на опроверженіе многочисленныхъ возраженій, сдѣланныхъ противъ него. (Сорокъ лѣтъ и проч., стр. 25). Эти годы усиленной работы совпали съ громаднымъ прогрессомъ въ научной медицинѣ, обусловленнымъ открытіемъ патогенныхъ бактерій, возбудителей заразныхъ болѣзней. Это время можетъ быть съ полнымъ правомъ разсматриваемо, какъ эпоха въ медицинѣ вообще и въ частности въ ученіи о заразныхъ болѣзняхъ. Правда, открытія того времени были подготовлены работами предыдущихъ годовъ, но никогда они не были такъ многочисленны, какъ теперь. Въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ вполнѣ установилось ученіе, что заразныя болѣзни причиняются проникновеніемъ въ организмъ болѣзнетворныхъ мелкихъ организмовъ, на подобіе того, какъ многія извѣстныя въ то время паразитныя болѣзни причиняются глистами. Въ томъ и другомъ случаѣ, мы имѣемъ дѣло съ животными или растительными паразитами, въ одномъ случаѣ сравнительно большими, въ другомъ — микроскопически малыми, но во всякомъ случаѣ съ живыми существами, а не съ химическими ядовитыми веществами, противъ которыхъ долженъ бороться больной организмъ. Эта паразитарная теорія возбудителей болѣзней явилась какъ нельзя болѣе кстати для фагоцитарной теоріи борьбы организма съ болѣзнями. Покуда возбудителями болѣзней считались химическія вещества, распространенныя въ воздухѣ и попадающія въ кровь или пищеварительные и дыхательные органы, надо было предположить, что борьба организма съ этими возбудителями болѣзней происходила также при помощи какихъ-нибудь противодѣйствующихъ этимъ ядовитымъ веществамъ химическихъ продуктовъ организма. Какъ только сдѣлалось очевиднымъ, что причина заразныхъ болѣзней лежитъ въ микроорганизмахъ, а съ другой стороны показано было Мечниковымъ, что фагоциты имѣютъ способность бороться съ посторонними тѣлами, попадающими въ организмъ, поѣдая ихъ, фагоцитарная теорія получила громадные шансы въ свою пользу. Надо было доказать, что фагоциты могутъ поѣдать болѣзнетворные организмы, надо было воочію убѣдиться, что фагоциты реагируютъ на появленіе въ организмѣ этихъ чуждыхъ элементовъ. Такое доказательство

---

[1]) Эта рѣчь напечатана вновь въ его книгѣ „Сорокъ лѣтъ исканія раціональнаго міровоззрѣнія“. 2-е изд., стр. 226—286.

представляло довольно трудную задачу, когда дѣло шло о болѣзняхъ высшихъ животныхъ, очень сложно устроенныхъ для того, чтобы у нихъ можно было прослѣдить, съ одной стороны, судьбу микроорганизмовъ, а, съ другой, дѣятельность фагоцитовъ. Надо было упростить задачу и взять объектомъ изслѣдованія маленькихъ и прозрачныхъ животныхъ, на которыхъ можно было подъ микроскопомъ прослѣдить фагоцитозъ и его результаты, удаленіе болѣзнетворныхъ микроорганизмовъ.

Илья Ильичъ былъ совершенно правъ, избравъ именно этотъ путь изслѣдованія дѣятельности фагоцитовъ. Для того, чтобы разрѣшить вопросъ, какъ поступаютъ амебообразныя клѣтки организма, фагоциты, по отношенію къ постороннему тѣлу, напр. занозѣ, онъ произвелъ опыты надъ личинками морскихъ звѣздъ. Въ тѣло такой прозрачной, какъ стекло личинки онъ вводилъ тончайшую стеклянную иголку и обламывалъ ее, такъ что она осталась совершенно погруженною въ полости тѣла личинки, заключающей множество амебообразныхъ клѣтокъ, ясно видныхъ подъ микроскопомъ. Благодаря прозрачности объекта можно подробно прослѣдить реакцію организма на раздраженіе введеннаго въ него посторонняго предмета. Эта реакція выражается въ движеніи массы амебоидныхъ клѣтокъ къ раздражителю, который совершенно обволакивается ими. Справиться съ стеклянной иглой онѣ, конечно, не въ состояніи, но движеніе ихъ въ сторону раздражителя не можетъ быть истолковано иначе, какъ въ смыслѣ намѣренія его уничтожить. Если бы онъ былъ съѣдобенъ, онѣ бы его съѣли. Доказательствомъ этому служатъ сдѣланныя И. И. наблюденія надъ естественнымъ зараженіемъ одного маленькаго прѣсноводнаго рака, Daphnia magna, также очень прозрачнаго и удобнаго для изслѣдованія. Этотъ маленькій рачекъ заболѣваетъ инфекціонною болѣзнью, проглатывая споры грибка, называемаго Monospora bicuspidata. Громадныя, — относительно конечно,—игольчатыя споры этого грибка проходятъ черезъ стѣнки пищеварительнаго канала рака въ его полость тѣла, содержащую, какъ и у личинокъ морской звѣзды, большое количество фагоцитовъ. Подобно тому, какъ въ экспериментахъ надъ личинками морскихъ звѣздъ, фагоциты устремляются массами къ спорамъ грибка и нападаютъ на нихъ; въ этомъ случаѣ борьба между обоими врагами идетъ успѣшнѣе, чѣмъ въ тѣлѣ личинокъ морскихъ звѣздъ. Фагоциты поѣдаютъ споры и переваривaютъ ихъ. Чѣмъ больше споръ, тѣмъ энергичнѣе дѣятельность фагоцитовъ, притекающихъ все въ большемъ и большемъ количествѣ. Если численное количество фагоцитовъ

превышаетъ количество споръ, побѣда остается на ихъ сторонѣ и дафнія выздоравливаетъ; если эта борьба не по силамъ для фагоцитовъ, если они не могутъ справиться съ спорами грибка, нетронутыя споры остаются живы, прорастаютъ въ грибки, которые въ концѣ концовъ убиваютъ дафнію.

Назидательная картина, которую мы видимъ въ борьбѣ фагоцитовъ дафніи съ болѣзнетворными спорами, повторяется, конечно, у всѣхъ животныхъ послѣ зараженія ихъ микробами. Разумѣется, мы не можемъ прослѣдить всего этого процесса состязанія защитныхъ элементовъ организма съ паразитами на высшихъ большихъ и непрозрачныхъ животныхъ съ такою полнотою, съ какой онъ былъ прослѣженъ у маленькихъ и прозрачныхъ дафній. Это показываетъ, до какой степени важенъ сравнительный методъ изученія біологическихъ явленій и какъ важно при изученіи этихъ явленій искать подходящихъ и удобныхъ объектовъ среди животныхъ, кажущихся на первый взглядъ далеко отстоящими отъ высшихъ животныхъ и человѣка. Элементарные біологическіе процессы по существу совершаются вездѣ въ общихъ чертахъ одинаково, независимо отъ степени организаціи животнаго, отличаясь только большею или меньшею сложностью. Можно пожалѣть, что при рѣшеніи такихъ вопросовъ, какъ напр. фагоцитозъ (а подобныхъ общихъ біологическихъ вопросовъ не мало), физіологи и патологи рѣдко обращаются къ сравнительному методу изслѣдованія, ограничивая кругъ объектовъ своего изслѣдованія сравнительно малымъ числомъ животныхъ, издавна излюбленныхъ ими и служащихъ для подобныхъ экспериментовъ, какъ кроликъ, собака, морская свинка и лягушка.

Явленія фагоцитоза, изученныя И. И. Мечниковымъ надъ мелкими и прозрачными животными, привели его непосредственно къ очень интереснымъ и новымъ взглядамъ на воспаленіе. Втыкая стеклянную иголочку въ тѣло личинки морской звѣзды, мы дѣлаемъ въ ней занозу такую же, какъ дѣлаетъ случайно попавшая къ намъ подъ кожу острая иголка. Реакція организма на раздраженіе этимъ постороннимъ предметомъ должна въ обоихъ случаяхъ быть одинакова. Попавшая подъ кожу игла вызываетъ воспаленіе, за которымъ можетъ послѣдовать нагноеніе. Мы видѣли, что реакція организма личинки морской звѣзды выражается въ притокѣ фагоцитовъ къ раздражителю; этотъ притокъ не вызываетъ тамъ воспалительнаго процесса потому, что у личинки нѣтъ еще ни кровеносныхъ сосудовъ, ни крови. У высшихъ животныхъ, снабженныхъ кровеносными сосудами, является,

кромѣ притока фагоцитовъ, еще и притокъ крови, который обусловливаетъ собою главные симптомы воспаленія. Главная же суть въ томъ и другомъ случаѣ является одна и та же: притокъ фагоцитовъ, совершенно цѣлесообразный, стремящійся уничтожить раздражителя. Прежніе взгляды на воспаленіе, правда, довольно несогласные другъ съ другомъ, были противоположны взглядамъ И. И., и ему пришлось вынести довольно ожесточенную борьбу для защиты своей теоріи, которая, кстати сказать, своею ясностью, логичностью и естественностью сразу подкупаетъ въ свою пользу.

Еще большую борьбу пришлось ему выдержать при защитѣ фагоцитарной теоріи. Эта борьба обострилась еще тѣмъ обстоятельствомъ, что противоположная его теоріи гуморальная теорія, основывающаяся на цѣлительномъ свойствѣ химическихъ веществъ, находящихся въ сывороткѣ, завоевала себѣ довольно прочное мѣсто практическимъ примѣненіемъ (серотерапія). Борьба за фагоцитарную теорію продолжалась болѣе 20 лѣтъ. Она была плодотворна въ научномъ отношеніи, такъ какъ вызвала богатую научную литературу и обогатила науку множествомъ цѣнныхъ изслѣдованій. Я не могу здѣсь входить въ разсмотрѣніе спеціальной литературы, тѣмъ болѣе, что каждый, желающій подробно ознакомиться съ положеніемъ дѣла, можетъ сдѣлать это, прочитавъ изложеніе сущности работъ, сдѣланныхъ какъ въ лабораторіи Мечникова, такъ и въ лабораторіяхъ ученыхъ, придерживающихся противоположнаго мнѣнія, въ прекрасномъ руководствѣ «Медицинская микробіологія», составленномъ русскими учеными. Скажу только, что споръ изъ-за фагоцитарной теоріи кончился въ пользу ея, при чемъ были выяснены многія интересныя подробности явленій фагоцитоза. Оказалось, что въ кровяной сывороткѣ существуютъ тѣла, помогающія дѣятельности фагоцитовъ, подготовляющія микробовъ къ болѣе легкому поглощенію ихъ фагоцитами.

Этимъ я кончу обзоръ научной дѣятельности И. И. Мечникова. Я совершенно сознаю, что онъ представляетъ далеко не полный очеркъ этой дѣятельности. Во многія подробности изложенныхъ изслѣдованій я не могъ входить, потому что онѣ спеціальны; многихъ работъ И. И., напр. работъ о старости, о флорѣ нашего тѣла и друг., я не касался здѣсь, такъ какъ всѣ эти работы изданы въ книгахъ, упомянутыхъ выше, и мастерски изложены для публики самимъ авторомъ.

Часто приходится слышать сожалѣніе о томъ, что И. И. въ расцвѣтѣ своей научной дѣятельности покинулъ Россію

и переѣхалъ въ Парижъ, гдѣ проработалъ большую половину своей рабочей жизни. Къ этому сожалѣнію присоединится всякій, кто дорожитъ процвѣтаніемъ науки въ Россіи. Если мы примемъ, однако, во вниманіе, какая масса русскихъ работала въ лабораторіи И. И. Мечникова въ Парижѣ подъ его руководствомъ, при такой совершенной лабораторной обстановкѣ, которой у насъ въ Россіи нѣтъ, то можемъ утѣшить себя, что эта дѣятельность Ильи Ильича, внѣ нашей родины, оказала громадную пользу для процвѣтанія науки въ Россіи.

В. Заленскій.

РИЧАРДЪ ФЕРЛОНГЪ.

Темпля Сёрстона.

(Окончаніе) [1]).

ЧАСТЬ III-я.

I.

М-ръ Ниббсъ положительно проявилъ знаніе женщинъ, утверждая, что Констанція будетъ дѣятельной поддержкой для Дикки. Дѣйствительно, со дня ихъ переселенія на Квинъ-стритъ Дикки быстро подвигался впередъ, все ближе къ успѣху. И хотя Констанція ничего не понимала въ живописи и не могла ни оцѣнить, ни разобраться въ тонкостяхъ и деталяхъ, тѣмъ не менѣе въ ея животворной любви было что-то, поддерживавшее въ немъ стремленіе къ совершенствованію.

Каждыя нѣсколько недѣль въ витринѣ м-ра Ниббса появлялась новая гравюра въ краскахъ Ричарда Ферлонга. Изъ нихъ кое-что было скопировано. Но нѣкоторые оригиналы—увы—пропали. Особенно жаль одного, въ которомъ широта размаха удивительно тонко сочеталась съ изяществомъ отдѣлки. Вещь была проста по замыслу, несложна по трактовкѣ, но результатъ получился рѣдкій по декоративности.

Дикки все еще былъ вѣренъ своему Гринвичу, но не меньше онъ любилъ и Ковентъ-Гарденъ, гдѣ онъ съ Констанціей провелъ столько счастливыхъ дней. И та гравюра, оригиналъ которой, рѣзанный по дереву, утерялся, представляла собою этюдъ рынка въ Ковентъ-Гарденѣ. Ослѣпительно-яркій лѣтній день,

---

[1]) См. апр., стр. 162.

рѣзкія линіи тѣней на солнцѣ и фигура толстой старой женщины, едва обозначенная подъ гигантскимъ шатромъ большого холщеваго зонта. Рядомъ съ ней горы фруктовъ, ярко блещущихъ въ свѣту. Кучи красныхъ и желтыхъ пятенъ пестро оттѣнялись на густо-зеленомъ фонѣ подъ навѣсомъ, гдѣ старая торговка дремала, сложивъ руки на колѣняхъ. Таковъ былъ сюжетъ.

М-ръ Ниббсъ продалъ собственную репродукцію Дикки, а самъ скопировать этой вещи не умѣлъ. Такъ она и осталась единственной репродукціей. По какой-то странной случайности, благодаря недосмотру, раскрашенная доска попала въ руки м-съ Бизли. Она показала ее своей пріятельницѣ, м-съ Куперъ.

— Видите, вотъ это онъ мастеритъ, когда наверху начинается стукотня. Небось, когда запищитъ маленькій, пропадетъ охота баловаться самому! да и *она* не позволитъ.

М-съ Куперъ поглядѣла на доску и спросила у м-съ Бизли, что́ это такое по ея мнѣнію.

— Что́ же оно можетъ быть? Не иначе, какъ игрушка для дѣтей,—заявила м-съ Бизли.—А, можетъ, и вправду у *нея* скоро будетъ ребенокъ, и это для него готовится забава. Но только больно это рано. Стоило тратить время! Какъ-ни-какъ, а имъ не очень-то нужна эта штука, разъ бросили ее такъ.

И м-съ Бизли, нисколько не смущаясь, подбросила доску подъ плиту, чтобы разогрѣть обѣдъ своему мужу.

Такова была судьба гравюры Дикки, характерно для него названной «Іюль». Лѣтній зной и истома, солнце и тѣнь—всё чувствовалось здѣсь, въ этой неуклюжей, дремлющей фигурѣ подъ зонтикомъ. Глядя на нее, вы начинали даже ощущать томительную жажду и отъ одного вида горки апельсинъ у васъ готовы были течь слюнки.

У Дикки не было желанія сдѣлать вновь эту гравюру. Невозможно художнику повторить самого себя, если вещь вылилась прямо изъ души, и такимъ образомъ «Іюль» остался въ воспоминаніи только тѣхъ немногихъ людей, которые видѣли его.

Еще цѣлыхъ два года бился Дикки, продавая изрѣдка этюдъ или гравюру и упорно работая и совершенствуясь, пока онъ, наконецъ, добился признанія. И все это время Констанція брала ангажементы въ различныхъ мюзикъ-холлахъ и своимъ заработкомъ поддерживала ихъ скромную жизнь.

Все-таки въ тѣ дни на Квинъ-стритѣ, № 12, жизнь была похожа на волшебную сказку.

Когда, какъ въ сказкѣ, происходило чудо—а чудеса въ сказкѣ обязательно случаются—и Дикки неожиданно для себя продавалъ картину или получалъ заказъ, тогда наступали восхитительные дни: Дикки съ Констанціей уѣзжали куда-нибудь за городъ, безцѣльно бродили по лѣсамъ и доламъ, и въ сердцѣ Дика вновь трепетали струны, замолкнувшія съ тѣхъ поръ, когда еще жива была его мать и когда весь міръ былъ полонъ для него чудесъ.

Во время этихъ прогулокъ онъ плѣнялъ Констанцію даже больше, чѣмъ тогда, въ день памятной прогулки въ Кью. Она совсѣмъ не знала полевыхъ и лѣсныхъ птицъ—ей знакомы были только тѣ жалкія, безголосыя пичужки, которыя коротаютъ свой вѣкъ на закопченныхъ крышахъ Дрюри-Лэна. Но Дикки зналъ ихъ всѣхъ по именамъ, разсказывалъ о нихъ разныя исторіи и умѣлъ насвистывать, подражая ихъ голосамъ.

Однажды они цѣлый часъ просидѣли, наблюдая жизнь муравейника—съ его солдатами, часовыми, ремесленниками, ворами и пр. Констанціи никогда еще не приходилось этого видѣть, и она съ жаднымъ любопытствомъ и изумленіемъ слушала разсказъ Дикки объ этихъ маленькихъ работникахъ и строителяхъ городовъ.

Когда онъ окончилъ, она шепнула ему:

— Не надо еще завтра возвращаться домой, милый. Мы опять придемъ сюда. Я хочу еще послушать. Какъ это все удивительно у тебя выходитъ, Дикки! Ты самъ—чудесный, удивительный. Что́-бы я дѣлала, если бъ не встрѣтила тебя? Вѣдь, тогда ничего бы этого не было... Ничего...

— Будетъ ли всегда такъ чудесно?—спросилъ онъ задумчиво.

— Всегда, всегда,—отвѣтила она.

Чтобы позабавить Констанцію, Дикки сталъ ей разсказывать разныя исторіи о птицахъ, сочиняя ихъ такъ, какъ-будто онѣ—люди. Онъ увѣрялъ, напримѣръ, что трясогузка—прачка, черный дроздъ—докторъ, который облетаетъ своихъ паціентовъ, а малиновка—пѣвица изъ тѣхъ, что ходятъ по дворамъ, поютъ и собираютъ деньги. И онъ показалъ ей одну: она сидѣла въ кустѣ тёрна и заливалась громкой пѣсней во славу заходящаго солнца.

— Она поетъ по приглашенію доктора,—сказалъ Дикки,—завтра изъ яицъ должны вылупиться птенцы, и онъ хочетъ развлечь свою жену, чтобы она не слишкомъ волновалась.

Констанція стала вызывать Дикки на новые разсказы.

— А что это за птица?—спросила она, указывая на маленькую порхающую пташку.

— Это? бѣлогрудка.

— А она что дѣлаетъ?

— Она помогаетъ трясогузкѣ... Крахмалитъ воротнички. По три ягодки за дюжину.

Такой вздоръ, но такой очаровательный вздоръ! И главное, что за нимъ Дикки не забывалъ и о работѣ. Онъ всегда возвращался съ прогулокъ домой съ чѣмъ-нибудь законченнымъ. Онъ работалъ, а Констанція сидѣла рядомъ съ книгой или же лѣниво лежала, грѣясь на солнцѣ, и курила безчисленное количество папиросъ, пока имъ не наступало время возвращаться въ свое временное обиталище—деревенскую гостиницу, какую-нибудь «Лисицу» или «Перепутье».

Въ теченіе этихъ первыхъ двухъ лѣтъ, Констанція съ гордостью слѣдила за успѣхами Дикки. Она постепенно усвоила себѣ всякія критическія словечки, и онъ даже подчасъ совѣтовался съ ней о разныхъ вещахъ, которыхъ она, конечно, по существу не понимала. Но это поддерживало въ немъ всегда готовый разгорѣться интересъ, а ей страхъ за будущее не мѣшалъ поддерживать въ немъ упорную борьбу за свое искусство.

Однажды, почти черезъ годъ послѣ ихъ водворенія въ 12-мъ номерѣ на Квинъ-стритѣ, Дикки ушелъ изъ дому въ поискахъ сюжета для новой работы, а Констанція была занята чисткой ихъ маленькой коллекціи старой бронзы. Раздался вдругъ довольно робкій, но необычный стукъ въ дверь.

Констанція сидѣла на полу посреди комнаты, держа между колѣнъ подсвѣчникъ. Во рту у нея была папироса. Услышавъ стукъ, она вскочила на ноги, и подсвѣчникъ со звономъ покатился по полу. Конечно, это Дикки! Онъ уже продѣлывалъ нѣсколько разъ раньше такую штуку: стучалъ въ дверь торжественно, какъ чужой, и затѣмъ, когда она отворяла, спрашивалъ, здѣсь ли живетъ единственная въ мірѣ женщина. Констанція распахнула дверь: глаза ея загорѣлись радостью, руки были готовы къ объятію. Передъ ней стоялъ незнакомый пожилой господинъ въ мѣшковатомъ, провинціальной работы, пальто, кожаныхъ рейтузахъ и крѣпко сидящемъ на головѣ котелкѣ. Радость потухла въ глазахъ Констанціи, и руки повисли въ недоумѣніи. Но онъ успѣлъ замѣтить и, вѣроятно, понялъ смыслъ ея встрѣчи.

— М-ръ Ферлонгъ здѣсь живетъ?—спросилъ онъ.

— Да.

— А вы м-съ Ферлонгъ?

— Да.

Незнакомецъ снялъ шляпу и протянулъ ей руку.

— Я—отецъ Дикки,— сказалъ онъ.

У Констанціи отъ изумленія перехватило дыханіе. Колѣни у нея задрожали: зачѣмъ онъ пріѣхалъ? узналъ про нихъ? Для этого не было никакихъ основаній, но ее угнетало предчувствіе. Она чувствовала страхъ передъ старикомъ, а Дикки не было, чтобы помочь ей. Онъ сейчасъ разберетъ, что она невоспитана, что она простая, и увидитъ, какое безуміе было сыну жениться на ней. Но все-таки это еще лучше, чѣмъ если онъ узнаетъ правду! Вѣдь, у него нѣтъ любви, какъ у Дикки, чтобы сдѣлать его слѣпымъ ко всѣмъ ея недостаткамъ. Да и, вообще, онъ не знаетъ любви. Съ внезапно вспыхнувшимъ раздраженіемъ она вспомнила, что этотъ человѣкъ выгналъ Дикки изъ своего дома! И Констанція стояла, держа дверь и не приглашая его войти.

По ея полуиспуганной, полудемонстративной манерѣ старикъ понялъ, что Дикки ничего не скрылъ отъ нея. Теперь ни гордость, ни авторитетъ не могли помочь ему.

— Дикки нѣтъ дома?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ.

Отвѣтъ былъ рѣшительный, безъ всякихъ оговорокъ, ничѣмъ не смягченный. Но м-ру Ферлонгу все же представлялось, что, если бы ей было понятно все, она пожалѣла бы его.

— Когда вы ждете его?—спросилъ онъ.

— Такъ черезъ полчаса или около этого.

— Вы думали, что это онъ, когда я постучалъ, правда?

Она кивнула головой.

— Такъ нельзя ли мнѣ зайти и подождать немного? Завтра я уѣзжаю домой. А хотѣлось бы повидать Дикки.

Констанція раскрыла шире дверь и впустила его.

— Благодарствуйте,—сказалъ онъ, входя.

Тонъ у м-ра Ферлонга былъ дѣланно-легкій, добродушно-фамильярный, какъ-будто между ними не было и не могло быть никакого антагонизма. Ему казалось, что легче преодолѣть затрудненія, если игнорировать ихъ; онъ не принялъ во вниманіе того, что огонь легче затушить, когда дымъ ѣстъ глаза.

Приближалось время чаепитія. Констанція начала молча накрывать на столъ и разставлять старыя китайскія чашки,

которыя они купили для своего хозяйства. М-ръ Ферлонгъ тоже молча наблюдалъ за ней нѣсколько минутъ и думалъ, что она—та женщина, на которой Дикки женился, и что она имѣетъ больше вліянія на его сына, чѣмъ онъ самъ.

— Какъ же дѣла Дикки?—спросилъ онъ послѣ долгаго молчанія.

Констанція подняла голову и посмотрѣла на него.

— Прекрасно,—сказала она,—онъ будетъ большимъ художникомъ. Вы даже не подозрѣваете, какимъ!

Она говорила медленно, стараясь тщательно выговаривать каждое слово. Она видѣла, что м-ръ Ферлонгъ не спускаетъ съ нея глазъ и внимательно прислушивается. Ахъ, если бъ Дикки былъ здѣсь! Ей всегда казалось, что при немъ ея разговоръ не такъ ужъ выдаетъ ее.

— Откуда вы знаете, что онъ будетъ большимъ художникомъ?—съ улыбкой спросилъ м-ръ Ферлонгъ.

Въ его голосѣ не было ни рѣзкости, ни холодка, въ улыбкѣ не было ироніи, но все-таки щеки Констанціи горячо зардѣлись. Въ вопросѣ этомъ чувствовалось сомнѣніе,—сомнѣніе въ ея вѣрѣ, а вѣдь на ней она построила всю свою жизнь и ради нея пошла на жертву.

— Откуда знаю?— воскликнула она горячо, забывая на этотъ разъ о произношеніи и выговаривая слова по-привычному.— Погодите, я покажу вамъ, если вамъ хочется знать.

И Констанція стала одну за другой вынимать изъ шкафа гравюры Дикки и ставила ихъ въ тотъ уголъ, гдѣ, какъ она теперь знала, освѣщеніе было самое благопріятное. Самую красивую она вынула послѣдней. Она быстро усвоила себѣ такого рода маленькія хитрости.

— Вотъ поглядите эту,—говорила она, вынимая «Чистильщика», только-что вышедшаго изъ-подъ пресса и вставленнаго въ самую нарядную раму, какая имѣлась у Дикки.—Онъ назвалъ ее «Чистильщикъ». Это, знаете, такая землечерпалка, на Темзѣ.

И это говорила Констанція, никогда въ своей жизни раньше не слыхавшая о существованіи какихъ-то землечерпалокъ.

— М-ръ Ниббсъ, который торгуетъ картинами, говоритъ, что это такая вещь, которая всегда останется въ цѣнѣ. Оттого онъ и будетъ большимъ художникомъ, что эта картина будетъ продаваться еще, когда насъ всѣхъ уже на кладбище снесутъ.

Эта гравюра по дереву въ краскахъ. Вы знаете, что́ это такое?

Онъ покачалъ головой. Констанція торжествовала. Борьба была неравная: м-ръ Ферлонгъ чувствовалъ себя въ чужой области и всѣми силами старался найти себя и перевести вопросъ на знакомую почву.

— Вотъ видите,—продолжала оживленно Констанція,—все это онъ вырѣзываетъ на деревѣ... сначала одну доску, потомъ другую, затѣмъ отпечатываетъ ихъ на бумагу разноцвѣтными чернилами. Вы бы и не подумали, что это напечатано, правда? И то Дикки своего пресса не имѣетъ, а долженъ каждый разъ ходить на курсы, когда ему надо печатать. Вы всегда думали, что онъ не умѣетъ работать? Работать? Онъ какъ засядетъ, такъ потомъ спины не разогнетъ, а если бъ онъ одними пальцами работалъ, такъ, право, стеръ бы ихъ до костей.

М-ръ Ферлонгъ сидѣлъ и смотрѣлъ на «Чистильщика». Въ глубинѣ души онъ вполнѣ сознавалъ, что вещь стоитъ выше его сужденія, но все-таки онъ старался собрать всѣ свои художественныя крохи и найти какой-нибудь недостатокъ въ картинѣ, чтобы было чѣмъ прикрыть свое невѣжество.

— А все-таки,—произнесъ онъ,—мнѣ кажется, что онъ не долженъ былъ дѣлать это судно такимъ темнымъ, противъ всего остального.

Констанція сразу выступила въ защиту Дикки.

— Вотъ пошли бы вы въ Гринвичъ и посмотрѣли сами,—заявила она.—Тамъ онъ его списалъ. Готова держать пари на что́ угодно, что онъ бы васъ такъ же ошеломилъ, какъ и этотъ. Вотъ на-дняхъ пришелъ одинъ господинъ къ м-ру Ниббсу и купилъ Диккину картину... это тотъ самый, что́ и первую купилъ, самую первую! Знаете, что́ онъ сказалъ?

М-ръ Ферлонгъ отрицательно покачалъ головой.

— Онъ сказалъ: «Этотъ юноша»,—говоритъ,—«видитъ яснѣе, чѣмъ многіе художники, съ которыми у насъ въ Англіи носятся». Замѣтьте, такъ онъ и сказалъ—у насъ въ Англіи, а не просто въ Лондонѣ! «Когда онъ овладѣетъ техникой»,—такъ онъ еще сказалъ,—«онъ себя покажетъ!» А одинъ торговецъ... изъ настоящихъ, которые на Бондъ-стритѣ теперь, хочетъ взять работы Дикки. Хочетъ законтрактовать его на три года! Но м-ръ Ниббсъ не совѣтуетъ. «Можете продать имъ»,—говоритъ,—«картину, или двѣ, но, ради Бога, не связывайте себя!» И Дикки не согласился, хотя предлагаютъ по 150 фунтовъ въ годъ на три года, чтобы отдавать имъ все.

— А сколько платятъ ему за отдѣльныя картины?

— Отдѣльно они не берутъ. Требуютъ, чтобы онъ обязался поставлять только имъ. Но они будутъ брать! М-ръ Ниббсъ говоритъ, что будутъ. Онъ знаетъ ихъ. Говоритъ, что они хотятъ наживать не меньше двадцати пяти процентовъ. Ну, что жъ? Развѣ вы теперь не гордитесь своимъ сыномъ?

Констанція смѣло смотрѣла ему въ глаза. Теперь ей было все равно. Пусть она простая, пусть у нея вульгарный разговоръ! Она избранница Дикки, и кто можетъ, пусть обвиняетъ его въ безуміи.

— Вы не гордитесь?—повторила она. Въ это время послышались торопливые шаги по лѣстницѣ. М-ръ Ферлонгъ склонилъ голову передъ ея настойчивостью.

— Да... я... я горжусь,—сказалъ онъ. Ему хотѣлось прибавить, чтобы она не передавала Дикки этихъ словъ, но онъ ничего не сказалъ.

II.

Когда дверь открылась и на порогѣ появился онѣмѣвшій отъ изумленія Дикки, моментъ для м-ра Ферлонга былъ крайне щекотливый. Всѣ минусы были на его сторонѣ. Онъ былъ не у себя. Какъ ни было близко ихъ родство, всеже здѣсь не онъ былъ хозяинъ, а къ тому же рядомъ находилась готовая къ борьбѣ при малѣйшемъ инцидентѣ особа того пола, котораго онъ никогда не понималъ.

Въ жалкой улыбкѣ изъ-подъ усовъ его собственный отецъ, будь онъ живъ, узналъ бы своего десятилѣтняго мальчика, въ страхѣ ожидающаго розогъ. Выраженіе его лица показалось страннымъ Дику, но безошибочный инстинктъ подсказалъ ему, что это—робость. Въ голосѣ отца звучало что-то въ родѣ почтительнаго страха, и онъ старался замаскировать это легкомысленно-дружескимъ тономъ, впервые признавая этимъ, что его сынъ—взрослый человѣкъ. И это случилось благодаря Констанціи; ибо только женщины придаютъ намъ мужское достоинство и только женщины отнимаютъ его.

Живо помня послѣднее свиданіе на мельницѣ и не зная, какой пріемъ ему окажетъ Дикки, м-ръ Ферлонгъ все же поднялся и первый протянулъ ему руку. У Дикки было первоначально намѣреніе не подать ему своей, но теперь оно сразу исчезло. Онъ пожалъ руку отца.

— Здравствуй, дорогой мой мальчикъ,—сказалъ м-ръ Фер-

лонгъ. Испуганный взглядъ исчезъ. Онъ улыбался и тепло пожималъ руку Дикки. Видимо, онъ чувствовалъ большое облегченіе: напряженность прошла.

Усѣлись чай пить. Констанція угощала, подавала. Говорили сначала о мельницѣ, объ Эккингтонѣ, о тамошнихъ людяхъ, о немногихъ перемѣнахъ, происшедшихъ въ этомъ уголкѣ съ тѣхъ поръ, какъ Дикки уѣхалъ. Не упомянуто было только имя Доротеи. Свадьба Анни съ м-ромъ Холломомъ должна была скоро состояться: онъ получилъ мѣсто учителя въ Першорѣ, такъ что они будутъ жить недалеко.

Во всѣхъ этихъ разговорахъ Констанція не принимала участія. Ея демонстративная рѣзкость съ м-ромъ Ферлонгомъ перешла въ благожелательность. Она сидѣла и думала, какое впечатлѣніе она могла произвести на него. Много ужъ очень она тутъ наговорила и не заботилась о своемъ произношеніи. Замѣтилъ ли онъ? Но, вѣдь, когда люди спорятъ и волнуются, то развѣ не позволительны всякія погрѣшности въ языкѣ и развѣ не сходятъ онѣ незамѣченными?

Но тутъ было еще другое. Какъ ни выгораживай себя, Констанція твердо знала, что она по рожденію и воспитанію— не пара для Дикки, что ихъ раздѣляетъ пропасть, черезъ которую только любовь могла перекинуть мостъ.

Эти мысли подавляли Констанцію. Какъ только чай былъ отпитъ, она собрала всю посуду на подносъ и тихонько вышла изъ комнаты.

Когда дверь за ней закрылась, м-ръ Ферлонгъ сказалъ:

— Долженъ тебя поздравить, Дикки. Ты нашелъ себѣ горячую защитницу.

Какъ бы Констанція удивилась и обрадовалась, если бъ узнала, насколько м-ръ Ферлонгъ мало замѣтилъ ея простоту! Не безъ того, конечно, чтобы онъ не замѣтилъ нѣкоторой вульгарности акцента и выраженій, но общее его впечатлѣніе было, что это—благородная женщина, для которой никакія классовыя различія не писаны.

— Да, горячую!—повторилъ онъ. Дикки радостно, но слегка недоумѣнно улыбнулся, и тогда м-ръ Ферлонгъ разсказалъ, какъ она показала ему всѣ Дикины картины, съ ярымъ, чисто-женскимъ энтузіазмомъ объясняя ихъ достоинства. Умолчалъ онъ только о признаніи, которое она вынудила у него. Вѣдь, его приходъ къ Дикки былъ уже такой уступкой и признаніемъ слабости, дальше которыхъ онъ никакъ не могъ итти. Достаточно ужъ было, что онъ вложилъ въ ножны свой мечъ. Не въ его

характерѣ было совершенно складывать оружіе, хотя бы въ честномъ бою.

— И она знаетъ толкъ въ картинахъ,—прибавилъ онъ,— это ужъ ты, навѣрное, ее подучилъ.

Дикки улыбнулся. Констанція знаетъ толкъ въ картинахъ! Бѣдная! видно, очень ужъ она горячо распиналась за него!

— Она знала много и безъ меня,—сказалъ Дикки. И онъ, въ свою очередь, хотѣлъ грудью стать за нее!

— Можетъ быть, и она сама работаетъ немножко?—спросилъ отецъ.

Дикки покачалъ головой.

— Нѣтъ? Что жъ? пожалуй, это и лучше. Область женщины—это домъ, хозяйство. Я и самъ такъ думаю.

Дикки серьезно кивнулъ головой, какъ бы вполнѣ соглашаясь съ этимъ мнѣніемъ. Но въ головѣ у него мелькнула мысль, что̀ бы подумалъ отецъ, если бы зналъ, что ихъ маленькое хозяйство существовало—то главнымъ образомъ благодаря выступленіямъ Констанціи въ мюзикъ-холлахъ.

— Гдѣ ты познакомился съ ней?—спрашивалъ дальше м-ръ Ферлонгъ.—Ты не разсказалъ этого, когда написалъ Анни, что женишься. Она, вѣдь, конечно, здѣшняя, лондонская?

— Да... и я познакомился съ ней здѣсь.

— Значитъ, ея родители тутъ живутъ?

— Мать. Отецъ ея умеръ.

— Мнѣ нравится выраженіе ея глазъ,—продолжалъ м-ръ Ферлонгъ.—Такой хорошій, открытый взглядъ. Смѣшно сказать, но я всегда могъ опредѣлить характеръ женщины по ея глазамъ.

Дикки съ сомнѣніемъ взглянулъ на отца. Да что̀ это съ нимъ? Неужели онъ всегда говорилъ такія глупости? Или это оттого, что онъ самъ старѣетъ, или оттого, что онъ, Дикки, поумнѣлъ? Какъ бы то ни было, но опредѣлять женщину по выраженію глазъ—какой вздоръ!

— И я убѣжденъ, что она славная, милая женщина,— закончилъ м-ръ Ферлонгъ. Заключеніе это подтверждало всю шаткость его опредѣленія, потому что, если бы онъ все зналъ, то ея глаза сказали бы ему совершенно другое. Дикки зналъ, какъ мало въ отцѣ чуткости, и потому рѣшилъ больше ничего не говорить ему о Констанціи. Когда м-ръ Ферлонгъ увидѣлъ, что никакими похвалами нельзя вытянуть изъ сына ничего, удовлетворяющаго его любопытство, онъ перевелъ разговоръ на его работы. Спросилъ, какъ онѣ идутъ; сказалъ, что узналъ отъ

Констанціи о предложеніи изъ Бондъ-стритъ, и добавилъ, смѣясь (такъ какъ считалъ это шуткой), что, пожалуй, скоро можно будетъ полюбоваться его картинами въ Академіи.

— Каждый годъ, когда бываю въ Лондонѣ, обязательно захожу въ Академію,—добавилъ онъ.—Есть, дѣйствительно, у насъ нѣсколько хорошихъ художниковъ. Я даже самъ предпочитаю ихъ французамъ.

— А какихъ французовъ вы любите?—торжественно спросилъ Дикки.

— Какихъ?.. да... одного я хорошо знаю, вотъ только сейчасъ не могу вспомнить его фамиліи. Очень у него это красиво выходитъ... Онъ прекрасно изображаетъ тѣло, и я не могу не восхищаться имъ.

Онъ улыбнулся Дикки, какъ равному.

— Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я бы, конечно, не сказалъ тебѣ этого,—продолжалъ онъ.—Но, вѣдь, тебѣ самому, навѣрное, пришлось болѣе или менѣе продѣлывать это... Изучать анатомію и т. д. М-ръ Легаттъ съ негодованіемъ говоритъ о рисованіи съ голой натуры. Но я не раздѣляю этого. Разъ человѣкъ избралъ себѣ спеціальность, онъ долженъ ознакомиться съ нею основательно и вполнѣ. Такъ я по крайней мѣрѣ думаю. Надѣюсь, ты со мной согласенъ?

— Да, разумѣется,—отвѣчалъ Дикки, но въ головѣ у него стоялъ туманъ отъ безсмыслицы, которую приходилось выслушивать. Разсужденія отца онъ такъ и называлъ про себя «безсмыслицей». Это, конечно, было непочтительно, но другого слова онъ никакъ не могъ подобрать. Онъ самъ не зналъ, какъ отвѣчать отцу, чтобы тотъ не замѣтилъ его мыслей, и втайнѣ только мечталъ о томъ, чтобы вернулась Констанція и облегчила бы натянутость положенія. Раздался вдругъ стукъ у входа. Дикки быстро вскочилъ съ мѣста, но, увидя, что дверь изъ спальни открыта и что Констанція откроетъ, онъ остановился.

— Не думаю, чтобы какая-нибудь моя вещь попала когда-нибудь въ Академію,—проговорилъ онъ на-удачу.

— Что жъ? Попытка не пытка,—замѣтилъ м-ръ Ферлонгъ.

— Да, конечно; я не о томъ говорилъ,—объяснялъ Дикки,—разумѣется, я буду посылать, потому что этимъ путемъ только можно заработать деньги и стать извѣстнымъ, и въ этомъ смыслѣ я бы не прочь былъ попасть туда. А, конечно, большинство изъ тѣхъ, которые говорятъ, что Академія никуда не годится и что ее нужно долой, просто отвергнутые и больше ничего.

М-ръ Ферлонгъ подтянулся на своемъ стулѣ и въ изумленіи повторилъ:

— Никуда не годится!

— Ну, да... и, конечно, это вѣрно. Академическія знамена давно истрепались. Взять хотя бы ихъ выборный комитетъ. Становится понятнымъ, отчего это такъ. Ни одинъ художникъ не можетъ быть справедливымъ цѣнителемъ чужихъ произведеній, даже и въ томъ случаѣ, если онъ имѣетъ успѣхъ. Многіе изъ критиковъ къ тому же еще неудачники, а такой человѣкъ никогда не допуститъ, чтобы другой могъ сдѣлать то, чего онъ самъ не можетъ. Оттого и люди, критикующіе Академію, это обыкновенно тѣ, которымъ не удается въ нее попасть.

— Меня удивляетъ то, что́ ты говоришь,—сказалъ м-ръ Ферлонгъ.—Я всегда думалъ, что Академія—это, такъ сказать, высшая проба.

— И продолжайте думать по-прежнему, — возразилъ Дикки,—Академія и *есть* высшая проба успѣха, а успѣхъ, повидимому, вещь хорошая.

— На которую и ты, Дикки, возлагаешь надежды,—замѣтилъ, смѣясь, м-ръ Ферлонгъ.

Дикки горячо замоталъ головой.

— Нѣтъ, нѣтъ!—сказалъ онъ.—Если бъ я добился такого успѣха, то я зналъ бы, что мое паденіе неминуемо.

— Странныя идеи бываютъ у молодыхъ людей!—подумалъ м-ръ Ферлонгъ.

Ему не слишкомъ нравилось все то, что́ Дикки высказалъ. Его ограниченному художественному кругозору отрицаніе Академіи казалось святотатствомъ, равнымъ въ религіозной области критикѣ Единой англійской церкви. Онъ не считалъ удобнымъ высказать это; онъ только пристально смотрѣлъ на Дикки, повторяя про себя: «Онъ пойметъ, что я думаю». А Дикки мысленно задавалъ себѣ вопросъ, понялъ ли отецъ, какой онъ вздоръ раньше наговорилъ.

А въ это время на лѣстницѣ, у входа, происходили вещи гораздо болѣе реальнаго и житейскаго характера, чѣмъ разсужденія о королевской Академіи и о художественной критикѣ. На стукъ въ дверь вышла Констанція и увидѣла не кого иного, какъ свою мать, вырвавшуюся отъ своей работы въ лавкѣ, чтобы выпить чайку и поглядѣть на «своихъ голубочковъ», какъ она ихъ называла. Ея появленіе было крайне несвоевременно: если Констанція была полна тревоги о томъ, какое впечатлѣніе она произвела на отца Дикки, то о матери не могло быть никакихъ

сомнѣній. Она абсолютно не считалась съ грамматикой, и запахъ керосина изъ нея невозможно было вывѣтрить.

— Пришла какъ разъ теперь! Будто нарочно,—подумала Констанція съ досадой.

— А-а, мама!.. ты чего?—спросила она такимъ тономъ, который по опыту бѣдной м-съ Бальдвинъ не предвѣщалъ ничего добраго.

— Что, милая, у тебя желудокъ не въ порядкѣ?—въ свою очередь спросила мать и направилась въ спальню. Констанція прошла вслѣдъ за ней и заперла дверь. Она знала, что мать пришла погрѣться у ихъ уютнаго очага; знала, что она сильно скучаетъ одна въ лавкѣ и что она приходила бы вдвое чаще, если бъ не ея деликатное опасеніе надоѣсть. И во всякій другой моментъ Констанція встрѣтила бы ее привѣтливо, такъ какъ въ сердцѣ у нея была нѣжность къ матери, несмотря на всю ея безтолковость. Но въ этотъ моментъ она не чувствовала по поводу ея появленія ничего кромѣ досады и раздраженія.

— Откуда ты это взяла?—спросила Констанція рѣзко.— У меня желудокъ?.. А, можетъ, и правда... Чай мы уже пили.

Она наблюдала лицо матери, когда говорила это.

— Такъ мнѣ ужъ чайку не будетъ? А я-то думала: забѣгу, думаю, къ нимъ и выпью чашечку. Сидишь это, сидишь въ лавкѣ, нанюхаешься этого запаха до того, что нервы въ безпокойство приходятъ. И какъ вспомнишь, что у васъ тутъ и чистенько, и мило, и уютно, не сидится, и все тутъ ужъ и отпускаешь не такъ, какъ слѣдуетъ, и разговариваешь съ покупателями нелюбезно. А твой что? работаетъ?

И она кивкомъ головы указала на другую комнату. Если Дикки занятъ работой, тогда, конечно, заходить ей нельзя.

Констанція пытливо взглянула въ лицо матери. Теперь, когда она сама узнала, какая прелесть деревенскій просторъ и чистый воздухъ, она часто съ удивленіемъ думала, какъ ея мать выдерживаетъ тяжелую атмосферу лавки. И теперь ея трогательное стремленіе къ своимъ, ея сѣдые волосы, морщины на лицѣ, которое Констанція помнила еще свѣжимъ и гладкимъ—все это превращало досаду Констанціи въ жалость. Ей все еще хотѣлось, чтобы мать ушла, но было жаль ея, и она была слишкомъ горда, чтобы солгать, что Дикки работаетъ.

— Онъ тамъ сидитъ,—сказала она,—со своимъ отцомъ.

— Съ отцомъ? Старикъ пріѣхалъ?

— Да.

— Но онъ вѣдь не знаетъ?

— Чего?

— Что вы не вѣнчаны.

— Нѣтъ.

— Какой онъ изъ себя? Навѣрное, пріятный господинъ. И тобой остался доволенъ?

— Не думаю, чтобы очень,—отвѣтила Констанція.

— Отчего нѣтъ?

— Какъ сказать? Вѣдь, мы имъ не ровня.

— А-а, вотъ что! Ну, если онъ это показалъ, такъ онъ и самъ недалеко ушелъ.

— Нѣтъ, онъ ничего не показалъ,—поспѣшно вставила Констанція.—Я только такъ думаю.

— Значитъ, онъ съ тобою любезно обошелся?

— Да, вполнѣ.

— Ну, конечно. Съ чего бы ему быть нелюбезнымъ? Любопытно мнѣ очень поглядѣть на него. Вѣдь, если бы ты хотѣла, онъ былъ бы твоимъ свекромъ. Но даже и такъ, все-таки знакомство съ родными Дикки... какъ-то приличнѣе выходитъ.

— Ты въ самомъ дѣлѣ хочешь познакомиться съ нимъ?— спросила Констанція мягко.

— Разумѣется, хочу... Развѣ есть какая причина, почему нельзя?

Причинъ была тысяча, но одна, главная, поглощала всѣ прочія. Констанція смотрѣла на мать, на ея несуразную шляпу и пелерину, которую она накинула на спѣхъ, чтобы сбѣгать къ своимъ «голубочкамъ», и думала о томъ, что врядъ ли это будетъ удобно Дикки. О себѣ она уже въ этотъ моментъ не думала. Она прощала матери ея маленькое тщеславіе—оно было такъ понятно! Ее до глубины души трогало одиночество бѣдной старухи въ своей лавкѣ. Да наконецъ она ея мать, и всякій стыдъ м-съ Бальдвинъ будетъ и ея стыдомъ.

А м-съ Бальдвинъ между тѣмъ ждала отвѣта. Констанція, подъ вліяніемъ внезапнаго порыва, дала его. Она, не говоря ни слова, стала прихорашивать мать: перевязала ей завязки шляпы, оправила волосы и заложила выбившіяся пряди волосъ. М-съ Бальдвинъ стояла, улыбаясь и радостно покорно, какъ ребенокъ въ ваннѣ. Она не подозрѣвала, что отъ нея ожидаются манеры истинной лэди.

Въ тотъ моментъ, когда приготовленія окончились, открылась дверь изъ столовой: вошелъ Дикки.

— Ахъ, вотъ и вы!—сказалъ онъ и заперъ за собою дверь.

Констанція ожидала съ бьющимся сердцемъ, что́ онъ сдѣлаетъ. Она не сводила глазъ съ его лица и, когда она увидѣла на немъ широко расплывшуюся улыбку, то и сама улыбнулась.

— Констанція вамъ уже сказала?—говорилъ Дикки.— Мой отецъ здѣсь. Забавно, какъ Петрушка на балаганѣ. Идите... Кто-нибудь долженъ помочь мнѣ. Онъ говоритъ о картинахъ... да, о картинахъ! Богъ мой! Идемте!

Онъ взялъ м-съ Бальдвинъ подъ руку и тащилъ ее къ двери. Она остановилась и шепнула ему что-то на ухо. Констанція не слыхала, что́ она сказала, но отвѣтъ Дикки прозвучалъ для нея точно голосъ съ неба:

— Какой вздоръ,—сказалъ онъ.—Вы знаете, чѣмъ отецъ былъ до женитьбы?

М-съ Бальдвинъ покачала головой.

— Онъ былъ дворецкимъ... служилъ въ богатомъ домѣ... обносилъ за столомъ вино. Какой вздоръ!

Они ушли. Констанція осталась одна въ спальнѣ. Она крѣпко сжала руки, и щеки ея пылали при мысли о томъ, что она могла испытывать стыдъ. Сердце все еще неистово билось, и она думала, есть ли на свѣтѣ другой такой благородный человѣкъ, какъ Дикки.

III.

Въ теченіе всего этого лѣта и часть осени существованіе «голубочковъ» въ ихъ уютномъ домикѣ подъ крышей было довольно непрочно. Прежде всего у Констанціи не было возобновлено условіе съ мюзикъ-холломъ въ Миддельсексѣ. Ее приглашали въ провинцію, но она отказалась, заявляя, что даже семь фунтовъ въ недѣлю не могутъ заставить ее покинуть Дикки. Онъ былъ радъ, что она осталась, и когда нѣкій владѣлецъ эстампнаго магазина изъ Риджентъ - стритъ предложилъ ему пять фунтовъ за одну изъ его гравюръ по дереву, Дикки рѣшилъ, что судьба опять начинаетъ благосклонно улыбаться имъ, и они мигомъ собрались «провѣтриться» въ давно знакомую свою деревенскую гостиницу «Лисицу» въ Гемпшайрѣ.

Непрочность существованія въ теченіе послѣдующихъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ вся произошла отсюда. Имѣя денегъ въ обрѣзъ, только на обратный путь, они беззаботно, какъ дѣти, сѣли въ поѣздъ, доѣхали до станціи, а затѣмъ наняли ветхія дрожки и

горделиво, по-барски подкатили къ гостиницѣ. Послѣ уплаты извозчику, въ карманѣ у Дикки звякали десять шиллинговъ. Но адресъ свой онъ оставилъ купцу на Риджентъ-стратъ, и черезъ два дня ожидалъ денегъ.

— Вотъ это я называю жить,—сказалъ Дикки, когда они усѣлись завтракать въ своей комнатѣ, подъ стукъ билліардныхъ шаровъ, доносившихся снизу.

На слѣдующій день денегъ изъ Риджентъ-стритъ еще не было.

— Придутъ завтра,—сказалъ Дикки и пошелъ на лугъ за деревню. Тамъ онъ игралъ съ мальчиками въ криккетъ. Когда же солнце начало клониться къ закату, онъ взялъ Констанцію, и они пошли куда глаза глядятъ, среди широкой равнины, поросшей верескомъ, гдѣ лѣниво взлетали передъ ними жаворонки и красный шаръ солнца заливалъ пурпуромъ чашечки желтаго дрока.

— Боже мой! Посмотри на все это!—бормоталъ Дикки какъ-бы про себя.—Надо быть Тёрнеромъ, чтобы зажечь такой закатъ.

И онъ взглянулъ на нее, самъ весь освѣщенный багрянымъ заревомъ.

Констанція уже не спрашивала теперь, кто такой Тёрнеръ. Она знала. Не то, чтобы ей такъ нравились его картины, но она провела съ Дикки въ музеѣ нѣсколько счастливыхъ часовъ.

— Смѣлость—вотъ что тутъ надо,—продолжалъ Дикки.— Полутоны не годятся, полутоны—полумѣры! Вѣдь колоритъ сногсшибательный! Отъ него захватываетъ дыханіе.

Онъ указалъ рукой на солнце, море рдѣющаго вереска и пламенные островки дрока среди него.

— Половина художниковъ пишетъ въ мастерской, а какого чорта увидишь тамъ? Я хотѣлъ жить вотъ здѣсь, въ какой-нибудь хижинѣ, а будутъ ли или не будутъ брать мои работы— все равно! А то представь себѣ, каково это имѣть пріемный день: въ воскресенье придетъ куча идіотовъ, будетъ глазѣть и толковать объ искусствѣ, а сами ни одной минуты за свою жизнь не чувствовали красоты!

— Такъ отчего же намъ не перебраться въ деревню, Дикки? Я согласна жить, гдѣ угодно, лишь бы тебѣ было хорошо. Мы бы отлично устроились и въ хижинѣ. Мнѣ ничего! Пожалуй, было бы даже просторнѣе, чѣмъ въ нашихъ двухъ комнатахъ!

Въ голосѣ Констанціи звучала нотка радостной готовности: въ маленькой хижинѣ, среди полей вереска Дикки принадлежалъ

бы всецѣло ей, ей одной! Дикки уловилъ эту нотку, и она его отрезвила. Нѣтъ, онъ долженъ еще прокладывать себѣ дорогу, долженъ бороться: переселиться въ хижину можно только тогда, когда есть средства на покупку дома. Такъ, подобно многимъ другимъ, разсуждалъ Дикки. И много зла таится въ этомъ разсужденіи, потому что, прежде чѣмъ купленъ домъ, нервы расшатаны, и душа опустошена.

— Нѣтъ... надо еще пожить немного въ Лондонѣ,—сказалъ онъ.—А затѣмъ, когда у меня все наладится, тогда можно и сюда. Мы съ тобой, и больше никого!

Съ тѣхъ поръ Констанція стала ненавидѣть свой родной Лондонъ и мечтать о деревнѣ. Дикки такъ ярко изобразилъ ей, что̀ ихъ ждетъ: особенно пугали ее эти пріемные дни и собранія гостей въ мастерской. Но это избранный Дикомъ путь, и миновать его нельзя. Констанція искренно вѣрила въ его талантъ и была убѣждена, что онъ-то самъ никогда не будетъ принадлежать къ этой кликѣ глазѣющихъ болтуновъ. А, можетъ быть, удастся все-таки переселиться въ деревню! Она закрыла глаза, но и сквозь опущенныя вѣки чувствовала багряный свѣтъ заката.

На слѣдующій день все еще не было ничего изъ Лондона. Предчувствуя неудачу, они пошли въ ближайшее село, гдѣ было маленькое почтовое отдѣленіе, и отправили телеграмму. На слѣдующее утро пришелъ отвѣтъ: покупатель гравюры нашелъ, что трактовка слишкомъ расплывчата. Картина съ благодарностью отослана на Квинъ-стритъ.

Дикки положилъ письмо на столъ. Констанція, прочитавшая его, стоя за его спиной, съ гримасой отвращенія снова взяла его.

— Какое свинство!—воскликнула она.—Какъ бы я наговорила этому господину, что̀ я о немъ думаю. Дуракъ какой! Не хватаетъ у него догадки самому купить.

— Тутъ нужна не только догадка,—сказалъ Дикки,—нужна и смѣлость, чтобы купить хорошую вещь.

Чѣмъ было ему утѣшаться, если не этой бравадой?

— Но какъ же намъ быть теперь?—продолжалъ Дикки, вытащилъ изъ кармана все свое достояніе и положилъ на столъ: было пять шиллинговъ и три пенса.

Исходъ былъ только одинъ, и идея принадлежала Констанціи. Она пѣвица. Если находятся у нея слушатели въ Лондонѣ, то почему бы имъ не найтись на улицахъ маленькихъ мѣстечекъ и поселковъ? Она настаивала. Если онъ не пойдетъ съ ней, то она пойдетъ одна. Дикки согласился. Они обошли вмѣстѣ всю окрестность вплоть

до Ридинга и вернулись съ девятью шиллингами, собранными мѣдью и серебромъ въ шапкѣ Дикки. Возвращаясь вечеромъ въ свою «Лисицу», они съ шутками пересчитывали свои барыши и еле удерживались отъ смѣха при видѣ прохожихъ, которые останавливались послушать, привлеченные необычнымъ видомъ молодой пары.

Хорошіе это были дни! Сколько приключеній! Но въ Лондонѣ уже было не то: ихъ ждали всякіе счета, а платить было нечѣмъ. И весь остатокъ этого лѣта они жили въ вѣчномъ страхѣ передъ тѣмъ, что Дикки называлъ банкротствомъ, такъ какъ съ самаго начала у нихъ было постановлено не брать помощи у м-съ Бальдвинъ. За квартиру они были должны, по лавкамъ— тоже. Констанція не имѣла даже возможности купить себѣ новые чулки, но голь на выдумки хитра: она подкрасила чернилами кожу, просвѣчивавшую сквозь порѣдѣвшую ткань на лодыжкѣ, и ей казалось, что весь свѣтъ замѣчаетъ это.

Но и въ этомъ времени было много хорошаго. Дикки работалось такъ удачно, какъ никогда. Пока Констанція не жаловалась, ему все было ни почемъ. А она не хотѣла смущать его ничѣмъ; сама же таила про себя великую женскую надежду, которая всегда чудо: и въ радости и въ горѣ.

Когда всюду вдоль дорогъ, гдѣ они бродили, бѣлоснѣжно зацвѣли вишни, и птицы стали вить гнѣзда, Констанція убѣдилась въ томъ, что будетъ матерью.

Какъ только они вернулись въ Лондонъ, она побѣжала въ свѣчную лавку м-съ Бальдвинъ. Мать никогда не была повѣренной ея тайнъ. И нелегко было теперь Констанціи, но она безъ обиняковъ разсказала свою новость, готовясь выслушать обвиненіе за свое безуміе.

Но, къ ея удивленію, обвиненія не послѣдовало. Если женщины бываютъ когда-либо практичны, то это въ такіе моменты, какъ этотъ. М-съ Бальдвинъ молча выслушала все, а когда Констанція кончила, она спросила:

— А что́ сказалъ Дикки?

— Я ему ничего не говорила,—отвѣчала Констанція.

— Отчего?

— Оттого, что работаетъ онъ теперь очень... да еще дѣлаетъ себѣ печатный прессъ изъ бѣльевого катка. Тотъ, что́ въ школѣ, слишкомъ малъ для него. И я не хочу смущать его. Достаточно онъ и такъ озабоченъ.

— Ну, а ты что?

— Что жъ я?

— А то, что чего стоитъ этотъ его прессъ и катокъ и все въ сравненіи съ ребенкомъ? Ты совсѣмъ голову потеряла отъ любви къ нему, Констанція. Онъ, конечно, умный и славный, душевный парень—я всегда это говорила,—но что̀ стоитъ весь его умъ противъ ребеночка? Подумай сама. Вѣдь, такъ?

— Не знаю,—сказала Констанція, вслушиваясь, какъ слушаютъ первыя весеннія пѣсни птицъ, въ трепетное біеніе материнства подъ сердцемъ. У нея родится ребенокъ Дика. Развѣ важно именно то, что это будетъ ребенокъ вообще? Важно, что онъ *его*, но владѣетъ имъ она. Если бы она умерла, ребенокъ умеръ бы вмѣстѣ съ ней.

— Не знаю,—повторила она еще разъ.

— Не пойму я, милая, чего тутъ не знать,—возразила м-съ Бальдвинъ.—Вотъ погоди. Какъ родится маленькій, не будетъ у тебя времечи столько думать о краскахъ, да о писаніи. Не пойму *я*, что́ съ тобой сталось, Констанція. У тебя раньше былъ характеръ. *Мнѣ* ты никогда не поддавалась такъ.

Констанція открыто взглянула матери въ лицо: какъ знакомъ былъ Дику этотъ честный взглядъ!

— Ты не слыхала, мама, какъ и что̀ онъ говоритъ о своей работѣ. Всегда раньше я думала, что люди рисуютъ картины и пишутъ книги ради денегъ. И, должно быть, такъ оно и бываетъ, большей частью. Но Дикки, я знаю, работаетъ не для этого. Что-то есть, изъ-за чего онъ работаетъ—иногда мучится и бьется—но, что́ это, я не умѣю объяснить. Для меня это загадка. Но я знаю, что̀ говорю. Можетъ быть, ты вѣрно говоришь: когда будетъ ребенокъ, будетъ иначе. Можетъ быть, я буду думать не такъ. Но Дикки будетъ всегда такъ же; въ глубинѣ души всегда, какъ теперь. Да, что́ говорить! на-дняхъ прихожу, а у него что-то съ печатнымъ прессомъ не такъ выходитъ, какъ онъ хотѣлъ. И что́ же? Дикки—не ребенокъ, а онъ плакалъ, плакалъ горько! Вотъ это-то я и говорю. Человѣкъ не станетъ плакать, если онъ не можетъ заработать денегъ. Да, я лучше тебя знаю Дикки. Если я скажу ему, что у меня родится ребенокъ, то онъ такъ закручинится и разволнуется, какъ будто самъ долженъ рожать. Особенно еще оттого, что мы неженаты.

При этихъ словахъ въ м-съ Бальдвинъ проснулись всѣ подавленныя понятія приличій, условности и добрыхъ нравовъ.

— Ахъ, вотъ... но... ты знаешь, что необходимо сдѣлать? Вѣдь, знаешь?

— Что сдѣлать?

— Ну, конечно, повѣнчаться. Обязательно.

— Зачѣмъ?

— Господи! да никогда я не допущу, чтобы у тебя былъ незаконный ребенокъ.

— Какая разница?—спросила Констанція.—Вѣдь, живемъ мы *такъ*, и ты ничего. А я вовсе не намѣрена теперь заставлять его вѣнчаться. Если дѣло пойдетъ такъ, какъ думаетъ м-ръ Ниббсъ, а я надѣюсь, что это будетъ, то ему лучше быть безъ меня... У меня останется ребенокъ, чего же еще?

И она подумала, что это было бы все, что̀ осталось бы ей отъ Дикки.

— Я этого не допущу, — повторила м-съ Бальдвинъ и громко захлопнула окно, какъ бы желая этимъ стукомъ убѣдить самое себя.

Но какъ только Констанція ушла—а она была не изъ тѣхъ, которыя медлятъ, когда дѣло доходитъ до захлопыванія оконъ—м-съ Бальдвинъ залилась слезами: это было ея обычное прибѣжище въ минуты спора.

— Ну, какъ не любить ее?—рыдала она,—не могу, и все тутъ. Потеряла, бѣдняжка, голову отъ любви къ нему. Совсѣмъ потеряла! Да и то сказать: славный онъ мальчикъ, душевный!

IV.

М-ръ Ниббсъ былъ того мнѣнія, что изъ стараго валька для катанія бѣлья никакъ нельзя сдѣлать печатнаго станка. Эмилія ассоціировала всю эту операцію со стиркой, и ея представленіе объ искусствѣ утеряло всю поэтичность. Но Дикки упорно стоялъ на своемъ.

— Не желаю я ограничивать себя такимъ малымъ размѣромъ,—заявилъ онъ.—Какъ сдѣлать то, что̀ хочется, когда приходится втискивать себя на станокъ десять на шесть? Для учениковъ этотъ классный прессъ очень хорошъ, но мнѣ надо вещь посерьезнѣе.

М-ръ Ниббсъ уважалъ его рѣшимость, но не надѣялся на успѣхъ. При всей ихъ громоздкости печатные станки все-таки машины тонкія, а гдѣ ужъ найти тонкость въ бѣльевомъ каткѣ?

— Но какой это смѣлый парень,—говорилъ онъ Эмиліи.—Ни передъ чѣмъ не остановится. Десять шансовъ противъ одного, что ему не удастся смастерить что-нибудь изъ этого катка. Онъ знаетъ это и все-таки просиживаетъ надъ нимъ цѣлыя ночи. Боюсь я, что неудача ужъ очень разстроитъ его. И я знаю, что̀

значитъ для него быть связаннымъ маленькимъ станкомъ: это мѣшаетъ ему идти впередъ.

М-ръ Ниббсъ вдругъ поднялъ голову отъ подрамка, который онъ подрѣзалъ на прилавкѣ.

— Знаешь, Эмилія,—сказалъ онъ,—страшная вещь, какъ подумаешь, что этому мальчику мѣшаетъ такая глупость, какъ отсутствіе станка. Можетъ быть, изъ-за этого ему придется биться цѣлые годы...

Эмилія подняла глаза отъ своего романа и пристально взглянула на мужа. Она знала, къ чему онъ ведетъ этотъ разговоръ. Долгій опытъ научилъ ее, что обыкновенно происходитъ послѣ разговоровъ въ такомъ духѣ.

— Будетъ съ насъ,—сказала она.—Будетъ! Вѣдь, мы не комитетъ. Мы просто небогатые люди и то, что ты зарабатываешь—не такъ ужъ много—намъ самимъ нужно. А сколько стоитъ печатный станокъ?—добавила она, замѣтивъ грустное разочарованіе въ лицѣ м-ра Ниббса. Но, узнавъ, что эта музыка стоитъ фунтовъ двѣнадцать, она захлопнула книжку, даже не замѣтивъ страницы, и наговорила м-ру Ниббсу массу вещей относительно благотворительности, которую мужчины дѣлаютъ зря, а женщины должны потомъ расхлебывать. Хуже всего то, что каждое ея слово было чистѣйшей правдой, а м-ръ Ниббсъ передъ лицомъ правды всегда пассовалъ. Такъ онъ сдался и теперь.

Но Провидѣніе любитъ таинственную игру судьбами людей. Однажды утромъ, нѣсколько недѣль спустя, электрическій звонокъ 12-го номера на Квинъ-стритъ—тотъ самый, который произвелъ такое сильное впечатлѣніе на м-съ Куперъ и м-съ Бизли—зазвонилъ громко и настойчиво. Констанція выбѣжала изъ спальни и выглянула въ окно, чтобы посмотрѣть, кто тамъ внизу. Дикки даже не обернулся: онъ занятъ былъ первой пробной рѣзьбой на своемъ новомъ станкѣ изъ бѣльевого катка. Работа эта тонкая и, пока контуръ не доведенъ до конца, прерывать ее нельзя. И даже трубный гласъ въ день суда не заставилъ бы его въ такой моментъ поднять голову.

Констанція оглянулась на Дикки. Какъ сказать ему? Она сжала руки и порывисто дышала. Но вотъ линія кончена. Онъ поднялъ голову и встрѣтилъ ея взглядъ.

— Въ чемъ дѣло?—спросилъ онъ.

— Тамъ стоитъ фургонъ,—отвѣтила она.

— Какой фургонъ?

Но тотчасъ онъ понялъ, какъ бы прочитавъ ея мысли. Они давно не платили за квартиру. Были уже и напоминанія, и

угрозы, и просьбы объ отсрочкѣ—словомъ, весь тотъ ужасъ, который людямъ незнакомъ, пока нужда не постучится къ нимъ въ двери. Дикки быстро подбѣжалъ къ окну и выглянулъ.

— Ну, станка-то я не отдамъ,—сказалъ онъ.

Констанція тоже подумала объ этомъ, да еще о кровати въ другой комнатѣ, гдѣ въ послѣднее время въ отсутствіе Дикки она часто лежала слабая, но радостная въ своей тайнѣ.

Дикки еще разъ выглянулъ въ окно.

— Кто-то открылъ дверь,—сказалъ онъ.—Идіоты!

Они стали прислушиваться къ шагамъ на лѣстницѣ.

— Ихъ двое или трое,—пробормоталъ Дикки. Въ дверь раздался тяжелый ударъ. Констанція невольно протянула руку и коснулась руки Дика. Она пошла къ двери, оглядывая обстановку комнаты. Все—вещи, которыя они называли своими. И она думала, что ихъ ребенокъ родится здѣсь, среди нихъ. Черезъ нѣсколько дней Дикки могъ бы достать денегъ. Можетъ быть, «они» послушаютъ это; но, правда, у нея въ Дрюри-Лэнѣ были иныя понятія о строгости закона.

— Здравствуйте,—сказалъ Дикки.

— Здравствуйте.

Ему подали конвертъ. Онъ невольно подался назадъ. Тогда человѣкъ настойчиво протянулъ руку съ письмомъ. Понимая неизбѣжность этого, Дикки вскрылъ конвертъ. Внутри была маленькая визитная карточка. Онъ прочелъ ее и взглянулъ на Констанцію. Она тотчасъ же подошла и прочитала:

«Отъ вашего друга-попутчика».

И все. Больше ничего на карточкѣ не было.

— Что́ же тамъ? Что́ вы привезли?—спросилъ Дикки.

— Печатный станокъ, сэръ. Куда прикажете его внести?

Онъ посторонился и увидѣлъ на площадкѣ двухъ человѣкъ, запыхавшихся отъ тяжелой ноши. Они несли части большой машины. Дикки затрепеталъ и срывающимся голосомъ велѣлъ имъ войти въ комнату. Въ какой-нибудь часъ времени всѣ части были составлены и пригнаны одна къ другой. Это былъ великолѣпный большой станокъ съ колесами, рамами и подъемомъ—настоящій даръ небесъ. Все было окончено. Посыльные, задыхаясь отъ долгой возни, топтались на мѣстѣ. Наконецъ, одинъ изъ нихъ спросилъ Дикки, всѣмъ ли они угодили ему. Значеніе этого вопроса было ясно. Дикки машинально запустилъ руки въ карманы, хотя зналъ, что въ нихъ пусто. Онъ растерянно взглянулъ на Констанцію. Она покачала головой.

— Я очень, очень извиняюсь, — сказалъ Дикки, — но, знаете ли, у меня нѣтъ ни гроша въ домѣ.

Артельщики медленно, одинъ за другимъ, стали выходить изъ комнаты, что-то бормоча и приговаривая: смыслъ, конечно, былъ не вполнѣ благопріятенъ для Дикки.

V.

Ключъ къ этой тайнѣ находился въ рукахъ м-ра Ниббса. Улучивъ первый удобный моментъ, Дикки сбѣгалъ къ нему и выяснилъ все дѣло. Оказалось, что господинъ, который купилъ первую картину Дикки, интересовался имъ и разспрашивалъ м-ра Ниббса, затѣмъ купилъ нѣсколько его гравюръ и узналъ отъ м-ра Ниббса о попыткахъ Дикки превратить катокъ въ станокъ—господинъ этотъ былъ не кто иной, какъ его попутчикъ изъ Ивсгэма въ Лондонъ въ то памятное утро, когда онъ бѣжалъ изъ дому.

Случай натолкнулъ его на первую картину въ витринѣ у м-ра Ниббса, и съ тѣхъ поръ онъ не переставалъ слѣдить за художественнымъ развитіемъ Дикки. Раза два-три въ годъ онъ обязательно заходилъ въ магазинъ у моста Ватерлоо и знакомился съ успѣхами молодого художника. Когда м-ръ Ниббсъ разсказалъ ему, какъ Дикки мучится, чтобы устроить себѣ самодѣльный прессъ изъ катка, господинъ покачалъ головой и замѣтилъ:

— Если ему это и удастся, то, знаете, это будетъ скорѣе глаженье, чѣмъ печатаніе.

Слова эти такъ понравились м-ру Ниббсу, что онъ все ухмылялся, вспоминая ихъ. Онъ и самъ ожидалъ того же отъ этого опыта, только онъ никогда не умѣлъ выразить этого съ такой наглядностью. Онъ даже ничего не заподозрѣлъ, когда господинъ спросилъ, какая приблизительно цѣна хорошему станку и гдѣ его можно пріобрѣсти. Теперь, узнавъ отъ Дикки о подаркѣ, онъ понялъ все это и вспомнилъ еще многое другое, о чемъ говорилось.

Но кто этотъ господинъ? Дикки давно уже потерялъ визитную карточку, которую тотъ далъ ему на вокзалѣ, прощаясь. И онъ не запомнилъ фамиліи.

— Ничего, — сказалъ Дикки, — первую вещь, которую я отпечатаю на его станкѣ, я оставлю здѣсь, и вы преподнесете ему, когда онъ опять придетъ.

Черезъ шесть недѣль первый оттискъ былъ готовъ. Дикки съ тріумфомъ принесъ его м-ру Ниббсу. Онъ имѣлъ основаніе гордиться: обладаніе новой великолѣпной машиной окрылило Дикки, и онъ создалъ такую сильную вещь, какая ему еще никогда не удавалась. Теперь онъ былъ самъ и рѣзчикомъ, и печатникомъ. Самый лучшій мастеръ офорта въ Англіи, самый первый граверъ во всемъ мірѣ работаетъ именно такъ. Первая комната ихъ квартирки называлась ужъ теперь не столовой и не мастерской, а печатной. Констанція, несмотря на его протесты, правда, довольно слабые, предоставила ему почти все мѣсто: тутъ онъ вѣшалъ листы для просушки и ставилъ доски, приготовленныя для вытравливанія.

— А, вѣдь, комната вовсе не дурно выглядитъ,—сказалъ Дикки, когда послѣдняя мебель была продана, чтобы уплатить за квартиру и купить ему чернилъ для работы, — совсѣмъ рабочая мастерская, правда?

Ему она казалась райскимъ уголкомъ, но онъ замѣтилъ выраженіе глазъ Констанціи, глядѣвшей на голыя стѣны, и раскаяніе жгучей краской залило его щеки. Онъ обнялъ ее, привлекъ къ себѣ и сталъ клясться, что онъ найметъ себѣ отдѣльно мастерскую, чтобы она имѣла дома уютъ и спокойствіе; онъ называлъ себя бездушнымъ эгоистомъ, а ее благороднѣйшей душой въ свѣтѣ.

— Нѣтъ,—возразила Констанція,—не надо мѣнять. Мнѣ нравится такъ... это, какъ ты говоришь... это рабочая мастерская, а работа для тебя—все. Вѣдь, правда?

У него мелькнула мысль, что такой вопросъ уже онъ слышалъ когда-то, и онъ не отвѣтилъ сразу. Эта пауза много досказала Констанціи. Однако, его руки все еще обвивали ея станъ, а голосъ его тихо шепталъ ей, что она для него выше всего. И это было сладко слышать, хотя она и знала, что это не совсѣмъ такъ.

— Посмотримъ еще твою новую гравюру, Дикки,—предложила Констанція.

Гравюра изображала внутренность старой часовни, съ краснымъ огнемъ лампады передъ алтаремъ, незажженными свѣчами и той особенной туманно-мистической атмосферой, которой проникнуты всѣ католическія церкви. Даже запахъ ладана чудился вамъ, когда вы смотрѣли на картину.

Констанція сама не знала, отчего она думала о своемъ ребенкѣ, когда смотрѣла на эту часовню. Этой мысли, вѣдь, конечно, у Дикки не могло быть. И въ груди у нея лежалъ

какой-то камень, когда она думала, какая будетъ у него жизнь и придется ли ему страдать отъ незаконности своего рожденія.

— Какъ она тебѣ кажется?—спросилъ Дикки.

— Чудесно,—отвѣтила Констанція. Но думала она о своемъ ребенкѣ.

Въ этотъ вечеръ, когда Дикки вернулся домой, разгоряченный похвалами м-ра Ниббса, Констанція рѣшила, что дальше скрывать свою тайну невозможно. Во время обѣда въ маленькомъ ресторанчикѣ она пробовала начать. Но если трудно это было съ матерью, то съ нимъ еще насколько труднѣе!

Она знала, что онъ будетъ ласковъ, будетъ нѣженъ. Можетъ быть, даже обрадуется. Но неужели опять встанетъ передъ ней искушеніе быть его законной женой? И если да, то какъ, хотя бы ради ребенка, найти въ себѣ силы отвергнуть его?

Наконецъ, она собралась съ духомъ. Сказаны были первыя вступительныя слова, когда уже нельзя отдѣлаться и надо итти дальше. Но это было не въ ресторанѣ. Тамъ у нея не хватило мужества: освѣщеніе было такое яркое, и чужіе люди могли видѣть выраженіе ихъ лицъ. Случилось это даже не сразу, когда они вернулись домой. Дикки тотчасъ сталъ готовить цвѣтныя чернила для второго экземпляра своей часовни. Только поздно ночью въ постели, когда она лежала въ темнотѣ со своими мыслями, слова соскользнули съ ея губъ, прежде чѣмъ она сама поняла, что хочетъ произнести ихъ.

— Дикки!—шепнула она.—Что бы мы сдѣлали, если бъ у насъ родился ребенокъ?

Прежде чѣмъ отвѣтить, онъ съ минуту лежалъ тихо, тихо, едва дыша. Жизнь въ своей неизбѣжности ясно встала передъ нимъ. Никогда это раньше не приходило ему въ голову, и теперь онъ чувствовалъ, какъ человѣкъ, вдругъ проснувшійся среди ночи и понявшій, что смерть неизбѣжна, что, какъ ни храбрись, а послѣдній часъ настанетъ. Вмѣстѣ съ солнцемъ эта мысль уходитъ, и только изрѣдка она возвращается опять. А теперь Дикки стоялъ передъ другимъ, такимъ же неизбѣжнымъ закономъ жизни. Ему достаточно было того, что Констанція сказала. По звуку ея голоса, по тихой настороженности всего ея тѣла, онъ понялъ все, чего она не договорила.

— Давно уже знаешь?—шепнулъ онъ въ отвѣтъ.

— Скоро три мѣсяца.

— Отчего же ты мнѣ не сказала раньше?

— Ты работалъ... я не хотѣла мѣшать. У насъ было тогда много долговъ, а ты мучился надъ своимъ станкомъ.

Дикки лежалъ тихо со своими мыслями, затѣмъ медленно привлекъ ее къ себѣ на грудь.

— Когда же ты думаешь о себѣ самой?—спросилъ онъ.—Неужели всегда только я и моя работа?

— Она такъ много значитъ для тебя, Дикки,—сказала она,—я знаю, какъ много.

— Да, но не въ сравненіи съ этимъ.

Хотя она ни въ чемъ не обвиняла его, Дикки все же ощущалъ раскаяніе. Онъ подошелъ къ тому моменту, когда каждый мужчина чувствуетъ свое безсиліе, свою безпомощность и невозможность пересоздать то, что онъ создалъ.

— Удивительное, чудесное ты существо!—произнесъ онъ наконецъ, дивясь тому чуду, которое живетъ въ ней.—Удивительное!—повторилъ онъ, цѣлуя ее въ лобъ и щеки. Она лежала въ его объятіяхъ, согрѣтая счастливой гордостью будущаго материнства—той гордостью, которую многіе мужчины обратили для женщины въ позоръ.

И долго они лежали, обнявшись, молча думая каждый по-своему: онъ свое, мужское, она—свое женское, такіе далекіе по натурѣ, такіе близкіе душой.

— Ахъ, если это мальчикъ,—сказалъ вдругъ Дикки,—золотая моя, если бъ мальчикъ!

— Другой Дикки,—шепнула она,—другой ты.

— Онъ можетъ быть лучше меня,—замѣтилъ Дикки.

— Никогда въ жизни,—отвѣтила она, высвободила свою руку, на которой лежала, и обвила шею Дикки.

Они начали строить воздушные замки; юность большой мастеръ на это. Замокъ за замкомъ былъ воздвигнутъ, и всѣ уходили высоко въ небо, вѣчно-синее, съ вѣчно сіяющимъ въ немъ солнцемъ.

— Но ты понимаешь, конечно, что намъ одно надо сдѣлать,—сказалъ Дикки наконецъ.

Констанція затаила дыханіе.

—Мы сейчасъ же повѣнчаемся,—проговорилъ онъ.

И почувствовалъ, какъ ея рука, обвивавшая его шею, поникла.

Это—то, что на поклялась никогда не дѣлать, даже ради ихъ ребенка?

— Мы сейчасъ же повѣнчаемся,—повторилъ онъ такимъ твердымъ и спокойнымъ голосомъ, что она поняла — избѣжать этого нельзя.

VI.

Когда м-съ Бальдвинъ узнала объ этомъ, то объявила, что Дикки—настоящій джентльменъ, какимъ она всегда его считала. Она подперла бока, кивала головой, и вся ея поза выражала радостное чувство побѣды.

— Не больно я строга на этотъ счетъ,—говорила она,—что съ бракомъ, что безъ брака—по-мнѣ все одно. Если люди не сошлись характеромъ, то и бракъ ихъ не свяжетъ.

Но, замѣтивъ, что, пожалуй, она черезчуръ ударилась въ вольнодумство, она прибавила:

— Конечно, вѣнецъ все-таки лучше. Придаетъ солидность, видъ. Ужъ никто ничего сказать не можетъ, и если священникъ попадается, то и ему посмотришь прямо въ глаза — не хуже тебя, молъ!

— Дѣло идетъ не о томъ, джентльменъ ли Дикки или нѣтъ,—возразила Констанція.—Вѣдь, это *я* не хотѣла вѣнчаться раньше... да и теперь я не хочу, но только онъ имѣетъ право настаивать. Это *его* ребенокъ такъ же, какъ и мой.

М-съ Бальдвинъ не одобряла такого разсужденія.

— Я и сразу не могла понять, голубушка, изъ-за чего ты заупрямилась.

— Ты никогда не поймешь, мама,—сказала Констанція,—никогда! Даже когда онъ будетъ знаменитостью, а я буду имѣть идіотскій видъ за обѣдами съ лордомъ такимъ-то и лэди такой-то.

Но м-съ Бальдвинъ не вѣрила въ возможность такой перспективы.

— Да, вѣдь, онъ только рисуетъ,— возражала она.—Только съ красками возится.

— Ну, да... Ты представляешь себѣ тѣхъ маляровъ, которые приходятъ въ лавку купить на шесть пенни свинцовыхъ бѣлилъ или бутылочку масла. Ты не знаешь, что такое настоящій художникъ. Подожди, пока онъ окончитъ мой портретъ — вотъ, тогда ты увидишь.

Тихонько, не говоря никому, Дикки и Констанція пошли въ регистратуру на Генріетта-стритъ и сочетались законнымъ бракомъ.

— Ну, вотъ,—сказалъ Дикки, когда они выходили оттуда,—теперь никто у меня не можетъ отнять тебя!

И онъ тихонько вложилъ въ руку Констанціи маленькій

пакетикъ, который купилъ утромъ. Она не могла дождаться возвращенія домой, чтобы развернуть его. Въ безлюдномъ углу Ковентъ-Гарденскаго рынка она развязала пакетикъ, вынула изъ бумаги футлярчикъ, а внутри его оказался золотой браслетъ, стоившій пустяки, но казавшійся ей безцѣннѣйшимъ сокровищемъ.

— Дикки!—вырвалось у нея.

— М-съ Ферлонгъ! — сказалъ онъ, и щеки Констанціи вспыхнули.

Этотъ день они отпраздновали: обѣдали въ ресторанѣ, а затѣмъ пошли въ ложу, присланную имъ дирекціей мюзикъ-холла Миддль-Сексъ. Констанція горячо апплодировала всѣмъ исполнителямъ.

— Да, это разница! — говорила она.—Совсѣмъ другое, когда сидишь тутъ, въ залитой огнемъ залѣ... или надо сказать «огнями», Дикки?

— Это все равно, дорогая моя,—отвѣтилъ онъ.

— Да... если бъ ты зналъ, какъ тошно на душѣ, когда поешь-поешь, стараешься, грудь надрываешь, а въ публикѣ два-три человѣка похлопаютъ, а всѣ другіе разговариваютъ и безъ всякаго вниманія. Уйдешь это со сцены такъ, точно тебя по лицу ударили, а за тобой уже готовится слѣдующій номеръ, такой же безнадежный...

— Я бы заставилъ себя слушать,—сказалъ Дикки.

— Ну, да! такъ это ты! Ты — другой человѣкъ! У тебя умъ! А у этихъ большей частью что? Быстрыя ноги, да ловкость. Интересно знать, когда мнѣ опять придется на сцену?

Дикки взялъ ея руку, такъ осторожно, точно это была хрупкая дѣтская ручка.

— Не раньше, чѣмъ уже *послѣ*,—прошепталъ онъ.—А, можетъ быть, и тогда нѣтъ. Тебѣ надо страшно беречься.

И, дѣйствительно, Дикки тщательно заботился о ней. Констанція была совершенно права, когда сказала, что Дикки будетъ такъ тревожиться, точно ему самому приходится рожать ребенка. Очень часто она замѣчала на себѣ взглядъ Дикки, когда она сидѣла, погруженная въ свои женскія думы, новыя и сладкія.

— Тебя бы очень утомило посидѣть вотъ такъ немного?— неожиданно спросилъ Дикки однажды. Онъ чутко угадывалъ ея настроеніе, понялъ, что оно — «вѣчно-женственное», и думалъ въ своей пылкой вѣрѣ, что ему удастся уловить его, изобразить на полотнѣ и показать всему міру женщину, какъ онъ ее видѣлъ.

Констанція покачала головой: нѣтъ, молъ, не устанетъ! Ей

знакома была звенящая нотка внезапно проснувшагося интереса въ его голосѣ, напряженная, какъ скрипичная струна.

— Хочешь продолжать портретъ?—спросила она.

Дикки покачалъ головой и пошелъ за холстомъ, мольбертомъ и углемъ.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ онъ,—я не хочу теперь портрета. Я напишу больше, чѣмъ портретъ.

Констанція поняла, что́ значитъ «больше, чѣмъ портретъ», и улыбнулась ему и мысли о своемъ ребенкѣ.

— Старайся забыть, что ты позируешь,—сказалъ онъ.— Сиди просто такъ... думай о томъ, что́ ты думала раньше, мечтай. А обо мнѣ забудь.

Но все-таки черезъ полчаса она устала. Искоса она взглянула на Дикки. Лицо его все еще горѣло огнемъ вдохновенія. Онъ то подходилъ къ полотну, то отскакивалъ, затѣмъ бросилъ вдругъ уголь и сталъ съ краю палитры смѣшивать краски до того поспѣшно, какъ-будто каждая потерянная минута — цѣлая жизнь. Констанція не могла рѣшиться прервать его и продолжала сидѣть, пока не пробилъ часъ.

Тогда только Дикки вдругъ замѣтилъ ея блѣдность и измученное выраженіе лица, бросилъ кисти, браня себя и заботливо, какъ женщина, побѣжалъ внизъ за рюмкой брэнди, чтобы подкрѣпить ее.

Когда на щекахъ Констанціи вновь появилась краска, она спросила, какъ онъ доволенъ работой, и тогда Дикки снова вернулся мыслью къ портрету. Онъ разразился градомъ восторга, показалъ ей полотно и объяснилъ весь свой планъ.

Картину онъ назоветъ «Созерцаніе материнства». Дѣйствительно, въ простой позѣ женской фигуры, послѣ часовой работы надъ основнымъ наброскомъ, она почувствовала свои мысли. И она съ изумленіемъ и восхищеніемъ перевела съ полотна глаза свои на Дикки.

— Какъ ты узналъ, что я *это* думаю?—спросила она.

Дикки не отвѣчалъ: его мысли были слишкомъ заняты работой. Но она продолжала, не дожидаясь отвѣта:

— Ты просто удивительный какой-то, Дикки,—сказала она,—ты всегда знаешь, что у людей внутри. То есть что́ они думаютъ. И ты рисуешь мысли. Ты, думаешь, что всѣ поймутъ, что вотъ это значитъ?

— Должны понять,—сказалъ онъ.—Я ихъ заставлю.

Во время слѣдующаго сеанса Дикки не могъ ничего дѣлать: онъ все время боялся, что Констанція устала. Эта тре-

вога передалась и рукѣ. Не работалось. Наконецъ, онъ положилъ палитру.

— Нѣтъ, не выходитъ сегодня, не клеится что-то,—сказалъ онъ, не объясняя ей въ чемъ дѣло. Онъ вышелъ пройтись и, шагая по улицѣ взадъ и впередъ, думалъ о томъ, что никакая его работа не можетъ сравниться по важности съ тѣмъ, что̀ она переживаетъ и что̀ ей предстоитъ, и старался укрѣпиться въ этомъ убѣжденіи.

А Констанція, наполовину угадавшая, что̀ помѣшало ему, на другой день сама предложила позировать. Это придало Дикки бодрости. «Значитъ, она сегодня чувствуетъ себя крѣпче»,—подумалъ онъ и сталъ съ прежней энергіей мѣшать краски, забывъ думать о ней.

И словно по волшебству полотно стало оживать. Мазокъ за мазкомъ, вдохновленные силой его фантазіи, творили чудо. Лицо Констанціи поблѣднѣло, глаза погасли, но онъ не замѣчалъ этого. Она бросала на него взгляды, въ надеждѣ встрѣтиться съ нимъ глазами, затѣмъ комната стала расплываться передъ ней, какъ въ туманѣ. Она видѣла Дикки у холста, работающаго съ прежнимъ жаромъ, но онъ былъ такъ далеко, такъ далеко! Наконецъ, она тихо вздохнула, голова ея поникла, и вся комната и Дикки въ ней исчезли въ черномъ небытіи.

VII.

Послѣ этого случая Дикки заговорилъ о консультаціи съ хорошими врачами изъ Вестъ-Энда. Голосъ у него былъ взволнованный. Это было черезъ нѣсколько дней.—«Созерцаніе материнства» было уже готово.

Констанція смѣялась надъ его страхами: неужели онъ думаетъ, что она первая женщина, рождающая на свѣтъ ребенка? спрашивала она.

— Если ты будешь такъ волноваться, — заявила она, — то я выпровожу тебя изъ дому, пока все не кончится.

— Но ты такая дѣвочка!—сказалъ онъ.

— Ну что жъ! тѣмъ лучше,—возразила она.—Мнѣ двадцать лѣтъ. На дняхъ въ домахъ Пибоди, знаешь, у пятнадцатилѣтней дѣвочки родился ребенокъ. А чѣмъ бы ты платилъ вестъ-эндскому доктору, Дикки?

Онъ не отвѣчалъ. Она опять посмѣялась надъ нимъ: хорошъ самъ! А еще говоритъ, что она ребенокъ! И она смотрѣла

на него по-матерински, какъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ будетъ смотрѣть на своего маленькаго.

Констанція рѣшила взять доктора Оши, популярнаго врача въ Дрюри-Лэнѣ, маленькаго католика-ирландца, который жилъ среди лондонской бѣдноты, грязи и всяческой скверны, но продолжалъ благодушно и спокойно держаться своихъ идеаловъ, своихъ святыхъ и своей непорочной Дѣвственницы, несмотря на грѣхи, позоръ и ужасы жизни вокругъ него. Онъ вѣрилъ въ красоту, какъ реальное бытіе, и ничто не могло сокрушить его сказочнаго міра.

Этотъ докторъ сталъ навѣщать квартиру № 12, въ Квинъ-Стритѣ. Онъ зналъ Констанцію съ дѣтства, зналъ обстановку и среду, въ которой она выросла, и не былъ бы ни удивленъ, ни шокированъ, если бъ узналъ, какъ заключенъ былъ ихъ бракъ.

У доктора были свои понятія о живописи и когда онъ приходилъ, то часто вступалъ въ диспутъ съ Дикки по поводу его еретическихъ взглядовъ на искусство. А свои идеи докторъ почерпнулъ еще въ тѣ времена, когда онъ, передъ поступленіемъ на медицинскій факультетъ, былъ недолго ученикомъ художественной школы въ городѣ Коркѣ. Этимъ идеямъ онъ оставался вѣренъ, какъ своимъ идеаламъ, и ничто не могло поколебать его преданности. Горячіе споры съ нимъ были чрезвычайно полезны для Дикки, такъ какъ выясняли ему самого себя и укрѣпляли его аргументы.

— Милый мой юноша,—говорилъ обыкновенно докторъ въ заключеніе бесѣды,—нельзя изобразить на полотнѣ вещь, которая не имѣетъ опредѣленной формы. Если вы желаете написать святость, то вы должны изобразить папу, скажемъ, или Пресвятую Дѣву, и тогда окажется, что рисуете-то вы именно *его* Святѣйшество, а не свою собственную мысль о немъ.

— Неужели вы хотите сказать, что не видите на свѣтѣ ничего святого, кромѣ тѣхъ вещей, которыя носятъ этотъ ярлыкъ?

— Да, нѣтъ же! Здѣсь, въ Дрюри-Лэнѣ, я вижу это святое, и нелегко это дается людямъ, когда они живутъ въ коморкѣ подъ крышей, въ тѣснотѣ и грязи!

— Отлично!—разсмѣялся Дикки,—такъ, если вы это видите, значитъ, оно есть... а разъ оно есть, то оно имѣетъ опредѣленную форму.

— Имѣетъ, конечно... но не такую, чтобы ее можно было смѣрить. А если смѣрить нельзя, то какая ужъ тутъ форма?

Вотъ что̀ я вамъ скажу: вы очень разумный молодой человѣкъ,— онъ сказалъ это въ сторону Констанціи, чтобы порадовать ее похвалой мужу,—но все-таки послушайтесь меня, старика. Впрочемъ, я не такъ старъ, какимъ кажусь на видъ.

— Что́ же?

— А вотъ что̀: пишите то, что̀ вамъ знакомо. О святости вы ничего не будете знать, пока не сдѣлаетесь добрымъ католикомъ, а этого — боюсь, никогда не будетъ. Но если бы вы когда-нибудь увѣровали, то могли бы написать Мадонну, какъ старые мастера. И замѣтьте, если бы это была хорошая картина, то вы въ ней подошли бы къ святому гораздо ближе, чѣмъ тогда, когда вы сѣли и написали какой-то уголокъ въ лѣсу съ деревьями и всякой всячиной и увѣряли меня, что вотъ это и есть «святое».

— А какое оно на васъ производитъ впечатлѣніе? — спросилъ Дикки и повѣсилъ картину, о которой шла рѣчь, такъ, чтобы освѣщеніе было болѣе выгодное.

Маленькій докторъ въ двадцатый разъ пристально вглядѣлся въ нее.

— Вы хотите знать, что́ она мнѣ напоминаетъ?—спросилъ онъ,—не то, чтобы мѣсто было похоже! нѣтъ, Боже упаси! не больше похоже, чѣмъ если бъ это была столовая въ Дублинскомъ дворцѣ. Но оно напоминаетъ мнѣ лѣсъ въ Рошстоунѣ, возлѣ Корка, гдѣ я ухаживалъ за одной барышней. Это была не та, понимаете, на которой я потомъ женился, а одна изъ тѣхъ, въ которую влюбляешься, когда еще такъ молодъ, что ничего о ней и не знаешь, кромѣ цвѣта глазъ и забавной манеры произносить букву *р*... Можетъ быть, это единственная дѣвушка, которую никогда не забудешь. Бываютъ иногда минуты, когда чувствуешь себя внутренне хорошо, какъ послѣ доброй исповѣди, и кажется, что Богъ похвалилъ меня и потрепалъ по щекѣ, и вотъ въ такія минуты я и теперь вспоминаю ее. И эта картина ваша напоминаетъ мнѣ то мѣсто въ Рошстоунскомъ лѣсу, гдѣ я ее поцѣловалъ. Вотъ вамъ чистая правда.

Глаза Дикки искрились возбужденіемъ.

— А мѣсто совсѣмъ не похоже?—спросилъ онъ.

— Ни чуточки.

— Значитъ, оно напоминаетъ что-то, не имѣющее ни формы, ни контуровъ, ни даже краски. И я готовъ держать пари на что угодно, что если бъ вы разсказали намъ эту исторію по другому поводу, то вы признались бы, что это одна изъ священнѣйшихъ минутъ въ вашей жизни.

Докторъ пожалъ плечами. Онъ не сдавался, но и защищаться не былъ способенъ.

— Вы бы должны были попробовать свои силы въ портретѣ,—сказалъ онъ,—это нѣчто опредѣленное, что̀ можно смѣрить. Если же ваша мѣрка оказалась бы невѣрна, то тутъ, голубчикъ, никакими разсужденіями не поможешь.

Отвѣтомъ на это было появленіе «Созерцанія материнства». Дикки вытащилъ ее такъ, какъ вы побили бы козырнаго короля тузомъ. Докторъ молчалъ, разсматривая портретъ. Констанція поглядывала то на него, то на Дикки, а Дикки видѣлъ только портретъ. Онъ испытывалъ характерное настроеніе творца, знающаго, что произведеніе его удачно.

— Когда вы сдѣлали это?—спросилъ докторъ.

— А что?

— Да вотъ... какъ-будто портретъ только-что оконченъ, а я не знаю, стали ли бы вы писать ее, когда ее гнетутъ мысли о ребенкѣ? Нѣтъ, впрочемъ, слово неподходящее... гнести-то не изъ-за чего. Но вотъ что: если бы я никогда не видалъ оригинала, а это былъ бы для меня просто портретъ неизвѣстной женщины, я бы...

— Что̀... что̀?—не терпѣлось Дикку.

— Я бы сказалъ, что она погружена въ какія-то думы, а такъ какъ я врачъ, то понялъ бы и—какія.

— Вы знаете, какъ я назвалъ картину? — спросилъ Дикки.

— Кто васъ знаетъ? Смѣлости у васъ на десятерыхъ. Вѣрно, назвали прямо «М-съ Ричардъ Ферлонгъ».

— Я назвалъ ее «Созерцаніе материнства».

Докторъ поднялся и взялъ свою шляпу.

— Курьезный вы человѣкъ, — сказалъ онъ, — всегда оказывается, что вы сдѣлали именно то, что̀ люди ждутъ отъ васъ. Я думаю, вы сочинили это черезъ минуту послѣ того, что̀ я сказалъ.

На послѣдней ступенькѣ, возлѣ двери на улицу докторъ дотронулся до руки Дикки и сказалъ:

— Берегите ее. Надо, чтобы у нея было легко на душѣ.

— Значитъ, вы считаете, что у нея не идетъ благополучно, — разомъ насторожился Дикки.

Ирландецъ съ отчаяніемъ поднялъ на него глаза.

— Послушайте! Я даю вамъ самый простой совѣтъ, — сказалъ онъ,—а вы сейчасъ же дѣлаете изъ него самые ребяческіе выводы! Нельзя же такъ. Нѣтъ, чортъ возьми, надо

было бы издать законъ, воспрещающій мальчикамъ жениться. Дѣвчонки — ничего! Посади одну изъ нихъ на необитаемый островъ и чтобы доктора не было за десять тысячъ миль, и она отлично справится сама. А вы просто слушайте и дѣлайте то, что̀ я вамъ говорю. Ей не надо много думать, не надо бояться. Неужели вы воображаете, что вы единственный человѣкъ, съ которымъ происходитъ подобный случай? Успокойтесь, мой милый: у меня завтра утромъ есть четыре такихъ визита въ Дрюри-Лэнѣ!

Онъ смѣясь захлопнулъ дверь, и Дикки побрелъ одинъ наверхъ.

Отчего ему послышалось что-то тревожное въ тонѣ доктора? Воображеніе? Или это въ немъ самомъ сидитъ тревожное предчувствіе? Что̀ бы онъ дѣлалъ безъ Констанціи? Могло ли бы искусство помочь ему перенести утрату ея? Но, вѣдь, докторъ ничего особеннаго не видитъ. Дѣтей рожаютъ всѣ. Это обычный случай въ его ежедневномъ обходѣ. Но развѣ смерть для этого доктора не такъ же обыкновенна, какъ и все прочее?

Эта страшная мысль заставила Дикки однимъ скачкомъ взбѣжать нѣсколько оставшихся ступенекъ. Констанція сидѣла у окна. Глаза у нея были закрыты, но она открыла ихъ, когда онъ вошелъ. Дикки опустился на колѣни возлѣ ея стула.

— Такой другой, какъ ты, я бы не могъ найти на всемъ свѣтѣ. Золотая моя!—шепталъ онъ.

— Думай такъ всегда, дорогой, — сказала она, — больше мнѣ ничего не надо, только...

— Только что̀?

— Только другого маленькаго Дикки... больше ничего.

VIII.

Ребенокъ родился въ субботу: долго помнилъ Дикки этотъ день! Пока докторъ Оши былъ съ Констанціей, Дикки шагалъ по тротуару возлѣ дома, отупѣлый, ничего не чувствуя, въ смятеніи переживая воображеніемъ всѣ муки дѣторожденія. Онъ самъ не зналъ, куда несли его ноги, и неожиданно открылъ дверь къ сосѣду-портному, гдѣ на стѣнахъ висятъ изображенія безукоризненныхъ дэнди во фракахъ и сверкающихъ цилиндрахъ, извѣстныхъ въ Квинъ-стритѣ только по наслышкѣ.

Портной, м-ръ Іидль, поклонился очень любезно: это былъ

первый посѣтитель за три дня. Теперь онъ занятъ былъ кройкой для самого себя, но развѣ это настоящее дѣло? И онъ вышелъ навстрѣчу Дикки, стуча огромными ножницами.

— Костюмчикъ новый вамъ угодно, сэръ?—спросилъ м-ръ Іидль.—Позвольте, давно я вамъ уже не шилъ.

— Мнѣ не надо костюма, м-ръ Іидль,—отвѣтилъ Дикки.

— Нѣтъ?—переспросилъ портной, убѣждаясь, что есть на свѣтѣ другія вещи, кромѣ костюма, и что, если только это будетъ въ его силахъ, онъ ихъ доставитъ. Онъ снова щелкнулъ ножницами, но зналъ уже, что заказъ не ахти какой выгодный.

— Я такъ... зашелъ поболтать,—сказалъ Дикки.

М-ръ Іидль медленно сложилъ ножницы. Дѣло оборачивалось иначе. Онъ думалъ, что получитъ деньги за послѣдній костюмъ, и уже готовился принять новый заказъ и завтра же взялся бы за работу съ мѣломъ въ рукахъ, и ему казалось бы, что «дѣло какъ-будто на мази». Но все-таки онъ чрезвычайно любезно улыбнулся и сказалъ, что очень радъ.

— Прекрасная нынче погода,—прибавилъ онъ, полагая, что это прекрасное начало для болтовни, которой хочетъ этотъ молодой человѣкъ.

— Да... хорошая, — подтвердилъ Дикки и взглянулъ въ окно: онъ совершенно не замѣтилъ сегодня, что на дворѣ.

— Какъ ваша живопись? Хорошо?

— Очень хорошо...

— Занятіе ничего, вотъ только краски пахнутъ сильно, правда?

— Этого не замѣчаешь,—сказалъ Дикки.

— Ну, да, конечно... Все привычка. Хотя, говорятъ, маляры, напримѣръ, сильно отъ краски страдаютъ. Дома у васъ все благополучно, сэръ?

Онъ опять защелкалъ ножницами. Дѣла не сдѣлать—онъ ужъ примирился съ этимъ. Разочарованіе прошло, и теперь хотѣлось хоть какъ-нибудь проявить себя.

— Моя жена нездорова,—сказалъ Дикки мрачно.

— Вотъ какъ! очень жаль. Инфлуэнца? Говорятъ, очень много теперь болѣютъ.

— Нѣтъ... у нея сейчасъ докторъ. Она... у нея родится ребенокъ.

Портной положилъ свои ножницы. Если бъ Дикки сказалъ это сразу, онъ бы давно понялъ. Онъ помнилъ тотъ день, когда родился его первый ребенокъ: какой онъ скроилъ тогда сюртукъ!

А этотъ пришелъ «поболтать»! Ну, конечно, костюма ему не надо. Какъ бы онъ выбралъ матеріалъ, если бъ нужно было!

— Ну, я надѣюсь, что все будетъ прекрасно, сэръ,—сказалъ портной.—Такая крѣпкая молодая женщина! Я слышалъ ея пѣніе въ Миддльсексѣ, нѣсколько разъ слышалъ. Ее очень любитъ публика.

— Да... мнѣ кажется, что она сильная,—сказалъ Дикки.

— Сильная? Да она прямо создана, чтобы быть матерью.

— Вы такъ думаете?

— Ну, конечно... Стоитъ только посмотрѣть на нее,—сказалъ м-ръ Іидль.—Но это трудное время. Потомъ привыкаешь. А при первомъ ребенкѣ всегда поднимается кутерьма.

— Мнѣ кажется... это, вѣдь, опасно, правда?

М-ръ Іидль понялъ, что къ нему обращаются, какъ къ авторитету. Если бъ вопросъ шелъ о покроѣ сюртука, то онъ бы съ удовольствіемъ высказалъ свой взглядъ. Когда къ вамъ обращаются, какъ къ авторитету, то вамъ кажется, что вы заняты дѣломъ.

— Я бы не сказалъ, что это опасно,—произнесъ онъ такъ неувѣренно, что Дикки вздрогнулъ.—Моя жена была очень больна послѣ перваго ребенка... очень больна... а второй и третій сошли хорошо... ну, а пятаго она просто даже не замѣчала. Черезъ недѣлю была уже на ногахъ и работала.

Дикки пожалѣлъ о томъ, что̀ пришелъ поболтать съ м-ромъ Іидлемъ и что онъ разсказалъ ему, что̀ происходитъ дома. Какой смыслъ имѣло то, что м-съ Іидль очень хорошо перенесла рожденіе пятаго ребенка, если она была очень больна послѣ перваго? Стараясь перемѣнить какъ-нибудь разговоръ, онъ вспомнилъ о неоплаченномъ костюмѣ, сталъ искать въ карманѣ и нашелъ десять шиллинговъ.

— Я вамъ еще долженъ за старый костюмъ, м-ръ Іидль,—сказалъ онъ.

— Да, сэръ... Но не стоитъ вамъ безпокоиться,—и, не теряя достоинства, онъ старался доказать, что хоть это маленькая сумма, но все теперь можетъ быть поддержкой въ эти трудныя времена. Доказательство было проведено убѣдительно. Дикки положилъ на столъ десять шиллинговъ.

— Остальное я уплачу при первой возможности,—сказалъ онъ и быстро пошелъ къ двери.

— Весьма обязанъ, сэръ... я вамъ пришлю расписку послѣ обѣда.

На улицѣ Дикки увидѣлъ м-съ Бальдвинъ, выглядывавшую за нимъ по всѣмъ направленіямъ.

— Все кончено, Дикки,—сказала она, еле переводя духъ.

— Господи!—воскликнулъ онъ.

— Нѣтъ... то-есть, все хорошо... это мальчикъ.

— А какъ она?

— Очень хорошо... намучилась очень, конечно, бѣдняжка... хочетъ видѣть васъ.

Дикки поднялся на лѣстницу и вошелъ въ комнату, осторожно, точно это былъ новый міръ: вѣдь, здѣсь было новое существо, котораго онъ еще никогда не видѣлъ, и эта встрѣча смущала его.

Констанція подняла голову съ подушки и привѣтствовала Дикки усталой улыбкой. Онъ опустился на колѣни у кровати и взялъ ея руку въ свою, а докторъ тихонько вышелъ изъ комнаты.

IX.

Въ каждой карьерѣ бываютъ поворотные пункты. Уже пять лѣтъ Дикки жилъ въ Лондонѣ, учился на курсахъ живописи, работалъ у себя дома, стремился къ признанію, но добился его пока только со стороны м-ра Ниббса.

— Я для васъ ничего не могу сдѣлать, голубчикъ мой,—говорилъ не разъ маленькій антикваръ,—развѣ можно продавать картины у моста Ватерлоо? Всякія случайныя вещи и подержанные ковры—вотъ что публика здѣсь покупаетъ. Но со временемъ вы вспомните меня. Пожалуй, вы бы никогда не взялись за гравюры, если бъ я не корпѣлъ надъ старымъ Дюреромъ въ Гринвичѣ. Вотъ этотъ господинъ, который послалъ вамъ станокъ, знаетъ вамъ цѣну, какъ и я. И это вы вспомните тоже; вѣдь, я первый понялъ васъ. Взять хотя бы тѣ доски, что вы сейчасъ дѣлаете: вы знаете, какая имъ цѣна?

Дикки покачалъ головой.

— Пожалуй, гинеи двѣ,—сказалъ онъ.

— Больше! Въ Бондъ-стритѣ цѣна имъ пять гиней. Но *они* еще не раскусили ихъ. Я бы и самъ не раскусилъ, если бъ вы не работали у меня, что называется, подъ бокомъ. Вы помните, какъ я смѣялся первый разъ, когда вы сказали, что сдѣлаете гравюру въ краскахъ. Мнѣ думалось, что это вздоръ, потому что я ничего подобнаго никогда не видѣлъ. А оно возьми да и выйди, и видъ не хуже масла.

— А теперь я придумалъ новый инструментъ,—сказалъ Дикки,—я вамъ еще не разсказывалъ о немъ. Вы знаете мою гравюру часовни?

М-ръ Ниббсъ кивнулъ головой.

— Ну, вотъ... такъ тамъ сквозь цвѣтное стекло пробивается лучъ свѣта—помните?—и какъ-будто дрожитъ и колышется, и въ немъ танцуютъ пылинки, какъ всегда въ солнечномъ лучѣ, попавшемъ въ комнату.

М-ръ Ниббсъ опять кивнулъ головой. Это—все, что отъ него требовалось.

— Я придумалъ инструментъ, чтобы получить этотъ эффектъ,—сказалъ Дикки. — Это въ родѣ маленькой проволочной зубной щетки—впрочемъ, величина бываетъ различная—и ею я натираю поверхность доски. Получается шероховатость и отсюда впечатлѣніе пылинокъ. Я долго думалъ, какъ это сдѣлать, чтобы столбъ свѣта не былъ такимъ плоскимъ, неподвижнымъ. Въ солнечномъ свѣтѣ всегда есть движеніе... всѣ эти микроскопическія пылинки дѣлаютъ его... и вотъ пришла мнѣ въ голову такая щеточка. Ну, и волновался же я, пока добился того, что хотѣлъ. Не знаю, удавалось ли раньше кому-нибудь изобразить это трепетаніе въ солнечномъ свѣтѣ.

М-ръ Ниббсъ съ раскрытымъ отъ изумленія ртомъ смотрѣлъ на Дикки. Представить себѣ только: задумать изобразить пылинки въ лучѣ свѣта! и главное—добиться! Это казалось м-ру Ниббсу положительно волшебствомъ. Дѣйствительно, онъ замѣтилъ въ гравюрѣ часовни, какъ хорошо вышелъ падающій свѣтъ, и подумалъ тогда, что это случайная удача при печатаніи. А теперь оказывается, что Дикки придумалъ инструментъ, спеціально для полученія этого эффекта. Это уже нѣчто такое, чего онъ своимъ скуднымъ умомъ не могъ охватить.

— Дойдетъ до *нихъ* скоро ваше имя,—сказалъ онъ.— «Ричардъ Ферлонгъ»—это хорошо звучитъ. И тогда ужъ будутъ бѣгать за вами по пятамъ.

И дѣйствительно, поворотный пунктъ, котораго такъ долго ждалъ Дикки, наступилъ. Случилось это на слѣдующій день послѣ того, какъ родился на свѣтъ другой маленькій Дикки. Отъ крупной фирмы на Бондъ-стритѣ, гдѣ Дикки оставилъ для витрины свою гравюру часовни, онъ получилъ письмо съ просьбой явиться для личныхъ переговоровъ.

Во всякое другое время такой сюрпризъ вызвалъ бы въ немъ радостное возбужденіе. Теперь же онъ прочелъ письмо и положилъ его въ карманъ. Констанція была больна. Въ своемъ

невѣдѣніи онъ полагалъ, что разъ ребенокъ уже рожденъ, то всякая опасность миновала. Но оказалось, что это не такъ. Констанція таяла съ каждымъ днемъ. Каждое утро приходилъ докторъ О'Ши, и Дикки, поджидая его въ своей печатной мастерской, видѣлъ, какъ лицо маленькаго ирландца становилось съ каждымъ днемъ все болѣе серьезно и хмуро, когда онъ выходилъ изъ спальни.

Получилось второе, болѣе настойчивое приглашеніе изъ Бондъ-стрита. Дикки показалъ его доктору.

— Я бы не совѣтовалъ итти,—сказалъ тотъ,—не оставляйте жену. Мнѣ нечего скрывать отъ васъ: она въ большой опасности. Не оставляйте ее ни на минуту. Конечно, она можетъ и выкарабкаться. Организмъ у нея крѣпкій, и жить ей хочется, а это много значитъ. Вообще говоря, люди не умираютъ такъ легко, если они не хотятъ.

Онъ положилъ руку на плечо Дикки и прибавилъ:

— Но вы должны сами много помочь. Она не должна видѣть вашего вытянутаго лица, а то она подумаетъ, что нѣтъ никакой надежды.

— Развѣ она знаетъ?—еле слышно прошепталъ Дикки.

— Нѣтъ, не знаетъ,—отвѣтилъ докторъ,—но, вѣдь, съ женщинами такое дѣло: ихъ трудно обмануть, онѣ видятъ насквозь, а въ такомъ серьезномъ положеніи правды не скажешь. Вы должны ее успокоить и развеселить. Разсказывайте ей, какъ вы оба будете возиться съ ребенкомъ, когда она поправится. Это придастъ ей силы.

Съ этимъ добрымъ совѣтомъ докторъ удалился. Дикки подошелъ къ окну и сталъ глядѣть на улицу. Въ памяти его всплыли тѣ слова, которыя когда-то сказала ему m-me Марко: только теперь онъ понималъ все ихъ значеніе. Что̀ онъ будетъ дѣлать одинъ въ этихъ комнатахъ, если Констанція уйдетъ отъ него? Крикъ ребенка изъ спальни заставилъ его вздрогнуть: о немъ ему не хотѣлось теперь думать. Она, Констанція, была ему нужна. Безъ нея вся его работа теряла свой смыслъ.

Онъ задумался передъ тѣмъ, что̀ собственно придаетъ энергію его творческой фантазіи; можетъ быть, просто сама любовь, какъ фактъ, какъ явленіе? Ибо, если бъ Констанція умерла, онъ не могъ вообразить себѣ будущаго, ради котораго стоило бы жить. А между тѣмъ она не обладала умомъ, способнымъ внушать ему извѣстныя идеи и воодушевлять его честолюбивые замыслы. Умъ у нея былъ дѣтскій, и даже вовсе у нея не было ума, а только сердце, которое щедро давало ему свои дары.

Какъ онъ мало давалъ ей взамѣнъ! Но онъ не разъ замѣчалъ, что чѣмъ больше она выражала свою любовь, тѣмъ съ большей пылкостью онъ отдавался своему творчеству.

Такъ, значитъ, это и былъ обмѣнъ? Тогда она, бѣдная, кромѣ своего ребенка, потеряетъ мало. А онъ—онъ потеряетъ все!

Какимъ-то страннымъ чутьемъ она, повидимому, знала, что любовь Дикки къ ней выражается больше всего въ его энергіи къ своей работѣ. Мимолетный взглядъ, пожатіе руки, ласковое слово—и она бывала вполнѣ удовлетворена. Это было удивительное ея свойство. Она отдавалась вся, не считаясь и не мѣряя.

Дикки стоялъ, прислонясь къ косяку окна, и смотрѣлъ на улицу, ничего не видя. Его совѣсть была смущена этой проблемой отношеній мужчины и женщины, которую ни одинъ мужчина никогда не разрѣшитъ и ни одна женщина не захочетъ пытаться разрѣшать.

Дикки пожалъ плечами въ недоумѣніи и отошелъ отъ окна. Невозможно было понять все это. Выходитъ такъ, что если мужчина всего себя вкладываетъ въ свое любимое дѣло, то онъ этимъ самымъ кладетъ въ руку женщины камень вмѣсто хлѣба, котораго она проситъ. Если бы онъ былъ женщиной, онъ разсуждалъ бы такъ—тысячу разъ такъ! Вѣдь, что̂ въ сущности было для Констанціи его дѣло? Только доставляло ей удовольствіе, когда онъ бывалъ доволенъ—больше ничего. Ей нужна его любовь, а онъ даетъ ей гравюры да картины. А онъ? ему нужна ея любовь, и она даетъ ее, щедро и безъ раздумья. Гдѣ же тутъ справедливость? Конечно, ея нѣтъ.

Но Дикки понялъ теперь многое. Ея любовь для него—источникъ жизненной силы и вдохновенія. Ея болѣзнь многому научила его, и онъ поклялся, что, если она поправится, онъ будетъ такъ же щедро давать ей свою любовь. Не надо, чтобы давала только она. Эта мысль крѣпко овладѣла имъ, и съ нею онъ постучалъ въ дверь спальни и вошелъ.

Констанція лежала, но ея взглядъ не отрывался отъ двери. Какъ только она увидѣла, что это Дикки, усталое выраженіе соскользнуло съ ея лица. М-съ Бальдвинъ поднялась со стула и ушла въ другую комнату.

Констанція протянула руку. Дикки взялъ ее, прижалъ къ своимъ губамъ, цѣловалъ, оплелъ своими пальцами.

— Что̂ сказалъ докторъ?—спросила она.

Дикки постарался улыбнуться.

— Онъ сказалъ, что теперь ты скоро уже поправишься,—сказалъ онъ.—Тебѣ хочется выздоровѣть—а это великое дѣло.

— Да... мнѣ хочется,—сказала она,—вѣдь, мнѣ надо заботиться о маленькомъ.

— Конечно, родная моя, но прежде всего надо пока заботиться о себѣ. Онъ молодцомъ! Теперь ты на первомъ планѣ... прежде и выше всего.

— Но не выше твоей работы, Дикки! Ты не долженъ бросать ее. Ты началъ уже свою новую доску?

Дикки покачалъ головой. Онъ собралъ матеріалъ для гравюры церкви св. Павла изъ-за крышъ, но теперь отложилъ его.

— Я не могу теперь ничего дѣлать,—сказалъ онъ.—Не хочу. Я буду за тобой ухаживать.

— Лучше бы ты работалъ, Дикки... для тебя это все. Вѣдь, самъ знаешь, если ты пропустишь хоть одинъ день, то потомъ стыдишься самъ себя такъ, какъ-будто цѣлый мѣсяцъ пролѣнтяйничалъ.

Дикки улыбнулся этому замѣчанію. Оно было чрезвычайно правильно. Констанція и тутъ била его.

— Ничего... отдохнуть мнѣ очень полезно,—воскликнулъ онъ.—Работы будетъ потомъ, хоть отбавляй. Какъ только ты станешь на ноги, я пойду къ одному фрукту на Бондъ-стритъ. Онъ два раза писалъ мнѣ.

— Такъ чего же?.. зачѣмъ ждать,—сказала Констанція.—Пойди сегодня... послѣ обѣда.

Дикки рѣшительно покачалъ головой.

— Нѣтъ. Завтра, можетъ быть. Посмотримъ, какъ тебѣ будетъ.

На другой день у Констанціи былъ лучшій видъ. На щекахъ опять появлялась краска. Докторъ былъ настроенъ такъ же скептически, какъ всегда, но впослѣдствіи онъ признался, что думалъ, что это кризисъ къ выздоровленію.

— Не полагайтесь особенно на это,—сказалъ онъ.—Она была на самомъ краю. Можетъ быть, черезъ недѣлю она будетъ весела и здорова. Никто, какъ Богъ!

Когда Дикки показалъ ей оба письма изъ Бондъ-стрита, Констанція стала умолять его, чтобы онъ пошелъ сейчасъ.

— Мнѣ лучше, я чувствую. Я знаю это,—сказала она, и онъ, уступая ея настояніямъ, пошелъ.

Черезъ часъ Дикки вернулся сіяющій, съ горящими оживленіемъ глазами. Въ тотъ моментъ, какъ онъ вошелъ въ комнату, Констанція уже поняла, что онъ принесъ очень хорошее извѣстіе, и она сѣла на кровати слушать, несмотря на всѣ протесты матери.

— Ну, дѣло въ шляпѣ,—говорилъ Дикки, задыхаясь.— Теперь ничто меня не можетъ остановить, кромѣ меня самого. Поправляйся скорѣе, дорогая, и мы переѣдемъ жить въ деревню. Понимаешь?! Мы съ тобой будемъ въ деревнѣ. Теперь не для чего уже коптѣть въ Лондонѣ: они будутъ брать всѣ мои гравюры. Пятьдесятъ фунтовъ за каждое изданіе—двадцать экземпляровъ, и затѣмъ я долженъ уничтожить оригиналъ. Я не связанъ ничѣмъ. Я могу дѣлать столько, сколько хочу, и свободенъ продать кому угодно другія вещи, но они всегда будутъ брать мои картины и выставлять въ своихъ галлереяхъ. Они ставятъ двадцать пять процентовъ, но, зато они даютъ такія цѣны, какихъ я не получалъ бы нигдѣ—двадцать и тридцать фунтовъ, подумай только! Я далъ имъ ту маленькую картинку Ковентъ-Гардена, и они сказали, что легко продадутъ ее за пятнадцать гиней! Ты можешь дѣлать, что̂ хочешь, съ этими деньгами. Но, конечно, не это—главное.

Дикки остановился перевести духъ. Констанція не сводила съ него глазъ: она знала, что это еще не все.—Да, да,—говорила она.—Дальше.

— Вѣрно,—сказалъ онъ.— Есть еще кое-что. Пріѣзжалъ изъ Франціи человѣкъ покупать англійскія гравюры для какого-то казеннаго музея или галлереи... забылъ названіе. И вотъ онъ видѣлъ мою и купилъ ее. Заплатилъ десять гиней. Десять гиней отъ французскаго правительства! Подумай только, моя картина принадлежитъ всей націи... Это красиво, красиво!

Дикки схватилъ руку Констанціи и цѣловалъ ее въ самозабвеніи; затѣмъ вдругъ звукъ ея голоса заставилъ его поднять голову. Онъ взглянулъ и увидѣлъ, что глаза ея полны тревожныхъ вопросовъ, они кричатъ, молятъ въ ужасѣ объ отвѣтѣ.

— Констанція!—воскликнулъ онъ.

— Что?—отозвалась она. Ея голосъ долетѣлъ къ нему словно изъ другого міра. И вдругъ голова ея упала на подушку. Дикки подхватилъ ее. Онъ зналъ, что это—смерть. Какъ неожиданно и внезапно она ни пришла, что-то подсказало ему, что это смерть, и въ отчаяніи, въ страхѣ, въ смятеніи онъ закричалъ и упалъ рядомъ съ ней.

Такова была расплата за его успѣхъ.

Съ англ. пер. М. Славинская.

МѢЩАНСКАЯ ТРАГЕДІЯ.

(Farfui).

Романъ Лучіано Цукколи.

(*Окончаніе*) [1]).

Въ этотъ самый вечеръ, часовъ около девяти, кучеръ Баттиста стоялъ въ конюшнѣ, слѣдя за конюшонкомъ, задававшимъ корму лошадямъ.

Конюшня была залита свѣтомъ сверху, и блестящіе отсвѣты падали на рыжія и гнѣдыя спины лошадей, которыя неспокойно били копытами объ полъ и ржали отъ нетерпѣнія.

— Ну, живѣе! пошевеливайся!—подгонялъ Баттиста конюшонка.—Вонъ Фебъ какъ сердито смотритъ на тебя и ругаетъ тебя дуракомъ за то, что ты копаешься... Видишь, какіе у него глаза?.. Много умнѣй твоихъ.

Любимою забавою Баттиста было дразнить Джиджи, у котораго глаза, дѣйствительно, не блистали умомъ. Кучеръ былъ грузный мужчина лѣтъ пятидесяти, съ густыми усами и бритымъ подбородкомъ; конюшонокъ—маленькій, тщедушный, востроносый, съ ярко-алымъ ртомъ, свѣжимъ и нѣжнымъ, какъ мясо арбуза.

— Фебъ всегда голоденъ, бѣдняга,—продолжалъ Баттиста.—Старенекъ ужъ онъ—одиннадцать съ хвостикомъ; пора бы продать его, да барыня не позволяетъ... Такъ онъ и будетъ жить у насъ въ конюшнѣ, даже когда перестанетъ служить... Ну, да покамѣстъ, онъ еще хорошо бѣжитъ. Синьора только и довѣряетъ, что ему.—Понятное дѣло, когда *я* правлю.

Это былъ обычный разговоръ между кучеромъ и конюхомъ.

---

1) См. апрѣль, стр. 221.

Въ часъ, когда лошадямъ задавали корму, Баттиста ежедневно разсказывалъ Джиджи біографію каждой лошади, дополняя ее собственными соображеніями касательно ея достоинствъ и недостатковъ. Конюшонокъ такъ привыкъ къ этому, что, не слушая, насвистывалъ и, распредѣливъ кормъ между яслями, остался возлѣ нихъ, посмотрѣть, хорошо ли лошади будутъ ѣсть сегодня.

— Снѣжокъ выпалъ—а?—сказалъ Баттиста.—Когда снѣгъ идетъ, меня всегда въ холодъ бросаетъ.

— И меня тоже,—подхватилъ Джиджи.—Такъ холодъ и ползетъ по спинѣ.

— Да не то, глупый; меня въ дрожь бросаетъ, потому что я боюсь, какъ бы которая изъ лошадей не поскользнулась. Понялъ?

— Понялъ. Значитъ, вы это про другой холодъ?

— То-то и есть. За тридцать лѣтъ, что я ѣзжу съ господами, еще ни разу не было, чтобъ у меня лошадь упала,—съ гордостью воскликнулъ Баттиста.—Посмотримъ, сможешь ли ты про себя сказать то же.

— У меня-то ужъ, навѣрное, не упадетъ,—возразилъ Джиджи,—потому я не правлю.

— Ну и дурень. Вотъ дурень! Вѣдь это же только такъ говорится... Въ Миланѣ послѣ снѣга наступаетъ оттепель, и тогда начинается такая скользота, такая мокреть, что, если поскользнешься, такъ и будешь скользить, не останавливаясь.

— Какъ же такъ: не останавливаясь?—очутишься на землѣ, такъ остановишься, небось,—возразилъ Джиджи.

Баттиста нахлобучилъ ему свою шапку на глаза—это былъ самый дѣйствительный способъ выразить свое негодованіе. Потомъ поднялъ ее, стряхнулъ пыль ударомъ кулака и надѣлъ ее себѣ на голову.

— Съ тобою прямо разговаривать нельзя,—сердито буркнулъ онъ.—Учишь-учишь тебя каждый вечеръ—и никакого толку—прямо руки опускаются.

— Лучше ужъ руки, чѣмъ лошади,—пробормоталъ Джиджи.

— Въ такую грязь трудно быстро ѣхать—по-мнѣ ужъ лучше снѣгъ,—продолжалъ Баттиста, говоря какъ бы самъ съ собою и не удостаивая возраженіемъ замѣчаніе своего помощника.—По снѣгу Боццоло и Веспа летятъ, словно по гладкому ковру. Да и Фебъ тоже бѣжитъ отлично; этотъ ничего не боится. А вотъ на Вали нельзя положиться—молодъ слишкомъ. Въ деревнѣ и онъ, положимъ, хорошо бѣжитъ...

— Въ деревню бы и я поѣхалъ!—вздохнулъ Джиджи.

— Одинъ только разъ Фебъ досадилъ мнѣ... Я помню этотъ день... Ты знаешь, что Фебъ раньше принадлежалъ тому барину, который самъ убилъ себя?—За то и убилъ, что пересталъ быть бариномъ.

— Тогда мнѣ надо каждое утро убивать себя,—замѣтилъ Джиджи.

— И хорошо сдѣлаешь... Да такъ, значитъ, было это въ деревнѣ... Какъ поѣхали кататься синьора Моро съ синьоромъ Фальконаро, ну, думаю: «Прощайте, миленькіе. Не видать мнѣ больше васъ живыми»... и все время, пока ихъ не было, у меня сердце, какъ овечій хвостъ, дрожало...

— Съ чего же это оно такъ—съ холоду, что ли?—удивился Джиджи.

— А потомъ, гляжу: возвращаются... Ну, и молодчина же этотъ Фальконаро! Править лошадьми—на это насъ взять: меня и его... Какое спокойствіе, какая выдержка, твердость руки!.. Смотрю: не Фебъ передо мной—другая лошадь.

— Какъ: другая? Что жъ его похмѣнили, что ли, во время прогулки?

— Вотъ дурень! Ничего не понимаетъ... Ну, тутъ я успокоился, вздохнулъ...

— А до тѣхъ поръ неужто не дышалъ?.. Какъ же это ты ухитрился?..

Баттиста, навѣрное, опять нахлобучилъ бы свою шапку на голову Джиджи, если бъ какъ разъ въ эту минуту до него не донесся хорошо знакомый голосъ.

— Тсс!—выговорилъ онъ, прикладывая палецъ къ губамъ.— Ты слышалъ? Какъ будто кто-то зоветъ.

Оба смолкли, прислушиваясь, и почти тотчасъ же во дворѣ снова раздался заглушенный голосъ, звавшій:

— Баттиста! Баттиста!..

— Меня зовутъ. Синьора зоветъ,—шепнулъ кучеръ и бросился навстрѣчу барынѣ, по двору, покрытому пушистымъ бѣлымъ снѣгомъ.

И увидѣлъ зрѣлище, котораго уже не могъ забыть до конца жизни.

Передъ нимъ стояла Морелла, съ непокрытой головой, въ незастегнутой шубкѣ, прижимая къ груди Фарфуи, котораго она держала на рукахъ... Отъ бѣлаго отсвѣта снѣга лицо молодой женщины казалось бѣлѣе мрамора, и темные глаза словно пылали на этомъ мертвенно-блѣдномъ лицѣ.

— Баттиста! Запряги лошадь. Скорѣй. Сейчасъ.

Несмотря на все свое уваженіе и преданность синьорѣ, испуганный Баттиста осмѣлился спросить:

— Синьора, что такое случилось?.. Вы нездоровы... Аквилейо заболѣлъ?

— Запрягай скорѣй!—былъ повелительный отвѣтъ.

Баттиста вернулся въ конюшню, схватилъ за воротъ Джиджи и почти приподнялъ его отъ земли.

— Выводи Феба!—скомандовалъ онъ голосомъ, не допускавшимъ возраженій:—Въ двѣ минуты чтобъ было готово.

Затѣмъ, вооружившись фонаремъ, такъ какъ уже смеркалось, снова прошелъ черезъ дворъ въ каретный сарай и вывезъ оттуда небольшую закрытую карету. Навстрѣчу ему уже шелъ Джиджи, ведя Феба.

Морелла продолжала стоять на снѣгу, прямая и недвижная, какъ статуя.

Баттиста слышалъ, что Фарфуи стонетъ жалобно, но не смѣлъ поглядѣть въ ту сторону; онъ и Джиджи съ лихорадочной поспѣшностью запрягали Феба, надѣвали на него шлею и нахви; когда все было готово, Баттиста сбѣгалъ въ сарай и облекся въ свой кучерской нарядъ.

— Готово—доложилъ онъ, минуту спустя, появляясь со шляпою въ рукѣ передъ синьорой.

Она вздрогнула и побѣжала къ каретѣ, но въ это мгновеніе Баттиста увидалъ, что черезъ дворъ, запыхавшись, бѣжитъ мужчина. Это былъ Лоренцо.

— Умоляю тебя!—вполголоса забормоталъ Лоренцо.—Не уѣзжай, Морелла. Ну, прости меня. Я прошу у тебя прощенія... Не устраивай скандала.

Баттиста, уже на козлахъ, сидѣлъ, вытянувшись въ струнку и не поворачивая головы, въ ожиданіи дальнѣйшихъ приказаній.

И услыхалъ, тоже вполголоса, отвѣтъ Мореллы:

— Ни слова болѣе... Это совершенно безполезно. Уходи.

— Умоляю тебя, умоляю!—настаивалъ Лоренцо.—Не устраивай скандала... И безъ того уже...

— Баттиста! Трогай!—звонко крикнула Морелла.

Сзади со стукомъ захлопнулась дверца кареты.

Баттиста стегнулъ возжею Феба; Лоренцо торопливо отскочилъ назадъ, чтобъ не попасть ногой подъ колесо. Когда карета выѣхала со двора, Морелла высунула голову наружу и сказала:

— Къ моей сестрѣ.

Баттиста пустилъ Феба крупной рысью по пустынной и мрачной дорогѣ. Колеса неслышно катились по мягкому снѣжному ковру; бѣлые хлопья, подгоняемые вѣтромъ, кружились около кареты и съ какимъ-то неистовствомъ облѣпляли электрическіе фонари у Тичинскихъ воротъ, словно силясь погасить ихъ яркій свѣтъ.

— Господи Боже!—думалъ Баттиста, сжимая въ рукѣ возжи и слегка трогая кнутомъ лоснящійся крупъ Феба.—Что̀ такое случилось? Аквилейо не боленъ—его не къ доктору везутъ... Но тогда зачѣмъ же она бѣжитъ изъ дому?.. Неладно у насъ въ домѣ—охъ, неладно!—и давно уже, синьоръ сбился съ пути. Мальчишка пересталъ ходить ко мнѣ. Бѣдный мальчикъ!.. Умница какой—все знаетъ: эту, молъ, лошадь зовутъ Фебомъ, а эта рыжая, а та гнѣдая... Чудесный мальчикъ, умненькій, деликатный, разсуждаетъ, какъ взрослый. Я въ его годы былъ совсѣмъ дуракомъ: только и зналъ, что ѣсть и пить, не умѣлъ отличить быка отъ лошади... А теперь дѣти такъ и рождаются учеными—все разумѣютъ... Но почему же синьора уѣзжаетъ изъ дому, на ночь глядя?.. Это похоже на бѣгство... Гопъ, гопъ... Будь они прокляты, эти возы—то и знай, дорогу загораживаютъ... Гопъ, гопъ! Это ужъ не дѣло, чтобы карета дожидалась воза... Ну, и народъ нынче пошелъ—безбожный... Синьора, можно сказать, въ разстройствѣ чувствъ, безъ шляпы, а глаза горятъ, какъ уголья... Я-было хотѣлъ сказать ей, чтобъ она шляпку захватила, да не посмѣлъ... Эта умѣетъ приказывать. Одно слово — и никакихъ — скачи въ галопъ... А маленькій чего молчитъ? Я своими ушами слышалъ, какъ онъ плакалъ, а онъ, вѣдь, никогда не плачетъ. Что̀ такое случилось? И чѣмъ это только кончится?.. Если все обойдется хорошо, надо будетъ взять парочку билетовъ въ лоттерею...

Карета мчалась безъ помѣхи по пустыннымъ улицамъ; голоса рѣдкихъ прохожихъ звучали громче обыкновеннаго; головы извозчичьихъ лошадей были покрыты капюшонами, а спины ихъ клеенкой, на которую сыпались удары бича.

Въ улицѣ Дурини, передъ домомъ Изидоры, кучеръ остановился, и Морелла выскочила прямо на снѣгъ, все не спуская съ рукъ Фарфуи.

Изидора и Федерико мирно сидѣли у себя въ гостиной, теплой и уютной, и играли въ карты.

Ставкой обыкновенно служилъ какой-нибудь предметъ, который Изидорѣ хотѣлось бы имѣть, и, когда Федерико везло,

онъ нарочно проигрывалъ, нарочно дѣлалъ ошибки, чтобы проиграть, и притворялся очень огорченнымъ.

Изидора, торжествуя побѣду, хлопала въ ладоши, хохоча, какъ дѣвочка, и поддразнивая мужа, который слушалъ ея наивное хвастовство съ лукавою улыбкой.

Морелла, какъ буря, ворвалась въ эту тихую обитель счастья. Изидора и Федерико, оба разомъ вскочили на ноги, не понимая, растерянные, недоумѣвающіе.

— Въ чемъ дѣло? Боже мой! что съ тобой?—вскрикнула Изидора, при видѣ блѣднаго, какъ смерть, лица сестры.—Что такое случилось?

— Возьми Фарфуи,—разбитымъ голосомъ выговорила Морелла.—Я оставляю его у тебя... Смотри, онъ избилъ его до крови...

Федерико взялъ на руки мальчика и поднесъ его къ свѣту электрической лампы.

У Фарфуи, дѣйствительно, была ранка возлѣ глаза—длинная царапина, еще сочившаяся кровью. Ничего серьезнаго,—но ребенокъ былъ, видимо, напуганъ и дрожалъ всѣмъ тѣломъ.

— Ну, успокойся, успокойся, Фарфуи, это пустяки!—воскликцалъ Федерико.—Теперь, вѣдь, ты у насъ—не бойся.

Морелла, прилегшая на диванъ, разсказывала тѣмъ же разбитымъ, беззвучнымъ голосомъ. Изидора, стоя на колѣняхъ у ногъ ея, слушала, не сводя глазъ съ сестры и ловя каждое ея слово.

Дѣло было такъ: Тито Барди призвалъ къ себѣ Лоренцо и началъ отчитывать его за его поведеніе; у нихъ вышелъ крупный разговоръ. Вернувшись домой, Лоренцо накинулся на Мореллу, изругалъ ее и побилъ за то, что она будто бы нажаловалась на него отцу; въ эту минуту вошелъ Фарфуи. При видѣ его, Лоренцо оставилъ въ покоѣ жену, накинулся на него и пощечиной сбилъ его съ ногъ.

— Пьяница! — говорила Морелла. — Онъ теперь всегда пьянъ... Онъ хочетъ убить моего мальчика... Онъ ненавидитъ его... Я знаю, за что онъ его ненавидитъ...

И, забывъ о присутствіи сестры и зятя, она прибавила:

— Ахъ, Маріано, Маріано, сколько зла онъ намъ принесъ... Я простила ему, потому что онъ не вѣдалъ, что творилъ... Но сколько горя... сколько горя... Теперь мнѣ все понятно...

Изидора и Федерико слушали съ испугомъ и тоской, еще

не соображая хорошенько, что случилось. Морелла снова взяла на руки Фарфуи.

— Но, позволь!—воскликнулъ Федерико.—Скажи ты мнѣ: неужто это правда, что Лоренцо пьетъ запоемъ? Я и понятія не имѣлъ... Какой позоръ!

Пухлый, розовый, въ золотомъ пенснэ, характерный представитель мирной буржуазіи, честной и добропорядочной, онъ даже не повѣрилъ бы, что Лоренцо способенъ дойти до такого паденія, если бъ узналъ объ этомъ не отъ Мореллы... Въ его глазахъ не было порока постыднѣе, чѣмъ пьянство; онъ простилъ бы скорѣе страсть къ игрѣ и даже развратъ, чѣмъ пристрастіе къ вину; видъ пьянаго внушалъ ему непобѣдимую брезгливость, вызывалъ въ немъ дрожь отвращенія.

Видѣть человѣка, не сознающаго, что онъ дѣлаетъ, валяющагося въ грязи на улицѣ, или же идущаго, спотыкаясь и потѣшая любопытныхъ, которые нарочно дразнятъ его, вызывая на непристойные слова и жесты, Федерико было противно и мучительно.

И ему жутко было думать, что его шуринъ Энцо, старый другъ и товарищъ, запутался въ сѣтяхъ этого страшнаго порока; теперь становилось понятнымъ, почему онъ пересталъ бывать у тестя и избѣгалъ встрѣчаться съ родственниками, тогда какъ прежде видался съ ними часто и охотно.

Изидора была неподражаема; она окружила нѣжной заботой измученную Мореллу; сумѣла, въ концѣ концовъ, успокоить Фарфуи и заставить его улыбнуться, такъ что вскорѣ обѣ женщины уложили его спать въ комнатѣ, отведенной для гостей; когда ребенокъ нѣсколько развеселился, и къ Мореллѣ, въ свою очередь, вернулось мужество. Карету отправили обратно, и эту ночь молодая женщина провела у Берарди.

А на другой день утромъ, оставивъ Фарфуи на попеченіи сестры, поѣхала домой, въ сопровожденіи Федерико, который имѣлъ длинный разговоръ съ Лоренцо.

Но и Федерико не удалось добиться отъ него никакихъ объясненій. Лоренцо все время намекалъ на что-то, но, начавъ говорить, тотчасъ умолкалъ, боясь показаться смѣшнымъ; готовъ былъ обвинить во всемъ другихъ, но, поймавъ себя на этомъ, разражался сардоническимъ смѣхомъ; бѣгалъ взадъ и впередъ по комнатѣ, сжимая кулаки и сердито бормоча себѣ подъ носъ; слушалъ увѣщанія Федерико и ухмылялся, словно не понимая ихъ.

Онъ требовалъ, чтобы ребенокъ вернулся домой. Незачѣмъ

ему быть въ чужомъ домѣ—это непорядокъ... Федерико сначала видѣлъ въ этомъ доказательство его любви къ Фарфуи, но пришелъ въ отчаяніе, убѣдившись, что въ шуринѣ говоритъ исключительно страхъ сплетенъ и скандала.

— Онъ долженъ вернуться сюда, понимаешь? — твердилъ свое Лоренцо. — Что станутъ говорить знакомые, когда узнаютъ, что мой сынъ вынужденъ жить у дяди съ теткой? И то уже Морелла устроила вчера скандальнѣйшую сцену на глазахъ кучера и конюха, которые потомъ хохотали надъ нами за нашей спиной, и убѣжала изъ дому безъ шляпы, точно сумасшедшая... А теперь прислуга увидитъ, что мальчикъ куда-то исчезъ, и пуще прежняго начнетъ сплетничать... Я не желаю стать басней всего рынка.

— Ты и такъ уже сталъ басней всего города,—прервалъ его Федерико, которому измѣнило обычное его хладнокровіе.

— Какъ? Что̂ ты такое говоришь? Почему я сталъ басней?—испуганно вскричалъ Лоренцо.

— Естественно, почему: — разъ ты пьешь и напиваешься допьяна, не могутъ же твои коллеги хвалить тебя за это.

Моро пожалъ плечами—онъ боялся худшаго.

— На это мнѣ плевать... Это мое дѣло... Но я не желаю скандала изъ-за другого... Не желаю, и баста! Не такой я человѣкъ, чтобъ стать посмѣшищемъ... Я желаю, чтобы мальчикъ вернулся домой.

— Вернется, когда ты станешь разсуждать разумнѣе, — возразилъ Федерико:—а, пока, онъ будетъ жить у насъ.

Лоренцо злился и удивлялся, что не можетъ убѣдить Федерико, но этотъ всегда податливый и мягкій человѣкъ черпалъ необычную силу въ своемъ искреннемъ негодованіи.

Видя его непоколебимость, Лоренцо разсыпался въ обѣщаніяхъ: онъ броситъ пить; не станетъ больше мучить мальчика— только пусть Фарфуи поскорѣе, сегодня же вернется домой...

— Хорошо,—говорилъ Федерико.—Черезъ недѣлю мы привеземъ его тебѣ обратно—но только при условіи, что ты сдержишь свои обѣщанія. А, пока, посмотримъ, какъ ты будешь вести себя эту недѣлю.

Тогда Лоренцо пришелъ въ ярость, швырнулъ на полъ трубку и все, стоявшее передъ нимъ на письменномъ столѣ.

— При чемъ тутъ Федерико? Это что̂ еще за новый хозяинъ въ его домѣ? По какому праву онъ позволяетъ себѣ распоряжаться его сыномъ? Что это—заговоръ противъ него, Лоренцо, при участіи Изидоры и Мореллы?.. Или имъ непре-

мѣнно хочется поднять скандалъ, наперекоръ его нежеланію огласки? Но скандалъ онъ и самъ бы сумѣлъ устроить, если бъ находилъ это нужнымъ... Какъ смѣетъ Федерико не вѣрить его обѣщаніямъ? Или честное слово Лоренцо Моро больше ничего не значитъ?

Федерико не пытался останавливать бурнаго потока рѣчей шурина, не перечилъ ему и на всѣ его угрозы отвѣчалъ однимъ лишь упрямымъ отказомъ человѣка, обыкновенно кроткаго и покладистаго, но, когда онъ задѣтъ, не поддающагося никакому натиску.

— Черезъ недѣлю, милый Энцо. Посмотримъ, какъ пройдетъ эта недѣля. Не раньше, чѣмъ черезъ недѣлю. Ты можешь говорить, что̀ хочешь, но на эту недѣлю мальчика я оставляю у себя...

Выходя изъ кабинета, онъ слышалъ, какъ Лоренцо, въ порывѣ гнѣва, сбросилъ на полъ и разбилъ въ куски единственное, что̀ еще оставалось на столѣ—алебастровые часики, но нимало не смутился этимъ и поднялся наверхъ, къ Мореллѣ, чтобы передать ей содержаніе разговора съ шуриномъ.

XIX.

Въ тотъ же день вечеромъ къ Моро пріѣхалъ Эдоардо Фальконаро, чтобы пофехтовать съ Лоренцо, и не нашелъ Фарфуи. Морелла сказала ему, что мальчикъ гоститъ у Берарди, но ничего не могла объяснить по существу, такъ какъ это было въ присутствіи ея мужа и Пино Монти.

Но Эдоардо и не нуждался въ объясненіяхъ — онъ зналъ, что Фарфуи по доброй волѣ не ушелъ бы изъ дому, отъ своей мамы и отъ своего Драдо, если бъ его не принудили сдѣлать это. А кто же, кромѣ Лоренцо, могъ принудить его? И онъ не разспрашивалъ. Все было понятно само собой. Лоренцо продолжалъ травить ребенка: онъ хотѣлъ въ гробъ его свести запугиваньями и обидами.

При этой мысли Эдоардо бросило въ холодный потъ, какъ будто смерть уже на самомъ дѣлѣ коснулась мальчика своимъ крыломъ.

Убить Фарфуи? Взять его изморомъ, постепенно свести въ могилу?..

Онъ бросилъ быстрый взглядъ на своего врага, и по лицу его скользнула ироническая усмѣшка.

— Вотъ ты въ какую игру играешь,—думалъ онъ.—Такъ ты еще не понялъ, что за Фарфуи стою *я* и, кто *его* обидитъ, будетъ имѣть дѣло со *мной*? Ты забылъ, что я за человѣкъ—или, можетъ быть, пьянство отняло у тебя разумъ? Имѣй въ виду, что, играя жизнью Фарфуи, ты ставишь на карту свою собственную.

И снова ледяная дрожь пробѣжала по его спинѣ. — А если вдругъ его не станетъ? И некому будетъ защитить мальчика?

Ему вспомнились слова стараго учителя фехтованія: «Будьте осторожны. На вашемъ мѣстѣ я бы не довѣрялъ ему».

Развѣ не можетъ случиться, что какъ-нибудь вечеромъ, во время фехтованія, Лоренцо, будто случайно, всадитъ ему въ горло шпагу?

Она снова, съ изумленіемъ, посмотрѣлъ на своего врага. Лоренцо онъ всегда считалъ вспыльчивымъ, несдержаннымъ, способнымъ беззавѣтно поддаваться страсти; теперь онъ представился ему въ другомъ свѣтѣ—изощреннымъ притворщикомъ, выдержаннымъ, неподражаемымъ въ своей разсчетливости. Онъ далъ себѣ обѣтъ молчать—и ни единаго слова не сорвалось съ его устъ, хотя всѣ приставали къ нему: и Морелла, и отецъ ея, и Федерико, допытываясь, что у него на душѣ. Онъ поставилъ себѣ цѣлью отомстить — и выбралъ вѣрный способъ, коварный и лукавый, не грозящій ему опасными послѣдствіями:—будто бы по неосторожности убить во время примѣрнаго поединка Эдоардо Фальконаро—за такой несчастный случай, кромѣ церковнаго покаянія, ему ничего не будетъ—и потомъ замучить Фарфуи — что легко ему осуществимо съ такимъ впечатлительнымъ характеромъ, какъ у его мальчика.

Проникнувъ, наконецъ, въ суть замысловъ Лоренцо, Эдоардо Фальконаро почувствовалъ невыразимое омерзѣніе.

— Негодяй!—думалъ онъ. — Онъ не столько боится уголовщины, сколько того, чтобъ не узнали, что жена наставила ему рога.

— Кстати, — неожиданно сказалъ Лоренцо.

Эдоардо невольно вздрогнулъ.

— Кстати, не хочешь ли проѣхаться со мною завтра на Виллу Моро?

— Завтра?—удивился Эдоардо.—Въ такую погоду ты хочешь ѣхать въ деревню?

Лоренцо засмѣялся.

— Это не значитъ «ѣхать въ деревню». Просто у меня

на дачѣ сейчасъ большой ремонтъ, и я обѣщалъ пріѣхать завтра посмотрѣть, какъ идутъ работы... Хочешь проѣхаться со мной?

— Не ѣздите, Фальконаро,—сказала Морелла.

Эти слова вырвались у нея неудержимо, неожиданно для нея самой. Ей стало жутко отъ этого неожиданнаго приглашенія—она сама не знала, почему—и она не сумѣла скрыть своихъ опасеній.

Лоренцо вопросительно взглянулъ на жену, и она принуждена была объяснить.

— Охота вамъ ѣхать, Фальконаро. Чего тамъ дѣлать? Только простудитесь и проскучаете.

— Вотъ чудачка!—воскликнулъ Лоренцо. — Заботишься о томъ, какъ бы не простудился Эдоардо, а обо мнѣ не думаешь—вѣдь, и я тоже могу схватить простуду.

— Тебѣ, все равно, надо ѣхать,—возразила Морелла, уже оправившаяся.—А ему нѣтъ... Вѣдь это же не все равно: ѣхать ли по необходимости, или для удовольствія.

— Что за вздоръ! Какая тамъ простуда? Я уже отправилъ туда человѣка, который хорошенько протопитъ печи, и, если мы не успѣемъ вернуться къ вечеру, приготовитъ намъ постели. Можно захватить ружья и поохотиться, если придетъ желаніе. Поѣзжайте и вы съ нами, Монти.

— Непремѣнно поѣду. Мнѣ ваша идея нравится, — отвѣтилъ Пино Монти.

Морелла вздохнула съ облегченіемъ. Она знала, что Пино Монти, человѣкъ прямой и честный, давно уже слѣдитъ за Лоренцо, какъ бы тотъ не натворилъ глупостей, потому и присутствуетъ всякій разъ при фехтованіи Эдоардо и Лоренцо; если онъ поѣдетъ на дачу, она можетъ быть спокойна. Она взглянула на Эдоардо, и тотъ сразу согласился.

— Хорошо. Тогда и я поѣду.

И на прощанье, пожимая руку Мореллѣ, успѣлъ шепнуть ей:

— Не тревожьтесь.

Обнаженныя поля, скелеты обезлиственныхъ деревьевъ, земля, скованная морозомъ, и надъ ней унылый, сѣро-бѣлый свѣтъ; свѣжій снѣгъ на склонахъ и откосахъ, мѣстами прерываемый черной сѣтью перепутанныхъ корней или высокими кучами хворосту. Длинныя оголенныя вѣтви, тянущіяся къ хму-

рому пепельному небу, словно съ мольбою возвратить имъ тепло и утраченную густую листву.

Отъ станціи Комо до Виллы Моро дорога была совершенно испорчена глубокими замерзшими колеями,—слѣдъ проѣзжавшихъ тутъ телѣгъ.

Извозчичій экипажъ, въ который они усѣлись всѣ трое, два часа употребилъ на то, чтобы проѣхать разстояніе, которое лошади Лоренцо обыкновенно проѣзжали въ полчаса.

Добравшись, наконецъ, до виллы, Лоренцо и его гости нашли столъ уже накрытымъ для обѣда. Посланный впередъ «довѣренный человѣкъ», Паолино Торнаги, при содѣйствіи жены управителя, сдѣлалъ чудеса. На столѣ дымилась ароматная, горячая похлебка; въ углу столовой стояли запыленныя бутылки,—очевидно, на запасъ, на случай, если не хватитъ тѣхъ, которыя были поданы на столъ.

Лоренцо мало ѣлъ, но пилъ безъ передышки, то бѣлое, то красное вино, мѣшая легкія столовыя вина съ хересомъ и портвейномъ. Эдоардо могъ такимъ образомъ своими глазами убѣдиться въ невоздержности пріятеля и невольно удивленно возрился на него, когда, послѣ обѣда, Лоренцо велѣлъ подать еще ликеры и проглотилъ немалое количество рюмокъ коньяку, да еще на закуску опрокинулъ въ себя стаканчикъ рому.

— Ну-съ,—началъ онъ, грузно подымаясь на ноги,—теперь можно и поохотиться немножко. На ужинъ не мѣшало бы припасти пару зайчиковъ.

— Ну, на охоту ты, любезный другъ, пойдешь одинъ, — возразилъ Эдоардо.—Кто же пойдетъ съ тобою на охоту, когда ты еле на ногахъ стоишь.

Они стояли всѣ въ передней, гдѣ хранились ружья.

— Это я-то на ногахъ не стою?—вскричалъ Лоренцо.—Что ты такое говоришь! Я пью, потому что мнѣ это полезно; въ такой холодъ каждому необходимо пить.

Онъ взялъ ружье и надѣлъ его себѣ черезъ плечо.

— Синьоръ Лоренцо,—вмѣшался Пино Монти,—не совѣтую рисковать въ такую погоду. Земля замерзла, снѣгъ—долго ль поскользнуться, а, вѣдь, ружье у васъ заряжено—какъ бы бѣды не вышло.

— Вотъ такъ прекрасно!—разсердился Лоренцо.—Одинъ говоритъ, что я еле на ногахъ стою, другой непремѣнно хочетъ, чтобъ я поскользнулся... А я хочу на ужинъ зайца... Какъ знаете... если вы боитесь, я пойду одинъ.

И онъ пошелъ, но оступился на первой же ступенькѣ и едва не упалъ.

Эдоардо, Монти и Торнаги переглянулись. Отпустить Лоренцо на охоту одного въ такомъ состояніи на погибель себѣ и другимъ, было немыслимо — это грозило смертельной опасностью.

Эдоардо рѣшительно заступилъ ему дорогу и сказалъ:

— Энцо, отдай мнѣ ружье.

Лоренцо, при видѣ его, сердито заворчалъ:

— Отдать тебѣ ружье?.. Да ты съ ума сошелъ. Пусти. Я иду на охоту... Если ты будешь приставать ко мнѣ, я поохочусь на тебя... Намъ давно пора свести счеты...

Онъ прикусилъ себѣ языкъ: и въ пьяномъ видѣ, онъ боялся выдать себя и сразу понялъ, что проговорился.

Эдоардо пожалъ плечами и, улыбаясь, подошелъ къ нему.

— Дай мнѣ ружье, Энцо. Ну, пожалуйста. Если ты сегодня пойдешь на охоту, намъ придется нести домой тебя самого вмѣсто зайца.

Лоренцо рѣзкимъ движеніемъ сорвалъ ружье съ плеча и отступилъ назадъ. Монти и Торнаги испуганно вздрогнули—въ первый моментъ имъ показалось, что Лоренцо прицѣливается и сейчасъ выстрѣлитъ.

Вмѣсто того, онъ покорно передалъ ружье Эдоардо.

— Ты правъ,—сказалъ онъ.—Мы поохотимся какъ-нибудь въ другой разъ. Этой покорностью онъ хотѣлъ загладить непріятное впечатлѣніе отъ неудачной фразы о счетахъ, случайно сорвавшейся съ его губъ.

— Хорошо; благодарю тебя,—молвилъ Эдоардо, вручая ружье Торнаги, который разрядилъ его и положилъ на мѣсто.

— Чего не сдѣлаешь для друга!—съ усмѣшкою вскричалъ Лоренцо, но выраженіе лица у него было ироническое. — Ну, если не хотите на охоту, тогда пойдемте осмотрѣть работы.

Работы шли во всей той части зданія, которая прилегала къ саду и находилась позади его. Домикъ Польдо былъ снесенъ, такъ какъ Лоренцо скупилъ сосѣдніе участки земли и рѣшилъ расширить хозяйство на своей фермѣ. Новое зданіе фермы, уже почти законченное, сверкало бѣлизной отъ штукатурки и алостью отъ кирпичей; окна и двери были большія, сводчатыя кладовыя для склада молочныхъ издѣлій тоже просторныя...

Лоренцо, опершись на руку Эдоардо, направился вмѣстѣ съ нимъ къ домику управителя; Пино Монти и Торнаги шли за ними, поодаль.

Въ садикѣ зеленѣли теперь только ели и пиніи, стройно и гордо вознося свои вершины среди оголенныхъ скелетовъ всѣхъ прочихъ деревьевъ; на вѣтвяхъ мѣстами висѣли ледяныя сосульки, изящныя, какъ ювелирная работа; казалось, между вѣтвями развѣсили серебряное кружево, земля, сухая и закоченѣвшая, была покрыта слоемъ изморози, на которой Лоренцо, несомнѣнно, поскользнулся бы, если бъ Эдоардо не велъ его подъ руку.

Эдоардо чувствовалъ, какъ бывшій пріятель всѣмъ тѣломъ наваливается на его руку и, когда тотъ поворачивался къ нему въ разговорѣ, на него вѣяло отвратительнымъ запахомъ виннаго перегара. Послѣ обильныхъ возліяній Лоренцо одолѣвала дремота, и онъ не столько шелъ, сколько позволялъ тащить себя.

Визитъ къ управителю вышелъ довольно курьезный.

Не успѣвъ даже войти, Лоренцо грузно опустился на лавку, вдѣланную въ стѣну возлѣ двери, и, не поднимая головы, объявилъ:

— Отлично. Все отлично... Все на своемъ мѣстѣ...

И уставился въ землю тупымъ, стеклянным взглядомъ пьяницы.

Управитель, жена его и молоденькая Аннунціата, теперь совсѣмъ взрослая дѣвушка, кругленькая и розовая, съ веселыми смѣющимися глазками, вышли встрѣтить хозяина—и попятились назадъ, узрѣвъ его въ такомъ видѣ.

Эдоардо принужденъ былъ объяснить имъ, что Лоренцо очень утомленъ; маэстро Монти и Паолино Торнаги, съ своей стороны, придумывали для него разныя оправданія, но деревенскій людъ слишкомъ привыкъ видѣть пьяныхъ, чтобы не понять сразу, что хозяинъ сильно захмѣлѣлъ.

Управитель повелъ показывать свой новый домъ синьоровъ, которые держались на ногахъ; изъ кухни выбѣжалъ Польдо и, услыхавъ голосъ Лоренцо, мгновенно скрылся. Но, убѣдившись, что Лоренцо остался за дверью, мальчуганъ набрался храбрости и вышелъ поздороваться съ Эдоардо.

— Какъ поживаете, синьоръ Фальконаро? Хорошо ли доѣхали? А я задачи дѣлаю къ завтрему... А Фарфуи какъ поживаетъ?

Эдоардо приласкалъ вѣрнаго друга, который бережно хранилъ на полкѣ возлѣ очага бѣлую деревянную лошадь, давно превратившуюся въ вороную, благодаря дыму, вѣчно наполнявшему комнату. Упоминаніе о Фарфуи разбудило въ душѣ Эдоардо всѣ его печали; тѣмъ не менѣе, онъ отвѣтилъ:

— Фарфуи здоровъ. Съ каждымъ днемъ хорошѣетъ. Онъ велѣлъ мнѣ кланяться тебѣ.

— О! почему вы не взяли его съ собой?—жалобно воскликнула Аннунціата.—Для насъ всѣхъ это былъ бы такой праздникъ.

— Его папа боялся, какъ бы онъ не простудился,—сказалъ Эдоардо.

И заговорилъ о другомъ, такъ какъ этотъ разговоръ былъ для него мучителенъ.

Фарфуи былъ удаленъ отъ него, выгнанъ изъ дому, вынужденъ скрываться у родственниковъ, такъ какъ отецъ смертельно ненавидѣлъ его. Бѣдное дитя! Его другъ Польдо гораздо счастливѣе его: онъ себѣ мирно живетъ дома, учится и подростаетъ подъ крылышкомъ Мореллы; всякій ребенокъ счастливѣе его—а, между тѣмъ, онъ никому не сдѣлалъ зла. Его доброта, его невинность нисколько не смягчаютъ сердца омерзительнаго пьяницы, который непрерывно мучитъ впечатлительнаго и хрупкаго ребенка, угнетая его жестокою несправедливостью.

Эти мысли такъ терзали душу Эдоардо, что, когда они всѣ вышли изъ дому и увидали Лоренцо, храпѣвшаго, сидя на скамьѣ, онъ съ отвращеніемъ отшатнулся отъ него.

— Монти,—сказалъ онъ фехтовальщику,—разбудите вы его и, вмѣстѣ съ Торнаги, отведите его домой, а я пойду впередъ.

И, простившись съ Польдо и его родителями, пошелъ, не оборачиваясь, между тѣмъ какъ его спутники растолкали Лоренцо и, поддерживая его подъ мышки, повели его—вѣрнѣе, потащили его обратно по той же дорогѣ.

Эдоардо остановился въ фруктовомъ саду, у бассейна съ дождевой водой, приберегаемой для поливки. На недвижной и мутной поверхности, покрытой зеленоватой плѣсенью, мѣстами поблескивали кусочки льда. Съ необычайной живостью Фальконаро вспомнился эпизодъ, разыгравшійся на этомъ самомъ мѣстѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда Лоренцо, не глядя, шагнулъ за бортъ резервуара и упалъ бы въ воду, если бъ Эдоардо силою не удержалъ его.

— Теперь бы швырнуть его туда!—подумалъ Эдоардо.—Это было бы избавленіемъ для Фарфуи... Никто бы никогда и не узналъ; а Изидора съ Федерико могли бы засвидѣтельствовать, что онъ уже разъ-было чуть не утонулъ въ этомъ самомъ резервуарѣ... Да, это была бы самая для него подходящая могила.

И эта мысль такъ крѣпко засѣла въ его головѣ, что при видѣ Монти и Торнаги, ведшихъ подъ руки Лоренцо, ему захотѣлось предложить имъ осуществить ее и всѣмъ троимъ столкнуть туда пьянаго Моро—туда, на дно, между тиной и льдомъ...

— Отлично! все отлично. Все въ порядкѣ,—бормоталъ Лоренцо заплетающимся языкомъ.—Что̀ скажешь, Эдоардо? Все прекрасно! все въ порядкѣ. Идемте скорѣй—пить хочется...

Эдоардо обернулся и, не въ силахъ скрыть отвращенія и гнѣва, язвительно переспросилъ:

— Пить хочется?.. Неужто снова будешь пить вино?

— Глоточекъ рому—одинъ только глоточекъ,—пролепеталъ Лоренцо.—Это все жареная рыба за столомъ... она была пересолена... Послѣ рыбы всегда жажда мучитъ... Что̀ подѣлаешь: рыба любитъ плавать.

— Жажда мучитъ? Хочешь, я окуну тебя головой внизъ въ эту цистерну? — тамъ напьешься досыта, — воскликнулъ Эдоардо.

— Какой Эдоардо злой становится, когда напьется!—замѣтилъ Лоренцо.—И вѣчно спьяна хвастаетъ.—Гдѣ ему со мною справиться?..

Торнаги и Монти покатились со смѣху; но Эдоардо только бросилъ презрительный взглядъ на этого пьяницу, который ломалъ комедію...

XX.

Случайно запавшая въ голову мысль росла и зрѣла, становилась привычной, неотступной.

Просыпаясь утромъ, Эдоардо находилъ ее на подушкѣ; вставая съ постели, перебирая въ памяти впечатлѣнія пережитаго дня и соображая, какъ ему надо распредѣлить наступающій, онъ поминутно сталкивался съ нею; въ каретѣ ли или за письменнымъ столомъ, она сидѣла напротивъ его, какъ надоѣдливый, молчаливый гость; въ гостиной, на биржѣ, въ театрѣ, на прогулкѣ, въ часы отдыха и въ самые горячіе рабочіе часы—всюду она не покидала его. Она облеклась въ плоть и кровь, стала какъ бы живымъ существомъ—до того, что Эдоардо иной разъ казалось—если протянуть руку, можно дотронуться до нея.

И эта мысль твердила: «надо убить его, или умретъ Фарфуи».

Еще до истеченія недѣли Фарфуи отвезли домой.

У тетки онъ все время нервничалъ. Изидора и Федерико всячески ласкали и баловали его; вся его комната была завалена игрушками; тетка не уставала разсказывать ему интереснѣйшія сказки; возили его и кататься и гулять, и въ циркъ— ничто не развлекало его; ради него Изидора и Федерико охотно отказались отъ своей обычной, тихой и спокойной жизни и прилагали всѣ старанія, чтобы развеселить своего маленькаго гостя—но мальчикъ тосковалъ и нервничалъ.—Онъ совершенно не могъ жить безъ матери.

Правда, Морелла большую часть дня проводила у сестры, со своимъ мальчикомъ, и при ней онъ успокаивался, но, какъ только она уѣзжала, Фарфуи снова начиналъ нервничать, вздрагивалъ при каждомъ шумѣ, ночью просыпался съ крикомъ и вскакивалъ съ постели.

Онъ не могъ оправиться отъ испуга, пережитаго имъ въ тотъ вечеръ, когда Лоренцо, пьяный, вернулся отъ тестя и прибилъ Мореллу. Ребенокъ не понялъ, что тотъ, кого онъ называлъ отцомъ, былъ пьянъ; онъ видѣлъ передъ собою разъяренное существо, одержимое загадочной страстью къ разрушенію, и это такъ ужаснуло его, что теперь ему казалось— дома каждый вечеръ происходитъ то же самое, каждый вечеръ папа колотитъ мамочку, и она убѣгаетъ изъ дому, ночью, на снѣгъ, безъ шляпы...

И, самъ не дождавшись истеченія срока, положеннаго имъ для провѣрки прочности добрыхъ намѣреній Лоренцо, Федерико отвезъ мальчика домой.

Добрыя намѣренія Лоренцо потерпѣли крушеніе уже на Виллѣ Моро, куда Эдоардо и другіе доставили его въ самомъ плачевномъ видѣ; на другой же день повторилось то же. А, по возвращеніи въ городъ, Лоренцо дольше прежняго сталъ засиживаться у Карлотто и, когда не успѣвалъ напиться тамъ, напивался дома за обѣдомъ.

Возлѣ мамочки Фарфуи оживился и повеселѣлъ; и она, съ своей стороны, казалась веселой, шутила и смѣялась съ нимъ, чтобы мальчикъ ея не боялся. Фарфуи снова навѣщалъ своихъ друзей, ходилъ въ конюшню, подолгу болталъ съ кучеромъ Баттиста и слушалъ сказки «Палино» — но все это, украдкой, когда «папочка» послѣ обѣда храпѣлъ въ гостиной на диванѣ.

Однажды мать повезла его въ экипажѣ за городъ, за Монфортскія ворота, гдѣ словно чудомъ за одинъ годъ выросло нѣ-

сколько улицъ новыхъ, чистенькихъ домовъ, сулившихъ превратиться въ недалекомъ будущемъ въ цѣлый новый городъ.

Здѣсь, въ чистенькомъ уютномъ домикѣ, въ небольшой, но опрятной квартиркѣ, убранной даже не безъ изысканности, ихъ встрѣтила молодая женщина съ красивымъ, открытымъ и здоровымъ лицомъ, почтительно склонившаяся передъ Мореллой и Фарфуи.

— Какой сюрпризъ!—радостно воскликнула она.—Какой сюрпризъ, синьора! Это вашъ мальчикъ? Что за прелесть! Присядьте, синьора—здѣсь, въ этой комнатѣ, теплѣе...

Фарфуи съ любопытствомъ озирался вокругъ. У женщины былъ на рукахъ ребеночекъ, совсѣмъ маленькій, гораздо меньше Фарфуи, и онъ смѣялся. Красивъ онъ не былъ — блѣдненькій, прозрачный, почти восковой, и съ выцвѣтшими глазками; но крохотное личико такъ забавно морщилось отъ смѣха, что на него весело было смотрѣть. Мальчикъ былъ одѣтъ въ платьице изъ толстой шерсти, должно быть, очень теплое: платьице было скромное, но безъ единаго пятнышка или прорѣхи, и на башмачкахъ всѣ пуговицы были на своемъ мѣстѣ; а на фартучкѣ посерединѣ было вышито: «Доброе утро».

Морелла сѣла и попросила женщину:

— Спустите его на полъ, Джіованна. Посмотримъ, какъ онъ ходитъ.

Джіованна спустила на полъ мальчика, который, пошатываясь на тонкихъ ножкахъ, сейчасъ же подошелъ къ Фарфуи и потянулъ его за носъ.

— Какой онъ славный, Мамочка!—засмѣялся тотъ.—Какъ его зовутъ?

На разспросы Мореллы, Джіованна сообщила ей, что сказалъ докторъ: да, мальчикъ очень малокровенъ, должно быть, въ первые мѣсяцы жизни ему приходилось голодать; но организмъ у него сильный и на хорошей пищѣ онъ скоро окрѣпнетъ; надо только хорошо питать его, чтобъ у него накопилось побольше этихъ—какъ бишь ихъ—красненькихъ круглыхъ штучекъ.

— Красныхъ шариковъ?—подсказала Морелла.

— Вотъ, вотъ. Но онъ такой хорошій мальчикъ; онъ никогда не плачетъ и любитъ меня, точно я его родная мама. Никакого безпокойства отъ него—я себѣ работаю, а онъ играетъ подлѣ, и не слышно его.

— Скажи мнѣ, какъ его зовутъ,—настаивалъ Фарфуи.

— Фаусто. Фаусто Фриджеріо,—отвѣтила Морелла.

И задумалась, глядя на мальчика, который улыбался ей, какъ будто узнавая ее.

Фарфуи взялъ его за ручку.

— А игрушекъ у тебя нѣтъ? Лошадки, на которой можно качаться,—нѣтъ?

Фаусто установился на него и торопливо повелъ его къ печкѣ, на которой онъ хранилъ свои сокровища: пару туфель, нѣсколько пустыхъ катушекъ, обгрызанную вставочку, клубокъ шерсти, обрѣзки матерій—и торжественно указалъ на нихъ пальчикомъ Фарфуи.

— Это твои игрушки? — вскричалъ скандализованный Фарфуи.—А солдатики? Неужели у тебя нѣтъ солдатиковъ?

— «Татики»,—улыбаясь, повторилъ ребенокъ.—«Татики».

И засмѣялся, какъ бы говоря, что можно играть и безъ «татиковъ»—нужно только желаніе и хорошее настроеніе.

— Мамочка,—объявилъ Фарфуи,—я хочу подарить Фаусто моихъ солдатиковъ.

— Хорошо, милый, мы пошлемъ ему ихъ.

Тѣмъ временемъ Фаусто стащилъ съ печки одну изъ туфель, къ которой была привязана длинная веревка, и побѣжалъ, таща за собою этотъ безформенный экипажъ, чтобъ показать Фарфуи, какая это интересная игра; Фарфуи усѣлся на полъ, нагрузилъ туфлю катушками и вставочкой, и началась перевозка товаровъ отъ Фаусто къ Фарфуи и обратно; мальчики сразу отлично поладили между собой.

Сынъ Маріано Фриджеріо и сынъ Мореллы Моро, одинъ бѣднякъ, другой—милліонеръ, вотъ такъ, поставленные рядомъ, представляли собой разительный контрастъ. Фаусто, чудомъ вырванный изъ рукъ смерти, воспитываемый изъ милости, еще не окрѣпшій послѣ голоданія во младенчествѣ, былъ прирожденнымъ, неисправимымъ шутомъ, уже теперь подтрунивавшимъ надъ своимъ товарищемъ, улыбаясь и глазами, и губами. Фарфуи относился къ нему ласково и покровительственно, какъ взрослый, и личико его, обрамленное золотыми кудрями, было не подѣтски серьезно и грустно. Одинъ страдалъ въ такомъ возрастѣ, когда впечатлѣнія еще не осмысливаются и не запоминаются; другой начиналъ страдать въ такую пору жизни, когда умъ и сердце открываются для воспріятія уже длительныхъ, прочныхъ впечатлѣній, и когда эти впечатлѣнія особенно ярки.

Они играли, какъ братья, и Фаусто по временамъ звонко смѣялся, восхищаясь ловкостью Фарфуи, который умѣлъ везти туфлю, не вываливая груза, тогда какъ Фаусто, когда очередь везти была его, слишкомъ торопился, сѣменя ноженками, и поминутно опрокидывалъ свой экипажъ, зацѣпивъ его за ножку

стола или дивана. Но ребенокъ никогда не раздражался съ помощью Фарфуи онъ снова укладывалъ оброненное въ импровизированную телѣгу, и черезъ минуту все снова сказывалось на полу; и снова мальчики, оба, стоя на колѣняхъ на полу, почти касаясь другъ друга личиками, нагружали свою телѣжку.

Игра продолжалась бы еще долго, если бъ Морелла не подозвала къ себѣ Фарфуи; пора было ѣхать домой, и она уже простилась съ Джіованной, которой привезла денегъ для сына Маріано Фриджеріо.

Фарфуи взялъ подъ мышки своего новаго друга, слегка приподнялъ его и поцѣловалъ въ обѣ щечки, говоря:

— Прощай. Я пришлю тебѣ солдатиковъ. Правда, мамочка?

— Правда, милый. Мы завтра пришлемъ ему.

И они ушли; а Фаусто запрыгалъ по комнатѣ, весело крича:

— Татики, татики, татики!

Онъ не зналъ, что это такое, но ждалъ необычайнаго.

Выйдя на улицу, Фарфуи спросилъ:

— Мамочка, кто этотъ мальчикъ?

— Я же тебѣ сказала, дѣтка—Фаусто Фриджеріо.

— Нѣтъ.—Фарфуи покачалъ головкой.— Нѣтъ, не такъ. Польдо сынъ нашего управителя. А онъ чей?

— Ахъ вотъ что́! Ты хочешь знать, кто его папа.

— Да; и гдѣ онъ?

— Его нѣтъ на свѣтѣ, милый. Его папа умеръ.

— Что это значитъ: умеръ?

— Ну, уснулъ.

— Какъ папа, давеча? Онъ спитъ, какъ папа?

Морелла, вздрогнувъ, стиснула ручонку мальчика.

— Нѣтъ, дорогой мой—не такъ, какъ папа.

— Но, вѣдь, папа тоже спитъ—даже сегодня спалъ.

— Да, засыпаетъ, но и просыпается. А отецъ Фаусто спитъ всегда, глубоко подъ землей и уже не проснется.

— И мама его тоже спитъ?—допытывался Фарфуи.

— Его мама? Вѣдь ты же видѣлъ ее.

— И вовсе это не его мама. Развѣ ты не слыхала, что онъ ея не называетъ мамой. Онъ по-разному ее называетъ, но ни разу не назвалъ мамой.

— Дѣтка моя! ты и это замѣтилъ?

— Ну да; а ты сказала неправду.

— Да, я сказала неправду,—улыбнулась Морелла,—по-

тому что я не знаю, гдѣ его мама. Она ушла далеко, исчезла, потерялась... я не знаю, гдѣ она.

— Какъ: потерялась? Въ темномъ лѣсу, какъ Мальчикъ съ Пальчикъ, заблудилась и не можетъ найти дороги?

— Да, заблудилась... въ темномъ, дремучемъ лѣсу...—задумчиво повторила Морелла.

— Ой, мамочка, нельзя ли ей, бѣдняжкѣ, послать туда фонарикъ, чтобъ она нашла дорогу?

— Тамъ нѣтъ фонариковъ, родной мой.

Она умолкла; умолкъ и мальчикъ, шедшій съ ней рядомъ, по временамъ подымая головку, чтобы заглянуть въ лицо матери; но, видя, что она задумалась, ни о чемъ больше не спрашивалъ.

Прохожіе смотрѣли на нихъ, любуясь красавцемъ-мальчикомъ въ зеленомъ бархатномъ костюмчикѣ, поверхъ котораго было надѣто черное пальто-накидка, въ каракулевомъ беретѣ на вьющихся свѣтлыхъ волосахъ, въ бѣлыхъ перчаткахъ, съ кроткимъ аристократическимъ личикомъ, въ которомъ сразу чувствовалась порода, утонченная нервная организація. Большіе сѣрые глаза уже не свѣтились младенческой невинностью; въ нихъ уже залегла мысль, придававшая его лицу необычно осмысленное выраженіе для мальчика этого возраста. Прямой и стройный, онъ шелъ почти неслышно, такъ легка была его походка.

Никто не усомнился бы въ томъ, что, закутанная въ мѣха, синьора, шедшая съ нимъ рядомъ, — его мать. У обоихъ была одна и та же осанка, простая и въ то же время горделивая, тотъ же взглядъ, затѣненный длинными рѣсницами и немного грустный, то же блѣдное золото волосъ; только глаза были разные—сѣрые у сына, табачнаго цвѣта у матери. Очевидно, у него глаза отцовскіе,—думали прохожіе.

Но, если бъ они увидѣли того, кого законъ именовалъ отцомъ маленькаго Аквилейо, они расхохотались бы, такъ бросалась въ глаза разница между отцомъ и сыномъ: одинъ приземистый, грузный, плебейски-вульгарный, другой тоненькій, хрупкій, изящный, какъ принцъ; и съ каждымъ днемъ эта разница все рѣзче бросалась въ глаза.

— Мамочка, — неожиданно сказалъ Фарфуи: — почему ты любишь Фаусто?

— Потому что онъ маленькій,—отвѣтила Морелла.

— Значитъ, ты любишь всѣхъ дѣтей?

— Болѣе или менѣе, всѣхъ. Дѣтокъ надо любить — они невинныя.

— И ты ему носишь деньги, мама?

— Да, чтобъ ему было на что купить булочки.

— А другимъ дѣтямъ не носишь?

— Нѣтъ, потому что я не знаю ихъ.

— А Фаусто знаешь?

— Ты же видѣлъ, что знаю.

— И его папу и маму знаешь?

— Я же тебѣ сказала, что его папа умеръ.

— Но раньше, до того, какъ онъ умеръ, ты знала его?

— Да, знала.

— Онъ хорошій былъ, его папа, или гадкій?

— Онъ былъ несчастный.

— Что это значитъ: несчастный, мамочка?

— Что, если онъ и былъ гадкій, онъ не былъ въ этомъ виноватъ... Но куда ты хочешь привести меня этими разспросами, дитя мое?

— Какъ: куда привести?—домой,—удивился Фарфуи.

— Да нѣтъ, я не про то,—усмѣхнулась Морелла.—Почему ты обо всемъ этомъ разспрашиваешь?

— Потому что я хочу знать, чей папа хуже—Фаусто или мой...

— Не надо такъ говорить, Фарфуи,—воскликнула Морелла.—Папа не гадкій.

— Нѣтъ, гадкій, и я не люблю его. Я люблю тебя и Драдо.

— Не говори такъ, Фарфуи. Никогда не говори!—Морелла крѣпко сжала руку сына.

— Вѣдь я же только тебѣ. Развѣ и тебѣ тоже нельзя говорить?—огорчился Фарфуи.

— Нѣтъ; потому что я могу впасть въ искушеніе,—пробормотала Морелла, словно про себя.

Фарфуи ничего не сказалъ; не разобравшись въ этой фразѣ, онъ понялъ только слово «впасть», истолковавъ его по-своему, и теперь спрашивалъ себя, какимъ образомъ отъ его словъ мамочка можетъ очутиться на землѣ...

Дойдя до поворота, Морелла сказала:

— Что же ты замолчалъ, мой мальчикъ?

— Такъ.

— Почему ты не разговариваешь больше?

— Потому что нѣтъ.

— Ты знаешь, что я не люблю, когда ты говоришь: «потому что да» и «потому что нѣтъ». Надо всегда объяснить при-

чину, почему ты поступаешь такъ или иначе, а «потому что нѣтъ» и «потому что да»—это не объясненіе... Ну, такъ почему же ты пересталъ говорить?

— Чтобы ты не упала, мамочка.

Морелла нагнулась поцѣловать его.

— Не бойся, дѣтка. Говори, говори о чемъ хочешь, моя радость.

Они остановились на углу улицы Монте Наполеоне. Возвращая матери поцѣлуй, Фарфуи предложилъ:

— Мамочка, пойдемъ въ гости къ Драдо.

— Нѣтъ, нѣтъ, голубчикъ. Пора домой; ужъ поздно.

— Пойдемъ, мамочка. Драдо очень обрадуется намъ. Онъ всегда радъ, когда мы приходимъ къ нему въ гости. Правда?

— Да, радъ; но сейчасъ его нѣтъ дома.

— Почему ты знаешь, что его нѣтъ дома?—удивился мальчикъ.

Морелла вспыхнула и коротко отвѣтила:

— Я все знаю.

Это такъ соотвѣтствовало представленію Фарфуи о матери, что онъ больше не настаивалъ. Мамочка все знаетъ, а папа ничего не знаетъ—въ этомъ ребенокъ былъ твердо убѣжденъ; еще ни разу не было, чтобъ онъ обратился къ матери съ вопросомъ и не получилъ тотчасъ же яснаго и точнаго отвѣта; а отецъ, и въ лучшія времена, когда Фарфуи еще обращался къ нему, только пожималъ плечами и ворчалъ себѣ подъ носъ. И еще Фарфуи вѣрилъ Эдоардо Фальконаро: онъ тоже все зналъ и всегда терпѣливо объяснялъ, стараясь убѣдить и втолковать.

Мальчикъ находилъ вполнѣ естественнымъ, что его мать, не входя въ домъ, уже знаетъ, что Драдо нѣтъ дома; она умѣетъ видѣть и знать то, что ускользаетъ отъ другихъ. И потому Фарфуи слушалъ ее, какъ оракула, и повиновался ей съ полною готовностью: восхищенія передъ матерью было въ немъ не меньше, чѣмъ любви.

— Я хочу скорѣе вырасти большимъ,—объявилъ онъ вдругъ.

— Зачѣмъ, мой дорогой?

— Чтобы и мнѣ все знать, какъ ты.

— Ахъ, дѣтка моя, увѣряю тебя, это совсѣмъ не такъ забавно, какъ ты думаешь... И потомъ, когда ты вырастешь большимъ, никто уже не будетъ цѣловать тебя и носить тебѣ шоколадки.

— Нѣтъ?—огорчился Фарфуи.—И ты больше не будешь цѣловать меня?

— Я-то буду. Я всегда буду, моя радость.

— Ну шоколадки я самъ куплю себѣ,—заключилъ Фарфуи, побѣдоносно тряхнувъ кудрявой головкой.

XXI.

Въ послѣднее время дѣла Лоренцо Моро шли неважно.

Паолино Торнаги, въ качествѣ главнаго агента и довѣреннаго фирмы, прилагалъ всѣ старанія, чтобъ не дать опрокинуться лодкѣ, захваченной бурей, но для такого труднаго дѣла у него не хватало полномочія и авторитета. Рабочіе, не чувствуя на себѣ больше неумолимаго и зоркаго хозяйскаго глаза и не обуздываемые желѣзной дисциплиной, опаздывали на работу, или же являлись навеселѣ, вслѣдствіе чего выполненіе заказовъ оттягивалось, отправка ихъ запаздывала, и укупорка производилась далеко не такъ тщательно, какъ прежде.

Заказчики засыпали фирму письмами, выражавшими неудовольствіе; цѣлыя партіи товару угрожали вернуть обратно и, чтобъ не доводить до этого, приходилось дѣлать огромныя скидки на товаръ и продавать себѣ въ убытокъ. Покупатели, привыкшіе имѣть дѣло съ хозяиномъ и заканчивать его быстро, не слушали приказчиковъ, торговались, спорили и сами назначали цѣну—не то, что съ Лоренцо, который не позволялъ торговаться и, когда ему и случалось это дѣлать, всегда настаивалъ на своемъ.

И, мало-по-малу, одинъ за другимъ, старые кліенты отпадали, переходили къ другимъ сыроварамъ, тѣмъ самымъ конкуррентамъ, которыхъ Лоренцо Моро нѣсколько лѣтъ тому назадъ одолѣлъ, казалось, навсегда. Теперь побѣжденные подняли головы; узнавъ, что Моро пристрастился къ спиртнымъ напиткамъ, они почуяли близость часа торжества и теперь боролись съ прежнимъ конкуррентомъ уже не убыточной сбавкой цѣнъ, а пунктуальностью и аккуратностью, доброкачественностью товара и быстротою выполненія заказовъ.

Самымъ сильнымъ союзникомъ ихъ былъ трактирщикъ Карлотто, систематически спаивавшій Лоренцо такими лошадиными порціями абсента, которыя совершенно выводили его изъ строя.

Медленно, но вѣрно, конкурренты вытѣсняли сыры Лоренцо Моро не только съ итальянскихъ, но и съ иностранныхъ рынковъ. Нѣкоторыя вѣнскія и петроградскія фирмы уже прекра-

тили торговыя сношенія съ домомъ Моро и по собственному почину обратились къ его врагамъ, которые спѣшили услужить имъ съ величайшимъ усердіемъ и готовностью, радуясь случаю подставить ножку конкурренту.

— Кто бы могъ это предвидѣть?—удивлялся одинъ изъ бывшихъ побѣжденныхъ, теперь побѣдителей.—Если бъ бѣдный Маріано Фриджеріо всталъ изъ могилы, онъ не повѣрилъ бы своимъ глазамъ... Еще полгода, и Лоренцо Моро принужденъ будетъ закрыть лавочку, или же лопнуть.

— Лопнетъ, лопнетъ, будь спокоенъ!—подхватилъ другой.—Тутъ разсчетъ вѣрный. Онъ выпиваетъ въ день по пяти стаканчиковъ абсенту, не считая рома и водки—при такомъ режимѣ онъ долго не протянетъ.

Паолино Торнаги и другіе старые служащіе, преданные фирмѣ, были огорчены до слезъ. Въ былое время, когда Лоренцо, пядь за пядью, мужественно отстаивалъ свое дѣло, и Эдоардо украдкой помогалъ ему, они сражались вмѣстѣ съ нимъ, и прилѣпились душою къ дѣлу, которое родилось на ихъ глазахъ и съ году на годъ вырастало, крѣпло, всѣмъ ставилось въ примѣръ. Теперь оно на ихъ же глазахъ рушилось, на радость конкуррентамъ, которые уже кружили около него, какъ хищныя птицы, норовя каждый день урвать новый кусочекъ.

Въ складѣ теперь ужъ не держали большихъ запасовъ сыровъ, да и тѣ, что были, иной разъ портились по небрежности рабочихъ; широкіе корридоры, прежде гудѣвшіе голосами продавцовъ и покупателей, теперь опустѣли, затихли; и самъ хозяинъ ужъ не ѣздилъ, какъ въ прежнее время, періодически въ Фрейбургъ и Роршахъ, откуда онъ привозилъ чудеснѣйшій товаръ.

Лоренцо цѣлыми днями дремалъ въ трактирѣ, пропитанномъ табачнымъ и ѣдкимъ запахомъ спиртныхъ напитковъ, и появлялся въ конторѣ только для того, чтобы сорвать злость на комъ-нибудь изъ служащихъ; эти бѣшеныя вспышки гнѣва запугивали конторщиковъ и заставляли терять послѣднее къ нему уваженіе... О заграничной поѣздкѣ никто не рѣшался съ нимъ заговорить, опасаясь, что онъ напьется на первой же станціи и кто-нибудь его ограбитъ.

Паолино же Торнаги, хоть и не лишенный смѣлости и предпріимчивости, не чувствовалъ за собой достаточнаго опыта, чтобы одному отправиться за такими крупными покупками. Онъ силился какъ-нибудь помочь горю, заполнить пробѣлы и съ трепетомъ ждалъ наступленія срока платежей—не потому, чтобъ

у него не было денегъ заплатить по векселямъ, но изъ-за безпорядка, царившаго теперь во всей администраціи.

Однажды, набравшись храбрости, онъ рѣшилъ поговорить съ Лоренцо, воспользовавшись тѣмъ, что въ этотъ день онъ какъ-будто былъ трезвѣй обыкновеннаго.

— Заклинаю васъ: подумайте о томъ, что вы дѣлаете... Если такъ будетъ продолжаться, отъ вашего богатства останется немного...

— Все еще слишкомъ много,—возразилъ Лоренцо.

— Но, вѣдь, у васъ же сынъ—неужели вы хотите оставить бѣднаго мальчика нищимъ?

— Поди ты къ чорту съ своимъ мальчикомъ!—загремѣлъ Лоренцо, хватаясь за чернильницу.

Паолино Торнаги благоразумно поспѣшилъ ретироваться, но не сдался и отправился къ Эдоардо Фальконаро.

Онъ нашелъ его на Биржѣ и напрямикъ заговорилъ съ нимъ о положеніи дѣла:—фирма шатается; ей нужна помощь, какъ въ добрыя старыя времена—такая помощь, какую можетъ оказать только другъ.

— Я такъ и думалъ,—сказалъ Эдоардо.—Послѣ бражничанья въ кабакѣ—банкротство.

— Пока еще не банкротство,—поправилъ Паолино.—Дѣло слишкомъ солидно поставлено, чтобы рухнуть отъ перваго толчка: но приходъ у насъ все уменьшается, а расходы остаются тѣ же; надо быть предусмотрительнымъ, и я хотѣлъ бы знать, синьоръ Фальконаро, можемъ ли мы впослѣдствіи разсчитывать на васъ.

— Вы говорите отъ имени Лоренцо—или по собственной иниціативѣ?—спросилъ Эдоардо.

— Синьоръ Лоренцо ничего не знаетъ,—сознался Паолино.

— Хорошо; въ такомъ случаѣ, если вы думаете, что рано ли, поздно ли, банкротство неизбѣжно, вотъ вамъ мой совѣтъ:—предоставьте водѣ размывать плотину, а сами ищите себѣ другого мѣста.

Разговоръ этотъ происходилъ на площади Собора, подъ грохотъ трамваевъ, стукъ экипажей и говоръ прохожихъ, спѣшившихъ въ разныя стороны по тротуарамъ.

Среди всего этого оживленія, этой кипучей жизни и движенія, сердце вѣрнаго Паолино еще больнѣе сжалось тоскою отъ предчувствія краха, хоть и далекаго еще, но неизбѣжнаго, который онъ тщетно силился предотвратить.

Онъ хорошо понималъ, что этотъ крахъ, котораго онъ такъ боялся, который былъ бы крахомъ и его собственныхъ усилій

и долголѣтней работы, какъ сотрудника Лоренцо, не заставилъ бы даже обернуться никого изъ всѣхъ этихъ людей, торопившихся по собственнымъ дѣламъ, и что кипучая жизнь города неудержимымъ потокомъ прокатилась бы надъ развалинами нѣкогда цвѣтущаго зданія, въ единый мигъ уничтоживъ и послѣдніе его остатки.

Онъ чувствовалъ себя такимъ маленькимъ, ничтожнымъ, неумѣлымъ, богатымъ только доброй волей, отъ которой пользы мало.

— Какъ вы можете такъ говорить, синьоръ Фальконаро?— осмѣлился спросить онъ, обиженный и огорченный отвѣтомъ Эдоардо.

Тотъ пожалъ плечами.

— Да вѣдь вамъ сколько нужно?—Цѣлое состояніе, если банкротство затянется надолго. Я не могу такъ, сразу, бросить въ огонь цѣлое состояніе; подъ рукой у меня такихъ денегъ нѣтъ; да, если бы и были, можно ли ихъ довѣрить пьяницѣ, не отвѣтственному за свои поступки? Вы помните нашу поѣздку на Вилла Моро?—вы же своими глазами видѣли, во что превратился Лоренцо. Надо съ ума сойти, чтобы...

— Да нѣтъ же,—перебилъ его Торнаги.—Я не то вамъ предлагаю. Вы должны войти въ дѣло компаньономъ, внести капиталъ, принять на себя руководство, и съ вашей энергіей...

Фальконаро усмѣхнулся.

— Какъ же это я буду распоряжаться въ чужомъ дѣлѣ и, главное, въ дѣлѣ, котораго я не знаю? Слуга покорный! Будетъ съ меня и своихъ хлопотъ... Нѣтъ, милѣйшій Торнаги... Ваша преданность дѣлу восхищаетъ меня, и мнѣ пріятно видѣть передъ собой порядочнаго человѣка... Но, все же, послушайтесь моего совѣта и помните, что у меня для васъ всегда готово мѣсто секретаря... Съ пьяницею ничего уже не подѣлаешь, и разумнѣе закурить папироску тысячнымъ билетомъ, чѣмъ дать его Лоренцо.

— Я въ отчаяніи,—пролепеталъ Паолино.—Подумайте о бѣдномъ Аквилейо; къ тому времени, какъ онъ вырастетъ, у него не будетъ ни гроша.

— Аквилейо?—повторилъ Фальконаро.—Аквилейо!

Онъ едва не выдалъ себя, едва не крикнулъ:—Аквилейо мой, и о немъ я позабочусь.—Но сейчасъ же совладалъ съ собой.

— Аквилейо будетъ работать. Трудъ—дѣло хорошее, и

мнѣ сдается, что этотъ мальчикъ пробьетъ себѣ дорогу. А вамъ—не кажется этого?

— Онъ чудесный мальчикъ—прямо сокровище!—искренно воскликнулъ Паолино.

Эдоардо крѣпко сжалъ его руку на прощанье, и каждый пошелъ своей дорогой:—Паолино искать капитала и компаньоновъ, Эдоардо—съ тревожной нѣжностью думая о своемъ Фарфуи.

За послѣднее время мальчикъ снова сталъ для Лоренцо козломъ отпущенія.

Опытный дѣлецъ, онъ чуялъ, что въ воздухѣ пахнетъ катастрофой; пьянство не настолько затемнило его разумъ, чтобъ онъ не замѣчалъ, что его торговое дѣло клонится къ упадку и что его противники всячески стараются, и не безъ успѣха, вытѣснить его товары съ рынка. Мысль объ этомъ горькой обидой точила его сердце, и Лоренцо становился мраченъ и подозрителенъ, и искалъ причинъ невзгоды всюду—только не въ себѣ самомъ:—и въ недоброжелательствѣ кліентовъ, и въ бездарности своихъ приказчиковъ.

Въ концѣ концовъ онъ утвердился въ одной мысли: это Фарфуи принесъ ему несчастье. Съ тѣхъ поръ, какъ родился на свѣтъ Фарфуи, фортуна отвернулась отъ него; ему ни въ чемъ теперь не везетъ, онъ сталъ неудачникомъ... и Лоренцо изобрѣталъ рядъ неудачъ и напастей, которыя онъ цѣликомъ приписывалъ Фарфуи, распредѣляя ихъ между всѣми годами его недолгой жизни.

— Мнѣ остается только бѣжать изъ дому,—жаловалась однажды Морелла Эдоардо.—Опять началось то же: вчера онъ опять избилъ его; и не проходитъ часа, когда бы онъ не ругалъ его и не запугивалъ. Я убѣгу съ Фарфуи, поѣду къ моему отцу... Медлить дольше нельзя: я должна защитить моего сына... Энцо убьетъ его и, если я во-время не приму мѣръ, я буду его сообщницей... Да и не уберечь мнѣ его—меня одной мало... Онъ такъ запугалъ моего бѣдняжку, что онъ не спитъ по ночамъ и почти ничего не ѣстъ... Я уже рѣшила—поговорю съ отцомъ и у него буду искать защиты.

— Подождите,—прервалъ ее Эдоардо.

— Ждать? Чего?—разсердилась Морелла.—Ждать, пока Фарфуи умретъ, или чего еще? Чего, по-вашему, мнѣ надо ждать?

— Не знаю,—сказалъ Эдоардо.—подождите...

Въ этотъ день онъ остался обѣдать у Моро. Лоренцо не былъ пьянъ, но на лицѣ его ясно видны были слѣды опусто-

шеній, производимыхъ въ его организмѣ алкоголемъ. Онъ, напримѣръ, уже не могъ видѣть бѣлаго цвѣта: видъ бѣлоснѣжной скатерти вызывалъ у него спазмы въ желудкѣ, и руки у него дрожали, когда онъ держалъ что-нибудь въ рукѣ.

Возлѣ него сидѣлъ Фарфуи.

Ребенокъ, въ коричневомъ бархатномъ костюмѣ, стянутомъ кожанымъ поясомъ, несмотря на свои огорченія, былъ красивъ и здоровъ на видъ. Бѣленькое личико въ рамкѣ блѣдно-золотыхъ кудрей, кроткое и задумчивое, казалось еще прекраснѣе рядомъ съ багровымъ, преждевременно изборожденнымъ морщинами лицомъ Лоренцо. Рожденный для любви, онъ любилъ всѣхъ, вещи и людей, своей чистой и ясной душой, чуждой притворства и лукавства. Онъ олицетворялъ собой надежду будущаго.

Рядомъ съ нимъ человѣкъ, жившій въ свое удовольствіе, ни въ чемъ себѣ не отказывая, жестокій и коварный, исполненный злобы, съ бычьими глазами, налитыми кровью, съ зловоннымъ дыханіемъ хроническаго алкоголика, всей тяжестью своей грубой животности давилъ на эту невинную младенческую жизнь, которую ему хотѣлось бы зажать въ кулакѣ и потихоньку задушить...

Нѣсколько разъ во время обѣда Эдоардо глядѣлъ по очереди на эти два лица напротивъ его и невольно сравнивалъ ихъ.

И ставшая съ нимъ неразлучной мысль разгоралась въ душѣ до нестерпимой яркости и выжигала огненными буквами слова: «Надо убить его—иначе умретъ Фарфуи».

Убить его, убрать изъ жизни этотъ живой трупъ, пропитанный виномъ и водкой, очистить мѣсто для ребенка, который живетъ и радуется жизни, хочетъ жить, которому надо дать дорогу...

Послѣ обѣда, Лоренцо всталъ и дотронулся до плеча Эдоардо.

— Мнѣ надо поговорить съ тобой. Пройдемъ въ мой кабинетъ.

Эдоардо вопросительно взглянулъ на Мореллу, но та ничего не могла ему отвѣтить. Рѣшенія ея мужа были для нея неожиданными, непредвидѣнными; онъ не совѣтовался съ ней ни въ чемъ; Морелла понятія не имѣла, о чемъ онъ хочетъ говорить.

— Не знаю,—сказалъ ея отвѣтный взглядъ.—Будьте осторожны...

XXII.

— Вотъ въ чемъ дѣло,—началъ Лоренцо, не садясь, такъ какъ опасался, что, лишь только онъ сядетъ, на него снова нападетъ дремота, обыкновенно сваливавшая его послѣ обѣда.

Кабинетъ его былъ просторный и просто обставленъ свѣтлой дубовой мебелью и нѣсколькими кожаными креслами, широкими, удобными. Въ одно такое кресло погрузился Эдоардо и, заложивъ ногу на ногу, закурилъ папиросу.

— Когда ты былъ въ нуждѣ, ты отвергъ мою помощь,— продолжалъ Лоренцо.—Причина твоего отказа такъ и осталась для меня невыясненной, но это не важно... Я напоминаю тебѣ объ этомъ только для того, чтобы сказать, что *я* не могу послѣдовать твоему примѣру.

Эдоардо поднялъ голову, и невольно лицо его выразило удивленіе.

— Ты изумленъ?—засмѣялся Лоренцо, замѣтившій это.— Да вотъ, какъ видишь; я длинныхъ предисловій не люблю: мнѣ нужны деньги, и я прошу ихъ у тебя.

— Деньги?—повторилъ Эдоардо.—Тебѣ нужны деньги?..

— Поймемъ другъ друга,—продолжалъ Лоренцо.—Деньги мнѣ нужны не на сегодня и не на завтра, и не десять-двадцать тысячъ лиръ... Но я предвижу, что современемъ деньги мнѣ понадобятся, и большія.

— Твои дѣла идутъ плохо?—спокойно спросилъ Эдоардо.

— Плохо,—подтвердилъ Лоренцо.

И, чувствуя, что важность темы и интересъ къ дѣлу теперь ужъ не дадутъ ему уснуть, онъ взялъ съ письменнаго стола кисетикъ съ табакомъ и трубку, и тоже опустился въ кресло, напротивъ Эдоардо.

— Плохо,—повторилъ онъ,—такъ какъ кліенты жулики, а приказчики мои—болваны. Одни придираются ко всякой мелочи, чтобъ отказаться отъ товара и добиться этимъ сбавки противъ цѣнъ, выставленныхъ на накладныхъ; другіе не умѣютъ вести себя даже съ самыми захудалыми покупателями... И потомъ, ты же знаешь, что у меня масса враговъ и завистниковъ, которые пускаютъ на рынкѣ слухи о предстоящемъ моемъ банкротствѣ—это, конечно, не способствуетъ кредиту фирмы... Въ этомъ году мнѣ не удалось съѣздить, какъ въ прежніе годы, въ Швейцарію, и это тоже повредило мнѣ...

— Почему же ты не поѣхалъ? Что̀ тебѣ помѣшало?—какъ будто добродушно освѣдомился Эдоардо.

— Дѣла все... занятъ былъ,—пробормоталъ Лоренцо, не ожидавшій такого допроса.—Мало ли у меня тутъ дѣлъ... задержали...

— Должно быть, это очень важныя дѣла,—замѣтилъ Эдоардо,—такъ какъ въ прошломъ году ты ѣздилъ въ Швейцарію, даже когда у тебя сынъ былъ при смерти... Если не ошибаюсь, въ Фрейбургъ...

Лоренцо скорчилъ гримасу и просыпалъ табакъ на колѣни—онъ въ это время набивалъ трубку.

— Ну, а въ этомъ вотъ году не могъ поѣхать—и потому не могъ во̀-время сдѣлать большихъ закупокъ, какъ въ другіе годы...

— А кліенты почему вдругъ стали жуликами?—допытывался Эдоардо.

— То-есть какъ это: почему?

— Да такъ. Вѣдь, эти же твои старые покупатели въ Лондонѣ, Петроградѣ, въ Вѣнѣ—тѣ самые, которые помогли тебѣ разбогатѣть и столько времени предпочитали твои сыры всѣмъ прочимъ.

— Да, да, конечно; но теперь они стали придирчивы, несносно педантичны, задрали носъ...

— Странно! И какъ нарочно къ этому же времени твои приказчики стали болванами.

Лоренцо не отвѣтилъ. Въ словахъ и въ тонѣ Эдоардо онъ чуялъ насмѣшку, уязвлявшую его до глубины души.

— И рабочіе тоже вдругъ поглупѣли и изъ честныхъ стали ворами... Словомъ, полная метаморфоза, не коснувшаяся только цѣпной собаки, Фокса; этотъ, хоть и песъ, но остался по-прежнему умнымъ и честнымъ...

— Не знаю,—прервалъ его Лоренцо,—чего ради ты вышучиваешь меня. Я привелъ тебя сюда не для смѣха.

Лицо Эдоардо сразу измѣнило выраженіе, словно съ него вдругъ спала маска: оно стало суровымъ, и шрамъ, прорѣзывавшій лобъ, придавалъ еще болѣе строгое выраженіе грозно насупленнымъ бровямъ.

— Я и не смѣюсь,—возразилъ онъ.—Это ты смѣешься надо мной, разсказывая мнѣ такія басни. Это ты вышучиваешь меня, ссылаясь на несуществующія дѣла... Ты винишь другихъ: кліентовъ и приказчиковъ; но, вѣдь, у тебя въ конторѣ есть чудеснѣйшіе люди; напримѣръ, Паолино Торнаги—это жемчу-

жина. Ты ищешь причины твоего надвигающагося разоренія въ зависти и въ злостныхъ толкахъ. Но вѣдь у меня еще больше завистниковъ, чѣмъ у тебя, и сплетенъ обо мнѣ не оберешься. Такъ развѣ онѣ могутъ повредить мнѣ?.. На самомъ дѣлѣ все горе въ томъ, что ты таскаешься по кабакамъ въ обществѣ самыхъ грязныхъ пьяницъ и напиваешься изо дня въ день... Кто же, при такихъ условіяхъ, можетъ уважать тебя? Кто можетъ полагаться на тебя въ дѣлахъ? Твои враги хотѣли бы подставить тебѣ ножку—это естественно; это конкурренція—на это ты не смѣешь жаловаться—ты самъ валилъ другихъ. Твои покупатели бросаютъ тебя и переходятъ къ другимъ, потому что ты небрежно исполняешь ихъ заказы—это тоже справедливо... И отъ всей этой сутолоки прибыль одному лишь хозяину кабака, который стоитъ противъ самаго твоего склада... какъ бишь его... Карлотто... Карлотто работаетъ во-всю, чтобы слопать тебя живьемъ и пустить по вѣтру твое дѣло. Прямо невѣроятно, что ты самъ не замѣчаешь этого. Я, вѣдь, вижу, что ты еще въ состояніи разсуждать здраво—почему же ты перестаешь соображать, когда рѣчь идетъ о тебѣ и о твоемъ будущемъ?

Лоренцо набилъ, наконецъ, трубку, закурилъ ее и съ наслажденіемъ затягивался огромными глотками голубоватаго дыма, слѣдя взглядомъ за спиралью, которою онъ извивался въ воздухѣ.

— Ты отлично проповѣдуешь,—произнесъ онъ апатично.— Но мнѣ нужны не слова. Мнѣ нужны деньги—вотъ въ чемъ суть... Не на сейчасъ, на позже... Теперь позволь мнѣ объяснить, въ какой формѣ, по-моему, ты можешь оказать мнѣ помощь...

— Это безполезно, милый Энцо,—перебилъ его Эдоардо:— ни въ какой формѣ и ни подъ какимъ видомъ я тебѣ больше помогать не стану.

— Какъ ты сказалъ?..—Лоренцо даже подпрыгнулъ въ креслѣ.

— Я сказалъ, что больше тебѣ помогать не стану, денегъ въ займы не дамъ и въ дѣло не войду, хотя бы въ качествѣ равноправнаго компаньона. У меня нѣтъ денегъ на то, чтобы швырять ихъ за окно. Деньги, данныя тебѣ, пропащія. Капиталъ, внесенный въ дѣло, въ качествѣ компаньонскаго пая, тоже будетъ пропащій, такъ какъ дѣла я не знаю и въ торговлѣ сырами ничего не смыслю... Верховное руководительство я вынужденъ буду предоставить тебѣ, а ты будешь руководить дѣ-

лами, сидя въ кабачкѣ у Карлотто, за стаканомъ абсента... Нѣтъ, слуга покорный—меня на это не поддѣнешь.

Эдоардо выговорилъ все это холодно и спокойно, закуривая вторую папироску и глядя на Лоренцо, который вертѣлся въ креслѣ, словно на горячихъ угольяхъ.

Затѣмъ, онъ всталъ, заперъ дверь, выходившую въ корридоръ, чтобъ ихъ никто не могъ подслушать; постоялъ немного, самъ прислушиваясь; потомъ на цыпочкахъ вернулся къ Эдоардо, взялъ его за плечо и шепотомъ сказалъ:

— Подумай объ Аквилейо.

Въ первый моментъ Эдоардо не понялъ, не рѣшился понять и, повернувшись въ креслѣ, недоумѣнно посмотрѣлъ на Лоренцо.

— Да, объ Аквилейо. Ты о немъ не думаешь,—повторилъ Моро, также шепотомъ.—Если и дальше пойдетъ такъ, у Аквилейо, къ тому времени, какъ онъ войдетъ въ разумъ, не останется ни одного чентезимо, ему негдѣ будетъ голову преклонить.

— Я?—воскликнулъ Эдоардо.—Я долженъ думать объ Аквилейо?

Нѣсколько мгновеній оба сурово глядѣли въ глаза другъ другу.

— Да, ты. Ты долженъ думать... Ты. Потому что Аквилейо—твой сынъ.

Эдоардо вскочилъ на ноги, дрожа всѣмъ тѣломъ, какъ бы возмущаясь и протестуя; Моро зажалъ ему ротъ словами:

— Да, Аквилейо твой сынъ... Довольно играть комедію, милѣйшій Эдоардо. Здѣсь никто насъ не видитъ и не слышитъ... Ты былъ любовникомъ моей жены; можетъ быть, и теперь ты ея любовникъ. Не протестуй, не дѣлай грозныхъ жестовъ—это только смѣшно. Противъ всѣхъ твоихъ отрицаній, я выдвину тебѣ сильнѣйшій доводъ:—самого Аквилейо,—вѣдь онъ—твой вылитый портретъ; да и помимо того, у меня въ распоряженіи масса неопровержимыхъ доводовъ—хотя бы, напримѣръ, то, что ты не взялъ отъ меня денегъ, когда они тебѣ были такъ нужны. Ты порядочный человѣкъ, а отъ мужа своей любовницы порядочный человѣкъ денегъ не возьметъ—неловко же ограбить человѣка дочиста, отнявъ у него и деньги, и жену. Говорю тебѣ: бросимъ играть комедію. Я умѣю молчать; я все время молчалъ и впредь буду молчать, потому что не желаю стать посмѣшищемъ и титулъ «рогоносца» мнѣ вовсе не къ лицу... Но здѣсь, наединѣ съ тобой, разъ навсегда, да будетъ

мнѣ позволено сказать тебѣ, что я давно все знаю, и, если ты думалъ втихомолку наставить мнѣ рога, такъ, чтобы я остался въ невѣдѣніи,—ошибся, другъ... За стѣнами этой комнаты никто не долженъ ничего подозрѣвать, потому что я до конца буду защищать свое доброе имя; но здѣсь, сейчасъ, я тебѣ выложу все на чистоту, и ты поймешь, что я не такой уже болванъ, какъ ты воображалъ... А? Маріано хорошо относился къ тебѣ?.. Ты такъ думаешь?.. Ты помнишь, какъ ты рыцарски защищалъ его память? Браво!.. Въ тотъ же самый день этотъ твой преданный другъ пришелъ ко мнѣ и, потому только, что я не далъ ему денегъ, предупредилъ меня, что ты надуваешь меня съ Мореллой и что вы вдвоемъ такъ славно постарались, что преподнесли мнѣ сына... Не правда ли, красиво? Кто же вышелъ дуракомъ въ тотъ вечеръ—ты?.. или я?.. Ты, сокрушавшійся о несчастьяхъ бѣднаго Маріано Фриджеріо, или я, который, зная все, посмѣивался, жалѣя тебя? Согласись, не часто встрѣтишь человѣка, умѣющаго *такъ* владѣть собой. И что я вовсе не такой болванъ—съ этимъ ты также долженъ согласиться... Но я молчалъ все время, замѣть это себѣ—даже и въ пьяномъ видѣ... Если ты самъ не разболтаешь—а я увѣренъ, что ты болтать не станешь—эта тайна умретъ со мной; потому что, повторяю, рогоносцемъ я прослыть не хочу и не допущу этого... Молчи, прошу тебя, и эти краснорѣчивые жесты прибереги для другихъ; я знаю, что ты поклянешься—и солжешь, такъ какъ считаешь долгомъ оберегать честь Мореллы... Освобождаю тебя отъ этой обязанности... Честь Мореллы оберегу я самъ, потому что это—*моя* честь; я первый далъ бы пощечину тому, кто посмѣлъ бы усомниться въ ней... Но это для общества, для свѣта... Здѣсь мы одни; здѣсь передъ нами только стулья, при которыхъ нечего разыгрывать изъ себя рыцарей... Ты слышалъ?—Аквилейо—твой сынъ... Ты отрицаешь, но это не идетъ въ счетъ... Онъ *твой* сынъ, и я тебѣ говорю: подумай объ Аквилейо. Дѣло принимаетъ скверный оборотъ... Я признаю, что мнѣ ужъ исправляться поздно: я слишкомъ далеко зашелъ, а абсентъ держитъ крѣпко... Ты видишь, я разсуждаю разумно, какъ ты требуешь... Трезво и разумно... Съ абсентомъ, братъ, не шутятъ... Мнѣ нужны деньги и энергія—то и другое ты можешь дать мнѣ. Торговля моя не изъ трудныхъ; съ твоимъ умомъ и навыкомъ ты въ короткое время изучишь дѣло. Впрочемъ, если ты лично не желаешь становиться во главѣ его, тебѣ не трудно будетъ найти хорошаго администратора, за которымъ ты будешь надзирать... Въ томъ, что я тебѣ предлагаю, спасеніе для меня и

для моего сына—также и твоего сына... Надѣюсь, теперь ты не откажешь?.. Меня травятъ со всѣхъ сторонъ, и помощь нужна неотложная; чѣмъ дольше ты будешь медлить съ нею, тѣмъ больше денегъ потребуется, такъ какъ наберется больше дыръ, которыя надо будетъ заткнуть... Кажется, я трезво разсуждаю?.. Не думай, что это будутъ брошенныя деньги; фирма моя солидная; дѣло хорошо поставлено и, если его во-время подпереть плечомъ, оно снова станетъ на ноги. Мои старинные покупатели сами рады будутъ вернуться ко мнѣ, а среди моихъ конторщиковъ, ты вѣрно говоришь, есть толковые и преданные люди, готовые работать, не покладая рукъ... Уфъ! никогда еще мнѣ не доводилось такъ долго говорить заразъ... Постой, еще нѣсколько словъ: не защищай Мореллы, не лги, не говори, что Аквилейо—мой; у меня есть доказательства противнаго; изъ этого только выйдетъ гнусный и гадкій споръ... Будемъ говорить о дѣлахъ; постараемся сговориться и обсудить вмѣстѣ, какъ лучше оформить наше компаньонство. Я покажу тебѣ всѣ книги; тамъ подсчитано все до копѣйки—ты самъ увидишь, какъ обстоитъ дѣло... То есть, самъ я тебѣ ничего не покажу, потому что этой минуты я отстраняюсь; все это сдѣлаетъ Паолино Торнаги—онъ преданный мнѣ человѣкъ и знаетъ дѣло... Итакъ, будемъ говорить о дѣлахъ... О чести Мореллы позабочусь я; я знаю, что она честная и вѣрная жена, примѣрная супруга, что Аквилейо — мой сынъ, и мнѣ кажется... это само собою подразумѣвается... Кто же можетъ усомниться въ этомъ?.. Я буду молчать—ты тоже... Я буду изображать изъ себя счастливѣйшаго изъ мужей... И, слѣдовательно, всѣ твои отрицанія и протесты запоздали, и вся эта болтовня ни къ чему, такъ какъ я первый убѣжденъ въ безупречности Мореллы, и моментъ откровенностей исчерпанъ... Будемъ говорить о дѣлахъ...

Онъ выговорилъ все это скачками, останавливаясь, самъ перебивая себя, то тиская руку Эдоардо, то заглядывая ему въ глаза съ усмѣшечками и хихиканьемъ; и, кончивъ, въ изнеможеніи упалъ въ кресло и принялся вытирать платкомъ вспотѣвшее лицо.

Эдуардо Фальконаро, стоя передъ нимъ, весь блѣдный, нѣкоторое время смотрѣлъ на него; потомъ сказалъ спокойно:

— Хорошо. Пришли ко мнѣ Торнаги, завтра, въ пять.

— Завтра, въ пять,—повторилъ Лоренцо.—Скажи ему это самъ, по телефону, потому что я могу забыть. Итакъ, это вопросъ рѣшенный?

Эдоардо молча глядѣлъ на него.

— Итакъ, значитъ, это вопросъ рѣшенный?—снова повторилъ Лоренцо, у котораго уже отяжелѣли вѣки.

— Рѣшенный,—подтвердилъ Эдоардо.—Съ однимъ условіемъ...

— Какимъ? Не придумывай условій, непріемлемыхъ для меня.

— Не въ моихъ правилахъ умышленно запутывать дѣла. Условіе такое: чтобы ты не обращалъ больше вниманія на Фарфуи, какъ будто онъ не существуетъ для тебя, чтобы забота о мальчикѣ и его воспитаніе были цѣликомъ ввѣрены его матери.

— Ладно,—сквозь зубы пробормоталъ Лоренцо.

Наступила пауза, въ продолженіе которой Эдоардо пристально вглядывался въ лицо бывшаго друга, лежавшаго въ креслѣ въ полномъ изнеможеніи.

— И помни, Энцо. Если ты не исполнишь этого условія...

— Не премину...— буркнулъ Лоренцо.

— Ты будешь жестоко наказанъ,—заключилъ Эдоардо Фальконаро, и глаза его сверкнули.

Но Моро уже свѣсилъ голову на грудь и захрапѣлъ.

XXIII.

Эдоардо былъ не мало удивленъ, когда, разобравшись вмѣстѣ съ Паолино Торнаги въ дѣлахъ и книгахъ Лоренцо, онъ убѣдился, что фирма его еще стоитъ довольно крѣпко, убытки же проистекаютъ главнымъ образомъ отъ невыгодныхъ спекуляцій, которымъ Лоренцо предался, ни у кого не спросивъ совѣта.

Это было не ново для Эдоардо; даже въ былые дни ихъ дружбы, когда у Лоренцо являлось желаніе что-нибудь предпринять самостоятельно, онъ дѣлалъ это потихоньку, какъ мальчикъ, умоляя не разсказывать объ этомъ Эдоардо; но словно злой рокъ тяготѣлъ надъ всѣми его начинаніями—все, что онъ задумывалъ и выполнялъ, не посовѣтовавшись съ другомъ, фатально оказывалось неудачнымъ.

Изъ книгъ выяснилось, что фирма потеряла шестьсотъ тысячъ лиръ на банкротствѣ одного банка, дѣла котораго ужъ пошатнулись въ то время, какъ Моро довѣрилъ ему эту крупную сумму, и еще триста тысячъ лиръ на другихъ неудачныхъ спекуляціяхъ. Курьезнѣе всего было то, что Лоренцо обыкновенно выступалъ на сцену, когда акціи того или другого предпріятія, заинтересовавшаго его, начинали уже падать въ цѣнѣ.

Лоренцо спѣшилъ поддержать ихъ крупною субсидіей, на время создавалъ для нихъ искусственную жизнь; затѣмъ онѣ окончательно падали; Лоренцо прогоралъ—и никому не говорилъ объ этомъ. Въ числѣ пріобрѣтенныхъ имъ бумагъ были, напримѣръ, акціи одного общества, банкротство котораго Фальконаро предвидѣлъ въ недалекомъ будущемъ, такъ какъ, при номинальной стоимости въ сто пятьдесятъ тысячъ лиръ, онѣ не находили сбыта и по восьмидесяти.

Это смутило Эдоардо.

— Вы видите?—говорилъ онъ Паолино Торнаги.—Вотъ въ чемъ опасность. Кто намъ поручится, что, пока мы будемъ работать надъ тѣмъ, чтобы снова поставить на ноги его дѣло, онъ намъ не устроитъ еще какой-нибудь штуки въ томъ же родѣ? Онъ, и пока не пилъ, ничего не смыслилъ въ биржевой игрѣ; можно себѣ представить, какъ его легко запутать теперь, когда онъ пьянъ съ утра до вечера.

— Но, вѣдь, если вы войдете въ дѣло, онъ не въ правѣ будетъ распоряжаться общимъ состояніемъ безъ согласія своего компаньона,—возразилъ Торнаги.

— Это нимало меня не успокаиваетъ. Онъ способенъ продать и домъ, и лошадей, и виллу, ради какой-нибудь нелѣпѣйшей затѣи... А я то что же буду дѣлать, когда онъ очутится на мостовой?

— Такъ вы отказываетесь войти въ дѣло, синьоръ Фальконаро?—испуганно спросилъ Торнаги.

— Нѣтъ. Я обѣщалъ Лоренцо и не беру назадъ своего слова... Но, увѣряю васъ, никогда еще я такъ не рисковалъ... А что говорятъ въ публикѣ относительно общества, которое мы хотимъ основать?

— Конкурренты уничтожены! — радостно воскликнулъ Паолино.—Я пустилъ слухъ, что въ дѣло входитъ финансистъ съ тремя милліонами капитала.

— Здорово!—засмѣялся Эдоардо.

— Не отрицаю, это я ужъ хватилъ немного черезъ край,—сознался Паолино.—Но когда стало извѣстно, что финансистъ этотъ—вы, всѣ сказали: «Ахъ, тотъ самый, что и въ первый разъ!..» и увѣровали въ три милліона...

— Тотъ же самый, что и въ первый разъ! — повторилъ Эдоардо съ оттѣнкомъ грусти въ голосѣ.—Да, только обстоятельства совсѣмъ не тѣ—на Лоренцо уже нельзя полагаться... Придется постепенно отстранить его отъ дѣла и замѣнить кѣмъ-нибудь, а найти человѣка честнаго и знающаго дѣло не легко...

Я лично не отличу эмменталя отъ велосипеда... Да и вы говорите, что не можете взять на себя закупокъ въ Швейцаріи... Это еще усиливаетъ рискъ.

— Такъ вы отказываетесь, синьоръ Фальконаро?—снова испугался Торнаги.

— Да нѣтъ же; я же вамъ сказалъ, что не отказываюсь,— раздраженно повторилъ Эдоардо.

Подобно Паолино, робѣли въ присутствіи Эдоардо Фальконаро и всѣ, кто приближался къ нему; кругомъ усиливались страхи и надежды, сомнѣнія и тревоги.

Служащіе, не пользовавшіеся хорошей славой, предвидѣли, что ихъ уволятъ, и спѣшили запастись хорошею рекомендаціей. Вообще, рекомендаціи и старымъ служащимъ, боявшимся потерять мѣсто, и новымъ, разсчитывавшимъ сѣсть на ихъ мѣста, сыпались градомъ, преслѣдовали Эдоардо Фальконаро и дома, и на биржѣ, и даже въ театрѣ. То же смятеніе было и среди рабочихъ: одни бросили пить и усерднѣй взялись за работу; другіе сами отказывались отъ мѣста, предвидя, что завтрашній хозяинъ будетъ требовательнѣй, хоть и учтивѣе вчерашняго; и, пожалуй, эта учтивость больше всего смущала ихъ, запугивала сильнѣй, чѣмъ брань и крикъ.

Послѣ разговора съ Лоренцо, Эдоардо сказалъ Мореллѣ:

— Вашъ мужъ желаетъ, чтобъ я сталъ его компаньономъ.

Морелла была поражена.

— Какъ ему не стыдно! Это только уловка, чтобъ выманить у васъ денегъ. Неужели онъ забылъ, что вы отказались отъ его помощи? Боже мой! онъ утратилъ всякій стыдъ, всякое самолюбіе,— несчастный!.. Что же вы ему отвѣтили?

— Я согласился,—просто сказалъ Эдоардо.

— И дадите ему деньги? Но, вѣдь, ему не нужно денегъ. Это—его фантазія, какъ и все прочее.

— Для меня это—выгодное дѣло,—улыбнулся Эдоардо.

— Не понимаю. Вы не изъ тѣхъ людей, которые гоняются за выгодными дѣлами... Тутъ есть что-то такое, что мнѣ непонятно...

Эдоардо неожиданно протянулъ руку и погладилъ золотистые волосы молодой женщины, которая едва замѣтно вздрогнула.

Съ тѣхъ поръ, какъ родился Фарфуи, Эдоардо и Морелла поставили точку на своей любви. Никто изъ нихъ не напоминалъ, не заговаривалъ о ней; послѣдующія событія, заботы о Фарфуи, постоянное присутствіе его между ними, уваженіе Мореллы къ своему ребенку, который впослѣдствіи будетъ судить

ее, гасили пробивавшуюся наружу искру незаглохшей страсти; и влюбленные видѣлись ежедневно, оба неудовлетворенные и жаждущіе, но удерживаемые мыслью, что съ возобновленіемъ ихъ отношеній связана необходимость снова лгать. Для Мореллы лучшей бронею и защитой былъ ребенокъ.

Эдоардо вернулся къ своимъ прежнимъ неглубокимъ и мимолетнымъ увлеченіямъ; Морелла скоро догадалась о томъ, но ни словомъ, ни взглядомъ не выдала себя, не показала, какія страданія ей это доставляетъ.

И эта нежданная, необдуманная ласка Эдоардо была нежданнымъ откровеніемъ. Оба вздрогнули, у обоихъ сильнѣй забилось сердце—и оба усиліемъ воли сдержали себя.

— Поймете позже, милый другъ,—ласково сказалъ Эдоардо.

И, слегка отстранившись отъ нея, думалъ о томъ, что бѣдняжка даже не подозрѣваетъ, какая близкая опасность разоренія угрожаетъ ей и Аквилейо, и какую жертву приноситъ имъ Эдоардо, ставя на карту все свое достояніе ради того только, чтобы дать покой ребенку и избавить его отъ приступовъ бѣшеной злобы Лоренцо.

Впрочемъ, дѣло и вправду могло оказаться выгоднымъ, и рискъ, связанный съ предпріятіемъ, за которое онъ согласился взяться, былъ для него неваженъ, въ сравненіи съ тѣмъ огромнымъ значеніемъ, которое это могло имѣть для будущаго Фарфуи. И онъ съ нетерпѣніемъ ждалъ конца составленія инвентаря, чтобъ набросать планъ новой комбинаціи, овладѣть дѣломъ, устранить препятствія для дальнѣйшаго его развитія и въ концѣ концовъ обуздать пьяницу-хозяина.

— Кончайте скорѣй!—торопилъ онъ Торнаги, и такъ работавшаго безъ устали.—Сводите скорѣе балансъ.

— Да я и то даже по ночамъ работаю,—увѣрялъ Паолино.— Я самъ хочу скорѣе кончить... Но, вѣдь, надо же привести въ порядокъ... Вы останетесь мною довольны...

Эдоардо Фальконаро весело потиралъ руки. Какъ всегда въ трудныя минуты, онъ ощущалъ въ себѣ особенный подъемъ; онъ даже помолодѣлъ на видъ, и Паолино Торнаги украдкой любовался имъ, его увѣренностью въ себѣ и бодрымъ настроеніемъ.

— Этотъ — молодчина! — думалъ старый служака.—Этотъ себя въ обиду не дастъ. Теперь мы ихъ всѣхъ въ порошокъ сотремъ.

И онъ, въ свою очередь, потиралъ руки, посмѣиваясь про себя.

XXIV.

Наступило нѣсколько дней полнаго мира и спокойствія. Лоренцо какъ будто позабылъ о существованіи Фарфуи, не обращалъ на него вниманія, не дразнилъ его; за обѣдомъ почти не разговаривалъ съ Мореллой и ни съ единымъ словомъ не обращался къ мальчику, который, въ свою очередь, не разговаривалъ съ отцомъ.

Фарфуи сталъ для Лоренцо чѣмъ-то въ родѣ неодушевленнаго предмета—стола, или стула, котораго можно совсѣмъ не замѣчать, если онъ не стоитъ вамъ поперекъ дороги. И мальчикъ умѣлъ быть тактичнымъ и считаться съ вкусами Лоренцо, который не любилъ шума въ домѣ и терпѣть не могъ, когда ему попадались подъ ноги игрушки.

Но однажды, когда онъ напился исключительно абсентомъ, на него напала мрачная тоска, неизмѣнно переходящая потомъ въ приступъ ярости.

Онъ раздумывалъ о сдѣлкѣ, заключенной съ Эдоардо, и, сидя въ креслѣ, устремивъ взоръ въ пустоту, сложивъ руки на животѣ, бормоталъ про себя вполголоса:

— Это ловушка... не что иное, какъ ловушка, и Маріано Фриджеріо былъ правъ: я—дуракъ и ничего больше... Эдоардо взялъ и опуталъ меня по рукамъ и по ногамъ своими деньгами, какъ быка, котораго ведутъ на бойню... Вѣдь, тѣмъ, что онъ тогда молчалъ и не протестовалъ, онъ, все равно, что прямо въ лицо мнѣ подтвердилъ, что я рогатъ, что Морелла измѣняетъ мнѣ и что Фарфуи—его сынъ... Жулики, канальи, всѣ канальи!.. Тѣ гроши, что онъ мнѣ дастъ, принесутъ ему хорошіе проценты... За это я долженъ прикусить языкъ, растить у себя въ домѣ его сына, оставить ему свое имя... словно онъ купилъ меня, со всѣми потрохами... Но это ростовщическая сдѣлка... Какъ это я не въ правѣ вздуть кого и когда мнѣ угодно?.. Кто здѣсь хозяинъ—онъ или я?.. Ты, говоритъ, молчи и сиди смирно—тогда я заплачу твои долги и выставлю тебя изъ твоей лавочки; а нѣтъ—издохнешь съ голоду на улицѣ... Это ростовщикъ; только ростовщики такъ разсуждаютъ. И какъ это я такъ попалъ въ просакъ, самъ съ головой полѣзъ въ эту ловушку? И, вѣдь, не пилъ ничего въ тотъ день, и онъ все улещалъ меня пріятными словами: «Ты, говоритъ, разумно разсуждаешь»... Нѣтъ, это теперь я разумно разсуждаю, теперь—да; теперь я покажу тебѣ... Я сдѣлаю то, что задумалъ... Посмотримъ,

удастся ли тебѣ, за твои гроши, распоряжаться по-хозяйски мной и моимъ домомъ...

Онъ безъ конца разсуждалъ самъ съ собою, вслухъ, снова и снова повторяя себѣ то же и тряся указательнымъ пальцемъ правой руки, какъ будто грозя невидимымъ врагамъ.

Потомъ всталъ и пошелъ домой, продолжая бормотать сквозь зубы... Увидалъ Фарфуи, игравшаго въ передней, и съ мѣста въ карьеръ накинулся на него:

— Прочь отсюда, уродъ!.. Долой всю эту ерунду. Что здѣсь—мой домъ, или лавка со всякимъ хламомъ?

И далеко отшвырнулъ ногой полишинеля, подареннаго Фарфуи тетей Изидорой; мальчикъ испуганно глядѣлъ на него; желаніе отстоять свои игрушки боролось въ немъ съ испугомъ, толкавшимъ его на бѣгство.

— Убирайся, убирайся прочь отсюда, дрянь!—повторилъ Лоренцо, съ размаху ударивъ его по щекѣ.

На шумъ прибѣжала Морелла, схватила на руки Фарфуи и заперлась съ нимъ въ своей комнатѣ.

Лоренцо пошелъ за ней и, когда дверь захлопнулась у него передъ носомъ и ключъ повернулся въ замкѣ, онъ еще больше обозлился.

— Отвори! Мнѣ ничего отъ тебя не надо. Я хочу только отхлестать по щекамъ этого выродка... *Я* здѣсь хозяинъ; я приказываю: отвори. Ну, ради Бога! отвори. Будетъ вамъ надо мною издѣваться. Отвори—или я выломаю дверь.

И онъ съ такою силой стучалъ кулакомъ по двери, что дрожали стѣны корридора.

Марія и Пьерина, кухарка и горничная, замѣтивъ, что баринъ золъ болѣе обыкновеннаго, кликнули дворника Адельмо, но тотъ не смѣлъ приблизиться къ Лоренцо; на счастье подоспѣлъ Паолино Торнаги, который схватилъ за полу Лоренцо.

— Что вы дѣлаете? что вы дѣлаете? Вы хотите, чтобы весь городъ говорилъ о васъ?

Лоренцо, только-было занесшій ногу, чтобы нанести еще ударъ по двери, такъ и остался съ поднятой ногой; потомъ преспокойно поставилъ ее на полъ.

— Ты правъ,—сказалъ онъ, сразу успокаиваясь.—Нехорошо, если будутъ говорить... Молодецъ, Паолино. Сплетничать обо мнѣ никто не смѣетъ... Молчаніе и уваженіе... Такъ *мнѣ* угодно... Ну, ладно, я уйду; проводи меня въ мою спальню... Нѣтъ, нѣтъ, я не выламывалъ двери. Кто тебѣ сказалъ? Враки! Я пошелъ ее запертой и хотѣлъ оттворить... Ну, можетъ, нашумѣл

немного... это пустяки... Но кто тебѣ сказалъ, что я хотѣлъ выломать дверь?

— Идемте, идемте; вамъ надо прилечь,—говорилъ Паолино, увлекая его за собой.—Никто мнѣ ничего не говорилъ... Господи Боже! вы все боитесь, какъ бы про васъ чего не сказали...

— Я боюсь?... Я ничего на свѣтѣ не боюсь... Молчаніе и уваженіе. Такъ мнѣ угодно...

И, пыхтя, ворча, тяжело опираясь на руку Торнаги, хватаясь руками за стѣны и подозрительно оглядываясь, не слѣдитъ ли кто-нибудь за нимъ, онъ, наконецъ, добрался до своей спальни, повалился на кровать и не успѣлъ положить голову на подушку, какъ уже захрапѣлъ.

Морелла, съ трудомъ успокоивъ ребенка, который плакалъ и дрожалъ всѣмъ тѣломъ, позвала Пьерину.

— Помоги мнѣ уложиться. Достань мои платья.

— Синьорина уѣзжаетъ?—растерянно спросила горничная.

— Принеси сюда мои чемоданы.

Пьерина умоляюще сложила руки.

— О, синьора! возьмите и меня съ собой!

— Говорятъ тебѣ, тащи сюда чемоданы!—крикнула Морелла, взбѣшенная, въ отчаяніи, сама не зная, что́ она говоритъ.

Въ чемоданы она бросала, какъ попало, все, что́ ей попадалось подъ руку: платья, бѣлье, драгоцѣнности, туалетныя принадлежности, между тѣмъ какъ горничная, стоя на колѣняхъ, силилась хоть сколько-нибудь привести въ порядокъ всѣ эти вещи, дождемъ сыпавшіяся на ея голову. И тихонько плакала, боясь, что барыня оставитъ ее здѣсь и не возьметъ съ собой.

Фарфуи, какъ всѣ дѣти, легко мѣнявшій настроеніе, развлекся этимъ зрѣлищемъ и бросился помогать горничной, вертясь между грудами обшитаго кружевами бѣлья и откупоривая флаконы съ духами, ароматъ которыхъ распространялся по комнатѣ.

— Мы ѣдемъ на дачу, мы ѣдемъ на дачу!—радостно кричалъ онъ, хлопая въ ладоши.—Мы ѣдемъ въ гости къ Польдо.

— Мальчикъ мой, что́ ты сдѣлалъ?—вскричала, наконецъ, Морелла, понемногу пришедшая въ себя.—Ты вылилъ весь мой Убиганъ. Ты себѣ устроилъ ванну изъ духовъ.

— А развѣ это нехорошо, мамуся?—испугался Фарфуи.

— Нѣтъ, нѣтъ, хорошо. Отлично. Не безпокойся, это пустяки,—поспѣшила отвѣтить Морелла, боясь, какъ бы ребенокъ снова не разстроился.

Тогда Фарфуи, ободренный похвалою матери, снова взялъ

флаконъ съ духами и принялся поливать имъ горничную, которая не знала, плакать ей или смѣяться.

— Понюхай, какъ хорошо пахнетъ. Мамочка сказала, что можно. Тебѣ нравится этотъ запахъ? Ты думала: дождикъ идетъ? А это совсѣмъ не дождикъ. Понюхай, какъ хорошо пахнетъ.

XXV.

На слѣдующій день, подталкиваемый странною тревогой, въ которой онъ не могъ отдать себѣ отчета, Эдоардо Фальконаро ощутилъ настоятельную потребность увидать Мореллу, среди бѣлаго дня, въ часъ, совершенно необычный для визита, и въ передней увидалъ большой сундукъ съ иниціалами синьоры Моро.

Морелла сидѣла у себя въ маленькой гостиной, съ книгой въ рукѣ, на диванчикѣ; возлѣ нея, положивъ головку на голубую шелковую подушечку, спалъ Аквилейо.

— Что это значитъ?—спросилъ Эдоардо, изумленно озираясь кругомъ.—Что такое случилось?

— Уѣзжаю, какъ видите,—отвѣтила Морелла.—Я уже совсѣмъ уложилась, но не хотѣла уѣхать, не спросивъ вашего совѣта... Что случилось? Вотъ что.

И молодая женщина подробно разсказала о вчерашнемъ, прибавивъ, что ночью мальчикъ не сомкнулъ глазъ, такъ онъ разволновался при одномъ воспоминаніи объ этой сценѣ. И уснулъ только теперь, совершенно обезсиленный.

— Значитъ, онъ опять за свое?—печально сказалъ Эдоардо, чувствуя, что имъ овладѣваетъ несвойственное ему уныніе.— Что же дѣлать?.. Какъ справиться съ этимъ животнымъ?..

Онъ долго смотрѣлъ на мальчика, который спалъ тревожнымъ сномъ, словно и во снѣ его тревожило страшное видѣніе, отъ котораго онъ не зналъ, какъ убѣжать.

— Онъ убьетъ его!—говорила Морелла.—Онъ поклялся уничтожить его, и уничтожитъ.

Эдоардо не отвѣтилъ; онъ опустился въ кресло рядомъ съ Мореллой и взялъ со стола книжку въ желтой обложкѣ, положенную ею.

— Онъ и сегодня пьянъ?

— Нѣтъ. Сегодня, кажется, онъ не пилъ; впрочемъ, не знаю... ничего не могу сообразить... Онъ дома.

— Дома...—повторилъ Эдоардо.

И застылъ съ книгой въ рукахъ, задумавшись, глядя то на

молодую женщину, то на ребенка. И душа его какъ-то вдругъ оледенѣла, словно скованная неумолимой и непреклонной волей.

— Вы читали?—разсѣянно спросилъ онъ.—Что это?

— Стихи,—отвѣтила Морелла, понимая, что мысли его далеко.

— Придется устроить скандалъ,—рѣшительно сказалъ, наконецъ, Эдоардо, словно излагая выводъ, къ которому онъ пришелъ.—Меня одного недостаточно, чтобъ защитить васъ. Поѣзжайте къ вашему отцу, вмѣстѣ съ Фарфуи; пока, ничего другого не выдумаешь. Потомъ придется обратиться къ адвокату... Я вамъ какъ-то говорилъ на этихъ дняхъ, что устроилъ съ нимъ выгодное дѣло; оказывается, глупо было съ моей стороны повѣрить этому... Я отдалъ ему все, что имѣю, чтобъ поправить его дѣла, взамѣнъ обѣщанія не притѣснять больше ни васъ, ни мальчика... Онъ далъ слово... Онъ наканунѣ разоренія; мы подвели балансъ: больше девятисотъ тысячъ брошено на вѣтеръ, на нелѣпѣйшія спекуляціи, исключительно ради тщеславія... Вы, конечно, ничего объ этомъ не знали?

— Ничего,—съ изумленіемъ отвѣтила она.

Фарфуи заметался, бормоча что-то невнятное. Оба замолкли и не возобновляли разговора, пока ребенокъ снова не уснулъ спокойно.

— Однихъ этихъ его безумствъ достаточно, чтобъ требовать развода,—продолжалъ Эдоардо.—Даже того, что онъ пьетъ безъ просыпа, достаточно... О томъ, что онъ бьетъ васъ и мальчика, можно и не упоминать...

— О, нѣтъ, Эдоардо!—воскликнула Морелла.—Я просто буду жить у отца, вмѣстѣ съ Фарфуи, и ничего не предприму противъ Лоренцо. Я не хочу огласки...

Эдоардо покачалъ головой.—Все равно, вы ея не избѣгнете. Разводъ гласный, по суду, дастъ вамъ возможность показать всѣмъ, что вина на его сторонѣ, и вина немалая; если же вы просто сбѣжите отъ него, ничего не предпринявъ, всѣ будутъ думать, что вина на вашей сторонѣ.

— Ну и пусть! Что мнѣ за дѣло? Разъ Аквилейо будетъ хорошо, я буду счастлива.

Они снова умолкли; ребенокъ, кривя губки, повернулся на бокъ, и бѣлокурая головка его скатилась съ подушечки. Морелла ласково уложила его снова, поправила растрепавшіеся волосы и впилась въ блѣдное личико внимательнымъ и жаднымъ взглядомъ.

— Вы видите, какъ онъ разнервничался,—шепотомъ вы-

говорила она.—Если я останусь здѣсь, онъ умретъ отъ всѣхъ этихъ волненій.

Фарфуи тревожно метался во снѣ и бормоталъ невнятныя слова... Казалось, онъ хотѣлъ бѣжать и не могъ, какъ будто ноги его были скованы.

Потомъ вдругъ, въ то время, какъ Эдоардо и Морелла съ тревогой слѣдили за каждымъ его движеніемъ, раскрылъ глаза и приподнялся, сѣлъ. Сразу узналъ Эдоардо и, очевидно, еще весь подъ впечатлѣніемъ страшнаго сна, охватилъ руками его шею съ отчаяннымъ крикомъ:

— Спаси меня, Драдо! Драдо, спаси меня!

Морелла, вся дрожа, вскочила съ кресла, но мальчикъ уже лежалъ на груди Эдоардо, который дрожащими руками ласкалъ и обнималъ его.

— Милый, родной мой мальчикъ!.. Не бойся, моя радость. Я здѣсь, съ тобой... Смотри, и мамочка здѣсь...

Мамочка нагнулась къ нему, улыбаясь сквозь слезы.

— Ну что̀ такое, Фарфуи? что̀ съ тобой?.. Гадкій сонъ увидѣлъ? Но, вѣдь, это же былъ только сонъ... Смотри, какое солнышко на дворѣ...

Фарфуи взглянулъ въ ту сторону, куда указывала мать, на блѣдно-золотой лучъ солнца, падавшій на стѣну черезъ окно, глубоко вздохнулъ, убѣдился, что онъ, дѣйствительно, не спитъ, и началъ улыбаться... Такъ хорошо было проснуться, увидѣть солнышко и маму, и рядомъ съ нею Драдо...

— Уѣзжайте, уѣзжайте скорѣй!—горячо сказалъ Эдоардо.— Прокатитесь куда-нибудь, попутешествуйте, развлеките Фарфуи— бѣдный мальчикъ, дѣйствительно, страшно изнервничался...

Морелла рѣзкимъ движеніемъ отшатнулась отъ него.

— Тише!—шепнула она.

За дверьми слышались грузные, невѣрные шаги и тяжелое дыханіе Лоренцо, пыхтѣвшаго, какъ будто онъ всходилъ на крутую лѣстницу. Шаги приближались, какъ бы нерѣшительно, и остановились возлѣ двери. Затѣмъ, дверь вдругъ распахнулась, и на порогѣ появился Лоренцо...

— Ахъ, вотъ какъ!—промямлилъ онъ сквозь зубы, при видѣ Фальконаро, державшаго на колѣняхъ Фарфуи, между тѣмъ какъ Морелла стояла возлѣ:—Все семейство въ сборѣ.

Онъ вошелъ, той же невѣрной поступью, и направился къ Эдоардо.

— Здравствуй,—выговорилъ онъ, улыбаясь.—Что́, пришелъ сказать мнѣ о балансѣ? Къ чему мы пришли?

— Къ концу,—отвѣтилъ Эдоардо, чувствуя, что ребенокъ весь дрожитъ.—Къ концу.

— Это хорошо... Я доволенъ... Ужасно я заспался сегодня... Даже лѣнь работать...

Никто не отвѣтилъ.

— Прогуляться пойти—что ли?.. Гдѣ тутъ люди гуляютъ?.. Пойдешь со мной гулять?.. Что́ означаетъ этотъ сундукъ, который я видѣлъ въ передней?.. Нѣтъ, погоди. Посади мальчика на диванъ и пойдемъ пофехтуемъ немного—это будетъ лучше прогулки...

Холодная дрожь пробѣжала по спинѣ Мореллы; сама не зная, почему, она умоляюще взглянула на Эдоардо, ища глазами его глазъ.

— Благодарю,—отвѣтилъ Фальконаро.—Маэстро нѣтъ, а безъ маэстро я съ тобой фехтоваться не желаю—ты слишкомъ опрометчивъ.

Лоренцо скорчилъ презрительную гримасу.

— Ну, хорошо, трусишка, я буду сдерживаться. Не бойся. Идемъ.

— Не хочется что-то, милый Энцо. Позволь мнѣ отказаться.

Но Лоренцо душила глухая потребность обидѣть, оскорбить, бросить вызовъ, которой ему не хотѣлось оставить неудовлетворенной. Онъ засмѣялся, не разжимая губъ, искоса поглядывая на Фальконаро.

— У! какой трусишка!—повторилъ онъ, какъ бы шутя.—Вотъ трусишка-то!.. Это у тебя не нежеланіе, а просто трусость... Ты и въ маскѣ, и въ перчаткахъ трусишь, какъ будто у тебя нѣтъ никакой защиты... Маэстро!.. Тоже нашелъ оправданіе...

Мука и тревога выразились на лицѣ Мореллы. Она понимала, что этотъ грубый вызовъ, брошенный ему въ присутствіи женщины, Эдоардо не можетъ оставить безъ отвѣта. И попробовала перевести разговоръ на другую тему.

— Ты спрашиваешь, что́ означаетъ сундукъ, видѣнный тобой въ передней...

— Я ни о чемъ тебя не спрашиваю. Я съ тобой и не говорю—я говорю съ моимъ будущимъ компаньономъ, съ этимъ

вотъ осторожнымъ фехтовальщикомъ... Онъ каждый день придумываетъ что-нибудь новое, чтобъ прикрыть свою трусость...

— Энцо,—выговорилъ Эдоардо побѣлѣвшими губами, и глаза его сверкнули:—есть слова, которыхъ не слѣдуетъ произносить, даже и въ шутку.

Словно не слыша, Лоренцо кружилъ по комнатѣ, внимательно оглядывая мебель.

— Чего ты ищешь?—спросила его Морелла.

— Ищу... мнѣ пить хочется... Но у тебя во всѣхъ твоихъ аппартаментахъ ни одного шкафчика съ ликерами... Ну, ничего... Я потомъ выпью...

И, повернувшись къ Эдоардо, повторилъ, хихикнувъ:

— Чего ужъ тутъ. Трусишь, такъ трусишь и есть.. Скажите, пожалуйста! Ему нуженъ маэстро, ангелъ-хранитель... я, молъ, слишкомъ увлекаюсь... Выдумаетъ тоже! Трусъ...

Эдоардо спустилъ на полъ Фарфуи и быстрымъ движеніемъ вскочилъ на ноги.

— Идемъ.

Молодая женщина инстинктивно протянула руки съ мольбой къ обоимъ, но тотчасъ же устало опустила ихъ. Она была совсѣмъ разбита безсонной ночью и тревогой за ребенка: въ душѣ ея воцарилось отчаяніе и обезсиливающая тоска.

Молча смотрѣла она вслѣдъ уходящему Эдоардо: за нимъ вышелъ Лоренцо, продолжая подтрунивать надъ нимъ; дверь захлопнулась...

Почему дрожитъ Морелла? почему руки ея словно ледяныя?.. Этотъ примѣрный поединокъ, казалось бы, такой обычный, безъ всякой видимой причины, внушалъ ей сегодня невыразимый ужасъ... Она предчувствовала, что онъ долго не протянется... Ей пришло въ голову самой спуститься внизъ, чтобы присутствовать при немъ, но не хватило энергіи дойти и до порога; и, посадивъ ребенка на колѣни, она стала пѣть ему тихую убаюкивающую пѣсенку, чтобъ онъ опять уснулъ. Прижавшись въ уголокъ дивана, она не въ силахъ была шевельнуться, и сердце ея давило страшное предчувствіе.

Мужчины оба стояли въ фехтовальной залѣ и вооружались.

— Ну-съ, мой осторожный компаньонъ,—говорилъ Ло-

ренцо, берясь за рукоятку легкой блестящей сабли.—Ты сейчасъ увидишь, что у меня голова на мѣстѣ.

Внезапно Эдоардо замѣтилъ, что Лоренцо, какъ и раньше, цѣлитъ саблей ему въ горло.

— Ниже!—крикнулъ онъ, парируя ударъ, разъ и другой.

— Это иностранная фигура,—возразилъ Лоренцо.

— Тогда выше. Это не иностранная фигура.

Лоренцо не парировалъ, не дѣлалъ выпадовъ; онъ просто нападалъ, съ необычайной яростью и проворствомъ, изумительнымъ въ такомъ грузномъ человѣкѣ, притомъ обыкновенно нетвердомъ на ногахъ; сверкающее лезвіе все время со свистомъ прорѣзывало воздухъ возлѣ головы и шеи Эдоардо.

Этотъ послѣдній понялъ: противникъ ловилъ моментъ, чтобы какъ будто случайно всадить ему стальное лезвіе въ сонную артерію, съ неистовствомъ долго скрываемой и сдерживаемой ненависти.

— Цѣль выше или ниже—повторилъ Эдоардо.

— Gardez. Парируй! Ударъ въ голову.

— Это ударъ не въ голову, а въ шею. Я брошу игру.

Тогда, опасаясь, какъ бы его противникъ въ самомъ дѣлѣ не бросилъ игры раньше времени, Лоренцо прижалъ его къ стѣнѣ, свирѣпо атакуя и учащая жестокіе удары. Примѣрный поединокъ превращался въ настоящій, въ страшную дуэль въ маскахъ и перчаткахъ, на рапирахъ съ притупленными концами.

Эдоардо бросило въ холодный потъ при мысли о Фарфуи. Съ быстротою молніи онъ разсудилъ: явно, это ловушка; Лоренцо въ ярости не помнитъ себя; если бы онъ, Эдоардо, и бросилъ оружіе, сказавъ, что не хочетъ больше фехтоваться, тотъ теперь ужъ не отстанетъ отъ него.

Лоренцо наскакивалъ на него съ необычайной яростью; Эдоардо слышалъ его тяжелое свистящее дыханіе, чувствовалъ трепетъ ненависти, направляющій руку противника въ поискахъ артеріи, чтобы пронзить ее. Лоренцо насѣдалъ все пуще; глаза его сверкали животной злобой.

Необходимо было освободиться отъ него.

— Вниманіе, Энцо!—крикнулъ Эдоардо, который подъ градомъ ударовъ былъ совсѣмъ прижатъ къ стѣнѣ.

Онъ вытянулъ руку во всю длину, направивъ кулакъ снизу вверхъ, и изо всей силы ткнулъ Лоренцо рапирой прямо въ лицо...

Раздвинувъ петли маски, желѣзо впилось чуть пониже праваго глаза.

Раздался крикъ, и вмѣстѣ трескъ ломающейся стали.

Затѣмъ молчаніе—и на полу грузное, окровавленное тѣло...

Весь бѣлый, какъ стѣна, Эдоардо Фальконаро переступилъ порогъ гостиной. Морелла, прижимая къ груди Фарфуи, испуганно вскочила.

Онъ прижалъ къ груди мать и ребенка, сливъ ихъ въ безумномъ объятіи.

И глухо выговорилъ:

— Поди туда. Лоренцо умеръ.

XXVI.

Что это былъ несчастный случай—никто не усомнился.

Изслѣдовали маску, которую Лоренцо предпочиталъ всѣмъ прочимъ, и убѣдились, что петли мѣстами отъ времени погнулись; поперечные же прутья кой-гдѣ разошлись, образовавъ неправильные промежутки, куда лезвіе шпаги легко могло проникнуть, а при ярости и стремительности нападенія Лоренцо, оно проникло глубоко.

Если бъ даже этотъ первый и единственный ударъ не былъ смертельнымъ, оружіе Эдоардо, все равно, сломалось бы уже въ силу стремительности, съ какой на него налетѣлъ его противникъ: запальчивость и неосмотрительность Лоренцо были совершенно очевидны.

Такъ разсудили эксперты.

Маэстро Пино Монти присоединилъ къ этому немало точныхъ данныхъ относительно опасной тактики Лоренцо Моро, заявляя отъ себя, что онъ все время опасался катастрофы, и отдалили ее только спокойствіе и осторожность ЭдоардоФ альконаро. Будь на его мѣстѣ другой, Лоренцо давно поплатился бы собственною шкурой за свое неистовство и полное и упорное презрѣніе къ правиламъ добраго поведенія во время фехтованія. И

вотъ, злонравіе принесло достойные плоды—завершилось трагической карой.

И, если бъ даже техники и знатоки дѣла не выяснили, что маска была ненадежна, никому въ голову бы не пришло, что ударъ, хотя и очень сильный, могъ быть нанесенъ умышленно, такъ какъ всѣ знали, что противники были друзьями и наканунѣ того, чтобы стать компаньонами, что Фальконаро вносилъ въ дѣло крупный капиталъ и, въ свою очередь, разсчитывалъ получить отъ него большую прибыль, въ виду солидности и прекрасной репутаціи, которой пользовалась фирма Моро.

Всѣмъ было ясно, что смерть друга могла принести ему только огорченія и убытки—какъ разъ обратное той выгодѣ, которой обыкновенно ищутъ въ преступленіи; вѣдь, не станетъ же разсудительный человѣкъ — а Эдоардо Фальконаро, несомнѣнно, былъ человѣкъ разсудительный,—убивать исключительно ради того, чтобъ нанести себѣ самому ущербъ и матеріальный, и моральный.

Такъ разсудили эксперты.

Эдоардо Фальконаро около года путешествовалъ, то одинъ, то въ сопровожденіи маленькаго Аквилейо; и эта маленькая деталь еще нагляднѣе показывала, какія благородныя чувства онъ питалъ къ покойному другу, юный сынъ котораго вскорѣ сдѣлался неразлучнымъ и любимымъ его спутникомъ. Легко было догадаться, что современемъ онъ постарается загладить свою невольную вину не только передъ сыномъ, но и передъ вдовой покойнаго, замѣнивъ ей утраченнаго супруга.

Ликвидація дѣлъ фирмы Моро, блестяще проведенная Паолино Торнаги, выяснила, что оставшагося недостаточно для того, чтобы вдова и сынъ покойнаго могли жить прилично и хотя бы въ достаткѣ, не говоря уже о прежней роскоши. Поэтому всѣ одобрили Эдоардо Фальконаро, когда онъ, по истеченіи года траура, женился на Мореллѣ Барди, записавъ на ея имя весь тотъ крупный капиталъ, о которомъ шла рѣчь при основаніи новаго общества.

Домъ, гдѣ жили Моро, былъ проданъ Тонино Боккаделли за двадцать пять тысячъ лиръ, хотя теперь онъ стоилъ, по крайней мѣрѣ, шестьдесятъ, благодаря всѣмъ тѣмъ улучшеніямъ и роскошной отдѣлкѣ, которыя были внесены въ него Мореллой. А Тонино Боккаделли, въ свою очередь, перепродалъ его за семьдесятъ тысячъ лиръ юному синьору, подмѣтившему, что въ предмѣстьяхъ женщины, если не доступнѣе, то иной разъ легко-

мысленнѣе, чѣмъ на главныхъ улицахъ; и снова въ большой залѣ теперь плясали разныя Нинетты и Бручіаты, подъ цыганскіе оркестры, какъ при бѣдномъ Маріано.

Наоборотъ, на виллѣ Моро продолжали жить, только омеблировали ее заново, да закрыли досками цистерну и приподняли бортъ, окружавшій ее. Изъ лошадей не продали одной лишь, Феба, который перешелъ въ конюшню Эдоардо Фальконаро, подъ громкимъ названіемъ «Уланда», да и то главный кучеръ, Баттиста, перекрестилъ его въ «Улана», ради простоты и удобства.

Маленькій Фарфуи растетъ красивымъ и здоровымъ, пылкимъ и веселымъ, и въ то же время вѣрнымъ другомъ друзей своего дѣтства. Паолино Торнаги служитъ теперь личнымъ секретаремъ у Эдоардо Фальконаро и можетъ свободно болтать съ мальчикомъ, не опасаясь быть захваченнымъ врасплохъ за разсказываніемъ сказокъ и разстановкой на доскѣ солдатиковъ. Не менѣе друженъ маленькій Фарфуи и съ скромнымъ Польдо, нѣкогда открывшимъ глаза Мореллѣ и Эдоардо на ихъ затаенную любовь—недавно онъ подарилъ Польдо шлемъ и прекрасную лошадь-качалку—и съ Фаусто Фриджеріо, неизмѣнно веселымъ, добродушнымъ шутникомъ и затѣйщикомъ, который угрожаетъ выйти шелопутомъ, если только его не обуздаетъ уваженіе и признательность къ Мореллѣ Моро, которой онъ преданъ всей душой.

Эдоардо Фальконаро и Морелла счастливы, хоть и не смѣютъ сознаться себѣ въ этомъ.

Эдоардо иной разъ дивится про себя, что столько хорошаго могло быть послѣдствіемъ простого исчезновенія одного только человѣка; и въ тѣ минуты, когда онъ до дна заглядываетъ въ свою душу, онъ говоритъ себѣ, что, если бъ эта варварская дуэль состоялась нѣсколько раньше, она избавила бы отъ многихъ огорченій Мореллу и Фарфуи. Спокойно и безъ угрызеній онъ вспоминаетъ этотъ грозный жестъ руки, натянутой, какъ стальная пружина, и направленной къ лицу врага, такъ какъ въ томъ поединкѣ онъ ставилъ на карту собственную жизнь и имѣлъ право защищать ее.

Но Морелла этого не знаетъ. Ей и въ голову не пришло усомниться въ справедливости сужденія экспертовъ и, такъ какъ она вѣритъ въ Бога, ей нѣтъ надобности искать своего избавителя среди людей.

Она настолько увѣрена въ томъ, что это былъ «несчаст-

ный случай», что однажды, своимъ бархатнымъ голосомъ, кротко укоряя Эдоардо за то, что онъ ни въ чемъ не можетъ отказать Фарфуи, не задумалась съ улыбкою сказать ему:

— Нельзя же такъ баловать мальчика. Ты слишкомъ любишь его. Ты способенъ убить ради него.

Эдоардо невольно вздрогнулъ при этихъ словахъ, но тотчасъ же овладѣлъ собой.

И, взявъ большимъ и указательнымъ пальцами за подбородокъ молодую женщину и слегка приподнимая ея голову, чтобъ поцѣловать ее въ губы, отвѣтилъ, разомъ напомнивъ все прошлое:

Вы не знаете...

Съ итал. пер. З. Журавская.

ГЕРМАНЦЫ ПРОТИВЪ АНГЛИЧАНЪ [1]).

§ 1.

Всю вину и отвѣтственность за возникновеніе европейской войны кайзеръ всецѣло возлагаетъ на сэра Эдуарда Грея. Если бы, по мнѣнію кайзера, въ первый день войны Грей заявилъ, что Англія не будетъ участвовать въ ней, такъ какъ она вызвана внутренними треніями между Австріей и Сербіей, тогда, безъ сомнѣнія, Россія и Франція нашли бы способы посредничества между Австріей и Сербіей. Если бы Грей заявилъ, что Англія готова къ войнѣ съ Германіей, тогда Австрія выказала бы гораздо болѣе готовности пойти на уступки въ своемъ спорѣ съ Сербіей. Если бы, какъ утверждаетъ кайзеръ, Грей немедленно принялъ рѣшеніе толкнуть Англію на выступленіе на сторонѣ союзниковъ, война и тогда могла бы быть избѣгнута, но Грей слишкомъ долго продержалъ обѣ нѣмецкія державы въ полномъ невѣдѣніи объ истинныхъ намѣреніяхъ Великобританіи.

Своимъ злѣйшимъ врагомъ нѣмцы считаютъ англичанъ. Они, дескать, дѣйствительные виновники международной распри. Зависть вызвала въ нихъ желаніе окружить Германію врагами. Эдуардъ VII положилъ начало этому окруженію. Грей пользуется имъ для разгрома нѣмецкой имперіи. Англія, молъ, не можетъ допустить соперничества на моряхъ ни торговаго, ни тѣмъ болѣе военнаго флота нѣмцевъ. Она озабочена тѣмъ, чтобы упразднить ихъ промышленное соперничество, чтобы помѣшать пріобрѣтенію ими заморскихъ земель и рынковъ. Столкновеніе оружіемъ есть только одно изъ проявленій германо-англійскаго соперничества, направленнаго къ уничтоженію конкуррентовъ.

Только-что изложенныя мысли проводятъ на всѣ лады первостепенные нѣмецкіе экономисты и историки, начиная отъ Ад. Вагнера и кончая Онкеномъ. Въ журналѣ, издаваемомъ Рорбахомъ подъ заглавіемъ: «Бо̀льшая Германія», цѣлый рядъ статей посвященъ развитію той же точки зрѣнія. Въ «Южно-германскихъ ежемѣсячныхъ тетрадяхъ» число статей, направленныхъ противъ Англіи, оказалось настолько значительнымъ, что одинъ изъ выпусковъ прямо озаглавленъ: «Англія».

Я не буду перечислять ряда брошюръ, носящихъ заголовки:

---

[1]) Рѣчь, произнесенная 12 апрѣля с. г. въ Москвѣ въ залѣ Консерваторіи.

«Конецъ Англіи», или «Зло, происходящее отъ Англіи», т. к. авторы ихъ менѣе извѣстны, что̀, однако, не мѣшаетъ имъ голосить больше другихъ. Я отмѣчу только, что огульное обвиненіе Англіи не въ одномъ аристократизмѣ, но и въ эксплоатаціи, какъ низшихъ классовъ своего населенія, такъ и національностей, ходомъ событій приведенныхъ къ подчиненію ея политическому руководительству, высказывалось такъ нагло и въ такомъ противорѣчіи съ истиной, что старый другъ Англіи, Брентано, не выдержалъ и далъ заслуженную отповѣдь всѣмъ этимъ крикливымъ обличителямъ, напомнивъ, что̀ сдѣлано было Англіей не только въ дѣлѣ филантропіи, но и въ дѣлѣ соціальнаго законодательства, какъ, въ частности, современное министерство съ Асквитомъ во главѣ собиралось рѣшить давнишнюю распрю Ирландіи съ метрополіей возстановленіемъ законодательной автономіи «Зеленаго острова». То обстоятельство, что Брентано долженъ былъ напечатать свою статью не въ нѣмецкой, а въ австрійской газетѣ «Neue Freie Presse», само уже свидѣтельствуетъ о томъ, насколько общественное мнѣніе Германіи возстановлено противъ Англіи.

Прежде, чѣмъ разсмотрѣть возводимыя на Англію обвиненія, покажемъ еще, что нѣмецкіе писатели не направляютъ ихъ одинаково противъ всѣхъ руководителей англійской политики.

Онкенъ отмѣчаетъ тотъ фактъ, что въ средѣ членовъ кабинета рѣшеніе вести войну съ Германіей встрѣтило отпоръ въ лицѣ Морлея, Тревеліена и Бэрнса. Онъ высказываетъ недоумѣніе, какимъ образомъ всегда заявлявшій о своихъ симпатіяхъ къ Германіи, проникнутый ея духомъ, воспитанный въ идеяхъ нѣмецкихъ философовъ, поклонникъ Гёте, англійскій канцлеръ Хальдэнъ и бывшій военный министръ, не счелъ нужнымъ выйти изъ состава кабинета и проводитъ теперь политику, явно идущую въ разрѣзъ съ его прошлымъ и съ его симпатіями. Главную отвѣтственность гейдельбергскій историкъ возводитъ на морского министра Черчигилля, отдаленнаго потомка Мальборо или «Мальбрука». Онъ говоритъ о прошломъ послѣдняго, находитъ въ характерѣ обоихъ сходныя черты: самовлюбленность, высокомѣріе, дерзость, необдуманность, почти мальчишество. Онъ напоминаетъ Черчигиллю слова адмирала Бересфорда: «Пора бы вамъ подумать о томъ, что при первомъ пораженіи англійскаго флота васъ повѣсятъ на первомъ встрѣчномъ деревѣ въ Гайдъ-Паркѣ». Онъ пускается затѣмъ въ длинныя соображенія на счетъ того, что происшедшія за послѣднее время измѣненія въ англійскихъ политическихъ порядкахъ—причина того, что война была рѣшена не общественнымъ мнѣніемъ всей страны, а кучкой людей, спѣвшихся между собою, проникнутыхъ почти животной не-

навистью къ германцамъ, искавшихъ выхода изъ переживаемыхъ страною внутреннихъ затрудненій. Англія, молъ, какъ показалъ уже Сидней Ло, перестала управляться парламентомъ. Руководящая роль перешла въ ней къ кабинету и даже не ко всему его составу, а къ болѣе тѣсному кругу министровъ, пользующихся полнымъ довѣріемъ премьера. Стоило Грею и Черчгиллю убѣдить Асквита въ необходимости объявленія войны Англіей и, не считаясь съ мнѣніемъ страны, небольшая горсть честолюбцевъ и завистниковъ бросила не одинъ англійскій народъ, но все человѣчество въ пучину бѣдствій. Спѣшу тутъ же заявить, что не разъ высказываемая членами оппозиціи, ея лидерами Бальфуромъ и Лендсдауномъ, готовность идти заодно съ правительствомъ въ настоящей войнѣ, повидимому, опровергаетъ то предположеніе, что война навязана Англіи и не отвѣчаетъ желанію всей страны.

Мы представили пока въ возможно сжатомъ видѣ тѣ обвиненія, какія нѣмецкая интеллигенція возводитъ на Англію. Познакомимся теперь съ дѣйствительными причинами, побудившими Англію вмѣшаться въ распрю центральныхъ имперій съ русско-сербскимъ міромъ и съ Франціей.

Не далѣе, какъ въ 1913 году, въ бытность мою въ Парижѣ, на съѣздѣ нѣкоторыхъ членовъ междупарламентской организаціи мира, я изъ устъ сенатора д'Эстурнеля де-Констанъ слышалъ, что англичане, въ случаѣ войны обоихъ союзниковъ — Россіи и Франціи—съ Германіей, не вмѣшаются въ ихъ распрю. Это заявленіе сопровождалось ссылкою на тутъ же присутствовавшаго предсѣдателя междупарламентской организаціи лорда Вердэля. За послѣдніе годы вообще замѣчалось стремленіе найти пути и средства къ тому, чтобы ослабить то впечатлѣніе, какое въ Англіи производило успѣшное соперничество германской промышленности на рынкахъ міра и ростъ нѣмецкаго военнаго флота, побуждавшій англичанъ производить чрезмѣрныя затраты на постройку все новыхъ и новыхъ дредноутовъ и сверхъ-дредноутовъ и притомъ въ числѣ, по меньшей мѣрѣ, въ два раза превышающемъ число новыхъ судовъ нѣмецкаго флота.

Выше упомянутый мною членъ либеральнаго кабинета, Хальденъ, бывшій въ то время еще военнымъ министромъ, ѣздилъ въ Германію и входилъ въ сношенія съ ея правительствомъ съ цѣлью добиться соглашенія. Вся европейская печать занята была одно время его поѣздкой и самыя радужныя надежды были высказываемы газетами на счетъ возможности предотвратить надвигавшееся столкновеніе Великобританіи и Германіи. И прошлымъ лѣтомъ императоръ Вильгельмъ былъ такъ далекъ отъ мысли о неминуе-

мости международной войны, что извѣстіе объ ультиматумѣ, сдѣланномъ Австріей Сербіи, застало его во время поѣздки въ Норвегію на собственной яхтѣ. Англійскіе моряки, правда, подъ предводительствомъ адмирала Битти, посѣтили Кронштадтъ и были приняты петроградскою думою на устроенномъ въ ихъ честь банкетѣ, но политика была тщательно удалена изъ всѣхъ произнесенныхъ въ ихъ честь рѣчей, въ значительной мѣрѣ по ихъ собственному настоянію.

Когда началась тревога по случаю убійства Франца Фердинанда, наслѣдника австрійскаго престола, правительство имперіи Габсбурговъ въ лицѣ Берхтольда выставило обвиненіе въ томъ, что въ числѣ участниковъ заговора были чиновники сербскаго правительства, почему Сербія и призвана была допустить вмѣшательство австрійскихъ властей въ разслѣдованіе вопроса о дѣйствительныхъ виновникахъ заговора. Эта неслыханная попытка ограничить суверенныя права сосѣдняго независимаго государства застала Англію далеко не въ воинственномъ азартѣ. Грей озаботился примиреніемъ противниковъ и сдѣлалъ необходимые къ тому шаги. Въ дипломатической перепискѣ, предшествовавшей началу военныхъ дѣйствій, мы находимъ письмо Грея отъ 29 іюля 1914 г. въ отвѣтъ на донесенія, сдѣланныя ему англійскими послами при русскомъ, австрійскомъ и германскомъ дворѣ. Грей пишетъ Гошэну: «Говоря съ нѣмецкимъ посломъ о положеніи дѣлъ въ Европѣ, я сказалъ, что мнѣ желательно сообщить ему совершенно частнымъ образомъ все волновавшее мой умъ. Положеніе я считаю серьезнымъ. Пока оно остается въ настоящихъ рамкахъ, мы далеки будемъ отъ мысли вмѣшаться въ дѣло. Но если Германія впутается въ распрю, а за ней и Франція, то создадутся отношенія, которыя могутъ вовлечь въ нее всѣ европейскіе интересы. Я не хотѣлъ оставить его подъ невѣрнымъ впечатлѣніемъ, я боялся, чтобы дружественный тонъ нашей бесѣды, который, какъ я надѣялся, сохраненъ будетъ и въ будущемъ, породилъ въ немъ мысль, что мы будемъ держаться въ сторонѣ. Онъ отвѣтилъ мнѣ, что вполнѣ понимаетъ мое заявленіе, но въ то же время спросилъ: хочу ли я этимъ сказать, что въ извѣстныхъ обстоятельствахъ послѣдуетъ наше активное вмѣшательство? Я отвѣтилъ, что не имѣю въ виду сказать этого и вообще заявить что-нибудь, напоминающее угрозу или попытку оказать давленіе, напримѣръ, настаивая на той мысли, что при ухудшеніи хода дѣлъ мы вмѣшаемся. О нашемъ вмѣшательствѣ не можетъ быть и рѣчи, пока въ споръ не будетъ вовлечена Германія или въ немъ не приметъ участія Франція, но что мы вполнѣ даемъ себѣ отчетъ въ томъ, что если бы въ исходѣ переживаемыхъ затрудненій британскіе интересы, по нашему мнѣнію, потребовали

вмѣшательства, мы пойдемъ на такое вмѣшательство сразу и что наше рѣшеніе будетъ принято такъ же быстро, какъ и рѣшеніе другихъ державъ. Я высказалъ надежду, что дружественный тонъ нашихъ бесѣдъ сохранится и въ будущемъ и что я буду въ состояніи оставаться въ тѣсномъ общеніи съ нѣмецкимъ правительствомъ въ заботахъ о сохраненіи мира. Но на тотъ случай, если бы усилія въ этомъ смыслѣ оказались неудачными и если бы исходъ былъ таковъ, что въ немъ замѣшанъ былъ бы всякій европейскій интересъ, я бы не желалъ заслужить упрека въ томъ, что дружественный тонъ нашихъ разговоровъ ввелъ въ заблужденіе его или его правительство на счетъ того, будто мы не примемъ никакого дѣятельнаго участія».

Такимъ образомъ, нельзя сказать, чтобы англичане съ самаго начала не опредѣлили линіи своего поведенія и не были бы озабочены предупрежденіемъ возможности международнаго столкновенія. Когда поставленъ былъ Германіей вопросъ о поддержкѣ ея союзницы и Австрія представила свой ультиматумъ, Грей сдѣлалъ все, отъ него зависящее, чтобы чрезъ посредство Россіи добиться согласительнаго отвѣта отъ Сербіи и убѣдить вмѣстѣ съ тѣмъ германское правительство употребить свое вліяніе на Австрію въ такомъ смыслѣ, чтобы она заняла дружественное положеніе по отношенію къ Сербіи. Въ день представленія австрійской ноты онъ предложилъ нѣмецкому послу, князю Лихновскому, совмѣстное дѣйствіе четырехъ державъ: Германіи, Франціи, Италіи и Великобританіи, съ цѣлью умѣрить пылъ одинаково Вѣны и Петербурга. Когда же австрійцы не удовольствовались сербскимъ отвѣтомъ, онъ рекомендовалъ посламъ Франціи, Германіи и Италіи сойтись съ нимъ въ общую конференцію, для того, чтобы общими усиліями найти выходъ изъ наступившихъ затрудненій и помѣшать новымъ осложненіямъ. Предложеніе было принято весьма охотно французскимъ и итальянскимъ правительствами. Что касается до германскаго министра иностранныхъ дѣлъ, то онъ не желалъ или не былъ въ состояніи принять этого предложенія, Гошэнъ, англійскій посолъ въ Берлинѣ, потерпѣлъ неудачу при попыткѣ выяснить характеръ его берлинскому правительству. Яговъ поспѣшилъ увѣдомить англійскаго посла, что это предложеніе кажется ему равнозначительнымъ созданію какого-то третейскаго суда, а обращеніе къ нему невозможно иначе, какъ по согласному ходатайству Австріи и Россіи. Гошэнъ поспѣшилъ отвѣтить, что предложенная Греемъ конференція не имѣетъ ничего общаго съ третейскимъ судомъ, а только означаетъ, что представители четырехъ націй намѣрены обсудить совмѣстно способы предотвращенія несчастнаго исхода.

Такимъ образомъ, отказъ отъ конференціи падаетъ на отвѣт-

ственность Германіи. До 1-го августа, какъ Грей, такъ и Сазоновъ, старались отыскать такую формулу, которая позволила бы отсрочить столкновеніе великихъ державъ. Еще 31 іюля Грей повидимому думалъ, что посредничество, построенное на мысли объ удовлетвореніи интересовъ Австріи, насколько они затронуты были Сербіей, должно быть принято. Но Германія не оправдала его ожиданій посылкой ультиматума Россіи, 31 іюля 1914 г. Когда война между тремя державами сдѣлалась неизбѣжной, Грей отъ имперскаго канцлера Германіи получилъ 29 іюля слѣдующее предложеніе: «Если только германское правительство будетъ обезпечено на счетъ нейтралитета Великобританіи, то имперское правительство отнынѣ дастъ великобританскому всякую гарантію въ томъ, что оно не намѣрено дѣлать территоріальныхъ пріобрѣтеній во Франціи даже въ случаѣ, если побѣда увѣнчаетъ его дѣло». Но тотъ же канцлеръ не соглашался дать такое же обязательство по отношенію къ французскимъ колоніямъ. Нейтралитета Голландіи Германія не собиралась нарушать, и Бетманъ-Гольвегъ соглашался дать увѣренія на этотъ счетъ подъ условіемъ взаимности. Отъ поведенія Франціи будетъ зависѣть, заявлялъ онъ, какія операціи германскому правительству придется предпринять по отношенію къ Бельгіи; но по окончаніи войны ея интегритетъ будетъ соблюдаться Германіей, буде сама Бельгія не выступитъ противъ нея во время войны.

На эти предложенія Грей отвѣтилъ 30 іюля формальнымъ отказомъ. «Правительство Великобританіи не можетъ,—гласилъ его отвѣтъ,—даже на минуту допустить, что нейтралитетъ будетъ сохраненъ имъ на такихъ условіяхъ. То, что намъ предлагаютъ, въ сущности сводится къ тому, чтобы мы были молчаливыми свидѣтелями отобранія французскихъ колоній и разгрома Франціи и оставались ими до тѣхъ поръ, пока Германія не станетъ отбирать французскихъ земель въ Европѣ». Грей указывалъ, что въ случаѣ потери Франціей ея колоній она настолько ослабѣла бы, что ее трудно было бы впредь считать великой державой. «Для насъ было бы полезно войти въ тайную сдѣлку съ Германіей насчетъ Франціи, но доброе имя нашей родины потерпѣло бы отъ этого. Канцлеръ предлагаетъ намъ отказаться отъ всякаго интереса къ дѣламъ Бельгіи. Мы не можемъ также пойти на такую сдѣлку», пишетъ Грей Гошэну отъ 30 іюля. Онъ продолжаетъ: «Англія должна быть абсолютно свободна отъ всякихъ обязательствъ, въ то же время—препятствуя нападенію европейскихъ державъ на Германію. Мои старанія будутъ направлены къ тому, чтобы добиться какого-нибудь соглашенія, которымъ бы Германіи была обезпечена невозможность

аггрессивной политики со стороны Россіи, Франціи и Англіи». Болѣе опредѣленно желать сохраненія мира было бы трудно. «Такая мысль, прибавляетъ Грей, доселѣ считалась утопіей, но можно надѣяться, что имѣющая наступить реакція противъ теперешней воинственности сдѣлаетъ возможнымъ окончательное сближеніе европейскихъ государствъ, до сихъ поръ считавшееся немыслимымъ».

Когда вслѣдъ затѣмъ англійское правительство поставило Франціи и Германіи вопросъ о томъ—намѣрены ли онѣ соблюдать нейтралитетъ Бельгіи, Франція дала утвердительный отвѣтъ, а нѣмецкій министръ иностранныхъ дѣлъ заявилъ, что онъ ранѣе долженъ снестись съ императоромъ и канцлеромъ. Повидимому, онъ боялся разглашенія будущаго плана войны и въ то же время считалъ, что нѣкоторыя враждебныя дѣйствія уже предприняты были Бельгіей противъ Германіи. Такъ, транспорты хлѣба, предназначавшіеся для Германіи, подвергнуты были эмбарго со стороны бельгійцевъ. Чрезъ посредничество германскаго посла Лихновскаго англійское правительство стало добиваться отъ Бетмана-Гольвега такого же категорическаго отвѣта на счетъ соблюденія бельгійскаго нейтралитета, какой оно получило отъ Франціи. При этомъ Грей писалъ Гошэну: «Если бы нейтралитетъ этотъ былъ соблюденъ однимъ воюющимъ и нарушенъ другимъ, было бы крайне трудно помѣшать открытому выраженію общественнаго недовольства въ нашей странѣ».

Я не стану продолжать выдержекъ. Эти предварительные переговоры достаточно ярко свидѣтельствуютъ о томъ, что Англія съ самаго начала считала невозможнымъ допустить безъ протеста и вмѣшательства съ своей стороны нарушеніе Германіей нейтралитета Бельгіи. Все то, что нѣмецкіе писатели говорятъ о якобы обнаруженномъ Англіею въ этомъ дѣлѣ притворствѣ, о томъ, что она сама нарушила нейтралитетъ, давъ заблаговременно понять бельгійскому правительству, что она окажетъ ему помощь войскомъ въ случаѣ вторженія нѣмецкихъ полчищъ,—все это, разумѣется, не выдерживаетъ критики. Предварительный обмѣнъ мнѣній, не завершающійся принятіемъ какихъ-либо письменныхъ обязательствъ, очевидно, не можетъ считаться нарушеніемъ нейтралитета. Но почему, спросятъ, Англія такъ дорожитъ этимъ бельгійскимъ нейтралитетомъ?—Мы отвѣтимъ на это, указавъ, что Англія отправляется отъ совершенно безспорнаго положенія, что международныя обязательства создаются для того, чтобы выполняться, и, во-вторыхъ, что самые серьезные интересы побуждаютъ ее поддерживать существующій status quo Бельгіи, такъ какъ при немъ Англія можетъ сохранить всѣ свои преимущества островного государства.

Чтобы не восходить въ глубь вѣковъ, я ограничусь напоминаніемъ, что Англія не потерпѣла возведенія на престолъ Бельгіи одного изъ сыновей французскаго короля Людовика-Филиппа и настояла на томъ, чтобы изъ Бельгіи было образовано независимое и вѣчно нейтральное государство подъ властью родственнаго ея королевѣ кобургскаго принца, даже при томъ условіи, если онъ женится на дочери Людовика-Филиппа. Имѣя на берегахъ Шельды и у ея устья, а также на всемъ взморьѣ отъ Ньюпорта до голландской границы нейтральную державу сравнительно съ слабымъ флотомъ, Англія не поставлена въ необходимость дрожать ежечасно за свою независимость и не имѣетъ основаній опасаться той высадки, какой грозилъ Наполеонъ I, къ счастью для нея, не обладавшій достаточнымъ флотомъ особенно послѣ пораженія его Нельсономъ въ битвѣ при Трафальгарѣ. То абстоятельство, что со времени перехода Бельгіи въ ихъ руки, нѣмцы постоянно говорятъ въ своихъ газетахъ о возможности высадить войска на острова Великобританіи, а ихъ крейсера уже бомбардировали нѣкоторыя гавани сѣверо-восточной Англіи, и бомбы бросались цеппелинами на королевскую лѣтнюю резиденцію въ Сандрингамѣ,—все это само говоритъ о томъ, что упомянутыя опасенія не бредъ больной фантазіи. И то закрытіе англійскихъ береговъ для иноземныхъ торговыхъ судовъ, доставляющихъ въ страну припасы, которымъ германцы грозятъ своими подводными лодками, было бы немыслимо, если бы бельгійскіе порты не перешли въ ихъ руки. А все это, вмѣстѣ взятое, какъ нельзя лучше доказываетъ, что Англія, дѣйствительно, преслѣдуетъ и свои жизненные интересы, сохраняя нейтралитетъ Бельгіи.

Рорбахъ и другіе нѣмецкіе публицисты, не желающіе считаться съ этими жизненными интересами противницы Германіи, объясняютъ ея вмѣшательство въ международное столкновеніе намѣреніемъ сохранить за собою владычество надъ морями и помѣшать Германіи сдѣлаться изъ великой державы державой міровой. Одна изъ брошюръ Рорбаха такъ и озаглавлена: «Отъ великой державы къ міровой». Міровой Германія можетъ стать лишь подъ условіемъ свободы морей. И нѣмецкій министръ колоній Дернбургъ, отправившись въ Америку, для того, чтобы расположить въ пользу Германіи общественное мнѣніе Соединенныхъ Штатовъ, старался подчеркнуть ту мысль, что настоящая война ведется Германіей изъ-за обезпеченія свободы морей. Нѣмецкіе публицисты, въ числѣ ихъ овѣмечившійся англичанинъ Х. Чемберленъ, считаютъ дѣйствительной причиной англійскаго недовольства Германіей ростъ ея промышленности, параллельный съ ростомъ ея сельскаго хозяйства. Обладая излишкомъ фабрикатовъ, Германія естественно стремится

къ завоеванію иноземныхъ рынковъ, а сравнительная дешевизна и оброкачественность поставляемаго ею товара открываютъ ей возможность успѣшной конкурренціи съ Англіей. Чтобы помѣшать ея естественному стремленію къ морю, развитію ея торговаго и военнаго флота, ея колоній и иностранныхъ рынковъ, Англія, молъ, не только строитъ двойное число дредноутовъ и сверхъ-дредноутовъ, но и намѣрена использовать ихъ не столько для того, чтобы уничтожить нѣмецкій военный флотъ, сколько для того, чтобы потопить ея торговые корабли, помѣшать дальнѣйшему вывозу ея фабрикатовъ, отобрать у нея колоніи и наводнить англійскими товарами взамѣнъ нѣмецкихъ рынки всего міра.

Не считаясь съ тѣмъ заявленіемъ, что преобладаніе на моряхъ необходимо Англіи для обезпеченія свободнаго сообщенія между ея составными частями, разбросанными по океанамъ, германизированный Чемберленъ настаиваетъ на той мысли, что Англія далеко не всегда была морской державой. Ея торговый обмѣнъ производился нѣкогда на ганзейскихъ судахъ. Она стала морской державой лишь со времени знаменитаго «навигаціоннаго акта» Кромвеля и успѣшной попытки уничтожить торговое соперничество Голландіи каперской войною съ ея торговыми судами. Впослѣдствіи Англія такими же насильственными средствами уничтожила при Людовикѣ XV морское и торговое соперничество съ нею Франціи, отобравъ у нея Канаду и многіе острова на Индійскомъ океанѣ и упразднивъ въ большей или меньшей степени ту преобладающую роль, какую она одно время играла въ Остъ-Индіи. Наполеонъ I разоблачилъ козни Англіи, ея намѣреніе устранить всякую конкурренцію на моряхъ и на международныхъ рынкахъ со стороны державъ континента и предложилъ принять противъ нея ту систему блокады, далеко не всегда эффективной, которая извѣстна въ исторіи подъ именемъ «континентальной блокады». Нѣмцы нашихъ дней идутъ по стопамъ Наполеона, и Англія будетъ осилена только подъ условіемъ фактическаго осуществленія блокады ея береговъ, которая можетъ быть достигнута путемъ подводныхъ лодокъ.

Мы подошли, такимъ образомъ, къ ближайшимъ событіямъ. Адмиралъ Тирпицъ провозгласилъ на весь свѣтъ, что подвозъ какихъ бы то ни было товаровъ къ англійскимъ берегамъ не будетъ допущенъ. Въ полномъ противорѣчіи съ основами международнаго права, съ нормами, установленными на закончившемъ крымскую войну парижскомъ конгрессѣ, и съ недавней лондонской конвенціей о морской войнѣ, онъ пригрозилъ потопленіемъ экипажа вмѣстѣ съ товаромъ, взамѣнъ обязательнаго доставленія нейтральнаго судна въ портъ и наложенія лишь секвестра на его грузъ впредь до поста-

новленія приговора призовымъ судомъ насчетъ присужденія груза. Началась истребительная погоня за судами нейтральныхъ, въ томъ расчетѣ, что въ Англіи имѣется хлѣбныхъ запасовъ не болѣе, какъ на 41 день, и что поэтому она поставлена будетъ въ необходимость, ради избѣжанія голода и мора, просить мира. Много судовъ потоплено, но нѣкоторыя сумѣли себя защитить и опустить на дно нападающую на нихъ подводную лодку. Подвозъ припасовъ въ Англію не прекратился и ни о какомъ мирѣ пока не заходитъ рѣчи.

Но неужели одна война есть нормальный исходъ для промышленнаго и торговаго соперничества Германіи съ Англіей?

Неужели это расхожденіе нѣмецкихъ и англійскихъ интересовъ таково, что устраняетъ всякую мысль о соглашеніи? Если бы было такъ, то очевидно, что и по окончаніи настоящей войны прочный миръ въ Европѣ не могъ бы быть достигнутъ и мы бы ежечасно могли ждать новыхъ и новыхъ его нарушеній. Причины, побуждающія Германію порвать съ порядками земледѣльческаго хозяйства, перейти къ промышленной дѣятельности и міровой торговлѣ, причины, сказавшіяся еще ранѣе момента ея объединенія и вызвавшія въ ней за послѣдніе 44 года расцвѣтъ капитализма, колоніальную политику, заботу о заморскихъ рынкахъ, ростъ торговаго мореплаванія и созданіе могущественнаго военнаго флота для его защиты, не изъ такихъ, которыя бы могли исчезнуть современемъ. Увеличивающаяся густота населенія и вполнѣ понятное желаніе Германіи не отпускать своихъ сыновъ на чужбину, заставили ее перейти къ инымъ формамъ производства и обмѣна, чѣмъ тѣ, какія держались въ Германіи въ первую половину протекшаго столѣтія. И тѣ же причины, разумѣется, будутъ дѣйствовать и впредь, въ усиливающейся прогрессіи. Въ серединѣ XIX в., земли, на которыхъ возникла германская имперія, имѣли 35 милліоновъ жителей, въ 90—91 годахъ число ихъ возрасло уже до 50 милліоновъ, наканунѣ войны все населеніе имперіи исчислялось въ 66 милліоновъ. На разстояніи послѣднихъ 21 года населеніе Германіи возрасло на 16 мил., т. е. на сумму въ два раза большую противъ той, на какую увеличилось населеніе Великобританіи и въ частности соединенныхъ королевствъ: Англіи, Шотландіи и Ирландіи. Въ 1890 г. это населеніе равнялось $37^1/_2$ милліонамъ, а 21 годъ спустя—$45^3/_{10}$ милл. Во всей же Великобританіи приростъ бѣлаго населенія за то же время равнялся 12 милл. Если та же причина будетъ дѣйствовать въ ускоряющейся прогрессіи и Германія будетъ лишена своихъ колоній, то весь избытокъ населенія уйдетъ, какъ уходилъ и прежде, въ Соединенные Штаты, Аргентину и Бразилію. Въ Америкѣ нѣмецкій элементъ—численно преобладающій послѣ англо-шотландскаго. А такъ

какъ съ нимъ, какъ показали недавнія событія, дѣйствуетъ заодно элементъ кельтскій, т. е. ирландскій, то всякій новый приростъ нѣмецкой колонизаціи будетъ имѣть своимъ послѣдствіемъ уклонъ внѣшней политики республики въ сторону Германіи. Это не могло послѣдовать теперь, такъ какъ нѣмецкое вліяніе по указанной причинѣ все еще не является преобладающимъ. Поэтому митинги въ Чикаго, собранные для протеста противъ подвоза Соединенными Штатами военныхъ припасовъ и орудій державамъ тройственнаго соглашенія, не возымѣли дѣйствія и не вызвали правительственныхъ мѣропріятій, направленныхъ къ такому запрету. Но американскіе политическіе дѣятели принуждены считаться уже и теперь съ угрозами нѣмцевъ Соединенныхъ Штатовъ отказать имъ въ своихъ голосахъ на будущихъ выборахъ. Можно судить, что бы сталось съ этимъ нѣмецкимъ вліяніемъ, если бы оно усилилось на десятки милліоновъ новыхъ нѣмецкихъ колонистовъ: Америка въ этомъ случаѣ сдѣлалась бы необходимо союзницей Германіи въ понятномъ для обѣихъ желаніи успѣшной конкурренціи съ Великобританіей въ промышленности и міровой торговлѣ.

За годъ съ лишнимъ до начала войны собрана была въ Лондонѣ частная конференція, поставившая себѣ задачей выяснить вопросъ о томъ, въ какой мѣрѣ противорѣчивы интересы обѣихъ странъ. На эту конференцію собрались не одни государственные и общественные дѣятели, но и главы крупнѣйшихъ промышленныхъ и торговыхъ ассоціацій, въ томъ числѣ ассоціаціи текстильныхъ производствъ. Не раздалось на ней ни одного голоса въ смыслѣ невозможности параллельнаго развитія промышленности и обмѣна обѣихъ странъ. Чтобы не быть голословнымъ, сдѣлаю извлеченія изъ нѣкоторыхъ произнесенныхъ на этой конференціи рѣчей.

Проф. Карлъ Радгенъ между прочимъ сказалъ: «Кто достаточно безуменъ, чтобы высказать увѣренность, что природныя преимущества Германіи въ Европѣ или Британіи на моряхъ могутъ быть измѣнены войной? Если экономическія условія и экономическіе запросы Англіи и Германіи сдѣлаются все болѣе и болѣе сходными, то слѣдуетъ ли отсюда, что конкурренція между ними должна необходимо усилиться? Не означаетъ ли это только сходства, скажу болѣе тождества, ихъ интересовъ? Великія торговыя націи одинаково заинтересованы въ томъ, чтобы весь міръ былъ призванъ къ цивилизаціи и открытъ для промышленныхъ и торговыхъ предпріятій. Англія подала примѣръ открытія своимъ конкуррентамъ новыхъ земель для соперничества въ равныхъ условіяхъ. Не малое число нѣмецкихъ торговцевъ видитъ въ этомъ справедливость и хозяйственную мудрость Великобританіи. Англія въ большей степени, чѣмъ другія

страны, сдѣлала доступнымъ какъ ближній, такъ и дальній востокъ, для европейской предпріимчивости. Германія послѣдовала такому же правилу поведенія, съ тѣхъ поръ, какъ основаніе имперіи открыло ей возможность къ такому поведенію. Въ этомъ смыслѣ она направила свою дѣятельность и на Востокъ Азіи, и въ Африку. Она приняла участіе въ обезпеченіи справедливаго и равнаго отношенія ко всѣмъ занятымъ въ торговлѣ націямъ со времени созданія королевства Конго и до момента послѣдняго соглашенія по отношенію къ Марокко. «Подумайте только, сколько капитала потребуется для того, чтобы внести блага цивилизаціи въ заморскія страны съ ихъ исчисляемымъ сотнями милліоновъ населеніемъ. Ограничиваясь однимъ только указаніемъ, я спрошу: не заинтересованы ли мы въ равной мѣрѣ ради успѣховъ промышленности въ томъ, чтобы усилить производство сырья, напримѣръ, хлопка? Въ той мѣрѣ, въ какой Германія получаетъ выгоду отъ усиленія въ этомъ направленіи дѣятельности Англіи, въ такой же степени и Англія заинтересована въ параллельной дѣятельности Германіи. Какъ бы скромны ни были наши заморскія колоніи, онѣ все же представляютъ для Англіи рынокъ, который со временемъ, конечно, увеличится». Ораторъ указываетъ на то, что ростъ промышленности и торговли обѣихъ странъ былъ параллельный съ перевѣсомъ на сторонѣ Германіи. Въ 89 и 90 годахъ англійскій экспортъ превосходилъ германскій на 100 милл. фунт. стерл. 10 лѣтъ спустя, разница была уже не болѣе 50—60 милл. Но съ тѣхъ поръ за послѣднія 15 лѣтъ, за исключеніемъ одного 1907 г., эта цифра оставалась болѣе или менѣе неизмѣнной. Англійскій экспортъ превосходилъ нѣмецкій на 45—65 милл. фунт. стерл. въ годъ. Приростъ для англійскаго вывоза былъ въ 165 милл. ф. ст., а для Германіи въ 178 милл. ф. ст. Обѣ страны имѣли приращеніе большее, чѣмъ любая въ мірѣ. Даже въ Америкѣ приростъ былъ только въ 115 милл. фунт. Если измѣрять этотъ приростъ тѣмъ, сколько приходится на одну голову жителей, то онъ былъ большій въ Англіи, чѣмъ въ Германіи, населеніе которой возрастало быстрѣе. Съ 1890 по 1911 г. количество вывоза на человѣка возрасло въ Германіи на 2,15 фунта стерл., а въ Англіи на 3 фунта стерлинговъ.

Авторъ доказываетъ далѣе, что одной изъ странъ, въ которую всего болѣе ввозится англійскихъ товаровъ, является Германія. Въ 1911 г. она получила англійскихъ товаровъ на сумму въ 39 милл. фунт. стерл. Въ цѣломъ мірѣ не было страны, которая бы ввезла большее количество англійскаго товара. Эти 39 милліоновъ представляютъ почти $^1/_6$ часть всего англійскаго вывоза. А изъ англійскихъ колоній ввозъ въ Германію равнялся 45 милл. фунт. стерл., что представляетъ

собою около 40% англійскаго ввоза откуда бы то ни было. Ввозъ этотъ возрастаетъ съ необыкновенной быстротой. Онъ болѣе, чѣмъ удвоился въ періодъ съ 1900 по 1911 годъ. Вывозъ нѣмецкихъ товаровъ въ эти колоніи возрастаетъ сравнительно медленно: съ 1900 по 1911 г. всего съ 8 на 15 милл. ф. ст.; тогда какъ вывозъ изъ нихъ въ Германію увеличился за тотъ же срокъ съ 20 до 40 милл. ф. ст.

Приведя всѣ эти цифровыя данныя, проф. Радгенъ говоритъ о легкомысліи тѣхъ, кто предсказываютъ наступленіе войны между Англіей и Германіей. Какой ироніей звучатъ теперь эти слова! Они во всякомъ случаѣ подтверждаютъ недавнее свидѣтельство Таке-Іонеску, что за нѣсколько дней до войны министръ иностранныхъ дѣлъ Англіи еще считалъ ее крайне нежелательной. 21-го іюля Таке-Іонеску посѣтилъ Грея, чтобы поговорить съ нимъ объ Албаніи, и между прочимъ сказалъ ему: «Я знаю, что, по мнѣнію многихъ людей, усиленіе албанской сумятицы можетъ привести къ разрыву между Австріей и Италіей—къ присоединенію послѣдней къ тройственному согласію; я нахожу этотъ расчетъ слишкомъ сложнымъ для того, чтобы онъ могъ считаться надежнымъ». На это Грей возразилъ: «Я отнюдь не желаю оторвать Италію отъ Австріи и Германіи. У меня никогда не было такого намѣренія. Франко-русско-итальянскій союзъ былъ бы такъ силенъ, что нарушилъ бы равновѣсіе, возникла бы опасность войны; а я желаю только одного: мира. (См. статью Таке-Іонеску въ «Grande Revue», а извлеченіе изъ нея въ № 75 газеты «Рѣчь»).

Въ числѣ мотивовъ, приводимыхъ въ доказательство той мысли что нѣтъ серьезныхъ основаній для того, чтобы торговое соперничество Англіи съ Германіей перешло въ военное столкновеніе, приведены были президентомъ международнаго союза бумагопрядильщиковъ и ткачей и одновременно президентомъ англійскаго союза бумагопрядильщиковъ г-номъ Карломъ Манара слѣдующія интересныя цифры. Въ одномъ рефератѣ, прочитанномъ въ Брюсселѣ на международномъ хлопчатобумажномъ конгрессѣ въ 1910 году, зашла рѣчь о возможности расширенія хлопчатобумажной промышленности. Эта промышленность теперь удовлетворяетъ запросу на одежду $^{9}/_{10}$ жителей земного шара. Но изъ 1 милліарда 500 милліоновъ человѣкъ всего 500 милліоновъ носятъ полную одежду; 750 милліоновъ одѣты только отчасти, а 250 милліоновъ обходятся безъ всякой одежды. Такимъ образомъ, является еще возможность удовлетворенія запроса въ одеждѣ около милліарда людей, а это мыслимо лишь при уменьшеніи стоимости хлопка, что предполагаетъ не только культуру его въ большихъ размѣрахъ, но и доведеніе до максимума производительности хлопчатобумажныхъ плантацій.

Изъ всѣхъ участниковъ конгресса ни одинъ не высказался въ томъ смыслѣ, что только войною можетъ измѣниться къ выгодѣ одной изъ сторонъ промышленное и торговое соперничество Германіи съ Англіей; а напротивъ, доказывалась та мысль, что техническіе успѣхи Германіи идутъ на пользу Англіи, а расширеніе германскаго рынка увеличиваетъ и ея вывозъ.

Послѣ сказаннаго позволительно спросить: какую доказательную силу имѣютъ соображенія, высказываемыя нѣкоторыми современными хулителями Англіи, въ числѣ ихъ и германизированнымъ англичаниномъ Х. Чемберленомъ, будто ближайшей и неотложной причиной войны былъ быстрый ростъ германской промышленности и вывозной торговли, а вмѣстѣ съ тѣмъ порожденная этимъ ростомъ зависть англичанъ къ нѣмецкому расцвѣту? Она, дескать, породила мысль использовать войну для уничтоженія нѣмецкаго торговаго флота, для отнятія у Германіи ея колоній и для замѣны англійскими товарами нѣмецкихъ на освободившемся отъ послѣднихъ міровомъ рынкѣ. При всей своей простотѣ, такое объясненіе падаетъ передъ очевидностью, что параллельное развитіе англійской и нѣмецкой промышленности до послѣдняго времени ни мало не препятствовало почти равному росту вывоза обѣихъ странъ, при чемъ успѣхи Германіи имѣли послѣдствіемъ увеличеніе ввоза не однихъ ея, но и англійскихъ товаровъ. Такимъ образомъ, объясненіе, данное причинамъ войны извѣстнымъ изреченіемъ императора Вильгельма о зависти, порожденной въ сосѣднихъ народахъ нѣмецкимъ благополучіемъ, остается положеніемъ недоказаннымъ. Это крылатое слово, ничѣмъ не обоснованное, галлюцинировало націю и замѣнило въ ея глазахъ дѣйствительный источникъ кроваваго столкновенія, переживаемаго обѣими родственными націями.

§ 2.

Послѣ сказаннаго позволено спросить сводится ли къ чисто-экономическимъ причинамъ рознь германцевъ съ англичанами? Въ литературѣ, посвященной этому предмету, я встрѣчаю рѣзко противоположное мнѣніе. Оно принадлежитъ бельгійцу Чарльзъ Сароли, доктору философіи и литературы и автору книги «Англо-германская проблема», переведенной съ англійскаго на русскій языкъ. Г. Сароли издалъ свою книгу наканунѣ войны, когда сказывались уже всѣ тѣ факторы, съ которыми мы имѣемъ дѣло нынѣ. «Настоящее треніе между Англіей и Германіей, пишетъ онъ, нельзя объяснять внезапнымъ порывомъ народныхъ страстей, какъ и взаимно противорѣчивыми интересами.

Его нельзя объяснять расовыми различіями, ибо это родственныя націи, нельзя объяснять религіознымъ разномысліемъ, ибо Германія и Англія одинаково протестантскія страны; ихъ нельзя объяснять какой-либо наслѣдственной непріязнью, ибо въ прошломъ Германія и Англія никогда не сражались на полѣ битвы, а, наоборотъ, выступали какъ союзницы противъ общаго «врага». Причина теперешней враждебности лежитъ, по мнѣнію автора, прежде всего въ морской политикѣ Германской имперіи. Это одинъ изъ основныхъ пунктовъ, но не единственный и даже не самый важный. Германскій флотъ строится съ цѣлью вырвать изъ рукъ Англіи господство надъ морями. Для одной только охраны ея коммерческихъ интересовъ Германіи не нуженъ могущественный флотъ. Ей не нуженъ онъ для того, чтобы сражаться съ гереросами или островитянами южнаго океана. Армія и флотъ въ Германіи и Англіи должны служить двумъ совершенно разнымъ цѣлямъ. Германіи, какъ континентальной державѣ, нуженъ не могущественный флотъ, а мощная армія, и, главнымъ образомъ, для оборонительныхъ цѣлей; флотъ же, наоборотъ, нуженъ для наступленія. Иное дѣло въ Англіи. Какъ островной морской державѣ, ей необходима не сильная армія, а сильный флотъ. Въ противоположность Германіи, флотъ для Англіи преимущественно оборонительное средство; большая же армія была бы для нея средствомъ наступательнымъ. Удержать владычество надъ моремъ для Англіи нужно, потому что отъ него зависитъ существованіе ея не только, какъ имперіи, но и какъ націи. Если бы она утратила свое морское могущество, снабженіе ея гражданъ съѣстными припасами попало бы въ зависимость отъ непріятельскаго флота. Въ нѣсколько недѣль англійскій народъ могъ бы быть доведенъ до порабощенія. Авторъ не вѣритъ въ возможность вторженія Германіи въ предѣлы Англіи. Онъ полагаетъ, что величайшей опасностью для Англіи было бы вторженіе германцевъ во Францію и Бельгію. Уязвимая точка, Ахиллесова пята Англіи, говоритъ Сароли, лежитъ во Франціи и Бельгіи. Разгромъ Франціи на равнинахъ Фландріи или Шампани, съ послѣдующей за симъ аннексіей сѣверной Бельгіи или Голландіи, былъ бы смертельнымъ ударомъ для англійскаго верховенства. И эту опасность авторъ въ то время, когда еще война не предвидѣлась въ близкомъ будущемъ, признавалъ въ высшей степени серьезной. «Германія, писалъ Сароли, хочетъ быть міровой имперіей. Старая наполеоновская мечта овладѣла ею. Уже теперь двойственный союзъ Германіи и Австріи царитъ политически отъ Гамбурга до Салоникъ и Константинополя. Уже теперь экономическое проникновеніе Германіи въ Голландію и Бельгію превратило эти страны въ германскія колоніи. Политиче-

ская гегемонія Германской имперіи въ континентальной Европѣ представляется поэтому дѣломъ достижимымъ».

Авторъ останавливается подробно на разсмотрѣніи причинъ по которымъ Германія не пользуется симпатіями въ Европѣ. Онъ соглашается съ мыслью, что германское производство вытѣснило англійское со многихъ рынковъ и объясняетъ это тѣмъ, что жизнь въ Германіи была дешевле, заработная плата и прибыль ниже, рабочій день длиннѣе, а дешевка съ клеймомъ: «made in Germany» часто была низкопробной, плохой имитаціей англійскихъ товаровъ. Англійскій рабочій, естественно, могъ испытывать по отношенію къ нѣмецкому нѣчто подобное тому чувству, какое есть у трэдъ-юніониста по отношенію къ постороннему рабочему, сбивающему ему цѣну. Враждебность англичанъ въ данномъ случаѣ казалась тѣмъ болѣе естественной, что въ то время, какъ Германія оградилась таможенной стѣной отъ англійскихъ товаровъ, у Англіи двери были открыты настежъ и она позволяла германской торговлѣ расти и шириться подъ благодѣтельными лучами англійской свободной торговли.

Но ни торговое соперничество, ни страхъ утраты политической независимости, ни даже горечь воспоминаній, оставленныхъ во Франціи ея прежнимъ пораженіемъ, не въ состояніи объяснить всеобщаго недовѣрія и антипатіи народовъ къ Германіи. Сами нѣмецкіе публицисты не считаютъ этихъ причинъ достаточными. Они поэтому додумались до всеобщаго заговора противъ Германіи, душою котораго явился Эдуардъ VII.

Сароли объясняетъ причину антипатіи, внушаемой германцами, тѣмъ, что неожиданное благоденствіе и могущество послѣ вѣковъ униженія развили въ германцахъ до непомѣрныхъ предѣловъ самодовольство и самомнѣніе. Политически и экономически, пишетъ онъ, германцы запоздалыя выскочки и они страдаютъ именно тѣми недостатками, какіе характеризуютъ выскочку: тщеславіемъ, вульгарностью и наглостью. Германцы не имѣли времени пріобрѣсти то изящество и чувство мѣры, которыя отнимаютъ у французскаго патріотизма всякій оскорбительный для другихъ націй характеръ Не пріобрѣли они также той сдержанности и выдержки, какія характеризуютъ англичанъ. Они страдаютъ самой острой формой маніи величія: подобно императору, каждый германецъ вѣритъ, что онъ соль земли; подобно Ницше, онъ думаетъ, что міромъ долженъ править сверхъ-человѣкъ и что этотъ сверхъ-человѣкъ не кто иной, какъ онъ самъ. Подобно Х. Чемберлену, германецъ убѣжденъ, что онъ принадлежитъ къ сверхъ-расѣ и что строителемъ цивилизаціи былъ тевтонецъ. По мнѣнію нѣмецкихъ писателей, русское племя сгнило, не достигнувъ зрѣлости, какъ то показала неудачная

японская война. Англичане народъ истощенный, народъ упадка, какъ это доказываетъ ихъ военная исторія; французы обречены на преждевременное угасаніе. При такомъ высокомѣріи неудивительно и банкротство германской внѣшней политики. На Алжезирасской конференціи всѣ народы, кромѣ Австріи, шли рука объ руку противъ Германіи, оказывая нравственную поддержку Франціи.

Но гдѣ глубочайшая причина всеобщаго недовѣрія и антипатіи къ Германіи? Авторъ отвѣчаетъ на это, говоря, что недовѣріе это происходитъ отъ того, что въ международной политикѣ Германія является силой реакціонной. Внѣ сферы германскаго вліянія демократическія идеи побѣждаютъ повсюду. Вездѣ, гдѣ проявлялась за послѣднія 40 лѣтъ сила Германіи, она поддерживала реакцію и тиранію. Никто, какъ Пруссія, помогла сокрушить польское возстаніе 1863 г. Когда англійское общественное мнѣніе протестовало противъ армянской рѣзни, Вильгельмъ самымъ дружественнымъ образомъ поддерживалъ Абдулъ-Гамида на его шатающемся тронѣ.

Авторъ доказываетъ, что и во внутренней политикѣ Германія является силою реакціонной. Руководящую партію въ рейхстагѣ составляетъ католическій центръ. Одинъ изъ виднѣйшихъ дѣятелей современной Германіи Фридрихъ Науманнъ, въ своей книгѣ «О германскихъ политическихъ партіяхъ», говоритъ: въ политическомъ отношеніи Германія, если оставить въ сторонѣ вопросъ о ея матеріальномъ благосостояніи, сдѣлалась второй Испаніей. Авторъ останавливается на разборѣ того политическаго строя, которымъ надѣлила Германію имперія Гогенцоллерновъ. Мы забываемъ, говоритъ онъ, что въ Германіи не существуетъ парламентаризма: согласно конституціи канцлеръ не отвѣтственъ передъ парламентомъ, а только передъ императоромъ; кабинета министровъ — нѣтъ, нѣтъ необходимости, чтобы правительство имѣло большинство въ рейхстагѣ, германская конституція даетъ ему возможность царить надъ партіями. Когда рейхстагъ пытается контролировать исполнительную власть, то онъ входитъ въ столкновеніе съ конституціей. Съ другой стороны, когда императоръ утверждаетъ свое божественное право, онъ остается вѣренъ ея духу и только даетъ религіозную окраску той политической прерогативѣ, какой онъ обладаетъ. Въ Германіи не только нѣтъ парламентарнаго правительства, но нѣтъ даже желанія, если не говорить о небольшой фракціи лѣвыхъ, имѣть такое правительство. Прусскіе публицисты постоянно говорятъ о своемъ нежеланіи копировать англійскіе порядки. По примѣру Трейчке они систематически принижаютъ заслуги парламентаризма. Власть рейхстага весьма ограничена. Это машина для вотированія дополнительныхъ смѣтъ. Сама финансовая компетенція парламента болѣе

номинальна, чѣмъ дѣйствительна. Согласно конституціи рейхстагъ долженъ доставлять средства для арміи и флота; но этотъ вопросъ стоитъ внѣ и выше партійности. Послѣ того, какъ предварительно установленъ контингентъ арміи и флота, смѣты на нихъ должны по необходимости подвергнуться утвержденію. Въ теоріи рейхстагъ можетъ воспротивиться росту расходовъ, но на практикѣ онъ, рискуя своей популярностью, въ состояніи только на время отсрочить голосованіе требуемыхъ правительствомъ средствъ. Всего разъ онъ рискнулъ предложить сокращеніе въ смѣтныхъ расходахъ на войну съ гереросами. Негодованіе, вызванное такимъ независимымъ поступкомъ, и сомнительный исходъ выборовъ 1907 г. дали ему урокъ патріотической покорности. Рейхстагъ — это, главнымъ образомъ, клубъ для преній, съ которыми правительство такъ же мало считается, какъ съ преніями студентовъ на сходкѣ. А это происходитъ отъ того, что ни одна рѣчь не можетъ вызвать политической отвѣтственности правительства.

Фридрихъ Науманнъ говоритъ: «Въ Германской имперіи есть двѣ политическихъ силы — союзный совѣтъ и рейхстагъ. Но изъ этихъ двухъ силъ одна безконечно значительнѣе другой, ибо союзный совѣтъ можетъ распустить рейхстагъ, а рейхстагъ не можетъ распустить союзнаго совѣта: первый въ состояніи играть съ рейхстагомъ, какъ съ мячикомъ. Гдѣ-то въ своемъ дворцѣ засѣдаютъ его делегаты втайнѣ и бросаютъ наши рѣшенія въ корзину для бумаги; въ то же время они требуютъ, чтобы мы принимали ихъ предложенія. Буде рейхстагъ не исполнитъ рѣшеній союзнаго совѣта, послѣдуетъ его разгромъ. Начинаютъ взывать къ національному чувству, и грѣшники должны понесть покаяніе. Но когда союзный совѣтъ не исполнитъ того, что̀ рѣшено большинствомъ рейхстага,—ничего, рѣшительно ничего не происходитъ. Вотъ то, что̀ мы называемъ въ Германіи парламентскимъ образомъ правленія».

Приведя этотъ отрывокъ, Сароли соглашается съ его авторомъ и дѣлаетъ изъ него новую цитату съ цѣлью доказать, что рейхстагу даже не доводятъ до свѣдѣнія о послѣдовавшей перемѣнѣ въ лицѣ ли имперскаго канцлера или статсъ-секретаря. Такъ, графъ Посадовскій былъ отставленъ, хотя пользовался довѣріемъ большинства рейхстага. И въ законодательной дѣятельности союзный совѣтъ имѣетъ перевѣсъ надъ рейхстагомъ. «Каждый болѣе или менѣе существенный законъ, пишетъ Науманнъ, исходитъ отъ представленныхъ въ союзномъ совѣтѣ правительствъ. Рейхстагъ до сихъ поръ не нашелъ способа заставить союзный совѣтъ сдѣлать что-либо ему желательное».

Еще хуже обстоитъ дѣло въ той части имперіи, которой при-

надлежитъ руководящая роль. Прусскій ландтагъ можно по справедливости назвать самымъ средневѣковымъ собраніемъ въ Средней Европѣ, а его избирательный законъ, основанный на системѣ курій и классовъ плательщиковъ, объявляется Сароли наиболѣе скандальнымъ изъ всѣхъ существующихъ. Авторъ настаиваетъ также на той мысли, что высшая административная власть почти исключительно принадлежитъ знати, а послѣдняя умѣетъ защищать свои интересы.

Сароли останавливается затѣмъ болѣе или менѣе подробно на доказательствѣ той мысли, что движеніе по службѣ для судей зависитъ отъ повиновенія ихъ властямъ придержащимъ, что ученый, имѣвшій несчастіе не понравиться начальству, долженъ удовольствоваться званіемъ приватъ-доцента всю свою жизнь. Католицизмъ, въ эпоху Kultur-Kampf'а стоявшій за политическую свободу, вступилъ теперь въ нечестивый союзъ съ правительствомъ. Онъ потерялъ вселенскій характеръ и пріобрѣлъ характеръ національный. Члены католической партіи всегда голосовали за увеличеніе арміи и флота. Протестантская церковь пала еще ниже, чѣмъ католическая. Университетскіе богословы—оппортунисты въ дѣлахъ политики. Печать находится подъ вліяніемъ правительства. Послѣднее имѣетъ свои инспирированные органы, свои рептильныя газеты; въ провинціи мѣстныя газеты зависятъ отъ поддержки властей, такъ какъ не могутъ существовать безъ отдѣла «извѣстій»; въ рукахъ же правительства находится монополія или тайный надзоръ за агентствами, снабжающими этими извѣстіями. Рядомъ съ такъ называемой «независимой», существуетъ и оффиціальная пресса. Находятся писатели, какъ генералъ Бернгарди, которые требуютъ для нея болѣе щедрой поддержки и правильнаго надзора. Начальство, по ихъ мнѣнію, должно заботиться о томъ, чтобы газеты прививали подданнымъ императора здоровые принципы и патріотическія чувства.

Итакъ, въ концѣ концовъ, причина, по которой Германія окружена врагами, лежитъ въ томъ, что она стала очагомъ реакціи, какъ у себя на дому, такъ и за своими предѣлами. Все то, что германскіе публицисты пишутъ о ближайшемъ устройствѣ Европы послѣ завершенія современной войны рѣшительной побѣдой для центральныхъ имперій, не говоритъ намъ о возможности расширенія политическихъ правъ европейскихъ демократій и публичныхъ вольностей ихъ гражданъ.

По отношенію къ русскимъ представительнымъ учрежденіямъ, въ частности, германскіе профессора обнаруживаютъ большое недовѣріе.

Вмѣсто того, чтобы приводить отдѣльныя мнѣнія, высказанныя недавно нѣмецкими писателями на счетъ будущаго Россіи, ограни-

чусь той характеристикой, которую этимъ мнѣніямъ даетъ болѣе или менѣе безпристрастный нѣмецкій ученый Отто Гэчъ, профессоръ исторіи въ Берлинѣ. Мнѣнія, высказываемыя на счетъ Россіи, сводятся, по его словамъ, къ слѣдующему: «Россія—страна азіатскаго варварства. Она не можетъ быть разсматриваема, какъ равноправная съ другими культурными государствами. Ея назначеніе служить гончей собакой для западно-европейскихъ націй. Не лучше ли ее поэтому раздѣлить на ея естественныя, историческія и этнографическія части, какъ Финляндія и Остзейскія провинціи, Литва, Польша, Бессарабія, Украйна, Кавказъ и Туркестанъ» [1]).

§ 3.

Гдѣ же искать причинъ того, что Германія — страна Канта и Гёте,—страна великодушныхъ романтиковъ и идеологовъ, страна, мечтавшая о свободѣ и вѣчномъ мирѣ,—превратилась въ тотъ очагъ реакціи и милитаризма, какимъ она является въ настоящее время?

Англійскіе и бельгійскіе писатели не прочь настаивать на той мысли, что источникъ этого радикальнаго превращенія лежитъ ни въ чемъ иномъ, какъ въ той руководящей роли, какую въ судьбахъ Германіи, начиная съ 60-хъ годовъ, затѣмъ окончательно съ франко-прусской войны и возсозданія Имперіи подъ властью Гогенцоллерновъ, стала играть Пруссія. Роль Пруссіи отчасти напоминаетъ ту, какую въ древности по отношенію къ Греціи играла Македонія временъ Филиппа, какую въ отношеніи къ Италіи принялъ на себя съ 40-хъ годовъ протекшаго столѣтія Пьемонтъ. Но контрастъ, представляемый Пруссіей и тѣми княжествами, вольными городами, герцогствами и королевствами, которые увлечены были ею въ дѣло возсозданія нѣмецкаго единства, еще больше, чѣмъ тотъ, какой мы находимъ между Македоніей и греческими республиками, Пьемонтомъ, вольными городами, герцогствами и монархіями Аппенинскаго полуострова. Аѳины, Спарта и Ѳивы были воинственны и сумѣли разъ отразить натискъ персидской державы. Александръ Македонскій только продолжилъ это вѣковое столкновеніе деспотическаго Востока съ Элладой и, подчинивъ его себѣ съ помощью арміи, едва достигавшей 50 тысячъ человѣкъ, насадилъ вплоть до Инда эллинскую культуру. Пьемонтъ далъ объединенной Италіи не только военную силу, необходимую для охраны ея отъ иноземцевъ, но и ея органическій статутъ, который изъ конституціи, выработанной Кар-

1) Russland. Южно-нѣмецкій ежемѣсячникъ за февраль 1915 г.

ломъ-Альбертомъ для сардинскаго королевства, сдѣлался конституціей аппенинской монархіи. Пруссія, какъ весьма вѣрно указываетъ Сароли, съ самаго своего возникновенія была не болѣе, какъ военнымъ государствомъ, сумѣвшимъ затѣмъ внести ту же дисциплину и въ свою гражданскую жизнь во образѣ цѣлыхъ батальоновъ чиновниковъ, распорядительныхъ, честныхъ, исполнительныхъ, образующихъ своего рода гражданскую армію, послушную голосу центральнаго начальства. «Пруссія, пишетъ Сароли, прежде всего военная держава. Она является таковой по своимъ историческимъ традиціямъ. По словамъ профессора Ганса Дельбрюка, она «Kriegsstaat». Весь интересъ ея исторіи сосредоточивается въ приготовленіи, организаціи войска и самомъ его выступленіи въ рядѣ кампаній. Что касается до гражданской исторіи Пруссіи, то она сводится не къ исторіи конфликтовъ сословій и классовъ, какъ, напримѣръ, исторія древняго Рима, а къ ряду административныхъ реформъ, предписанныхъ свыше и введенныхъ государственными людьми, въ родѣ Штейна и Гарденберга. Войнѣ обязана Пруссія самымъ своимъ существованіемъ. Безъ войска она осталась бы безплодной равниной маркграфства бранденбургскаго, болотомъ Помераніи. Съ помощью арміи она отобрала земли у Польши, Силезію у Австріи, Ганноверъ у его исконныхъ правителей, Шлезвигъ-Гольштейнъ у Даніи, Эльзасъ-Лотарингію у Франціи.

Обязанная войнѣ своимъ существованіемъ, какъ государство, она обязана ей же и своимъ главенствомъ въ имперіи. И глава ея не гражданскій только, а и военный правитель. Гогенцоллерны всегда были наслѣдственными военными властями Пруссіи. Нынѣшній императоръ—прямой потомокъ тѣхъ маркграфовъ, которые защищали пустыри и болота Бранденбурга отъ чужеземныхъ правителей. И духовное тождество ихъ не менѣе несомнѣнно. Всѣ Гогенцоллерны были воодушевлены однимъ и тѣмъ же духомъ, исповѣдывали одну и ту же вѣру, имѣли одни и тѣ же стремленія. Для истиннаго прусскаго правителя политика служитъ только войнѣ. Военная по историческимъ традиціямъ, военная по своей династіи, Пруссія является военной державой и по своей соціальной организаціи. Въ ней армія не только центръ общественной жизни, но и путь къ самымъ высокимъ положеніямъ на службѣ гражданской. Престижъ арміи такъ великъ, что тѣ, кто не состоитъ въ ея дѣйствующихъ рядахъ, желаютъ, по крайней мѣрѣ, принадлежать къ ея запасу.

Если идеалъ Англіи—правовое государство—Rechtsstaat, то нѣмецкимъ является Kriegsstaat. Современные нѣмецкіе публицисты только отражаютъ въ своихъ сочиненіяхъ эту созданную исторіей

народную психологію. Вся германская нація проникласъ тѣмъ воззрѣніемъ, что сила создаетъ право. Все молодое поколѣніе исповѣдуетъ въ этомъ отношеніи извѣстное положеніе—Ницше: о волѣ къ властвованію,—*Wille zur Macht*». Профессоръ Крембъ въ своемъ незаконченномъ печатномъ курсѣ, посвященномъ сопоставленію Германіи и Англіи, въ такой же мѣрѣ, какъ и Сароли, старается связать съ національной психологіей пруссака и нѣкоторыя изъ руководящихъ мыслей такихъ популярныхъ философовъ, какъ Ницше, такихъ историковъ, какъ Данъ и Трейчке. «Вы слышали, писалъ Ницше, что̀ было сказано въ древнія времена: блаженны кроткіе, ибо они наслѣдуютъ землю. А я говорю вамъ: блаженны храбрые, ибо они сдѣлаютъ землю своимъ престоломъ. Вы слышали также людей, говорившихъ: блаженны нищіе духомъ. А я говорю вамъ: блаженны великіе духомъ и свободные умомъ, ибо они войдутъ въ Валгаллу. Вы слышали и людей, говорившихъ: блаженны миротворцы, а я говорю вамъ: блаженны творящіе войну, ибо они будутъ названы дѣтьми если не Іеговы, то Одина, болѣе великаго, чѣмъ Іегова». Такому прославленію войны, какъ величайшему фактору исторіи, какъ тому въ частности, на который должны быть возложены надежды германской имперіи, съ ея ядромъ Пруссіей, на положеніе міровой державы, вполнѣ отвѣчаетъ и ученіе популярнѣйшаго нѣмецкаго и, въ частности, прусскаго историка Трейчке. Трейчке извѣстенъ своей ненавистью къ Англіи. Позволено спросить: на чемъ опиралась его англофобія? Чтобы оправдать необходимость рано или поздно столкнуться съ нею на полѣ брани, Трейчке и его послѣдователи, въ томъ числѣ генералъ Бернгарди, авторъ весьма популярной въ Германіи книги «О будущей войнѣ», т.-е. той, которую мы переживаемъ нынѣ, отправляется отъ слѣдующаго положенія: Германія производитъ въ силу однихъ своихъ внутреннихъ богатствъ ежегодно такой избытокъ умственной и физической энергіи, какого не даетъ никакая другая нація въ мірѣ. Однако, вслѣдствіе эмиграціи въ Америку, Англію и др. страны, этотъ избытокъ энергіи пропадаетъ для нея даромъ. Лучшіе, наиболѣе предпріимчивые ея граждане отдаютъ свою доблесть и свой достатокъ націямъ, которыя могутъ сдѣлаться смертельными врагами Германіи. Кто же ближайшій виновникъ всего этого? Трейчке полагаетъ, что Англія, которая путемъ воровства, какъ онъ выражается, сдѣлалась обладательницей пятой части земного шара. И на какомъ правѣ? спрашиваетъ Трейчке.—Благодаря сперва хитрости, а затѣмъ насилію, слѣдуетъ отвѣтъ. Замкнутые между Сѣвернымъ моремъ и Дунаемъ, между Рейномъ и равнинами Польши, все болѣе и болѣе тѣснимые въ нашихъ границахъ и въ то же время

вполнѣ отдающіе себѣ отчетъ въ своей силѣ, должны ли мы терпѣть, спрашиваетъ Трейчке, чтобы въ рукахъ Англіи оставалась пятая часть земного шара? Главенство Англіи не соотвѣтствуетъ ея политической мощи, которая столь же обманчива, какъ и ея добродѣтель. Ея мощь сводится къ простому высокомѣрію и къ ничѣмъ не оправдываемымъ претензіямъ, какъ ея добродѣтель къ одному лицемѣрію. Англія не можетъ надолго сохранить захваченнаго ею главенства. На морѣ ее быстро догоняютъ своими силами другія державы; не будь въ нее притока новыхъ поселенцевъ, она не представила бы никакого роста населенія. Упадокъ Англіи лежитъ внѣ сомнѣнія. «Страна, всецѣло представляющая собой мистификацію,— пишетъ Трейчке, не можетъ держаться вѣчно. Гибель ея несомнѣнна. Для нея нѣтъ мѣста въ мірѣ, управляемомъ доблестью, а потому конецъ Англіи неизбѣженъ». Трейчке постоянно указываетъ своему народу на необходимость войны съ Англіей, на уничтоженіе англійскаго господства на моряхъ. Это нужно Германіи, чтобы стать на путь славы и мірового владычества. Оттоны въ X вѣкѣ намѣтили планъ, по которому надлежитъ пойти Германіи, чтобы достигнуть мірового владычества; Гогенцоллернамъ суждено въ XX в. завершить начатое ими дѣло.

По мнѣнію Трейчке, Англія ничѣмъ не оправдала своихъ міровыхъ претензій. Она наводнила Индію своими миссіонерами, извлекаетъ всѣ жизненные соки изъ ея народа и не даетъ ей въ то же время возможности осуществить свою историческую миссію дальнѣйшей выработкой того, что̀ заложено въ ней вѣчнаго ученіемъ браманизма. Съ какимъ презрѣніемъ къ побѣдителямъ долженъ браминъ, погруженный въ изученіе величественныхъ и суровыхъ проблемъ, впервые привлекшихъ человѣческую душу къ нынѣ изсякшему потоку Сараэвати (терминъ, которымъ въ Риг-Ведѣ обозначается высшее знаніе), утѣшать себя за утраченную національность размышленіемъ на тему: что̀ для его расы болѣе унизительно, быть ли должникомъ иностранцевъ въ сферѣ управленія или въ области религіи. Оказавшись неспособными повліять на Индію превосходствомъ ума и смѣлостью спекулятивнаго мышленія, вы могли бы поразить воображеніе индуса вашей военной доблестью. Вы могли бы предстать предъ тремя стами милліоновъ индусовъ въ роли націи воиновъ, расою кшатріевъ. Вмѣсто этого вы пытаетесь удержать за собой Индію съ помощью еще меньшаго числа легіоновъ, чѣмъ тѣ, въ какомъ нуждался Римъ для удержанія за собой Британіи. Но вмѣсто того, чтобы предстать предъ индусами, какъ нація кшатріевъ, вы являетесь въ ихъ глазахъ поистинѣ націей вайсіевъ, націей лавочниковъ. Въ XX в. вы

одни еще держите наемную армію». Въ томъ же духѣ Трейчке разсуждаетъ по вопросу о томъ, въ состояніи ли современная Англія удержать за собой Египетъ, и приходитъ, разумѣется, къ отрицательному заключенію. Британская имперія, по его мнѣнію, создана не геніемъ, не храбростью и даже не образцовой системой управленія, какъ, напр., Венеція, а счастливой случайностью ея географическаго положенія, безпечностью другихъ націй, двуличіемъ ея государственныхъ дѣятелей и лицемѣріемъ всего англійскаго народа. «Она—колоссъ на глиняныхъ ногахъ, а потому легко можетъ быть уничтожена».

Но, спрашиваетъ себя Крембъ, если бы эти предсказанія осуществились, если бы Германія взамѣнъ Англіи перенесла въ свои руки міровое господство, что̀ бы дало это міру?

Крембъ сравниваетъ тотъ идеалъ, какой англичане связываютъ съ своимъ міровымъ господствомъ, съ тѣмъ туманнымъ указаніемъ, какимъ довольствуется Германія въ оправданіе своихъ притязаній. Съ ея гегемоніей наступитъ торжество культуры, которой она будто бы является главнымъ очагомъ. Если бы меня спросили, пишетъ Крембъ, какъ выразить одной фразой общую задачу британскаго имперіализма въ теченіе двухсотъ пятидесяти послѣднихъ лѣтъ, я бы отвѣтилъ: «дать всѣмъ живущимъ въ предѣлахъ Британской имперіи англійское міровоззрѣніе, распространить въ ней ту религіозную терпимость, ту любовь къ свободнымъ учрежденіямъ, то стремленіе къ торжеству справедливости и свободы, которыя, вѣрно или нѣтъ, мы связываемъ съ нашей расой».

Нѣмцы, какъ мы сказали, считаютъ совершенно безспорнымъ, что они въ мірѣ культуртрегеры, а слѣдовательно, ихъ призваніе къ міровому господству равнозначительно съ повсемѣстнымъ распространеніемъ наивысшей изъ всѣхъ культуръ, культуры нѣмецкой.

Къ сожалѣнію, въ эту задачу нисколько не входитъ идея распространенія въ мірѣ демократическихъ порядковъ, народнаго самоуправленія, свободы самоопредѣленія личности и, еще менѣе, свободы самоопредѣленія для отдѣльныхъ этническихъ группъ, свободы усовершенствованія и развитія ихъ культурныхъ особенностей. Германія готовитъ славянскимъ племенамъ, въ частности, судьбу вендовъ и оботритовъ; съ ея господствомъ связана нераздѣльно идея германизаціи, искорененія всего историческаго прошлаго, подведенія всѣхъ подъ общій германскій уровень. Для этого дозволенными кажутся ей и такія средства, какъ искусственное обезземеленіе. Попытка въ этомъ направленіи сдѣлана была въ Познани еще Бисмаркомъ, но встрѣтила энергичный отпоръ въ мѣстныхъ организаціяхъ поляковъ-крестьянъ, направленныхъ къ скупкѣ

помѣщичьихъ имѣній. Сами нѣмцы принуждены признаться, что, несмотря на значительныя затраты, ими не достигнуто въ этомъ отношеніи существенныхъ успѣховъ. Но мирная колонизація Германіей славянскихъ земель давно вышла за предѣлы имперіи. Пограничныя области Польши и Волынской губерніи кишатъ нѣмцами-колонистами, нѣмцами-рабочими и нѣмцами-предпринимателями, которые,—какъ показалъ еще въ 80-хъ годахъ протекшаго столѣтія покойный академикъ И. И. Янжулъ, бывшій въ то время фабричнымъ инспекторомъ въ центральномъ Московскомъ районѣ,—поняли, какую пользу они могутъ извлечь изъ окончательной обработки своимъ трудомъ изготовленныхъ въ Германіи полумануфактуратовъ, примѣняясь къ тѣмъ нормамъ русскаго таможеннаго тарифа, которыя облагаютъ несравненно меньшей пошлиной привозимые изъ-за границы полумануфактураты, чѣмъ та, которая тяготѣетъ надъ готовыми для сбыта товарами. Почти за 20 лѣтъ до наступленія текущаго столѣтія промышленность въ занятыхъ въ настоящее время германцами западныхъ провинціяхъ Польши уже была въ значительной степени въ нѣмецкихъ рукахъ. Не одна Лодзь, но и Скерневицы, становились нѣмецкими городами, раньше переименованія ихъ въ «Новый Бреславль».

Насколько сомнительной въ своей цѣлесообразности кажется мнѣ политика, направленная къ тому, чтобы отобрать землю у нѣмецкихъ колонистовъ, привлеченныхъ въ Россію Екатериной II, настолько небезопаснымъ является въ моихъ глазахъ оставленіе нашей пограничной линіи въ рукахъ сравнительно-недавнихъ выходцевъ изъ Германіи. Здѣсь государственный выкупъ могъ бы оказать двойную услугу—выкупа земель у иностранцевъ и передачи ихъ въ руки крестьянскаго населенія изъ славянъ, которое, очевидно, и явилось бы наиболѣе серьезнымъ оплотомъ, какъ для вновь возрождающагося Царства Польскаго, такъ и для русскаго по своему этнографическому составу Западнаго края.

Нѣмцы почему-то считаютъ себя народомъ-колонизаторомъ; но эта колонизація имѣла успѣхъ только тогда, когда она проводилась огнемъ и мечемъ по образцу того, какъ поступали рыцари-меченосцы въ заселенномъ латышами и эстами Остзейскомъ краѣ. Попытки же обратить мирнымъ путемъ чужія народности въ нѣмцевъ оказывались неудачными. Кто скажетъ теперь, что Ломбардо-Венеціанская область долгое время входила въ составъ нѣмецкой Имперіи Габсбурговъ! Отъ нѣмецкаго вліянія въ ней не осталось и помину. Венгрія, Галиція, Чехія, Хорватія, Славонія и Далмація, итальянскій Тироль, румынская часть Трансильваніи, сохранили вполнѣ національную обособленность заселяющихъ ихъ племенъ. Это въ рав-

ной мѣрѣ справедливо и по отношенію къ полякамъ, и по отношенію къ русинамъ, сербамъ, чехамъ, итальянцамъ, румынамъ, чтобы не говорить о болѣе мелкихъ народностяхъ, напр., словакахъ и словенцахъ. Не передачей другимъ народамъ своихъ племенныхъ особенностей, а ассимиляціей съ тѣми культурными племенами, среди которыхъ они осѣдаютъ, отличается нѣмецкая раса. Эльзасъ и Лотарингія до ихъ недавняго насильственнаго присоединенія къ Германской имперіи носили печать французскихъ земель, хотя населеніе ихъ было въ корнѣ германскимъ. Въ Соед. Штатахъ нѣмцы при всѣхъ попыткахъ создать въ ихъ средѣ теченіе, благопріятное Германіи, настолько уже ассимилировались съ англо-шотландцами, что образовали въ Новомъ Свѣтѣ американскую, а не новую нѣмецкую гражданственность. Въ Бразиліи, гдѣ колонизація нѣмцевъ восходитъ лишь къ послѣднимъ десятилѣтіямъ, они, быть можетъ, всего болѣе сохранили свою племенную обособленность. Въ другихъ частяхъ свѣта не слышно объ успѣшной германизаціи ими туземнаго населенія, а объ одной лишь экономической эксплоатаціи его въ пользу метрополіи. Нѣмцы позже другихъ выступили съ притязаніями на раздѣлъ материковъ и нашли наиболѣе производительныя земли занятыми англійской, французской, бельгійской, голландской, итальянской и португальской колонизаціей. Имъ остается только пенять на себя, что, занятые созданіемъ имперіи, а затѣмъ одновременно борьбою съ католицизмомъ и соціализмомъ, они въ эпоху диктатуры Бисмарка добровольно устранились отъ конкурренціи съ англичанами, французами и бельгійцами въ раздѣлѣ лежащихъ за предѣлами Европы материковъ. Они не брезгали никакими средствами для того, чтобы положить основы своей промышленно-торговой факторіи въ Кіа-Чао, въ предѣлахъ Китая, и успѣшно интриговали съ Турціей, съ цѣлью обезпеченія для себя съ помощью Багдадской дороги обширной зоны вліянія въ Малой Азіи. Если бы не теперешняя война, имъ удалось бы сохранить свой захватъ въ Китаѣ, купленный цѣною жестокаго подавленія боксерскаго возстанія, и поставить подъ свою опеку давно шатающуюся турецкую имперію. Но, насколько можно судить по ходу событій за послѣдніе мѣсяцы, они не только вытѣснены изъ Азіи и Африки, но, повидимому, не имѣютъ никакихъ шансовъ сохранить въ ближайшемъ будущемъ руководящую роль въ дѣлахъ Ближняго Востока, а слѣдовательно, и первенствующее мѣсто на рынкахъ Малой Азіи и Месопотаміи. Доктрина Монроэ: «Америка для американцевъ» захватила собою и южную часть Новаго Свѣта. Ею не прочь также воспользоваться не столько китайцы, сколько японцы, чтобы объявить и Дальній Востокъ свободнымъ отъ колонизаціи всѣхъ народовъ Европы, за исключеніемъ однихъ англичанъ и до нѣкоторой степени

французовъ. Война нисколько не усилила шансовъ перехода Германіи въ міровую имперію съ цвѣтущими колоніями въ Старомъ и Новомъ Свѣтѣ. Нѣмцы еще обольщаютъ себя мыслью, что бельгійскій Конго поступитъ въ ихъ обладаніе, а это въ связи съ ихъ теперешними владѣніями въ бывшемъ французскомъ Конго обусловило бы довольно значительное усиленіе ихъ роли, какъ колонизующей націи. Но это возможно лишь въ томъ случаѣ, если бы Бельгія осталась въ ихъ рукахъ, а это болѣе чѣмъ сомнительно въ виду указанной нами выше невозможности для Англіи помириться съ тѣмъ, чтобы могущественная не только сухопутная, но и морская держава пріобрѣла прочный базисъ на Нѣмецкомъ морѣ на разстояніи двухъ, трехъ-часового переѣзда на британскій берегъ. А это было бы въ томъ случаѣ, если бы Остендэ перешелъ въ нѣмецкія руки.

Мы видимъ такимъ образомъ, что, за исключеніемъ одного лишь случая полной побѣды надъ союзниками,—что̀ все болѣе и болѣе становится сомнительнымъ,—Германія едва-ли выйдетъ изъ современнаго, ею вызваннаго столкновенія народовъ и государствъ Европы, Азіи и Африки въ томъ положеніи міровой державы, изъ-за пріобрѣтенія котораго и ведется ею настоящая война. Австрія, по всей вѣроятности, поплатится за свой отказъ вести политику, отвѣчающую интересамъ большинства заселяющихъ ее народностей и находящуюся въ явномъ противорѣчіи съ справедливыми требованіями славянства. Послѣ предвидимыхъ сокращеній ея территоріи мадьяры, по всей вѣроятности, пріобрѣтутъ въ странѣ руководящую роль, а ихъ экономическіе интересы давно уже расходятся съ преобладающимъ вліяніемъ Германіи въ австрійскихъ дѣлахъ. Событія не настолько опредѣлились еще, чтобы можно было предсказывать нѣмцамъ территоріальныя потери на западной границѣ, возвращеніе Эльзаса и Лотарингіи въ руки Франціи. О сохраненіи за собою недавнихъ пріобрѣтеній въ южной Польшѣ, напр. Калиша и Ченстохова, нѣмцы, повидимому, не думаютъ; иначе они не передали бы эти города въ руки австрійскихъ властей. Есть основаніе надѣяться, что ихъ засилью въ Лодзи и въ сѣверо-западной Польшѣ также вскорѣ настанетъ конецъ, и въ то же время можно думать, что при постановкѣ вопроса объ образованіи ими же замышляемаго государства-буфера между Россіей и обѣими центральными имперіями—пруссакамъ, за невозможностью завладѣть Либавой, якобы обѣщанной ими полякамъ, придется поступиться Данцигомъ.

§ 4.

Но насколько серьезно само желаніе возродить Польшу въ той нераздѣльности, какую она имѣла до того времени, когда Фридрихъ Великій сталъ соблазнять Марію-Терезію мыслью по-

живиться на счетъ ослабѣвшаго сосѣда? На этотъ счетъ я позволю себѣ высказать нѣкоторыя сомнѣнія. Въ гаданіяхъ нѣмецкихъ профессоровъ исторіи на счетъ вѣроятныхъ измѣненій, какимъ подвергнется карта Европы послѣ войны, я нахожу этюдъ проф. Карла Мута, озаглавленный: «Національно-польскія иллюзіи». Этотъ писатель указываетъ въ статьѣ, появившейся въ февралѣ текущаго года, что объ единствѣ въ политической оріентировкѣ поляковъ не можетъ быть и рѣчи, что въ самой Галиціи тяготѣніе къ Россіи уравновѣшиваетъ тяготѣніе къ Австріи, а что въ русской Польшѣ, какъ показалъ это, между прочимъ, Клейновъ, экономическія причины вызываютъ тяготѣніе къ обширной восточной сосѣдкѣ съ ея рынкомъ въ 170 милліоновъ человѣкъ. Авторъ считаетъ польскія иллюзіи, съ господствующей въ нихъ идеей мессіанизма, тѣсно связанными съ торжествомъ принципа національности, съ представленіемъ, что каждая нація имѣетъ свою, отъ Бога данную ей миссію, которую не можетъ осуществить иначе, какъ подъ условіемъ полной независимости. Въ пристрастіи къ этой идеѣ онъ обвиняетъ и извѣстнаго польскаго философа Лютославскаго, приславшаго ему изъ Женевы, гдѣ онъ состоитъ лекторомъ философіи, письмо необыкновенно откровеннаго содержанія, письмо, рисующее дѣйствительное настроеніе поляковъ. Вотъ самый текстъ этого письма: «Эта война, вызванная нападеніемъ на два мелкія государства (разумѣются, по всей вѣроятности, Сербія и Бельгія), не завершится раньше, пока не будетъ упразднена зависимость одной націи отъ всѣхъ другихъ. Одно торжество западной цивилизаціи надъ сомнительной культурой разрушителей Лувэна и Калиша въ состояніи обезпечить свободу отъ всякаго національнаго утѣсненія. Чего мы, поляки, можемъ ждать отъ Пруссіи—это было указано намъ, съ поразительной ясностью, одинаково въ Калишѣ и Ченстоховѣ. Объ этомъ говорятъ также разрушеніе Цаберна, Лувэна и поведеніе нѣмецкихъ войскъ въ Антверпенѣ. Въ теченіе всей ихъ исторіи русскіе ни разу не позволили себѣ такихъ позорныхъ поступковъ. Я бы, прибавляетъ авторъ письма, не очень полагался на Россію, если бы не зналъ, что она нынѣ сражается за торжество западной цивилизаціи заодно съ 600 тысячами поляковъ». Письмо это отправлено было 19 декабря 1914 г. Оно вызвало со стороны нѣмецкаго профессора энергичный отвѣтъ, который, однако, не прекратилъ переписки. Авторъ дѣлаетъ выдержки изъ дальнѣйшихъ писемъ, полученныхъ имъ отъ того же Лютославскаго. Они содержатъ въ себѣ совершенно откровенное выраженіе той мысли, что поляки ждутъ не отъ побѣды нѣмцевъ, а отъ побѣды союзниковъ возстановленія ихъ національнаго государства. Лютославскій, между

прочимъ, пишетъ: «Міровое господство болѣе немыслимо надъ человѣчествомъ. Сама британская имперія не имѣетъ его и должна считаться съ общественнымъ мнѣніемъ жителей Египта, буровъ и индусовъ. Нѣмцы же изъ всѣхъ народовъ менѣе всего призваны командовать надъ другими, такъ какъ они неспособны ихъ понимать и готовы были бы всѣхъ обратить въ нѣмцевъ. Имъ не удалось, поэтому, завоевать привязанности ни гереровъ, ни поляковъ. То единодушіе, съ которымъ всѣ жители Британской имперіи приняли участіе въ войнѣ, было бы немыслимо въ міровомъ государствѣ, командуемомъ нѣмцами. Британская міровая имперія—это такое же созданіе неба, какъ и всемірная церковь. Тотъ самый дьяволъ, который соблазнилъ Лютера и зародилъ въ немъ мысль, что достаточно человѣческаго честолюбія, чтобы создать новую церковь, вызвалъ въ Трейчке и его ученикахъ увѣренность, что можно оружіемъ, ложью и силой создать міровую имперію. Но вѣдь осуществить этого въ дѣйствительности нельзя. Если Британская имперія распадется на части, то только тогда, когда эти части будутъ достаточно зрѣлы, чтобы начать независимое существованіе. Но нѣтъ народа въ мірѣ, который былъ бы въ силахъ ниспровергнуть Британскую имперію, ибо эта имперія необходима для защиты свободы на землѣ. Нѣмцы, которые и у себя дома не имѣютъ свободы, которые даютъ себя управлять пруссакамъ, не призваны стать властелинами въ мірѣ. На необозримыя времена союзъ двухъ великихъ колоніальныхъ народовъ—англичанъ и французовъ—одинаково любящихъ свободу и нуждающихся въ ней, призванъ управлять политическими отношеніями на землѣ. Только свободные народы могутъ первенствовать надъ другими. Такое рабское племя, какъ нѣмцы, не можетъ долго владычествовать надъ міромъ. Они сами должны стоять подъ чужимъ руководствомъ и быть воспитанными для свободы».

Берлинскій корреспондентъ Лютославскаго заканчиваетъ эти выдержки простымъ ругательствомъ. «Только въ домѣ умалишенныхъ можно найти человѣка, столь покинутаго добрыми геніями, столь слѣпого и столь бѣднаго мыслью, какъ этотъ лекторъ философіи въ Женевскомъ университетѣ». Къ чести профессора Мута надо сказать, что онъ исполнилъ просьбу своего антагониста, обнародовавъ его письмо. Лютославскій писалъ ему: «Если у васъ найдется смѣлость и сила добиться напечатанія этого письма, то многіе изъ вашихъ читателей согласятся со мной». Мутъ тѣмъ охотнѣе исполняетъ эту просьбу, что она даетъ ему возможность показать своимъ соотечественникамъ, насколько часть національно-настроенныхъ поляковъ враждебно относится къ

нѣмцамъ. Но меня поражаетъ, признаюсь, только одно, что мысли, высказанныя Лютославскимъ, показались его корреспонденту сколько-нибудь новыми. Вѣками борьбы, угнетенія и порабощенія своей національности, славянскія племена воспитаны были въ мысли, что главное препятствіе къ тому, чтобы занять въ исторіи человѣчества подобающее имъ мѣсто, представляетъ воинствующій германизмъ. Много лѣтъ тому назадъ, между мною и извѣстнымъ польскимъ писателемъ Сенкевичемъ произошелъ обмѣнъ письмами. Они своевременно были обнародованы не въ одной русской и польской, но и въ заграничной печати, и не могли оставить въ нашихъ сосѣдяхъ ни малѣйшаго сомнѣнія насчетъ того, что, отдавая должное творчеству нѣмцевъ въ наукѣ и художественномъ словѣ, музыкѣ и пластическихъ искусствахъ, я въ то же время признавалъ ихъ неспособными къ тому ясному пониманію необходимости считаться съ законными требованіями конкуррирующихъ съ ними народовъ, какое, напр., англичане обнаружили по отношенію къ американцамъ. Передъ самымъ началомъ войны, не болѣе какъ за мѣсяцъ до ея объявленія, я по просьбѣ директора весьма распространенной «Франкфуртской Газеты» послалъ ему статью по вопросу о томъ, какъ можно избѣжать надвигающагося столкновенія славянскаго міра съ германскимъ. Отвѣтъ мой гласилъ: признаніемъ справедливаго запроса славянскихъ народовъ на безпрепятственное развитіе ихъ культурныхъ особенностей, уважительнымъ отношеніемъ къ ихъ историческому праву, удовлетвореніемъ ихъ, вызываемаго необходимостью, тяготѣнія къ открытому морю. Годомъ ранѣе, по просьбѣ «Neue Freie Presse», въ то время руководящаго органа вѣнскихъ либераловъ, извѣстныхъ своей враждебностью къ славянамъ, я на вопросъ, какъ улучшить отношенія Россіи съ Австріей, отвѣтилъ указаніемъ на то, что Австрія, какъ держава, болѣе чѣмъ на половину славянская, должна направлять свою внѣшнюю и внутреннюю политику не въ сторону Германіи, а въ сторону Россіи. Эти заявленія, разумѣется, встрѣчены были холодно и, вѣроятно, только укрѣпили совершенно произвольное представленіе, какое одинъ изъ нѣмецкихъ руководящихъ органовъ—Vossische Zeitung — составилъ себѣ о моихъ выступленіяхъ еще въ эпоху Думы перваго призыва въ пользу одновременно мирной и дружественной къ славянскимъ народностямъ русской политики. На столбцахъ этой газеты мое имя появлялось неизмѣнно въ сопровожденіи эпитета «панслависта», которымъ я никогда не былъ, такъ какъ ни въ одинъ моментъ моей сознательной жизни не видѣлъ ни блага славянъ, ни блага Россіи въ искусственномъ объединеніи ихъ въ единое политическое цѣлое. Мнѣ всегда рисовалось будущее моей родины въ нѣсколько иномъ

свѣтѣ. Я вижу ея призваніе не въ порабощеніи, а въ защитѣ среднихъ и мелкихъ народностей, связанныхъ съ ней по крови, по языку или по единству вѣры и стремящихся къ свѣту и свободѣ. Исходъ настоящей войны, по всей вѣроятности, сдѣлаетъ возможнымъ хотя бы частичное осуществленіе этой исторической миссіи Россіи. Она станетъ осуществляться лишь въ тѣсномъ единеніи Имперіи съ ея союзниками—съ англійскимъ и романскимъ міромъ. Вотъ почему я считалъ бы своевременнымъ теперь же приступить къ образованію обществъ единенія Россіи съ Франціей, съ Англіей, съ Америкой и Бельгіей. Это единеніе должно быть не только идейнымъ, но и основаннымъ на взаимномъ пониманіи матеріальныхъ выгодъ. Германія была нашимъ главнымъ поставщикомъ и покупателемъ; она часто выступала и въ роли посредника между англо-американскимъ и романскимъ міромъ и нами. Я не вижу причинъ, по которымъ мы не могли бы усилить и расширить размѣры нашего непосредственнаго обмѣна съ обоими мірами. Настоящая война не кончится безъ того, чтобы не былъ удовлетворенъ въ томъ или другомъ видѣ нашъ запросъ на открытыя гавани, свободно сообщающіяся съ Средиземнымъ моремъ. Я надѣюсь также, что желѣзнодорожными путями мы вскорѣ будемъ соединены съ незамерзающими портами на норвежскомъ берегу, что́, разумѣется, лежитъ столько же въ интересахъ самой Норвегіи, сколько и нашей страны. Это облегчило бы возможность нашихъ прямыхъ сношеній съ Англіей. Противъ привлеченія иностранныхъ капиталовъ къ разработкѣ несмѣтныхъ и мертво лежащихъ сокровищъ нашей почвы, какъ и къ дальнѣйшему развитію нашей фабрично-заводской промышленности, едва-ли встрѣтятся возраженія со стороны сколько-нибудь благомыслящихъ людей. Но имъ же, вѣроятно, покажется трюизмомъ, что эти капиталы скорѣе притекутъ къ намъ изъ Англіи, Америки и Франціи, чѣмъ изъ враждебной намъ Германіи и раззоренной Австріи. Я слышалъ о томъ, что въ Москвѣ возникаетъ общество единенія Россіи съ Англіей. Я охотно примкнулъ бы къ этому обществу, какъ примкнулъ уже къ тѣмъ, которыя ставятъ своей задачей единеніе съ многострадальной Бельгіей или съ поборницей мира Америкой. Повторяю, часъ для этихъ обществъ насталъ. «Соль земли» обѣихъ странъ, Англіи и Россіи, насколько она представлена дѣятелями пера и художественнаго творчества, уже открыто обмѣнялась выраженіями взаимной симпатіи и уваженія. Къ связи, порождаемой единствомъ мысли и душевныхъ влеченій, надо присоединить прочный фундаментъ общности матеріальныхъ интересовъ. Вотъ почему, крайне желательнымъ было бы вступленіе въ число членовъ-учредителей общества единенія Россіи съ Англіей и руко-

водителей русской промышленности и торговли. Мнѣ извѣстно, что и въ Петроградѣ сказывается теченіе, благопріятное такому столько же идейному, сколько и экономическому сближенію. Я предвижу, что въ недалекомъ будущемъ вся Россія покроется сѣтью такихъ же обществъ единенія съ Англіей. Имперія, поставившая себѣ задачей, какъ говоритъ Лютославскій, защиту свободы, проявленія столько же личной, сколько и національной автономіи, вступитъ въ болѣе тѣсное общеніе съ имперіей, уже приступившей къ преобразованію своихъ внутреннихъ порядковъ въ смыслѣ привлеченія народныхъ уполномоченныхъ къ государственному строительству, съ имперіей, развернувшей знамя защиты мелкихъ народностей и ихъ самобытнаго національнаго существованія. Такое общеніе не будетъ имѣть въ себѣ ничего противоестественнаго, какъ не прочь увѣрять въ противномъ наши враги. Для нихъ нашъ союзъ—союзъ лицемѣрія и варварства. Я позволяю себѣ закончить выраженіемъ надежды, что въ дѣйствительности это будетъ союзомъ для упроченія мира, самостоятельности Европы и свободы самоопредѣленія для всѣхъ, исторически сложившихся національностей, оплотомъ благъ европейской культуры, добытыхъ совмѣстнымъ трудомъ враговъ и друзей, одинаково заинтересованныхъ въ конечномъ исходѣ—въ торжествѣ цивилизаціи, свободы, личной, классовой и народной справедливости.

Максимъ Ковалевскій.

ЗАГРАНИЧНЫЯ НАСТРОЕНІЯ.

(Путевыя впечатлѣнія).

«Что *тамъ*?»—спрашиваютъ со всѣхъ сторонъ каждаго возвращающагося изъ за границы.—«Тамъ», за рубежемъ, отодвинувшимся какъ будто за тридевять земель и въ то же время столь близкимъ душевно, связаннымъ съ нами по-истинѣ *кровными* узами. Что дѣлаютъ, что говорятъ, что чувствуютъ и думаютъ наши друзья и союзники?—И что происходитъ у *другихъ*, у тѣхъ, которые подчасъ называютъ себя нашими друзьями и какъ будто также желаютъ быть нашими союзниками, но «пока» остаются нейтральными, т.-е... «умываютъ руки»?—Никогда еще общность интересовъ всей культурной Европы не чувствовалась у насъ такъ живо, какъ съ той минуты, когда мы

вдругъ оказались отрѣзанными отъ культурнаго Запада и рукою безумца открыты были всѣ шлюзы варварства и человѣконенавистничества. Опасности, угрожающія европейской культурѣ, увеличили нашу преданность ей; препятствія, стоящія на пути къ общенію съ Западной Европой, какъ будто еще усилили тяготѣніе къ послѣдней. Не прекратилось и личное общеніе. Безостановочно группы россіянъ направляются въ Англію и Францію, пренебрегая неудобствами и опасностями, пользуясь всѣми доступными путями,—«сѣвернымъ»—черезъ хладныя финскія скалы и мрачное Сѣверное море, и «южнымъ»—черезъ цѣлую сѣть маленькихъ и большихъ государствъ, почти буквально черезъ «три-девять земель».

Авторъ этихъ строкъ также предпринялъ паломничество, использовалъ оба пути, «сѣверный» и «южный», завершивъ полный кругъ около бушующей военной стихіи.

I.

Выѣхалъ я изъ Петрограда сѣвернымъ путемъ, черезъ Швецію, Норвегію и Сѣверное море. Первая моя остановка была въ Стокгольмѣ. Самаго города, конечно, описывать не буду; это много разъ уже было сдѣлано болѣе искусными перьями. Городъ—одинъ изъ самыхъ красивыхъ въ Европѣ. Но насъ теперь не то интересуетъ.—Какъ отразилась здѣсь война?—Какъ реагируетъ на послѣднюю наша сѣверная сосѣдка?—Только на эти вопросы мы искали здѣсь отвѣта. Найти его было нетрудно; онъ бросался въ глаза въ каждой гостиницѣ: онѣ всѣ были переполнены *коммерсантами*. Война отразилась въ Швеціи чрезвычайнымъ подъемомъ ея торговли, превративъ ее внезапно въ одинъ изъ важнѣйшихъ транзитныхъ пунктовъ. Внѣшняя торговля Россіи со всѣмъ западнымъ міромъ идетъ теперь, главнымъ образомъ, черезъ Швецію, благодаря чему Стокгольмъ сталъ сборнымъ пунктомъ чуть ли не всѣхъ западныхъ странъ, ведущихъ торговыя сношенія съ Россіей. Въ то же время очень оживились торговыя сношенія Швеціи съ Германіей, вслѣдствіе чего въ Стокгольмѣ скопилось также много—нѣмецкихъ коммерсантовъ. Въ отеляхъ подъ одной и той же кровлей находятъ себѣ пріютъ и русскіе, и нѣмецкіе люди, и мирно живутъ бокъ о бокъ, каждый занятый своимъ дѣломъ... Сидятъ рядомъ московскій купецъ и берлинскій коммерсантъ, каждый углубленный въ *свою* газету, пышущую ненавистью къ противной сторонѣ, восторженно описывающую успѣхи родной арміи, сидятъ и читаютъ, а затѣмъ — откладываютъ газету въ

сторону и любезно раскланиваются другъ съ другомъ,—можетъ быть, даже жмутъ другъ другу руки. Называется это:—*«нейтралитетъ»*... Такова атмосфера нейтральной страны нашихъ дней.— «Les affaires sont des affaires!»—этотъ девизъ торгашей сталъ девизомъ также и для политическихъ дѣльцовъ нейтральныхъ странъ. Невольно поднимается отъ этого горечь въ душѣ, хотя и сознаешь, что каждая страна должна прежде всего соблюдать *свои* интересы и что менѣе всего мы въ правѣ упрекать государство за то, что оно охраняетъ свои интересы *мирнымъ* путемъ.

Въ Швеціи *я*, однакожъ, недолго оставался. Цѣлью моей поѣздки былъ Лондонъ, и я спѣшилъ туда.

Послѣ бурнаго переѣзда по Сѣверному морю нашъ пароходъ благополучно прибылъ въ англійскую гавань Ньюкастль. Тутъ перемѣна, произшедшая въ Англіи подъ вліяніемъ войны, сразу дала себя почувствовать въ инквизиторскомъ допросѣ каждаго пассажира относительно его происхожденія, занятій, намѣреній и проч. Но тотчасъ же обнаруживается, что люди къ этому дѣлу непривычны: крайне интересуясь находящейся у пассажировъ корреспонденціей,—до того, что не прочь при случаѣ и въ карманы заглянуть, пограничные чиновники пропускаютъ багажъ пассажировъ почти безъ осмотра. Очень смущали англійскихъ чиновниковъ найденныя у нѣкоторыхъ русскихъ пассажировъ письма и карточки лицъ съ нѣмецкими фамиліями. Допросъ, однакожъ, окончился благополучно для всѣхъ пассажировъ, кромѣ одного несчастнаго молодого человѣка съ лихорадочнымъ румянцемъ на щекахъ, вздумавшаго въ это жестокое время полѣчить свои поврежденныя легкія въ Давосѣ; этотъ бѣдный юноша показался чиновникамъ опаснымъ. Въ общемъ, однакожъ, процедура продолжалась недолго, и мы могли во-время ѣхать дальше.

Въ Лондонъ мы прибыли къ вечеру. И тутъ опять первое впечатлѣніе, совершенно новое для метрополіи величайшей міровой имперіи. Сразу чувствуешь себя какъ бы въ осажденномъ городѣ: улицы едва освѣщены, и люди бредутъ въ темнотѣ, медленно и осторожно. При дневномъ свѣтѣ это впечатлѣніе, правда, совершенно сглаживается, и скоро убѣждаешься, что лондонское населеніе совсѣмъ не чувствуетъ себя въ осадномъ положеніи. Жизнь бьетъ полнымъ ключемъ, улицы полны народа, настроеніе бодрое, спокойное, увѣренное. Дѣла идутъ обычнымъ ходомъ.— «Business as usual!»—таковъ общепризнанный девизъ лондонскаго дѣлового міра.

И все же много вѣрнаго въ первомъ впечатлѣніи. Скудное освѣщеніе улицъ вызвано страхомъ передъ нѣмецкими цеппелинами,

которые, правда, до сихъ поръ ни разу не были въ Лондонѣ, но которыхъ, тѣмъ не менѣе, все время ожидаютъ со дня на день. Чтобы затруднить прицѣлъ нѣмецкихъ бомбистовъ, освѣщеніе города доведено до минимума, каждое освѣщенное окно плотно занавѣшивается темными шторами, а блестящіе магазины, служащіе обыкновенно главнымъ источникомъ свѣта на центральныхъ улицахъ, совсѣмъ закрываются съ наступленіемъ вечера. Нельзя отрицать, что тутъ происходитъ нѣчто въ родѣ осады,—осады своеобразной, совершенно небывалой,—осады *сверху, воздушной*. Этому соотвѣтствуютъ и мѣры защиты. Каждый уличный фонарь прикрытъ сверху большимъ щитомъ, задерживающимъ распространеніе свѣта въ высь; освѣщается скуднымъ свѣтомъ только мостовая.

И этому вполнѣ соотвѣтствуетъ нынѣшнее общественное настроеніе Англіи: возвышенныя стремленія, «къ звѣздамъ», какъ бы временно прикрыты темнымъ щитомъ, все вниманіе сосредоточено на томъ, что происходитъ внизу, подъ ногами, и всѣ идутъ по одной дорогѣ, единственно освѣщенной, хотя и скудно...—Куда приведетъ эта дорога, никто опредѣленно сказать не можетъ, но всѣ сознаютъ, что это *единственная* дорога, что по ней *нужно* идти, и идти *до конца*.

Въ этомъ отношеніи общественное настроеніе Англіи совпадаетъ съ нашимъ россійскимъ настроеніемъ. Не то относительно будущихъ перспективъ. Тогда какъ мы ожидаемъ отъ нынѣшняго великаго испытанія великаго внутренняго очищенія,—подъема на болѣе высокій историческій уровень, англичане этого для себя, повидимому, не ожидаютъ. Вѣроятнѣе всего потому,—что они въ этомъ не такъ нуждаются. Для Англіи война вспыхнула въ моментъ высокаго подъема во всей ея внутренней жизни, когда великія реформы, соціальныя и политическія, быстро слѣдовали одна за другой и для дальнѣйшаго движенія впередъ по пути матеріальнаго и духовнаго прогресса ничего не нужно было, кромѣ *мира*. Война рѣзко остановила это великое движеніе и можетъ надолго его задержать. Въ побѣдѣ тамъ столь же всѣ увѣрены, какъ у насъ; относительно же ея реальныхъ послѣдствій настроеніе англійской интеллигенціи нѣсколько неопредѣленно. Но англичане больше, чѣмъ кто-либо, слѣдуютъ завѣту «довлѣетъ дневи злоба его», и въ англійской печати все вниманіе сосредоточено на категорическомъ императивѣ: «*надо побѣдить*!»

II.

Войнѣ и военнымъ вопросамъ лондонскія газеты посвящаютъ $^{9}/_{1}$ своихъ столбцовъ. Однако, шовинизма дурного тона въ нихъ мало. Нѣтъ даже настоящей ненависти къ врагамъ. Какъ будто

идетъ не борьба на жизнь и на смерть, а великое состязаніе, при которомъ сдержанность и корректность обязательны для каждаго джентльмена. Съ поразительною объективностью лондонскія газеты печатаютъ изо дня въ день оффиціальныя и оффиціозныя сообщенія германскаго генеральнаго штаба и разныхъ нѣмецкихъ агентствъ, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда эти сообщенія прямо опровергаютъ англійскія оффиціальныя сообщенія и нагло извращаютъ истину. Большія газеты, какъ «Times», «Daily Telegraph», «Daily Chronicle» и пр., еще, кромѣ того, даютъ каждый день объективный обзоръ нѣмецкой печати, перепечатывая съ невозмутимымъ хладнокровіемъ самыя возмутительныя инсинуаціи и даже прямыя оскорбленія по адресу Англіи.

Какой контрастъ съ полнымъ злобы и ненависти настроеніемъ нѣмецкаго общества, получившимъ столь яркое выраженіе въ пресловутомъ «гимнѣ ненависти» удостоившемся военной награды и одобренія самого кайзера и разучиваемомъ даже въ школахъ въ назиданіе будущимъ поколѣніямъ! Какъ невинны въ сравненіи съ этимъ тѣ чувства, которыя питаютъ дѣти Англіи къ виновнику величайшаго бѣдствія, постигшаго когда-либо человѣчество!—Въ одной школѣ дѣвочкамъ дана была въ началѣ января текущаго года слѣдующая тема «для сочиненія»: «Что̀ я сдѣлала бы съ кайзеромъ».

Характерны отвѣты.

Самая маленькая изъ школьницъ заявила съ примѣрнымъ благоразуміемъ: «если бы я поймала кайзера, я бы отвела его въ полицію, или отдала бы его солдатамъ, такъ какъ я недостаточно сильна, чтобы сражаться съ нимъ».—Другая дѣвочка, болѣе рѣшительная, вынесла опредѣленную резолюцію: «если бы я захватила кайзера, писала она, то я бы его сослала на островъ св. Елены, и пусть бы онъ тамъ воображалъ себя властителемъ вселенной».—А третья выработала цѣлую политическую программу,—истинно-англійскую по духу,—выдержанную, строгую, но—справедливую: «если бы я овладѣла кайзеромъ,—отвѣтила эта дѣвочка,—то я бы повела его въ Бельгію и показала бы ему все, что̀ онъ тамъ надѣлалъ; потомъ заставила бы его вновь построить все, что̀ онъ тамъ разрушилъ, и смотрѣла бы за тѣмъ, чтобы все было сдѣлано, какъ слѣдуетъ, а не какъ-нибудь; а затѣмъ приказала бы ему принести все, что̀ у него самого имѣется лучшаго, и поставить въ домахъ бельгійцевъ и въ ихъ соборахъ и церквахъ».—Программа, которая сдѣлала бы честь и сэру Эдуарду Грею...

Дѣти тутъ, конечно, только выразили на своемъ языкѣ то, что̀ они слышали и восприняли отъ взрослыхъ. Поэтому-то ихъ слова особенно интересны, какъ настоящіе documents humains. Ни

злобы, ни ненависти, ни мстительности; только—*справедливости*, но полной, строгой, безпощадной,—возстановленія всего разрушеннаго и гарантій для будущаго. Англичане не сентиментальны ни въ одну, ни въ другую сторону; но душа у нихъ стойкая, и свой долгъ они исполнятъ до конца.

«England expects that every man will do his duty!»—«Англія ждетъ, что каждый выполнитъ свою обязанность!» — этотъ лозунгъ Нельсона передъ знаменитой битвой при Трафальгарѣ сталъ теперь лозунгомъ всей Англіи на все время великой европейской войны. Гигантскими литерами начертанъ теперь этотъ лозунгъ у подножія Трафальгарской колонны, въ сердцѣ Лондона, гдѣ каждодневно проходятъ въ одну и другую сторону сотни тысячъ англичанъ, и онъ мало-по-малу долженъ былъ врѣзаться глубоко въ душу каждаго англійскаго гражданина. Потому-то призывъ добровольцевъ далъ такіе поразительные результаты. Къ началу года число добровольцевъ, по слухамъ (оффиціальные отчеты не были оглашены), уже превышало *два милліона*, а къ концу года ихъ, по разсчетамъ Китченера, будетъ не менѣе *трехъ милліоновъ*. Надо вдуматься въ эти цифры, вникнуть въ психологію каждаго добровольца, чтобы понять огромное значеніе этого результата. Милліоны людей, полныхъ жизненныхъ соковъ, — юноши, только-что приникшіе къ чашѣ жизни, зрѣлые люди во цвѣтѣ лѣтъ, пьющіе изъ этой чаши полными глотками, привязанные къ жизни тысячами живыхъ нитей, *добровольно* обрываютъ всѣ эти нити, отрѣшаются отъ всего и добровольно приносятъ себя въ жертву во имя долга, во имя чести. Это возможно только при очень развитомъ сознаніи своего долга, на очень высокомъ уровнѣ гражданственности.

Конечно, не обошлось безъ воздѣйствія со стороны, но это воздѣйствіе было, главнымъ образомъ, *моральное*, т.-е. обращалось къ моральному чувству или моральному сознанію. Мы упомянули выше лозунгъ Нельсона, начертанный огромными буквами на самомъ видномъ мѣстѣ у подножія Трафальгарской колонны и служащій теперь призывомъ къ гражданскимъ чувствамъ всего англійскаго народа. Конечно, это не единственный призывъ. На той же колоннѣ есть еще нѣсколько другихъ призывовъ: призывъ короля, призывъ Асквита и проч. Подобными же призывами покрыты многіе другіе памятники, общественныя зданія, частные дома, кіоски, заборы, даже омнибусы и дрожки. Нельзя глазъ поднять, чтобы не натолкнуться на призывъ къ гражданскому чувству въ видѣ краткаго категорическаго императива, или плаката съ внушительнымъ лозунгомъ и яркой, захватывающей иллюстраціей. И все это такъ составлено, что сразу хватаетъ за живое.

Сильно дѣйствуютъ уже сухія, но внушительныя заявленія въ родѣ: *«Лондонцы! Наши храбрые солдаты на фронтѣ нуждаются въ вашей помощи!»* или: *«Британцы! Ваша родина нуждается въ васъ!»*.—Но нѣкоторые плакаты производятъ прямо непреодолимое впечатлѣніе. На одномъ, напр., вы видите: портретъ погибщаго, популярнаго генерала и подъ портретомъ надпись: *«Онъ исполнилъ свою обязанность, исполните-ли вы свою?»* — простыя слова, простое констатированіе факта, но ихъ не забудешь, отъ нихъ не отмахнешься.—Или другой плакатъ: отрядъ добровольцевъ, молодецъ къ молодцу; съ высоко поднятой головой они гордо и мужественно глядятъ впередъ, прямо вамъ въ глаза; въ первомъ ряду, въ серединѣ пустое мѣсто и надпись: *«это ваше мѣсто!»*—Или третій плакатъ, появившійся наканунѣ Новаго года: англійская армія, вся армія, выстроившаяся широкимъ фронтомъ, теряющимся въ безконечной перспективѣ; всѣ напряженно смотрятъ впередъ, вглядываясь въ Новый годъ, восходящій въ сіяніи солнца, *солнца побѣды*. Надпись: «вы можете ее (побѣду) сдѣлать несомнѣнной, если вы *тотчасъ же* присоединитесь!».

Такими плакатами и призывами покрытъ, повторяемъ, весь Лондонъ: не только улицы, но также стѣны ресторановъ, кофеенъ, гостиницъ и другихъ общественныхъ мѣстъ. Иной, можетъ быть, скажетъ, что это въ сущности означаетъ моральную облаву на добровольцевъ. Но англичане отнюдь не чувствуютъ себя жертвой и сами идутъ навстрѣчу «загонщикамъ»; не довольствуясь молчаливыми плакатами и призывами, они сами еще отправляются на митинги, спеціально посвященные рекрутированію добровольцевъ, и съ энтузіазмомъ и восторгомъ привѣтствуютъ ораторовъ, выясняющихъ имъ значеніе этой войны для Англіи и для всего культурнаго міра и призывающихъ ихъ добровольно жертвовать собою ради великаго дѣла. Я былъ на такомъ митингѣ. Хотя это было уже на седьмомъ мѣсяцѣ кампаніи и можно было бы ожидать нѣкоторой усталости публики, большой залъ былъ переполненъ, всѣ ораторы награждались бурными апплодисментами, и въ заключеніе около 20-ти молодыхъ людей записались добровольцами. Готовность къ жертвамъ неизсякаемая; и я думаю, что если бы трехмилліонной арміи оказалось недостаточно для достиженія цѣли, поставленной себѣ Англіей, то не трудно было бы составить и вдвое болѣе многочисленную армію. Въ необходимости напряженія всѣхъ силъ до окончательнаго пораженія прусскаго милитаризма—твердо убѣждена вся Англія, всѣ ея классы и сословія, весь народъ и всѣ «инородцы».

Къ послѣднимъ можно бы причислить, слѣдуя россійской оффиціальной терминологіи, — ирландцевъ и евреевъ. Относительно на-

строенія ирландцевъ я имѣлъ интересную бесѣду, за чашкой чая въ палатѣ общинъ, съ извѣстнымъ ирландскимъ политическимъ дѣятелемъ, Т. П. О'Конноромъ. Самъ всецѣло раздѣляя чувства англійскаго народа по отношенію къ нынѣшней войнѣ, О'Конноръ съ восторгомъ разсказывалъ о полномъ лояльности и преданности общегосударственнымъ интересамъ поведеніи ирландцевъ въ часъ великаго испытанія. Онъ приводилъ поразительные примѣры проявленія искренней любви и преданности къ отечеству, о вспыхнувшемъ со стихійной силой чувствѣ патріотизма, сразу смывшемъ горчайшія обиды, нанесенныя Англіей ирландскому народу. Люди, сами испытавшіе на себѣ жестокое отношеніе англійскихъ правителей къ ирландцамъ и отряхнувшіе изъ-за этого отъ ногъ своихъ прахъ родной земли, чтобы искать себѣ пріюта на чужбинѣ; люди, избѣгнувшіе петли палача лишь бѣгствомъ на другой берегъ Атлантическаго океана; самые «закоренѣлые государственные преступники», которыхъ и каторга не заставила измѣниться,—всѣ сразу почувствовали себя преданнѣйшими сынами Великобританіи и, все позабывъ, ни о чемъ теперь не думаютъ и не хотятъ думать, какъ о своихъ *гражданскихъ обязанностяхъ*.

Свою патріотическую декларацію въ памятномъ засѣданіи палаты общинъ послѣ объявленія войны, вождь ирландцевъ, Рэдмондъ, сдѣлалъ, по словамъ О'Коннора, всецѣло на собственный страхъ и рискъ, ни съ кѣмъ не совѣтуясь, никого не предупреждая, кромѣ своего друга, моего собесѣдника. Рэдмондъ, повидимому, опасался внутреннихъ разногласій, крайне опасныхъ въ такую критическую минуту. Но ирландскій народъ блестяще выдержалъ испытаніе, этотъ своего рода «государственный экзаменъ», т.-е. экзаменъ на государственность.

Не менѣе блестяще выдержали этотъ экзаменъ англійскіе евреи. Не много болѣе полувѣка прошло съ тѣхъ поръ, какъ съ англійскихъ евреевъ снято было клеймо гражданъ второго сорта и за ними признаны были всѣ гражданскія и политическія права наравнѣ со всѣми гражданами великобританской имперіи. И уже теперь они въ отношеніи гражданскихъ обязанностей не уступаютъ никому изъ природныхъ, «коренныхъ» англичанъ. Число еврейскихъ добровольцевъ относительно даже превышаетъ число добровольцевъ чисто англійскаго происхожденія. Пошли добровольно на военную службу и такіе евреи, которые при обязательной воинской повинности были бы отъ нея освобождены: напр., единственные сыновья. Столь же усердно англійскіе евреи исполняютъ свои обязанности по отношенію къ жертвамъ войны, принимая живѣйшее участіе во всѣхъ организаціяхъ помощи раненымъ воинамъ, семьямъ

ушедшихъ на войну и т. под. Во главѣ англійскаго Краснаго Креста стоялъ недавно скончавшійся лордъ *Ротшильдъ*. Послѣдній фактъ свидѣтельствуетъ о томъ, что и англичане съ своей стороны относятся съ полнымъ довѣріемъ къ своимъ еврейскимъ согражданамъ. Нормальныя отношенія возможны, конечно, только при полной взаимности. Что это въ Англіи вполнѣ осуществлено, показываетъ тотъ лозунгъ, подъ которымъ англійскіе евреи ведутъ вербовку еврейскихъ добровольцевъ въ англійскую армію. Этотъ лозунгъ гласитъ: «Евреи! Англія сдѣлала для васъ все, что она могла;—сдѣлайте вы теперь для нея все, что вы можете!»

III.

Это единеніе всѣхъ партій и сословій, всѣхъ классовъ и національностей великой имперіи придаетъ ей особую моральную силу и особую увѣренность. Увѣренность здѣсь въ конечной побѣдѣ полная, непоколебимая. Сомнѣнія существуютъ только относительно продолжительности борьбы и размѣровъ жертвъ, которыя для того потребуются. Но эти важные вопросы, повидимому, мало волнуютъ невозмутимыхъ бритовъ: они готовы продолжать борьбу и три года, и пять лѣтъ, и десять,—словомъ, сколько потребуется. Столь спокойное отношеніе къ вопросу, крайне волнующему всѣхъ другихъ участниковъ великой борьбы, объясняется, конечно, прежде всего привилегированнымъ положеніемъ Великобританіи въ географическомъ и другихъ отношеніяхъ. Но при этомъ также играетъ немалую роль англійскій темпераментъ, вся англійская психологія, удивительно стойкая и выдержанная.

Совсѣмъ иное во Франціи. И тутъ царитъ полная увѣренность въ конечной побѣдѣ, но продолжительность войны измѣряется не годами, а *мѣсяцами*. Тутъ ярко обнаруживается, насколько темпераментъ—отецъ мысли.

Переѣздъ изъ Англіи во Францію я совершилъ на третьей недѣлѣ пресловутой нѣмецкой «блокады». Англичане съ самаго начала относились къ нѣмецкимъ угрозамъ съ презрительной ироніей. Газеты спокойно отмѣчали каждое, пущенное ко дну, судно, а къ концу недѣли подводили итоги. Процентъ погибшихъ изъ общаго числа пароходовъ, приходящихъ и уходящихъ изъ англійскихъ гаваней, оказался, какъ извѣстно, совершенно ничтожнымъ. Но такъ какъ никто не могъ заранѣе знать, куда судьба его причислитъ,—къ общему правилу, или къ исключеніямъ,—пассажиры, конечно, были нѣсколько озабочены. Взобравшись на пароходъ, со-

вершающій рейсы между англійскимъ и французскимъ берегомъ, пассажиры прежде всего ознакомились съ мѣрами предосторожности, принятыми на случай несчастія,—осматривали спасательныя шлюпки, спасательные пояса, жилеты и проч. Все было въ образцовомъ порядкѣ, на своемъ мѣстѣ. Но испытать этотъ аппаратъ намъ не пришлось: мы безъ всякихъ приключеній прибыли въ Булонь.

Тутъ насъ сейчасъ охватила военная атмосфера, такъ какъ въ Булони находится большой военный лагерь англійской арміи. Настроеніе, однако, было скорѣе идиллическое, чѣмъ воинственное; всѣ были заняты хозяйственными дѣлами и, согрѣваемые ласковыми лучами весенняго солнца, весело бѣгали взадъ и впередъ съ разными порученіями. Никто бы не сказалъ, что эти люди вчера стояли лицомъ къ лицу со смертью и завтра опять пойдутъ ей навстрѣчу. И они сами, вѣроятно, удивились бы, если бы кто-нибудь имъ о томъ напомнилъ. Чувствовалась только joie de vivre, спокойная, увѣренная радость жизни и дѣла. Дѣло «спорилось» въ рукахъ, какъ будто они работали не по приказу, а по собственной доброй волѣ. Въ отношеніяхъ англійскихъ солдатъ къ своимъ начальникамъ также чувствуется больше «доброй воли», чѣмъ—дисциплины. И дорогу уступаютъ начальнику и честь ему отдаютъ, какъ будто не по обязанности, а по собственному побужденію, охотно, съ удовольствіемъ. Такъ же они, вѣроятно, идутъ въ атаку, навстрѣчу самой большой опасности, даже на вѣрную смерть. Великая сила «*добрая воля*»! А англійская армія, армія добровольцевъ, воодушевлена послѣдней въ полной мѣрѣ.

Французская армія, хотя и не добровольческая, едва-ли уступаетъ въ этомъ отношеніи англійской. По всѣмъ отзывамъ людей, приходившихъ въ близкое соприкосновеніе съ французской арміей, настроеніе въ ней прекрасное. Сознаніе, что для Франціи это война на жизнь и на смерть, внушаетъ ея арміи безграничную отвагу, готовность пожертвовать всѣмъ до послѣдней капли крови. Полная увѣренность въ правотѣ своего дѣла внушаетъ ей твердую надежду на полную побѣду. Это настроеніе арміи раздѣляетъ весь французскій народъ, сверху до низу. И мирное населеніе, — старшія мужскія поколѣнія и женщины, — принимаетъ выпадающія на ихъ долю испытанія съ удивительнымъ спокойствіемъ и самоотверженностью. Это особенно живо чувствуется въ сердцѣ Франціи, Парижѣ.

Съ горестнымъ чувствомъ, какъ къ постели тяжко-больного, приближаешься теперь къ этой въ обычное время столицѣ радости и веселія для всего міра. Какъ-то онъ тебя теперь встрѣтитъ, этотъ старый, дорогой другъ, прежде всегда столь привѣтливый и гостепріимный?

Пріѣхалъ я вечеромъ. Немного было насъ, пассажировъ. Прежде столь подвижные французы теперь не трогаются съ мѣста безъ явной необходимости. Огромный Gare du Nord почти пустой и крайне скудно освѣщенъ. Городъ Свѣта, la Ville-Lumière потушилъ свои радостные огни, снялъ съ себя блестящія одѣянія и одѣлъ самый скромный костюмъ, какой только у него имѣется. Магазины большею частью закрываются съ наступленіемъ вечера (въ нихъ и днемъ мало движенія), въ ресторанахъ шторы спущены, а на улицахъ бредутъ одинокіе люди, серьезные, задумчивые. Въ громадномъ Grand-Hôtel'ѣ, въ которомъ я остановился, насчитывающемъ около тысячи номеровъ и, въ нормальное время, часто отказывающемъ пріѣзжимъ въ помѣщеніи за переполненіемъ, теперь едва наберется сотня гостей. Только на большихъ бульварахъ замѣтно еще нѣкоторое оживленіе, но къ полуночи и здѣсь все затихаетъ. Въ отдаленныхъ отъ центра кварталахъ жизнь почти совсѣмъ замерла; тамъ чувствуешь себя какъ бы въ глухой, вымирающей провинціи.

Больше всего поражаетъ кварталъ учащейся молодежи—латинскій кварталъ, обыкновенно пышущій молодостью и жизнью, а теперь болѣе похожій на кладбище, чѣмъ на разсадникъ подрастающаго поколѣнія. Студентовъ почти не видно; веселыя подруги ихъ тоже наполовину исчезли,—говорятъ, многія поѣхали на театръ военныхъ дѣйствій, чтобы, уходомъ за ранеными, по возможности служить общему дѣлу; оставшіяся печально бредутъ по пустыннымъ улицамъ, какъ мухи въ ненастный осенній день. Какія ужасныя опустошенія война произвела въ средѣ учащейся молодежи, показываетъ справка, полученная мною въ канцеляріи Ecole Normale Supérieure. Къ началу войны въ этой высшей школѣ числилось 165 студентовъ. Они всѣ тотчасъ же пошли во фронтъ, но изъ нихъ 10 должны были вернуться вслѣдствіе негодности къ военной службѣ; изъ остальныхъ къ концу февраля выбыли изъ строя—*сто тридцать пять человѣкъ*: 45 убитыхъ или умершихъ отъ ранъ, 90 раненыхъ!

Несмотря на такія страшныя жертвы, нѣтъ никакого чувства подавленности, не говоря уже объ отчаяніи. Даже согнутыя горемъ женщины въ глубокомъ траурѣ, потерявшія, быть можетъ, все, что имъ лично было мило въ жизни, не производятъ удручающаго впечатлѣнія. И въ ихъ глазахъ, чудныхъ выразительныхъ французскихъ глазахъ, ярко свѣтится какая то искорка, искорка гордости и надежды, даже какъ будто какой-то тихой радости, что сподобились на такія великія жертвы ради дорогой родины, великой Франціи,—гордости за эти тяжкія испытанія и надежды на славную будущность.

Трогательное впечатлѣніе производятъ, такъ наз., патріотическіе концерты въ пользу жертвъ войны. На нихъ собирается, главнымъ образомъ, интеллигентная публика, для которой эти концерты служатъ теперь чуть ли не единственнымъ духовнымъ развлеченіемъ и удовольствіемъ. Программа этихъ концертовъ составлена въ стилѣ общаго настроенія: серьезнаго, сосредоточеннаго, меланхолическаго, но съ великимъ подъемомъ и великими надеждами. Какъ чутко воспринимаетъ аудиторія эту декламацію и музыку! Какъ будто вся душа раскрылась, всѣ нервы обнажены, и малѣйшее соприкосновеніе заставляетъ громко стонать. Особенно сильное впечатлѣніе производитъ въ этой обстановкѣ великій національный гимнъ, безподобная марсельеза. Она теперь на каждомъ концертѣ занимаетъ самое почетное мѣсто, и каждый разъ производитъ сильнѣйшее впечатлѣніе, доводитъ слушателей до слезъ, до экстаза. Сознаюсь, что и я теперь не могу ее слушать спокойно; уже послѣ первой строфы: «Allons, enfants de la patrie!—Le jour de la gloire est arrivé!»—я долженъ употреблять большія усилія, чтобы сохранить свое «мужское достоинство»...

Только теперь чувствуешь, какое большое мѣсто Франція занимаетъ въ нашей душѣ. Только теперь понимаешь, почему Провидѣніе привело Францію къ союзу съ Россіей, и сознаешь полную историческую необходимость этого союза крайняго Запада съ крайнимъ Востокомъ Европы.

IV.

Совсѣмъ иное настроеніе охватываетъ насъ въ *нейтральныхъ* странахъ. Изъ Парижа я направился въ Римъ, въ столицу нейтральной Италіи. Первое впечатлѣніе: какъ хорошо быть «нейтральнымъ»!.. Въ сторонѣ отъ ужасовъ войны, Италія можетъ вполнѣ отдаваться радостямъ жизни. Она это и дѣлаетъ; но требуетъ еще большаго. Здоровый народъ съ здоровымъ аппетитомъ...

Я имѣлъ въ Римѣ нѣсколько интересныхъ бесѣдъ съ видными представителями политическаго и литературнаго міра. Главной темой этихъ бесѣдъ, конечно, былъ вопросъ о дальнѣйшей политикѣ Италіи по отношенію къ воюющимъ державамъ. Но какъ проста и примитивна постановка вопроса съ итальянской стороны!—Вопросъ разсматривается почти исключительно съ точки зрѣнія непосредственнаго, реальнаго интереса: что то или иное рѣшеніе вопроса *дастъ сейчасъ* Италіи?.. Не только вѣковѣчные интересы міровой культуры и человѣческаго прогресса, но и ближайшая будущность Европы послѣ этой великой борьбы народовъ, даже международное положеніе са-

мой Италіи послѣ нынѣшняго катаклизма, повидимому, теперь очень мало занимаютъ итальянскій политическій міръ.—Когда я въ бесѣдѣ съ однимъ изъ наиболѣе дальновидныхъ политическихъ дѣятелей современной Италіи, Леонидомъ Биссолати, замѣтилъ, что присоединеніе Италіи къ тройственному согласію диктуется не только ея ближайшими интересами, но также, и въ особенности, ея будущими интересами, какъ члена европейскаго концерта, въ которомъ преобладающее вліяніе, очевидно, будетъ принадлежать—и въ интересахъ самой Италіи *должно* принадлежать—державамъ согласія,—эта мысль, видимо, заинтересовала Биссолати, который и безъ того стоитъ за присоединеніе Италіи къ тройственному согласію, но ясно было, что вопросы о взаимныхъ отношеніяхъ европейскихъ державъ *послѣ войны* до сихъ поръ мало занимали итальянскій политическій міръ. Доминируетъ вопросъ о томъ, что Италія можетъ *сейчасъ* получить за свою «интервенцію», или за «*нейтралитетъ*», т.-е. за активное присоединеніе къ тройственному согласію, или—за то, что она, «къ добру и злу равнодушна», останется пассивной зрительницей величайшей исторической трагедіи.

Общественное мнѣніе Италіи охвачено теперь узко-сердечнымъ національнымъ чувствомъ, подавляющимъ не только все, что̀ возвышается надъ реальнымъ, эгоистическимъ интересомъ, но также все, что̀ выходитъ за предѣлы непосредственныхъ національныхъ перспективъ. Этотъ узкій, недальновидный патріотизмъ овладѣлъ и многими лучшими людьми Италіи, прежде очень отъ него далекими. Особенно поразила меня въ этомъ отношеніи бесѣда съ однимъ почтеннымъ итальянскимъ пацифистомъ, всю свою жизнь посвятившимъ идеѣ международнаго мира. Познакомился я съ нимъ впервые на международномъ конгрессѣ печати въ Копенгагенѣ, всего за нѣсколько недѣль передъ войною. Онъ весь горѣлъ тогда идеей мира; ни о чемъ больше не думалъ, ничѣмъ другимъ не интересовался, кромѣ плановъ осуществленія этой великой идеи. Планы его были самаго возвышеннаго характера, благородные до наивности. Другомъ мира онъ остался до сихъ поръ, но,—*прежде всего*, онъ считаетъ теперь необходимымъ—значительное территоріальное расширеніе Италіи, не только на счетъ Австріи, но также на счетъ *Франціи*... Онъ считаетъ необходимымъ и «справедливымъ», чтобы, кромѣ Тріента и Тріеста, Италіи были уступлены: Корсика, часть Савойи и кое-что изъ африканскихъ владѣній Франціи... Аппетиты разгорѣлись и у этого безкорыстнаго идеалиста. Ему кажется, что это чистѣйшій патріотизмъ.

Такія представленія о патріотизмѣ теперь очень популярны въ Италіи и въ другихъ нейтральныхъ странахъ, помышляющихъ

только о томъ, какъ бы *воспользоваться* нынѣшними исключительными обстоятельствами и подешевле что-нибудь пріобрѣсти на европейскомъ аукціонѣ царствъ и княжествъ... Высокими идеями, широкими перспективами здѣсь теперь мало интересуются.

Надо, впрочемъ, принять во вниманіе исключительное положеніе, въ которомъ находится Италія въ качествѣ бывшей,—формально, можетъ быть, еще оставшейся,—союзницы Германіи и Австро-Венгріи. Въ виду этого въ началѣ войны казалось уже большой заслугой со стороны Италіи, что она не присоединилась къ хищническому походу своихъ союзниковъ и заняла пассивное положеніе. Большаго тогда никто не требовалъ и,—по общему мнѣнію, *нельзя* было требовать. Но тутъ-то лежитъ роковая ошибка. Пассивность великой державы въ такой критическій для всей Европы моментъ совершенно недопустима,—политически столько же, сколько морально. Если бы въ критическіе дни передъ войной Италія выступала болѣе рѣшительно и грозила бы своимъ союзникамъ, не пассивностью, а *активностью* въ случаѣ войны,—тогда, вѣроятно, война была бы избѣгнута. Занявъ пассивную, нейтральную позицію, Италія съ самаго начала очутилась въ двусмысленномъ положеніи. Отсюда проистекли всѣ прочія двусмысленности.

Биссолати возлагаетъ часть отвѣтственности за это положеніе на дипломатію тройственнаго согласія, выступавшую въ Римѣ слишкомъ вяло, слишкомъ легко примирившуюся съ итальянскимъ нейтралитетомъ. Дѣйствительно, дипломатія тройственнаго согласія слабо представлена въ Римѣ. Активность проявляетъ, по словамъ свѣдущихъ людей, только англійскій посланникъ; французскій посланникъ—больной человѣкъ, мало работоспособный; нашъ же посланникъ теперь уже смѣненъ. Германія, между тѣмъ, делегировала въ Римъ своего лучшаго дипломата, бывшаго имперскаго канцлера князя Бюлова, и въ то же время мобилизовала цѣлую армію журналистовъ и политиковъ для «обработки» итальянскаго общественнаго мнѣнія и политическаго міра. Неудивительно поэтому, что итальянскій патріотизмъ пріобрѣлъ сильный «прусскій» привкусъ.

И въ другихъ нейтральныхъ странахъ общественное мнѣніе носитъ печать нѣмецкой работы. Повсюду преобладаетъ хищническая, прусская концепція патріотизма. Я долженъ, впрочемъ, оговориться, что черезъ балканскія страны я проѣхалъ, не останавливаясь; мои личныя впечатлѣнія, слѣдовательно, основаны больше на вагонныхъ разговорахъ и наблюденіяхъ.

Крайне горестное впечатлѣніе оставляютъ встрѣчи съ болгарами. Чувствуется родственная связь, но въ то же время какъ будто цѣлая

пропасть тяжкихъ обидъ и недоразумѣній отдѣляетъ болгарина отъ россіянина. Встрѣчаютъ большею частью привѣтливо, но затѣмъ опять съеживаются, подозрительно вглядываются и какъ будто цѣдятъ каждое слово черезъ густое сито недовѣрія и обиды. Чувства, очевидно, крайне смѣшанныя: грусть и стыдъ о потерянномъ Болгаріей по собственной винѣ правѣ первородства,—обида на Россію за то, что она допустила это паденіе и какъ бы предоставила Болгарію собственной участи,—жгучая злоба и зависть противъ Сербіи, счастливой ея соперницы, сумѣвшей привлечь къ себѣ симпатіи всего міра и мощную поддержку величайшихъ державъ,—страстная жажда реванша,—коварные разсчеты и планы и пр. и пр.—цѣлая гамма чувствъ и настроеній, вызвавшихъ глубокое душевное смятеніе. Въ этой мутной водѣ и ловятъ свою рыбу нѣмецкіе дипломаты и ихъ болгарскіе сподручники.

Въ Румыніи положеніе несравненно яснѣе, проще. Даже очень просто: кто больше?.. Сантиментовъ никакихъ,—у «серьезныхъ» политиковъ, конечно. Публика волнуется и въ кинематографахъ привѣтствуетъ тройственное согласіе и шикаетъ нѣмцамъ. Иногда выходитъ также на улицу, поетъ національные гимны, развѣваетъ національные флаги. Но не отъ публики, не отъ народа зависитъ здѣсь рѣшеніе вопроса, когда и куда дать приказъ арміи о выступленіи въ походъ. Въ общемъ настроеніе въ Букарестѣ столь же жизнерадостное, какъ въ Римѣ. Дѣла идутъ великолѣпно; внѣшній вывозъ Румыніи поднялся на феноменальную высоту; все, что Румынія можетъ удѣлить изъ своего производства, принимается Германіей съ превеликой благодарностью по небывало высокимъ цѣнамъ. Особенно поднялись цѣны на главный предметъ румынскаго вывоза—кукурузу. Приведу, для примѣра, извѣстный мнѣ случай съ однимъ коммерсантомъ, купившимъ партію кукурузы по дорогой для Румыніи цѣнѣ 1000 лей (франковъ) за вагонъ и продавшій ее по—5000 лей за вагонъ! Румынскій коммерческій міръ поэтому въ восторгѣ отъ «нейтралитета», а вмѣстѣ съ нимъ и весь дѣловой міръ Румыніи. Это, конечно, имѣетъ также большое вліяніе на дѣловитыхъ политиковъ современной Румыніи, которые безъ того склонны думать, что ихъ товаръ еще подымется въ цѣнѣ, и что поэтому имъ также лучше «попридержаться».

V.

Спекуляціонный духъ, обуявшій политическій міръ, почти столько же, сколько коммерческій міръ нейтральныхъ странъ, находится въ такомъ контрастѣ съ великой трагедіей, переживаемой

воюющими странами, что на взаимное пониманіе обоихъ лагерей трудно сейчасъ разсчитывать. Даже въ Италіи, морально столь близкой Франціи, политически имѣющей большое тяготѣніе къ Англіи, питающей также явныя симпатіи къ Россіи, все же чувствуешь себя, если и не въ «лагерѣ праздноболтающихъ», то все же далеко, далеко отъ «стана погибающихъ». Итальянцы, съ которыми мнѣ пришлось бесѣдовать, правда, единодушно увѣряли меня въ глубокихъ симпатіяхъ, своихъ личныхъ и всего итальянскаго народа, къ дѣлу тройственнаго согласія и въ несомнѣнности открытаго присоединенія Италіи къ послѣднему въ самомъ скоромъ времени. Первое, можетъ быть, вѣрно, но что касается послѣдняго, то такія увѣренія и обѣщанія, какъ извѣстно, повторяются уже довольно продолжительное время. Когда я былъ въ Римѣ, активное выступленіе Италіи предсказывалось къ началу апрѣля новаго стиля. Теперь тамъ уже и май наступилъ, и все еще оффиціальнымъ лозунгомъ дня остается—пассивный нейтралитетъ.

Пока, значитъ, тройственное согласіе можетъ и должно разсчитывать только на собственныя силы, и можетъ быть, имъ придется довести гигантскую борьбу до конца безъ какой-либо активной поддержки извнѣ. Тѣмъ тѣснѣе должны сплотиться между собою народы согласія, и это сплоченіе должно быть полное, на равныхъ правахъ.

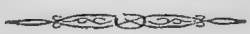
Стремленіе къ возможно интимному сближенію съ русскимъ народомъ очень сильно сейчасъ и въ Англіи. Интересъ ко всему русскому чрезвычайный; чувствуется глубокое желаніе понять этотъ народъ, прежде столь чуждый, даже нѣсколько «страшный», и вдругъ ставшій столь близкимъ, роднымъ. Къ сожалѣнію, этотъ интересъ не находитъ пока достойнаго удовлетворенія. Людей, знающихъ Россію, крайне мало въ Англіи, и проявившаяся потребность удовлетворяется, большею частью, только дешевыми суррогатами. Лучшими «знатоками» Россіи почитаются теперь въ широкой публикѣ бывшіе корреспонденты англійскихъ газетъ въ Россіи, большею частью люди съ бойкимъ перомъ, но очень скуднымъ багажомъ. О Россіи они обыкновенно знаютъ только то, что необходимо для составленія «бойкихъ» газетныхъ корреспонденцій, и ихъ представленія о русскомъ народѣ имѣютъ крайне поверхностный, «фельетонный» характеръ. Такое ознакомленіе съ Россіей едва-ли не хуже полнаго невѣжества. Получается какая-то суздальская живопись, подчасъ прямо пошлая каррикатура.

Въ этомъ отношеніи теперь особенно отличается бывшій корреспондентъ «Times»' а въ Россіи, Стиффенъ Граамъ. Онъ большой почитатель Россіи; повидимому, искренно ее любитъ. Но *какою* любовью!—Онъ нѣсколько разъ побывалъ въ Россіи и имѣетъ здѣсь

личныхъ друзей и пріятелей; но выбиралъ онъ послѣднихъ, повидимому, весьма неудачно. Выпущенная имъ въ началѣ этого года книга о Россіи «Russia and the World» даетъ такую характеристику русскаго народа, что, пожалуй, и его здѣшніе пріятели запротестуютъ. Впечатлѣніе изъ нея получается о Россіи, чуть ли не какъ о—второмъ Китаѣ, очень почтенномъ, но крайне своеобразномъ, совершенно отличномъ отъ Запада. Все это говорится авторомъ «любя»,—повидимому, съ искренней симпатіей къ Россіи. И читателямъ эти рѣчи внушаютъ, можетъ быть, нѣкоторыя личныя чувства къ Великой «Непонятой», но въ то же время, вѣроятно, и священный трепетъ, граничащій съ—*испугомъ*.

Между тѣмъ эта концепція стала популярной въ Англіи,—до того, что и нѣкоторые наши соотечественники считаютъ «тактичнымъ» ее поддерживать. Не вѣдаютъ, что творятъ!.. Не понимаютъ, что достойныя обѣихъ сторонъ отношенія требуютъ не только «симпатіи», но также и полнаго уваженія, а послѣднее возможно со стороны народа, находящагося на такомъ высокомъ культурномъ уровнѣ, какъ народъ англійскій, только по отношенію къ народу, воодушевленному тѣми же идеалами и стремленіями, какъ и онъ. Свои права на такое отношеніе русскій народъ доказалъ въ достаточной мѣрѣ; и менѣе всего могутъ быть допущены какія-либо сомнѣнія относительно этого въ настоящее время, когда ручьями проливается народная кровь для защиты европейской культуры отъ грубой силы, упорно надвигающейся изъ самаго сердца культурнаго міра. Въ этой великой войнѣ съ злымъ геніемъ Европы, котораго можно было бы назвать «Чингисъ-ханомъ XX вѣка», Россія исполняетъ ту же провиденціальную миссію, которую она много вѣковъ тому назадъ выполнила въ своей титанической борьбѣ съ азіатскими ордами. Тѣснѣе соединившись теперь для этого историческаго дѣла съ культурнѣйшими народами Запада, Россія должна будетъ продолжать свой историческій путь бокъ-о-бокъ съ ними на равныхъ правахъ и при равныхъ обязанностяхъ. Въ интересахъ великаго общаго дѣла чрезвычайно важно, чтобы народы Европы,—прежде всего союзные, а также и нейтральные,—вполнѣ въ это увѣровали.

Р. Бланкъ.



УРАВНОВѢШЕННАЯ АНГЛІЯ.

I.

Говорятъ, что характеръ человѣка лучше всего познается въ бѣдѣ. Съ неменьшимъ правомъ данный афоризмъ можетъ быть примѣненъ къ цѣлымъ странамъ и народамъ. И, потому, трудно представить себѣ моментъ, болѣе подходящій для сравнительнаго изученія духовнаго лица различныхъ націй, чѣмъ нынѣшній: вѣдь война—великая общественная бѣда, война—суровый всесторонній экзаменъ. Въ эпоху войны силы народа напрягаются до высшей точки, и всѣ основныя черты его натуры, обычно полускрытыя многообразными идеологическими и бытовыми наслоеніями мирнаго времени, заостряются, крѣпнутъ, наливаются жизненными соками и выступаютъ наружу съ рѣзко подчеркнутой яркостью. Точно ржавчина отпадаетъ отъ стариннаго металла, и онъ, пройдя черезъ горнило испытаній, снова начинаетъ блестѣть своимъ естественнымъ, ему отъ вѣка присущимъ блескомъ. И пусть война имѣетъ для всѣхъ народовъ приблизительно одинаковое реальное значеніе, обрушивая на ихъ плечи приблизительно одинаковую чашу страданія и горя, все-таки каждая страна по-своему встрѣчаетъ и переноситъ великую бѣду.

Вотъ Франція. Смотришь на нее и какъ-то невольно кажется, что страна сжалась въ одинъ туго натянутый комокъ нервовъ, облеклась въ трауръ, отрѣшилась отъ суеты и развлеченій сѣрыхъ будней и сконцентрировала всю свою волю, всю энергію, все желаніе на одномъ ярко горящемъ въ ея сознаніи пунктѣ—защитѣ родной страны. «Отечество въ опасности!», эта мысль, подобно молніи, пронизала душу каждаго француза—отъ президента до поденщика и отъ крайняго роялиста до поклонника анархо-синдикализма—и заставила забыть ихъ о мирѣ, покоѣ, мѣщанскомъ благополучіи и нормальномъ ходѣ вещей. Промышленность парализована, торговля упала, политическая жизнь замерла, культурное творчество пріостановилось. Франція сейчасъ, какъ раненая птица, которая тревожно бьетъ крыльями, судорожно царапаетъ когтями землю и сама, истекая кровью, стремится нанести смертельный ударъ врагу.

Германія. Могучая имперія тоже собралась и насупилась, но ея напряженіе совсѣмъ иного рода, чѣмъ во Франціи. Она

не защищается, она сама нападаетъ. Она опьянена мечтами о міровомъ господствѣ и загипнотизирована вѣрой въ себя, какъ въ избранную Богомъ страну. Она поставила на службу своимъ безмѣрнымъ притязаніямъ изумительную по грандіозности и техническому совершенству экономическую, политическую и военную машину и сковала массы своего населенія двойной цѣпью желѣзной дисциплины и страстной погони за успѣхомъ. Пусть погибнетъ міръ, но да будетъ достигнутъ тріумфъ! Такова основная нота современной нѣмецкой психологіи. И вмѣстѣ съ тріумфомъ, хотя бы и насильно, хотя бы и противъ его воли, о, да будетъ облагодѣтельствовано человѣчество! Германія принесетъ ему новую культуру, скрижали новаго, болѣе совершеннаго, чѣмъ старый, тевтонскаго завѣта. Такова схема. И, когда ближе вглядываешься въ ея очертанія, какъ-то не можешь не прійти къ заключенію, что, несмотря на весь свой, подчасъ довольно-таки грубый «матеріализмъ», современный нѣмецъ остался все-таки истиннымъ нѣмцемъ, т.-е., по существу глубокимъ романтикомъ по натурѣ. Гейне въ одномъ изъ своихъ стихотвореній разсказываетъ, какъ влюбленный юноша, неудовлетворенный самымъ фактомъ своего счастья, хочетъ вырвать изъ глубины норвежскихъ лѣсовъ высокую ель, погрузить ее «въ грудь пламенную Этны» и этимъ огненнымъ перомъ написать на небесахъ въ назиданіе потомству вѣчно пламенѣющія слова: «Агнеса, я люблю тебя!».

Это чрезвычайно типично для нѣмецкой психологіи, и это необыкновенно ярко сказывается сейчасъ. Всѣ крупныя страны въ наши дни увлекаются имперіализмомъ, но только въ Германіи это грубое и жестокое, нерѣдко стоящее на границѣ открытаго разбоя, занятіе удостоилось облаченія въ идеологическія ризы. Нѣмецъ не удовлетворился, подобно, скажемъ, англичанину, самымъ фактомъ нарожденія своего могущества и всѣхъ вытекающихъ отсюда политическихъ и экономическихъ возможностей, онъ тотчасъ же поспѣшилъ обобщить этотъ фактъ, возвести его въ теорію и построить цѣлое метафизическое зданіе, остроконечно-готическими башнями своими уходящее въ самое небо. Современный нѣмецъ—романтикъ капиталистическаго имперіализма совершенно такъ же, какъ его предокъ сто лѣтъ тому назадъ былъ романтикомъ политической свободы и объединенія Германіи. И теперь, дерзко бросивъ вызовъ чуть ли не всей великодержавной Европѣ, Германія, баловень успѣха въ теченіе послѣднихъ сорока лѣтъ, напрягаетъ каждый мускулъ, каждый нервъ своего организма для того, чтобы одержать побѣду и осуществить въ дѣйствительности плѣняющія ея разгоряченное воображеніе полуфантастическія мечты.

А Англія? Англія—страна совсѣмъ другого стиля. Она не романтикъ и не раненая птица (ибо она вообще не ранена), она тоже остается вѣрна себѣ: она подобна умному, хладнокровному и разсчетливому «business man». Островное положеніе гарантируетъ Англію отъ опасности непосредственнаго нашествія непріятеля и даетъ ей возможность сохранить ясную голову и сравнительное спокойствіе. У нея есть время подумать, сообразить, оцѣнить положеніе, взвѣсить всѣ шансы за и противъ. Подъ защитой тридцатипятиверстной полосы воды, противъ которой безсильны даже самыя совершенныя крупповскія пушки, Англія можетъ неторопливо произвести всѣ необходимыя военныя приготовленія, выстроить десятки судовъ, сформировать и обучить милліонныя арміи и бросить ихъ на континентъ, выждавъ наиболѣе благопріятный для того моментъ. Ничто слишкомъ сильно не смущаетъ Англію, ничто не нарушаетъ ея интеллектуальнаго равновѣсія, ничто не выбиваетъ ее изъ нормальной колеи. Грохотъ пушекъ на поляхъ Фландріи не доносится на другую сторону канала, и всѣ ужасы и звѣрства современной войны теряютъ для Великобританіи свой жестоко реалистическій характеръ. Она не видитъ и не чувствуетъ ихъ непосредственно, ибо все это—страшное и кровавое—совершается гдѣ-то тамъ, далеко, за сценой, въ чужой странѣ, подъ чужимъ небомъ.

И потому Англія уравновѣшена, Англія спокойна. Здѣсь не было и нѣтъ ни бурныхъ эксцессовъ шовинистическаго чувства, ознаменовавшихъ собой начало войны въ другихъ государствахъ, ни ярко выраженнаго энтузіазма широкихъ массъ населенія, ни торжественнаго паѳоса публицистовъ и ораторовъ. Здѣсь вообще до чрезвычайности мало страсти. Кто-то сказалъ, что англійскій характеръ подобенъ вулкану, покрытому снѣгомъ. Если это вѣрно, то пока война оказалась еще не въ состояніи растопить дремлющую въ груди вулкана огненную лаву, и поверхность англійской жизни продолжаетъ оставаться сдержанно-холодной, какъ обычно. И если, тѣмъ не менѣе, страна сейчасъ напрягаетъ по-истинѣ исполинскія усилія для одолѣнія врага, то это происходитъ не подъ вліяніемъ разгоряченнаго чувства, а подъ вліяніемъ спокойнаго и безпристрастнаго политическаго разсчета. Правящая Англія, какъ настоящій «business man», зрѣло обдумала всѣ выгоды и невыгоды грандіознаго военнаго предпріятія, учла заранѣе всѣ возможныя потери и убытки, всѣ стоящія на пути трудности и препятствія и, сведя балансъ, въ концѣ концовъ, пришла къ заключенію, что рискъ въ данномъ случаѣ несомнѣнно окупается ожидаемой прибылью. И, придя къ подобному заключенію, она съ своей обычной дѣловой добросовѣстностью энергично принялась за дѣло.

II.

За что же борется Англія?

Когда вы начинаете прислушиваться къ смѣшанному хору голосовъ британской печати, къ рѣчамъ политиковъ и дипломатовъ, къ разговорамъ широкой обывательской публики, той самой, представителей которой англичане обычно называютъ «the man in the street», вы различаете двѣ совершенно различныхъ версіи.

Первая версія гласитъ въ основныхъ чертахъ слѣдующее: Англія вступила въ войну, потому что Германія нарушила нейтралитетъ Бельгіи; Англія воюетъ теперь для того, чтобы обезпечить права мелкихъ національностей, утвердить святость международныхъ договоровъ, сокрушить главную угрозу европейскому благоденствію и культурѣ—прусскій милитаризмъ и освободить, такимъ образомъ, человѣчество отъ опасности новыхъ конфликтовъ и отъ бѣшенаго роста вооруженій. Цѣль эта можетъ быть достигнута, если Германія будетъ окончательно разгромлена, если союзники наводнятъ ея территорію съ запада и востока, и условія мира будутъ ей ими продиктованы въ стѣнахъ императорскаго дворца въ Берлинѣ. О томъ, каковы должны быть желательныя условія мира, мнѣнія въ частности расходятся, но въ общемъ и цѣломъ всѣ единодушно признаютъ, что съ Германіей должно быть поступлено очень круто: цѣлый рядъ ея провинцій долженъ быть отрѣзанъ и отданъ другимъ государствамъ, военный флотъ или уничтоженъ или переданъ Англіи; размѣры постоянной арміи ограничены особыми международными постановленіями. Нѣкоторые идутъ дальше и требуютъ раздробленія единой германской имперіи на 26 королевствъ, герцогствъ и республикъ, входящихъ въ настоящее время въ ея составъ.

Это такъ называемая схема «fight to a finish» (борьба до конца), которую проповѣдуетъ вся уличная пресса Англіи съ пресловутой «Daily Mail» во главѣ и которая пользуется широкой популярностью въ низшихъ слояхъ городского населенія. «No more Germany»!, формулировалъ какъ-то недавно въ разговорѣ со мной pia desideria одинъ типично-обывательскій политикъ. И онъ, конечно, не одинокъ. Указанная версія носитъ на себѣ всѣ признаки добродѣтельнаго «разсказа для народа», и въ первый періодъ войны ее усиленно эксплоатировали во время рекрутской агитаціи многочисленные оффиціальные ораторы, начиная съ членовъ кабинета [1]).

---

[1]) См., напримѣръ, рѣчь Ллойдъ-Джорджа въ Queen's Hall въ Лондонѣ, произнесенную 19 сентября 1914 года.

Другая версія, гораздо менѣе безкорыстно-идеалистическая, но зато гораздо болѣе близкая къ дѣйствительности, даетъ иное обоснованіе для участія Англіи въ войнѣ. Она, эта версія, находитъ себѣ выраженіе на страницахъ серьезной британской печати и пользуется признаніемъ въ серьезныхъ «дѣловыхъ» и политическихъ кругахъ, т.-е. какъ разъ въ тѣхъ самыхъ кругахъ, которые фактически руководятъ судьбами Британской имперіи. Ея основныя положенія недавно необыкновенно выпукло и отчетливо были формулированы «Times»'омъ въ блестящей передовицѣ, носящей многознаменательный заголовокъ: «Почему мы воюемъ?». Эта передовая статья настолько интересна и поучительна, что я рѣшаюсь привести здѣсь наиболѣе существенныя ея мѣста.

«Нападеніе на Бельгію,—пишетъ авторитетнѣйшій органъ Великобританіи,—и еще больше послѣдовавшая за нимъ длинная цѣпь преступленій произвели очень сильное впечатлѣніе на насъ. Подобно Германіи, мы нѣкогда обязались нашимъ словомъ гарантировать бельгійскій нейтралитетъ. Въ отличіе отъ Германіи мы считали своимъ долгомъ сдержать однажды данное слово. Но, сдерживая слово, мы въ то же время сознавали, что, поступая такъ, мы сочетаемъ собственный интересъ съ честью, справедливостью и милосердіемъ. Почему мы гарантировали нейтралитетъ Бельгіи? Мы гарантировали его, исходя изъ серьезнаго собственнаго интереса, того интереса, который всегда заставлялъ насъ бороться противъ утвержденія какой-либо великой державы vis-à-vis нашего восточнаго берега, и который побуждалъ насъ защищать Нидерланды противъ Испаніи и противъ Франціи Бурбоновъ и Наполеона. Мы держимъ наше слово, разъ мы его даемъ, но мы даемъ наше слово только тогда, когда имѣемъ на то достаточно серьезныя реальныя основанія. Ибо мы отнюдь не претендуемъ на роль интернаціональныхъ Донкихотовъ, готовыхъ во всякое время выступить на прекращеніе несправедливости, хотя бы эта несправедливость насъ самихъ не затрогивала.

«Бетманъ-Гольвегъ правъ: если бы Германія даже не напала на Бельгію, *честь* и *интересъ* бросили бы насъ на сторону Франціи... Мы примкнули въ свое время къ тройственному согласію, потому что мы поняли, хотя и поздно, что время «блестящей изолированности» прошло. Мы вернулись къ исторической политикѣ «европейскаго равновѣсія», и вернулись по причинамъ, которыя были признаны уважительными еще нашими прадѣдами. Ни для насъ, ни для нихъ эти причины не были продуктомъ сентимента; наоборотъ, онѣ носили вполнѣ разсудочный, даже эгоистическій характеръ. Главная изъ причинъ, несомнѣнно, была — стре-

мленіе поддержать европейскій миръ, но охраненіе мира является въ то же время охраненіемъ насъ самихъ. Въ нынѣшней войнѣ мы видимъ, какъ видѣли это и наши отцы, что первая линія атаки и защиты Англіи лежитъ въ ея континентальныхъ союзникахъ. Если во время Наполеоновскихъ войнъ мы субсидировали каждое государство Германіи и фактически почти всю Европу, то мы дѣлали это не изъ любви къ австрійской или нѣмецкой свободѣ, далеко не изъ чистаго альтруизма. Нѣтъ, мы расточали наше золото также ради нашей собственной безопасности и нашей собственной выгоды, и въ общемъ мы имѣемъ право утверждать, что наши тогдашніе расходы впослѣдствіи сторицей окупились. Въ настоящее время, какъ мы уже неоднократно указывали въ «Times»'ѣ, Англія борется, исходя изъ тѣхъ же самыхъ основаній, какія обусловили когда-то ея борьбу съ Филиппомъ II, Людовикомъ XIV и Наполеономъ I.

«Германія надменно провозглашаетъ, что ей предопредѣлена миссія завоеванія великой міровой имперіи, при помощи которой она собирается навязать свои идеалы всему человѣчеству. Наша имперія и наши идеалы стоятъ у нея на пути... Вотъ почему ея основной задачей въ настоящей войнѣ является пораженіе тройственнаго согласія въ цѣляхъ разрушенія свободной Британской имперіи и созданія на ея руинахъ міровой Германской имперіи, имперіи милитаризма и бюрократіи. Спасти себя отъ подобной перспективы,—заканчиваетъ газета,—парализовать гибельныя послѣдствія сознательной злобы Германіи, вотъ главнѣйшая причина, заставившая насъ взяться за оружіе» [1]).

Въ точныхъ и рѣшительныхъ словахъ вліятельнаго органа крупнаго капитала звучитъ голосъ той самой мудрости, которая создала реальное величіе современной Британской имперіи. Нынѣшняя война является для Англіи по существу *превентивной* войной, ибо Германія въ *данный моментъ*, пока ей непосредственно не угрожали, могла, по болѣе или менѣе вѣроятному разсчету, угрожать ей только въ будущемъ. Но несчастная Бельгія послужила, конечно, ближайшимъ *поводомъ* для вступленія Соединеннаго Королевства въ немедленную борьбу съ Германіей.

Указанное обстоятельство объясняетъ намъ очень многое въ настроеніи англійскихъ народныхъ массъ. Государственная мудрость повелительно диктовала кормчимъ британской политики использованіе удобнаго историческаго момента для сведенія кой-какихъ счетовъ съ Германіей. Но государственная мудрость—удѣлъ не-

---

[1]) „Times“ отъ 8 марта 1915 года.

многихъ. Толпа плохо воспринимаетъ абстрактныя разсужденія, не подкрѣпленныя доводами матеріальнаго характера. Меньше всего эти абстрактныя разсужденія, какъ бы правильны и неоспоримы они ни были сами по себѣ, способны рождать въ ней яркое *чувство*, способны создавать въ ней опредѣленное *настроеніе*. И, когда восемь мѣсяцевъ тому назадъ рулевые британскаго государственнаго корабля торжественно призвали народъ къ борьбѣ на жизнь и на смерть, послѣдній пошелъ за ними, ибо на то былъ цѣлый рядъ психологическихъ и политическихъ основаній, пошелъ, но не воспламенился...

Государственная мудрость продиктовала правящей Англіи участіе въ нынѣшней войнѣ, и та же мудрость намѣчаетъ въ ея глазахъ тѣ естественныя границы побѣды, которой она желаетъ и къ которой она сейчасъ такъ упорно стремится. Ея идеаломъ является не уничтоженіе Германіи, а лишь возстановленіе нарушеннаго чрезмѣрнымъ ростомъ могущества послѣдней «европейскаго равновѣсія». Ибо наличность подобнаго «равновѣсія» уже дала Великобританіи столѣтіе безпримѣрнаго національнаго расцвѣта, и она была бы не прочь его еще разъ повторить. Все, чего въ настоящее время, повидимому, хочетъ правящая Англія, это значительнаго *ослабленія* имперіи Гогенцоллерновъ, введенія ея экономической и политической мощи въ извѣстныя, болѣе узкія границы, лишь устраненія вѣчной угрозы съ ея стороны основамъ британскаго міроваго господства. Вотъ почему тотъ же самый «Times» счелъ нужнымъ въ самомъ началѣ войны рѣшительно выступить противъ проектовъ «Новаго Времени» о полномъ уничтоженіи Германіи, не безъ основанія находя подобное намѣреніе по отношенію къ быстроразвивающейся 60-ти-милліонной странѣ нѣсколько «экстравагантнымъ» [1]).

Но, если, такимъ образомъ, правящіе круги Великобританіи не раздѣляютъ обывательскихъ пожеланій о «crushing Germany», то, съ другой стороны, сильнаго ослабленія Германіи, большой побѣды надъ Германіей они хотятъ всѣми фибрами своей души. Они прекрасно сознаютъ, что Англія, принявъ участіе въ настоящей войнѣ, поставила на карту свое будущее, какъ великой міровой имперіи, и что, если эта карта будетъ бита, передъ ней откроется путь постепеннаго экономическаго и политиче скаго увяданія, путь медленнаго, но вѣрнаго нисхожденія до уровня второстепенной европейской державы. Они это сознаютъ, и потому готовы на величайшія жертвы, на величайшія испытанія. Въ газетахъ, на собраніяхъ, въ парла-

---

[1]) „Times“ отъ 24 сент. 1914 г., статья военнаго обозрѣвателя.

ментскихъ дебатахъ вы теперь постоянно встрѣтите сопоставленіе переживаемаго нами момента съ эпохой Наполеоновскихъ войнъ (1793—1815), когда Великобританія боролась не на жизнь, а на смерть за свое великодержавное будущее съ могущественной континентальной сосѣдкой, боролась и, въ концѣ концовъ, побѣдила. Правящая Англія считаетъ, что въ настоящее время судьбы націи и государства подвергаются не меньшей опасности, чѣмъ сто лѣтъ тому назадъ, и что, поэтому, энергія защиты теперь ни въ чемъ не должна уступать данному дѣдами и прадѣдами примѣру. Кормчіе британской политики предрекаютъ долгую, упорную и кровопролитную борьбу, и даже самъ лордъ Китченеръ въ одномъ интервью съ американскимъ журналистомъ высказалъ предположеніе, что война продлится не меньше трехъ лѣтъ.

И въ этихъ пророчествахъ, въ сущности, нѣтъ ничего удивительнаго. Ибо Англія трезва и, трезво оцѣнивая ставку великой исторической игры, готова бороться до послѣдняго фунта и до послѣдняго человѣка.

III.

Твердая рѣшимость островного королевства побѣдить во что бы то ни стало ярче всего проявляется въ двухъ фактахъ: въ необыкновенной щедрости въ дѣлѣ финансоваго обезпеченія войны и формированіи собственной громадной арміи волонтеровъ.

Денежныя затраты Англіи на веденіе исполинской борьбы, дѣйствительно, колоссальны. 1 марта Асквитъ выступилъ въ палатѣ общинъ съ рѣчью, посвященной военнымъ кредитамъ, и данныя, приведенныя имъ, настолько поучительны, что на нихъ стоитъ остановиться нѣсколько внимательнѣе. Премьеръ-министръ нарисовалъ слѣдующую картину: обыкновенные расходы на армію и флотъ на 1914—15 гг. были исчислены въ размѣрѣ 80,4 милл. ф.; въ дополненіе къ нимъ 6 августа парламентомъ было экстренно вотировано 100 милл. ф., 15 ноября—225 милл. ф. и, наконецъ, 1 марта еще 37 милл. ф., а всего—362 милл. ф. Вмѣстѣ съ обыкновенными расходами это составитъ 442,4 милл. ф. въ годъ (съ 1 апрѣля по 1 апрѣля). Такъ какъ война захватила лишь восемь мѣсяцевъ финансоваго года и такъ какъ часть экстренныхъ кредитовъ пошла на займы (Бельгіи, Сербіи, колоніямъ) и нѣкоторыя иныя возвращающіяся затраты, то общая сумма фактически израсходованныхъ на веденіе борьбы средствъ опредѣлится, примѣрно, въ 340—350 милл. ф., или 1,4 милл. ф. въ день. Впрочемъ, Асквитъ счелъ необходимымъ замѣтить, что къ началу весны расходы, въ виду дальнѣйшаго увеличенія арміи,

еще повысятся и дойдутъ круглымъ счетомъ до 2 милл. ф. въ день. Такимъ образомъ, годъ войны обойдется странѣ примѣрно въ 600 милл. ф., въ то время, какъ стоимость всѣхъ войнъ наполеоновской эпохи, растянувшихся на 22 года, достигла 831 милл. ф., или въ среднемъ 38 мил. ф. въ годъ. Какая колоссальная разница между «тогда» и «теперь»! Правда, и Англія за протекшій періодъ сильно измѣнилась: ея населеніе возрасло съ $12^1/_2$ до 46 милліоновъ человѣкъ, а національный доходъ увеличился съ 102 милл. ф. (въ 1798 г.) до 2.300 милл. ф., или въ 22 слишкомъ раза (цифру 2.300 милл. ф. даетъ Ллойдъ-Джорджъ). Но все-таки нынѣшніе расходы на войну грандіозны и превосходятъ все, что до сихъ поръ могло себѣ представить воображеніе.

Тѣмъ поразительнѣе та готовность, съ которой англійское населеніе встрѣчаетъ безпримѣрныя финансовыя жертвы. Военные расходы, какъ это уже неоднократно бывало и раньше въ исторіи Великобританіи, правительство рѣшило покрыть въ большей части путемъ внутренняго займа, въ меньшей—путемъ повышенія старыхъ и введенія нѣкоторыхъ новыхъ налоговъ. Въ концѣ ноября прошлаго года министерство выпустило заемъ въ размѣрѣ 350 милл. фун.,—онъ былъ съ избыткомъ покрытъ въ нѣсколько дней. Въ то же время оно установило временные сборы съ чая и пива и подняло ставки подоходнаго налога на 33% до конца прошлаго финансоваго года и на 100% съ начала новаго. Иными словами, это означаетъ, что отнынѣ налогъ на заработанный доходъ достигаетъ 7,5, а на незаработанный 12,5% (въ періодъ наполеоновскихъ войнъ средній размѣръ подоходнаго налога равнялся 10%). Несмотря на всю суровость указанныхъ налоговыхъ мѣропріятій, они были единодушно вотированы парламентомъ и встрѣчены дружнымъ хоромъ одобреній во всей англійской прессѣ. Это ли не наиболѣе разительное доказательство глубокой рѣшимости Великобританіи вести борьбу, не останавливаясь ни передъ чѣмъ, и это ли не свидѣтельство высокаго политическаго такта правящихъ классовъ въ Англіи?

Но, пожалуй, еще многозначительнѣе другой фактъ—наборъ такъ называемой «китченеровской арміи».

Англія по всему характеру своей новѣйшей исторіи является страной гражданской par excellence, страной мирныхъ промышленниковъ и купцовъ, которые звонъ золота всегда предпочитали бряцанью сабли. Не то, чтобы островное королевство было принципіальнымъ сторонникомъ пацифизма—нѣтъ, оно вело на своемъ вѣку достаточно упорныхъ и кровопролитныхъ войнъ и никогда не задумывалось вынуть мечъ изъ ноженъ, если это обѣщало ему какія-нибудь реальныя выгоды. Но все-таки война, какъ таковая, здѣсь

очень мало идеализировалась, она не возводилась здѣсь въ перлъ созданія. Ее разсматривали, какъ неизбѣжное зло, отъ котораго иногда невозможно уклониться, какъ невозможно подчасъ уклониться отъ «глада, мора, потопа, огня»,—самоцѣлью, двигателемъ прогресса, деміургомъ исторіи ее, однако, никогдатутъ не признавали. Ибо островное положеніе, ставившее непреодолимыя препятствія для частныхъ набѣговъ врага на англійскую территорію, освобождало Великобританію отъ необходимости держать большую постоянную армію, а отсутствіе большой постоянной арміи, естественно, не давало возможности широкому развитію милитаристскаго духа въ странѣ. И въ результатѣ англичане мало-по-малу пріучились разсматривать войну не какъ исполненіе священнаго долга передъ отечествомъ, а какъ гешефтъ, какъ «business»,—болѣе или менѣе выгодный, смотря по обстоятельствамъ. И это было тѣмъ легче и естественнѣе, что и войско ихъ въ теченіе послѣднихъ трехъ вѣковъ всегда было и вплоть до нашихъ дней осталось войскомъ наемниковъ, готовыхъ проливать свою кровь, когда и гдѣ угодно, въ обмѣнъ за уплату «королевскаго шиллинга». Въ итогѣ съ войны и съ арміи срывался всякій идеалистическій покровъ, и зарожденіе культа военнаго мундира въ странѣ дѣлалось психологической невозможностью.

Въ соотвѣтствіи съ этимъ своеобразнымъ ходомъ развитія находился и характеръ участія Великобританіи въ многочисленныхъ вооруженныхъ столкновеніяхъ XVIII и XIX вѣковъ на материкѣ Европы. Ея участіе въ нихъ сводилось обыкновенно къ операціямъ на морѣ, поскольку таковыя были вообще возможны, и въ особенности къ щедрымъ денежнымъ субсидіямъ своимъ континентальнымъ союзникамъ. Въ войнѣ за австрійское наслѣдство (1741—48) Англія поддерживала деньгами Габсбургскую монархію и только уже въ позднѣйшей стадіи борьбы высадила въ Голландіи небольшой отрядъ войскъ, оперировавшій, впрочемъ, крайне неудачно. Во время Семилѣтней войны та же Англія уплачивала Фридриху Великому по 4 милліона талеровъ ежегодно, и это была ея главная помощь прусскому монарху; отправленная же ею на континентъ немногочисленная армія не имѣла никакого вліянія на ходъ военныхъ операцій. Въ эпоху Великой революціи и Наполеона Англія ковала одну за другой европейскія коалиціи противъ Франціи, но ея собственное участіе сводилось опять-таки, главнымъ образомъ, къ роли банкира континентальныхъ государствъ. Только въ Испаніи (1807—1814), да при Ватерлоо англійскія войска принимали активное участіе въ сухопутной борьбѣ; однако, справедливость требуетъ

сказать, что упомянутыя операціи по сравненію съ главной массой разыгрывавшихся тогда событій носили все-таки лишь второстепенный характеръ. Даже во время длительной войны съ собственными американскими колоніями (1776—83) Великобританія пользовалась услугами нѣмецкихъ ландскнехтовъ, которыхъ она покупала у королей и герцоговъ старой Германіи.

И подобный «коммерческій» способъ веденія войны отнюдь не являлся продуктомъ злой воли или прирожденной трусости англійскаго народа. Ничего подобнаго. Просто между различными, вступающими въ составъ коалиціи странами, происходило нѣкоторое естественное раздѣленіе труда, обусловленное особенностями ихъ историческихъ судебъ и соціально-политическаго развитія. Англія была богата золотомъ, но бѣдна солдатами, и потому она давала золото. Континентальныя государства, наоборотъ, были богаты солдатами, но бѣдны золотомъ, и потому они давали солдатъ. Все устраивалось, такимъ образомъ, къ обоюдному удобству и удовольствію, и Великобританія не имѣла основаній сожалѣть о своеобразныхъ путяхъ своей исторической эволюціи. И мало-по-малу у Англіи создавались особые навыки и традиціи, росло и укрѣплялось прочное убѣжденіе, что въ сложныхъ и запутанныхъ вооруженныхъ конфликтахъ, отъ времени до времени потрясающихъ горы и равнины старой Европы, ея доля участія всегда будетъ ограничиваться двумя главными моментами—флотомъ и деньгами. Британскіе государственные люди полагали, что указанныхъ факторовъ окажется вполнѣ достаточно для охраны интересовъ ихъ міровой имперіи, и, даже вступая въ началѣ нынѣшняго вѣка въ соглашенія съ Франціей и Россіей, почти наканунѣ нынѣшней войны, твердо разсчитывали, что, въ случаѣ возникновенія какихъ-либо серьезныхъ международныхъ осложненій, они смогутъ обойтись высадкой на континентѣ сто, много двухсотъ тысячной арміи.

И вдругъ все, точно по волшебству, перемѣнилось! Исторія со временемъ, вѣроятно, разскажетъ, какъ это такъ случилось, что умные и дальновидные руководители англійской политики вплоть до самаго дня европейской войны могли оставаться въ блаженномъ невѣдѣніи о томъ, какія реальныя усилія потребуются отъ нихъ для благопріятнаго завершенія исполинской кампаніи. Какъ бы то ни было, но они въ этомъ невѣдѣніи пребывали, и когда вскорѣ послѣ открытія военныхъ дѣйствій выяснилось, что Великобританіи придется принять гораздо болѣе серьезное участіе въ сухопутныхъ операціяхъ, чѣмъ она раньше предполагала, страна и правительство были поставлены въ критическое положеніе: у нихъ не было ни

достаточнаго количества солдатъ [1]), ни аммуниціи, ни провіанта. Но Англія не растерялась. Подобно римскому цезарю, она рѣшила топнуть ногой и вызвать изъ подъ земли необходимые ей легіоны. 5 августа военнымъ министромъ былъ назначенъ лордъ Китченеръ—извѣстный организаторъ египетской арміи и Суданскаго похода—6 августа парламентъ вотировалъ первыя 500 тысячъ человѣкъ, въ сентябрѣ—вторыя 500 тысячъ и въ декабрѣ еще одинъ милліонъ съ такимъ разсчетомъ, что къ концу 1915 года Англія будетъ имѣть подъ ружьемъ въ общей сложности (т.-е. вмѣстѣ съ регулярной арміей, резервами и территоріалами) около трехъ милліоновъ человѣкъ. Это была полная революція по отношенію ко всему ея многовѣковому прошлому (а извѣстно вѣдь, какъ крѣпко держатся англичане за традиціи), но именно въ этомъ и сказывалась ярче всего желѣзная рѣшимость Великобританіи вести борьбу и побѣдить.

Новая армія была вотирована;—теперь необходимо было превратить парламентское голосованіе въ конкретную реальность. Передъ лордомъ Китченеромъ стала поистинѣ нелегкая задача—въ странѣ, никогда не знавшей всеобщей воинской повинности, создать изъ ничего исполинскую военную машину, могущую достойно встрѣтиться лицомъ къ лицу съ могущественнѣйшей и совершеннѣйшей арміей въ мірѣ. Со временъ Великой Французской революціи ни одному правительству Европы не приходилось разрѣшать столь сложной и гигантской проблемы. Надо отдать справедливость Асквиту и его коллегамъ,—они вышли съ честью изъ затруднительнаго положенія.

Прежде всего необходимо было рѣшить кардинальный вопросъ: какъ должна формироваться новая армія? На основаніи всеобщей воинской повинности или на основаніи волонтерскаго набора? Если бы Англія была выведена изъ состоянія психическаго равновѣсія, если бы она нервничала и волновалась, этотъ вопросъ, вѣроятно, былъ бы рѣшенъ въ смыслѣ введенія конскрипціи, о чемъ усиленно старались консерваторы. Но Англія оставалась трезвой и спокойной, и потому либеральное правительство, считая совершенно излишнимъ въ такой критическій моментъ вступать на путь рискованныхъ экспериментовъ, рѣшило прибѣгнуть къ помощи добровольнаго набора.

Вслѣдъ затѣмъ началась лихорадочная «рекрутская кампанія»:

---

1) Регулярная англійская армія мирнаго состава насчитываетъ 240 тысячъ человѣкъ, ея резервы достигаютъ 210 и территоріальныя войска 250 тысячъ. Приведенныя на военное положеніе сухопутныя силы Великобританіи опредѣляются, примѣрно, въ 700 тысячъ штыковъ.

министры и политики всѣхъ лагерей и направленій (за исключеніемъ лишь дѣятелей «Независимой рабочей партіи») разъѣзжали по странѣ и на огромныхъ митингахъ и собраніяхъ призывали молодежь вступать въ армію; стѣны домовъ, вагоны трамваевъ, окна лавокъ и магазиновъ, стекла автомобилей, фонарные столбы — словомъ все, все стало покрываться разноцвѣтными, постоянно мѣняющимися плакатами, картинами, воззваніями, обращеніями военнаго министерства къ гражданамъ съ приглашеніемъ вступать въ армію; въ кинематографахъ начали усиленно показывать повѣсти, исторіи, драмы и трагедіи, посвященныя различнымъ воинственнымъ сюжетамъ и неизмѣнно заканчивающіяся одной и той же моралью—поскорѣе вступать въ армію; пресса отъ крайняго праваго до крайняго лѣваго крыла изо дня въ день наполняла свои столбцы статьями, замѣтками и сообщеніями, прямо или косвенно апеллировавшими къ душѣ читателя и рекомендовавшими ему также немедленно вступать въ армію. И, дѣйствительно, въ первыя недѣли войны наборъ шелъ блестяще: около открытыхъ повсюду многочисленныхъ рекрутскихъ бюро вѣчно стояли густыя толпы жаждущихъ записаться въ войско, и служащіе не успѣвали справляться со своей работой. Наплывъ былъ такъ великъ, что военное министерство стало даже принимать искусственныя мѣры для ограниченія числа добровольцевъ, такъ какъ оно было не въ состояніи сразу одѣть и размѣстить всю эту внезапно нахлынувшую массу. Постепенно, однако, волна добровольцевъ стала упадать и одно время—въ октябрѣ-ноябрѣ прошлаго года—уровень ея опустился очень низко. Тогда на сцену выступили и методы болѣе или менѣе прикровеннаго давленія: въ нѣкоторыхъ случаяхъ предприниматели разсчитывали годныхъ къ военной службѣ рабочихъ и, такимъ образомъ, старались направить ихъ въ армію; домовладѣльцы, по предписанію правительства, обходили своихъ квартирантовъ и составляли списки лицъ, удовлетворяющихъ физическимъ требованіямъ, предъявляемымъ рекрутскимъ бюро; начальники различныхъ службъ и учрежденій вызывали къ себѣ молодыхъ подчиненныхъ и настойчиво «совѣтовали» имъ пойти подъ знамена;—въ печати и обществѣ усиленно заговорили, что, если страна не дастъ добровольно нужнаго количества солдатъ, будетъ введена всеобщая воинская повинность. Одновременно были увеличены пенсіи и пособія семьямъ убитыхъ на фронтѣ или ушедшихъ на полѣ сраженій воиновъ, и, такимъ образомъ, сдѣлана еще одна попытка—аргументами матеріальнаго порядка—усилить притокъ волонтеровъ въ армію.

Всѣ эти мѣры, вмѣстѣ взятыя, оказали должное вліяніе, и къ концу декабря прошлаго года первый милліонъ оказался набран-

нымъ, послѣ чего начался наборъ второго милліона. Рекрутовъ одѣли (впрочемъ, не сразу) въ сѣро-желтое хаки, разбили по ротамъ, батальонамъ и полкамъ, сконцентрировали въ нѣсколькихъ военныхъ базахъ и стали энергично обучать. Курсъ тренировки былъ установленъ шестимѣсячный, по истеченіи котораго «китченеровская армія» частями должна была отправляться на фронтъ. Въ тотъ моментъ, когда пишутся эти строки, первыя нѣсколько сотенъ тысячъ добровольцевъ, записавшихся въ самомъ началѣ войны, уже закончили свою выучку и переброшены на континентъ и, быть можетъ, уже скоро ихъ появленіе на полѣ битвы скажется въ ходѣ военныхъ операцій...

Англія спокойно, увѣренно и дѣловито строитъ свою армію, величайшую армію въ ея многовѣковой исторіи. И это наиболѣе зловѣщій симптомъ для Германіи: попусту, безъ твердаго намѣренія постоять за себя до конца, такихъ страшныхъ усилій островное королевство не стало бы дѣлать. Страна добрыхъ бриттовъ, подобна бульдогу: ужъ если вцѣпится, такъ мертвой хваткой.

IV.

Англія воюетъ, но какъ живетъ Англія?

Теперь повсюду—отъ королевскаго дворца до убогой лачуги поденщика—вы встрѣтите напечатанный красными и синими цвѣтами плакатъ: «Motto for patriotic Britons—business as usual» (Девизъ для британскихъ патріотовъ—дѣла должны идти обычнымъ порядкомъ). Этотъ девизъ есть доброе пожеланіе страны, прекрасно сознающей, что нормальная циркуляція крови въ національномъ организмѣ есть лучшая гарантія конечнаго военнаго успѣха, но онъ же въ очень значительной степени является и характеристикой ея нынѣшняго состоянія.

Конечно, совсѣмъ безъ вліянія на теченіе англійской жизни война не могла остаться. Такія страшныя историческія катастрофы не проходятъ безслѣдно. Экономической машинѣ былъ нанесенъ (особенно въ началѣ) довольно тяжелый ударъ. Увеличилась на первыхъ порахъ безработица, и сильно вздорожали продукты массоваго потребленія. Улицы городовъ засѣрѣли мундирами цвѣта хаки, и чуть не каждая семья Соединеннаго Королевства стала возносить къ небу мольбы о цѣлости и невредимости кого-нибудь изъ своихъ членовъ, либо сражающихся уже во Франціи, либо готовящихся туда отправиться. Замѣтно возрасло посѣщеніе церквей, и съ наступленіемъ вечера Лондонъ изъ боязни цеппелиновъ началъ гасить

свои безчисленные огни и, завернувшись въ тяжелую пелену мрака, тревожно спалъ до утра. Все это и многое другое было ново, своеобразно, необычно и все-таки... въ общемъ и цѣломъ положеніе характеризовалось и продолжаетъ характеризоваться словами: «business as usual». Нормальная жизнь не пріостановилась въ Соединенномъ Королевствѣ; она старалась приспособиться къ экстраординарнымъ условіямъ, созданнымъ войной, и, приспособившись, потекла дальше. Совершенно такъ же, какъ несущійся съ высоты горъ ручей, встрѣтивъ на своемъ пути какое-либо непреодолимое препятствіе, не останавливается передъ нимъ въ бездѣйствіи, а обходитъ его стороной и затѣмъ продолжаетъ свой бѣгъ въ прежнемъ направленіи.

Война внесла, конечно, въ хозяйственную жизнь первоначально очень серьезное разстройство. Еще 29 (16) іюля дисконтъ англійскаго банка равнялся 3%, 31-го онъ поднялся уже до 8 и 1-го августа до 10%. Биржа закрылась, три крупныхъ банка лопнули, финансовыя сдѣлки прекратились, въ «дѣловыхъ» и обывательскихъ кругахъ наступила паника. Однако, очень быстро ситуація измѣнилась, и все снова начало постепенно входить въ свою колею. Ллойдъ-Джорджъ создалъ изъ наиболѣе видныхъ представителей банковскаго міра особый совѣщательный комитетъ и вмѣстѣ съ нимъ сталъ спасать положеніе. Былъ объявленъ мораторіумъ (сначала на мѣсяцъ, но потомъ продленный еще на два), выпущено значительное количество бумажныхъ денегъ, приняты мѣры къ стягиванію золотой наличности въ рукахъ правительства. Впрочемъ, размѣнъ на золото не былъ ни на минуту прекращенъ. Далѣе министерство пришло на помощь находившимся въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ банкамъ, ссудивъ имъ суммы въ размѣрѣ до 20% ихъ обязательствъ. Въ результатѣ сложная машина кредитнаго обращенія была приведена въ порядокъ, дисконтъ упалъ уже 8-го августа до 5% и въ дальнѣйшемъ удержался на этомъ уровнѣ, золотые запасы англійскаго банка возрасли съ 40 милл. ф. въ іюлѣ прошлаго года до 72 милл. ф., въ декабрѣ (сверхъ того, еще въ рукахъ правительства скопилось 18,5 милл. ф. золота), вклады въ 11 крупнѣйшихъ лондонскихъ разсчетныхъ банкахъ въ ноябрѣ 1914 г. достигли 657 милл. ф. противъ 538 милл. ф. въ ноябрѣ 1913 года, наконецъ, въ январѣ 1915 г. была возобновлена дѣятельность биржи. Кризисъ миновалъ, финансовая система ожила и приспособилась къ новому положенію [1]).

Приблизительно аналогичный процессъ, хотя и не столь благополучно завершившійся, наблюдался и въ области внѣшней тор-

---

1) См. «Times» («Annual Financial Review») отъ 22 января 1915 года.

говли. Такъ, если мы станемъ разсматривать мѣсячныя цифры англійскаго импорта и экспорта, то сразу замѣтимъ, какъ тяжело на первыхъ порахъ война ударила по этой отрасли народнаго хозяйства. Въ самомъ дѣлѣ, цѣнность ввоза и вывоза составляла:

	Ввозъ.		Вывозъ.	
	(милліоны фунтовъ).			
	1913 г.	1914 г.	1913 г.	1914 г.
Іюль	61,8	59,3	47,2	44,4
Августъ	55,9	42,4	44,1	24,2
Сентябрь	61,3	45,1	42,4	26,7
Октябрь	71,7	51,6	46,6	28,6
Ноябрь	68,5	56,0	44,7	24,6
Декабрь	71,1	67,6	43,2	26,3

Какъ видимъ, ввозъ въ іюлѣ 1914 года всего лишь на 4% уступалъ ввозу въ іюлѣ предыдущаго года, наоборотъ, въ августѣ (первый мѣсяцъ войны) онъ сразу упалъ на 24%. Точно также вывозъ въ іюлѣ 1914 года лишь на 6% отставалъ отъ вывоза предыдущаго года, а въ августѣ онъ рѣзко сократился на цѣлыхъ 45% [1]). Постепенно, однако, положеніе начинаетъ улучшаться. Несмотря на всѣ международныя бури, Англія остается безспорной владычицей морей. Достаточно сказать, что за первые

1) Англійскій импортъ за первые 7 мѣсяцевъ 1914 года составилъ 435 м. ф. противъ 440 м. ф. за соотвѣтствующій періодъ предыдущаго года или на 1% меньше. Наоборотъ, за послѣдніе 5 мѣсяцевъ (періодъ войны) соотвѣтственныя цифры были: 262 м. ф. въ 1914 г. противъ 328 м. ф. въ 1913 году, или на 20% меньше. Что касается экспорта, то его колебанія по аналогичнымъ частямъ года представляютъ слѣдующую картину:

	Перв. 7 мѣс.	Послѣдн. 5 мѣс.
1913 г.	304 м. ф.	221 м. ф.
1914 г.	299 м. ф.	131 м. ф.
Меньше	5 м. ф. (1,7%)	90 м. ф. (40,7%).

Такимъ образомъ ясно, что война въ общемъ отозвалась довольно болѣзненно на британской внѣшней торговлѣ. Да это и неудивительно: рынки Германіи, Австро-Венгріи, Турціи, въ суммѣ дающіе около 12% англійскаго импорта и свыше 10% англійскаго экспорта, оказались теперь для Соединеннаго Королевства совершенно закрытыми, товарный обмѣнъ съ цѣлымъ рядомъ другихъ странъ въ силу закупорки путей сообщенія чрезвычайно затрудненъ (такъ, напримѣръ, экспортъ въ Россію въ декабрѣ 1914 г. равнялся 94 тысячамъ ф. противъ 820 т. въ декабрѣ 1913 г. (соотвѣтственныя цифры для импорта изъ Россіи были: 1 м. ф. въ 1914 г. и 2,3 м. ф. въ 1913 г.), при такихъ обстоятельствахъ приходится ли удивляться приведеннымъ даннымъ?

7 мѣсяцевъ войны ея потери судами выразились въ количествѣ 143 «купцовъ», потопленныхъ германскими крейсерами или взорванныхъ минами, изъ общаго числа около 8.000 судовъ, находящихся въ настоящее время въ плаваніи, т.-е. около 17%. И въ результатѣ цифры импорта съ мѣсяца на мѣсяцъ быстро растутъ и въ февралѣ 1915 года въ первый разъ подымаются выше соотвѣтственныхъ цифръ 1914 года (65,2 м. ф. противъ 62 м. ф.). Хуже обстоитъ дѣло съ экспортомъ: онъ все время остается почти на одномъ и томъ же уровнѣ, стоящемъ ниже уровня предыдущаго года на 35—40%. Однако, если принять во вниманіе, что въ оффиціальныя цифры вывоза не включены продукты, отправленные для англійской и союзныхъ армій (а это сейчасъ очень важная отрасль вывоза), то, пожалуй, придется прійти къ заключенію, что размѣры британскаго экспорта въ настоящій моментъ не такъ ужъ сильно отличаются отъ этихъ размѣровъ въ мирное время. Какъ видимъ, и тутъ потрясенія, вызванныя международной катастрофой, удалось въ большей или меньшей степени преодолѣть и ввести торговый оборотъ, если не въ вполнѣ нормальное, то во всякомъ случаѣ терпимое русло.

Тоже и въ сферѣ промышленности. Паника первыхъ дней войны, заставившая многихъ предпринимателей, совершенно безъ всякихъ основаній, закрыть двери своихъ заведеній, быстро улеглась, и тогда выяснилось, что, въ сущности, серьезно пострадали отъ разразившагося кризиса лишь очень немногія отрасли индустріи, а изъ крупныхъ отраслей одна текстильная. Недостатокъ американскаго хлопка, вызванный спекуляціей и разстройствомъ интернаціональнаго транспорта, и отсутствіе красокъ, доставлявшихся почти цѣликомъ изъ Германіи, поставили хлопчатобумажное производство въ критическое положеніе, свидѣтельствомъ чего можетъ служить огромное число безработныхъ въ текстильной промышленности въ августѣ мѣсяцѣ прошлаго года: оно сразу достигло 17% въ то время, какъ средній процентъ безработицы во всѣхъ отрасляхъ труда, вмѣстѣ взятыхъ, въ тотъ моментъ не подымался выше 7. Въ теченіе послѣдующаго періода положеніе нѣсколько улучшилось, однако, годъ былъ законченъ все-таки съ большимъ урономъ. Экспортъ хлопчатобумажныхъ тканей въ 1914 году составилъ всего лишь 5.459 мил. ярдовъ противъ 6.508 м. въ 1913 году, или на 16% меньше; если же брать только послѣдніе пять мѣсяцевъ года (періодъ войны), то паденіе экспорта достигнетъ даже 42%. Въ соотвѣтствіи съ этимъ, конечно, сократились и дивиденды хлопчатобумажныхъ фабрикъ: въ олдгэмскомъ районѣ, напримѣръ, они упали съ 10,5 до 2,5%. А этотъ районъ можетъ считаться вполнѣ типичнымъ.

Пострадала и другая важная отрасль англійской промышленности—угольное дѣло. Правда, домашній рынокъ его остался въ общемъ безъ измѣненія, зато значительно уменьшился экспортъ (а онъ составляетъ свыше трети всего британскаго производства чернаго топлива). Въ 1913 году вывезено было 98 м. тоннъ угля, а въ 1914—только 80 м. тоннъ, или на 18% меньше.

Зато въ судостроеніи, металлургической, шерстяной и кожаной индустріяхъ наступилъ настоящій «boom», періодъ еще никогда небывалаго экономическаго подъема. Болѣе точныя цифры имѣются лишь о судостроеніи: постройка коммерческихъ судовъ, правда, нѣсколько упала (съ 1.970.000 тоннъ въ 1913 году до 1.730.000 тоннъ въ 1914 году), но зато страшно увеличилась постройка броненосцевъ, съ избыткомъ покрывшая недостающія 240 тысячъ тоннъ. О томъ, что для металлургической промышленности наступили красные дни, говорить, конечно, не приходится. Шеффильдъ, Ньюкастль, Глазго, Бирмингамъ сейчасъ переживаютъ полосу лихорадочнаго напряженія, когда работа кипитъ безъ перерыва 24 часа въ сутки, и каждый искусный слесарь или токарь цѣнится на вѣсъ золота. Недавно одна бирмингамская фабрика приглашала черезъ газеты на службу 300 человѣкъ и въ отвѣтъ получила всего 50 предложеній. И это отнюдь не какое-либо исключеніе. Нужда въ рабочихъ по металлу такъ велика, что военное министерство вынуждено было вернуть изъ казармы на фабрику большую часть волонтеровъ изъ районовъ желѣзодѣлательной промышленности. Въ Ньюкастль, гдѣ строятся панцырныя суда, оно даже прямо импортировало изъ другихъ частей страны 3.000 рабочихъ различныхъ категорій.

Нѣчто аналогичное происходитъ въ шерстяномъ и кожаномъ производствѣ. Обуванье и одѣванье «китченеровской» и союзныхъ армій создало колоссальную потребность въ башмакахъ и хаки, и это дало могучій толчекъ расцвѣту соотвѣтственныхъ отраслей промышленности. Приведу для примѣра хотя бы Нортгамптонъ. Этотъ городъ, насчитывающій 90.000 жителей, изготовилъ въ короткое время свыше 1 милл. паръ сапогъ для французской и бельгійской армій, и теперь поставляетъ еженедѣльно на англійское военное министерство по 140 тысячъ паръ обуви. Что касается шерстяной промышленности, то, характеризуя ея положеніе въ своемъ годовомъ обзорѣ, «Times» между прочимъ пишетъ: «Всѣ запасы различнаго рода шерстяныхъ матерій, разъ они соотвѣтствовали утвержденнымъ военнымъ образцамъ, немедленно же покупались, покупалось и все то, что хоть до извѣстной степени могло служить суррогатомъ послѣднихъ. Всякая теплая защитнаго цвѣта

матерія, хотя бы и устарѣлаго фасона, легко превращалась въ золото [1]).

Окидывая взглядомъ всю англійскую промышленность въ цѣломъ, можно, такимъ образомъ, смѣло утверждать, что и она благополучно вынесла тяжелое испытаніе и тоже приспособилась къ созданнымъ войной условіямъ. И не только приспособилась, но даже стала дѣлать энергичныя попытки расширить сферу своего вліянія. Сейчасъ въ Англіи нѣтъ лозунга болѣе популярнаго и общепризнаннаго, чѣмъ «Capture of German trade» — «Захватъ нѣмецкой торговли». Война лишила Германію возможности поддерживать прежнія коммерческія сношенія съ остальнымъ міромъ; многіе рынки, занятые раньше германскимъ капиталомъ, теперь временно освободились и жаждутъ новаго господина;—британскій капиталъ, никогда не забывающій о своихъ насущныхъ интересахъ, и хочетъ теперь оттягать, гдѣ возможно, насиженное мѣстечко у своего давнишняго конкуррента. Объ этомъ въ настоящее время усиленно стараются Board of Trade и различныя торгово-промышленныя организаціи Англіи, объ этомъ изо дня въ день пишутъ англійскія газеты, объ этомъ публикуются десятки книгъ и брошюръ, и по этому поводу созываются совѣщанія и конференціи. Впрочемъ, практически сдѣлано въ желательномъ направленіи пока еще очень мало. Министерство торговли устроило нѣсколько собраній изъ представителей различныхъ отраслей производства, продукты которыхъ до сихъ поръ въ значительныхъ массахъ импортировались изъ Германіи (игрушки, фарфоръ, стекло, эмальированная посуда, золотыя и серебряныя вещи, ножи, часы и т. д.), демонстрировало имъ соотвѣтственные нѣмецкіе образцы съ указаніемъ нѣмецкихъ цѣнъ, и всячески рекомендовало возможно болѣе энергичное проявленіе британской иниціативы. Дѣйствительно, англійскія дѣти на Рождествѣ 1914 года въ первый разъ забавлялись игрушками отечественнаго происхожденія. Теперь въ тѣхъ же видахъ министерство организуетъ въ маѣ мѣсяцѣ «лейпцигскую ярмарку» въ Лондонѣ, которая, по разсчетамъ иниціаторовъ, въ пику германскому сопернику, должна превратиться въ центръ коммерческаго притяженія для всего міра. Чрезвычайно серьезное значеніе имѣетъ также дѣлаемая въ настоящій моментъ попытка создать британское производство красокъ. Уже образована спеціальная компанія съ финансовой поддержкой со стороны правительства, собрана значительная часть денегъ, разработаны планы, и единственнымъ препятствіемъ, ставящимъ подъ вопросъ успѣхъ всего предпріятія, является... недоста-

---

[1]) „Times“ 22 января 1915 года, стр. 7.

токъ въ странѣ *научно-подготовленныхъ* химиковъ (здѣсь сказываются вредныя послѣдствія излишняго пристрастія англичанъ къ грубому эмпиризму).

Во всѣхъ приведенныхъ примѣрахъ рѣчь идетъ о захватѣ германской торговли въ предѣлахъ самого же Соединеннаго Королевства. Но мечты британскаго капитала идутъ дальше и завоевываютъ нѣмецкіе рынки уже и за границей, во Франціи, Италіи, на Балканахъ и въ Южной Америкѣ. Особенное вниманіе при этомъ удѣляется нашему отечеству. Не такъ давно (15 января) «Times» выпустилъ новое, десятое по счету, «русское приложеніе», и на страницахъ его секретарь русско-англійской торговой палаты г. Владимиръ Савицкій усиленно приглашалъ британскихъ промышленниковъ и коммерсантовъ «пріити и володѣть нами», причемъ въ доказательство необходимости этого новаго варяжскаго нашествія приводилъ слѣдующія цифры. Импортъ въ Россію составлялъ:

	Изъ Германіи.	Изъ Англіи.
	(въ милліонахъ рублей.)	
1910 г.	202	72
1914 „	352	94
Увеличеніе	74%	31%

Газеты сочувственно отозвались о статьѣ г. Савицкаго и рекомендовали своимъ соотечественникамъ сдѣлать изъ приведенныхъ въ ней данныхъ соотвѣтственные практическіе выводы. Удастся ли, однако, британскому капиталу въ дѣйствительности «capture German trade», и, если удастся, то гдѣ и въ какой мѣрѣ,— очень сложный вопросъ, который можетъ быть разрѣшенъ только самой практикой.

Какъ бы то ни было, въ сферѣ экономики Англія пока живетъ болѣе или менѣе нормальной жизнью. Есть потери, но есть и выигрыши, и, складывая вмѣстѣ всѣ плюсы и минусы, приходится повторить все то же знакомое: «business as usual».

V.

А въ политической области?

Формально въ области политики за послѣдніе мѣсяцы измѣнилось очень многое. Съ августа прошлаго года Англія находится подъ дѣйствіемъ законовъ военнаго времени, и «Defence of the Realm Act» 1914 года даетъ правительству необыкновенно широ-

кія полномочія. Въ интересахъ общественной безопасности и успѣшнаго продолженія войны власти могутъ экспропріировать землю, фабрики, заводы, электрическія станціи, дома, оружіе, взрывчатыя вещества; власти могутъ закрывать любую газету, запретить любое собраніе, предать военному суду, арестовать, предписать населенію не покидать жилища позже опредѣленнаго часа и т. д. По буквѣ закона выходитъ, такимъ образомъ, что Великобританія отброшена въ политическомъ отношеніи на нѣсколько столѣтій назадъ и сейчасъ мало чѣмъ отличается отъ самой примитивной и откровенной деспотіи. Но то по буквѣ закона. Извѣстно вѣдь, что въ Англіи законъ лежитъ на полкѣ въ видѣ угрозы на всякій случай, а жизнь идетъ сама по себѣ, управляясь всемогущей силой традиціи. Такъ и теперь. Страна хладнокровна и трезва, страна не потеряла голову и, потому, она не хочетъ никакихъ экстравагантностей, никакихъ рѣзкихъ уклоненій отъ нормы. Въ результатѣ все въ области политической остается по-старому.

Парламентъ, не въ примѣръ народнымъ представительствамъ другихъ воюющихъ государствъ, работаетъ, какъ обычно. Война застала его у конца лѣтней сессіи. Экстраординарныя обстоятельства не только не побудили его прервать свои засѣданія, но, наоборотъ, какъ это и вполнѣ естественно, послужили причиной нѣкотораго продленія послѣднихъ: вмѣсто августа, палаты разошлись только во второй половинѣ сентября. Въ ноябрѣ парламентъ былъ созванъ снова и проработалъ до самаго Рождества. Послѣ праздниковъ сессія еще разъ возобновилась и длится непрерывно свыше двухъ мѣсяцевъ. Конечно, великій европейскій кризисъ далъ новое содержаніе конституціонной дѣятельности, но весь обычный порядокъ законодательнаго творчества остался въ неприкосновенности. Палата общинъ въ 1915 году совершенно такъ же обсуждаетъ и вотируетъ военные займы или наборъ волонтеровъ, какъ въ 1914 году она обсуждала и вотировала гомруль. Впрочемъ,— и это, пожалуй, самое замѣчательное—парламентъ занимается не только вопросами, прямо или косвенно связанными съ войной, онъ находитъ время также и для разсмотрѣнія реформы индійскаго управленія, и для дебатовъ по поводу отдѣленія церкви отъ государства въ Уэльсѣ, и для рѣшенія цѣлаго ряда другихъ въ высокой степени «гражданскихъ» проблемъ.

Печать—свободна. Конечно, и въ Англіи, какъ и въ другихъ странахъ, введена военная цензура, но она распространяетъ свое дѣйствіе единственно и исключительно лишь на сообщенія, касающіяся стратегическихъ операцій на сушѣ и на морѣ. И даже въ

этой области британская цензура обнаруживаетъ не совсѣмъ обычный либерализмъ: въ англійскихъ газетахъ, на-ряду съ оффиціальными communiqué собственной и союзныхъ армій, всегда печатаются также оффиціальные бюллетени германскаго и австрійскаго генеральныхъ штабовъ, что̀ даетъ, естественно, возможность болѣе объективнаго сужденія о положеніи дѣлъ на фронтѣ. Во всѣхъ «гражданскихъ» вещахъ пресса свободна и независима, какъ всегда. «Labour Leader»—органъ «Независимой Рабочей Партіи», настроенъ очень оппозиціонно по отношенію къ войнѣ, и, однако, никому не приходитъ въ голову насильно зажимать ему ротъ. Бернаръ Шоу нѣсколько мѣсяцевъ назадъ опубликовалъ чрезвычайно рѣзкій памфлетъ—«Common seuse about the war», направленный противъ Э. Грея и участія Англіи въ войнѣ, и однако, ни одинъ волосъ не упалъ съ его головы. Да что «Labour Leader» и Бернардъ Шоу! Съ самаго начала нынѣшняго кризиса въ Ирландіи появился цѣлый рядъ органовъ, занявшихъ крайне враждебную по отношенію къ правительству позицію и ведшихъ упорную агитацію противъ рекрутскаго набора. Эти органы издавались, главнымъ образомъ, повидимому, на деньги ирландскихъ революціонеровъ въ Америкѣ и безплатно распространялись среди населенія. «Times» и другія лондонскія газеты вскорѣ обнаружили «бунтовщическія изданія» и подняли около нихъ ужасный шумъ. Дѣло было перенесено въ парламентъ, и тамъ въ засѣданіи 20 ноября произошелъ, между прочимъ, слѣдующій характерный разговоръ.

—Когда въ первый разъ было оффиціально доведено до свѣдѣнія почтеннаго джентльмена о существованіи этихъ газетъ и какіе шаги имъ были предприняты?—задаетъ вопросъ министру по дѣламъ Ирландіи депутатъ Джонсонъ Гиксъ.

—Я читаю ихъ регулярно въ теченіе послѣднихъ шести недѣль,—невозмутимо отвѣчаетъ министръ.

—И до сихъ поръ ничего не сдѣлали!—возмущенно восклицаетъ депутатъ.

Министръ спокойно пожимаетъ плечами [1]).

Кажется, только въ Англіи возможна подобная сцена! Въ концѣ концовъ, большая часть «бунтовщическихъ газетъ» была закрыта, но на это потребовалось свыше трехъ мѣсяцевъ времени.

Митинги, собранія, процессіи и сейчасъ устраиваются такъ же свободно и невозбранно, какъ и въ прежнее время. Каждую субботу по вечерамъ перекрестки лондонскихъ улицъ превращаются въ сплошной народный форумъ, гдѣ говоритъ сама масса устами без-

---

[1]) „Times“ отъ 21 ноября 1914 г.

численныхъ «street corner speaker'овъ». Каждое воскресенье толпы самой разнообразной публики стекаются въ грандіозные, вѣчно зеленые парки и подъ ихъ вѣковыми деревьями, точно во времена глубокой древности, держатъ совѣтъ и выслушиваютъ поученія. Подъ вліяніемъ событій измѣнились, конечно, темы рѣчей, но языкъ ораторовъ и опредѣленность ихъ мнѣній остались тѣми же, что и раньше.

Но, если, такимъ образомъ, несмотря на войну, карательная дѣятельность государства въ Англіи сведена до ничтожнаго минимума, зато сильно и внезапно расширилась творчески-организующая сторона его. Государство взяло подъ свой верховный контроль всю желѣзнодорожную сѣть Великобританіи (желѣзныя дороги, какъ извѣстно, здѣсь частныя); государство ввело страхованіе уходящихъ въ море судовъ; государство монополизировало въ своихъ рукахъ закупку сахара-сырца въ видахъ регулированія рыночныхъ цѣнъ на сахаръ (Англія до сихъ поръ получала почти весь свой сахаръ изъ Германіи и Австро-Венгріи, и объявленіе войны поставило страну предъ угрозой «сахарнаго голода», чѣмъ, конечно, не преминули воспользоваться рафинеры); государство изданіемъ 10 марта «Defence of the Realm № 2 Act'a», прошедшаго въ теченіе двухъ дней всѣ стадіи парламентской процедуры, создало для себя возможность брать въ собственное управленіе любое промышленное заведеніе страны, разъ оно является пригоднымъ для изготовленія военныхъ припасовъ. Государство, наконецъ, посягнуло на святая святыхъ современнаго капитала—его прибыль: устами Ллойдъ-Джорджа оно заявило о своемъ намѣреніи ограничить барыши фирмъ, работающихъ сейчасъ на правительство, опредѣленнымъ процентомъ (говорятъ о 10), дабы способствовать успокоенію умовъ среди рабочихъ (рабочіе во многихъ мѣстахъ начинали бастовать, требуя въ виду баснословнаго «профита» предпринимателей нѣкоторыхъ отраслей индустріи повышенія заработной платы). Только въ одной области государство пока еще отказывается отъ активнаго вмѣшательства—въ области борьбы съ вызванной частью естественными причинами, но еще больше спекуляціей вздорожаніемъ жизни (оно достигало въ февралѣ 1915 года по сравненію съ іюлемъ 1914 г.—20%). Около этого пункта сейчасъ идетъ горячая борьба, созываются митинги, устраиваются демонстраціи и конференціи. И, вѣроятно, здѣсь тоже государство въ концѣ концовъ должно будетъ вмѣшаться.

Да, въ области политической и гражданской свободы, въ области уваженія къ правамъ человѣческой личности въ Англіи все или почти все пока пребываетъ по-старому. Государство, вооруженное

всѣми средствами наиболѣе острой и усовершенствованной репрессіи, крайне неохотно пускаетъ послѣднюю въ ходъ, зная обоюдоострый характеръ ея дѣйствія. Демократія больше полагается на здравый разсудокъ населенія, чѣмъ на аргументы принужденія. Демократія разсчитываетъ на добровольную, изъ внутренняго убѣжденія гражданъ вытекающую лойальность и, какъ показываетъ примѣръ Великобританіи, она не ошибается. Здѣсь всѣ партіи—либеральная, консервативная, рабочая, британская соціалистическая,—за единственнымъ исключеніемъ «Независимой рабочей партіи», объявили временное перемиріе и объединились въ поддержкѣ правительства. Выдержитъ ли этотъ блокъ испытаніе за все время продолженія войны, вопросъ особый; но пока, несмотря на нѣкоторые мелкіе диссонансы внутренняго характера, онъ остается непреложнымъ фактомъ дѣйствительности...

Тотъ же трезвый холодный девизъ—«business as usual» вполнѣ приложимъ и ко всей многогранной сферѣ общественной, культурной и бытовой жизни Соединеннаго Королевства. Вотъ характерный примѣръ. Въ самомъ началѣ войны страна ожидала наступленія массовой безработицы и массовой нищеты и рѣшила заранѣе достойно приготовиться къ пришествію незванныхъ гостей. И, какъ всегда въ Англіи въ минуту несчастія, нація апеллировала къ общественной самодѣятельности, на этотъ разъ въ формѣ частной благотворительности. Сѣмя упало на благодарную почву и дало тоже, какъ всегда, необыкновенно пышные плоды. Отовсюду посыпались фунты, шиллинги и пенсы, и на страну ниспала настоящая лавина самыхъ разнообразныхъ «фондовъ». «Фондъ принца Уэльскаго» для помощи населенію, пострадавшему отъ послѣдствій войны, собралъ вплоть до марта 1915 года свыше 4 милл. фун., «фондъ королевы для помощи нуждающимся женщинамъ» — свыше 140 тыс. ф., «фондъ принцессы Мэри» для посылки рождественскихъ подарковъ англійскимъ солдатамъ во Франціи—свыше 25.000 ф. ст., «фондъ газеты «Daily News» для посылки тѣмъ же солдатамъ рождественскаго пуддинга—свыше 8.000 ф. ст., «фондъ газеты «Times», въ пользу больныхъ и раненыхъ воиновъ—свыше 1 милл. ф. ст. и т. д., и т. д. Денегъ, въ концѣ концовъ, оказалось такъ много, а нищеты, явившейся результатомъ войны, относительно такъ мало, что иниціаторы многихъ фондовъ были поставлены въ нѣкоторое затрудненіе: что имъ дѣлать съ собранными суммами?

Театры и Music Holl'ы открыты, и по вечерамъ около нихъ змѣится длинная лента алчущихъ и жаждущихъ билета. Репертуаръ, конечно, нѣсколько приспособился къ переживаемому моменту, но все-таки и сейчасъ въ десяткахъ лондонскихъ варьете вы можете

увидѣть тѣ же самыя или приблизительно тѣ же самыя пьесы, что и годъ тому назадъ. Издательская дѣятельность идетъ, какъ обычно. Часть выпускаемыхъ произведеній имѣетъ, разумѣется, непосредственное отношеніе къ войнѣ (по преимуществу, сенсаціонная литература), но другая часть—и въ послѣднее время все большая—касается самыхъ обыкновенныхъ «гражданскихъ» темъ. Между прочимъ, произведенія пресловутаго генерала фонъ-Бернгарди продаются теперь уже за полъ-цѣны, очевидно, мода на этотъ сортъ товара начинаетъ исчезать. Различные съѣзды, конгрессы, художественныя выставки и т. д. происходятъ по примѣру мирнаго времени. Недавно состоялся въ Лондонѣ ежегодный учительскій съѣздъ, потомъ засѣдала конференція фребелевскихъ обществъ, потомъ собрался конгрессъ «свободныхъ церквей», и такъ почти каждую недѣлю: что-нибудь новое, что-нибудь глубоко «гражданское».

Спортъ,—эта любимая стихія англичанъ, также не можетъ пожаловаться на недостатокъ вниманія. Футболъ, крикетъ, лаунъ-теннисъ, гольфъ, охота, лыжи, конскіе бѣга, все, какъ обычно, все, какъ и въ прошломъ году, какъ и десять лѣтъ назадъ. Когда въ ноябрѣ минувшаго года военное министерство сдѣлало попытку запретить еженедѣльные футбольные матчи, отвлекающіе, по его мнѣнію, молодежь отъ вступленія въ армію, по всей странѣ прокатилась такая буря протеста, что лорду Китченеру пришлось уступить. Позднѣе аналогичная исторія разыгралась со скачками. «Times» и нѣкоторые другіе органы при приближеніи весенняго сезона стали усиленно доказывать, что сейчасъ не время заниматься развлеченіями, что сейчасъ всѣ молодые и здоровые люди должны записываться въ армію и идти на фронтъ. Возникла оживленная газетная полемика, были призваны въ качествѣ экспертовъ крупныя политическія и литературныя имена, были потревожены великія тѣни и, въ концѣ концовъ, было рѣшено... бѣга устраивать, какъ обычно. Ибо вся психологія страны, все настроеніе націи проникнуты одной основной нотой: «business as usual»...

Англійская демократія даже теперь, даже въ годину величайшей политической бури хочетъ жить и живетъ ровной, спокойной и почти нормальной жизнью. Она ведетъ и будетъ вести упорную борьбу съ угрожающимъ ей врагомъ, но она пока не приноситъ въ жертву этой борьбѣ привычныхъ устоевъ своего національнаго существованія. Она наглядно демонстрируетъ, какъ государство, построенное на началахъ истиннаго народовластія, умѣетъ сочетать могучую силу удара во-внѣ съ охраной политическихъ и гражданскихъ вольностей внутри. Она похожа,—и да позволено мнѣ будетъ употребить морской образъ въ примѣненіи къ этой сугубо морской странѣ, — на

крѣпко построенный и искусно управляемый корабль, спокойно и увѣренно плывущій по разбушевавшимся волнамъ историческаго океана. Корабль кренитъ слегка то направо, то налѣво, но хладнокровны, уравновѣшены его кормчіе, хладнокровны, уравновѣшены также матросы и пассажиры. И эта всеобщая уравновѣшенность даетъ твердое убѣжденіе въ томъ, что, какія бы опасности и препятствія ни встрѣтились на пути, корабль британской демократіи найдетъ свою дорогу.

В. Майскій.

Лондонъ.
Мартъ 1915 года.

НОВОЕ ЯЗЫЧЕСТВО НА ПОЧВѢ НАЦІОНАЛИЗМА.

Въ Германіи привыкли уже къ тому, что Вильгельмъ II говоритъ и дѣйствуетъ не какъ обыкновенный правитель, а какъ спеціально уполномоченный органъ Провидѣнія. Въ своихъ политическихъ рѣчахъ онъ много разъ повторялъ, что «Гогенцоллерны имѣютъ свою корону только отъ небеснаго владыки и за сопряженныя съ нею обязанности отвѣчаютъ только передъ небомъ», и что черезъ ихъ посредство «прусскій Богъ ведетъ Германію къ славѣ и величію». Богъ изображается при этомъ въ видѣ вѣрнаго помощника и союзника прусскихъ королей.

«Нашъ союзникъ при Росбахѣ и Денневицѣ,—говорилъ Вильгельмъ II въ февралѣ 1892 года—не оставитъ меня безъ своей помощи на предстоящемъ намъ пути; мы не можемъ предположить что онъ проявлялъ столько безконечныхъ заботъ о нашей старой бранденбургской области и о моемъ домѣ, не имѣя въ виду ничего впереди»... «Сколько бы ни было враговъ, и хотя бы они окружали насъ со всѣхъ сторонъ, — заявлялъ онъ въ 1901 году, — мы всегда будемъ побѣдителями, ибо существуетъ могущественный союзникъ, старый добрый Богъ на небѣ, который уже во времена великаго курфюрста и великаго короля былъ всегда на нашей сторонѣ».

Вѣрный «союзникъ на верху» (der Alliierte von Oben) ставится безъ церемоній въ служебное положеніе по отношенію къ Пруссіи. Старый императоръ Вильгельмъ I рисуется его внуку стоящимъ на небѣ рядомъ съ Господомъ Богомъ: «Пусть каждый изъ васъ—говорится въ одномъ обращеніи къ нѣмецкимъ общественнымъ дѣятелямъ,—

исполняетъ свою задачу такъ, чтобы въ часъ небеснаго призыва онъ могъ съ чистою совѣстью предстать предъ своимъ Богомъ и своимъ старымъ императоромъ, и когда его спросятъ, работалъ ли онъ съ чистымъ сердцемъ для блага имперіи,—открыто могъ бы сказать, ударивъ себя въ грудь: да!» Очевидно, по представленію Вильгельма II, и на небѣ германскій императоръ остается повелителемъ и продолжаетъ исполнять свои высокія функціи, принимая и допрашивая души своихъ бывшихъ подданныхъ, въ присутствіи «вѣрнаго прусскаго Бога».

Этотъ новый видъ откровеннаго язычества, культъ національнаго Бога дѣятельно водворяется въ германской арміи и въ массѣ нѣмецкаго народа подъ внѣшними формами христіанства. Любопытнѣе всего, что этотъ культъ служебнаго прусскаго Бога находитъ ревностныхъ представителей среди духовенства, не только лютеранскаго, но и католическаго. Патріотическія проповѣди нѣмецкихъ пасторовъ и патеровъ сплошь и рядомъ примѣняютъ изреченія и образы Ветхаго завѣта къ условіямъ и событіямъ современной Германіи, при чемъ роль избраннаго народа присваивается нѣмцамъ. Послѣ страшныхъ кровавыхъ и разрушительныхъ дѣлъ германскія войска набожно возносятъ благодарственныя молитвы къ своему прусскому Богу, употребляя при этомъ всуе имя Христа. Имѣя «стараго вѣрнаго союзника» на небѣ, Гогенцоллерны считали вполнѣ естественнымъ стремиться къ достиженію мірового владычества на землѣ.

Тѣмъ не менѣе Вильгельмъ II долго относился отрицательно къ идеѣ всемірной монархіи. Въ мартѣ 1905 года, при освященіи памятника Фридриху III въ Бременѣ, онъ произнесъ рѣчь, въ которой съ достаточною ясностью изложилъ свои основные историко-политическіе взгляды. При своемъ вступленіи во власть — говорилъ онъ,— я далъ себѣ клятву, что оставлю ружья и пушки въ покоѣ, но что ружья и пушки должны быть всегда готовы къ дѣлу, чтобы зависть и недоброжелательство извнѣ не препятствовали благоустройству нашего отечества внутри. Я далъ себѣ клятву, на основаніи моего знакомства съ исторіею, никогда не стремиться къ пустому (öden) міровому господству. Ибо что сталось съ великими такъ называемыми всемірными имперіями? Александръ Великій, Наполеонъ I, всѣ эти великіе полководцы плавали въ крови и оставили послѣ себя покоренные народы, которые тотчасъ же вновь возстали и привели государства къ распаденію. Міровое царство, о которомъ я мечталъ, состояло въ томъ, чтобы вновь созданная германская имперія пользовалась со всѣхъ сторонъ самымъ безусловнымъ довѣріемъ, какъ спокойный, честный, мирный сосѣдъ, и если когда-нибудь въ исторіи будетъ говориться о германской міровой

имперіи или о Гогенцоллернскомъ міровомъ владычествѣ, то это положеніе должно быть основано не на завоеваніи мечомъ, а на взаимномъ довѣріи стремящихся къ той же цѣли націй. Короче говоря,—ограниченные извнѣ, мы будемъ неограниченными внутри». Нѣмецкій народъ долженъ «постоянно строиться, избѣгая споровъ, вражды, раздоровъ и зависти, радоваться германскому отечеству, какъ оно есть, и не стремиться къ невозможному, оставаться всегда въ твердомъ убѣжденіи, что нашъ Господь Богъ не давалъ бы себѣ такъ много труда въ заботахъ о нашемъ нѣмецкомъ отечествѣ и объ его народѣ, если бы не готовилъ намъ великаго будущаго. Мы соль земли—продолжалъ Вильгельмъ II,—но мы должны быть достойны этого. Нашей молодежи слѣдуетъ научиться воздержанію, привыкнуть отказывать себѣ въ томъ, что̀ для нея вредно, отдаляться отъ всего, что̀ внесено чужими народами, и сохранять свои нравы, порядокъ, благочестіе и религіозность. Тогда всѣ будутъ смотрѣть на насъ съ уваженіемъ и отчасти съ любовью, какъ на вѣрныхъ и надежныхъ людей» [1]).

Кто бы могъ подумать, что черезъ десять лѣтъ послѣ столь разсудительной «profession de foi» самъ Вильгельмъ II выступитъ въ роли завоевателя-полководца и будетъ «плавать въ крови» ради безумной мечты о подчиненіи чужихъ народовъ? Мысль о томъ, что нѣмцы—избранный народъ, соль земли, первая въ мірѣ нація, призванная Провидѣніемъ къ міровому господству,—раздѣляется, можно сказать, всею германскою интеллигенціею, безъ различія партій и направленій. Съ нѣмецкой точки зрѣнія это притязаніе на первенство имѣло за собою, повидимому, весьма вѣскія основанія. Во-первыхъ, нѣмцы дѣйствительно стоятъ впереди другихъ народовъ во многихъ областяхъ науки, техники и культуры, а также по силѣ и богатству своего промышленнаго развитія; недаромъ къ нимъ ѣздили для усовершенствованія въ наукахъ представители сосѣднихъ и отдаленныхъ націй, и въ частности для насъ они до послѣдняго времени были даже обязательными учителями въ ущербъ нашимъ собственнымъ научнымъ силамъ, на основаніи извѣстныхъ распоряженій министерства народнаго просвѣщенія при покойномъ Л. А. Кассо. Нѣтъ поэтому ничего удивительнаго въ томъ, что нѣмцы включали Россію въ кругъ своего законнаго вліянія и разсматривали ее какъ подчиненную, зависимую въ культурномъ отношеніи страну, которая сама идетъ навстрѣчу германскому владычеству. Во-вторыхъ, идея нѣмецкаго первенства вытекала изъ особой философско-исто-

[1]) См. собраніе рѣчей Вильгельма II въ трехъ томахъ, изд. Филиппа Реклама въ Лейпцигѣ, подъ редакціей Іоганна Пенцлера, т. I, стр. 209, т. III, стр. 18, 242 и др.

рической теоріи, въ силу которой очередь мірового господства должна неизбѣжно перейти къ самой здоровой, цвѣтущей, плодовитой культурной расѣ, создавшей могущественнѣйшую германскую имперію,—такъ какъ Франція обречена на упадокъ и вырожденіе, а Англія давно пережила періодъ своего промышленнаго и политическаго преобладанія въ Европѣ. То, что на языкѣ Вильгельма II обозначается именемъ «прусскаго Бога», называется у другихъ «закономъ исторіи» или «Провидѣніемъ». Такимъ образомъ, мнимые научно-соціологическіе выводы относительно будущности Германіи вполнѣ уживаются съ грубыми религіозными формами новаго язычества, порожденнаго маніей величія нѣмецкихъ правителей и солидарныхъ съ ними патріотовъ.

Идея національнаго мессіанизма приводитъ народы къ тѣмъ же результатамъ, какъ манія величія цезарей. Когда на сторонѣ данной націи оказываются незыблемые законы исторіи или неисповѣдимые пути Провидѣнія, то что можетъ помѣшать ей осуществить свое призваніе ко всемірному господству? Люди, увѣровавшіе въ историческую миссію своего народа, могутъ смѣло и слѣпо идти по опасной дорогѣ, ведущей къ великимъ столкновеніямъ и катастрофамъ,—ибо они осуществляютъ «законъ исторіи» и не отвѣтственны за него передъ страною. Это состояніе умовъ соединяется часто съ фанатическою прямолинейностью, не разбирающею средствъ и доходящею до сознательной жестокости. Опираться на «прусскаго Бога», на Провидѣніе или на законъ исторіи—значитъ чувствовать за собою неодолимую внѣшнюю силу, которой безполезно сопротивляться. Если народъ твердо знаетъ, что ему суждено господствовать надъ другими націями, то онъ считаетъ себя въ правѣ дѣйствовать противъ нихъ круто, безъ всякихъ стѣсненій, озлобляясь ихъ непокорностью, какъ нарушеніемъ высшей воли. Такъ и разсуждали нѣмецкіе патріоты при началѣ войны: пришла пора германскаго владычества надъ Европою, и враждебныя государства должны подчиниться приговору судьбы, подъ страхомъ суровыхъ каръ. Эта фаталистическая вѣра въ судьбу даетъ ключъ къ пониманію такъ называемыхъ германскихъ звѣрствъ. Сама судьба велитъ скорѣе покончить съ противникомъ, раздавить его, обезсилить и обезкровить, и чѣмъ безпощаднѣе это будетъ сдѣлано, тѣмъ вѣрнѣе будетъ исполнена задача, возложенная закономъ исторіи на избранную націю. Философствующіе нѣмецкіе публицисты сошлись на этой почвѣ съ спеціалистами военнаго дѣла и съ ихъ оффиціальнымъ главою, Вильгельмомъ II.

Притязаніе на исключительную роль среди народовъ міра свойственно не однимъ германцамъ. Въ свое время оно сказы-

валось и у французовъ, и у англичанъ; оно лежитъ также въ основѣ нашего стараго славянофильства, иногда возрождающагося въ болѣе или менѣе безобидныхъ формахъ. И у насъ иногда злоупотребляютъ библейскими изреченіями, примѣняя ихъ спеціально къ нашему отечеству; и наши патріоты нерѣдко разсуждаютъ о подчиненіи чужихъ народностей, о завоеваніяхъ и пріобрѣтеніяхъ въ разныхъ частяхъ свѣта, для осуществленія великихъ вѣковыхъ задачъ Россіи. Поклоненіе національному могуществу, какъ самостоятельной цѣли, повсюду составляетъ обычную принадлежность патріотизма; но оно пріобрѣтаетъ характеръ жгучей потребности, когда связано съ чувствомъ земельной тѣсноты и отсутствіемъ простора для производительныхъ силъ населенія. Оттого у нѣмцевъ аггрессивный завоевательный націонализмъ имѣетъ свое кажущееся реальное оправданіе и одобряется большинствомъ образованнаго общества и народными массами, тогда какъ у насъ онъ не выходитъ изъ ограниченнаго круга условныхъ патріотическихъ фразъ.

Какъ выразитель честолюбивыхъ стремленій Германіи въ области внѣшней политики, Вильгельмъ II въ послѣдніе годы дѣйствовалъ заодно съ правящими классами своего народа. По свидѣтельству бывшаго бельгійскаго посланника въ Берлинѣ, барона Бейенса, онъ очень часто, въ бесѣдахъ съ иностранными дипломатами, повторялъ предвзятыя и ошибочныя мнѣнія, принятыя имъ на вѣру, съ чужихъ словъ. Онъ надѣялся, что ему удастся сохранить дружбу и преданность оффиціальной Россіи, и употреблялъ для этого разные подходящіе пріемы. Незадолго до войны Вильгельмъ II говорилъ Бейенсу, что во Франціи ошибаются насчетъ прочности русскаго союза: ему хорошо извѣстны истинныя чувства русскихъ придворныхъ сферъ, такъ какъ высокопоставленные русскіе, проѣзжая черезъ Потсдамъ, не скрывали направленія своихъ симпатій. Онъ пробовалъ быть любезнымъ съ Франціею, но не имѣлъ успѣха; на придворномъ балу, въ февралѣ 1914 года, онъ жаловался на это въ разговорѣ съ бельгійцемъ Ламбертомъ и другими, въ присутствіи Бейенса. «Сколько разъ я протягивалъ руку Франціи,— восклицалъ онъ съ горечью,—и каждый разъ она грубо отталкивала меня!» Протягивать руку, на его языкѣ, значило, напримѣръ, появляться неожиданно въ Танжерѣ, подъ предлогомъ заступничества за марокскаго султана, или посылать германскій крейсеръ въ Агадиръ и дѣлать непріятности французамъ въ Алжесирасѣ,—точно такъ же, какъ ухаживанье за Россіею выражалось въ памятномъ ультиматумѣ, переданномъ черезъ графа Пурталеса въ 1908 году по боснійскому вопросу. Въ той же салонной бесѣдѣ Вильгельмъ II рѣзко отзывался о парижской печати, которая не соблюдаетъ никакой мѣры въ своихъ

ежедневныхъ нападкахъ на Германію; затѣмъ онъ прибавилъ въ серьезномъ тонѣ: «въ Парижѣ должны были бы держаться болѣе осторожно, потому что я не всегда буду находиться здѣсь». Въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, онъ выдавалъ себя за хранителя мира, хотя уже открыто подготовлялъ войну. Въ началѣ ноября 1913 года, бельгійскій король Альбертъ посѣтилъ императора и провелъ у него въ гостяхъ два дня въ Потсдамѣ. По словамъ Бейенса, Вильгельмъ II объявилъ тогда королю, что «война съ Франціею неизбѣжна и произойдетъ въ близкомъ будущемъ». Франція будто бы сама хочетъ войны и съ этою цѣлью быстро вооружается, какъ видно изъ принятаго ею закона о трехлѣтнемъ срокѣ военной службы; но онъ, императоръ, безусловно увѣренъ въ побѣдѣ. Начальникъ главнаго штаба, генералъ фонъ-Мольтке, говорилъ королю Альберту то же самое о неизбѣжности скорой войны, при чемъ еще съ большею настоятельностью подтверждалъ несомнѣнность побѣды, ссылаясь на тотъ энтузіазмъ, съ которымъ вся германская нація поднялась бы противъ вѣкового врага. Въ томъ же духѣ высказывался Мольтке передъ бельгійскимъ военнымъ агентомъ и передъ военными представителями нѣкоторыхъ другихъ державъ на парадномъ обѣдѣ 6 ноября. Содержаніе этихъ разговоровъ было передано тогда же французскому послу Жюлю Камбону, что̀ видно изъ его депеши, напечатанной въ «Желтой книгѣ». Вильгельмъ II охотно высмѣивалъ вѣру французовъ въ тройственное соглашеніе и ихъ безплодныя попытки превратить его въ дѣйствительный союзъ. Онъ не сомнѣвался въ безусловномъ нейтралитетѣ Англіи въ случаѣ войны на континентѣ, а въ началѣ лѣта 1914 года онъ былъ твердо убѣжденъ, что англичане обречены на безсиліе въ виду ирландской распри, грозившей превратиться въ междоусобную войну; въ этомъ отношеніи онъ слишкомъ полагался на точность свѣдѣній и наблюденій своего великосвѣтскаго посла въ Лондонѣ, князя Лихновскаго [1]).

Баронъ Бейенсъ находитъ, что Вильгельмъ II является отчасти жертвой своего положенія: «привыкши видѣть, что все склоняется передъ его волей, онъ настолько былъ избалованъ судьбою, что считалъ себя непогрѣшимымъ существомъ,—сверхъ-человѣкомъ по терминологіи Ницше, или полубогомъ, какъ сказали бы римляне». Но съ точки зрѣнія нѣмецкихъ патріотовъ и весь германскій народъ представляется сверхъ-народомъ, избраннымъ свыше для исполненія провиденціальной миссіи во главѣ культурнаго человѣчества. И сама Германія привыкла къ тому, что всѣ склоняются предъ ея волей въ Европѣ и ждутъ отъ нея рѣшенія мучительнаго

1) L'Empereur Guillaume, par le baron Beyens, „Revue des deux Mondes“, 1915, 1 mars.

вопроса о мирѣ или войнѣ. Молохъ національзма требуетъ жертвъ во имя лозунга: «Deutschland, Deutschland über Alles!» Одинъ изъ высшихъ германскихъ командировъ, въ своемъ воззваніи къ арміи, объявилъ солдатамъ, что они должны пожертвовать своею жизнью для того, чтобы остальнымъ семидесяти милліонамъ нѣмцевъ жилось лучше и просторнѣе, т.-е. чтобы нѣмецкіе промышленники, фабриканты и заводчики могли съ большею свободою расширять свои предпріятія и увеличивать свои доходы, и чтобы нѣмецкая торговля развивалась въ болѣе крупныхъ размѣрахъ, вытѣсняя побѣжденныхъ соперниковъ съ иностранныхъ и международныхъ рынковъ. По здравому смыслу, нельзя было бы предлагать принести въ жертву хотя бы одного ничтожнаго человѣка или ребенка ради матеріальныхъ интересовъ остального населенія, даже если бы эти интересы признавались совершенно безспорными; а тутъ предлагается отдать на убой два-три милліона человѣкъ ради весьма проблематическаго улучшенія быта остальныхъ семидесяти милліоновъ обывателей, или, вѣрнѣе, ради будущаго обогащенія и безъ того процвѣтающихъ промышленныхъ классовъ. Въ дѣйствительности нынѣ не можетъ быть и рѣчи о прочномъ улучшеніи быта или обогащеніи какой-либо страны путемъ разрушительныхъ и кровавыхъ международныхъ столкновеній, — такъ что самая цѣль, ради которой приносятся жертвы, является продуктомъ фантазіи. Но то, что̀ нелѣпо и недопустимо по существу, кажется естественнымъ и законнымъ, когда облекается въ формы національнаго фетишизма, прочно утвердившагося въ сознаніи значительной части народныхъ массъ.

Языческій культъ этого извращеннаго національзма, воплощаемаго «вѣрнымъ союзникомъ» Гогенцоллерновъ на небѣ и стремленіемъ ихъ къ принудительному первенству на землѣ, составляетъ главную болѣзнь современной Германіи—болѣзнь, быть можетъ, заразительную, но все-же излѣчимую въ будущемъ...

Л. Слонимскій.

ТЕАТРЪ И ЛИТЕРАТУРА.

(Новыя пьесы).

Недовольство современнымъ театромъ все растетъ въ нашемъ интеллигентномъ обществѣ. Въ рѣзкой критикѣ театра сходятся всѣ—не только принципіальные отрицатели театра въ духѣ Ю. И. Айхенвальда, а и друзья, которые не могли бы представить себѣ

жизни безъ театра, любители его, видные дѣятели сцены. «Театръ стоитъ окутанный туманомъ величайшаго безвкусія и полной безпринципности»,—говоритъ, въ заключеніе одной изъ статей въ своей книгѣ о театрѣ, талантливый режиссеръ Мейерхольдъ [1]). Покойная В. Ѳ. Коммиссаржевская мотивировала свой предполагавшійся «уходъ» тѣмъ, что «театръ въ той формѣ, въ какой онъ существуетъ теперь», ей «пересталъ казаться нужнымъ»...

Въ спорахъ о театрѣ много говорятъ о преимуществахъ той или иной «школы», о пріемахъ «игры» и «постановокъ», обсуждаютъ разные частные, техническіе недочеты современной сцены, но почти совсѣмъ игнорируютъ ту главную трещину, которая образовалась въ театрѣ: его разладъ съ литературой.

Какой конкретной остроты достигъ сейчасъ одинъ изъ самыхъ важныхъ для театра вопросовъ—репертуарный—можно видѣть изъ промелькнувшаго въ газетахъ извѣстія, что, изъ всѣхъ представленныхъ въ театральный комитетъ для будущаго сезона пьесъ, *не принята ни одна.* До сихъ поръ мы могли оспаривать вкусъ театральнаго комитета, одобрять или порицать его выборъ, а сейчасъ и предметъ спора исчезъ: нѣтъ пьесъ, нечего будетъ ставить въ будущемъ году... Какъ дошли мы до такой бѣдности? Когда и почему изсякла жизнь въ «сердцѣ театра»?

Объ отношеніи театра къ литературѣ у насъ высказывались два противоположныхъ взгляда. Одни, какъ Мейерхольдъ, признаютъ главенство литературы, считаютъ, что «театръ вышелъ изъ литертуры», всецѣло обусловленъ ею. Мейерхольдъ протестуетъ противъ того мнѣнія, будто бы «сцена создаетъ литературу»... «Если и есть у сцены,—говоритъ онъ,—вліяніе на литературу, то только одно: она задерживаетъ ея развитіе, создавая плеяду писателей подъ «господствующее направленіе» (Чеховъ и тѣ, что «подъ Чехова»)».

Ту же, по существу, мысль, но въ гораздо болѣе рѣзкой формѣ, высказываетъ Ю. И. Айхенвальдъ, приходя отъ нея къ полному отрицанію театра. Существо театра, по мнѣнію критика, опредѣляется его «роковою подчиненностью» литературѣ. «Театръ—ложный и незаконный видъ искусства. Онъ, вообще, не принадлежитъ къ благородной семьѣ искусствъ. Онъ не знатенъ. Отрада плебса, игрушка дѣтей, лже-искусство, онъ отвѣчаетъ въ насъ не чистой эстетикѣ, а скорѣе нашей физіологической активности, нашей динамикѣ. Онъ не искусство, а что-то другое,—можетъ быть, бо́льшее, искаженный осколокъ бо́льшаго»... «Искусство свободно, театръ—нѣтъ. Онъ не самостоятеленъ. Онъ безнадежно зависитъ отъ литера-

---

[1]) Вс. Мейерхольдъ. О театрѣ. П. Изд-во „Просвѣщеніе".

туры, не будь ея—не было бы и его»... «Театръ—марево потому, что реальна литература. Себѣ она беретъ все, для сцены уже, строго говоря, не остается ничего» [1])... Айхенвальдъ привѣтствуетъ новыя театральныя теченія—стремленіе къ символизму и условности—потому, что они грозятъ отнять у театра ненавистную для Айхенвальда, подлинно театральную сущность, его сценическую душу, обѣщаютъ вернуть драму книгѣ... Съ этой же точки зрѣнія, заманчива для Айхенвальда мысль о замѣнѣ актеровъ маріонетками. Послѣднія, конечно, не удовлетворятъ требовательнаго зрителя. Тогда-то и совершится желанный для Айхенвальда уходъ насъ, «современныхъ взрослыхъ людей», изъ театра.

Схема Айхенвальда очень стройна и логична. Но у нея тотъ же недостатокъ, что у всѣхъ строго раціоналистическихъ построеній: стоитъ выдернуть изъ нея одно звено, показать несостоятельность одной изъ посылокъ, подготовляющихъ выводы, и вся схема разсыплется... Впрочемъ, тѣ, кого Айхенвальдъ не убѣдилъ, врядъ ли будутъ сражаться съ нимъ тѣмъ же оружіемъ и строить новое соблазнительно-стройное доказательство нужности театра. Они приведутъ, вѣроятно, доводы ирраціоналистическіе. Они просто скажутъ:—А намъ нуженъ, намъ дорогъ театръ! Мы не вѣримъ въ его «конецъ» и будемъ бороться съ его болѣзнью. Допустимъ, что театръ, какъ говоритъ Айхенвальдъ, «не искусство, а осколокъ чего-то бо̀льшаго».. Что-жъ тутъ плохого? Развѣ это свидѣтельствуетъ о ненужности и безсмысленности театра? Такъ ли цѣнно привлекающее Айхенвальда превосходство—чувствовать себя «взрослымъ», разучившимся улыбаться? Можетъ быть, гораздо лучше сохранить въ своемъ существѣ каплю непосредственности, нѣчто отъ «плебса», отъ дѣтскости, отъ природы, и дорожить «динамикой», любить призрачность, иллюзіи?

Горячимъ противникомъ Айхенвальда выступаетъ молодой, влюбленный въ свое ремесло, режиссеръ Н. Н. Евреиновъ [2]). Но этотъ поклонникъ театра тоже заноситъ надъ нимъ мечъ убійцы. Онъ хочетъ перерѣзать всѣ нити, связывающія театръ съ питающими его источниками, хочетъ оторвать его отъ литературы. Режиссеръ-романтикъ мечтаетъ о полной свободѣ театра, о независимомъ творчествѣ актера, близкомъ къ импровизаціи въ старо-итальянской *commedia dell'arte*... Литература, по увѣренію этого парадоксальнаго защитника театра, вовсе театру не нужна. «Авторомъ пьесы долженъ

---

1) „Въ спорахъ о театрѣ". Сборникъ статей. М. 1914 г. Кн-во писателей.

2) Н. Н. Евреиновъ. „Театръ, какъ таковой". Петрогр. А также статья его въ сборн. „Стрѣлецъ": „Объ отрицаніи театра" П. 1915 г.

всенепремѣнно быть лишь искушенный въ своемъ искусствѣ сценическій дѣятель».. «Литература и драматургія имѣютъ столько же общаго, сколько напр. живопись и драматургія или музыка и драматургія, т.-е. между ними—отношеніе части къ цѣлому» (драматургія—цѣлое, а остальное, въ томъ числѣ и литература—части).

При всѣхъ своихъ крайностяхъ и парадоксахъ, книга Евреинова, написанная съ талантомъ и настоящимъ проникновеніемъ, даетъ много интереснаго. Значеніе для сценическаго искусства «театральности», удовлетворяющей присущій человѣчеству «инстинктъ преображенія», справедливо выдвигается авторомъ на первый планъ. Совершенно особенный, специфическій—«сценическій реализмъ» долженъ быть настражѣ отъ чрезмѣрнаго вторженія литературы въ жизнь театра и содѣйствовать подчиненію литературы спеціальнымъ требованіямъ, приспособленію ея къ театру (литература не должна подавлять природу театра). Все, что Евреиновъ говоритъ о необходимости «условности» на сценѣ, о превосходствѣ условной правды надъ реальной и т. п., не ново, но все же цѣнно для борьбы съ натурализмомъ, главнымъ недугомъ современнаго театра. Что же касается защиты театра отъ Айхенвальда, то она въ книгѣ слаба. Идейная позиція, занятая Евреиновымъ, тоже опасна для театра. Стараясь отвести театръ отъ одной изъ безднъ—литературщины, угрожающей, подъ видомъ литературы, поглотить театръ, Евреиновъ толкаетъ его къ другой безднѣ—театральщинѣ (по его собственнымъ словамъ, театральщина—не что иное, какъ извращенная «театральность»). Театральность, лишенная живыхъ питательныхъ соковъ литературы, неизбѣжно превращается въ театральщину; точно такъ, какъ литература въ рукахъ ремесленниковъ и дилеттантовъ—въ литературщину.

Гораздо болѣе убѣдительно, хотя и косвенно, говорятъ въ защиту театра сами факты—факты жизни и литературы. Если бы въ театрѣ не было положительныхъ, созидающихъ литературныхъ элементовъ, къ нему бы не льнулъ такой тонкій, серьезный и притомъ совсѣмъ новый писатель, какъ Чеховъ. Все мертвое и отживающее было чуждо этой живой, творческой душѣ. Если бы театръ былъ такимъ пережиткомъ, недоразумѣніемъ, грубой игрушкой и пошлостью, какимъ его изображаетъ Айхенвальдъ, аристократъ Чеховъ не примкнулъ бы къ театру, не отдалъ бы ему свои лучшія творческія мечты. Тоска по «интеллигентному театру», жажда его, сквозитъ у Чехова во всѣхъ его письмахъ, гдѣ онъ касается театра. «Интеллигентность» больше всего цѣнитъ онъ и въ Московскомъ Художественномъ театрѣ. Ясны и пункты расхожденія Чехова съ этимъ театромъ, обусловленные большою чеховскою

требовательностью: главнымъ образомъ, все тотъ же натурализмъ, пустившій корни и въ самомъ «интеллигентномъ» изъ театровъ. Однако, этотъ дефектъ не помѣшалъ театру любовно уловить душу чеховскихъ пьесъ и поставить ихъ съ такимъ проникновеніемъ, на какое нѣтъ и намека на другихъ сценахъ... Очевидно, любовь, та искренняя любовь, которая въ данномъ случаѣ связывала драматурга съ театромъ, помогла сгладить острые углы разногласій. Въ театрѣ—вершина чеховскаго творчества и главное новаторство Чехова; это достаточно краснорѣчиво говоритъ о его серьезномъ отношеніи къ театру. Какъ подлинно художественный по природѣ, чеховскій театръ имѣлъ подъ собою широкую и прочную общественную почву, питался и окрылялся окружающей атмосферой. Это неизбѣжно его ограничиваетъ, дѣлаетъ театромъ опредѣленнаго—общественнаго и литературнаго—періода по преимуществу. Чеховскій театръ ярко отразилъ и совершенно исчерпалъ ту полосу, которая дала ему духовную пищу—полосу переходнаго времени въ русской жизни съ ея сложными, созерцательными настроеніями: не то упадка, не то броженія и смутныхъ порывовъ къ обновленію. Выразилъ театръ соотвѣтствующую этой полосѣ склонность къ углубленности и интимности, усилившійся интересъ къ психологіи повседневности... Но эта полоса кончилась. Сейчасъ чеховскій театръ не могъ бы жить и развиваться. «Три сестры» будутъ смотрѣться съ удовольствіемъ, но интересъ къ нимъ уже чисто-эстетическій, а въ тѣ дни, когда онѣ появились, къ нему примѣшивался и болѣе острый—общественный. Душа пьесы была въ созвучіи съ общимъ настроеніемъ, была связана съ живой жизнью, искусство служило не только наслажденіемъ, а и бальзамомъ, въ то же время извлекая изъ жизни и для себя питательные соки. Въ наше время нуженъ такой же соотвѣтствующій ему живой театръ, который воплотилъ бы не старое созерцательное, а новое дѣйственное начало, и притомъ удовлетворялъ бы новымъ повышеннымъ художественнымъ требованіямъ. Родникъ его—въ литературѣ. Когда явится драматургъ, который съумѣетъ передать пульсъ новой жизни, воплотить ея содержаніе, воскреснетъ и театръ. Пока же мы присутствуемъ при его тяжелой болѣзни.

Новинки нынѣшняго сезона, въ цѣломъ, оставляютъ довольно безрадостное впечатлѣніе. Если можно сдѣлать нынѣшней литературѣ упрекъ въ безцвѣтности, въ искусственности, случайности и оторванности отъ жизни, то именно литературѣ театральной. Чаще всего она отличается и технической слабостью—не возвышается до драматургіи,

а представляетъ безвкусную смѣсь литературщины и театральщины. Въ авторахъ не чувствуется внутреннихъ побужденій къ творчеству—ни накопившихся впечатлѣній, ни тѣхъ «замѣтъ сердца», которыя нуждались бы въ художественномъ воплощеніи. Какъ-то ужъ слишкомъ упрощенно подходятъ они къ своей задачѣ: лишь бы «написать пьесу»...

Эта упрощенная драматургія утвердилась на нашихъ сценахъ по почину Виктора Крылова. Въ пьесѣ такого типа, написанной съ изумительной легкостью и «гладкостью», какъ будто есть все: и «бытъ», и интрига, и «движеніе», и остроуміе. Ихъ охотно играютъ актеры и любитъ публика. А на самомъ дѣлѣ, въ нихъ нѣтъ ничего: ни внѣшняго мастерства, ни содержанія. Все въ такихъ пьесахъ поддѣлка подъ настоящее, пародія, профанація искусства, гибельная и для артистовъ, и для зрителей.

Образцомъ этой безвкусной драматургіи могутъ служить «Сестры Кедровы» Истомина, пьеса идущая въ двухъ императорскихъ театрахъ въ Петроградѣ и въ Москвѣ и дающая полные сборы.

У автора чувствуются потуги изобразить чеховскую провинцію—затхлую, черствую, мелочную, засасывающую людей, живущую сплетнями и пересудами, погрязшую въ предразсудкахъ. Для каждаго серьезнаго художника это было бы только фономъ, на которомъ развертывается жизнь, всегда и вездѣ большая, значительная, съ ея трагизмомъ и комизмомъ. А Истоминъ жизни совсѣмъ не замѣтилъ, ограничившись только фономъ. Да и фонъ у него не типиченъ, нарисованъ неумѣло, по-дилеттантски—случайными, внѣшними, отрывочными штрихами, и потому содѣйствуетъ впечатлѣнію фальши и шаржа.

Въ этой пьесѣ все нарочитое, выдуманное, неправдивое, начиная съ кухарки, которая у всѣхъ на виду грубо заигрываетъ съ молодыми людьми и демонстративно, при гостяхъ, зоветъ хозяйку:—Идите, смотрите, какъ я буду руки мыть!—(Это—въ жеманной, церемонной провинціи, гдѣ всякій будничный пустякъ облекаютъ въ тайну!). Ни въ одномъ положеніи нѣтъ простоты и естественности, вездѣ лубочная грубость и ложь. А всего больше угнетаютъ ходульностью сами героини—разудалыя, развеселыя и развязныя сестры Кедровы. Интересно, гдѣ и когда можно видѣть такихъ странныхъ портнихъ, которыя, послѣ цѣлаго дня утомительной работы, кутятъ и веселятся всю ночь напролетъ? Никакихъ признаковъ душевной жизни у этихъ безпрерывно гуляющихъ—танцующихъ и поющихъ дѣвицъ незамѣтно. Нѣтъ ея и у всей молодежи (гимназистовъ и студентовъ), спѣшащей по ночамъ на веселый огонекъ въ «открытый» домъ сказочныхъ портнихъ, у которыхъ всегда, для всѣхъ

званыхъ и незваныхъ гостей, припасены закуска и выпивка. (Пьютъ на этихъ «скромныхъ» вечеринкахъ усердно, не по-современному много, даже въ садъ уносятъ съ собой бутылки). «Движеніе» на сценѣ представлено безцѣльной суетой и шумомъ (дракой двухъ братьевъ-гимназистовъ и т. п.), только утомляющими глаза. Фигуры секретаря городской управы, столоначальника, судьи и др. могли бы быть характерными для провинціальнаго быта, но онѣ очерчены авторомъ такъ блѣдно, что воспринимаются, какъ балластъ, и даже такіе выдающіеся артисты, какъ Давыдовъ и Петровскій, не дали въ нихъ ничего яркаго и типичнаго. Пьеса, вообще, шла въ образцовомъ исполненіи... И какъ искренно жаль было въ этотъ вечеръ талантливыхъ артистовъ! Невольно вспоминались ѣдкія слова Айхенвальда объ унизительномъ положеніи актера—о его роковой зависимости отъ автора.

Къ тому же роду искусственной, посредственной драматургіи принадлежитъ другая театральная новинка: «Слѣпая любовь» г-жи Грушко. Но впечатлѣніе отъ этой пьесы сложнѣе. Въ ней поражаетъ сочетаніе обывательскаго, грубо-театральнаго замысла съ мастерской литературной обработкой. Пьеса какъ будто сочинена двумя разными лицами. Все, что относится къ замыслу, къ сюжету (зоологическая материнская любовь, для которой «все дозволено», случайное, ничѣмъ не мотивированное убійство молодымъ человѣкомъ своей возлюбленной, еще болѣе нелѣпое, «злодѣйское» убійство свекровью своей невѣстки и т. п.)—не только вульгарно, а и морально непріемлемо, насквозь фальшиво. Но «дѣйствіе» пьесы, ея психологическое содержаніе развертывается какъ-то помимо грубаго нелитературнаго замысла. Роли намѣчены талантливо, со вкусомъ и очень умѣло: въ нихъ оставленъ просторъ для творчества актеровъ. И талантливые артисты (Савина, Васильева, Тиме, Давыдовъ, Петровскій и др.) даютъ цѣлый рядъ живыхъ фигуръ, по-истинному человѣчныхъ, волнующихъ, возбуждающихъ сочувствіе. Сами собой вырисовываются физіономіи различныхъ поколѣній: сочныхъ, богато одаренныхъ дѣдовъ, съ ихъ прочнымъ запасомъ жизненнаго оптимизма; довольно безцвѣтныхъ, эгоистичныхъ «отцовъ» и неврастеническихъ, упадочныхъ «дѣтей» (совсѣмъ юнаго — новѣйшаго поколѣнія, фигурирующаго въ пьесѣ Гиппіусъ: «Зеленое кольцо», здѣсь нѣтъ). Въ интересную психологическую ткань пьесы, среди живыхъ положеній и остроумныхъ разговоровъ, пересыпанныхъ легкимъ юморомъ, неуклюжими диссонансами врываются придуманные авторомъ криминальные ужасы: удушеніе и отравленіе. Особенно удручающее впечатлѣніе оставляетъ второе преступленіе и заключительныя слова, которыми авторъ какъ бы

пытается оправдать свою зоологическую героиню.—«Это сдѣлала не я... Это сдѣлала—мать»... Попытка артистки найти для этихъ словъ смягчающія внутреннія интонаціи не удалась. Они рѣзко выдвинули фальшивую природу пьесы.

Автора «Маленькой женщины», О. Миртова, нельзя упрекнуть въ томъ, что онъ подошелъ къ своей темѣ искусственно или случайно. Зерно пьесы органическое; она развилась изъ него совершенно естественно, она тѣсно связана съ прежними произведеніями автора—съ его романами: «Мертвая зыбь» и «Яблони цвѣтутъ». О. Миртова всегда, какъ магнитъ, неотразимо влекла къ себѣ одна и та же психологическая—мистическая тема: о роковомъ одиночествѣ человѣческой души и о единственно-возможномъ выходѣ изъ этого одиночества—черезъ великую индивидуальную любовь, ту исключительную любовь, сущность которой такъ тонко и полно опредѣлилъ философъ Соловьевъ. Эта рѣдкая любовь, какъ талантъ—удѣлъ избранниковъ; но, когда она приходитъ, сами собой рушатся всѣ житейскія преграды и условности; и души, предназначенныя другъ для друга, соединятся. Эта любовь-страсть все преодолѣваетъ. Таковы, въ своей основѣ, представленія автора. Его философіи нельзя отказать въ красотѣ и въ своеобразіи; и важнѣе всего то, что это, дѣйствительно, его собственная философія, не отъ Ибсена, не отъ Соловьева, а отъ природы своей души. Въ этомъ писательская оригинальность О. Миртова.

Но для того, чтобы выразить свою оригинальность (такъ, чтобы она была замѣтна и пріемлема для другихъ), писателю много нужно, а писательницѣ, можетъ быть, еще больше. («Женщины-писательницы,—говоритъ въ одномъ изъ своихъ писемъ Чеховъ,—должны писать много, если хотятъ писать»...) Нужна выучка, нужны терпѣніе и любовь къ своему таланту, не слѣпая, а разумная любовь: культура, кропотливая, постоянная самотренировка и вдумчивость. Въ О. Миртовѣ всего этого нѣтъ, какъ и не было; въ немъ незамѣтно никакого прогресса въ этомъ отношеніи, никакой работы надъ собой. Уже въ талантливыхъ романахъ этого автора бросалась въ глаза его безудержность, отсутствіе самокритики и вкуса; утомляла пестрая смѣсь тонкаго, благороднаго, душевнаго съ грубо обывательскимъ, житейскимъ. То же и теперь налицо—въ драмѣ. Автору мало имѣющагося истиннаго трагизма положеній: полнаго несоотвѣтствія романтической, внутренней Маритъ ея внѣшнему, прозаическому мужу—и внутренній трагизмъ безъ

нужды осложняется въ пьесѣ внѣшними обстоятельствами: оказывается, что мужъ, къ тому же, еще и занятой человѣкъ, типичный дѣловой петербуржецъ, которому некогда отдаваться никакимъ запросамъ духа (занятость мужа иллюстрируется на сценѣ телефономъ, почти безпрерывно звенящимъ въ теченіе всей пьесы). Какъ же авторъ не понимаетъ, что внутренняя драма отъ этого житейскаго колорита пострадала? Если суть только въ «занятости», то дѣло вполнѣ поправимо: стоитъ переѣхать изъ столицы въ провинцію, въ деревню (какъ объ этомъ и мечтаетъ мужъ), и найдется время для всего: и для разговоровъ, и для воркованія... Но суть гораздо глубже и, дѣйствительно, трагична—суть въ органическомъ несоотвѣтствіи супруговъ. Маритъ хотя и «маленькая женщина», но ей съ нимъ тѣсно и душно: ея супругъ—еще меньше. Это непоправимо (пока не умрутъ внутренніе запросы Маритъ). И если бы Маритъ такъ же всецѣло ушла въ «занятость», какъ ея мужъ, это ничему не помогло бы. Не встрѣть она Ветинова, она бы томилась по «несбыточному», всеравно была бы неудовлетворена и несчастлива, чувствовала бы, что не выполнила своего земного назначенія. А такъ какъ она его встрѣтила, та или иная драматическая развязка была неизбѣжной.

Вмѣсто того, чтобы заниматься этой тонкой драмой, авторъ переноситъ ее въ совсѣмъ иную плоскость. Передъ зрителемъ развертывается упрощенный, весьма обычный семейный конфликтъ, рисующій Маритъ въ очень невыгодномъ свѣтѣ. Рядомъ съ «погорло занятымъ» мужемъ, который «не пьетъ» и «въ карты не играетъ», вообще обладаетъ всѣми нужными для семейной жизни добродѣтелями, «маленькая женщина» кажется, просто, праздной женщиной, пустой и претенціозной эгоисткой. Сочувствіе публики должно быть не на ея сторонѣ. И это—авторская вина.

Въ обрисовкѣ фигуръ у Миртова чувствуется талантъ, но нѣтъ обстоятельности. Онѣ—живыя, но въ нихъ много ненужнаго, случайнаго, очевидно, схваченнаго съ натуры и не переработаннаго. Полнѣе всего обрисованъ Ветиновъ (такой же, какъ Маритъ, мистикъ любви), но его исключительность недостаточно авторомъ обоснована и выяснена, поэтому-то на сценѣ его и превратили въ прянаго донъ-жуана, въ родѣ барона Штейнбаха изъ «Ключей счастья» Вербицкой.

Въ чтеніи «Маленькая женщина» выигрываетъ, а сцена ее роняетъ—упрощаетъ, вульгаризируетъ. Это пьеса—не для сцены, независимо отъ ея «сценическихъ» недостатковъ: длинныхъ, монотонныхъ діалоговъ, ослабленія (вмѣсто наростанія) «дѣйствія» въ самомъ центрѣ—въ третьемъ актѣ и докучливаго телефона и пр. Искусство современнаго театра все же—какъ сказалъ Вл. И.

Немировичъ-Данченко—«грубое искусство». Оно безсильно передать лучшее этой пьесы—ея тонкую, своеобразную душу. Вѣдь оно безсильно и передъ классическими пьесами новаго репертуара—Ибсена и Метерлинка. Тутъ нуженъ бы совсѣмъ иной театръ—условно-реалистическій, о какомъ, пока, можно только мечтать... Театръ Суворина, въ которомъ поставили «Маленькую женщину», является по отношенію къ ней тѣмъ сомнительнымъ другомъ, который оказываетъ медвѣжьи услуги. Онъ поглотилъ литературную природу пьесы, обезкрылилъ замыселъ и превратилъ въ пикантную мелодраму въ духѣ послѣднихъ романовъ Вербицкой. Такому превращенію содѣйствовали всѣ актеры, особенно исполнительница главной роли, г-жа Миронова. Она дала чисто-внѣшній образъ Маритъ, оттѣнивъ не ея сущность—тонкую, правдивую, требовательную душу, а все случайное, преходящее, уже и само по себѣ у автора неудачное: эксцентричность и истеричность Маритъ, провинціальное кокетство и щегольство и пр. Театръ какъ бы поставилъ себѣ цѣлью: выпятить все, что было въ пьесѣ наиболѣе слабаго—дилеттантскаго, наивнаго, недодѣланнаго. Особенно пострадалъ финалъ—убійство героиней своего поклонника, въ исполненіи артистовъ Малаго театра оставляющее впечатлѣніе невыносимой грубости.

Среди новинокъ сезона наибольшія ожиданія возбудила пьеса З. Н. Гиппіусъ: «Зеленое кольцо», собравшая въ Александринскій театръ самую избранную публику. Интересъ понятный. Онъ обусловленъ какъ значительностью темы, такъ и тѣмъ, что за ея обработку взялась талантливая и умная писательница.

Замыселъ пьесы: изобразить новѣйшее, совсѣмъ юное поколѣніе, поднявшееся отъ земли на нашихъ глазахъ, сложившееся послѣ 1905 г.,—въ самомъ дѣлѣ, живой и интересный. Подобную попытку дѣлали уже многіе писатели, и «старые», и «молодые». Удача была всегда относительной, кое-что каждому удавалось схватить, больше или меньше—въ зависимости отъ того, какъ велико психологическое созвучіе автора съ новымъ поколѣніемъ и, просто, отъ литературнаго возраста: молодой всегда ближе къ молодымъ. Одинъ изъ юныхъ героевъ «Зеленаго кольца» говоритъ:—«Я знаю, Зеленое кольцо не по возрасту цифровому, а по складу, главное»... Это—такъ, конечно. Но возрастъ кое-что тоже значитъ, особенно возрастъ литературный, общественный. Критики-импрессіонисты утверждаютъ, что эпоха не оказываетъ никакого вліянія на писателя, и предлагаютъ разсматривать его независимо отъ эпохи—какъ личность. Но

это совсѣмъ не вѣрно. То, что̀ принято называть «эпохой»—вся совокупность общественныхъ условій, атмосфера, которой приходится дышать въ періодъ созрѣванія—накладываетъ на писателя неизгладимую печать, входитъ въ его плоть и кровь. Эта общественная, а не индивидуальная природа обусловливаетъ и степень пониманія. Не умъ, не чуткость приходятъ на помощь таланту въ интуитивномъ улавливаніи того новаго, что̀ едва обозначилось на гребнѣ жизненныхъ волнъ, а именно соотвѣтствіе въ общественной природѣ двухъ поколѣній, общность закваски. Вотъ почему писателю, принадлежащему къ разсудочному, индивидуалистическому поколѣнію, трудно изобразить новый, едва нарождающійся вѣкъ людей сердца, живой жизни, вѣкъ людей, озаренныхъ здоровою общественностью.

Такія трудности должна была испытать З. Н. Гиппіусъ, какъ характерная и крупная представительница прошлаго, уже уходящаго поколѣнія—конца 80-хъ и начала 90-хъ годовъ.

У автора «Зеленаго кольца» большія преимущества передъ другими «старыми» писателями: онъ подошелъ къ молодежи благожелательно, съ открытой душой и готовностью отдаться новымъ, свѣжимъ впечатлѣніямъ, впитать ихъ въ себя. Благожелательность даже побудила его нѣсколько идеализировать предметъ изображенія, поторопиться признать и обобщить разрозненныя явленія. Но сказать:—Я такъ хочу! Да будетъ!—еще не значитъ, чтобы такъ и было въ дѣйствительности.

Въ статьѣ: «Грядущее» [1]), написанной въ поясненіе своей пьесы по поводу фельетона В. Гиппіуса: «Два поколѣнія» [2]), З. Н. Гиппіусъ сама выдаетъ свой раціонализмъ въ подходѣ къ темѣ и неизбѣжное, при раціонализмѣ, смѣшеніе желательнаго съ существующимъ. Ее совсѣмъ «не интересуетъ» вопросъ о томъ, «есть ли вотъ такая молодежь или нѣтъ»... «Дѣло не этимъ рѣшается. Рѣшается оно вотъ чѣмъ: утверждаю ли я, хочу ли я, должна ли быть сейчасъ такая молодежь? Или я не хочу, думаю, что не должна?»...

Характерно, что тотъ же «желательный» мотивъ подчеркиваетъ и Д. С. Мережковскій, защищая «Зеленое кольцо» отъ рецензентовъ. «...Всѣ обвиненія противъ «Зеленаго кольца» сводятся къ обвиненію въ «нереальности»: и такой-де молодежи вовсе нѣтъ...—Есть или нѣтъ, я *хочу*, чтобы было, и *вѣрю*, что будетъ,—могъ бы отвѣтить авторъ»... [3]).

---

[1]) „День“ № 59.
[2]) „День“ № 58.
[3]) „Бирж. Вѣд.“ № 14700.

Эту основную черту своего поколѣнія—раціонализмъ—З. Н. Гиппіусъ приписываетъ и изображаемой ею молодежи. Тутъ ея главная ошибка. Новое поколѣніе, по сравненію съ предшествующимъ, обладаетъ гораздо бо́льшею непосредственностью. Несвойственень «дѣтямъ» и тотъ крайній индивидуализмъ, который такъ характеренъ для отцовъ. Герои пьесы не должны такъ много разсуждать о себѣ, какъ заставляетъ ихъ авторъ. Всѣ эти параллели между молодыми и ихъ старшими братьями, а также «папами и мамами», интересны и во многомъ вѣрны. Но зачѣмъ авторъ вложилъ ихъ въ уста самихъ этихъ юныхъ героевъ? Лучше было бы поручить ихъ «потерявшему вкусъ въ жизни» дядѣ Микѣ...

«Сознательность» (да еще насквозь пропитанная нуднымъ самоанализомъ и рефлектированіемъ)—это черта восьмидесятниковъ, а совсѣмъ не новаго поколѣнія. Тѣ, дѣйствительно, разсуждали; а эти, напротивъ, спѣшатъ жить. Они *зрѣлые*, а не сознательные. И «практика» даетъ имъ многое. Эти скороспѣлые подростки очень самостоятельно и смѣло устраиваютъ свою жизнь, а иногда и пытаются перестроить жизнь старшихъ. Въ этомъ они побиваютъ рекордъ. А что касается сознательности, самокритики и всякихъ историческихъ перспективъ и сравненій, уясненія себѣ хода исторіи, то по этой части они довольно слабы. Да это и не важно; было бы чѣмъ жить. Рѣчи о преждевременно утомившихся «братьяхъ и сестрахъ», о «старыхъ—молодыхъ», о поколѣніи, «попавшемъ въ щель исторіи» и «пережившемъ своихъ писателей», о томъ, что «папа и мама лучше» и т. п., чуждо звучатъ въ устахъ непосредственной молодежи. Все это вѣрно и остроумно, но, конечно же—отъ автора.

«Милосердіе»—тоже несовсѣмъ подходящій терминъ для характеристики отношенія молодыхъ къ старымъ. Они, просто, снисходительны къ «отцамъ», потому что здоровѣе. Въ этой снисходительности, отмѣчаемой и другими писателями (А. Толстымъ въ «Четырехъ поколѣніяхъ» и Слезкинымъ въ «Ольгѣ Оргъ») [1]), даже звучитъ нетерпѣливая нотка отъ сознанья своего превосходства: развѣ вы, молъ, что-нибудь понимаете въ жизни! (— Мамочка, мамочка, какая ты глупая!—нѣжно, со смѣхомъ говоритъ матери шестнадцатилѣтняя Ольга Оргъ). Какое же тутъ милосердіе?

Все же авторъ кое-что въ этомъ новомъ обликѣ молодежи угадалъ и талантливо изобразилъ. Молодежь З. Н. Гиппіусъ интереснѣе всего, когда она показываетъ ее намъ во время засѣданія «Зеленаго кольца». Эта картина, вообще, очень удачная, содержа-

---

[1]) Слезкинъ. „Ольга Оргъ". П. Изд. бывш. М. Попова.

тельная и сценичная, со вкусомъ поставленная Мейерхольдомъ и превосходно исполненная артистами (особенно выдѣлялась искусствомъ полнаго перевоплощенія г-жа Домашева, интересенъ былъ и Смоличъ), не только заинтересовываетъ, а и захватываетъ. Когда не вслушиваешься въ разговоры, а, просто, слѣдишь за игрой живыхъ, умныхъ физіономій, со сцены брызжетъ жизнь, жизнь молодежи, которой на все хватаетъ—и на ученье, и на развлеченія, и на науки, и на интенсивную личную жизнь. Вспоминается та молодежь дѣйствительности, которая безудержно стремится на всѣ лекціи и концерты, неутомимо запруживаетъ проходы на общественныхъ диспутахъ и вечерахъ футуристовъ, потому что ей нужно все узнать и испытать на собственномъ опытѣ, не довѣряя мнѣнію старшихъ, не считаясь ни съ критиками, ни со спеціалистами.

З. Н. Гиппіусъ вѣрно подмѣтила одну частную черту въ новой молодежи—преодолѣніе ею «проблемы пола», которая еще такъ недавно непримиримо раздѣляла «отцовъ и дѣтей». Это фактъ почти сегодняшній и очень отрадный, обусловленный все тѣмъ же—бо̀льшимъ здоровьемъ новаго поколѣнія. Еще у Слезкина въ «Ольгѣ Оргъ», очень правдиво отразившей психологію «дѣтей», мы видимъ совсѣмъ иное—не преодолѣніе, а разгаръ и обостреніе жуткихъ вопросовъ пола... Тутъ нѣтъ никакого противорѣчія. Жизнь теперь несется съ такой быстротой, что поколѣнія приходится считать не десятилѣтіями, а пятилѣтіями. Въ самый короткій срокъ мѣняется лицо молодой формирующейся жизни. Все, что̀ говорится въ пьесѣ (будто бы самими героями) о важности брака, семьи, воздержанія и т. п., принадлежитъ, разумѣется, самому автору, но вполнѣ соотвѣтствуетъ тому, что̀ должны чувствовать и думать его юные герои. Прекрасной иллюстраціей къ теоріи является чистый юношескій романъ, который разыгрывается въ пьесѣ между Русей и Сережей.

Сама же идея «Зеленаго кольца» не вполнѣ убѣдительна. Это скорѣе сказка, чѣмъ быль. Можетъ быть, авторъ гдѣ-нибудь и видѣлъ подобный идейный союзъ, гдѣ сообща рѣшаются даже личныя дѣла —объединеніе молодежи. Но для переживаемаго момента это не характерно. «Дѣти» пока пожинаютъ плоды тѣхъ сѣмянъ «индивидуализма», которыя разбрасывали ихъ отцы. Отъ молодежи—бодрой, рвущейся къ жизни молодежи—нерѣдко приходится слышать жалобы на личное одиночество и замкнутость, на отсутствіе поддерживающаго, объединяющаго духа. Правда, для нихъ это уже не такъ опасно, какъ было для старшихъ братьевъ, ибо они здоровѣе, но фактъ остается фактомъ. Въ крови новѣйшаго поколѣнія есть уже здоровые элементы общественности, но какъ они скомбинируются и проявятся, это—пока вопросъ будущаго.

Рисуя въ «Зеленомъ кольцѣ» такую идеальную организацію среди молодежи, которая всегда могла бы сказать своему члену: ты не одинъ, мы съ тобою, мы во всемъ поможемъ,—авторъ открыто становится на точку зрѣнія желательнаго, а не существующаго.

Еще большая идеализація чувствуется въ обликѣ главнаго «буйника», Сережи, который «больше всѣхъ ненавидитъ это старое неустройство, нелѣпость жизни, косность идіотскую, стариковскую».

— Взять бы это ихнее устройство, взять его, какъ есть, стать на него крѣпко обѣими ногами,—вотъ такъ, подъ ногами, ему мѣсто! Будетъ отъ чего оттолкнуться, если прыгать...—говоритъ этотъ «буйникъ» въ бесѣдѣ съ Русей.

Ненавидѣть, конечно, каждый можетъ, но, чтобъ сокрушить, нужна сила. Чувствуется ли она въ этомъ новомъ, пока еще скорѣе грядущемъ поколѣніи? Въ томъ-то и дѣло, что нѣтъ.

Эта молодежь—веселая поросль, радующая глазъ своею свѣжею зеленью; съ каждымъ днемъ она все разрастается и крѣпнетъ, но будущихъ гигантовъ, тѣхъ дубовъ, которые могутъ вынести на себѣ бури, среди нихъ незамѣтно. Зачѣмъ непремѣнно гиганты? Нашлись бы просто замѣтные, опредѣленные люди,—твердо знающіе, въ чемъ зло и въ чемъ добро,—которые сумѣли бы сохранить положительное начало жизни въ періодъ броженія и созиданія... Но и въ этомъ нѣтъ увѣренности, ибо то, что̀ сейчасъ кипитъ въ огромномъ котлѣ жизни, очень пестро... Старая, «ксная» жизнь, жизнь устоевъ, дѣйствительно, разрушается—даже безъ всякихъ усилій отдѣльныхъ личностей, сама по себѣ; но, вмѣстѣ съ внѣшними стѣснительными рамками и цѣпями, уходитъ и кое-что нужное, важное, та этическая закваска, безъ которой опасно всякое строительство. Отсюда и понятно безпокойство «дѣдовъ» за будущность, которое нѣтъ-нѣтъ да и прорвется. Обвинить этихъ ярко выраженныхъ «общественниковъ» въ эгоистическомъ брюзжаньѣ никакъ нельзя. Они ничего уже не хотятъ для себя, озабочены только мыслью о тѣхъ рукахъ, въ которыя передаютъ наслѣдство. По силамъ ли этимъ наслѣдникамъ крупныя общественныя задачи, теперь выдвигаемыя жизнью—по возможности не уступающія задачамъ 60-хъ годовъ?..

Этотъ сложный вопросъ, на который пока нѣтъ отвѣта, авторъ «Зеленаго кольца» рѣшаетъ очень просто: онъ заставляетъ свою молодежь стремиться вспять—къ 60-мъ годамъ. Въ жизни все повторяется и возвращается, но нарочитое стереотипное повтореніе ни для кого нежелательно, нужны новые пути, новыя формы. Дѣды совсѣмъ не обрадовались бы такимъ преемникамъ, которые пользо-

вались бы отъ нихъ готовыми шаблонами. Современная живая молодежь и не повинна въ этомъ. Когда герои «Зеленаго кольца» говорятъ о «фиктивномъ бракѣ», который практиковался въ 60-ые годы, и сами, въ концѣ концовъ, предлагаютъ осуществить эту идею ради спасенія запутавшейся въ родительскихъ конфликтахъ дѣвочки (выдать Финочку за дядю Мику), въ пьесѣ звучитъ фальшь, и тѣ искорки удачныхъ наблюденій, которыя подкупали въ ея пользу, мгновенно гаснутъ.

Особенно рѣзкимъ диссонансомъ врываются слова Сережи, убѣждающаго дядю Мику жениться на Финочкѣ:—Дадите ей разводъ, это легко теперь. Послушайте, дядя, какъ честный человѣкъ: я бы самъ на ней женился, если бъ на своихъ ногахъ стоялъ...

Въ этихъ словахъ наибольшая неправда пьесы, наибольшее непониманіе авторомъ новой молодежи. Современный юноша ни въ какомъ случаѣ этого бы не сдѣлалъ, не соединился бы фиктивнымъ бракомъ съ одной, любя другую. Въ этой непосредственности—единственное неоспоримое преимущество молодого поколѣнія передъ «отцами» и «дѣдами».

Съ внѣшней стороны представители молодого поколѣнія очерчены въ пьесѣ довольно полно и ярко. Старики, напротивъ, совсѣмъ смутно, до неуловимости; очевидно, всѣ мысли автора были заняты молодежью.

Къ сожалѣнію, однѣхъ мыслей недостаточно... Недостаточно и таланта. Нужно душевное родство съ молодыми. Фактъ новизны въ обликѣ молодого поколѣнія отмѣченъ З. Н. Гиппіусъ вѣрно, но обликъ его иной, чѣмъ тотъ, который она нарисовала. Самаго существеннаго она не уловила—не могла уловить.

Точка зрѣнія желательнаго, должнаго, вмѣсто существующаго, вполнѣ допустима для автора; реализмъ сцены условный; но онъ прочными нитями связанъ съ правдой жизни, ею питается. Этого питанія въ пьесѣ З. Н. Гиппіусъ нѣтъ. Въ ней есть и талантъ, и умъ, но она—не отъ жизни.

Не характерно ли для современнаго кризиса театра, что лучшая изъ пьесъ сезона, въ своемъ замыслѣ такъ близко подходящая къ жизни, все же оказывается чисто-головной, сочиненной?

Литературы для театра нѣтъ. А пока она не явится, театръ не выйдетъ изъ своего тупика.

Е. Колтоновская.

ПРОЕКТЪ ВЫПУСКА МЕЛКИХЪ БИЛЕТОВЪ КАЗНАЧЕЙСТВА.

I.

Общественное вниманіе привлечено сейчасъ къ предложенному проф. П. П. Мигулинымъ проекту выпуска мелкихъ билетовъ государственнаго казначейства, достоинствомъ въ 5, 3 и 1 руб., на общую сумму въ 500 милл. руб., неразмѣнные на золото они должны будутъ замѣняить въ денежномъ обращеніи государственные кредитные билеты тѣхъ же достоинствъ, выпускаемые нынѣ Государственнымъ банкомъ. Смыслъ проектируемой мѣры сводится къ слѣдующему: казначейство выпуститъ свои мелкіе билеты на 500 милл. руб. безъ всякаго покрытія; Государственный банкъ освободится отъ обязанности выпускать мелкіе кредитные билеты и поэтому, получитъ возможность выпустить крупныхъ билетовъ на 500 милл. руб. безъ соотвѣтствующаго отягощенія своего эмиссіоннаго права. Въ результатѣ этой мѣры казначейство получитъ безпроцентный кредитъ въ 500 милл. руб.

Основаніемъ для такой мѣры авторъ проекта считаетъ то, что мелкіе кредитные билеты играютъ въ денежномъ обращеніи роль ходовыхъ денежныхъ знаковъ, а для этой роли годятся деньги второго сорта. Зачѣмъ для мелкаго оборота держать значительную массу размѣнныхъ (во время мира) билетовъ, когда ихъ можно замѣнить неразмѣнными бумажными деньгами. Въ данномъ случаѣ, по словамъ автора проекта, необходимо повторить опытъ металлическаго обращенія, гдѣ на-ряду съ золотою монетою и полноцѣнною серебряною монетою обращается такъ называемая биллонная монета (въ 20, 15, 10 и т. д. коп.). Биллонная монета не отличается высокою цѣнностью: изъ серебрянаго рубля можно сдѣлать 10 двугривенныхъ. Въ Германіи такую монету чеканятъ изъ никкеля. На-ряду съ металлическимъ биллономъ проектъ предлагаетъ создать «бумажный биллонъ».

Проектъ вызываетъ много принципіальныхъ возраженій, а, кромѣ того, въ историческомъ опытѣ многихъ странъ имѣетъ для себя весьма сильныя противопоказанія. Проектъ нарушаетъ принципъ единства денежнаго обращенія и ставитъ подъ сомнѣніе возможность возстановить въ странѣ правильное денежное обращеніе. Если послѣ войны будетъ возстановленъ размѣнъ на золото только однихъ кредитныхъ билетовъ, а казначейскіе билеты будутъ неразмѣнными, то

это обстоятельство способно будетъ подорвать общее довѣріе къ нашей золотой валютѣ и вызоветъ лажъ между двумя сортами денегъ. Проектъ стремится создать такое положеніе, которое до войны наблюдалось только въ Италіи, гдѣ были неразмѣнныя государственныя бумажныя деньги мелкихъ купюръ и банкноты эмиссіонныхъ банковъ болѣе высокихъ достоинствъ. Но нельзя забывать, что и банкноты были тамъ неразмѣнными, такъ какъ въ Италіи отчетливо сознавали, что при неразмѣнныхъ государственныхъ деньгахъ размѣнивать на золото банкноты очень опасно. Возстановленіе размѣна банкнотъ въ Италіи откладывали до момента возстановленія размѣна государственныхъ денегъ и медленно шли къ этой цѣли путемъ сокращенія количества государственныхъ бумажекъ. Грянувшая война разстроила эти планы и заставила Италію увеличить массу и государственныхъ, и банковыхъ билетовъ.

Идея мелкихъ неразмѣнныхъ бумажныхъ денегъ, функціонирующихъ одновременно съ размѣнными кредитными билетами, до сихъ поръ встрѣчала въ научной литературѣ отрицательное отношеніе. Неожиданно она нашла себѣ теоретическое оправданіе статьѣ проф. М. И. Туганъ-Барановскаго, напечатанной въ газетѣ «Рѣчь» (22 апрѣля т. г.).

«Съ теоретической точки зрѣнія, — пишетъ Т.-Барановскій, — въ пользу даннаго проекта можно сказать очень многое».

Когда государство переживаетъ моментъ величайшаго финансоваго напряженія и ему предлагаютъ 500 милл. руб. денегъ на самыхъ дешевыхъ условіяхъ, то понятно, что теоретическое оправданіе мѣры, дающей эти деньги, является весьма цѣннымъ. Мѣра, обѣщающая казнѣ 500 милл. руб. «даромъ», затрагиваетъ, однако, сложную и въ высшей степени деликатную область денежнаго обращенія. Неудачные эксперименты въ этой области могутъ сопровождаться труднопоправимыми народно-хозяйственными бѣдствіями. Не всякій можетъ сразу разобраться въ этихъ сложныхъ вопросахъ, и поэтому, когда теоретикъ-экономистъ благословляетъ проектъ, такъ сказать, ex cathedra, то, вѣроятно, у многихъ отляжетъ отъ сердца, и для осуществленія проектируемой мѣры расчистится дорога.

Въ чемъ же заключается теоретическое обоснованіе интересующаго насъ проекта въ формулировкѣ проф. Туганъ-Барановскаго?

Когда проф. Мигулинъ защищалъ свой проектъ на страницахъ издаваемаго имъ журнала «Новый Экономистъ», то онъ, между прочимъ, обронилъ фразу, въ которой мелкіе неразмѣнные казначейскіе билеты сравнилъ съ металлическимъ биллономъ и назвалъ свои билеты «бумажнымъ биллономъ». Такъ какъ на самомъ дѣлѣ никакого бумажнаго биллона не существуетъ, да и не можетъ существо-

вать, а могутъ быть только размѣнныя и неразмѣнныя бумажныя деньги и банкноты или ихъ суррогаты, то ясно, что выраженіе «бумажный биллонъ» слѣдовало понимать, какъ аналогію, какъ указаніе на то, что проектъ хочетъ создать бумажныя деньги второго сорта. Бумажноденежные суррогаты отнюдь нельзя считать «биллономъ», такъ какъ биллонъ составляется изъ неполноцѣнныхъ денегъ, а бумажноденежные суррогаты всегда должны быть полноцѣнными, иначе денежное обращеніе будетъ хромать на оба колѣна. Обезцѣненные бумажноденежные суррогаты, другими словами—неполноцѣнные и въ такомъ случаѣ воистину биллонные, весьма быстро пошатнутъ позицію и настоящихъ полноцѣнныхъ размѣнныхъ банкнотъ или кредитныхъ билетовъ.

Но тѣмъ не менѣе слово проф. Мигулина о «бумажномъ биллонѣ», играющее случайную роль въ его собственномъ обоснованіи проекта, дало поводъ Туганъ - Барановскому построить цѣлую теорію биллона, которую самъ авторъ называетъ «раціональною», а мы позволимъ себѣ назвать ее просто теоріей М. И. Туганъ-Барановскаго.

Новая теорія заключается въ слѣдующемъ: «монета, обращающаяся только внутри страны, не должна быть полноцѣнной, такъ какъ и неполноцѣнная монета вполнѣ удовлетворяетъ своему назначенію—быть орудіемъ внутренняго обмѣна... Полноцѣнная монета служитъ лишь для потребностей болѣе крупнаго оборота, ибо только этотъ оборотъ захватываетъ международный рынокъ; для мелкихъ же сдѣлокъ внутри страны совершенно достаточно биллона. И было бы крайне нераціонально, если бы мелкія сдѣлки внутри страны совершались при помощи полноцѣнной монеты».

Для оцѣнки этой теоріи биллона надо прежде всего отмѣтить слѣдующій фактъ: монета, полноцѣнная и неполноцѣнная, существуетъ только для внутренняго оборота. При дѣйствіи правильной системы денежнаго обращенія, т.-е. при наличности золотой валюты, предполагается, что денежное обращеніе опирается на единый золотой рубль. Представителемъ этого рубля является кредитный билетъ, во всякое время и на любую сумму размѣниваемый на золото. Вспомогательными деньгами является полноцѣнная серебряная монета. Но для того, чтобы выдержать строгій стиль золотого обращенія, законъ ставитъ узкій предѣлъ хожденію серебряной монеты: никто не обязанъ принимать полноцѣнныхъ серебряныхъ денегъ, т.-е. монетъ въ 1 руб., 50 коп. и 25 коп. болѣе, чѣмъ на 25 руб. Если это ограниченіе снять, то во всемъ мірѣ страну съ такимъ свободнымъ обращеніемъ серебра назовутъ страной съ хромающей валютой. Наконецъ, такъ какъ въ жизни встрѣчается масса

мелкихъ сдѣлокъ на сумму ниже 25 коп. и такъ какъ мелочной оборотъ требуетъ возможно болѣе высокой дробимости монетной единицы, то въ помощь рублю выпускаютъ неполноцѣнную монету въ 20, 15, 10, 5 коп., что̀ и является биллономъ. Этотъ биллонъ, совершенно основательно, связываютъ совсѣмъ узкими предѣлами: никто не обязанъ принимать биллонной монеты болѣе, чѣмъ на три рубля.

Возстановить эти азбучныя истины въ памяти оказалось необходимымъ потому, что мы неожиданно встрѣтились съ утвержденіемъ, будто внутренній оборотъ совершенно не нуждается въ полноцѣнной монетѣ. Въ дѣйствительности, внутренній оборотъ Россіи наполненъ сдѣлками не только съ максимальнымъ предѣломъ въ три руб., но и значительно превышающими этотъ размѣръ. Если бы нашъ оборотъ нуждался въ деньгахъ только какъ въ орудіяхъ обмѣна, то, конечно, можно было бы обойтись и съ неполноцѣнными деньгами, даже совсѣмъ безцѣнными деньгами въ стилѣ денегъ проф. Кнаппа. Вѣдь еще Робертъ Оуэнъ, затѣмъ Прудонъ, а позднѣе ихъ бельгійскій фабрикантъ Сольвэй предлагали обходиться безъ валютныхъ денегъ. Но вѣдь въ жизни деньги служатъ не только орудіемъ обмѣна, но и мѣриломъ цѣнности, орудіемъ платежа, сбереженія и т. д. Человѣчество дорогимъ опытомъ купило себѣ убѣжденіе въ томъ, что деньги, выполняющія разнообразныя функціи, прежде всего должны быть полноцѣнными. При разнообразіи функцій денегъ монета должна выражать собой ихъ единство. Чѣмъ богаче страна, тѣмъ обильнѣе насыщаетъ она свой оборотъ полноцѣнными деньгами (Англія); чѣмъ слабѣе кредитъ страны, тѣмъ сильнѣе она стремится къ тому, чтобы отдалить отъ себя всякія подозрѣнія въ области денежнаго обращенія и связываетъ узкими предѣлами хожденіе даже полноцѣнныхъ серебряныхъ денегъ. Не всякая страна можетъ позволить себѣ роскошь безпредѣльнаго выпуска серебряныхъ монетъ, какъ это дѣлаетъ Франція. Одной странѣ это простится, а съ другой взыщется путемъ соотвѣтствующей квалификаціи ея валюты.

Поэтому, намъ думается, проф. Туганъ-Барановскій тысячу разъ неправъ, утверждая, что внутренній оборотъ не нуждается въ полноцѣнныхъ деньгахъ. Тогда въ чемъ же выразится фактъ существованія золотой валюты? Въ наличности въ сводѣ законовъ нѣсколькихъ строчекъ, удостовѣряющихъ о формальномъ существованіи золотой валюты? Этого, конечно, весьма мало. Въ данномъ вопросѣ необходимо открещиваться отъ новой вѣры и остаться закоренѣлымъ старовѣромъ, повторяя слова Н. Х. Бунге: «Размѣнъ кредитныхъ орудій обращенія на монету возможенъ лишь подъ условіемъ существованія

металлическихъ денегъ во внутреннемъ обращеніи. Успѣхъ банковаго размѣна обусловливается фактическою возможностью рыночнаго размѣна бумажныхъ денегъ на металлическія».

Правда, проф. Туганъ-Барановскій не такъ уже безпощаденъ по отношенію къ внутреннему денежному обращенію. Онъ согласенъ оставить полноцѣнную монету для крупныхъ оборотовъ, «ибо только этотъ оборотъ захватываетъ международный рынокъ».

Но эта уступка фактически безполезна, такъ какъ крупный оборотъ,—безразлично, захватываетъ онъ или не захватываетъ международный рынокъ,—совершенно не нуждается въ полноцѣнной монетѣ. Крупный внутренній оборотъ, не захватывающій международнаго рынка, обходится съ крупными банкнотами, чеками и условными счетами въ центральномъ банкѣ. Развѣ мыслимо представить себѣ крупный оборотъ, т.-е. многотысячныя и милліонныя сдѣлки, основанный на полноцѣнной монетѣ? Это было бы невозможно не только потому, что потребовало бы массы времени для счета денегъ, но и потому, что для совершенія всѣхъ крупныхъ сдѣлокъ при помощи полноцѣнныхъ монетъ не хватило бы денежныхъ знаковъ. Годовой оборотъ одного только Государственнаго банка въ 1913 году составилъ 234.009.256.742 руб. 38 коп. и, какъ бы быстро ни вращались всѣ россійскія монеты, все-таки имъ не обслужить этой умопомрачительной цифры.

Но проф. Туганъ-Барановскій оставляетъ внутренній оборотъ, хотя бы онъ былъ и крупнымъ, безъ полноцѣнныхъ денегъ; полноцѣнныя деньги, по новой теоріи биллона, нужны только для такого крупнаго внутренняго оборота, который соприкасается съ международнымъ рынкомъ. Другими словами,—полноцѣнныя деньги нужны только для внѣшней торговли, для финансовыхъ международныхъ операцій и для путешественниковъ. Но проф. Туганъ-Барановскій, разумѣется, самъ прекрасно знаетъ, что этотъ оборотъ, на 99 % основанный на кредитѣ, совсѣмъ не нуждается въ полноцѣнныхъ монетахъ: онъ обслуживается переводнымъ векселемъ, чекомъ, кредитивомъ и простымъ разсчетомъ кредитныхъ учрежденій. Если въ этомъ оборотѣ время отъ времени выступаетъ на сцену золото, какъ было неоднократно во время настоящей войны, то всѣ и вездѣ считаютъ это выступленіе металла за признакъ большого разстройства международныхъ разсчетовъ. И когда въ этой области выступаетъ золото, то оно меньше всего играетъ здѣсь монетную роль: въ такихъ случаяхъ оно выступаетъ въ роли простого товара, имѣющаго безграничный рынокъ и твердую цѣну.

Такимъ образомъ, крупный оборотъ обходится безъ участія полноцѣнныхъ денегъ, но въ то же время ему не нуженъ и бил-

лонъ. А между тѣмъ и мелкій оборотъ, по мысли проф. Туганъ-Барановскаго, долженъ быть лишенъ полноцѣнной монеты и насыщенъ биллономъ и неразмѣнными бумажными деньгами. Гдѣ же тогда будетъ золотая валюта?

Отъ новой теоріи биллона до настоящихъ бумажныхъ денегъ остается всего только небольшой прыжокъ...

II.

Не довольствуясь подведеніемъ этого-теоретическаго фундамента подъ идею неразмѣнныхъ мелкихъ казначейскихъ билетовъ, проф. Туганъ-Барановскій находитъ для нея оправданіе и въ историческомъ опытѣ.

Правда, эти оправданія имѣютъ часто весьма условную цѣнность. Такъ, билеты, за которые высказывается проф. Туганъ-Барановскій, недавно были выпущены Турціей, и притомъ въ болѣе совершенной конструкціи (съ золотымъ фондомъ обезпеченія и съ короткимъ срокомъ хожденія, что изобличаетъ нѣмецкую работу). Этотъ примѣръ можно использовать въ двоякомъ направленіи. Можно сказать: вотъ, даже Турція, и та догадалась сдѣлать то, что мы предлагаемъ; а можно сказать и такъ: что же вы предлагаете намъ? Не по турецкому ли образцу?..

Но указанія на опытъ, приводимыя проф. Туганъ-Барановскимъ, не страдаютъ такою условностью, они строго опредѣленны и заключаются въ слѣдующемъ.

Иностранные эмиссіонные банки, по его указанію, обслуживаютъ крупный коммерческій оборотъ, и потому они выпускаютъ банкноты крупнаго достоинства; русскій же Государственный банкъ — болѣе государственное учрежденіе, служащее на первомъ планѣ интересамъ нашего государственнаго хозяйства и только на второмъ планѣ интересамъ торговли и промышленности. Русскій эмиссіонный банкъ, выпуская мелкіе билеты, по мнѣнію проф. Туганъ-Барановскаго, выполняетъ функціи казначейства или монетнаго двора.

По поводу этихъ разсужденій нельзя не замѣтить слѣдующаго. Иностранные эмиссіонные банки давно отклонились отъ типа коммерческаго банка и не въ кредитованіи крупнаго оборота видятъ теперь цѣль своего бытія: они сдѣлались центральными банками, банками банковъ. Но нашъ Государственный банкъ, достаточно ясно обнаружившій тенденцію къ превращенію въ банкъ банковъ, тѣмъ не менѣе до сихъ поръ сохраняетъ и весьма яркія черты коммерче-

скаго банка. Русскій Государственный банкъ особенно сильно связанъ съ крупнымъ оборотомъ. Начиная съ 1909 г., онъ особенно энергично проявилъ свою дѣятельность въ области коммерческаго кредита, а въ это время западные банки какъ разъ сильно ослабили свою дѣятельность въ области торгово-промышленнаго кредита. Такимъ образомъ, въ своемъ утвержденіи М. И. Туганъ-Барановскій рѣзко разошелся съ дѣйствительнымъ положеніемъ вещей.

Какой оборотъ финансируютъ эмиссіонные банки Запада и Россіи? Вотъ краткій цифровой отвѣтъ.

Французскимъ банкомъ въ 1911 г. было принято къ учету векселей:

Валюта векселя во франкахъ:	Число векселей:
отъ 5 до 10	237.512
— 11 — 50	2.231.942
— 51 — 100	1.536.126
болѣе 100	4.218.384
Всего . . .	8.223.964

Такимъ образомъ, въ портфелѣ Французскаго банка мелкихъ векселей, не выше 100 франковъ, было учтено 49%.

Въ томъ же году средняя валюта векселя, учтеннаго нашимъ Государственнымъ банкомъ, составила, 376 руб., при чемъ средняя по отдѣльнымъ районамъ колебалась отъ 194 руб. до 1.101 руб. Въ рядѣ районовъ она приближалась къ тысячѣ руб., въ другихъ—стояла около 500—600 руб. Ясно, что болѣе крупный оборотъ финансируется нашимъ Государственнымъ банкомъ, а не Французскимъ банкомъ.

Слѣдовательно, совсѣмъ не по указанному проф. Т.-Барановскимъ основанію иностранные эмиссіонные банки выпускаютъ банкноты крупныхъ достоинствъ, а русскій банкъ — крупныхъ и мелкихъ. Въ дѣйствительности, крупные банкноты выпускаются иностранными эмиссіонными банками въ цѣляхъ болѣе эластичнаго управленія банкнотнымъ обращеніемъ: мелкіе банкноты имѣютъ тенденцію застревать въ обращеніи и, такимъ образомъ, высвобождаться отъ банковскаго управленія, и поэтому иностранные банки до сихъ поръ ограничивали свою эмиссію по возможности только крупными банкнотами. Правда, Германія уже до войны значительно нарушила это правило банковской эмиссіи. На западѣ предпочитали, чтобы въ оборотѣ было какъ можно больше звонкой монеты. О размѣрѣ насыщенности оборота металлическими деньгами можно судить по слѣдующимъ цифрамъ, ежегодно публикуемымъ американскимъ монетнымъ дворомъ:

Къ 31 декабря 1913 года:
сумма денежныхъ знаковъ на 1 жителя, въ долларахъ:

	золотыхъ.	серебряныхъ.
С. А. Соед. Штаты	19,48	5,61
Великобританія	16,10	2,57
Франція	30,30	10,38
Германія	13,30	4,03
Россія	5,98	0,47

При такой насыщенности на Западѣ денежнаго обращенія металлическими деньгами, центральные банки тамъ спокойно могли обходиться съ крупными банкнотами. Но когда вспыхнула война, то вслѣдствіе паники золото исчезло изъ оборота, и на Западѣ центральные банки были вынуждены насытить обращеніе мелкокупюрными банкнотами. Во Франціи мелкія банкноты увеличились въ своей массѣ во время войны съ 2.273 тыс. фр. до 1.194.050 тыс. фр.; въ Германіи—съ 359 милл. до 1.525 милл. м.

Въ Россіи, какъ показываетъ вышеприведенная таблица, количество металлическихъ полноцѣнныхъ денегъ, по сравненію съ западными странами, очень невелико. Поэтому въ Россіи недостача въ денежныхъ знакахъ заполняется мелкими государственными кредитными билетами. Такъ какъ до войны эти билеты были покрыты золотомъ болѣе чѣмъ рубль за рубль и такъ какъ эмиссіонное право Государственнаго банка никогда не было использовано то бѣды отъ насыщенія оборота мелкими билетами не было никакой. Наоборотъ, у насъ, при небольшомъ участіи серебра въ системѣ денежнаго обращенія (всего только на $120^1/_2$ милл. руб.) и при преобладаніи безусловно размѣнной на золото банкноты, золотая валюта имѣла выдержанный стиль. Зачѣмъ же ее портить введеніемъ неразмѣнныхъ казначейскихъ билетовъ? Единственный серьезный мотивъ — дать казначейству 500 милл. безпроцентнаго долга. Но эта безпроцентность легко можетъ оказаться очень дорогою, такъ какъ она ослабитъ довѣріе къ нашему денежному обращенію. У насъ имѣется прямая дорога, если придется и послѣ войны оставить денежное обращеніе въ нѣсколько расширенномъ видѣ: увеличивать обращеніе металлической монеты и использовать банкноты, выпущенныя не на основѣ покрытія рубль за рубль, а на основѣ эмиссіоннаго права. Во всемъ мірѣ обращаются такія непокрытыя банкноты, и только одна Россія была исключеніемъ изъ общаго правила. Единство денежнаго обращенія — великая цѣнность какъ сама по себѣ, такъ и для упроченія государственнаго кредита. Колебать эту цѣнность ни во время войны, ни послѣ войны выпу-

скомъ «бумажнаго биллона» нѣтъ рѣшительно никакихъ основаній. Худшія деньги всегда портятъ позицію лучшихъ.

Слѣдуетъ отмѣтить, что проф. Туганъ-Барановскій самъ признаетъ необходимымъ всячески ограничить хожденіе «бумажнаго биллона». Онъ требуетъ, чтобы казначейскіе билеты выпускались только въ три и въ одинъ рубль, чтобы ихъ общая масса была ограничена небольшой суммой и чтобы эти билеты были введены послѣ войны, когда въ денежномъ обращеніи водворится порядокъ. Если къ этимъ требованіямъ добавить еще одно—чтобы новыя деньги были обязательны къ пріему въ частныхъ платежахъ, какъ настоящій биллонъ, т.-е. не свыше трехъ рублей, то тогда и огородъ городить незачѣмъ. Въ нормальное время, когда нашъ Государственный банкъ еще не стягивалъ, въ ожиданіи войны, золота въ свои подвалы, въ обращеніи трехрублевыхъ и рублевыхъ билетовъ было всего только 180 милл. руб. (1909 г.) при общей массѣ билетовъ въ 1.200 милл. руб.

М. Боголѣповъ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Политика нейтральныхъ государствъ на Балканскомъ полуостровѣ.—Вопросъ о вмѣшательствѣ Италіи въ войну.—Дипломатическіе споры между Германіею и Соединенными Штатами.—Политическія перспективы въ Европѣ.

Въ теченіе многихъ мѣсяцевъ продолжаются въ печати непрерывные споры и толки о вѣроятныхъ планахъ и намѣреніяхъ отдѣльныхъ нейтральныхъ державъ, близко заинтересованныхъ въ ходѣ великой европейской войны. Когда выступитъ Румынія? Вмѣшается ли въ дѣло Болгарія? Какъ поступитъ Греція? Выйдетъ ли, наконецъ, изъ своего нейтралитета Италія? Газеты ежедневно обсуждали эти вопросы съ разныхъ точекъ зрѣнія и приходили къ самымъ опредѣленнымъ заключеніямъ, которыя, однако, неизбѣжно и послѣдовательно опровергались фактами.

Сколько разъ предсказывалось скорое и неминуемое выступленіе Румыніи послѣ смерти короля Карла, который считался единственнымъ къ тому препятствіемъ въ силу своихъ фамильныхъ и политическихъ связей! Насколько можно было

судить по статьямъ и телеграммамъ освѣдомленныхъ газетъ, присоединеніе Румыніи къ тройственному согласію было уже дѣломъ рѣшеннымъ и ожидалось со дня на день, въ виду несомнѣннаго торжества національной политики въ Бухарестѣ; однако, и до сихъ поръ это торжество румынской національной политики не идетъ далѣе сочувственныхъ манифестацій по адресу противниковъ Германіи и Австро-Венгріи. Свѣдущіе публицисты постоянно доказывали румынскимъ патріотамъ, что они должны непремѣнно, безъ всякихъ проволочекъ, принять окончательное рѣшеніе въ ту или другую сторону; румынскіе патріоты съ своей стороны какъ будто соглашались и подтверждали, что надо примкнуть къ державамъ тройственнаго согласія и открыто принять участіе въ войнѣ,—и тѣмъ не менѣе Румынія не двигалась съ мѣста и понынѣ остается нейтральною, въ ожиданіи дальнѣйшихъ событій.

То же самое мы видимъ относительно Болгаріи, которой приписывался коварный планъ нападенія на Сербію въ союзѣ съ австрійцами и турками. Правда, болгарское правительство и царь Фердинандъ не скрывали своихъ симпатій къ Германіи и Австро-Венгріи, вели секретные переговоры съ кабинетами Вѣны и Берлина, и допускали нѣкоторыя существенныя нарушенія своего нейтралитета въ пользу нѣмецко-турецкихъ друзей; но все-таки, вопреки всѣмъ газетнымъ предсказаніямъ и разоблаченіямъ, Болгарія воздержалась отъ прямого вмѣшательства въ войну и не обнаружила готовности выступить активно противъ Россіи и ея союзниковъ. Она не оставляла, впрочемъ, своихъ непріязненныхъ проектовъ противъ Сербіи и устраивала періодическіе набѣги болгарскихъ комитаджіевъ въ предѣлы сербской Македоніи. Недавно еще хорошо вооруженный отрядъ приблизительно въ двѣ тысячи человѣкъ, подъ начальствомъ бывшихъ болгарскихъ офицеровъ, перешелъ изъ Болгаріи на сербскую территорію, по направленію къ желѣзной дорогѣ, соединяющей Салоники съ Нишемъ, но былъ своевременно разбитъ сербскими войсками. Въ отвѣтъ на оффиціальный запросъ изъ Бѣлграда по поводу такого рода враждебныхъ предпріятій, министерство Радославова не только не извинилось за неправильныя или неосторожныя дѣйствія мѣстныхъ болгарскихъ властей, а напротивъ, высказало цѣлый рядъ рѣзкихъ обвиненій и упрековъ сербскому правительству. Македонскіе болгары, насильственно отданные подъ власть Сербіи, возстаютъ будто бы противъ своихъ угнетателей и, естественно, ищутъ убѣжища въ пограничныхъ округахъ Болгаріи, гдѣ имъ оказываютъ покровительство по мотивамъ человѣколюбія; если же они стремятся обратно на родину и тамъ производятъ безпорядки, то за это нисколько не отвѣчаютъ

болгарскіе правители; съ своей стороны сербскія власти должны принимать серьезныя мѣры къ тому, чтобы ихъ войска, при преслѣдованіи возставшихъ, не переходили черезъ болгарскую границу, ибо въ противномъ случаѣ могли бы возникнуть «чрезвычайно важныя послѣдствія». Такимъ образомъ, Болгарія отвѣтила угрозою вмѣсто извиненій, и она упорно сохраняетъ это угрожающее положеніе, изъ котораго не выходитъ со времени потери Македоніи. Болгары не могутъ забыть, что и Греція отняла у нихъ часть македонскихъ земель, что Румынія захватила даже часть ихъ собственной территоріи и что эти захваты санкціонированы бухарестскимъ трактатомъ 28 іюня 1913 года, при молчаливомъ одобреніи русской дипломатіи; но они не хотятъ примириться съ тѣмъ, что потерпѣли пораженіе въ открытомъ бою съ своими давними соперниками, сербами. Къ послѣднимъ они чувствуютъ величайшую ненависть, и тѣмъ не менѣе должны оставаться съ ними въ мирѣ, чтобы не вступить въ явный конфликтъ съ Россіею. Начавшіяся военныя операціи въ Дарданеллахъ наглядно показали Болгаріи, что ей необходимо войти въ соглашеніе съ державами тройственнаго согласія для обезпеченія своихъ интересовъ при будущемъ устройствѣ судьбы проливовъ и ихъ побережья. Болгары видятъ теперь, что имъ представляется случай вновь занять Адріанополь и расширить свои границы до Чаталджи и Мраморнаго моря, и они невольно связываютъ свои заманчивыя патріотическія надежды съ успѣхами союзниковъ, бомбардирующихъ Дарданеллы и Босфоръ. Въ печати опять обсуждаются разныя комбинаціи, въ которыхъ можетъ участвовать Болгарія рядомъ съ Россіею, хотя эти разсужденія не имѣютъ еще подъ собою реальной почвы,—а софійское правительство предпочитаетъ пока держаться въ сторонѣ, избѣгая брать на себя раньше времени какія-либо опредѣленныя обязательства.

Что касается Греціи, то она была уже близка къ рѣшенію принять участіе въ войнѣ, когда въ январѣ текущаго года Англія предложила ей оказать помощь Сербіи, которой угрожало новое нападеніе австро-венгерскихъ войскъ. Глава министерства, Венизелосъ, находилъ моментъ весьма удобнымъ для вмѣшательства, но признавалъ необходимымъ прежде всего привлечь на свою сторону Румынію и устроить надлежащій компромиссъ съ Болгаріею. Какъ видно изъ напечатанныхъ недавно двухъ секретныхъ записокъ Венизелоса, поданныхъ имъ королю Константину, министръ-президентъ считалъ вполнѣ возможнымъ и въ высшей степени желательнымъ возстановленіе балканской лиги, которая значительно облегчила бы скорую и полную побѣду союзниковъ на ближнемъ Востокѣ и до-

ставила бы огромныя выгоды участникамъ. Греціи обѣщана была часть турецкаго наслѣдства въ Малой Азіи—область Смирны, пространствомъ около 125 тысячъ квадратныхъ километровъ и съ населеніемъ въ 800 тысячъ грековъ. Греческая нація получила бы въ свое владѣніе почти всѣ земли, которыя когда-нибудь находились подъ властью эллинизма, и ради такой великой цѣли можно было, по мнѣнію Венизелоса, пожертвовать нѣкоторыми изъ новѣйшихъ территоріальныхъ пріобрѣтеній, уступивъ ихъ заблаговременно болгарамъ. Венизелосъ не сомнѣвался въ торжествѣ державъ тройственнаго согласія, особенно въ случаѣ присоединенія къ нимъ вооруженныхъ силъ всѣхъ балканскихъ государствъ; если же союзники были бы побѣждены турецко-германскою коалиціею, то насталъ бы конецъ независимости небольшихъ балканскихъ народовъ, и Греція лишилась бы Салоникъ и тѣхъ пограничныхъ областей, на которыя теперь претендуетъ Болгарія. Эти настоятельные доводы Венизелоса не убѣдили, однако, сторонниковъ болѣе осторожной выжидательной политики, въ числѣ которыхъ, кромѣ короля Константина, оказались такіе испытанные патріоты, какъ освободитель сѣвернаго Эпира Зографосъ, адмиралъ Стратосъ, Гунарисъ и другіе. Возникшее разногласіе побудило Венизелоса выйти въ отставку, и замѣстителемъ его назначенъ былъ Гунарисъ. Греція не соблазнилась блестящими и широкими перспективами, открытыми предъ нею бывшимъ министромъ-президентомъ; она не считала себя достаточно подготовленною къ выступленію, связанному съ рискомъ и требующему большихъ жертвъ. Но сохраненіе нейтралитета при извѣстныхъ обстоятельствахъ также соединяется съ рискомъ, иногда гораздо болѣе значительнымъ,—ибо легко пропустить, такимъ образомъ, благопріятный моментъ для окончательнаго разрѣшенія важныхъ національныхъ проблемъ, унаслѣдованныхъ отъ прошлаго. Такимъ историческимъ моментомъ представляется для Греціи, какъ и для другихъ балканскихъ государствъ, попытка союзныхъ державъ очистить Дарданеллы и Босфоръ отъ турецкаго владычества и разрушить самое ядро Оттоманской имперіи. Уклоняясь отъ активнаго участія въ этомъ грандіозномъ предпріятіи, греки лишали бы себя права заявлять притязанія на желательную имъ долю въ открывающемся наслѣдствѣ, и, разумѣется, ни въ какомъ случаѣ не могли бы разсчитывать на полученіе обширной мало-азіатской области съ городомъ Смирной, какъ предположено было Англіею отъ имени державъ тройственнаго согласія. Эти соображенія должны были бы ускорить поворотъ греческой политики въ пользу вмѣшательства по плану Венизелоса, но осуществить этотъ планъ, т.-е. возстановить балканскій союзъ и заставить Болгарію дѣйствовать

совмѣстно съ Румыніею, Сербіею и Греціею, было бы, по всей вѣроятности, чрезвычайно трудно.

Единственная великая держава въ Европѣ, оставшаяся нейтральною въ настоящей войнѣ,—Италія—имѣетъ возможность рѣшить вопросъ о вмѣшательствѣ вполнѣ самостоятельно, руководствуясь только своими особыми политическими интересами, и ея рѣшеніе послужило бы тѣмъ толчкомъ, который вывелъ бы балканскія государства изъ состоянія выжидательной неподвижности. Въ Италіи правительство не расходится съ общественнымъ мнѣніемъ въ пониманіи предстоящихъ національныхъ задачъ; оно раздѣляетъ идеи и стремленія патріотовъ, но предоставляетъ себѣ выборъ способовъ и времени исполненія. Германская дипломатія старалась удовлетворить Италію обѣщаніями добровольныхъ территоріальныхъ уступокъ со стороны Австро-Венгріи; князь Бюловъ долго велъ переговоры въ этомъ смыслѣ, но не имѣлъ успѣха и вынужденъ былъ, наконецъ, признаться въ безплодности своей миссіи. Положеніе князя Бюлова было, въ самомъ дѣлѣ, довольно странное и двусмысленное: ему приходилось отъ имени Германіи обѣщать австрійскія земли и располагать владѣніями союзной державы, отъ которой онъ, въ сущности, не имѣлъ никакихъ прямыхъ полномочій; онъ былъ только посредникомъ въ дѣлѣ австрійскихъ уступокъ и долженъ былъ стремиться по возможности ограничить ихъ размѣры, а для Италіи не было разсчета отказываться отъ вѣроятныхъ будущихъ пріобрѣтеній ради небольшихъ, сравнительно, земельныхъ прирѣзокъ, которыя притомъ могли бы окончательно осуществиться на практикѣ только впослѣдствіи, по окончаніи войны. Въ послѣднее время, подъ вліяніемъ болѣе рѣшительнаго оборота дѣлъ въ Дарданеллахъ и на Босфорѣ, Италіи были сдѣланы, какъ говорятъ, новыя, болѣе щедрыя обѣщанія, но безъ всякихъ гарантій дѣйствительнаго исполненія. Для итальянцевъ ясно, что Германія желаетъ выиграть время и удержать ихъ отъ вмѣшательства; и каковъ бы ни былъ исходъ войны, Италія можетъ только потерять отъ соглашенія съ австро-германскою дипломатіею. Если, сверхъ ожиданія, побѣдитъ Германія, то она не только не будетъ содѣйствовать территоріальному расширенію Италіи, но постарается еще отомстить ей за коварное нарушеніе формально-существующаго тройственнаго союза. Въ случаѣ же пораженія, она не будетъ имѣть ни возможности, ни основанія вознаграждать Италію за ея нейтралитетъ; хозяевами положенія въ Европѣ были бы тогда державы тройственнаго согласія, которыя, съ своей стороны, не стали бы заботиться объ интересахъ страны, сумѣвшей воздержаться отъ участія въ общей борьбѣ. По отношенію къ Италіи имѣютъ еще больше силы

приведенные выше доводы Венизелоса, чѣмъ относительно балканскихъ государствъ. Своевременное присоединеніе Италіи къ Англіи и Франціи сразу увеличило бы шансы побѣды союзниковъ и способствовало бы скорѣйшему и успѣшному окончанію войны, тѣмъ болѣе, что и балканскія государства послѣдовали бы тогда авторитетному примѣру Италіи; а при совмѣстномъ активномъ выступленіи Италіи и балканской лиги результатъ не подлежалъ бы никакому сомнѣнію. Вмѣсто того, чтобы связывать себя сомнительными германскими подачками, Италія свободно участвовала бы въ устройствѣ новаго положенія дѣлъ въ Европѣ, наравнѣ съ державами тройственнаго согласія, и получила бы все то, на что́ имѣла бы право надѣяться итальянская нація.

Если вѣрить газетнымъ свѣдѣніямъ, переговоры итальянскаго правительства съ кабинетами западныхъ державъ благополучно доведены до конца, и Италіею принято уже безповоротное рѣшеніе отказаться отъ нейтралитета и открыто примкнуть къ лагерю противниковъ Германіи и Австро-Венгріи. Газеты нѣсколько разъ уже назначали ближайшій срокъ, когда это рѣшеніе должно быть оффиціально объявлено, и назначенный срокъ отодвигался со дня на день по разнымъ случайнымъ или неизвѣстнымъ причинамъ. Итальянскіе министры публично говорили о «предстоящихъ великихъ жертвахъ», и никто уже не сомнѣвается, что Италія, дѣйствительно, стоитъ на порогѣ новыхъ крупныхъ событій. Но когда именно наступитъ этотъ день и часъ, когда Италія двинетъ свои войска въ австрійскіе предѣлы,—остается пока еще неизвѣстнымъ,—по крайней мѣрѣ, въ ту минуту, когда мы пишемъ эти строки. Очень можетъ быть, что и въ выборѣ момента положенъ конецъ всякимъ колебаніямъ; но, какъ мы указывали неоднократно, въ этомъ отношеніи все зависитъ отъ военнаго положенія обѣихъ воюющихъ сторонъ. Если Италія увѣрена въ побѣдѣ союзниковъ, то она не имѣетъ повода торопиться оказать имъ содѣйствіе своими войсками; она можетъ ждать, пока австрійцы будутъ окончательно разбиты, и тогда она безъ всякаго риска и безъ значительныхъ жертвъ займетъ Трентино и Истрію, съ согласія Англіи и Франціи, для которыхъ даже это позднее выступленіе было бы полезно съ точки зрѣнія болѣе полной ликвидаціи войны. Само собою разумѣется, что немедленное вмѣшательство получило бы совсѣмъ другую оцѣнку, чѣмъ позднѣйшее, неспособное уже оказать вліяніе на общій ходъ военныхъ дѣлъ; но тонкіе итальянскіе дипломаты отлично понимаютъ всѣ выгоды своего положенія и не сдѣлаютъ ничего лишняго, сверхъ того, что́ ими признано будетъ безусловно необходимымъ. Газеты сообщали, что итальянское правительство объявитъ свое рѣшеніе во время гари-

бальдійскихъ празднествъ въ Генуѣ, 5 мая (22 апрѣля), въ присутствіи короля; это извѣстіе получено было, по обыкновенію, изъ достовѣрныхъ или «высокоавторитетныхъ» источниковъ, и тѣмъ не менѣе оно оказалось невѣрнымъ. Правительство вовсе не приняло участія въ торжествѣ по случаю открытія памятника Гарибальди въ Генуѣ, опасаясь неудобныхъ демонстрацій, и ожидаемое оффиціальное заявленіе не состоялось. Дипломатическая игра, повидимому, еще не окончена. Переговоры съ Австро-Венгріею черезъ посредство Германіи считались прерванными, но они возобновились непосредственно съ Вѣною и затянулись опять на недѣлю, при чемъ со стороны Италіи предъявленъ былъ какой-то ультиматумъ, на который не было дано удовлетворительнаго отвѣта.

Общественное мнѣніе Европы съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдитъ за послѣдовательнымъ ходомъ этихъ закулисныхъ комбинацій, соглашеній и разногласій. Италія дѣлаетъ видъ, что переговоры съ Вѣной еще не прекратились, хотя всѣ сознаютъ ихъ безцѣльность; но и для нея важно выиграть время и возвысить цѣнность своего союза въ глазахъ Англіи и Франціи. Совершенно естественно, что Италія не стремится воевать съ австрійцами, пока они располагаютъ еще значительными вооруженными силами и могутъ еще разсчитывать на серьезную помощь Германіи; она предпочитаетъ имѣть дѣло съ противниками уже побѣжденными или обезсиленными, а не съ такими, которые играютъ еще роль побѣдителей на другихъ фронтахъ. Поэтому-то итальянское правительство откладываетъ развязку до тѣхъ поръ, пока успѣхъ не перейдетъ рѣшительно на сторону тройственнаго согласія и пока австро-германцы не будутъ вытѣснены изъ занятыхъ ими чужихъ областей; а такъ какъ этихъ внѣшнихъ признаковъ побѣды не видно, то надо тянуть переговоры съ Австро-Венгріею подъ разными предлогами.

Державы тройственнаго согласія чрезвычайно заинтересованы въ томъ, чтобы ускорить выходъ Италіи изъ нейтралитета, и для достиженія этой цѣли онѣ готовы идти на самыя широкія уступки и обѣщанія. Говорятъ, что Италіи предлагаютъ не только итальянскій Тироль и Истрію съ Тріестомъ, но и Далмацію до Спалато, съ преобладающимъ славянскимъ населеніемъ; по этому вопросу будто бы состоялось уже соглашеніе съ Сербіею, которой предоставлена полоса далматинскаго побережья южнѣе Спалато. Такъ какъ Италія уже утвердилась въ части Албаніи, занявъ городъ Валону у Отрантскаго пролива, то съ пріобрѣтеніемъ Далмаціи до Спалато она становится безспорной владычицей всего Адріатическаго моря. Далмація не представляетъ, конечно, большого интереса для западныхъ державъ,

но она служитъ единственнымъ выходомъ къ морю для южно-славянскихъ областей нынѣшней Австро-Венгріи—Хорватіи, Славоніи и Босніи. Отдѣлить Далмацію отъ этихъ славянскихъ земель и отдать ее посторонней державѣ—значило бы закрыть для нихъ доступъ къ морю и этимъ нанести сильный ударъ всему южному славянству. Далматинское побережье имѣетъ, безъ сомнѣнія, значительныя историческія и національныя связи съ Италіею; многія поселенія были нѣкогда основаны Венеціею и принадлежали къ ея владѣніямъ, но съ теченіемъ времени славянскій элементъ получилъ въ нихъ преобладаніе, и итальянцы составляютъ тамъ незначительное меньшинство. Національно-историческія традиціи, на которыя принято ссылаться въ подобныхъ случаяхъ, должны отступать предъ реальными интересами народовъ. Какова бы ни была судьба славянскихъ областей Австро-Венгріи, державы тройственнаго согласія не могутъ допускать нарушеніе жизненныхъ интересовъ населяющихъ эти области небольшихъ народностей ради выгодъ отдѣльныхъ великихъ державъ. Принципъ равноправія большихъ и малыхъ народностей—одинъ изъ существенныхъ пунктовъ программы тройственнаго согласія, и нельзя пожертвовать этимъ принципомъ по отношенію къ Хорватіи, Славоніи и Босніи, хотя бы этого требовала Италія.

Мы не думаемъ, чтобы Сербія въ своихъ переговорахъ съ итальянскимъ правительствомъ затрагивала общій вопросъ о судьбѣ Далмаціи; она могла интересоваться только вопросомъ о той полосѣ далматинскаго побережья, которая примыкаетъ къ ея собственной территоріи, а также къ южной части Босніи и къ черногорскимъ владѣніямъ. Съ этой спеціально-сербской точки зрѣнія прибрежная полоса земли южнѣе Спалато представляется достаточною, и уступка ея въ пользу Сербіи должна была вполнѣ удовлетворить сербское правительство; но относительно сѣверной части Далмаціи могли условливаться только великія державы, на которыхъ и лежала обязанность позаботиться объ охранѣ интересовъ туземныхъ славянскихъ народностей. Сербія не имѣла ни права, ни основанія санкціонировать произвольныя и неосновательныя уступки въ предѣлахъ чужихъ земель, которыя ни прямо, ни косвенно не входятъ въ кругъ ея интересовъ; поэтому газетныя сообщенія о томъ, что Сербія будто бы выразила согласіе на передачу сѣверной и средней Далмаціи подъ власть Италіи, должны быть признаны ошибочными, какъ основанныя на явномъ недоразумѣніи. Намъ кажется вообще весьма сомнительнымъ, чтобы вопросъ о Далмаціи былъ рѣшенъ такъ круто и рѣшительно въ пользу Италіи безъ надлежащаго вниманія къ потребностямъ и желаніямъ туземнаго славянскаго населенія. По всей вѣроятности, въ данномъ случаѣ дѣло идетъ лишь объ

одностороннемъ итальянскомъ проектѣ, относительно котораго державы тройственнаго согласія не успѣли еще сговориться,—хотя, быть можетъ, Англія и Франція противъ него не возражали. Впрочемъ, споръ о Далмаціи едва-ли послужитъ препятствіемъ къ союзному соглашенію, которое съ такимъ нетерпѣніемъ ожидается въ значительной части Европы. Начало военныхъ дѣйствій со стороны Италіи и балканскихъ государствъ можетъ повлечь за собою конецъ европейской войны въ томъ безнадежномъ видѣ, какъ она ведется до сихъ поръ. Этимъ и объясняется то тревожное чувство, съ какимъ относятся теперь въ Австро-Венгріи и Германіи къ воинственнымъ извѣстіямъ изъ Италіи.

Надо отдать справедливость германской дипломатіи: она не считаетъ своихъ враговъ и старается даже увеличить ихъ число среди нейтральныхъ, какъ это особенно замѣтно въ ея поведеніи относительно американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. Тогда какъ американскіе нѣмцы и пріѣзжіе германскіе патріоты, въ родѣ бывшаго министра Дернбурга, вели дѣятельную пропаганду въ пользу Германіи, берлинскій кабинетъ и оффиціальный представитель его въ Америкѣ, графъ Бернсторфъ, систематически раздражали американское общественное мнѣніе своими рѣзко формулированными притязаніями и требованіями. Дипломатическая полемика между Берлиномъ и Вашингтономъ продолжается уже довольно давно, чуть ли не съ перваго мѣсяца войны, но въ послѣднее время она пріобрѣла такой характеръ, что американскія газеты стали требовать отъ Германіи отозванія ея посла, графа Бернсторфа, и заговорили вообще въ несвойственномъ имъ воинственномъ тонѣ.

Въ концѣ марта (по старому стилю) была вновь передана вашингтонскому кабинету германская нота, обвиняющая американское правительство въ нарушеніи нейтралитета допущеніемъ свободнаго вывоза оружія и боевыхъ снарядовъ въ Англію и Францію. Рядомъ съ этою свободою контрабандной торговли въ ущербъ нѣмцамъ, по словамъ ноты, не принимается никакихъ мѣръ для огражденія такой же свободы вывоза пищевыхъ продуктовъ для снабженія ими мирнаго населенія Германіи. Напомнивъ тотъ фактъ, что въ свое время президентъ Вильсонъ, «въ согласіи съ лучшею международною практикою», запретилъ вывозъ оружія въ Мексику, германская нота продолжаетъ: «Соединенные Штаты—единственная страна, имѣющая возможность вывозить военные матеріалы. Это обстоятельство должно было бы придать новое значеніе понятію нейтралитета независимо отъ формальнаго права. Между тѣмъ, въ противность

реальному смыслу нейтралитета, въ Соединенныхъ Штатахъ создается огромная новая промышленность по производству боевыхъ снарядовъ и военныхъ принадлежностей всякаго рода, и не только расширяются существующіе заводы по этой части, но постоянно основываются новыя предпріятія для той же цѣли. Если американскій народъ желаетъ соблюдать истинный нейтралитетъ, онъ найдетъ средства и способы остановить вывозъ оружія въ пользу одной только стороны, или по крайней мѣрѣ употребить эту экспортную торговлю для поддержанія законной торговли съ Германіею и спеціально торговли пищевыми продуктами».

Одновременно съ передачею этой ноты вашингтонскому кабинету текстъ ея былъ напечатанъ графомъ Бернсторфомъ въ газетахъ, что̀ признается несогласнымъ съ обычаями дипломатіи. Не трудно было дать надлежащій отпоръ оригинальнымъ требованіямъ и упрекамъ германскаго правительства. Что усиленный спросъ на боевые снаряды и военныя принадлежности вызвалъ въ Америкѣ необыкновенное развитіе соотвѣтственныхъ отраслей производства—это вполнѣ естественно, и правительство не имѣло и не имѣетъ ни малѣйшаго законнаго повода препятствовать такому направленію промышленной дѣятельности, ибо продукты этой промышленности предназначены одинаково для всѣхъ нуждающихся въ нихъ государствъ и должны считаться одинаково доступными обѣимъ воюющимъ сторонамъ. Въ этомъ смыслѣ соблюдается безусловное формальное равенство обѣихъ сторонъ, и, слѣдовательно, нейтралитетъ остается въ полной силѣ. Запрещеніе производства и вывоза оружія могло бы во многихъ случаяхъ вредить интересамъ только одной стороны и, такимъ образомъ, сознательно помогало бы успѣхамъ ея противниковъ, обладающихъ достаточнымъ количествомъ спеціальныхъ заводовъ и фабрикъ для производства военныхъ матеріаловъ всякаго рода. Нейтральныя державы не обязаны заботиться о фактической способности той или другой изъ воюющихъ сторонъ пользоваться заграничнымъ вывозомъ оружія для своихъ надобностей. О нарушеніи нейтралитета не можетъ быть и рѣчи, когда вывозимые товары доступны всѣмъ желающимъ. Оттого и въ Гаагской конвенціи 18 октября 1907 года постановлено въ видѣ общаго правила, что «нейтральное государство не обязано препятствовать вывозу или транзиту, на счетъ той или другой изъ воюющихъ сторонъ, оружія, боевыхъ снарядовъ и вообще всего того, что̀ можетъ быть полезно для арміи или флота». Въ сущности Германія требуетъ, чтобы американское правительство контролировало назначеніе извѣстныхъ грузовъ, вывозимыхъ въ Европу, и не допускало экспорта ихъ въ Англію и Францію, такъ какъ факти-

чески Германія лишена возможности пользоваться свободою мореплаванія наравнѣ съ названными двумя державами. Но, очевидно, правительство Соединенныхъ Штатовъ не можетъ ограничивать законныя права противниковъ Германіи только потому, что послѣдняя находится въ менѣе благопріятномъ положеніи на моряхъ и океанахъ. Можно было въ свое время запретить вывозъ оружія въ сосѣднюю Мексику, гдѣ происходила междоусобная война, но нельзя слѣдить за тѣмъ, чтобы нагруженный въ Нью-іоркѣ или въ другомъ мѣстѣ пароходъ доставилъ свой грузъ не въ Англію или Францію, а въ Германію, или въ нейтральную Голландію или Швецію для доставки въ Германію. Контроль надъ океаномъ и надъ портами Европы не принадлежитъ американцамъ, и требовать отъ нихъ чего-либо подобнаго совершенно безполезно. Еще болѣе страннымъ кажется домогательство, чтобы Соединенные Штаты обезпечили свободный вывозъ пищевыхъ продуктовъ въ Германію. Какъ это сдѣлать, если германскіе корабли не рискуютъ показаться въ открытомъ морѣ и если пищевые продукты, предназначенные для одной изъ воюющихъ сторонъ, подлежатъ законному захвату въ качествѣ контрабанды?

Въ своемъ отвѣтѣ на германсую ноту, переданномъ графу Бернсторфу 21 апрѣля (нов. ст.), статсъ-секретарь по иностраннымъ дѣламъ, Брайанъ, довольно откровенно высказываетъ свой взглядъ на упреки и протесты Германіи. Онъ затрудняется понять его доводы, изложенные въ такомъ тонѣ, какъ будто германское правительство подвергаетъ сомнѣнію добросовѣстность Соединенныхъ Штатовъ. Ни въ какое время и никакимъ способомъ — говоритъ Брайанъ — мы не откажемся отъ нашихъ правъ, какъ нейтральной страны, въ пользу той или другой изъ воюющихъ сторонъ... Германія ошибается, предполагая, что правительство Соединенныхъ Штатовъ могло запретить вывозъ оружія въ враждебныя ей страны и что непринятіе этой мѣры служитъ доказательствомъ недоброжелательнаго отношенія къ германскимъ интересамъ. Наше правительство считаетъ, что измѣненіе его собственныхъ правилъ нейтралитета во время настоящей войны неодинаково отразилось бы на отношеніяхъ съ воюющими націями и явилось бы ничѣмъ не оправдываемымъ отступленіемъ отъ принциповъ строгаго нейтралитета, которыми всегда руководствовались Соединенные Штаты. Такимъ именно измѣненіемъ было бы запрещеніе торговли оружіемъ въ настоящее время,—это было бы прямое нарушеніе нейтралитета Соединенныхъ Штатовъ».

Американская пресса дополняетъ своими комментаріями то, что не досказано въ нотѣ Брайана, и выражаетъ свое крайнее уди-

вленіе по поводу германскихъ ссылокъ на правила нейтралитета и соображенія справедливости. Международное право допускаетъ захватъ непріятельскихъ или контрабандныхъ грузовъ въ открытомъ морѣ только послѣ надлежащаго досмотра кораблей, для избѣжанія ошибокъ и недоразумѣній, а Германія усвоила новую практику, въ силу которой подводныя лодки топятъ торговыя и пассажирскія суда не только безъ предварительнаго досмотра, но и безъ всякаго предупрежденія, обрекая на гибель ни въ чемъ не повинныхъ людей, въ числѣ которыхъ могутъ случайно оказаться даже германскіе подданные. Этотъ возмутительный способъ дѣйствій вызываетъ въ Америкѣ сильнѣйшее негодованіе, особенно послѣ того, какъ подобнымъ нападеніямъ стали подвергаться и американцы. Недавно еще былъ потопленъ пароходъ подъ американскимъ флагомъ, при чемъ погибло нѣсколько американскихъ гражданъ, и этотъ пиратскій подвигъ объясняется будто бы «недоразумѣніемъ». Графъ Бернсторфъ имѣлъ даже смѣлость напечатать въ газетахъ предупрежденіе, что не слѣдуетъ отправляться въ путешествіе на англійскихъ или французскихъ пароходахъ, ибо эти пароходы могутъ быть потоплены германскими подводными лодками. Это удивительное по цинизму формальное заявленіе, нарушающее притомъ законы чужой страны, производитъ впечатлѣніе какого-то издѣвательства надъ американскимъ народомъ и правительствомъ, если сопоставить это заявленіе съ упреками за допущеніе свободной торговли оружіемъ. Топить пассажирскіе или торговые пароходы съ случайно находящимися на на нихъ людьми—дозволено, съ точки зрѣнія германскихъ дипломатовъ, и это не составляетъ нарушенія международнаго права, а продавать оружіе иностранцамъ нельзя, ибо это противорѣчило бы нѣмецкому пониманію нейтралитета. Въ Америкѣ искусственно накопляется, такимъ образомъ, раздраженіе противъ оффиціальной Германіи, благодаря вызывающему образу дѣйствій ея правительства и безтактному усердію графа Бернсторфа. Какую цѣль преслѣдуетъ при этомъ берлинскій кабинетъ—понять трудно.

Къ несчастію, германскія угрозы въ родѣ той, которая была опубликована графомъ Бернсторфомъ, выполняются съ безпощадною послѣдовательностью, не встрѣчая другихъ мѣстъ противодѣйствія, кромѣ словесныхъ. Послѣднимъ примѣромъ этого рода служитъ гибель океанскаго пассажирскаго парохода «Лузитанія», потопленнаго подводной лодкой 24 апрѣля (7 мая) близъ береговъ Ирландіи. Передъ отправленіемъ этого парохода изъ Нью-Іорка, нѣкоторые изъ богатыхъ американцевъ, значившіеся въ спискѣ пассажировъ, и въ томъ числѣ милліардеръ Альфредъ Вандербильтъ, получили, какъ говорятъ, отъ германскаго посольства, частныя предостерегающія письма, которымъ

они, однако, не придавали серьезнаго значенія; и они погибли вмѣстѣ съ другими, менѣе привилегированными пассажирами, не удостоившимися подобныхъ спеціальныхъ предупрежденій. Двѣ мины, выпущенные подводной лодкой, произвели такое разрушительное дѣйствіе, что черезъ пятнадцать минутъ колоссальное судно находилось уже подъ водой. По приблизительному счету на пароходѣ было не менѣе двухъ тысячъ пассажировъ,—изъ нихъ около 186 американцевъ, 956 англичанъ и 65 русскихъ; въ числѣ погибшихъ было много женщинъ и дѣтей. Этотъ невѣроятно жестокій сознательный актъ варварства возбудилъ, конечно, страшное негодованіе въ Соединенныхъ Штатахъ и вызвалъ горячіе газетные толки о немедленномъ энергическомъ протестѣ и даже о возмездіи; но что̀ можетъ сдѣлать Америка, съ ея сравнительно слабымъ военнымъ флотомъ, когда даже «владычица морей», Британія, оказывается въ сущности безсильною противъ смѣлыхъ подвиговъ германскаго пиратства? «Лузитанія» потоплена именно въ предѣлахъ британскихъ водъ, въ томъ районѣ, на который распространяется объявленная Германіею блокада. Надъ этой фиктивной блокадой въ началѣ смѣялись, но она каждый день напоминаетъ о себѣ грозными фактами, къ которымъ публика уже какъ-будто привыкла; ежедневно сообщается въ телеграммахъ о потопленіи нейтральныхъ торговыхъ кораблей съ болѣе или менѣе значительнымъ количествомъ пассажировъ и экипажа, и эти печальныя, постоянно повторяющіяся событія придаютъ весьма реальный смыслъ такъ называемой фиктивной германской блокадѣ. Когда океанскій пароходъ «Титаникъ» погибъ отъ столкновенія съ громадными льдинами, весь культурный міръ съ чувствомъ ужаса и жалости слѣдилъ за подробностями катастрофы; а теперь подобная же катастрофа устроена умышленно, подъ предлогомъ военныхъ дѣйствій, къ которымъ пассажиры «Лузитаніи», очевидно, никакого отношенія не имѣли,—и міръ безсиленъ предупредить такія злодѣянія или привлечь ихъ виновниковъ къ отвѣтственности.

Народы и правительства нейтральныхъ странъ—не говоря уже о противникахъ Германіи—возмущаются и негодуютъ, газеты печатаютъ угрожающія статьи, но это нисколько не мѣшаетъ германцамъ дѣйствовать въ томъ же террористическомъ духѣ, по усвоенной ими программѣ. И надо сознаться, что все положеніе Германіи даетъ имъ возможность не обращать вниманія на протесты нейтральныхъ воюющихъ державъ, такъ какъ до сихъ поръ она повсюду ведетъ войну на чужой территоріи, питается средствами занятыхъ непріятельскихъ земель и не начинаетъ еще подвергаться тѣмъ сокрушительнымъ ударамъ, которые давно готовятся ей нанести противники. Въ этомъ несоотвѣтствіи между возвѣщенными намѣреніями союзни-

ковъ и дѣйствительнымъ ходомъ военно-политическихъ дѣлъ заключается печальная особенность современнаго политическаго положенія. Можно опасаться, что этому не поможетъ и воинственное выступленіе Италіи, которая, пожалуй, ограничится занятіемъ нужныхъ ей австрійскихъ земель и не станетъ вовсе воевать внѣ этихъ предѣловъ. Во всякомъ случаѣ преувеличенныя ожиданія союзниковъ, связанныя съ выступленіемъ Италіи, вносятъ мало утѣшительнаго въ общую картину воюющей и нейтральной Европы послѣ девяти мѣсяцевъ необыкновенно кровопролитной и разорительной міровой войны.

ПРОМЫШЛЕННЫЙ КРЕДИТЪ.

I.

Шумъ, поднятый въ настоящее время вокругъ идеи промышленнаго кредита, заставляетъ невольно вспомнить объ аналогичномъ явленіи въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ. Такъ-же, какъ теперь у насъ пишутъ, спорятъ, проектируютъ въ области промышленнаго кредита, тогда тоже интересовались моднымъ кредитомъ «движимымъ». Столбцы газетъ и появившихся впервые въ то время въ Россіи экономическихъ журналовъ пестрѣли восхваленіемъ и проектами этого вида кредита; министерство финансовъ было завалено проектами; въ обществѣ господствовалъ чрезвычайный интересъ къ банкамъ движимаго кредита. Отъ новыхъ учрежденій ожидали многаго: развитія промышленности, оживленія сельскаго хозяйства, созданія путей сообщенія, общаго подъема народнаго хозяйства, даже—реформъ политическихъ и соціальныхъ. «Банки должны создать экономическій и соціальный переворотъ», такъ вѣрили и говорили у насъ въ ту эпоху. И вотъ, теперь мы снова возлагаемъ несбыточныя надежды на пропагандируемый промышленный кредитъ: вотъ когда начнется новая эра русскаго народнаго хозяйства, не зависящаго отъ за-границы, отъ иностранныхъ капиталовъ, отъ коммерческихъ банковъ. Промышленный кредитъ изображается обществу какой-то панацеей, средствомъ немедленно догнать ушедшихъ впередъ по пути капиталистическаго развитія сосѣдей. Проектируютъ какую-то систему, чуть ли не іерархію промышленныхъ банковъ—центральный въ столицѣ и мѣстные въ провинціи. Создаютъ грандіозные проекты

планомѣрнаго насажденія промышленности, развитія новыхъ и расширенія старыхъ производствъ, регулированія дѣятельности существующихъ предпріятій, словомъ, столь извѣстные планы періодовъ грюндерства. Но если 50 съ лишкомъ лѣтъ тому назадъ подобные эксперименты проектировались и продѣлывались насчетъ частнаго капитала—въ ту эпоху распространенныхъ идей экономическаго либерализма стремились къ эмансипаціи отъ государства, отъ казны,—то теперь большинство опубликованныхъ проектовъ говоритъ о государственныхъ промышленныхъ банкахъ, о правительственной гарантіи облигацій задуманнаго къ осуществленію кредитнаго учрежденія, объ участіи казны въ образованіи его основного капитала,—словомъ, о матеріальныхъ затратахъ государства на проведеніе въ жизнь муссируемой идеи; о затратахъ, компенсируемыхъ, очевидно, по мнѣнію иниціаторовъ, участіемъ представителей правительства въ управленіи банкомъ и контролемъ. Судя по проникшимъ въ серьезную печать свѣдѣніямъ, этотъ планъ экономическаго возрожденія Россіи при посредствѣ промышленнаго банка находитъ себѣ сочувственный откликъ и въ министерствѣ финансовъ.

Въ чемъ же заключается сущность этихъ проектовъ? Ихъ содержаніе сводится въ общемъ къ слѣдующему: промышленный банкъ собираетъ средства путемъ выпуска долгосрочныхъ облигацій и помѣщаетъ ихъ въ промышленность путемъ выдачи предпріятіямъ ссудъ, сообразованныхъ съ возможностью ихъ возврата, т.-е. долгосрочныхъ, путемъ пріобрѣтенія акцій вновь создаваемыхъ или расширяемыхъ предпріятій, выдачи болѣе краткосрочныхъ промышленныхъ ссудъ (но все-таки болѣе долгосрочныхъ, чѣмъ всякій торговый кредитъ) и подъ акціи, облигаціи и т. д. Повторяя извѣстную записку А. Гурьева эпохи министерства Витте, интересующіе насъ проекты говорятъ о дѣятельности промышленнаго банка по учредительству, долгосрочному кредиту, краткосрочному кредиту и по комиссіоннымъ операціямъ. Центръ тяжести и новизны лежитъ въ первыхъ двухъ операціяхъ. Банкъ разсчитываетъ самъ учреждать тѣ или иныя предпріятія, а публикѣ намѣренъ предлагать свои облигаціи, т.-е. въ сущности обезличенныя промышленныя предпріятія, которыя онъ покрываетъ собой въ глазахъ публики, ставитъ на нихъ свой бланкъ. Промышленный банкъ—это такъ сказ. элеваторъ, собирающій въ своемъ портфелѣ разнородныя предпріятія или ихъ бумажныхъ представителей—акціи, и выпускающій взамѣнъ ихъ на рынокъ обезличенный, массовый, биржевой товаръ—облигаціи. Этотъ товаръ,—предполагаютъ иниціаторы,—будетъ имѣть обширный сбытъ и привлечетъ къ банку громадные капиталы, особенно если удастся (и такое предположеніе существуетъ) вытолкнуть за границу доминирующія у

насъ ипотечныя бумаги, нынѣ заполняющія нашъ рынокъ, и этимъ путемъ освободить мѣсто для облигацій промышленнаго банка. Наряду съ облигаціями пассивныя средства банка составляютъ очень крупный основной капиталъ, въ образованіи котораго, по единодушному убѣжденію большинства иниціаторовъ, должно участвовать правительство и срочные вклады.

Мы не станемъ останавливаться здѣсь на другихъ деталяхъ проектируемой организаціи: сущность ея ясна уже изъ изложеннаго. Проекты, повторяемъ, не представляютъ ничего новаго по сравненію съ тѣми многочисленными попытками учрежденія спеціальныхъ промышленныхъ банковъ, которыя имѣли мѣсто за послѣднія 20 лѣтъ и распустились особенно пышнымъ цвѣткомъ въ эпоху министерства Витте.

Въ періоды депрессіи, когда предложеніе капиталовъ сокращается, когда коммерческіе банки, въ нормальное время щедро надѣляющіе средствами промышленность, сжимаютъ свои операціи, опасаясь иммобилизаціи,—у насъ регулярно появляются аналогичные проекты и лопаются, какъ мыльные пузыри, лишь заблестятъ первые лучи грядущаго подъема. Эти проекты характерны для Россіи—страны недостаточнаго, молодого накопленія капиталовъ, гдѣ потребность въ послѣднихъ безгранична для того, чтобы разбудить всѣ спящія богатства и силы, гдѣ въ народно-хозяйственной экономіи на первомъ мѣстѣ стоитъ проблема финансированія—проблема пріисканія средствъ для организаціи производства.

II.

Не касаясь сейчасъ опасныхъ сторонъ спеціальнаго промышленнаго кредита, отмѣтимъ, что ошибка сторонниковъ его организаціи заключается въ томъ, что они всѣ надежды возлагаютъ на введеніе новой формы кредита. Въ странѣ недостаточно капиталовъ для развитія промышленности, внутренній рынокъ не въ состояніи удовлетворить ея потребности въ капиталахъ, удовлетворить ея спросу,—какъ помочь бѣдѣ? Сторонники промышленнаго банка отвѣчаютъ: учрежденіемъ промышленнаго банка. Но развѣ эта *форма кредита* можетъ замѣнить недостающіе *капиталы?* Разъ средствъ недостаточно, значитъ и, промышленному банку ихъ не создать, не увеличить: nil posse creari ex nihilo.

Но и будучи разсматриваемъ исключительно, какъ форма кредита, форма обращенія къ рынку капиталовъ за нужными для промышленности средствами, промышленный банкъ встрѣчаетъ цѣлый рядъ возраженій.

Его основной недостатокъ—стремленіе построить промышленный кредитъ по образцу земельнаго. При этомъ упускается изъ вида, что земельный кредитъ вообще болѣе безопасенъ и обезпеченъ, что земля всегда имѣетъ свою внутреннюю цѣнность, даже когда къ ней не приложены трудъ и капиталъ, что на продукты земли всегда есть спросъ, что здѣсь имѣются объективныя данныя для оцѣнки. Между тѣмъ промышленное предпріятіе имѣетъ цѣну, только пока оно въ ходу; произведенія промышленности несравненно болѣе подвержены колебаніямъ спроса; оцѣнка предпріятій болѣе затруднительна. Надо принять во вниманіе вліяніе техническихъ усовершенствованій, которыя могутъ вполнѣ обезцѣнить хотя бы, напр., заводскія машины или фабричное устройство, обезпечивающія долгъ предпріятія. Въ этомъ смыслѣ совершенно справедливо указалъ одинъ изъ нѣмецкихъ противниковъ идеи промышленнаго банка, что «прогрессъ техники—злѣйшій врагъ кредиторовъ».

Представимъ себѣ, что промышленный банкъ осуществился. Какъ онъ перенесетъ промышленный кризисъ? Коммерческіе банки кредитуютъ и торговыя, и сельскохозяйственныя, и промышленныя предпріятія, ихъ отдѣленія разбросаны по всей Россіи,—все это распредѣляетъ ихъ рискъ по финансированію промышленности; притомъ они накопили крупнѣйшіе резервные капиталы и т. н. скрытые резервы, знанія и опытъ. Но промышленный банкъ, который при капиталѣ, скажемъ, примѣрно, въ 50 милліоновъ и облигаціяхъ на 200—250 милліоновъ, все-таки вынужденъ будетъ финансировать сравнительно небольшое число предпріятій, не сможетъ достаточно распредѣлить риска; онъ будетъ переживать и раздѣлять во время кризиса со своими дѣтищами ихъ судьбы. Во время кризиса эти предпріятія потребуютъ сугубой поддержки, между тѣмъ для выпуска облигацій періодъ кризиса далеко не подходитъ,—стало быть, въ кредитѣ придется отказывать, т.-е. обострить кризисъ и почувствовать его дѣйствіе сильнѣе.

Для круговъ населенія, обладающихъ капиталами и достаточно проникшихся капиталистическимъ духомъ для того, чтобы помѣщать ихъ въ промышленныя цѣнности, осуществленіе промышленнаго банка нежелательно: нынѣ, при покупкѣ акцій, каждый акціонеръ можетъ питать иллюзію владѣнія долей предпріятія, вліянія на его судьбы, выбора руководителей. Обезличенныя облигаціи промышленнаго банка лишаютъ своихъ держателей и этой иллюзіи, устраняютъ послѣднюю тѣнь вліянія; облигаціонеру извѣстенъ только банкъ—посредникъ; фактическіе должники кредитору—облигаціонеру неизвѣстны, съ ними и онъ точекъ соприкосновенія не имѣетъ. И для самой промышленности, въ интересахъ которой якобы

проектируется промышленный банкъ, онъ никакихъ выгодъ не сулитъ. По крайней мѣрѣ, промышленники категорически открещиваются отъ излагаемаго проекта облегченія ихъ участи, утверждая, что солидное предпріятіе безъ того всегда найдетъ себѣ кредитъ и должно найти; поддерживать же предпріятія хилыя или вовсе дутыя, да еще на общегосударственныя средства—вещь прямо непозволительная. Между тѣмъ, неуспѣхъ промышленнаго банка въ конецъ скомпрометтируетъ финансированіе промышленности банками, идея котораго и безъ того пострадала въ послѣдніе годы подъ вліяніемъ не всегда правильной политики руководителей нѣкоторыхъ крупнѣйшихъ нашихъ банковъ.

Наконецъ, нельзя согласиться и съ тѣмъ упраздненіемъ частной предпріимчивости именно въ этой сферѣ, которое предполагаетъ идея насажденія промышленности при посредствѣ спеціальнаго банка. Подавлять частную иниціативу здѣсь, частныя начинанія особенно нежелательно въ Россіи, гдѣ безъ того духъ предпріимчивости слабо развитъ и, стѣсненный всевозможными путами и ограниченіями, встрѣчаетъ многочисленные тормозы на пути своего проявленія. Учреждать, создавать предпріятія,—при современной хозяйственной организаціи,—дѣло частнаго предпринимателя, его иниціативы и энергіи, а не банковъ, думающихъ работать притомъ за счетъ казны.

Таковы возраженія, которыя, по нашему мнѣнію, вызываетъ идея организаціи спеціальнаго промышленнаго банка, какъ формы промышленнаго кредита. Съ другой стороны, намъ представляется, что выработавшіяся у насъ формы вполнѣ удовлетворительно обслуживаютъ промышленность. Въ самомъ дѣлѣ, краткосрочнымъ кредитомъ она снабжается на общемъ основаніи частными кредитными учрежденіями и Государственнымъ банкомъ; что же касается денежныхъ суммъ, необходимыхъ для капитальныхъ затратъ, то ихъ предоставляютъ обычно коммерческіе банки по мѣрѣ надобности въ формѣ кредита по корреспондентскому счету, возвращая обѣ эти авансированныя суммы при эмиссіи дополнительнаго выпуска акцій предпріятія, т.-е. обращаясь въ благопріятный моментъ къ рынку капиталовъ страны. Можно утверждать даже, что наши банки оказываютъ и нынѣ кредитъ недостаточно осторожно, недостаточно обдуманно, иной разъ за дорогую цѣну, но несомнѣнно, — обильно, пожалуй, слишкомъ обильно. Въ моменты подъема приходится констатировать извѣстную гипертрофію помѣщенія банковскихъ средствъ на промышленность. Говорить, что банки чуждаются промышленности—совершенно невѣрно; напротивъ, они и у насъ насквозь индустріализировались. Въ 90-хъ годахъ еще слабые, неоперившіеся наши банки собранными ими средствами и привлеченными иностранными капита-

лами создали фундаментъ, основу нашего нынѣшняго промышленнаго развитія. Они не разсчитали своихъ силъ и конъюнктуръ, и кризисъ конца XIX в. наказалъ ихъ за увлеченіе своей ролью созидателей промышленности. За прошедшее съ тѣхъ поръ время они превратились въ крупные міровые кредитные институты, обезопасили себя системой концентраціи, накопили значительные собственные, т.-е. не отзываемые публикой, капиталы,—словомъ, выросли до размѣровъ, позволяющихъ имъ заниматься, на-ряду съ регулярными операціями, финансированіемъ промышленности. Подъемъ, пережитый русскимъ народнымъ хозяйствомъ до войны, наглядно показалъ, что жаловаться на недостатокъ вниманія къ себѣ со стороны банковъ русская промышленность отнюдь не можетъ. Вѣдь у насъ начинаетъ установливаться та же система финансированія промышленности, къ которой пришла вся современная континентальная Европа, гдѣ нынѣ преобладаетъ типъ «смѣшаннаго» банка,—непремѣнно крупнаго,—при чемъ, въ одно и то же время депозитнаго и интересующагося промышленностью. И лишь въ одной Англіи раннее, значительное накопленіе капиталовъ и широкое распространеніе въ широкихъ слояхъ населенія дивидендныхъ бумагъ позволяло промышленности удовлетворять свои потребности на открытомъ рынкѣ, не прибѣгая къ содѣйствію депозитныхъ банковъ, а послѣднимъ давало возможность полностью сохранять свою истинную природу. Но даже и въ англійскомъ банковомъ дѣлѣ наблюдается въ послѣднее десятилѣтіе нѣкоторый сдвигъ въ сторону континентальнаго развитія.

Защитники разсматриваемаго проекта ссылаются на примѣры промышленныхъ банковъ въ другихъ странахъ. Но эти ссылки и указанія говорятъ совершенно обратное. Японскій промышленный банкъ, учрежденный парижскимъ Société Générale, какъ и нѣмецко-швейцарскій Elektrobank, въ сущности, финансируютъ спросъ, а не производство, при чемъ Японскому банку присущъ оттѣнокъ коммунальнаго банка. Несостоявшійся нѣмецкій проектъ Necht'a—обычный кладезь мудрости новѣйшихъ русскихъ проектовъ—преслѣдовалъ гораздо болѣе узкія задачи, чѣмъ планы его русскихъ приверженцевъ: онъ предполагалъ лишь своими облигаціями замѣнять облигаціи небольшихъ промышленныхъ предпріятій, не имѣющихъ рынка и, какъ извѣстно, по германскому биржевому законодательству къ биржевому обращенію не допускаемыхъ. Наконецъ, ссылка на небольшіе, чисто-мѣстные банки Австро-Венгріи и особенно въ Галиціи, ссылка, безъ точнаго разъясненія соотношенія ихъ пассивовъ и активовъ, рѣшительно ничего не доказываетъ.

Отказываясь отъ проекта единаго промышленнаго банка, нѣкото-

рые его сторонники выдвигаютъ въ послѣднее время мысль о необходимости организаціи цѣлаго ряда спеціальныхъ промышленныхъ банковъ, отдѣльно для каждой отрасли промышленности. Но тогда ко всѣмъ изложеннымъ возраженіямъ присоединяется еще новая опасность: концентрація риска, отсутствіе какого бы то ни было его распредѣленія, которое все-таки имѣетъ мѣсто въ общемъ промышленномъ банкѣ.

Частно-хозяйственныя выгоды, сулимыя осуществленіемъ проекта, дѣйствительно, велики: вѣдь иниціаторы ходатайствуютъ о предоставленіи облигаціямъ будущаго промышленнаго банка правительственной гарантіи дохода, о преобразованіи одного изъ существующихъ банковъ въ промышленный, объ участіи правительства въ составленіи капитала, о передачѣ въ будущій промышленный банкъ своихъ дѣлъ нѣкоторыми коммерческими банками. Но изъ изложеннаго, кажется, достаточно ясно слѣдуетъ, что правительство должно безусловно отстранить отъ себя всякое участіе въ проектируемомъ опасномъ экспериментѣ и не въ правѣ переносить на казну расплату за грѣхи и увлеченія фантастички настроенныхъ грюндеровъ.

За поднявшимся шумомъ вокругъ промышленнаго банка осталось совершенно незамѣченнымъ, что у насъ, дѣйствительно, получаетъ въ послѣдніе годы распространеніе новая форма промышленнаго кредита. У насъ нарождаются спеціальныя финансирующія о-ва на подобіе англо-саксонскихъ Trust'овъ, нѣмецкихъ Finanzierungsgesellschaften, французскихъ Omnium'овъ. Мы имѣемъ здѣсь въ виду не то часто встрѣчающееся теперь и у насъ владѣніе однимъ обществомъ акціями другого, не контроль, являющійся видомъ предпринимательскаго объединенія и концентраціи промышленности, а образованіе финансирующихъ обществъ въ чистомъ ихъ видѣ. У насъ начинаютъ появляться спеціальныя «Общества для обслѣдованія и организаціи предпріятій», «для финансированія», «для учрежденія», «для организаціи новыхъ предпріятій» и т. д. Такія общества существуютъ и въ отдѣльныхъ отрасляхъ промышленности (напр., въ золотопромышленности, въ нефтяномъ дѣлѣ). Подобной формой пользуются крупныя частныя финансирующія фирмы — напр., Вогау, организовавшій подобное общество, а также Кнопъ, преобразующійся нынѣ въ подобное общество. Этой формой начинаютъ пользоваться въ послѣдніе годы и наши коммерческіе банки, пытающіеся такимъ путемъ устранить сознанные ими дефекты въ нынѣшней системѣ финансированія промышленности. Эта форма организаціи промышленнаго кредита, находящаяся въ соотвѣтствіи съ общимъ духомъ современной эпохи фондоваго капитализма, получившая чрезвычайное распространеніе во всемъ капиталистиче-

скомъ мірѣ, еще недостаточно проявила свое вліяніе въ Россіи для того, чтобы можно было составить себѣ окончательное сужденіе о степени ея пригодности для русскихъ условій. Можно, однако, смѣло утверждать, что она предпочтительнѣе промышленнаго банка: она носитъ болѣе скромный, мелкій, частный характеръ, а, главное, не мечтаетъ о казенной поддержкѣ, не принимаетъ на себя исполненіе обязанностей національнаго предпринимателя за счетъ казеннаго сундука. При распространяющейся теперь формѣ мѣсто частнаго капиталиста, финансировавшаго предпринимателя, занимаетъ финансирующее общество, представляющее собою обезличенный частный капиталъ или соединеніе капиталовъ.

III.

Такимъ образомъ, мы полагаемъ, что въ отношеніи формъ финансированія промышленности никакихъ мѣръ, особенно за счетъ казны, предпринимать не имѣется надобности. Но нельзя не признать, что въ отношеніи притока капиталовъ наша промышленность, дѣйствительно, поставлена въ ближайшее время въ затруднительное положеніе. Для того, чтобы выполнить свои задачи по отношенію новыхъ производствъ и возможной эмансипаціи отъ нежелательныхъ рынковъ, наша промышленность нуждается въ сотняхъ милліоновъ рублей. Внутренній рынокъ этихъ средствъ безусловно не можетъ дать. Несмотря на чрезвычайный ростъ въ послѣдніе годы, нашъ внутренній рынокъ капиталовъ еще не настолько обиленъ, чтобы безъ содѣйствія иностраннаго удовлетворить всю потребность въ немъ русскаго народнаго хозяйства. Такъ, по даннымъ нашей эмиссіонной статистики, было выпущено новыхъ цѣнныхъ бумагъ за послѣднія 5 лѣтъ (въ милл. руб.):

Годы.	Въ Россіи.	За границей.
1908	645,2	254,4
1909	449,8	345,5
1910	713,8	205,1
1911	980,3	256,0
1912	868,0	448,3

Эти цифры показываютъ наглядно, что безъ ввоза иностраннаго капитала мы еще обойтись не можемъ. Если же принять во вниманіе, что нашъ внутренній рынокъ выказываетъ предпочтеніе твердо-процентнымъ и, въ частности, ипотечнымъ цѣнностямъ, что ему приходится во время войны и еще придется послѣ войны пре-

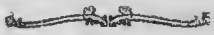
доставить свои средства государству, залѣчивать раны Польши и Галиціи, то станетъ очевиднымъ, что на долю промышленности для ея развитія много не останется. Стало быть, придется привлекать въ страну иностранный капиталъ, т. е. продолжать политику, восходящую еще къ эпохѣ М. Х. Рейтерна и апогеемъ которой явилась эпоха С. Ю. Витте.

Но каково будетъ положеніе мірового рынка капиталовъ?— Неизбѣжно должны господствовать стѣсненіе и дороговизна, ибо и главные поставщики на этомъ рынкѣ—наши союзники, и наши враги сжигаютъ на огнѣ войны ежедневно десятки милліоновъ своихъ сбереженій. Послѣ войны національные рынки капиталовъ будутъ въ первую очередь призваны правительствами для собственныхъ нуждъ, затѣмъ придется удовлетворять задержанныя потребности, возстановлять разрушенныя войной страны, области, предпріятія, финансировать, быть можетъ, и будущихъ союзниковъ,— словомъ, большого обилія свободнаго капитала на міровомъ рынкѣ не предвидится. Остается, слѣдовательно, надежда на рынки нейтральныхъ странъ; но и они затронуты въ извѣстной мѣрѣ войной или, во всякомъ случаѣ, подготовкой къ ней. Единственная крупная роль среди нейтральныхъ рынковъ безусловно принадлежитъ въ ближайшіе годы американскому рынку, и въ Соединенныхъ Штатахъ, дѣйствительно, уже усиленно дебатируется вопросъ о предстоящемъ направленіи американскаго капитала въ Европу.

При такихъ условіяхъ должна возникнуть между странами, импортирующими капиталы, конкурренція, которая неизбѣжно поведетъ къ его вздорожанію. Но среди странъ-конкуррентокъ Россія поставлена въ особо неблагопріятныя условія, и два призрака будутъ сопровождать русскій спросъ на міровомъ рынкѣ: крайности правительственной политики по отношенію къ иностраннымъ капиталамъ и предпріятіямъ и разстройство валюты.

Для промышленнаго развитія Россіи въ этомъ и заключается центръ тяжести проблемы промышленнаго кредита. Это вопросъ существа, а не формы, какимъ его пытаются изобразить сторонники реорганизаціи нашего промышленнаго кредита.

И. И. Левинъ.



НА ТЕМЫ ДНЯ.

Бесѣда генералъ-губернатора Галиціи съ представителями печати.—Традиціи прошлаго.—Академія наукъ и реакціонная печать.—В. О. Люстихъ и Г. К. Градовскій †.

Какъ складывается жизнь въ завоеванномъ нашими войсками краѣ, какія устанавливаются тамъ отношенія между властью и населеніемъ—объ этомъ, вслѣдствіе особыхъ условій военнаго времени, въ широкихъ кругахъ русскаго общества извѣстно очень мало. Тѣмъ бо́льшаго вниманія заслуживаетъ недавняя бесѣда генералъ-губернатора Галиціи съ представителями печати. «Я поставилъ себѣ задачей»,—сказалъ гр. Бобринскій,—«сохраненіе тѣхъ австрійскихъ установленій, которыя могутъ продолжать свою дѣятельность безъ ущерба для нашихъ интересовъ. Введеніе русскихъ учрежденій въ какой бы то ни было области не должно создавать ломки въ установившихся жизненныхъ отношеніяхъ края и должно покоиться на безусловномъ признаніи съ нашей стороны многообразныхъ интересовъ Галиціи, ея жизни и быта. Я бы сказалъ, что мы сохранимъ все то, что было, если только это не принесетъ явнаго вреда нашимъ интересамъ». Это послѣднее заявленіе, въ связи съ признаніемъ «многообразныхъ интересовъ» галиційской жизни, галиційскаго быта, могло бы быть названо успокоительнымъ, если бы болѣе точно, болѣе опредѣленно было самое понятіе объ «интересахъ» общегосударственныхъ и мѣстныхъ. Гдѣ нормальная демаркаціонная черта между тѣми и другими, гдѣ критерій ихъ относительной важности—объ этомъ могутъ быть самыя различныя мнѣнія; различнымъ, даже противоположнымъ можетъ быть слѣдовательно, и рѣшеніе возникающихъ отсюда вопросовъ. Можно утверждать, что интересъ государства требуетъ—если не во всемъ, то во многомъ,—приближенія къ единообразію, хотя бы и постепеннаго, но во всякомъ случаѣ послѣдовательнаго и неуклоннаго; можно находить, что больше всего единообразіе желательно и важно именно въ глубинахъ народной жизни—въ области вѣры, въ области языка. Отсюда недалеко до предложенія или одобренія такихъ способовъ дѣйствія, при которыхъ настоящее приносится въ жертву будущему—будущему предполагаемому, чаемому, но сплошь и рядомъ оказывающемуся недостижимымъ. Возможно, съ другой стороны, убѣжденіе въ томъ, что политическое единство совмѣстимо съ большою пестротою

вѣроисповѣданій и нарѣчій, что полнѣйшая ихъ равноправность—лучшая основа внутренняго мира. Послѣдній взглядъ кажется намъ наиболѣе примѣнимымъ именно къ тѣмъ случаямъ, когда въ составъ государства входитъ новая область, новое, разноплеменное населеніе. Въ такой моментъ неизбѣжны тренія не ожившихся еще между собою элементовъ, неизбѣжно оглядываньe назадъ, сравненіе настоящаго съ недавнимъ прошлымъ. Чѣмъ меньше потери, чѣмъ больше пріобрѣтенія, тѣмъ скорѣе возникаетъ, тѣмъ легче идетъ впередъ процессъ сліянія, отъ успѣшности котораго зависитъ благосостояніе не только части, но и цѣлаго. Огражденіе мѣстныхъ интересовъ, съ этой точки зрѣнія, равносильно огражденію интересовъ государственныхъ; нарушеніемъ первыхъ нарушаются, въ сущности, и послѣдніе, хотя бы именно ими и была мотивирована та или другая объединительная мѣра.

«Главное затрудненіе при проведеніи въ жизнь намѣченныхъ правительствомъ мѣропріятій» генералъ-губернаторъ Галиціи видитъ въ многоплеменности галиційскаго населенія и въ различіи существующихъ среди него вѣроисповѣданій. Самымъ труднымъ, по его словамъ, является такъ называемый уніатскій вопросъ. «Мы избѣгаемъ въ этомъ вопросѣ»,—говорилъ гр. Бобринскій,—«какой-либо принудительности. Если какой-либо приходъ выражаетъ желаніе перейти въ православіе, то мы производимъ среди населенія закрытую баллотировку. Если двѣ трети населенія высказываются за православіе, то въ приходъ посылается православный священникъ, но при этомъ уніатскій священникъ не устраняется и служитъ вмѣстѣ съ православнымъ. Въ Галиціи много пустующихъ приходовъ, изъ которыхъ уніатскіе священники ушли вмѣстѣ съ австрійскими войсками. Въ такіе приходы мы посылаемъ православнаго священника безъ баллотировки». Графъ Бобринскій склоненъ къ мысли, что уніатская церковь не имѣетъ будущности. Небольшая часть уніатовъ, по его мнѣнію, перейдетъ въ католичество, а основная масса—въ православіе.

Отсутствіе «принудительности» въ дѣлахъ вѣры—принципъ безусловно правильный, единственный согласный и съ требованіями политики, и съ условіями личной духовной жизни. Усвоенію его новымъ управленіемъ Галиціи нельзя не радоваться; нѣкоторыя сомнѣнія возбуждаетъ только способъ его примѣненія. Неясно, въ какой формѣ выражается желаніе прихода перейти въ православіе. Мы знаемъ изъ первой рѣчи генералъ-губернатора [1]), что засѣданія волостныхъ сходовъ и всѣ вообще собранія запрещены впредь до окончанія военныхъ дѣйствій; открытіе собранія можетъ состояться лишь съ особаго на

---

[1]) См. № 10 „Вѣстн. Евр.“ за 1914 г., стр. 319.

то разрѣшенія генералъ-губернатора. Кто же уполномоченъ говорить отъ имени прихода? Если созванное ad hoc собраніе, то кому же принадлежитъ иниціатива его созыва? При тѣхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ живетъ край, не обезпечивается ли господствующая роль въ собраніи за тѣми—быть можетъ, немногочисленными—лицами, которымъ удалось добиться его созыва, и не является ли постановленіе собранія иногда заранѣе предрѣшеннымъ?.. Весьма важно, далѣе, какъ происходитъ баллотировка, въ достаточной ли мѣрѣ обезпечена ея тайна? Чѣмъ меньше число голосующихъ и чѣмъ вліятельнѣе иниціаторы дѣла, тѣмъ легче и съ тѣмъ бо̀льшими шансами успѣха могутъ быть пущены въ ходъ разные пріемы, несовмѣстные съ свободой голосованія. Полнѣйшаго сочувствія заслуживаетъ допущеніе совмѣстной дѣятельности священниковъ православнаго и уніатскаго, совмѣстнаго служенія ихъ въ одной и той же церкви; но можно ли быть увѣреннымъ въ томъ, что при разногласіи между ними, весьма вѣроятномъ, шансы успѣха будутъ одинаковы для того и другого? Гдѣ, въ комъ уніатское духовенство можетъ найти ту поддержку, въ которой никогда, конечно, не встрѣтитъ недостатка православный его сослужитель? Со временемъ, нужно надѣяться, установятся условія, благопріятныя для вѣроисповѣднаго мира; но скораго наступленія ихъ ожидать трудно, и попытки искусственнаго ихъ созданія едва-ли приведутъ къ желанной цѣли.

Какія бы сомнѣнія ни возбуждалъ вышеописанный способъ удостовѣренія въ наклонности значительнаго числа прихожанъ къ принятію православія, онъ даетъ, по крайней мѣрѣ, видимость существованія настроенія, оправдывающаго появленіе въ приходѣ православнаго священника; но ничего похожаго на такую видимость нѣтъ въ тѣхъ случаяхъ, когда единственнымъ поводомъ къ присылкѣ православнаго священника служитъ отсутствіе уніатскаго священника, ушедшаго вмѣстѣ съ австрійскими войсками. За образъ дѣйствій своего пастыря пасомые не отвѣчаютъ; уходъ его, вызванный, быть можетъ, чисто-личными соображеніями, не служитъ, самъ по себѣ, доказательствомъ охлажденія прихожанъ къ уніи, готовности ихъ перейти въ православіе. Нѣтъ, поэтому, основанія лишать ихъ возможности и права пріискать для себя другого пастыря, подъ руководствомъ котораго они могли бы оставаться вѣрными религіи своихъ отцовъ. Положеніе православнаго священника въ такомъ приходѣ не можетъ не быть крайне тягостнымъ; вѣдь если къ нему и станутъ обращаться, то, быть можетъ, лишь потому, что нѣтъ другого средства удовлетворить духовную потребность или облечь въ законную форму какой-либо актъ повседневной жизни. Да и такое вынужденное обращеніе нельзя считать несомнѣннымъ; примѣръ уніатовъ въ Царствѣ Польскомъ, цѣлую четверть вѣка

«упорствовавшихъ» въ своемъ нежеланіи присоединяться къ православію, удостовѣряетъ, что непреклонная твердость въ вѣрѣ возможна и при условіяхъ гораздо болѣе тяжелыхъ, чѣмъ тѣ, которыя въ настоящее время существуютъ въ Галиціи... Въ недавней бесѣдѣ съ сотрудникомъ «Биржевыхъ Вѣдомостей» архіепископъ Антоній (бывшій волынскій, теперь харьковскій) заявилъ, что для ускоренія естественной смерти уніи ни церковная, ни свѣтская власть не предпримутъ никакихъ насильственныхъ мѣръ; никакихъ репрессій, никакого юридическаго или моральнаго давленія допущено не будетъ. Репрессіей или юридическимъ давленіемъ присылку православнаго священника въ уніатскій приходъ, случайно оставшійся безъ пастыря, назвать нельзя—но элементъ моральнаго давленія имѣется въ немъ безспорно, даже если за прихожанами признается право пріискать и пригласить, взамѣнъ ушедшаго, другого уніатскаго священника.

Генералъ-губернаторъ Галиціи и архіепископъ Антоній вѣрятъ въ «естественную смерть» уніи. Основательна ли эта вѣра—покажетъ будущее; но въ настоящую минуту нѣтъ, повидимому, основанія сомнѣваться въ жизненности и жизнеспособности уніатской церкви. Внушителенъ уже численный ея составъ [1]). Всѣхъ уніатовъ числится въ Галиціи болѣе трехъ съ половиною милліоновъ, уніатскихъ приходовъ—1.873, священниковъ—2.325, при одномъ митрополитѣ и двухъ епископахъ. Католиковъ въ средѣ украинскаго населенія Галиціи насчитывается около 200 тысячъ, православныхъ—менѣе трехъ тысячъ. Уніатскимъ священникомъ можно стать не иначе, какъ окончивъ курсъ на богословскомъ факультетѣ львовскаго университета; самостоятельный приходъ можно получить, только пробывъ нѣсколько лѣтъ сотрудникомъ или замѣстителемъ приходскаго священника. Отъ священника, кромѣ исполненія ближайшихъ его обязанностей, требуется подробное изученіе быта прихожанъ и дѣятельное участіе въ ихъ общеполезныхъ предпріятіяхъ. Это участіе, вмѣстѣ съ общностью происхожденія и языка, установляетъ между священникомъ и прихожанами такую близость, какой трудно достигнуть пришельцу—а пришельцами, въ виду слабаго распространенія православія въ Галиціи, будутъ, по крайней мѣрѣ на первое время, весьма многіе вновь назначенные православные священники. Все это заставляетъ желать возможно большей неприкосновенности уклада церковной жизни, сложившагося въ Галиціи до присоединенія ея къ Россіи. *Все* населеніе вновь пріобрѣтенной области—а не только та или другая его часть,—

---

[1]) Нижеслѣдующія цифры взяты нами изъ книги: „Галичина, Буковина, Угорская Русь“, о которой шла рѣчь въ литературномъ обозрѣніи апрѣльской книжки „Вѣстника Европы“.

должно чувствовать и сознавать, что въ положеніи его перемѣны къ худшему не произошло и не произойдетъ.

Точку зрѣнія русской власти на школьное образованіе гр. Бобринскій опредѣляетъ такъ: «Преподаваніе въ низшихъ школахъ должно вестись на русскомъ языкѣ, за исключеніемъ городовъ съ большимъ процентомъ польскаго населенія, гдѣ будутъ функціонировать частныя польскія школы. Въ деревняхъ и селахъ восточной Галиціи будутъ открываться русскія школы, а въ западной Галиціи—польскія школы, съ обязательнымъ преподаваніемъ русскаго языка». Относительно средней школы гр. Бобринскій не счелъ возможнымъ сообщить теперь что-либо опредѣленное. Высшія учебныя заведенія, по его словамъ, «до окончанія войны функціонировать не будутъ. По всей вѣроятности, львовскій университетъ перейдетъ въ Варшаву, варшавскій—во Львовъ». Если понимать подъ именемъ русскаго языка, на которомъ будетъ вестись преподаваніе въ низшихъ школахъ (за исключеніемъ городскихъ частныхъ польскихъ школъ), общегосударственный, т.-е. великорусскій языкъ, то въ школьномъ мірѣ Галиціи долженъ произойти—а можетъ быть происходитъ уже теперь—весьма крупный переворотъ. Изъ числа галиційскихъ низшихъ школъ въ 2.514 языкомъ преподаванія, до войны, былъ украинскій; въ 1.042 школахъ, сверхъ того, украинскій языкъ былъ обязательнымъ предметомъ. Усилія значительной части населенія были направлены къ тому, чтобы увеличить число украинскихъ школъ, сильно уступавшее числу школъ польскихъ; въ послѣднихъ обучалось, въ 1911 г., 782 тыс. дѣтей, въ первыхъ—только 458 тысячъ, хотя число украинцевъ въ Галиціи (около 3.208 тыс.) только немногимъ уступаетъ числу поляковъ (около 3.800 тыс.). Какъ бы то ни было, украинскій языкъ игралъ въ начальной школѣ немаловажную роль, и не только полное исчезновеніе его оттуда, но и низведеніе его на степень одного изъ предметовъ преподаванія, почувствовалось бы весьма живо, особенно крестьянами восточной Галиціи. Не проще ли было бы замѣнить въ начальной школѣ—тамъ, гдѣ населенія большинство, составляютъ украинцы—польскій языкъ великорусскимъ, какъ обязательнымъ предметомъ преподаванія? Для ознакомленія учащихся съ общегосударственнымъ языкомъ это было бы вполнѣ достаточно—а привычный строй начальной школы остался бы ненарушеннымъ, и въ крупныхъ измѣненіяхъ учительскаго состава надобности не оказалось бы. Общерусская литература, и теперь широко популярная среди галиційскихъ малороссовъ, сохранила бы для нихъ все свое обаяніе; необходимость ознакомленія съ общегосударственнымъ языкомъ почувствовалось бы тѣмъ сильнѣе, чѣмъ меньше для этого требовалась бы ломка существующихъ порядковъ.

Тяжела для массы восточно-галиційскаго населенія должна быть неизвѣстность на счетъ будущности средней школы. За среднюю школу съ украинскимъ языкомъ преподаванія велась, въ продолженіе цѣлыхъ десятилѣтій, упорная борьба, только въ послѣднее время давшая нѣкоторые, все еще весьма скудные результаты. Такихъ среднихъ школъ, какихъ желаютъ украинцы, въ 1911 г. было только семь (изъ общаго числа 76); кромѣ того, три школы были польско-украинскія. Изъ 31 учительской семинаріи такой же смѣшанный характеръ имѣли семь. На десять тысячъ душъ населенія приходилось учащихся въ гимназіяхъ 50,5 поляковъ и 20,9 русинъ. Для реальныхъ училищъ соотвѣтствующія цифры—7 и 0,9, для учительскихъ семинарій—13,5 и 3,8, для торговыхъ и промышленныхъ школъ — 24,1 и 4,7. Очень много, такимъ образомъ, предстоитъ сдѣлать для возстановленія равновѣсія между различными элементами; но однимъ изъ средствъ, ведущихъ къ этой цѣли, несомнѣнно представляется сохраненіе существующихъ и основаніе новыхъ среднихъ школъ съ украинскимъ языкомъ преподаванія. Кое-чего украинское населеніе Галиціи достигло и въ области высшаго образованія. Въ принципѣ равноправность языковъ польскаго и украинскаго признана, для львовскаго университета, еще въ 1871 г.; но на практикѣ препятствія, встрѣчавшіяся украинскими учеными, были такъ велики, что за ними были обезпечены только шесть каѳедръ—украинскаго языка, церковно-славянскаго языка съ церковной литературой, гражданскаго права, уголовнаго права, всеобщей исторіи и пастырскаго богословія. Какъ ни скроменъ этотъ успѣхъ, онъ высоко цѣнится украинцами уже потому, что наглядно доказываетъ способность украинскаго языка служить цѣлямъ науки и научнаго преподаванія. Изгнаніе украинскаго языка изъ единственной высшей школы, гдѣ онъ пріобрѣлъ право гражданства, было бы трудно вознаградимой потерей для многомилліоннаго населенія, быстро идущаго впередъ и дорожащаго своими національными особенностями. Что же предвѣщаетъ, съ этой точки зрѣнія, проектируемое, повидимому—перемѣщеніе университетовъ? Перенести львовскій университетъ въ Варшаву—не значитъ ли упразднить, за ненадобностью, существующія въ немъ украинскія каѳедры? Какъ сраженіе прекращается за недостаткомъ сражающихся, такъ должно прекратиться преподаваніе, за отсутствіемъ понимающихъ его слушателей. А варшавскій университетъ, переполненный русскими профессорами, долженъ будетъ стать въ Галиціи разсадникомъ общегосударственнаго языка, несмотря на то, что въ Царствѣ Польскомъ эта роль оказалась ему не по сламъ. Не проще ли было бы, вмѣсто такого chassé-croisé университетовъ, допустить въ Варшавѣ преподаваніе на польскомъ языкѣ, сохранить въ Львовѣ преподаваніе на языкѣ украинскомъ? Съ раз-

дѣленіемъ Галиціи на восточную и западную преподаваніе на польскомъ языкѣ въ львовскомъ университетѣ неминуемо должно было бы принять болѣе ограниченные размѣры, и ничто не мѣшало бы замѣстить нѣкоторыя изъ освободившихся такимъ образомъ каѳедръ профессорами-великоруссами или владѣющими одинаково обоими языками—общерусскимъ и малорусскимъ.

Очень интересно и поучительно все сказанное генералъ-губернаторомъ Галиціи о настроеніи различныхъ національныхъ группъ, населяющихъ Галицію. По словамъ гр. Бобринскаго, «поведеніе всѣхъ этихъ группъ по отношенію къ русской власти, кромѣ нѣкоторой части украинской интеллигенціи, безусловно корректно. Ряды колеблющихся поляковъ постепенно таютъ и увеличиваютъ число тѣхъ, которые связываютъ будущее возрожденіе Польши съ судьбами Россіи. Что касается еврейскаго населенія Галиціи, то въ предѣлахъ генералъ-губернаторства ихъ поведеніе вполнѣ корректно». Гр. Бобринскій понимаетъ, «что отъ галиційскихъ евреевъ, пользующихся у себя на родинѣ полнымъ равноправіемъ, нельзя требовать преданности русскимъ интересамъ. Вслѣдствіе извѣстныхъ причинъ, австрійскимъ евреямъ трудно отказаться отъ нѣкоторой внутренней вражды къ русской власти; тѣмъ не менѣе генералъ-губернаторъ еще разъ подтверждаетъ, что въ предѣлахъ галиційскаго генералъ-губернаторства поведеніе евреевъ не носитъ враждебнаго по отношенію къ намъ характера. Въ виду беззастѣнчивыхъ и злобныхъ обвиненій—почти никогда не подкрѣпляемыхъ даже «началомъ доказательства»,—какія сыплются теперь на евреевъ въ извѣстныхъ органахъ нашей періодической печати, особенно цѣннымъ и вѣскимъ представляется категорическое заявленіе гр. Бобринскаго о корректномъ отношеніи галиційскихъ евреевъ къ русской власти. Оно свидѣтельствуетъ, во всякомъ случаѣ, о большой сдержанности, о ясномъ пониманіи совершающихся событій. Вполнѣ правильно замѣчаетъ гр. Бобринскій, что *требовать* преданности нельзя; но столь же несомнѣнно и то, что въ основаніи отношеній между властью и значительною частью подвластныхъ желательно нѣчто больше, чѣмъ корректность. Потеря однажды достигнутаго равноправія еще тяжелѣе, чѣмъ напрасное его ожиданіе. И для галиційскихъ евреевъ не можетъ не быть мучительнымъ вопросъ, почему имъ угрожаетъ своего рода capitis deminutio, разъ-что они ни въ чемъ не обвинены, ни въ чемъ даже не заподозрѣны. Что лежитъ въ основаніи опасеній, на существованіе которыхъ въ этой средѣ съ достаточною ясностью намекаетъ гр. Бобринскій? Очевидно—предположеніе, что евреи, вновь входящіе въ составъ Россійской Имперіи, будутъ поставлены въ тѣ же юридическія условія, въ какихъ живутъ издавна русскіе

подданные-евреи. Да, уравненіе однородныхъ элементовъ—исходъ, повидимому, самый естественный, самый логичный: но вѣдь оно можетъ быть достигнуто двумя путями: движеніемъ внизъ, т.-е. обездоленіемъ болѣе счастливыхъ, или движеніемъ вверхъ, т.-е. поднятіемъ обездоленныхъ. Ничто не препятствуетъ избранію второго пути; наоборотъ, именно онъ соотвѣтствуетъ характеру настоящей войны, освободительной по своему духу и, нужно надѣяться, по своимъ результатамъ. Въ политической жизни, впрочемъ, возможно иногда и отступленіе отъ логики. Предоставленіе одной части еврейскаго населенія такихъ правъ, какими не пользуется другая, было бы все-таки болѣе желательно, чѣмъ подведеніе всѣхъ евреевъ подъ одинъ уровень безправія.

Нельзя не пожалѣть, что оговорка, сдѣланная гр. Бобринскимъ относительно «нѣкоторой части украинской интеллигенціи», осталась безъ дальнѣйшаго разъясненія. Весьма важно было бы знать, какъ велика эта часть, въ чемъ заключается «некорректность ея образа дѣйствій», въ чемъ она расходится съ остальными украинцами Галиціи, интеллигентными и неинтеллигентными. Быть можетъ, ближайшее изслѣдованіе обнаружило бы, вмѣстѣ съ источникомъ неудовольствія, и средства его устраненія. Нѣтъ ли извѣстнаго сходства между положеніемъ галиційскихъ украинцевъ и галиційскихъ евреевъ? Не грозитъ ли первымъ, какъ и послѣднимъ, потеря нѣкоторыхъ правъ, которыми они пользовались въ теченіе цѣлыхъ десятилѣтій? Не возникаетъ ли и здѣсь тотъ же вопросъ о способахъ уравненія новыхъ и старыхъ русскихъ гражданъ, котораго я коснулся выше?

Къ условіямъ русской жизни все новое прививается туго, медленно и трудно, гораздо чаще встрѣчая противодѣйствіе, чѣмъ поддержку. Война, вызвавъ крайнее напряженіе народныхъ силъ, поколебала—но только поколебала, а не искоренила—длинный рядъ традицій, завѣщанныхъ вѣками. Къ числу этихъ традицій принадлежитъ всемѣрное ограниченіе общественной самодѣятельности, ревнивое охраненіе властной иниціативы. Въ разрѣзъ съ ними широко развилась работа союзовъ земскаго и городского, принесшая по-истинѣ блестящіе результаты; но какъ, зато, и велико возбуждаемое ею раздраженіе! Съ какою радостью, въ «истинно-русскихъ» сферахъ, былъ встрѣченъ слухъ объ усиленіи надзора за дѣятельностью союзовъ! Правда, эта радость продолжалась недолго: оффиціальное сообщеніе показало, что мѣры контроля внушены отнюдь не недовѣріемъ къ организаціямъ, оказавшимъ и продолжающимъ оказывать громадныя услуги—но знаменательной остается, во всякомъ случаѣ, устойчивость

чувства, такъ мѣтко названнаго Некрасовымъ (въ «Медвѣжьей охотѣ») «страшной вѣрностью привычкамъ рабства».

Въ другой формѣ традиціонный взглядъ выразился въ прекращеніи занятій «экономическаго совѣщанія», образованнаго членами Государственнаго Совѣта и функціонировавшаго одно время при участіи представителей правительства. Ничего общаго съ законодательною дѣятельностью эти занятія не имѣли; резолюціи совѣщанія, лишенныя всякой обязательной силы, ничѣмъ не отличались отъ мнѣній любого ученаго общества или публичнаго собранія, удѣльный вѣсъ которыхъ обусловливается единственно ихъ внутреннимъ содержаніемъ. Никакого значенія не имѣло и мѣсто, гдѣ собиралось совѣщаніе; въ стѣнахъ Государственнаго Совѣта оно сохраняло такой же частный, неоффиціальный характеръ, какой принадлежалъ бы ему во всякомъ другомъ помѣщеніи. Если участіе чиновъ Государственной Канцеляріи въ подготовкѣ матеріаловъ для совѣщанія или въ изложеніи его заключеній отвлекало ихъ отъ исполненія ихъ прямыхъ обязанностей, оно, конечно, могло быть прекращено распоряженіемъ ихъ начальства; но для дальнѣйшаго вмѣшательства власти не было достаточнаго основанія. Еще труднѣе понять, почему совѣщаніе, удаленное изъ зданія Государственнаго Совѣта, не нашло возможнымъ продолжать свои занятія въ частной квартирѣ. Препятствій къ этому со стороны администраціи оно, безъ сомнѣнія, не встрѣтило бы; ничто не помѣшало бы, по всей вѣроятности, и опубликованію мотивированныхъ его заключеній. Недостатокъ настойчивости, обнаруженный членами Государственнаго Совѣта, можетъ быть объясненъ только навыками, издавна господствующими въ нашей бюрократической средѣ и легко подчиняющими себѣ тѣхъ, кто приходитъ съ нею въ болѣе или менѣе продолжительное соприкосновеніе.

Отраженіе этихъ навыковъ замѣтно въ стремленіи министерства внутреннихъ дѣлъ къ установленію «единообразныхъ мѣръ» по устройству въ городахъ и селахъ «разумныхъ развлеченій», столь необходимыхъ въ виду прекращенія продажи крѣпкихъ напитковъ. Хорошо, конечно, что министерство не послѣдовало примѣру дворянскаго съѣзда, признавшаго ненужнымъ обсужденіе этого вопроса; сочувствія заслуживаетъ и готовность вѣдомства содѣйствовать отпуску казною средствъ на постройку и содержаніе народныхъ домовъ—но ни изъ чего не видно, чтобы на первое мѣсто въ народномъ дѣлѣ предполагалось поставить народныя силы. Примѣръ учрежденій, основанныхъ, одновременно съ введеніемъ питейной монополіи, съ цѣлью распространенія и укрѣпленія народной трезвости, доказываетъ съ достаточною ясностью безплодность бюрократическаго руководительства подобнымъ дѣломъ. Чтобы народные дома могли исполнить свое

назначеніе, они должны находиться въ рукахъ мѣстнаго населенія, представленнаго органами самоуправленія или союзами, самостоятельно дѣйствующими въ широкихъ, закономъ огражденныхъ рамкахъ. «Насажденіе» народныхъ домовъ сверху, по справедливому замѣчанію «Русскихъ Вѣдомостей», было бы неминуемо связано съ мертвящими нормами, инструкціями и регламентами. Каждый народный домъ долженъ отвѣчать мѣстнымъ условіямъ, удовлетворять народившіяся или нарождающіяся потребности, подчиняться только такимъ правиламъ, которыя вытекаютъ изъ общаго, для всѣхъ одинаково обязательнаго закона. Только тогда новые просвѣтительные центры могутъ получить притягательную силу, заставляющую забыть о прежнихъ мѣстахъ отдыха, о прежнихъ источникахъ веселья.

Мутнымъ осадкомъ печальнаго прошлаго служитъ обострившаяся съ нѣкоторыхъ поръ травля «инородцевъ», искусственно связываемая съ войною и прикрываемая патріотическими фразами, но, въ сущности, исходящая изъ чувствъ самаго невысокаго порядка. Больше чѣмъ когда-либо теперь необходимъ внутренній миръ—и беззастѣнчивѣе, чѣмъ когда-либо, ведется проповѣдь человѣконенавистничества. Въ концѣ концовъ она должна обрушиться на самихъ проповѣдниковъ, неумѣло и грубо обнажающихъ свою настоящую природу. Обвиняя другихъ чуть ли не въ государственной измѣнѣ, они заставляютъ вспомнить о недавнемъ прошломъ, когда они поклонялись сжигаемому ими теперь идолу. Кто, за предѣлами узкаго и темнаго кружка, интересуется мнѣніями такой газеты, какъ «Русское Знамя», кто взялъ бы на себя, при обыкновенныхъ условіяхъ, раскрытіе противорѣчій, въ которыя она впадаетъ? Но теперь поневолѣ приходится взяться за этотъ трудъ—и результаты получаются поистинѣ удивительные [1]). Чего стоитъ, напримѣръ, простое сопоставленіе двухъ цитатъ изъ «Русскаго Знамени», отдѣленныхъ одна отъ другой всего нѣсколькими мѣсяцами! Въ октябрѣ прошлаго года «газетные и негазетные жиды» (извѣстно, что въ устахъ «истинно-русскихъ людей» это понятіе весьма растяжимо) обвинялись въ томъ, что они желаютъ полнаго разгрома Германіи, какъ очага монархической идеи, и уничтоженія Гогенцоллернской династіи, какъ наиболѣе способной къ осуществленію монархическаго принципа,—а теперь они обвиняются въ поддерживаніи захватныхъ стремленій Гогенцоллерновъ, въ отстаиваніи германскихъ интересовъ! «Русское Знамя»—не единственная газета, повинная въ такихъ salto mortale; въ менѣе рѣзкой формѣ и менѣе короткіе промежутки времени они совершаются и другими изданіями, претендующими на серьезную политическую роль. И вотъ кто зани-

1) См. № 83 „Русскихъ Вѣдомостей“.

мается у насъ политической цензурой нравовъ и мнѣній, вотъ кто беретъ на себя измѣреніе и оцѣнку различныхъ степеней патріотизма!

Лихорадочное вниманіе, съ которымъ русское общество слѣдитъ за ходомъ военныхъ дѣйствій, отодвигаетъ далеко на второй планъ многіе другіе вопросы, хотя бы они и были связаны съ войною. Только этимъ можно объяснить, что мало замѣченной осталась записка нашей Академіи Наукъ по вопросу объ исключеніи изъ состава Академіи подданныхъ воюющихъ съ Россіей державъ. Не встрѣтивъ спокойнаго, объективнаго разбора, она вызвала только площадную брань газеты, не знающей мѣры въ своихъ нападеніяхъ, когда они кажутся ей отвѣчающими настроенію толпы. Записка напечатана въ «Извѣстіяхъ» Академіи (№ 7); казалось бы, что этимъ устраняется возможность слишкомъ грубыхъ ея перетолкованій или игнорированія ясно выраженныхъ въ ней положеній. «Съ рѣшительнымъ осужденіемъ» Академія отнеслась къ тѣмъ ея иностраннымъ почетнымъ членамъ и корреспондентамъ, которые, «нѣкогда съ благодарностью принявъ почетъ, ею имъ оказанный, дали свои подписи къ воззванію, клевещущему на русскій народъ». Она признаетъ, что люди, «заявившіе всему свѣту, будто быть союзникомъ русскихъ—значитъ быть врагомъ европейской цивизаціи, тѣмъ самымъ поставили себя внѣ возможности общенія съ высшимъ русскимъ ученымъ учрежденіемъ». Все дальнѣйшее содержаніе записки относится исключительно къ тѣмъ ученымъ, которые воззванія не подписали, но состоятъ въ подданствѣ германскомъ или австрійскомъ. Между тѣмъ, діатриба «Новаго Времени» (№ 14044) написана такъ, какъ будто бы Академія высказалась вообще противъ исключенія германскихъ и австрійскихъ подданныхъ, хотя бы они и подписали воззваніе, исполненное лжи и злобы. Не только не сказано ни слова о томъ мѣстѣ записки, которое приведено мною выше, но «благородное негодованіе» «Новаго Времени» мотивируется именно тѣмъ, что Академія не рѣшилась поднять руку на клеветниковъ Россіи. «Пусть спроситъ академикъ умирающаго русскаго»,—восклицаетъ газета,—«почетенъ ли для него Оствальдъ, преклоняется ли онъ передъ Вундтомъ!» Для такого вопроса нѣтъ ни малѣйшаго повода: Оствальдъ и Вундтъ подписали отвратительное воззваніе, и членами Академіи ни въ какомъ случаѣ остаться не могутъ. Отговариваться незнаніемъ этого факта газета едва-ли станетъ; знакомство съ запиской, напечатанной въ оффиціальномъ изданіи, было вполнѣ возможно—а, слѣдовательно, и обязательно для обвинителя-добровольца.

Молчаніемъ пройдена въ статьѣ «Новаго Времени» и другая, не менѣе важная часть академической записки, относящаяся къ образу дѣйствій союзныхъ съ нами государствъ. Англійскія ученыя учрежденія—читаемъ мы въ запискѣ,—«исключили изъ своихъ списковъ только тѣхъ германцевъ, которые сами прислали отказы отъ предоставленныхъ имъ въ Англіи почетныхъ званій. Научныя академіи французскаго Института примѣнили исключеніе лишь къ тѣмъ изъ иностранныхъ своихъ членовъ и корреспондентовъ, которые подписали пресловутое воззваніе къ культурному міру». Итакъ, французскія академіи сдѣлали не больше того, чѣмъ предполагаетъ ограничиться наша академія, англійскія—гораздо меньше. Понятно, что это одно сводитъ къ нулю всѣ нападенія «Новаго Времени». Заподозрить французскихъ и англійскихъ ученыхъ въ почтительномъ преклоненіи передъ нѣмцами не рѣшится даже самой лихой изъ наѣздниковъ суворинской газеты. Отсюда—полное молчаніе объ одной изъ важнѣйшихъ частей академической записки. По ея словамъ, если бы въ то время, какъ наши союзники оставались вѣрны усвоенному ими образу дѣйствій, «наша академія исключила всѣхъ непріятельскихъ подданныхъ, числящихся въ ея спискахъ, то по возстановленіи мира академія и русская наука встрѣтили бы такія затрудненія въ пользованіи средствами международнаго сотрудничества, какихъ не испытывала бы научная дѣятельность нашихъ союзниковъ... Изолированное ея положеніе отразилось бы замедленіями и всякаго рода помѣхами на тѣхъ ея начинаніяхъ, для которыхъ необходимо содѣйствіе чужеземныхъ учрежденій, обращеніе къ ихъ изданіямъ, пользованіе ихъ библіотеками, коллекціями, архивами... Умалилось бы участіе академіи въ такихъ международныхъ научныхъ организаціяхъ, какъ бюро международной библіографіи, сейсмологическая ассоціація, союзъ для изслѣдованія солнца, комиссія по земному магнетизму и атмосферному электричеству, а также на международныхъ съѣздахъ по разнымъ отраслямъ науки».—Ничего похожаго на самоуничиженіе или самоумаленіе здѣсь, очевидно, нѣтъ. Чтобы создать хоть какую-нибудь почву для своихъ обвиненій, газета передаетъ только-что цитированное мѣсто записки такъ: «безъ исключенныхъ нѣмцевъ *дѣятельность академіи* и *русская наука* (подчеркнутыя мною слова въ подлинникѣ поставлены въ кавычкахъ) испытали бы несомнѣнныя затрудненія»—и продолжаетъ: «Академія безъ германской науки можетъ увянуть, какъ срѣзанная роза; корни нашей академической науки—въ Германіи, а лепестки здѣсь». Въ запискѣ нѣтъ ни одного слова, которое давало бы хоть самый отдаленный поводъ для такихъ заключеній. А между тѣмъ на нихъ построенъ цѣлый обвинительный актъ, о характерѣ котораго можно судить по слѣдую-

щимъ образцамъ: «Нѣмцы-академики и русскіе Дондуки, воспитавшіе въ себѣ лакейскій духъ по отношенію къ германской наукѣ... Министръ народнаго просвѣщенія собирается загладить позорное поведеніе академиковъ... Удивительный памятникъ воздвигли себѣ наши нѣмецкіе рабы... Академія заложитъ Ломоносова, продастъ Лобачевскаго, но оставьте ей только германскихъ почетныхъ членовъ! Безъ нихъ она погибнетъ». «У великодушной Россіи»—говоритъ Академія,—«найдутся въ избыткѣ другія дѣйствительныя средства, при помощи которыхъ она съумѣетъ отстоять независимость своей культуры». Это мѣсто записки приведено въ «Новомъ Времени» почти буквально—но нѣсколькими строками ниже оно обращается въ нѣчто прямо противоположное: газета увѣряетъ, что, по мнѣнію академіи, русская наука *не сумѣетъ отстоять самобытности своей культуры*». И подчеркнутыя нами слова поставлены въ кавычки, какъ будто они взяты прямо изъ академической записки!

Можетъ возникнуть вопросъ, заслуживаетъ ли вниманія подобный пасквиль? Въ обыкновенное время лучшимъ ему отвѣтомъ служило бы, конечно, презрительное молчаніе; но когда, какъ теперь, лихорадочно бьется пульсъ народной жизни, искаженіе фактовъ, имѣющихъ крупное общественное значеніе, не должно быть оставляемо безъ протеста. Настроеніе, возбужденное и поддерживаемое войною, должно оставаться свободнымъ отъ всякой низменной примѣси; къ борьбѣ съ реальнымъ врагомъ не должна присоединяться травля «инако мыслящихъ», и самыя средства борьбы не должны быть опошляемы ложью и мелкою злобою. Подъ знаменемъ патріотизма слишкомъ легко могутъ скрываться поползновенія невысокаго сорта. Академія наукъ—одно изъ немногихъ учрежденій, служащихъ высшимъ интересамъ личности и общества, сознающихъ всю цѣну чистаго знанія и свободной мысли. Симпатичной рутинерамъ реакціи и сторонникамъ узкаго націонализма она, поэтому, ни въ какомъ случаѣ быть не можетъ. Не въ первый разъ они пускаютъ противъ нея въ ходъ свои обычныя оружія; но теперь имъ какъ будто благопріятствуетъ общая конъюнктура, и это внушаетъ имъ сверхъ-обычную смѣлость. Для такого похода особенно удобна темнота—и мнѣ показалось нелишнимъ противопоставить ему немного свѣта.

Скончавшійся на дняхъ В. О. Люстихъ принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые, не достигая и не ища широкой извѣстности, пользуются несокрушимымъ авторитетомъ въ избранной ими сферѣ и олицетворяютъ собою лучшія стороны своей профессіи. Посвятивъ всю свою жизнь присяжной адвокатурѣ, В. О. очень скоро достигъ

выдающагося положенія въ ея средѣ. Состоя помощникомъ присяжнаго повѣреннаго (первымъ по времени, получившимъ это званіе), онъ былъ ближайшимъ сотрудникомъ совѣта въ устройствѣ корпораціи помощниковъ, созданной, но не организованной судебными уставами. Три года спустя послѣ вступленія въ присяжные повѣренные онъ былъ избранъ въ члены совѣта и съ тѣхъ поръ почти непрерывно, въ теченіе сорока лѣтъ, принималъ самое дѣятельное участіе въ управленіи сословіемъ, много разъ занимая въ немъ и формально первое мѣсто. Превосходный цивилистъ, онъ долго руководилъ одною изъ конференцій, облегчающихъ для адвокатской молодежи подготовку къ предстоящей ей работѣ. Еще сильнѣе было вліяніе его примѣра: не одни только начинающіе адвокаты видѣли въ немъ образецъ безупречнаго служенія высшимъ цѣлямъ судебной защиты. Избранный въ 1903 г. въ гласные с.-петербургской городской думы, В. О. внесъ и въ эту новую дѣятельность всѣ свойственныя ему черты; сравнительно рѣдко, но всегда вѣско выступая какъ ораторъ, онъ много трудился въ думскихъ комиссіяхъ. Зная, что его дни сочтены, онъ до конца оставался на своемъ посту. Его имя—одно изъ тѣхъ, которыми въ правѣ гордиться русская адвокатура.

Не будетъ забыто и имя Г. К. Градовскаго. Въ его многострадальной жизни есть два момента, особенно ярко выдвигающіе его изъ ряда. Во второй половинѣ семидесятыхъ годовъ онъ былъ, въ легальной прессѣ, однимъ изъ самыхъ смѣлыхъ борцовъ противъ цензурнаго гнета и противъ усиливавшихся реакціонныхъ теченій. Судьба основаннаго имъ журнала—«Русскаго Обозрѣнія»—представляетъ собою нѣчто исключительное даже въ богатомъ печальными страницами мартирологѣ русской печати. Фельетоны, которые онъ помѣщалъ въ «Голосѣ» подъ псевдонимомъ Гаммы—въ особенности извѣстный фельетонъ по дѣлу Вѣры Засулличъ, — были своего рода подвигомъ, чуть было не повлекшимъ за собою совершенное прекращеніе его писательской дѣятельности. Спеціально литературному міру Г. К. сослужилъ большую службу какъ иниціаторъ кассы взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ. Это было своего рода колумбово яйцо: въ основаніе кассы положена мысль простая, легко осуществимая, но до нея не додумывался, въ писательскомъ мірѣ, никто, и нужно было много энергіи, чтобы провести ее въ жизнь. Литературная работа обезпечиваетъ мало; мысль о томъ, что ее внезапно можетъ оборвать болѣзнь или смерть, тяжелымъ бременемъ ложится на многихъ, живущихъ однимъ литературнымъ трудомъ. Существованіе кассы, созданной Градовскимъ, уменьшаетъ хоть сколько-нибудь это бремя, обезпечивая за Г. К., тѣмъ самымъ, благодарное воспоминаніе пишущей братіи. Когда, послѣ долгой болѣзни, онъ могъ вернуться, на короткое время, въ родную и

близкую для него среду, трогательно было видѣть, съ какимъ жаромъ онъ принялся за любимый трудъ, съ какимъ усердіемъ хлопоталъ о всемъ томъ, что могло способствовать сближенію между писателями, улучшенію литературныхъ нравовъ. Я участвовалъ, вмѣстѣ съ нимъ, въ судѣ чести, разбиравшемъ, весною 1910-го года, нашумѣвшее тогда столкновеніе между двумя органами прогрессивной печати—и хорошо помню, какъ горячо онъ принималъ къ сердцу затронутые этимъ дѣломъ вопросы профессіональной этики. Любовь къ литературѣ угасла въ немъ только вмѣстѣ съ жизнью.

К. Арсеньевъ.

ВОПРОСЫ ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ.

Смѣна въ теченіе шестнадцати лѣтъ девяти министровъ народнаго просвѣщенія.—Циркуляръ и законъ въ школьномъ дѣлѣ.—Циркуляръ Л. А. Кассо о жеребьевкѣ евреевъ.—Совѣщаніе о реформѣ средней школы.—Совмѣстительство званія члена Госуд. Совѣта по выборамъ съ должностью на государственной службѣ.—Изъ кассаціонной практики сената.—А. А. Стаховичъ †.

Съ 1882-го по самый конецъ 1897-го года, въ теченіе почти шестнадцати лѣтъ, постъ министра народнаго просвѣщенія безсмѣнно занималъ графъ И. Д. Деляновъ. А въ слѣдующія шестнадцать лѣтъ смѣнилось девять министровъ: Боголѣповъ, Ванновскій, Зенгеръ, Глазовъ, гр. И. Толстой, фонъ-Кауфманъ, Шварцъ, Кассо и гр. Игнатьевъ. И всякій разъ происходила отнюдь не одна смѣна лицъ. Изъ названныхъ именъ, лишь одно имя генерала Глазова не принадлежитъ человѣку съ ярко выраженной индивидуальностью. Каждый изъ остальныхъ восьми министровъ былъ частью полнымъ, частью неполнымъ, но, во всякомъ случаѣ, отрицаніемъ своего предшественника. Да и ген. Глазовъ, если онъ самъ не былъ индивидуаленъ, то за него исключительно индивидуально было время управленія имъ вѣдомствомъ.

Ни въ одномъ другомъ вѣдомствѣ, въ теченіе тѣхъ же послѣднихъ шестнадцати лѣтъ, не было ничего подобнаго. Въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ съ 1898-го года смѣнилось, правда, тоже девять министровъ: Горемыкинъ, Сипягинъ, Плеве, кн. Святополкъ-Мирскій, Булыгинъ, Дурново, Столыпинъ, Макаро[illegible] и Маклаковъ.

Но, за исключеніемъ кн. Святополкъ-Мирскаго, это все были люди, чрезвычайно близкіе одинъ къ другому и въ политическомъ смыслѣ, и въ отношеніи направленія дѣятельности. Смѣна министровъ въ области общей внутренней политики ни разу не знаменовала перелома. Индивидуальная близость предшественниковъ и преемниковъ на посту министра внутреннихъ дѣлъ, напротивъ, способствовала тому, что даже перевалъ, обусловленный дарованіемъ странѣ новыхъ формъ государственной жизни,—что даже острые края этого перелома быстро сгладились и затушевались. Хотя Столыпина отдѣлялъ отъ Плеве манифестъ 17 октября, однако управленіе министерствомъ внутреннихъ дѣлъ Столыпинымъ и Плеве было неизмѣримо ближе, нежели управленіе министерствомъ народнаго просвѣщенія фонъ-Кауфманомъ и Шварцемъ, Шварцемъ и Кассо.

Никакая иная область государственной жизни не требуетъ въ такой степени устойчивости и послѣдовательной систематичности, какъ область народнаго просвѣщенія. Всякое вводимое въ этой области мѣропріятіе неизбѣжно разсчитывается на много лѣтъ впередъ; результатъ всякаго измѣненія и всякаго новшества можетъ наступить весьма нескоро. Возьмемъ молодого человѣка, оканчивающаго высшую школу въ 1915-мъ году. Обычный срокъ пребыванія у насъ въ высшей школѣ 5—6 лѣтъ; срокъ пребыванія въ гимназіи—8 лѣтъ. Когда этотъ молодой человѣкъ впервые вступилъ въ государственную школу, въ ней шла ломка классической системы, и гимназіи готовились къ обращенію въ кадетскіе корпуса. Но онъ не успѣлъ кончить и первый классъ, какъ у начальства вернулись симпатіи къ классицизму. Засимъ онъ проходилъ младшіе классы въ тѣ неопредѣленные годы, когда ни учителя, ни директора, ни попечители округовъ сами не знали, чему и какъ нужно учить. Въ среднихъ классахъ гимназіи его засталъ опытъ сближенія школы съ семьей и другой опытъ—подготовленія реформы, имѣвшей цѣлью отдѣлить высшіе гимназическіе классы отъ низшихъ. Въ старшихъ классахъ—онъ обучался не столько наукамъ, сколько гимнастикѣ и маршировкѣ. Въ высшей школѣ его встрѣтили еще живыя воспоминанія о старостахъ-студентахъ—и вмѣстѣ съ ними уже нарождавшійся академизмъ. Онъ началъ слушать популярныхъ профессоровъ съ научно-извѣстными именами. Но вскорѣ эти профессора стали, на его глазахъ, одинъ за другимъ, «для пользы службы», исчезать. Ихъ замѣнили другіе профессора, обладающіе не столько научнымъ цензомъ, сколько цензомъ «благонадежности». Къ моменту окончанія имъ высшей школы авторитетъ «благонадежныхъ» профессоровъ заколебался. И молодой человѣкъ заканчиваетъ данное ему государствомъ образованіе, слыша отовсюду проснувшіяся надежды на коренную реформу учебнаго дѣла.

Его воспитывали и учили 13—14 лѣтъ. А когда окончились его учебные годы, онъ узнаетъ, что надъ нимъ все время дѣлали ошибочные и неудачные эксперименты.

Гр. П. Н. Игнатьевъ началъ свою дѣятельность съ пересмотра и отмѣны изданныхъ при Л. А. Кассо циркуляровъ. Въ газетахъ чуть не каждый день сообщается объ отмѣнѣ то одного, то другого циркуляра. И только теперь обнаружилось, какъ безбрежно широкъ былъ потокъ циркуляровъ, которымъ Л. А. Кассо направлялъ судьбы народнаго образованія, и насколько его циркуляры, по содержанію, были всеобъемлющи.

Циркуляры—одно изъ давнихъ золъ нашей жизни. Издаваемые «въ разъясненіе» порядка примѣненія закона, они, въ дѣйствительности, конкуррируютъ съ закономъ, законъ замѣняютъ и очень часто его измѣняютъ. Болѣе или менѣе свободно толкуютъ право министерскихъ циркуляровъ всѣ вѣдомства. Но вѣдомство просвѣщенія, въ данномъ отношеніи, шло всегда впереди другихъ. Что же касается Л. А. Кассо, то онъ превзошелъ всѣхъ своихъ предшественниковъ. А. Н. Шварцъ, профессоръ-филологъ, называлъ себя законникомъ и неуклонно ссылался на законъ, когда отклонялъ обращаемыя къ нему просьбы и ходатайства. Законъ, однако—тотъ самый, при дѣйствіи котораго управляли вѣдомствомъ гр. И. Толстой и П. М. фонъ-Кауфманъ,—отнюдь не мѣшалъ ему руководить дѣломъ просвѣщенія въ діаметрально-противоположномъ направленіи. Л. А. Кассо, профессоръ-юристъ, съ закономъ откровенно не считался. Своей задачей онъ ставилъ радикальную ломку всего строя народнаго образованія. Законъ дѣйствующій онъ считалъ не имѣющимъ для него силы; о законѣ новомъ—не заботился. Не разсчитывая на поддержку Государственной Думы, Л. А. Кассо не вносилъ въ законодательныя учрежденія никакихъ регламентирующихъ основъ учебнаго дѣла законопроектовъ. Реформаторской же энергіи его это ничуть не умаляло. Въ циркулярномъ порядкѣ онъ отнялъ отъ земскихъ учрежденій право давать народу для чтенія книги, упразднилъ родительскія организаціи при средней школѣ и т. д., и т. д. Въ еще болѣе упрощенномъ порядкѣ отдѣльныхъ распоряженій по отдѣльнымъ случаямъ, онъ отмѣнилъ законъ 27 августа 1905 г. объ университетской автономіи.

Въ ряду другихъ циркуляровъ Л. А. Кассо, гр. П. Н. Игнатьевъ отмѣнилъ циркуляръ о томъ, что лица, окончившія семь классовъ женской гимназіи, допускаются въ восьмой классъ лишь въ томъ случаѣ, если средній выводъ отмѣтокъ, полученныхъ ими при окончаніи семи классовъ, будетъ не ниже четырехъ. Гр. П. Н. Игнатьевъ призналъ возможнымъ вопросъ о допущеніи тѣхъ или иныхъ учениць въ восьмой классъ женской гимназіи предоставить всецѣло разрѣше-

нію педагогическихъ совѣтовъ, при чемъ средній выводъ отмѣтокъ въ свидѣтельствахъ объ окончаніи семи классовъ не долженъ играть при рѣшеніи этого вопроса никакой роли.

Этотъ, нынѣ отмѣненный, циркуляръ чрезвычайно характерно показываетъ на частномъ примѣрѣ, какой дробной и мелочной регламентаціи изъ центра у насъ подчинено живое педагогическое дѣло, по самой природѣ своей не допускающее формальныхъ трафаретовъ. Онъ показываетъ, во-вторыхъ, до какихъ глубинъ школьнаго дѣла опускалъ свое начальственное воздѣйствіе Л. А. Кассо. Онъ же, наконецъ, свидѣтельствуетъ, въ какой мѣрѣ фактически безпредѣльны надъ школой и надъ судьбой проходящей черезъ школу молодежи права министра народнаго просвѣщенія. Запретъ для ученицы гимназіи, успѣшно окончившей семь классовъ, перейти въ восьмой классъ равносиленъ лишенію ея права быть учительницей. Если этого права ее лишаетъ педагогическій совѣтъ, то тутъ есть несомнѣнное оправданіе: педагогическій совѣтъ близко знаетъ личныя свойства каждой ученицы и на основаніи многолѣтнихъ наблюденій имѣетъ полную возможность рѣшить, способна ли данная ученица быть учительницей, или нѣтъ. Если же школьное дѣло построено на недовѣріи къ педагогическому персоналу и на формальномъ опредѣленіи, по отмѣткамъ, правъ оканчивающихъ школу на ту или другую дѣятельность, то установленіе формальныхъ признаковъ можетъ принадлежать, само собою разумѣется, только закону.

Министръ народнаго просвѣщенія одинаково далекъ отъ данной ученицы и отъ даннаго ученика, какъ и отвлеченныя нормы XI тома свода законовъ. Его циркуляры столь же теоретичны. И если издать циркуляръ и отмѣнить неизмѣримо проще, чѣмъ издать и отмѣнить законъ, то эта подвижность циркулярной системы регламентаціи школьнаго дѣла есть подвижность, коренящаяся, во всякомъ случаѣ, не въ нуждахъ школы и не въ требованіяхъ педагогики. Съ прохожденіемъ и окончаніемъ школы связано не только полученіе дипломовъ, но и полученіе правъ. Изъ двухъ ученицъ, одинаково имѣвшихъ менѣе четырехъ въ среднемъ выводѣ отмѣтокъ за семь классовъ и одинаково признававшихся педагогическимъ совѣтомъ достойными перевода въ восьмой классъ, чѣмъ виновата одна, что она окончила семь классовъ въ 1914-мъ году, при Кассо, и потому лишена пожизненно быть учительницей, а не въ 1915-мъ году, при его преемникѣ? Подобная несправедливость, конечно, возможна и при измѣненіи закона. Но законъ есть актъ, прошедшій цѣлый рядъ стадій разработки, обезпечивающихъ продуманность и всестороннюю оцѣнку мѣропріятій. Министерскій же циркуляръ есть актъ усмотрѣнія, ничѣмъ,

кромѣ темперамента или желанія даннаго министра, не продиктованный.

Конструкція закона, регламентирующаго у насъ жизнь школы всѣхъ степеней и вообще все, связанное съ дѣломъ народнаго образованія, представляетъ собой любопытнѣйшее сочетаніе принципа самаго крайняго недовѣрія къ педагогическому персоналу—къ тѣмъ, кто воспитываетъ и учитъ,—съ принципомъ самаго полнаго довѣрія къ учебной администраціи — къ тѣмъ, кому ввѣрено въ воспитаніи и обученіи руководительство. Этимъ и объясняется тотъ непонятный фактъ, что Ванновскій и Зенгеръ, гр. И. Толстой и Шварцъ, фонъ-Кауфманъ и Кассо, дѣйствуя въ рамкахъ одного и того же закона, могли каждый направлять школу по шести различнымъ дорогамъ. И Кассо, отказавшись отъ мысли своихъ предшественниковъ составлять законопроекты и вносить ихъ въ законодательныя учрежденія, былъ послѣдователенъ: дѣйствующій законъ, соотвѣтственно «разъясненный», давалъ ему полную фактическую возможность съ закономъ не считаться. Гр. П. Н. Игнатьевъ думаетъ иначе и, не ограничиваясь отмѣной циркуляровъ, уже вернулъ министерскіе департаменты къ законопроектирующей дѣятельности. Эта дѣятельность въ такомъ только случаѣ, однако, будетъ имѣть благотворный результатъ, если новый школьный законъ, въ прямую противоположность дѣйствующему, развяжетъ руки педагогическому персоналу, а учебной администраціи укажетъ границы между руководительствомъ и созданіемъ препятствій, между надзоромъ и вмѣшательствомъ.

Горе нашего школьнаго дѣла заключается въ томъ, что эпоха великихъ реформъ закончилась ранѣе, чѣмъ вопросъ о народномъ образованіи былъ въ полномъ объемѣ поставленъ на ближайшую очередь. Для школы та эпоха дала одинъ законодательный актъ—университетскій уставъ 1863 года. Въ прошломъ году чествовалось пятидесятилѣтіе положенія о земскихъ учрежденіяхъ и судебныхъ уставовъ. И земства, и судебный строй существенно, въ долгіе годы послѣдовавшей за реформами реакціи, были урѣзаны. Но все-таки главные принципы, заложенные тогда въ новый судъ и въ земскія учрежденія, остались. Университетскій же уставъ 1863 года тридцать лѣтъ тому назадъ не измѣненъ, а отмѣненъ и обращенъ въ памятникъ прошлаго. И онъ не могъ не быть отмѣненъ, ибо въ общемъ строѣ школьнаго законодательства представлялъ собою слишкомъ рѣзкій диссонансъ.

Въ приложеніи къ средней государственной школѣ было бы рискованно, пожалуй, говорить объ автономіи. Но то, что составляетъ основу самоуправленія университетовъ, сословій, городовъ, земства и

т. д.,—начало довѣрія,—одинаково съ университетами необходимо школѣ всѣхъ степеней. Обратное начало неустранимо ведетъ къ централизаціи, какъ къ неизбѣжному слѣдствію бюрократическаго принципа, весь смыслъ котораго заключается въ инстанціонномъ поглощеніи соподчиненныхъ органовъ низшихъ:—высшими, мѣстныхъ—центральными. А централизація, дошедшая до того, что министръ опредѣляетъ, сколько допустимо грамматическихъ ошибокъ въ гимназическихъ письменныхъ работахъ, и есть главная причина обращенія живого изъ живыхъ дѣла народнаго просвѣщенія въ мертвое изъ мертвыхъ. Централизація въ руководительствѣ школой могла бы еще имѣть нѣкоторое оправданіе тогда, если бы она обезпечивала устойчивость требованій, предъявляемыхъ къ учащимъ и учащимся. Смѣна девяти министровъ и девяти системъ въ теченіе шестнадцати лѣтъ слишкомъ краснорѣчиво, полагаемъ, опровергаютъ обезпеченіе министерскими циркулярами устойчивости школьныхъ требованій. Педагогъ долженъ вести дѣло, которому онъ отдался непосредственно и съ сознаніемъ всей полноты лежащей на немъ нравственной отвѣтственности. Педагогъ, отдѣленный отъ дѣла и отъ учениковъ бумагой и освобожденный отъ отвѣтственности передъ своей совѣстью, незамѣтно для себя становится для начальства—чиновникомъ, для школы—пресловутымъ «человѣкомъ въ футлярѣ».

Отмѣна циркуляровъ, изданныхъ при Л. А. Кассо, не коснулась пока одного циркуляра, въ разнообразномъ отношеніи обращающаго на себя особенное вниманіе—о жеребьевкѣ евреевъ при пріемѣ въ учебныя заведенія. Гр. П. Н. Игнатьевъ лишь частично предложилъ принять къ руководству, что евреи, поступившіе въ 1914 году по жребію въ приготовительный классъ гимназіи, для перевода въ первый классъ не должны подвергаться вторичной жеребьевкѣ. Въ циркулярѣ же Кассо говорилось: «Въ виду особаго характера приготовительнаго класса,—не считающагося, по закону, входящимъ въ составъ средняго учебнаго заведенія—жребію, вмѣстѣ со всѣми прочими кандидатами, подвергаются и ученики-евреи приготовительнаго класса при поступленіи ихъ въ первый классъ, наравнѣ съ учениками, поступающими въ первый классъ со стороны».

Но двойная жеребьевка, которой подвергались несчастныя десятилѣтнія дѣти, конечно, составляла въ циркулярѣ лишь мелочную подробность. Главный смыслъ циркуляра заключается въ томъ, что для отбора принимаемыхъ въ школу дѣтей и юношей, при невозможности принять всѣхъ желающихъ, въ отношеніи евреевъ установлено спеціальное начало, противоположное тому, на основаніи ко-

тораго производится отборъ среди христіанъ, магометанъ и язычниковъ. При необходимости произвести отборъ, школа естественно выдѣляетъ тѣхъ, кто болѣе и лучше къ ней подготовленъ. Отсюда вытекаетъ общепринятая система конкурса знаній, т.-е. конкурса аттестатовъ или экзаменаціонныхъ отмѣтокъ. Если скептически относиться къ точности соотношенія между знаніями и отмѣтками, то, дабы парализовать экзаменаціонныя случайности, можетъ возникать и вопросъ о жребіи, но, само собою разумѣется, о жребіи между тѣми, кто представилъ удовлетворительные аттестаты или удовлетворительно выдержалъ экзаменъ. Такой порядокъ одно время былъ принятъ для поступленія въ военно-учебныя заведенія. И такой же порядокъ былъ установленъ для пріема евреевъ въ гимназіи первымъ, февральскимъ, циркуляромъ Кассо. Но полгода спустя, въ іюлѣ, послѣдовалъ другой циркуляръ, и, на основаніи его, евреи подвергаются жребію не послѣ, а до пріемнаго испытанія.

Такимъ образомъ, въ отношеніи евреевъ, школа производитъ жеребьевый отборъ еще тогда, когда она не знаетъ, кто изъ кандидатовъ къ поступленію можетъ быть принятъ, а кто, по неудовлетворительности подготовки, не можетъ. И этотъ совершенно безпримѣрный въ учебной практикѣ порядокъ опредѣленъ въ циркулярѣ съ устраняющей всякія сомнѣнія ясностью. «Принимаются въ учебное заведеніе въ соотвѣтствующіе классы,—говоритъ циркуляръ,—всѣ тѣ изъ допущенныхъ вышеозначеннымъ порядкомъ (т.-е. по жребію) къ пріемнымъ испытаніямъ евреевъ, которые выдержатъ экзаменъ». Если же не всѣ допущенные выдержатъ экзаменъ или если даже никто изъ нихъ его не выдержитъ, то на такіе случаи циркуляръ опредѣляетъ: «вынутіе жребія производится только одинъ разъ въ годъ, передъ началомъ осеннихъ пріемныхъ испытаній, и въ теченіе учебнаго года ни въ какомъ случаѣ не повторяется». Слѣдовательно, разъ на имя въ совершенствѣ подготовленнаго еврея не вынутъ счастливый жребій, то судьба его на цѣлый годъ рѣшена безповоротно: еврейскія вакансіи могутъ пустовать, онѣ могутъ быть замѣщены христіанами,—для него школа «ни въ какомъ случаѣ» не откроется. Ключъ отъ нея—единственно въ счастливомъ жребіи.

Это предусмотрѣнное циркуляромъ незамѣщеніе еврейскихъ вакансій особенно жестоко. Оно же раскрываетъ до конца заложенную въ циркулярѣ мысль. Для христіанъ, магометанъ и язычниковъ школа имѣетъ двери. Для евреевъ—узкую щель процентной нормы. Изъ тысячъ ежегодно толпящихся передъ этой щелью юношей-евреевъ и раньше проникали десятки, но проникали полностью въ томъ числѣ, какое щель впускала. Циркуляръ поставилъ передъ щелью еще фильтръ—

фильтръ слѣпого случая, жребія. Фильтръ создалъ возможность незаполненія щели, подчинилъ процентную норму случайности...

Бывшій товарищъ министра народнаго просвѣщенія бар. Таубе въ одномъ интервью далъ, помнится, подробное объясненіе циркуляра. Онъ говорилъ о той несправедливости для дѣтей-евреевъ изъ бѣдныхъ семействъ, которая явилась слѣдствіемъ процентной нормы, поставленной въ связь съ общепринятой системой конкурса знаній. Въ его словахъ, записанныхъ газетнымъ сотрудникомъ и имъ потомъ проредактированныхъ, мелодично звучали лирическія ноты. Онъ сѣтовалъ, что дѣти бѣдныхъ евреевъ не могутъ конкуррировать съ дѣтьми богатыхъ, ибо къ услугамъ послѣднихъ есть учителя, которые могутъ и малоспособнаго хорошо приготовить къ пріемному экзамену. Онъ утверждалъ, что задача циркуляра—устранить привилегію богатства, уравнять въ правѣ на полученіе образованія бѣдныхъ евреевъ съ богатыми. Но лирика барона Таубе не была убѣдительна.

Когда появился циркуляръ, съ особенной живостью вспомнились настойчивыя подчеркиванія антисемитской прессы о засиліи «талантливаго племени». Процентная норма, примѣняемая такъ долго и такъ упорно, дѣйствительно подняла евреевъ во всѣхъ открытыхъ для нихъ свободныхъ профессіяхъ на уровень выше средней нормы. На долгомъ пути къ диплому высшаго учебнаго заведенія процентная норма всѣхъ слабыхъ евреевъ отбрасываетъ. Ибо гдѣ христіанину, чтобы распахнулась дверь, нужна спасительная тройка,—тамъ еврею, чтобы открылась щель, необходима золотая медаль. Ибо для достиженія чего христіанину достаточно средняго напряженія и средней затраты силъ,—для достиженія того процентная норма требуетъ отъ еврея самаго крайняго напряженія энергіи и силъ, требуетъ борьбы. Противъ того, что въ итогѣ даетъ человѣку борьба, и всталъ циркуляръ Кассо о жеребьевкѣ. Онъ изданъ для того, чтобы евреи знали и на опытѣ познали: не энергія, не упорство въ трудѣ, не природныя дарованія могутъ ихъ провести черезъ школу, а слѣпой случай — жребій...

Законодательныя работы вѣдомства просвѣщенія, обновленнаго въ лицѣ его главы, начаты съ предварительныхъ совѣщаній о реформѣ средней школы. Дѣйствительно, нельзя не признать, что изъ всѣхъ степеней нашей общей школы всего болѣе нуждается въ новомъ законѣ именно средняя. Она была объектомъ наиболѣе рѣшительныхъ и наиболѣе противорѣчивыхъ экспериментовъ смѣнившихся министровъ. А такъ какъ ни при одномъ изъ нихъ опредѣленія закона, въ главныхъ его положеніяхъ, не измѣнялись, то получилось нѣчто прямо невообразимое.

На бумагѣ, по закону, все еще продолжаютъ существовать классическія гимназіи съ двумя древними языками времени гр. Д. А. Толстого, какъ основной и, въ сущности, единственный типъ общеобразовательной средней школы, дающей подготовку къ высшей, и реальныя училища, отнюдь не предназначенныя служить переходной ступенью для полученія высшаго образованія, а, напротивъ, являющіяся типомъ такой школы, въ которой должны получать законченное полуобразованіе, не то малоспособные юноши, не то «кухаркины дѣти». Въ дѣйствительности же, реальныя училища, въ смыслѣ учебныхъ заведеній, откуда молодые люди переходятъ въ высшую школу, давно сравнялись съ гимназіями. Даже двери университета не на-глухо закрыты для реалистовъ, а въ недавніе—правда, недолгіе—годы, онѣ были для нихъ открыты настежь. Вмѣстѣ съ тѣмъ гимназіи съ двумя древними языками сдѣлались рѣдкимъ исключеніемъ. Такъ, въ Петроградѣ, напримѣръ, изъ четырнадцати гимназій (двѣнадцать, имѣющихъ общую нумерацію, окружной и человѣколюбиваго общества) греческій языкъ преподается только въ одной. Если преподаваніе латинскаго языка и сохранилось, въ видѣ необходимой принадлежности гимназіи, то латинскій языкъ, изъ основы и опоры курса всѣхъ наукъ, сталъ такимъ же предметомъ преподаванія, какъ и всѣ прочіе. Но весь этотъ переворотъ въ постановкѣ средняго образованія произошелъ помимо закона. А потому достаточно простого желанія министра, чтобы однимъ взмахомъ пера объявить возвратъ къ толстовскому классицизму и къ обращенію реальныхъ училищъ въ школу для малоуспѣшныхъ и для недостойныхъ стремиться къ высшему образованію и сидѣть въ одномъ классѣ съ «господами».

Старый споръ о классицизмѣ получилъ въ совѣщаніи нѣсколько неожиданную постановку. Во-первыхъ, въ устахъ противниковъ классической школы явился новый аргументъ, навѣянный не столько существомъ вопроса, сколько обстоятельствами переживаемаго момента. Такъ, возражая бывшему товарищу министра Н. А. Звѣреву, г. Барсковъ указалъ, что современная война обнаружила большіе недостатки нѣмецкой системы воспитанія и обученія и тѣмъ самымъ—пришедшаго къ намъ изъ Германіи классицизма. Германія, по его словамъ, воспитывалась на ложно понятыхъ ею идеалахъ греческой и латинской культуры. Ложно понятый классицизмъ далъ и ложное воспитаніе. То, какъ ведутъ себя нѣмцы на войнѣ, служитъ,—говорилъ онъ,—свидѣтельствомъ крушенія нѣмецко-классической системы образованія. Во-вторыхъ, какъ противоположеніе классической школѣ, выдвинулся малопринятый типъ школы съ преимущественнымъ изученіемъ не математики и не естественныхъ наукъ, а родного языка. Суммируя пренія, гр. Игнатьевъ высказался за то, что «общеобра-

зовательная школа должна удовлетворять, по возможности, различнымъ влеченіямъ молодыхъ людей».

Изъ отдѣльныхъ предложеній, дебатировавшихся въ совѣщаніи, заслуживаетъ полнаго вниманія мысль о сокращеніи общей продолжительности прохожденія средней школы. Восьмилѣтній гимназическій курсъ представляетъ одно изъ больныхъ мѣстъ не только школы, но всей нашей жизни. Что этотъ срокъ, безъ ущерба для дѣла, можно сократить,—противъ этого уже давно никто не споритъ. Что этотъ срокъ сократить необходимо—это доказываетъ простая справка, въ какомъ возрастѣ наша молодежь оканчиваетъ образованіе. Нормальный возрастъ поступленія въ гимназію—11 лѣтъ; слѣдовательно, нормальный возрастъ окончанія курса—19 лѣтъ. Если же прибавить наименьшій срокъ пребыванія въ высшемъ учебномъ заведеніи, четыре года, то получится, что молодой человѣкъ перестаетъ быть учащимся и становится работникомъ только въ 23 года. Для медиковъ и инженеровъ всѣхъ наименованій слѣдуетъ прибавить еще одинъ годъ. Между тѣмъ, опытъ съ несомнѣнностью удостовѣрилъ, что учебное, такъ сказать, утомленіе наступаетъ гораздо ранѣе. Гораздо ранѣе исчерпываются и средства, которыя можетъ жертвовать семья на проведеніе сыновей черезъ школу. Въ результатѣ обѣихъ причинъ, начиная со второго курса высшаго учебнаго заведенія, молодые люди запускаютъ занятія и, бѣгая по урокамъ или просиживая цѣлые дни въ конторахъ или за перепиской, съ года на годъ откладываютъ экзамены. Въ конечномъ результатѣ срокъ прохожденія школы растягивается до 26—27-лѣтняго возраста, что нельзя не признать пріемомъ, разорительнымъ для народной экономики.

Работы совѣщанія, конечно, составляютъ лишь первый шагъ въ большомъ дѣлѣ. Уже хорошо то, что оно начато. Во что выльется проектъ, гадать, однако, совершенно невозможно.

Назначеніе члена Государственнаго Совѣта по выборамъ А. К. Рачинскаго товарищемъ министра народнаго просвѣщенія и избраніе членомъ Государственнаго Совѣта отъ новгородскаго земства оберъ-прокурора второго департамента сената И. М. Тютрюмова поставили вопросъ о совмѣстительствѣ званія и обязанностей выборнаго члена верхней законодательной палаты съ состояніемъ на государственной службѣ. Въ газетахъ сообщалось, что министръ юстиціи и государственный секретарь высказались въ пользу разрѣшенія вопроса въ положительномъ смыслѣ, имѣя въ виду, во-первыхъ, что въ учрежденіи Госуд. Совѣта нѣтъ ограниченія, соотвѣтствую-

щаго п. 4 ст. 18 учрежденія Госуд. Думы, и, во-вторыхъ, что въ учрежденіи Госуд. Совѣта есть, напротивъ, указаніе, если не прямо, то косвенно устанавливающее возможность одновременнаго занятія должности по государственной службѣ и исполненія обязанностей члена Совѣта по выборамъ.

П. 4 ст. 18 учр. Гос. Думы опредѣляетъ, что членъ Думы выбываетъ изъ ея состава въ случаѣ «назначенія по гражданской государственной службѣ на должность, соединенную съ опредѣленнымъ окладомъ содержанія, за исключеніемъ должностей министровъ и главноуправляющихъ отдѣльными частями». Въ учрежденіи Гос. Совѣта аналогичнаго правила не содержится, а въ ст. 28 говорится, что члены Совѣта по выборамъ, «если они занимаютъ другія должности, коимъ присвоено содержаніе, получаютъ его лишь въ случаѣ отказа отъ суточнаго довольствія».

Такимъ образомъ, по первому впечатлѣнію, дѣйствительно, какъ будто можно придти къ выводу о допустимости по закону быть одновременно и членомъ Госуд. Совѣта по выборамъ и министерскимъ чиновникомъ любого вѣдомства. Но если глубже вникнуть въ вопросъ, то становится яснымъ, что этотъ выводъ не имѣетъ не только внутренняго, но и формально-догматическаго оправданія. Приведенное указаніе послѣдней части ст. 28 учрежд. Госуд. Сов. имѣетъ характеръ спеціальнаго, а отнюдь не общаго правила. Въ составѣ Госуд. Совѣта есть такая категорія членовъ по выборамъ, для которой занятіе должности на государственной службѣ есть цензовое условіе. Эта категорія—члены Совѣта изъ академиковъ и изъ профессоровъ университетовъ. Для нихъ не существуетъ никакого другого ценза, кромѣ занятія должностей съ присвоеннымъ этимъ должностямъ опредѣленнымъ окладомъ содержанія — ординарнаго академика и ординарнаго профессора. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, занятіе должности, составляя единственное основаніе ихъ права быть членами Госуд. Совѣта, считается иногда условіемъ сохраненія званія члена Совѣта. А. А. Мануиловъ, будучи уволенъ изъ профессоровъ московскаго университета, былъ признанъ утратившимъ также званіе члена Госуд. Совѣта. И значеніе этого прецедента не вполнѣ уничтожено противоположнымъ рѣшеніемъ Госуд. Совѣта относительно Д. Д. Гримма.

Для этой-то категоріи членовъ Госуд. Совѣта по выборамъ и дано ограничительное указаніе въ ст. 28-ой. Строить же изъ него общій и къ тому же обратный выводъ — для этого нѣтъ никакихъ достаточно твердыхъ основаній. Хотя должности профессоровъ и академиковъ суть должности государственной службы, но онѣ, во всякомъ случаѣ, суть должности лишь спеціальныя, существенно

отличныя отъ чиновничьихъ должностей общаго типа. Что же касается отсутствія въ учрежденіи Госуд. Совѣта ограниченія, выраженнаго въ п. 4 ст. 18 учрежд. Гос. Думы, то разъ законъ включилъ въ выборный составъ Совѣта членовъ отъ академіи и университетовъ, то онъ и не могъ дать общаго запрета оставаться членомъ Совѣта по выборамъ «въ случаѣ назначенія по гражданской государственной службѣ на должность, соединенную съ опредѣленнымъ окладомъ содержанія».

По существу вопроса, нельзя не отмѣтить, прежде всего, что даже въ отношеніи совмѣстительства званія члена Госуд. Совѣта съ профессорской должностью мы имѣемъ слишкомъ краснорѣчивый и слишкомъ печальный примѣръ въ исторіи увольненія изъ профессоровъ Д. Д. Гримма. Весь смыслъ представительныхъ учрежденій заключается въ ихъ независимости,—въ независимости Совѣта и Думы въ цѣломъ и въ индивидуальной независимости каждаго удостоеннаго избранія представителя. И. М. Тютрюмовъ, по должности оберъ-прокурора, есть чиновникъ четвертаго класса министерства юстиціи. Какъ таковой, онъ обязанъ долгомъ служебнаго повиновенія министру, отъ котораго получаетъ приказанія и которому дѣлаетъ представленія. Какъ можетъ онъ въ то же время быть судьею дѣйствій министра, оцѣнивая ихъ закономѣрность и голосуя за или противъ признанія удовлетворительными объясненій по сдѣланному запросу? При двойственности его положенія, неустранимо будетъ страдать одно изъ двухъ: или достоинство законодательной палаты, если, засѣдая въ Совѣтѣ, онъ ежеминутно будетъ помнить свои обязанности по службѣ, или интересъ государственной службы, если, входя въ Маріинскій дворецъ, онъ станетъ забывать свое подчиненное отношеніе къ министру. Одинаково недопустимо двойственнымъ окажется и положеніе министра юстиціи. Часъ назадъ онъ приказывалъ оберъ-прокурору; часъ спустя онъ долженъ тому же оберъ-прокурору, какъ члену коллегіи, представлять объясненія.

Съ другой стороны, трактуя вопросъ по существу, нельзя не проводить различія между назначеніемъ А. К. Рачинскаго и избраніемъ И. М. Тютрюмова. Законъ совершенно правильно устанавливаетъ изъятіе для должностей министровъ и главноуправляющихъ отдѣльными частями. Совмѣстительство званія члена Совѣта или Думы съ должностью министра не только допустимо, но представляетъ собою нормальный фактъ при конституціонномъ строѣ. И если есть изъятіе для министровъ, то въ большей мѣрѣ оно необходимо для ихъ товарищей. Какъ и должность министра, должность товарища министра есть должность политическая, ибо то-

варищъ министра замѣняетъ въ палатахъ министра, и его принадлежность къ составу палаты, гдѣ онъ даетъ объясненія и поддерживаетъ вносимые законопроекты, не можетъ вызывать ни принципіальныхъ, ни практическихъ возраженій. А. К. Рачинскій, будучи товарищемъ министра, и при сохраненіи званія члена Госуд. Совѣта будетъ занимать мѣсто въ Маріинскомъ дворцѣ на министерской скамьѣ. А мѣсто оберъ-прокурора сената И. М. Тютрюмова—среди членовъ Совѣта, и другого для него быть не можетъ.

Въ сенатѣ слушалось дѣло нѣкоего Николаева, который, на основаніи обвинительнаго вердикта присяжныхъ, былъ признанъ виновнымъ въ подлогѣ и приговоренъ московскимъ окружнымъ судомъ къ отдачѣ въ исправительныя арестантскія отдѣленія. Предметомъ жалобы было содержаніе напутственнаго слова предсѣдательствующаго. Разъясняя присяжнымъ засѣдателямъ ихъ права и обязанности, предсѣдательствующій коснулся роли и значенія защиты вообще и сказалъ, что защита стремится только отвлечь вниманіе присяжныхъ засѣдателей, затемнить истину, наговорить жалкихъ словъ и изъ каждаго подсудимаго сдѣлать невиновнаго. Въ такой именно редакціи слова предсѣдательствующаго, по удаленіи присяжныхъ засѣдателей въ совѣщательную комнату, были занесены, вслѣдствіе требованія защитника, въ протоколъ судебнаго засѣданія.

Дававшій заключеніе по дѣлу товарищъ оберъ-прокурора назвалъ подобное сужденіе о защитѣ «огульнымъ и выходящимъ изъ рамокъ судебнаго приличія». Присоединился къ этой оцѣнкѣ и сенатъ, но кассаціоннаго вывода изъ нея о невозможности оставить въ силѣ вердиктъ, постановленный подъ впечатлѣніемъ «выходящихъ изъ рамокъ судебнаго приличія» словъ предсѣдательствующаго, — сенатъ не сдѣлалъ. Сенатъ объявилъ въ резолюціи: «Такое огульное и неумѣстное порицаніе предсѣдателемъ всей защиты не соотвѣтствуетъ высокому положенію предсѣдателя и требуемому закономъ спокойному изложенію присяжнымъ засѣдателямъ условій отправленія ими правосудія, — оно можетъ возбудить справедливыя противъ предсѣдателя нареканія. Но оно не можетъ повлечь за собой отмѣну состоявшагося по дѣлу приговора, такъ какъ ни изъ протокола судебнаго засѣданія, ни изъ кассаціонной жалобы защитника осужденнаго не видно, чтобы слова предсѣдателя могли имѣть вліяніе на рѣшеніе присяжныхъ засѣдателей».

Присяжные засѣдатели, какъ извѣстно, вердиктовъ не мотивируютъ. Сужденія ихъ въ совѣщательной комнатѣ составляютъ тайну. При такихъ условіяхъ, интересно было бы знать, какимъ

способомъ могло получить отраженіе въ протоколѣ вліяніе на рѣшеніе присяжныхъ «неумѣстныхъ» словъ предсѣдателя и какими доводами могъ бы это доказать составитель кассаціонной жалобы? Сенатъ все дальше и все чаще отходитъ отъ науки уголовнаго процесса: не невинность, а виновность должна быть доказана; не сомнительная неправильность, а безспорная правильность присужденія къ наказанію должна быть ясно и твердо установлена.

Живой, экспансивный человѣкъ, всей душей преданный общественному служенію и непоколебимо твердый въ шовинистическихъ убѣжденіяхъ земецъ,—такимъ былъ покойный Александръ Александровичъ Стаховичъ. Онъ принадлежалъ къ тѣмъ земцамъ, которые подготовили переходъ къ новому строю, возвѣщенному 17 октября 1905 года. Въ этомъ направленіи онъ работалъ и какъ гласный елецкаго и орловскаго губернскаго земскихъ собраній, и какъ елецкій предводитель дворянства, и какъ журналистъ, между прочимъ, издавшій въ 1901-мъ году сборникъ «Нужды деревни», и какъ участникъ земскихъ съѣздовъ, и какъ одинъ изъ иниціаторовъ «Союза освобожденія».

Отъ родной орловской губерніи А. А. Стаховичъ въ 1907-мъ году былъ посланъ въ Государственную Думу, гдѣ работалъ въ продовольственной комиссіи, но въ качествѣ оратора выступалъ сравнительно рѣдко. Кое-когда покойный писалъ въ газетахъ. Особенно памятны нѣкоторыя изъ его разоблаченій, напр., въ извѣстномъ лидвалевскомъ дѣлѣ. Въ послѣдніе годы А. А. принималъ участіе въ дѣлахъ Петрограда, въ качествѣ избраннаго городской думой предсѣдателя особаго присутствія по разбору и призрѣнію нищихъ.

В. Кузьминъ-Караваевъ.

А. Н. СКРЯБИНЪ.

(Скончался 14 апрѣля 1915 г.).

Слѣпая смерть нанесла русскому искусству тяжкій ударъ: скончался Александръ Николаевичъ Скрябинъ, композиторъ, творческій даръ котораго отличался такой яркой индивидуальностью, какой не обнаруживаетъ, можетъ быть, ни одинъ изъ современныхъ композиторовъ. А. Н. Скрябинъ умеръ сорока четырехъ лѣтъ, въ полномъ расцвѣтѣ своихъ физи-

ческихъ и духовныхъ силъ, пользуясь славой великаго художника, обѣщающаго подарить міру новыя откровенія своего творчества, стремившагося выразить въ звукахъ музыки мистическія созерцанія, не поддающіяся словесному выраженію. А. Н. Скрябинъ умеръ отъ ничтожной случайности: въ царапину на лицѣ проникли микробы, образовался злокачественный нарывъ, произошло зараженіе крови, и не стало человѣка, въ головѣ котораго хранились возможности одарить нашу жизнь новыми, неизвѣстными еще намъ, душевными переживаніями. Смерть такого человѣка производитъ на насъ особенно жуткое впечатлѣніе. Смерть рядового, средняго человѣка поражаетъ горемъ близкихъ ему людей, но для того, кто вѣритъ, что жизнь человѣчества въ его цѣломъ полна глубокаго смысла, раскрытіе котораго составляетъ цѣль величайшихъ индивидуальныхъ умовъ, для человѣка, вѣрующаго въ этотъ смыслъ, исчезновеніе одной личности не кажется нарушеніемъ этого смысла, какъ не кажется нарушеніемъ идей организма отмираніе одной изъ милліоновъ составляющихъ организмъ клѣточекъ: она замѣняется другою, и организмъ, какъ цѣлое, продолжаетъ свою жизнь. Но смерть творческой личности, являющейся центромъ духовныхъ силъ, обогащающихъ нашу жизнь, въ то время, когда эта личность находится на высшей точкѣ своей творческой работы, такая смерть является для насъ жестокой загадкой, ибо такую личность не можетъ замѣнить другая «клѣточка», и исчезновеніе ея образуетъ настоящій пробѣлъ въ исторіи человѣчества.

Примѣнимо ли въ полной мѣрѣ сказанное мною къ скончавшемуся композитору, это вопросъ, на который многіе захотятъ отвѣтить отрицательно. Творчество Скрябина вызывало и долго будетъ вызывать столкновеніе противоположныхъ оцѣнокъ. Въ то время, какъ одни считаютъ его геніемъ, открывающимъ новые горизонты («Въ Россіи есть Скрябинъ—и это сознаніе даетъ намъ право на обоснованіе того положенія, что фактическая гегемонія въ творчествѣ перешла отъ Западной Европы къ Россіи»: Л. Сабанѣевъ, 1913 г.), другіе, и что особенно замѣчательно—именно композиторы, считаютъ дѣятельность Скрябина въ послѣдніе годы пошедшей по ложной дорогѣ, приведшей его талантъ чуть ли не къ гибели.

Первое сочиненіе Скрябина, такъ рѣшительно раздѣлившее его слушателей на два враждебныхъ лагеря, была «Поэма экстаза» для оркестра, исполненная впервые въ Петроградѣ въ Бѣляевскихъ концертахъ подъ управленіемъ Ф. Блуменфельда въ 1909 г. (31 января). Я писалъ тогда объ этомъ сочиненіи: «Представьте себѣ пьесу, продолжавшуюся 20 минутъ; изъ нихъ въ теченіе 18 минутъ ваши уши подвергаются самымъ настоящимъ истязаніямъ, подобныхъ которымъ я еще не испытывалъ, такъ что, когда въ самомъ концѣ пьесы

является ясная тема, исполняемая съ колоссальной силой удвоеннымъ оркестромъ, являющаяся, какъ лучъ яркаго свѣта послѣ предшествовавшаго хаоса, то станетъ понятнымъ и восторгъ публики, почувствовавшей выходъ изъ того очень сильнаго нервнаго раздраженія, которое вызвала въ ней предшествовавшая музыка, если такъ можно назвать тотъ неистовый хаосъ звуковъ, который воспроизводился оркестромъ».

Именно съ «Поэмы экстаза» и начинается тотъ успѣхъ оркестровыхъ сочиненій Скрябина, который шелъ, все возрастая, до послѣднихъ дней. Какой изъ русскихъ композиторовъ, кромѣ Чайковскаго, можетъ собрать, какъ это дѣлали сочиненія Скрябина, полный залъ публики въ концертѣ, посвященномъ тремъ сочиненіямъ одного композитора!

Изъ этого видно, что мой отзывъ о «Поэмѣ экстаза» самымъ рѣшительнымъ образомъ разошелся съ впечатлѣніями публики. За истекшіе годы, въ которые мнѣ пришлось услышать «Поэму экстаза» много разъ, мое мнѣніе о ней почти не измѣнилось. И тѣмъ не менѣе я думаю, что періодъ исканія своего художественнаго «я», давшій «Экстазъ», «Прометея» и послѣднія фортепіанныя сочиненія Скрябина, могъ завершиться побѣдой созидающихъ, формирующихъ силъ надъ разрушающими художественную форму силами страстей, владѣвшихъ душой художника. Въ музыкѣ Скрябина всегда чувствуется та искренняя страстность, которая является главнымъ источникомъ творчества у такихъ лирическихъ натуръ, какою былъ Скрябинъ. Онъ всегда лиричeнъ, въ своей музыкѣ всегда выражаетъ свои личныя страданія, стремленія, томленія. Онъ не только разрушаетъ традиціонныя музыкальныя формы: онъ ищетъ новыхъ музыкальныхъ созвучій, стоящихъ въ такомъ противорѣчіи съ требованіями нашего слуха, что для признанія ихъ приходится отвергнуть всѣ наши музыкальные навыки и создать новую теорію. Гармонія «Прометея» строится не на трехзвучіи, которое есть коренная основа всѣхъ одновременныхъ сочетаній звуковъ въ музыкѣ и въ которое неизбѣжно разрѣшались до сихъ поръ всѣ диссонансы, а на особомъ аккордѣ изъ шести звуковъ, построенныхъ по квартамъ (c—fis—b—e—a—d). Для насъ такой аккордъ есть диссонансъ, необходимо требующій разрѣшенія въ трезвучіе, диссонансъ, которымъ сочиненіе можетъ быть прервано, но не закончено; для Скрябина этотъ аккордъ есть консонансъ, не требующій разрѣшенія.

Есть еще выходъ для пониманія музыки Скрябина, для принятія ея. Музыка Скрябина—искреннее выраженіе его личныхъ душевныхъ переживаній, вращающихся въ области любви. Именно въ выраженіи такихъ переживаній музыка Скрябина, можетъ быть, дѣй-

ствительно геніальна, и если взглянуть на нее съ этой точки зрѣнія, то станутъ понятны многія явленія концертнаго зала, иначе не объяснимыя.

Прежде всего станетъ понятенъ необычайный, экстатическій успѣхъ Скрябина именно среди большой публики, а не среди музыкантовъ. Воспріятіе музыки музыкантами и публикой различно въ такой мѣрѣ, о которой многіе не имѣютъ понятія. Когда музыкантъ слушаетъ музыку, онъ хочетъ ее понимать. Онъ слышитъ и запоминаетъ мотивы (темы), изъ которыхъ она строится, и слѣдитъ за развитіемъ и видоизмѣненіями этихъ мотивовъ. Звуковая окраска (тембръ), оттѣнки силы (динамика) и скорости для него только элементы, дающіе пульсъ жизни текущей постройкѣ музыки. Для большой публики, напротивъ, самое важное въ музыкѣ именно этотъ пульсъ жизни, для «пониманія» музыки у нея нѣтъ достаточно данныхъ.

Въ музыкѣ Скрябина именно этотъ пульсъ жизни бьется особенно выразительно, и вотъ почему этотъ композиторъ такъ популяренъ среди людей, не могущихъ повторить голосомъ даже простого напѣва. Спросите музыканта, почему ему нравится такая-то пьеса. Онъ споетъ вамъ главныя темы и разскажетъ, какъ онѣ развиваются въ стройный художественный организмъ. Спросите меломана, пришедшаго въ восхищеніе отъ «Экстаза», чѣмъ именно онъ восхищенъ. Онъ не вспомнитъ ни одной даже двухтактовой фразы, но зато скажетъ, можетъ быть: «Экстазъ Скрябина есть радость свободнаго дѣйствія. Вселенная (-Духъ) есть вѣчное творчество безъ цѣли внѣшней, безъ мотивовъ, божественная игра мірами, и т. д.» (изъ поясненій къ программѣ «Экстаза»).

И тѣмъ не менѣе, я не сомнѣваюсь, что музыка Скрябина, дѣйствительно, увлекаетъ слушателей. Это бывало еще болѣе замѣтно, когда самъ Скрябинъ игралъ свои фортепіанныя сочиненія послѣднихъ годовъ. Въ его игрѣ, несмотря на отсутствіе силы и техническіе недостатки, было столько нервности, столько страстной выразительности, что дѣйствіе ея на публику было несомнѣнно. Вотъ именно это дѣйствіе на публику, находящееся въ связи съ искренностью творчества Скрябина, и заставляетъ думать, что въ его творчествѣ была та живая сила, которая привела бы его къ созданію новыхъ, стройныхъ формъ нашего искусства. Но, увы, теперь оборвалась нить этой мятущейся жизни, и намъ не дано насладиться завершеніемъ страстныхъ исканій художника...

При исключительно лирическомъ характерѣ творчества Скрябина привести это творчество въ связь съ обстоятельствами его жизни было бы интересной психологической задачей. Но, конечно, это возможно

только въ отдаленномъ будущемъ, если близкіе къ покойному люди озаботятся сохранить его письма и записать воспоминанія окружавшихъ художника людей. Внѣшнія біографическія данныя таковы.

А. Н. Скрябинъ родился 29 декабря 1871-го года въ Москвѣ. Музыкальныя способности обнаружились у него очень рано: восьми лѣтъ онъ уже сочинялъ. Общее образованіе получилъ въ кадетскомъ корпусѣ въ Москвѣ, по окончаніи котораго поступилъ въ московскую консерваторію въ классъ фортепіано къ В. И. Сафонову въ 1889. Въ консерваторію Скрябинъ поступилъ хорошо подготовленный, такъ-какъ бралъ частные уроки у С. И. Танѣева, и потому черезъ три года могъ окончить консерваторію съ большой золотой медалью. Уже тогда Скрябинъ былъ восходящей звѣздой, и при своемъ выступленіи въ Петербургѣ былъ радостно привѣтствуемъ музыкантами. Въ лицѣ М. П. Бѣляева Скрябинъ тотчасъ нашелъ издателя и покровителя, при поддержкѣ котораго молодой піанистъ и композиторъ совершилъ рядъ артистическихъ поѣздокъ за границу. Онъ выступалъ съ успѣхомъ въ Парижѣ, Брюсселѣ, Берлинѣ и другихъ городахъ. Въ 1906 году онъ совершилъ артистическую поѣздку по Америкѣ.

Въ теченіе шести лѣтъ (1897—1903) Скрябинъ былъ профессоромъ фортепіанной игры въ московской консерваторіи; затѣмъ поселился за границей, жилъ въ Парижѣ, Швейцаріи, Италіи, появляясь на родинѣ только временно. Послѣдніе годы, когда оркестровыя сочиненія Скрябина сдѣлались приманкой для публики въ концертахъ Кусевицкаго и Зилоти, Скрябинъ неоднократно выступалъ въ этихъ концертахъ и какъ піанистъ (въ «Прометеѣ» и въ своемъ фортепіанномъ концертѣ). Съ огромнымъ успѣхомъ онъ давалъ фортепіанные вечера, на которыхъ исполнялъ только свои сочиненія.

Всего Скрябинъ издалъ (у Бѣляева, Юргенсона и Россійскаго музыкальнаго издательства) 75 сочиненій. Изъ нихъ для оркестра написаны шесть Rêverie, три симфоніи, «Поэма экстаза» и «Прометей». Остальныя сочиненія всѣ написаны для фортепіано. Изъ нихъ первыя сочиненія (до 30-го) носятъ слѣды вліянія Шопена, котораго Скрябинъ страстно любилъ.

Въ рукописи остались, какъ говорятъ, совершенно законченныя вещи, и кромѣ того Скрябинымъ были начаты эскизы къ грандіозной «Мистеріи».

Скрябинъ писалъ и стихи, въ которыхъ пытался выразить свои философскія (мистическія) воззрѣнія. Такъ имъ былъ сочиненъ текстъ для финала (хоръ, теноръ и меццосопрано) 1-ой симфоніи и стихотворная программа къ «Поэмѣ экстаза», напечатанная въ Швейцаріи по-русски и исчезнувшая изъ продажи.

Викторъ Вальтеръ.

Е. В. ДЕ-РОБЕРТИ.

Ушелъ отъ насъ Е. В. Де-Роберти. Ушелъ неожиданно, сохраняя всю умственную силу и способность литературнаго творчества, какъ показываетъ, между прочимъ, его посмертная статья: «Кризисъ нравственныхъ понятій и знаніе». Оцѣнка политическихъ взглядовъ Де-Роберти можетъ ограничиться напоминаніемъ, что еще въ 1880 г. онъ рекомендовалъ тверскому земству обратиться къ правительству съ ходатайствомъ о введеніи въ Россіи представительныхъ порядковъ. Тѣ, кто подобно мнѣ знали его въ теченіе десятковъ лѣтъ въ Парижѣ, могутъ засвидѣтельствовать, что, не вмѣшиваясь въ повседневную политику, онъ всегда готовъ былъ поддержать своимъ авторитемъ философа и соціолога, всякое коллективное выступленіе европейскихъ ученыхъ и литераторовъ въ защиту ли правъ человѣка (какъ въ дѣлѣ Дрейфуса), или правъ гражданъ цѣлаго государства, безъ различія вѣры и національности, настаивая на охранѣ ихъ жизни, имущества, чести. Правительство, не исполняющее этой элементарной обязанности, находило въ немъ справедливаго и твердаго критика.

Эти нерѣдкія выступленія сдѣлались поводомъ къ доносамъ, и одно время поставили Е. В. Де-Роберти въ весьма трудное положеніе. Но коллективное ходатайство французскихъ и бельгійскихъ литераторовъ и ученыхъ доставили Е. В. возможность свободнаго выбора своего мѣстожительства. Въ мѣсяцы, слѣдовавшіе за русско-японской войною, онъ вернулся въ Россію, принималъ участіе въ земскихъ съѣздахъ, примкнулъ къ партіи конституціонно-демократической, выступалъ на ея съѣздахъ въ центральномъ комитетѣ, отстаивая всегда свободу «свое сужденіе имѣть», и поэтому нерѣдко расходясь съ господствующимъ въ его же партіи теченіемъ. Состоя губернскимъ гласнымъ, онъ боролся съ чрезмѣрностью опеки надъ мѣстной жизнью.

Но не въ его общественныхъ выступленіяхъ лежитъ значеніе Де-Роберти. Оно всецѣло принадлежитъ сферѣ отвлеченнаго мышленія. Русская цензура направила его дѣятельность въ этомъ отношеніи во французское русло; а въ средѣ романскихъ народностей онъ нашелъ болѣе сочувственную оцѣнку своему столь же глубокому, сколько и смѣлому пониманію основныхъ вопросовъ бытія, чѣмъ въ средѣ русскихъ журнальныхъ критиковъ.

Въ своихъ статьяхъ и лекціяхъ на русскомъ языкѣ съ каѳедры психо-неврологическаго института онъ только популяризировалъ тѣ

взгляды, которые нашли выраженіе себѣ въ цѣломъ рядѣ обыкновенно скромныхъ по размѣру книжекъ, выходившихъ въ Парижѣ у Alcan'a. Назовемъ нѣкоторыя изъ нихъ: «Старая и новая философія» (1887 г.), «Непознаваемое, его метафизика и психологія» (1889 г.), «Агностицизмъ» (1892 г.), «Поиски единства» (1893 г.), «Философія вѣка» (1894 г.), «Соціальный психизмъ» (1899 г.), «Основы этики» (1900 г.), «Созданіе этики» (1901 г.), «Ницше» (1903 г.), «Новая программа соціологіи» (1904 г.), «Соціологія дѣйствія» (1907 г.), «Понятія разума и законы вселенной» (1912 г.).

Передать даже въ сжатомъ видѣ міросозерцаніе Де-Роберти, разумѣется, немыслимо въ некрологической замѣткѣ. Достаточно будетъ сказать, что философская литература запада окрестила его направленіе терминомъ «нео-позитивизмъ» и что рѣдкая книга по философіи и соціологіи въ 80-хъ и 90-хъ годахъ обходилась безъ частыхъ ссылокъ на работы нашего покойнаго соотечественника, что, соглашаясь или полемизируя съ нимъ, Де-Грэфъ, Гумпловичъ, Тардъ, Баландъ, Блондель, Росси, Сквиллаче, Сигеле, Ферри, Драгическо, Коллэ, Фулье, Морселли и др. считали нужнымъ ссылаться на тѣ или другія мысли, имъ высказанныя, а иногда и на всю его систему.

Какъ соціологъ, Евгеній Валентиновичъ отстаивалъ независимость этой науки не только отъ біологіи, но и отъ философіи. «Продолжающееся смѣшеніе философіи съ соціологіей, читаемъ мы въ его послѣдней статьѣ, неразверстанность ихъ владѣній, объектовъ и методовъ изслѣдованія—вотъ что до сихъ поръ поддерживаетъ изстари установившееся рѣзкое различеніе между науками точными, естественными и естественно-историческими—съ одной стороны, и науками гуманитарными и еще общественными—съ другой, науками, къ которымъ надо причислить въ отличіе отъ психо-физики—завершительной части біологіи, и психологію, являющуюся конктретной соціологіей... Законовъ духа и общества мы еще не открыли. Соціологія призвана положить конецъ этому плачевному, но долгое время неизбѣжному положенію вещей. Съ этой цѣлью она должна пересмотрѣть унаслѣдованныя ею отъ прошлыхъ вѣковъ общія понятія и опредѣленія, отбросить нѣкоторыя изъ нихъ, преобразовать другія... Только тогда можетъ она попытаться соединить и связать ихъ въ широкія формулы, называемыя научными законами».

«Новая программа соціологіи», отличающаяся своей сжатостью, едва-ли передаетъ достаточно полно и ясно основныя положенія и гипотезы Де-Роберти въ отношеніи къ соціологіи. Она примыкаетъ, исправляя и дополняя, къ болѣе ранней его работѣ—«Соціологія», вышедшей почти одновременно на французскомъ и русскомъ языкахъ и посвященной методу этой новой науки. Здѣсь онъ развиваетъ тотъ взглядъ,

что соціологія—естественная наука объ обществѣ, что она нуждается въ томъ же методѣ, что и біологія—методѣ сравнительнаго, аналитическаго описанія. Отмѣтимъ еще ту мысль, по которой философія не совпадаетъ съ синтезомъ научныхъ законовъ и имѣетъ право изучать не одни явленія, но и строить гипотезы подъ условіемъ, однако, чтобы онѣ не противорѣчили разъ установленнымъ законамъ. О Де-Робетри можно сказать, поэтому, что въ его пониманіи философія неопозитивизма было приблизить время, когда отъ нынѣшняго пониманія міра можно будетъ перейти къ полному и ясному созерцанію общей связи всѣхъ явленій.

Автору этой замѣтки- некролога приходилось не разъ принимать участіе въ общихъ научно-педагогическихъ или научно-литературныхъ начинаніяхъ покойнаго. Вмѣстѣ съ нимъ я устраивалъ русскій отдѣлъ при международной выставкѣ въ самомъ началѣ вѣка; также создана просуществовавшая пять лѣтъ русская высшая школа общественныхъ наукъ въ Парижѣ, открыты курсы по соціологіи въ Петроградѣ и изданы первые четыре выпуска «Новыхъ идей въ соціологіи».

Евгеній Валентиновичъ былъ неоцѣненный товарищъ, полный инициативы, смѣлый въ отстаиваніи общаго дѣла, всегда готовый преломить копье съ идейными противниками. Посылая ему послѣднее «прости», я позволю себѣ сказать, что его сорокалѣтняя научно-философская дѣятельность далеко не получила еще надлежащей оцѣнки, по крайней мѣрѣ, на его родинѣ. Тропа, имъ проложенная въ области философіи, этики и соціологіи,—принадлежитъ къ числу тѣхъ, по которымъ пойдетъ еще рядъ поколѣній изъ среды мыслителей, отказавшихся строить эти науки на апріорныхъ началахъ.

Максимъ Ковалевскій.

ПАМЯТИ П. А. ГОЛУБЕВА.

Въ Самарѣ скончался очень широко извѣстный въ Поволжьи, Пріамурьи и въ Сибири публицистъ и статистикъ Петръ Александровичъ Голубевъ. Сынъ крѣпостного крестьянина Вятской губерніи (род. 10 янв. 1855 г.), отличный работникъ печати и статистики, онъ всю жизнь былъ перекати-полемъ, невольнымъ странствователемъ изъ края въ край—то въ поискахъ заработка, то высылаемый съ мѣста на мѣсто администраціей. Въ 1879 г. онъ

окончилъ физико-математическій факультетъ въ Казани. По настроеніямъ принадлежалъ къ народничеству. Послѣ университета былъ учителемъ въ Оренбургской губерніи, но, разъ угодивъ на стезю неблагонадежности, навсегда отдался работѣ въ газетахъ и одновременно статистическимъ изученіямъ. Куда его ни закидывала судьба, онъ тотчасъ же весь погружался въ изученіе мѣстной жизни, зарывался въ мѣстныя статистическія изслѣдованія и составилъ въ разное время,—при полной матеріальной необезпеченности и при полномъ, большей частью, одиночествѣ въ работахъ,—большое количество историко-статистическихъ трудовъ по разнымъ губерніямъ, а также и по Сибири, гдѣ былъ въ концѣ 80-хъ г.г. въ ссылкѣ. Всѣ эти работы извѣстны тѣмъ, кто интересуется областными изслѣдованіями. Съ особенной любовью Голубевъ изучалъ родной Вятскій край, въ которомъ имя его не будетъ забыто. Между прочимъ, онъ былъ однимъ изъ основателей «Вятскаго Края», выходившаго съ половины 1890-хъ годовъ. Газета имѣла отличную репутацію солидной—въ смыслѣ серьезности направленія и изученія края—провинціальной газеты. Она была прекращена весною 1898 г. за замѣтку и стихотвореніе о самоубійствѣ въ Петербургѣ, въ тюрьмѣ, статистика Костромина.

Некрологи о Голубевѣ, появившіеся въ самарскихъ, саратовскихъ, вятскихъ и другихъ газетахъ и въ нѣкоторыхъ журналахъ, единодушно говорятъ о немъ, какъ о рѣдкостномъ человѣкѣ и работникѣ. Пишущій это, зная Петра Александровича съ 90-хъ годовъ, можетъ только подтвердить, что это былъ дѣйствительно исключительный, необыкновенно чистой души и скромности, обаятельный человѣкъ. Къ нему льнула молодежь, онъ умѣлъ вызывать ее на мысль и на работу. Какъ истый поклонникъ статистики, онъ ко всякому общественному явленію подходилъ съ требованіемъ цифрового учета и на немъ же строилъ всю свою публицистическую дѣятельность. Цифрой онъ боролся и съ администраціей, и иногда весьма удачно. Такъ, въ Вяткѣ онъ одно время служилъ въ контролѣ, и произведенный имъ учетъ продовольственнаго дѣла въ 1891—92 году вызвалъ удаленіе изъ Вятки губернатора Анисьина. Въ газетахъ, кромѣ столичныхъ, онъ работалъ въ Казани, Вяткѣ, Томскѣ, Самарѣ, Астрахани, Ставрополѣ, вездѣ и всюду выдвигая, основательно освѣщая и широко ставя областные вопросы, и крайне враждебно относился къ тенденціи провинціальныхъ газетъ превращаться въ городскіе листки по типу столичныхъ газетъ. Болѣе всего вниманія онъ удѣлялъ всегда земству, былъ знатокомъ также продовольственнаго дѣла, о которомъ писалъ въ «Вѣстникѣ Европы», «Русскомъ Богатствѣ» и др. Въ Вятской губерніи онъ былъ очень популяренъ

и имѣлъ шансы пройти въ Государственную Думу, но былъ разъясненъ. Послѣдняя изъ его высылокъ была въ Красный Яръ Астраханской губерніи въ 1911 году. О немъ, какъ учителѣ своемъ, говорятъ многія лица, разсѣянныя во всей восточной Россіи. Ясность мысли и чистота нравственныхъ руководящихъ цѣлей и принциповъ этого человѣка, не имѣвшаго ни цензовъ, ни достатка, легко покоряли ему людей. Необыкновенно простая и чистая, искренняя душа его, идеальное безкорыстіе этого неутомимаго труженика (онъ говорилъ не такъ давно: «жить остается недолго, надо хорошенько поработать») глубоко трогали. Довольно близкое знакомство съ нимъ я считаю одною изъ своихъ большихъ жизненныхъ удачъ.

Ч. Вѣтринскій.

ОБЗОРЪ ВОЕННЫХЪ СОБЫТІЙ.

(Девятый мѣсяцъ войны).

Истекшій девятый мѣсяцъ войны можно назвать періодомъ затишья почти на всѣхъ театрахъ военныхъ дѣйствій. Исключеніе представлялъ лишь Карпатскій фронтъ, гдѣ не прекращались упорные бои, и области, прилежащія къ Дарданелламъ и Босфору, гдѣ въ концѣ мѣсяца начали развиваться операціи крупнаго масштаба, до сихъ поръ, впрочемъ, еще не законченныя.

Карпатскіе бои идутъ уже безпрерывно четвертый мѣсяцъ, начиная приблизительно съ 8 января, и въ теченіе этого долгаго періода они неоднократно мѣняли свой характеръ. Иниціатива этихъ боевъ попеременно переходила то въ наши руки, то въ руки нашихъ противниковъ. Около середины января иниціатива оставалась спорной, потому что въ то время наши войска вели наступленіе въ области Дуклинскихъ проходовъ, а противникъ наступалъ одновременно въ области верхняго Сана, на Ужокскомъ направленіи и на Стрыйскомъ. Наше наступленіе вскорѣ пріостановилось, наступленіе же противника продолжало развиваться и въ теченіе второй половины января, весь февраль и первыя числа марта мы довольствовались почти исключительно отраженіемъ непріятельскихъ атакъ, не развивая своего самостоятельнаго наступленія. Это наступленіе въ сравнительно широкихъ рамкахъ было поведено нами лишь въ началѣ марта, когда мы поставили себѣ задачей овладѣніе главнымъ

хребтомъ Карпатъ, на его протяженіи отъ Бартфельдскаго направленія до Ужокскаго. Операціи эти были начаты 6 марта, при чемъ первоначально нашъ ударъ, для облегченія главной атаки, былъ направленъ съ запада на участокъ отъ Бартфельдскаго направленія до Лупкова. Эта вспомогательная атака, начатая 6 марта, получила полное развитіе къ 10 марта, а съ 15 марта нами уже была начата главная атака на Балигродскомъ направленіи. Противникъ оказывалъ этому наступленію весьма упорное сопротивленіе, сосредоточивъ сюда громадныя силы, численность которыхъ достигала, по нашимъ оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, свыше 300 баталіоновъ. Кромѣ того, намъ все время приходилось бороться съ неблагопріятной погодой и съ чрезвычайно трудными условіями мѣстности. Тѣмъ не менѣе, къ 23 марта поставленная нами себѣ задача была разрѣшена и русскія войска овладѣли главнымъ Карпатскимъ хребтомъ на фронтѣ отъ Регетова до Волосате, т.-е. на протяженіи 110 верстъ. Операціи въ Ужокскомъ направленіи оставались незаконченными, и Ужокскій перевалъ остался въ рукахъ австрійцевъ. Послѣ 23 марта нами уже не велось на Карпатахъ рѣшительнаго наступленія, но за то наступающей стороной здѣсь явился опять нашъ противникъ. Несмотря на то, что мартовскіе бои сопровождались для австрійцевъ колоссальными потерями, при чемъ они съ 6 по 30 марта потеряли одними плѣнными не менѣе 70.000 человѣкъ, съ 30 орудіями и 200 пулеметами, тѣмъ не менѣе австрійцы не только не отказались отъ дальнѣйшаго сопротивленія, но даже пробовали вернуть себѣ вновь иниціативу дѣйствій. Съ послѣдней недѣли марта вновь возобновились австрійскія атаки на Карпатскомъ фронтѣ, направленныя, главнымъ образомъ, на сравнительно небольшой участокъ отъ селенія Телепочъ на западѣ до селенія Полено на востокѣ. Изъ этихъ двухъ селеній Телепочъ лежитъ почти прямо на югъ отъ селенія Раббе въ 16 верстахъ, а Полено въ 22 верстахъ къ югу отъ селенія Радзѣювъ. Какъ извѣстно, эти два селенія Раббе и Радзѣювъ, лежащія одно къ юго-западу, другое къ юго-востоку отъ Балигрода, представляли мѣсто направленія главныхъ австрійскихъ атакъ, ведшихся на Балигродскомъ направленіи, начиная съ середины февраля и имѣвшихъ главной цѣлью выручку осажденнаго нами въ то время Перемышля. Теперешнія атаки австрійцевъ ведутся въ томъ же направленіи, но съ той разницей, что теперь вся область боевыхъ столкновеній перемѣстилась на 16—22 версты къ югу, чѣмъ отмѣчается нашъ успѣхъ, достигнутый въ мартѣ. Кромѣ того, въ февралѣ австрійскія атаки противъ нашихъ войскъ велись на сѣверныхъ склонахъ Карпатъ, и главный хребетъ былъ въ рукахъ австрійцевъ; теперешнія же атаки ведутся на южныхъ склонахъ Карпатъ, а главный хребетъ остается въ нашей власти.

Кромѣ района Телепочъ - Полено, упорныя столкновенія происходили также вблизи отъ Ужокскаго направленія. Въ области желѣзной дороги, ведущей отъ Самбора къ Ужгороду, намъ удалось подойти почти вплоть къ самому Ужокскому перевалу до мѣстечка Сянки, находящагося всего въ трехъ верстахъ отъ Ужока. Вотъ это мѣстечко Сянки, а также селеніе Лубня, находящееся въ 4 верстахъ къ юго-востоку отъ Волосате, и являлось вторымъ райономъ ожесточенныхъ упорныхъ атакъ, ведшихся австрійцами въ концѣ марта и въ первой половинѣ апрѣля. По другую сторону желѣзной дороги Самборъ-Ужгородъ боевыя столкновенія происходили въ районѣ селенія Бутла, лежащаго почти на одной широтѣ съ Сянками, но все-таки немного южнѣе ихъ. Около Бутивъ столкновенія, впрочемъ, не носили такого упорнаго характера, какъ въ районѣ къ западу отъ желѣзной дороги.

Наконецъ, третьимъ райономъ упорныхъ боевъ на Карпатскомъ фронтѣ оставалось по-прежнему Стрыйское направленіе и, въ частности, районъ Козювки и прилежащія къ ней мѣстности до Оравчика на западѣ и селенія Головецко на востокѣ. 26 марта германцы взяли высоту 992, которая находится непосредственно къ югу отъ селенія Козювки и на которую германцы, не прекращая, вели ожесточенныя атаки, начиная съ 25 января, т.-е. цѣлыхъ два мѣсяца. Взятіе этой высоты, имѣющей серьезное тактическое значеніе, не дало, однако, германцамъ возможности продвинуться дальше впередъ и использовать одержанный ими успѣхъ. Само селеніе Козювки осталось въ нашихъ рукахъ и теперь, почти черезъ мѣсяцъ послѣ захвата высоты 992, германскія атаки по-прежнему ведутся на фронтѣ Оровчикъ—Козювка—Головецко, иногда распространяясь далѣе на востокъ до Рожанки, и по-прежнему остаются безуспѣшными. Трехмѣсячныхъ усилій большихъ силъ противника было недостаточно, чтобы дать германскимъ и австрійскимъ войскамъ возможность пробиться на сѣверъ по Стрыйскому направленію.

Кромѣ этихъ трехъ районовъ, второстепенныя сравнительно боевыя столкновенія происходили на Днѣстрѣ въ районѣ Залещиковъ, а также въ районѣ Горлице. Весь остальной нашъ Карпатскій фронтъ представлялъ въ теченіе девятаго мѣсяца картину затишья и отсутствія сколько-нибудь серьезныхъ столкновеній.

Еще болѣе полное боевое затишье было въ западной Польшѣ, а также на Наревскомъ фронтѣ и въ Занѣманскомъ районѣ. Здѣсь происходили лишь рѣдкія и частныя боевыя столкновенія передовыхъ частей, перемежающіяся артиллерійской и ружейной перестрѣлкой и не имѣющія сколько-нибудь серьезнаго характера. Наступившая на всемъ восточномъ театрѣ военныхъ дѣйствій весенняя

распутица не давала возможности вести операціи въ сколько-нибудь широкомъ масштабѣ и являлась поэтому какъ бы гранью, отдѣляющей зимнюю кампанію отъ весенней.

Начало этой зимней кампаніи можно пріурочить къ первымъ числамъ декабря. Въ сообщеніи штаба Верховнаго Главнокомандующаго отъ 5 декабря говорилось, что, «въ связи съ совершившимся переходомъ частей нашихъ войскъ на рѣку Бзуру и продолжающимся усиленіемъ австрійцевъ на Карпатахъ, явилась необходимость соотвѣтственно измѣнить группировку нѣкоторыхъ нашихъ армій». Это измѣненіе группировки нашихъ армій выразилось въ отходѣ нашихъ войскъ изъ-подъ Кракова на Ниду и на Дунаецъ и во временномъ отказѣ отъ наступленія на Краковъ и даже, больше того, вообще отъ наступательныхъ операцій. Всѣ послѣдующіе мѣсяцы мы строго придерживались оборонительнаго, или, пожалуй, лучше сказать, выжидательнаго образа дѣйствій, умышленно держа въ пассивности свои силы и довольствуясь отраженіемъ непріятельскихъ атакъ и лишь въ нѣкоторыхъ случаяхъ самыми короткими контръ-ударами. Иниціатива дѣйствій въ теченіе всей зимней кампаніи принадлежала цѣликомъ нашимъ противникамъ, и мы не пытались даже оспаривать у нихъ эту иниціативу. Правда, на западномъ театрѣ войны наши союзники, именно какъ разъ, начиная съ декабря, усилили свою активность и все время вели неглубокое наступленіе на растянутомъ бельгійско-французскомъ фронтѣ, но это наступленіе не носило рѣшительнаго характера, а преслѣдовало, главнымъ образомъ, цѣль связыванія силъ противника и лишеніе возможности перебросить новыя крупныя силы съ западнаго театра войны на восточный. Союзникамъ удалось достигнуть этой цѣли, и въ теченіе всей зимней кампаніи съ достовѣрностью установлена перевозка съ западнаго театра войны на восточный только одного 21-го линейнаго корпуса. Но дальше этой цѣли союзники на западномъ театрѣ войны не шли, и вслѣдствіе этого ихъ операціи, очень активныя на первый взглядъ, по существу все-таки оставались оборонительными.

На нашемъ восточномъ театрѣ войны нашъ оборонительный образъ дѣйствій выступалъ еще рельефнѣе. Въ теченіе всего времени, начиная съ декабря и кончая мартомъ, въ нашихъ оффиціальныхъ донесеніяхъ идетъ рѣчь только объ отраженныхъ нами непріятельскихъ атакахъ и, за исключеніемъ нѣкоторыхъ моментовъ на Карпатскомъ фронтѣ, совсѣмъ не говорится о нашемъ наступленіи. Германцы и австрійцы въ теченіе всей зимы имѣли полную свободу дѣйствія, и они широко старались воспользоваться этой свободой. Германское и австрійское наступленіе не прекращалось въ теченіе

всей зимней кампаніи и велось съ замѣчательной настойчивостью. Мѣнялись пункты примѣненія непріятельскихъ атакъ, но ихъ напряженіе оставалось почти неизмѣннымъ въ теченіе долгихъ мѣсяцевъ. Первоначально германцы сосредоточили свои главныя усилія въ западной Польшѣ на р. Бзурѣ, но одновременно съ тѣмъ австрійцы вели атаки на рѣкѣ Нидѣ. Затѣмъ энергія германцевъ перемѣстилась на р. Равку, и въ январѣ послѣдовали безумныя по своей ожесточенности и упорству атаки въ районѣ Боржимова. Вмѣстѣ съ тѣмъ перемѣстилось направленіе австрійскихъ атакъ съ рѣки Ниды на Карпатскій фронтъ. Наконецъ, въ послѣднихъ числахъ января началось германское наступленіе на восточно-прусскомъ фронтѣ, растянувшееся почти на весь февраль и захватившее даже часть марта.

Это наступленіе на восточно-прусскомъ фронтѣ дало наиболѣе видимый успѣхъ для германцевъ, но оно въ то же время и наиболѣе подчеркнуло невозможность для Германіи вести наступательную войну. Здѣсь германцамъ удалось достигнуть очень крупнаго частнаго успѣха надъ нашимъ 20-мъ корпусомъ и, что самое важное, этотъ успѣхъ былъ случайнымъ и неожиданнымъ даже для самихъ германцевъ. Тѣмъ не менѣе этого случайнаго и крупнаго успѣха оказалось совершенно недостаточно для того, чтобы развить болѣе широкое и болѣе дѣятельное наступленіе противъ русскихъ войскъ. Этотъ успѣхъ былъ одержанъ къ 8 февраля, и затѣмъ германцы на восточно-прусскомъ театрѣ войны въ теченіе полутора мѣсяцевъ довольно активныхъ дѣйствій не могли добиться никакого новаг серьезнаго успѣха. Больше того, въ теченіе полутора мѣсяцевъ не было ни одного момента, когда наше положеніе являлось бы въ какомъ-нибудь отношеніи угрожаемымъ и когда, наоборотъ, у германцевъ могла бы, хотя временно, появиться надежда на поворотъ всей кампаніи въ ихъ пользу. Кромѣ того, въ теченіе этихъ же полутора мѣсяцевъ нашими войсками былъ нанесенъ германцамъ цѣлый рядъ частныхъ пораженій, изъ которыхъ самое крупное было въ праснышскомъ районѣ и которыя въ своей совокупности въ извѣстной степени загладили неудачу нашего 20-го корпуса.

Въ конечномъ итогѣ зимней кампаніи, въ теченіе которой вся иниціатива дѣйствій принадлежала нашимъ противникамъ, когда имъ была предоставлена полная свобода операцій и когда они могли поэтому не бояться, что какой-либо маневръ съ ихъ стороны могъ бы быть встрѣченъ контръ-маневромъ съ нашей стороны,— эта зимняя кампанія не дала германцамъ, а тѣмъ болѣе австрійцамъ никакого реальнаго выигрыша. На восточно-прусскомъ фронтѣ имъ, правда, удалось вытѣснить насъ изъ восточной Пруссіи и овладѣть

узкой полоской земли въ Сувалкской, Ломжинской и Плоцкой губерніяхъ вдоль границы, приблизительно на половину разстоянія отъ границы до линіи рѣкъ Нѣмана, Бобра, Нарева. Но захватъ этой территоріи самъ по себѣ не даетъ нашимъ противникамъ никакого реальнаго выхода. Эта область, неоднократно становившаяся театромъ военныхъ дѣйствій, представляетъ страну въ достаточной мѣрѣ разоренную, не могущую продовольствовать помѣщающіяся въ ней войска. Поэтому обладаніе этимъ райономъ нисколько не облегчаетъ продовольственныхъ затрудненій германскихъ войскъ. Для обороны въ будущемъ захваченная германцами область не даетъ имъ опять-таки никакихъ выгодъ, потому что для обороны этой линіи германцы должны располагать значительно бо́льшими силами, чѣмъ для обороны позицій Мазурскихъ озеръ. Эта линія является съ одной стороны болѣе растянутой въ сравненіи съ позиціями Мазурскихъ озеръ, а съ другой стороны, лишена тѣхъ естественныхъ и искусственныхъ опорныхъ пунктовъ, которые придаютъ такую силу позиціямъ Мазурскихъ озеръ и даютъ возможность защищать ихъ съ небольшимъ сравнительно числомъ второсортныхъ войскъ. Занимаемую германцами линію можно защищать лишь гораздо большимъ числомъ и, притомъ, первоочередныхъ войскъ, а не ландверными и ландштурмными частями.

Вторженіе въ Сувалкскую, Ломжинскую и Плоцкую губерніи имѣло бы для германцевъ извѣстный смыслъ лишь въ томъ случаѣ, если бы они вели наступленіе дальше, если бы занятая ими территорія являлась для нихъ опорной базой дальнѣйшаго наступленія. Но, какъ мы уже видѣли, этого дальнѣйшаго наступленія не послѣдовало и, послѣ стремительныхъ успѣховъ конца января и первыхъ чиселъ февраля, въ наступленіи германцевъ послѣдовала заминка, а затѣмъ оно совершенно прекратилось.

Въ западной Польшѣ всѣ усилія германцевъ и австрійцевъ поколебать линію нашего расположенія на рѣкахъ Бзурѣ, Равкѣ и Нидѣ оказались тщетными. Здѣсь фронтъ боевыхъ столкновеній, начиная съ первыхъ чиселъ декабря и до настоящаго времени, оставался въ сущности неизмѣннымъ. Ничего не выиграли наши противники въ теченіе зимней кампаніи и на галиційско-карпатскомъ фронтѣ. Они, правда, вынудили насъ къ отходу изъ Буковины, заняли небольшую часть восточной Галиціи, прилегающую къ Буковинѣ, потѣснили насъ въ январѣ верстъ на 25 на Стрыйскомъ направленіи отъ селенія Веречке до селенія Козювки, но этимъ всѣ ихъ успѣхи ограничились. Притомъ надо имѣть въ виду, что Буковина и прилежащая къ ней часть восточной Галиціи являются совершенно второстепеннымъ театромъ военныхъ дѣйствій и нами

здѣсь вводились въ дѣло лишь небольшія силы. Изъ нашихъ оффиціальныхъ донесеній мы знаемъ, что наше наступленіе въ Буковинѣ велось очень небольшимъ отрядомъ, численность котораго не превышала 12.000 человѣкъ. Изъ помѣщенной въ «Новомъ Времени» корреспонденціи, описывающей боевыя дѣйствія въ районѣ Залещиковъ, видно, что и тутъ съ нашей стороны были введены въ дѣло лишь очень небольшія силы, притомъ состоявшія почти исключительно изъ кавалерійскихъ частей.

Не добившись ничего крупнаго въ теченіе зимней кампаніи на галиційско-карпатскомъ фронтѣ, австрійцы понесли здѣсь въ это же время двѣ очень тяжелыхъ потери: первая—потеря крѣпости Перемышль, сдавшейся 9 марта, а вторая—они потеряли значительную часть главнаго Карпатскаго хребта, перешедшаго въ наши руки.

За послѣднее время съ разныхъ участковъ нашего фронта поступаютъ свѣдѣнія о начавшемся оживленіи, и сообщенія штаба Верховнаго Главнокомандующаго, а также обзоры «Армейскаго Вѣстника» и «Нашего Вѣстника» полны названіями мѣстностей, гдѣ происходятъ болѣе или менѣе оживленныя столкновенія. Тутъ упоминаются и тѣ мѣстности карпатскаго фронта, гдѣ упорные бои не были даже пріостановлены весенней распутицей, называются и тѣ районы, гдѣ боевыя операціи велись въ довольно широкомъ масштабѣ вплоть до наступленія этой распутицы, но зато стали называться и такія мѣстности, которыя въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ почти не упоминались въ нашихъ оффиціальныхъ донесеніяхъ, въ родѣ, напр., района рѣки Ниды. Больше того, за самые послѣдніе дни на сцену появились боевыя столкновенія въ такихъ районахъ, которые до извѣстной степени можно назвать наиболѣе мирными уголками нашей западной границы. Такова прежде всего область праваго берега рѣки Нѣмана въ его нижнемъ теченіи, т.-е. прилежащая къ восточной Пруссіи часть Ковенской губерніи. Здѣсь въ теченіе всей войны происходили до сихъ поръ лишь третьестепенныя столкновенія очень небольшихъ частей. То наши войска продвигались отъ Таурогена къ Тильзиту, то германцы тѣснили насъ къ селенію Скавдвило. И вотъ, на этой неширокой полосѣ, около 45—50 верстъ, постоянно передвигались небольшія части то въ ту, то въ другую сторону. Самыя крупныя операціи, ведшіяся въ этомъ районѣ, все-таки не выходили изъ рамокъ «поисковъ» небольшихъ развѣдывательныхъ частей и нисколько не отражались на общемъ положеніи дѣлъ на нашемъ театрѣ войны. Эта область была совершенно второстепенной, какъ для насъ, такъ и для нашего противника. Съ нашей стороны вторженіе съ сѣвера въ восточную Пруссію затруд-

нялось отсутствіемъ въ данномъ районѣ желѣзной дороги, которая подходила бы къ самой границѣ. Отчасти имѣло, конечно, значеніе и то, что при этомъ вторженіи намъ пришлось бы преодолѣвать довольно серьезныя естественныя преграды, представляемыя Нѣманомъ въ его нижнемъ теченіи. Для нашихъ противниковъ имѣло значеніе опять-таки то же отсутствіе желѣзныхъ дорогъ въ этой части Ковенской губерніи, а кромѣ того безцѣльность ихъ наступленія въ данномъ районѣ. Тутъ не было достаточно цѣннаго объекта для наступленія, и какія-либо операціи германцевъ въ этой области не содержали для насъ сколько-нибудь вѣской угрозы. Конечно, ведя наступленіе въ занѣманскомъ районѣ, германцы могли бы въ связи съ этимъ наступленіемъ и для его поддержки продвигаться впередъ и на правомъ берегу Нѣмана, но вести въ Ковенской губерніи самостоятельное и изолированное наступленіе для германцевъ совершенно безцѣльно. Между тѣмъ за послѣдніе дни истекшаго мѣсяца, какъ разъ, появились извѣстія о германскомъ наступленіи въ этомъ районѣ, приведшемъ ихъ уже къ линіи Либаво-Роменской желѣзной дороги на участкѣ Муравьево—Шавли—Радзивилишки, почти на полдорогѣ отъ нашей границы до Митавы, и къ линіи рѣки Дубиссы. На фронтѣ продолжавшагося еще въ общемъ затишья на большей части остального нашего фронта, эта попытка германскаго продвиженія впередъ въ данномъ районѣ выдавалась довольно рельефно, но въ сущности она оставалась пока такимъ же «поискомъ», какимъ были операціи въ данной области въ теченіе всѣхъ предшествовавшихъ мѣсяцевъ войны.

На фонѣ общаго затишья почти на всѣхъ театрахъ войны или въ лучшемъ случаѣ частныхъ второстепенныхъ боевъ, тѣмъ рѣзче выдѣляются начатыя въ истекшемъ мѣсяцѣ рѣшительныя операціи въ области Мраморнаго моря. Послѣ неудачной попытки союзнаго флота форсировать Дарданеллы 5 марта, кончившейся гибелью двухъ англійскихъ броненосцевъ и одного французскаго, въ области Дарданеллъ наступило довольно длительное затишье. Союзники продолжали все время бомбардировку Дарданелльскихъ фортовъ и укрѣпленій Галлипольскаго полуострова, иногда союзныя суда входили и въ самый проливъ и оттуда вели перестрѣлку съ турецкими батареями, но эти дѣйствія не носили рѣшительнаго характера. Было явно видно, что союзники отказались отъ мысли форсировать Дарданеллы безъ поддержки сухопутной арміи; сухопутная же армія была еще не готова, а лишь сосредоточивалась отчасти на прилежащихъ къ Дарданелламъ островахъ, отчасти въ Египтѣ. Въ апрѣлѣ сосредоточеніе и формированіе союзнаго дессанта было закончено, и появилось извѣстіе сперва о высадкѣ англійскаго

дессанта у г. Эноса близъ устьевъ Марицы. Это извѣстіе не оправдалось, или быть можетъ оно было и вѣрно, но высадка тутъ носила только демонстративный характеръ, но зато 12 апрѣля началась высадка англійской арміи на Галлипольскомъ полуостровѣ, въ самой его южной части. Одновременно съ тѣмъ французскій дессантный корпусъ произвелъ высадку на противоположномъ берегу Дарданелльскаго пролива въ окрестностяхъ разрушеннаго турецкаго форта Кумъ-Калэ, т.-е. въ предѣлахъ Малой Азіи. Турецкія войска оказали англичанамъ и французамъ упорное сопротивленіе, но тѣмъ не менѣе дессантныя операціи союзниковъ начали развиваться очень успѣшно и къ данному моменту англичане уже стоятъ на Галлипольскомъ полуостровѣ прочной ногой. Что касается до операцій французовъ на Малоазіатскомъ берегу, то ихъ истинный характеръ еще не выяснился, и возможно, что они носятъ характеръ демонстраціи, или прикрытія главныхъ операцій англичанъ на европейскомъ берегу.

Дессантныя операціи по существу своему требуютъ очень большой осторожности и развиваются очень медленно. Самая высадка дессантной арміи, съ ея многочисленными обозами, съ тяжелой артиллеріей и большимъ количествомъ лошадей требуетъ продолжительнаго времени, и поэтому начавшаяся 12 апрѣля высадка англичанъ на Галлипольскій полуостровъ къ настоящему времени еще далеко не закончена. Тѣмъ болѣе дессантная англійская армія не имѣла возможности развить дальнѣйшихъ операцій. Самый характеръ этихъ операцій въ настоящее время представляется еще не вполнѣ выясненнымъ Дѣло въ томъ, что овладѣніе однимъ европейскимъ берегомъ Дарданелльскаго пролива еще не даетъ союзному флоту возможности свободнаго прохода черезъ проливъ. Конечно, овладѣвъ Галлипольскимъ полуостровомъ, союзники не только овладѣютъ всѣми европейскими фортами и батареями, охранявшими проходъ черезъ Дарданеллы, но и приведутъ къ молчанію всѣ постоянныя укрѣпленія, расположенныя на азіатскомъ берегу, но артиллерійская оборона Дарданелльскаго пролива является не единственной и даже, можетъ быть, не самой главной. Проливъ защищенъ также минными загражденіями и плавучими минами. Мартовская попытка союзниковъ форсировать проливъ разбилась именно какъ разъ объ эти плавучія мины. Между тѣмъ для очистки пролива отъ минныхъ загражденій, а тѣмъ болѣе отъ плавучихъ минъ, недостаточно обладанія однимъ только европейскимъ побережьемъ, такъ какъ тралящія суда легко могутъ подвергаться обстрѣлу передвижныхъ турецкихъ батарей съ азіатскаго берега. Въ виду этого, послѣ овладѣнія Галлипольскимъ полуостровомъ, что составляетъ повидимому, ближайшую задачу союз-

никовъ, имъ придется либо распространить свои операціи на азіатскій берегъ, либо, не добиваясь немедленнаго прохода союзнаго флота черезъ Дарданеллы, повести наступленіе на Константинополь сухопутнымъ путемъ по европейскому берегу. Одновременное развитіе дѣйствій и на европейскомъ и на азіатскомъ берегу требуетъ отъ союзниковъ употребленія очень значительныхъ боевыхъ силъ, тѣмъ болѣе, что азіатское побережье Дарданелльскаго пролива не представляетъ собою удобствъ для обороны въ случаѣ надобности дессантной арміи, какія имѣются на Галлипольскомъ полуостровѣ на европейскомъ берегу. Въ виду этого возможно, что союзники сосредоточатъ всѣ свои усилія на одномъ лишь европейскомъ берегу и, ставъ прочной ногой на Галлипольскомъ полуостровѣ, поведутъ дальнѣйшее наступленіе противъ Константинополя сухопутнымъ путемъ. Здѣсь имъ придется при дальнѣйшемъ наступленіи, конечно, преодолѣвать Чаталджинскія позиціи, о которыя разбился бурный натискъ болгарскихъ войскъ во время войны 1912—13 г.г. Союзникамъ будетъ легче преодолѣть эти позиціи, чѣмъ болгарамъ въ свое время. Главная сила Чаталджинской позиціи состоитъ въ томъ, что оба ея фланга упираются въ море и не допускаютъ какого бы то ни было обхода. Во время болгаро-турецкой войны господство на морѣ принадлежало туркамъ и турецкій флотъ оказывалъ серьезную поддержку оборонѣ Чаталджинской позиціи, стѣсняя фланги болгаръ и одновременно усиливая оборону фланговъ турецкихъ войскъ. Въ настоящее время положеніе было бы совершенно иное, такъ какъ правый турецкій флангъ, примыкающій къ Черному морю, былъ бы совершенно не обезпеченъ въ виду того, что господство на Черномъ морѣ принадлежитъ нашему флоту. Это въ значительной степени ослабляетъ всю силу Чаталджинской позиціи и возможность для турокъ задержать на этой позиціи наступленіе союзниковъ къ Константинополю.

Все это, впрочемъ, еще дѣло будущаго и, вѣроятно, даже не особенно скораго, потому что дессантныя операціи неизбѣжно развиваются очень медленно, а въ настоящій моментъ онѣ находятся еще въ самой начальной стадіи. Армія англичанъ еще только высаживается на Галлипольскомъ полуостровѣ, высадка ея далеко еще не закончена, и даже ближайшая цѣль—овладѣніе Галлипольскимъ полуостровомъ—будетъ достигнута еще не въ ближайшіе дни.

А. Оглинъ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

— День печати. Кличъ. Сборникъ на помощь жертвамъ войны. Подъ редакціей И. А. Бунина, В. В. Вересаева, Н. Д. Телешова. Художественный отдѣлъ подъ наблюденіемъ А. М. Васнецова и В. В. Переплетчикова. М. 1915. Ц. 3 руб.

Благотворительные сборники обыкновенно оцѣниваются съ точки зрѣнія ихъ цѣли, а не ихъ внутренняго достоинства, потому что въ большинствѣ случаевъ эта сторона дѣла оставляетъ желать многаго. Настоящій сборникъ въ этомъ отношеніи счастливо выдѣляется изъ ряда другихъ подобнаго рода изданій.

Правда, читатель не найдетъ въ сборникѣ крупныхъ вещей: здѣсь все миніатюра или отрывки, но нѣкоторые изъ нихъ заслуживаютъ быть отмѣченными. Едва-ли не лучшее впечатлѣніе производитъ отрывокъ «Въ Лупскомъ уѣздѣ» (Вступленіе къ роману—«Наслѣдники») Ив. Шмелева. Судя по началу, написанному, какъ говорится, сочно и ярко—романъ, изображающій провинціальную жизнь, обѣщаетъ быть очень и очень интереснымъ. Также возбуждаетъ вниманіе разсказъ С. Кондурушкина «Наташа Деладина», опять таки представляющій главу изъ романа «Іеромонахъ Илія». Просто и непретенціозно написаны сцены изъ пьесы Л. Н. Андреева «Младость». Изъ отдѣльныхъ миніатюръ отмѣтимъ разсказы: И. А. Бунина «Грамматика любви», И. Сургучева «Прихожане прелестной Маріэтты», Н. Телешова «Костя-вожакъ» и А. Черемнова «Попутчики», особенно же выдѣляется второй изъ нихъ. Въ сборникѣ помѣщенъ превосходнѣйшій, принадлежащій В. В. Вересаеву переводъ гомеровскаго гимна «Къ Деметрѣ», заставляющій вспомнить извѣстное двустишіе Пушкина, написанное имъ по поводу перевода «Иліады» Гнѣдича. Изъ не-беллетристическихъ очерковъ отмѣтимъ задушевно написанную «страничку изъ прошлаго» С. Елпатьевскаго: «Ольриджъ и Шевченко», изображающую встрѣчу этихъ двухъ «совсѣмъ разныхъ» людей на основаніи слышаннаго авторомъ отъ Ек. Ѳ. Юнге, извѣстной художницы и писательницы, дочери гр. Ѳ. Толстого, вице-президента академіи художествъ, въ домѣ котораго встрѣчались Ольриджъ и Шевченко. Интересна не для однихъ спеціалистовъ «библіографическая справка» А. Ѳ. Кони, предметомъ которой служитъ изданная при Петрѣ книга «Земноводнаго круга краткое описаніе... чрезъ Ягана Гибнера...», любопытная и въ томъ отношеніи, что «представляетъ собой характеристику взглядовъ современнаго Петру западно-европейскаго образо-

ваннаго общества на различныя историческія и бытовыя стороны жизни». Очеркъ В. Тардова «Храмъ единства», гдѣ авторъ дѣлится своими впечатлѣніями отъ знаменитой Айя-Софіи, интересенъ не только потому, что событія послѣдняго времени пробудили къ ней особенное вниманіе, но и потому, что «смотрѣть на нее не устанешь, думать о ней всегда—наслажденіе».

Изъ стихотвореній отмѣтимъ трогательное стихотвореніе Т. Л. Щепкиной-Куперникъ «Лебеди», К. Д. Бальмонта «Ирландская дѣвушка» и В. Я. Брюсова «Поле битвы». Какъ историко-литературный матеріалъ, упомянемъ «Сцены у мирового судьи» В. А. Слѣпцова, извѣстнаго беллетриста 60-хъ годовъ, не вошедшія въ полное собраніе его сочиненій, и неизданныя стихотворенія гр. Ѳ. Л. Соллогуба.

Крупный замостоятельный интересъ представляетъ художественный отдѣлъ сборника. На первомъ мѣстѣ по выполненію въ печати красками стоитъ рисунокъ С. А. Виноградова «Играетъ», затѣмъ Васнецова Ап. М. «Въ осадное сидѣнье» и, пожалуй, Васнецова В. М. «Единоборство Перевѣта съ Челибеемъ». Къ сожалѣнію, слабѣе переданъ рѣпинскій портретъ Л. Н. Толстого, о которомъ самъ авторъ писалъ П. И. Бирюкову: «Разумѣется, это не реальные портреты, и съ этой стороны къ нимъ и подходить и примѣнять требованія строгаго портрета совсѣмъ не подойдетъ. Это уже: по ту сторону жизни»... Изъ рисунковъ не красками отмѣтимъ В. Д. Полѣнова рисунокъ къ картинѣ: «Кто изъ васъ безъ грѣха», Пастернака «Ольриджъ и Шевченко» и Васнецова А. М. «Золотая рыбка».

Яркое, красочное пятно представляетъ собою и рисунокъ на обложкѣ книги, принадлежащій Г. Пашкову.

Въ концѣ книги небольшой музыкальный отдѣлъ изъ произведеній нашихъ лучшихъ современныхъ композиторовъ.

Говоря о настоящемъ сборникѣ, я указывалъ вещи, наиболѣе выдающіяся, и ихъ оказалось не мало. Вотъ почему съ чистой совѣстью можно рекомендовать этотъ сборникъ, не говоря уже о благотворительной его цѣли.

Н. Кашинъ.

Русскіе Пропилеи. Томъ I. Матеріалы по исторіи русской мысли и литературы. Собралъ и приготовилъ къ печати М. Гершензонъ. Москва, изд. М. и С. Сабашниковыхъ. 1915. Стр. IV+389. Ц. 3 р. 50 коп.

При всемъ разнообразіи матеріаловъ, собранныхъ въ этомъ большомъ, изящно изданномъ сборникѣ, онъ полонъ настоящаго внутренняго единства, вдумчивой преданности идеалистическимъ настрое-

ніямъ русской литературной и общественной исторіи. Задача сборника давать исключительно не изданные ранѣе матеріалы, и они очень богаты. Чуть ли не по каждой главѣ можно бы писать интересный этюдъ о томъ или другомъ выдающемся человѣкѣ, о томъ или иномъ явленіи былой общественности.

Сборникъ открывается письмами изъ Сибири знаменитой жены декабриста княгини М. Н. Волконской, автора не менѣе знаменитыхъ «Записокъ». Къ этимъ запискамъ 35 опубликованныхъ теперь писемъ составляютъ необходимое дополненіе. Они писаны съ неизбѣжными умолчаніями, вслѣдствіе многочисленныхъ цензуръ, безо всякихъ жалобъ, потому что они адресованы матери и для родныхъ, долго и страстно боровшихся противъ намѣренія княгини Волконской раздѣлить съ мужемъ ссылку, но тѣмъ болѣе сильное производятъ впечатлѣніе при внимательномъ чтеніи, особенно когда прорываются такія слова: «Милая матушка, какое мужество надо имѣть, чтобы жить въ этой странѣ! счастье для васъ, что намъ запрещено писать вамъ объ этомъ открыто». Героическій образъ необыкновенной женщины, благодаря новымъ письмамъ, пріобрѣтаетъ новыя живыя черты.

Въ I томѣ «Русскихъ Пропилеевъ» даны матеріалы для характеристики личностей и еще двухъ замѣчательныхъ русскихъ женщинъ XIX вѣка. Первая изъ нихъ, это—Елизавета Павловна Фролова, урожденная Галахова. Имя ея упоминается въ біографіяхъ и письмахъ Станкевича, Грановскаго, Тургенева. Съ ними она была близка во время пребыванія ихъ, на порогѣ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, въ Берлинѣ. О ней сохранены самыя теплыя воспоминанія этихъ лицъ. Мы знаемъ, что салонъ ея посѣщали охотно столь выдающіеся люди, какъ Александръ Гумбольдтъ, Варнгагенъ фонъ Энзе, Беттина фонъ Арнимъ, философъ гегеліанецъ Вердеръ, высоко ее цѣнившіе. Послѣ одного вечера, проведеннаго въ бесѣдѣ съ Фроловою, Станкевичъ взялъ съ Грановскаго, Тургенева и Невѣрова торжественную клятву отдать всѣ силы просвѣщенію родины. Но до сихъ поръ почти нѣтъ никакихъ данныхъ біографическаго характера (не извѣстно даже датъ ея рожденія и смерти) объ этой вдохновительницѣ идеалистовъ сороковыхъ годовъ. Опубликованная теперь въ «Пропилеяхъ», небольшая статья Фроловой «Нѣсколько словъ о воспитаніи женщинъ въ Россіи» даетъ впервые возможность составить болѣе точное понятіе о взглядахъ и настроеніяхъ Фроловой. Это — протестъ противъ исключительно свѣтскаго образованія русскихъ дѣвушекъ, требованіе расширенія этого образованія, защита пріобщенія русской дѣвушки къ серьезнымъ знаніямъ и серьезнымъ мыслямъ о жизни и дѣятельности, которая предстоитъ ей, какъ женѣ и матери. Фролова стоитъ еще всецѣло на той же точкѣ зрѣнія, съ какой мы должны оцѣнивать женъ декабри-

стовъ и Пушкинскую Татьяну: здѣсь видно лишь стремленіе женщины отвоевать себѣ въ традиціонномъ кругу право на самостоятельное и болѣе серьезное человѣческое значеніе. Изъ записки также видно, что Фролова въ своихъ пожеланіяхъ исходитъ изъ традиціоннаго религіознаго вѣрованія; оно освѣщаетъ ей и вѣру въ человѣчество, и въ обновленіе женщины.

Инымъ уже типомъ женщины, стремившейся къ освобожденію и самостоятельности, была Наталья Александровна Герценъ. Въ «Пропилеяхъ» мы находимъ извлеченія изъ ея дневника, за осень и зиму 1846 года, и письма съ 1846 года и до 1852 года. Прежній традиціонно-идеалистическій періодъ ея жизни, столь извѣстный по опубликованной ранѣе перепискѣ ея съ Герценомъ, остался далеко позади. Она отрѣшилась отъ традиціонныхъ религіозныхъ вѣрованій мечтала и пыталась—и какъ неудачно!—создать свою, независимую отъ мужа жизнь. Въ письмахъ выразила еще нерѣшительный протестъ Н. А. противъ того, что ея Александръ, чрезмѣрно талантливый, чрезмѣрно занятый міромъ внѣшнимъ и міромъ мысли, невольно заслонялъ ей, можетъ быть, иную, но *ея собственную* дорогу, и противъ того, что онъ окружилъ ее въ Парижѣ ненужной бѣготней и суетней чуждыхъ ей людей. Видна въ письмѣ и робкая мечта о совершенной самостоятельности, которая и заставила ее попытать счастья съ подвернувшимся подъ руку извѣстнымъ Гервегомъ. Въ связи съ неопубликованной пока частью «Былого и думъ», посвященною этому увлеченію, письма Н. А. Герценъ раскроютъ и освѣтятъ пережитую ею драму. Дневникъ и письма полны нѣжной прелести и написаны превосходно. Настоящій поэтическій талантъ искрится въ нѣкоторыхъ граціозныхъ сравненіяхъ, почерпнутыхъ изъ обыденной женской жизни, напр., сравненіе пустой игры политическихъ партій съ плохо вязаннымъ чулкомъ изъ гнилыхъ нитокъ... Многія сужденія (о Жоржъ Зандъ и др.) очень любопытны для характеристики настроеній русской рефлектирующей и куда-то рвущейся женщины сороковыхъ годовъ. Историко-литературный интересъ имѣютъ, напр., и частыя упоминанія о Тургеневѣ, который постоянно бывалъ въ Парижѣ у Герценовъ. Н. А. признавала, что онъ хорошій человѣкъ, но не могла сойтись съ нимъ душевно, можетъ быть потому, что Тургеневъ въ это время былъ слишкомъ эгоистически поглощенъ и своимъ романомъ съ Віардо, и творческой своей работою. Душа его тогда казалась для Герценъ «нежилой комнатой», а между тѣмъ это былъ разгаръ созданія «Записокъ Охотника».

Очень много мѣста занимаетъ въ «Пропилеяхъ» интереснѣйшая автобіографія В. С. Печерина. Этотъ извѣстный теперь мечтатель въ концѣ тридцатыхъ годовъ бросилъ ученую карьеру въ Россіи для

скитальческой жизни за границею, гдѣ онъ окончилъ переходомъ отъ атеистическаго республиканства и соціалистическихъ утопій въ католицизмъ и монашество. О немъ впервые напомнилъ русскому обществу Герценъ въ «Быломъ и думахъ». Въ семидесятыхъ-восьмидесятыхъ годахъ о Печеринѣ вспоминали славянофилы, Иванъ Аксаковъ и Чижовъ. Потомъ нѣсколько статей о немъ напечаталъ проф. Е. Бобровъ, и, наконецъ, исчерпывающій очеркъ его жизни, вмѣстѣ съ собраніемъ его писаній и писемъ, далъ г. Гершензонъ. Автобіографія Печерина является существеннѣйшимъ дополненіемъ къ книгѣ г. Гершензона, тѣмъ болѣе интереснымъ, что оно касается до сихъ поръ неосвѣщеннаго времени первыхъ скитаній Печерина за границею, часто безъ гроша денегъ, въ буквальномъ нищенствѣ. «Олицетворенная безпечность, Донъ-Кихотъ независимости», называетъ Печерина Чижовъ. «Какъ сынъ пустыни, я терпѣть не могъ осѣдлости», говоритъ онъ самъ о себѣ. Послѣ первой поѣздки за-границу, онъ возвращался въ Россію «какъ агнецъ, влекомый на заклачіе, съ ужасною тоскою, съ глубокимъ отчаяніемъ», и въ концѣ концовъ бѣжалъ отъ «позора» жить «въ тогдашней Россіи, гдѣ невозможно было ни говорить, ни писать, ни мыслить, гдѣ даже высшаго разряда умы чахли и неминуемо гибли подъ нестерпимымъ гнетомъ», отъ «позора»—какъ Ленскій въ Онѣгинѣ «одѣть стеганый халатъ»—«я бѣжалъ за тридевять земель, въ тридесятое царство. Да и какъ еще бѣжалъ! Словно погоня была за мною; некогда было духъ перевести»... Удивительно свѣтло, съ большимъ юморомъ написанная автобіографія Печерина читается съ увлеченіемъ, и лишній разъ жалѣешь, какая огромная умственная и нравственная сила была потеряна въ лицѣ этого человѣка для Россіи.

Много мѣста отведено въ сборникѣ и другому человѣку подобнаго же идеалистическаго склада, почти такому же скитальцу въ поискахъ нездѣшняго града, но человѣку значительно болѣе поздняго времени, Вильяму Фрею (В. К. Гейнсу). Напечатаны обширныя письма Фрея къ Льву Толстому, весьма интересовавшемуся идеями его и при личномъ свиданіи имъ увлеченному, и рядъ писемъ Фрея къ друзьямъ. Письма къ Толстому сопровождены примѣчаніями Льва Толстого и, такимъ образомъ, важны для изученія идей и настроеній ихъ обоихъ. Читаются они, однако, какъ и вся «толстовская» нравственно-философская литература, тяжеловато.

Кромѣ этихъ наиболѣе значительныхъ матеріаловъ, въ I томѣ «Пропилеевъ» даны и другія, частью также очень интересныя вещи. Къ тридцатымъ годамъ относится письмо декабриста И. Д. Якушкина изъ Сибири къ Н. Н. Шереметевой. Оно очень любопытно живыми бытовыми подробностями о житьѣ декабристовъ въ ссылкѣ. Далѣе

находимъ: три письма Кирѣевскихъ; неизданную поэму въ романтическомъ вкусѣ извѣстнаго члена кружка Герцена и Огарева, Н. М. Сатина, «Ножка», и его же любопытныя воспоминанія (о Соколовскомъ и Бахтуринѣ); разсказы актера М. С. Щепкина, записанные тѣмъ же Сатинымъ (составитель, однако, ошибается, считая эти разсказы неизвѣстными: они были уже напечатаны полностью Е. Н. Некрасовою въ статьѣ: «Актеръ М. С. Щепкинъ и А. И. Герценъ», «Русск. Мысль» за 1904 г., кн. 1). Довольно любопытна записка Н. М. Орлова. Это—сынъ извѣстнаго М. Ѳ. Орлова, прикосновеннаго къ декабристамъ, студентъ начала сороковыхъ годовъ въ Москвѣ, участникъ кружка молодежи, къ которому принадлежали Аполлонъ Григорьевъ, Фетъ, Полонскій, кн. В. Черкасскій, К. Кавелинъ, С. М. Соловьевъ. Записка Орлова является единственнымъ откликомъ собраній этого кружка и его идеалистическихъ настроеній. Цѣль «упражненія» юнаго студента: съ одной стороны «доказать, до какой степени необходимо, въ процессѣ умозрѣній и размышленій философическихъ, совѣтываться съ нашимъ природнымъ чувствомъ», съ другой—«дать сколь возможно разумное основаніе догматамъ нашей религіи». Въ приложеніи напечатано кое-что изъ забытыхъ библіографами раннихъ произведеній члена этого же кружка, поэта Полонскаго.

Если и послѣдующіе томы этого изящнаго, по внѣшнему исполненію и по внутреннему построенію, сборника будутъ представлять такой же интересъ, «Русскіе Пропилеи» станутъ надолго предметомъ вниманія и изученія для всѣхъ интересующихся идеалистическимъ прошлымъ нашей общественной мысли. Къ сожалѣнію, составитель не далъ указателя собственныхъ именъ.

Ч. Вѣтринскій.

Французскіе лирики XVIII вѣка. Сборникъ переводовъ, составленный І. М. Брюсовой, подъ редакціей и съ предисловіемъ Валерія Брюсова. Москва. Книгоиздательство К. Ф. Некрасова. 1914.

Этотъ сборникъ, содержащій переводы, принадлежащіе какъ современнымъ поэтамъ, такъ и первоклассным и второстепеннымъ мастерамъ русскаго стиха первой половины 19-го вѣка, вызываетъ несомнѣнно большой интересъ и вполнѣ оправдываетъ свое появленіе. Прежде всего сборникъ цѣненъ самъ по себѣ, какъ книга стихотвореній, могущихъ доставить непосредственное эстетическое наслажденіе. Вѣдь, если находятъ довольно часто сочувственный откликъ у современнаго читателя попытки стилизаціи въ духѣ 18-го вѣка (напр. стихи М. Кузмина), то еще болѣе должно удовлетворить ознакомленіе съ живымъ источникомъ подобныхъ произведеній. Но этимъ не огра-

ничивается интересъ сборника. Самъ его составитель предусматриваетъ, что цѣнность данной книги въ наибольшей степени—историко-литературная. Вотъ что говорится въ предисловіи «отъ составителя»: «Можно различно оцѣнивать французскую поэзію этой эпохи, несомнѣнно одно: она оказала глубокое вліяніе на всю послѣдующую литературу... Не забудемъ еще, что именно на образцахъ французской поэзіи XVIII вѣка воспитывался Пушкинъ»... Да и не одинъ Пушкинъ. Большинство переводовъ и подражаній сборника принадлежитъ, помимо Пушкина, цѣлому ряду поэтовъ, какъ Пушкинскаго, такъ и предшествовавшаго ему періода. Составитель отмѣчаетъ, что во всѣхъ этихъ переводахъ есть «ароматъ эпохи» — «та же атмосфера безпечности и ясности, вѣянье той же «веселой» влюбленности, которыя такъ характерны для всей французской лирики XVIII вѣка». Эти же черты французской лирики отмѣчены и въ вступительномъ очеркѣ В. Брюсова. Но намъ представляется при этомъ, что мало обрисована та черта французской лирики XVIII в., которую считали преимущественно «французской» представители самой Пушкинской эпохи. Это—та «блестящая игра ума», о которой говорилъ И. Кирѣевскій, какъ о главномъ признакѣ «французскаго направленія» («Обозрѣніе русской словесности 1829 года»), то «кокетство слога», «игра словами», за которую Плетневъ въ письмѣ къ Пушкину называлъ Баратынскаго «французомъ». Въ силу этого нѣсколько большее мѣсто должно было удѣлить въ сборникѣ стихотвореніямъ альбомно-мадригальнаго характера—образцамъ изящнаго остроумія. Тогда подражательныя стихотворенія подобнаго рода, переполнявшія многіе русскіе журналы начала 19-го в., стали бы понятнѣе современному читателю.

Помимо этого, въ сборникѣ есть и нѣкоторые болѣе опредѣленные недочеты. Такъ, для ист.-лит. полноты сборника можно было бы включить «Подражаніе Лафаргу» Е. А. Баратынскаго. Лафаргъ совсѣмъ не представленъ въ сборникѣ.

Примѣчанія не обладаютъ достаточной полнотой и вѣрностью. Въ перечисленіи переводовъ изъ Леонара, не включенныхъ въ изданіе, отсутствуетъ «Элегія (изъ Леонара)» перев. А. Г—въ (Альманахъ «Радуга» на 1830 г.). Не подчеркнута большая популярность элегіи Мильвуа «Паденіе листьевъ», не указаны переводы Милонова и Степана Степанова («Благонамѣренный,» 1825 г. № XXI). Милоновскій переводъ любопытенъ еще тѣмъ, что онъ въ свою очередь былъ переведенъ, какъ оригинальное произведеніе, въ одномъ изъ нѣмецкихъ журналовъ (извѣстіе объ этомъ и текстъ нѣм. перевода есть въ «Благонамѣренномъ» 1819 г., ч. 7, № XIV). Укажемъ еще, что въ печати было высказано довольно вѣроятное предположеніе о воздѣйствіи дан-

наго стихотворенія Мильвуа на два мѣста изъ «Евгенія Онѣгина» («Русск. Ст.» 1902 г., дек.).

Укажемъ еще двѣ ошибки. Въ примѣчаніи къ переводу 20-ой эклоги А. Шенье говорится, что этой же эклогѣ подражалъ Баратынскій въ стих. «Наяда», которое и приводится. Между тѣмъ «Наяда»— довольно близкій къ подлиннику переводъ другого стихотв. Шенье («Fragments d'idylles», VI). Относительно другого стих. Баратынскаго, заимствованнаго изъ А. Шенье («Подъ бурею судебъ...») говорится: «Подлинникъ нами не найденъ». Между тѣмъ это свободный переводъ 25-ой элегіи Шенье съ опущеніемъ 1-го и 4-го четверостишій. Указанные недочеты, конечно, не колеблютъ большой цѣнности сборника.

Павелъ Зоревъ.

— Stephen Graham. Russia and the World (Россія и міръ). London 1905.

Эта книга имѣетъ большой успѣхъ въ Англіи и признается однимъ изъ наиболѣе яркихъ явленій нынѣшняго англійскаго книжнаго сезона. Задачу авторъ ставитъ себѣ очень большую,—опредѣляя ее въ подзаголовкѣ слѣдующимъ образомъ: «изслѣдованіе войны и опредѣленіе міровыхъ проблемъ, касающихся Россіи и Великобританіи». Компетентность автора въ этихъ великихъ проблемахъ основывается на нѣсколькихъ путешествіяхъ по Россіи, въ качествѣ туриста и газетнаго корреспондента.

Русскому читателю не легко понять причину успѣха этой книги: содержанія въ ней мало, сужденія поверхностны и вся она производитъ впечатлѣніе сборника фельетоновъ. Книга, дѣйствительно, составлена изъ писемъ, помѣщенныхъ въ теченіе послѣдняго полугода въ «Times» и другихъ англійскихъ газетахъ и журналахъ. Но объясняется успѣхъ этого изданія, главнымъ образомъ, нынѣшнимъ настроеніемъ англійскаго общества по отношенію къ Россіи. Знаютъ въ Англіи свою восточную союзницу очень мало, но интересъ къ ней огромный, искренній, задушевный. При этомъ большое расположеніе, желаніе добрыхъ, дружественныхъ отношеній, основанныхъ на дѣйствительныхъ народныхъ симпатіяхъ. А авторъ книги, видимо, любитъ Россію и усердно старается разсѣять тѣ тѣни, которыя всегда смущали и смущаютъ англійское общественное мнѣніе по отношенію къ Россіи. — «Любите Россію!», взываетъ онъ къ англійскому обществу. «Когда вы узнаете и полюбите Россію, новыя духовныя силы вольются въ вашу душу и въ вашу судьбу!»

Къ такимъ призывамъ англійское общество теперь очень вос-

пріимчиво. Яростныя обвиненія, предъявленныя германскими и германофильскими публицистами противъ Англіи за ея союзъ съ «варварской» Россіей, побуждаютъ всѣхъ друзей этого союза къ энергичной защитѣ послѣдней, и каждый краснорѣчивый доводъ въ ея пользу подхватывается съ восторгомъ. Въ этомъ отношеніи книга Стифена Грэма имѣетъ извѣстное значеніе, написанная тепло и красиво въ общедоступной формѣ. Но одушевленный прекрасными намѣреніями авторъ, къ сожалѣнію, недостаточно подготовленъ для того большого дѣла, которое онъ предпринялъ, и можно опасаться, что въ конечномъ счетѣ его книга больше создастъ недоразумѣній, чѣмъ устранитъ ихъ.

Желая обезоружить злонамѣренныхъ хулителей Россіи, онъ возстаетъ вообще противъ всякой критики, изображая Россію въ качествѣ совершенно самобытной страны, чуть-ли не второго Китая, къ которой европейская мѣрка вообще не примѣнима. Онъ не замѣчаетъ, что такая точка зрѣнія, по существу, очень близка къ точкѣ зрѣнія противниковъ Россіи, также утверждающихъ, что Россія—не Европа. Какъ далеко авторъ заходитъ въ этомъ отношеніи, можно судить хотя бы по его отношенію къ народному просвѣщенію въ Россіи: онъ прямо заявляетъ, что этого не нужно Россіи!...—«Я хотѣлъ бы предостеречь, говоритъ онъ, тѣхъ доброжелателей Россіи, которые полагаютъ, что необходимо дать образованіе крестьянству»... (стр. 226). — Мотивируетъ онъ это удивительное предостереженіе такимъ образомъ: «Милліоны (крестьянъ) остановятся на опасныхъ пунктахъ длинной дороги къ просвѣщенію и пропадутъ».—Онъ хочетъ сохранить русскій народъ въ его нынѣшнемъ видѣ. Такимъ онъ его любитъ, и такую любовь къ Россіи авторъ старается внушить нашимъ англійскимъ друзьямъ.

Это показываетъ, что мы имѣемъ тутъ дѣло съ своеобразнымъ эстетомъ, котораго больше интересуетъ внѣшняя оригинальность народной жизни, чѣмъ ея внутреннее содержаніе. Въ послѣднее онъ совершенно не проникъ. Онъ самъ, между тѣмъ, иного мнѣнія о себѣ и даже претендуетъ на особую проницательность, позволяющую ему дѣлать поразительныя открытія. Такъ онъ, напр., открылъ, что евреямъ надо уѣхать въ Америку!.. Америку авторъ называетъ «обѣтованною землею» для нихъ, а съ русскимъ народомъ евреи, по его мнѣнію, никоимъ образомъ ужиться не могутъ. — «Русскій патріотъ, говоритъ онъ, терпѣть не можетъ еврея...»—Почему? Потому, отвѣчаетъ авторъ, что онъ видитъ въ евреѣ полное выраженіе «матеріализма, западничества и коммерціализма». И еще потому, что... въ евреѣ есть нѣчто—*татарское*. «Нѣкоторые даже полагаютъ, замѣчаетъ авторъ, что русскіе евреи вовсе не евреи, а просто потомки татаръ, перешедшихъ въ іудейство».

Такимъ образомъ, по словамъ автора, русскій патріотъ ненавидитъ евреевъ, во-первыхъ, потому что они *«западники»*, во-вторыхъ, потому что они *«татары»*... Этотъ бредъ сразу указываетъ на источникъ, изъ котораго нашъ англійскій другъ черпалъ свою политическую мудрость.

Повидимому, онъ искренній другъ, заражающій многихъ своею искренностью. Но какъ онъ освѣдомленъ о томъ, о чемъ онъ пишетъ, показываетъ слѣдующее: все населеніе Россіи онъ раздѣляетъ на *касты*, утверждая, что «въ Россіи каждая каста имѣетъ свои отличительные признаки; вамъ не нужно разспрашивать, имѣете ли вы передъ собою крестьянина или рабочаго, татарина или еврея, кавказца или киргиза. Это сейчасъ видно по ихъ костюму».

То же самое можно, впрочемъ, сказать и относительно многаго другого, что авторъ приписываетъ русскому народу. Но больше, чѣмъ авторъ, насъ интересуютъ его читатели, очень, повидимому, многочисленные. Имъ эта книга внушаетъ совершенно ложное представленіе о Россіи и русскомъ народѣ,—ложное и, по существу, оскорбительное, несмотря на внѣшнее доброжелательство.

Р.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

И. Галантъ. Черта еврейской осѣдлости. Съ письмомъ Л. Н. Толстого. Второе изданіе. Москва. 1915.

Война неотразимо ставитъ на очередь еврейскій вопросъ. Трудно допустить, что многомилліонная часть населенія имперіи, наравнѣ съ другими—или, вслѣдствіе географическихъ условій, даже больше многихъ изъ нихъ,—несущая тяготы и бѣдствія военнаго времени, осталась, по окончаніи его, въ прежнемъ безправномъ положеніи. Весьма кстати, поэтому, появилось второе изданіе брошюры г. Галанта, дающей бѣглый, но содержательный очеркъ прошлаго и настоящаго „черты осѣдлости". Въ письмѣ Л. Н. Толстого (написанномъ за два мѣсяца до его кончины), которому авторъ послалъ свою брошюру, великій писатель осуждаетъ черту осѣдлости, какъ „допущеніе насилія человѣка надъ человѣкомъ",—насилія, служащаго „источникомъ всѣхъ бѣдствій, переживаемыхъ человѣчествомъ", и въ данномъ случаѣ, въ добавокъ, не достигающаго своей цѣли.

К. А.

Судебная реформа. Подъ редакціей Н. В. Давыдова и Н. Н. Полянскаго. Т. I. Москва. 1915.

Говоря недавно о юбилейномъ изданіи министерства юстиціи: „Судебные уставы 20 ноября 1864 г. за пятьдесятъ лѣтъ", мы замѣтили, что настоящая исторія судебной реформы можетъ быть написана только коллегіей ученыхъ юристовъ, стоящей въ сторонѣ отъ злобы дня. Нѣчто въ родѣ такой коллегіи удалось образовать редакторамъ настоящаго изданія, соединившимъ вокругъ себя цѣлую плеяду профессоровъ и практическихъ дѣятелей, имена

которыхъ говорятъ за серьезность и научность предпринятаго труда. Все изданіе разсчитано на пять томовъ. Вышедшій теперь первый томъ даетъ общую характеристику судебной власти (В. М. Гессена), рядъ статей, посвященныхъ исторіи русскаго суда до реформы 1864 года (Б. Сыромятникова, Ю. Готье, В. Бочкарева, В. Плетнева, В. Набокова) и оцѣнку вліянія судебной реформы на русскую науку права (Г. Тельберга). Яркое освѣщеніе, въ которомъ представлено прошлое русскаго суда, служитъ лучшей подготовкой къ пониманію той великой роли, которую должна была сыграть и отчасти сыграла судебная реформа. Укажемъ, въ видѣ примѣра, на статью г. Готье: „Отдѣленіе судебной власти отъ административной". Заключая въ себѣ исторію этого вопроса съ древнѣйшихъ временъ до царствованія Николая I-го, она объясняетъ многое въ учрежденіи и дѣятельности злополучнаго института земскихъ начальниковъ.—Прекрасно изданная книга украшена портретами императора Александра II-го, гр. Сперанскаго, гр. Блудова, Д. А. Ровинскаго, Н. А. Буцковскаго, кн. Гагарина, Д. Н. Замятнина, Н. И. Стояновскаго и С. И. Заруднаго.

К. А.

Проф. В. Левинсонъ-Лессингъ. I. Единая высшая школа. II. Дальнѣйшее развитіе Политехническаго института. Петроградъ, 1915.

Эта небольшая брошюра заслуживаетъ особаго вниманія: она возбуждаетъ вопросы, въ высокой степени важные и своевременные. Авторъ доказываетъ необходимость объединить университетъ и высшую техническую школу; онъ опровергаетъ еще недавно общепринятую мысль, что университетъ—разсадникъ научнаго образованія и храмъ науки, а высшее техническое училище—школа, готовящая узкихъ спеціалистовъ. Послѣдовательное проведеніе этой мысли, по справедливому замѣчанію проф. Левинсона-Лессинга, должно было бы повлечь за собою отдѣленіе отъ университета факультетовъ медицинскаго и богословскаго (намъ казалось бы возможнымъ прибавить къ нимъ и юридическій, изъ котораго точно также выходитъ больше практиковъ, чѣмъ людей науки). „На сколько благотворно", говоритъ г. Левинсонъ-Лессингъ, „отразилось на техникѣ стремленіе ея опираться на науку, на сколько удивительно часто дѣйствовали на чистую науку запросы техники—это извѣстно всякому знакомому съ развитіемъ технической химіи, металлургіи, электротехники. Гдѣ граница между технической химіей или металлургіей и химіей вообще?" Осуществимость своей мысли авторъ подтверждаетъ примѣромъ университетовъ лондонскаго и торонтскаго (въ Канадѣ).

Съ первой частью брошюры тѣсно связана вторая, отстаивающая учрежденіе новыхъ отдѣленій (факультетовъ) въ составѣ Политехническаго института и расширеніе правъ его на присужденіе ученыхъ степеней.

К. А.

Проф. С. А. Венгеровъ. Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ, отъ начала русской образованности до нашихъ дней. Второе, совершенно переработанное изданіе. Т. I, вып. 1—3. Предварительный списокъ русскихъ писателей и ученыхъ и первыя о нихъ справки (Ааронъ-Куликовъ). Съ 18 таблицами групповыхъ портретовъ, Петроградъ, 1915. Стр. 436. Ц. 6 р.

Новый трудъ С. А. Венгерова представляетъ собою результатъ многолѣтнихъ библіографическихъ работъ, исторія которыхъ обстоятельно, съ большими подробностями, разсказана въ предисловіи. Собраніе матеріаловъ для полнаго „Словари русскихъ писателей", въ видѣ приблизительно двухъ милліоновъ систематически распредѣленныхъ карточекъ и болѣе трехъ съ половиною тысячъ автобіографій, доведено уже до размѣровъ крупнаго и чрезвычайно цѣннаго литературнаго учрежденія, къ помощи котораго приходится обращаться всѣмъ, нуждающимся въ исчерпывающихъ библіографическихъ и біографическихъ справкахъ. Въ предисловіи изложены интересныя данныя объ условіяхъ и методѣ работы составителя, о встрѣченныхъ имъ матеріальныхъ и иныхъ затрудненіяхъ, объ употребленныхъ имъ усиліяхъ и затратахъ для продолженія начатаго дѣла, объ оказанной ему поддержкѣ со стороны оффиціальныхъ научныхъ учрежденій и частныхъ лицъ, и, наконецъ, о благопріятныхъ перспективахъ новаго изданія, въ виду существенной матеріальной помощи, полученной отъ близкаго родственника, давшаго ему возможность пользоваться широкимъ кредитомъ въ одномъ изъ кредитныхъ учрежденій. По приблизительному подсчету, приводимому авторомъ, на составленіе всей его „картотеки" израсходовано имъ за многіе годы изъ личныхъ своихъ средствъ, т. е. главнымъ образомъ, изъ своего литературнаго заработка, около пятидесяти тысячъ рублей. Въ сущности такого рода предпріятіе, далеко превышающее силы и средства отдѣльныхъ лицъ, требовало бы

другой, болѣе обезпеченной постановки дѣла, имѣющаго несомнѣнное общественное значеніе.

Л. С.

Библіографическій Ежегодникъ. Вып. IV. Подъ редакціей И. В. Владиславлева. Москва. Кн-во „Наука". 1915. 329 стр. Цѣна 1 р. 80 к.

Новый выпускъ этого необходимаго для библіотекъ и пишущей братіи пособія содержитъ систематическій указатель русской литературы за 1914 г. Изъ года въ годъ содержаніе указателя расширяется и улучшается систематизація матеріала. Въ отдѣльныя рубрики выдѣлена въ новомъ выпускѣ литература, связанная съ войною, съ юбилеями земской и судебной реформъ и съ юбилеями литературными, со съѣздами по народному образованію и т. д. Значительно расширенъ отдѣлъ журнальныхъ статей.

Ч. В—скій.

Борисъ Садовской. Озимь. Статьи о русской поэзіи. Петроградъ, 1915. Стр. 47. Цѣна 75 коп.

Въ весьма приподнятомъ предисловіи, авторъ сообщаетъ, что „война еще не кончилась", но „заря свѣтлѣетъ надеждою и гордымъ восторгомъ пылаетъ сердце". Три статьи „О сальеризмѣ", „Футуризмъ и Русь" и „Юбилей безвременья" (о Валеріи Брюсовѣ), это и есть „озимь, посѣянная въ тревогѣ и грохотѣ военнаго урагана", всходы которой должны появиться въ будущемъ. Г. Садовской умѣетъ писать сжато и образно, но вдается въ позу и кудрявость, старательно подчеркивая напр., что онъ „скромный провинціалъ", сознаетъ „все свое дикое невѣжество и непростительную отсталость", которыя не даютъ ему постичь футуризмъ и т. п. Онъ заявляетъ протестъ противъ вчерашняго своего идола Валерія Брюсова и пытается въ отдѣльныхъ фразахъ выразить и сущность своего новаго посѣва, онъ противъ города за деревню, за обновленіе ею поэзіи. „Отойдемъ на свои исконные историческіе пути"—кончается книжка. Жаль, что все это мало вразумительно. Коротенькая замѣтка „о сальеризмѣ", написанная еще въ 1911 г., показалась намъ болѣе удачной, нежели исхищренныя рѣчи о простотѣ и запоздалое обличеніе „каучуковаго разврата съ костянымъ варіантомъ" модернистовъ и футуристовъ.

Проф. Н. Н. Фирсовъ. Разиновщина, какъ соціологическое и психологическое явленіе народной жизни. Изд. 2-е, т-ва М. О. Вольфъ. Ц. 30 к.

По формѣ очеркъ г. Фирсова о разиновщинѣ только публичная лекція. Но въ сжатомъ изложеніи автора чувствуется знатокъ предмета, изучившій его въ глубокихъ корняхъ и свободно создающій стройную картину изъ обильнаго матеріала. Авторъ далекъ отъ идеализаціи прошлаго стихійнаго броженія. Элементы и наивную идеологію его онъ излагаетъ весьма живо и образно. Въ заключеніи отмѣчено переживаніе „разинскаго духа" уже послѣднее, въ горьковской идеализаціи современной „голи кабацкой". Брошюра очень хороша, какъ введеніе для тѣхъ, кто пожелалъ бы глубже разобраться въ сложномъ движеніи разиновщины.

Въ теченіе апрѣля мѣсяца въ редакцію поступили слѣдующія книги и брошюры:

Алавердянцъ, М. Я. Идеологи освобожденія турецкихъ армянъ. Петроградъ, 1915 г. Ц. 40 к.

Ардашевъ, П. Н. Хрестоматія по всеобщей исторіи. Часть II. Эпохи абсолютизма и революціи. Кіевъ, 1915 г. Ц. 1 р. 25 к.

Архиповъ, Николай. Мужчина Анри. Москва, 1915 г. Ц. 1 р. 25 к.

Барановъ, Евг. Война съ Турціей и армяне. Москва, 1915 г.

Березинъ, Н. Задачи и работы по географіи. Петроградъ, 1915 г.

— Начальная географія. Петроградъ, 1915 г.

Бончъ-Бруевичъ, Влад. Знаменіе времени. Убійство Андрея Ющинскаго и дѣло Бейлиса. (Впечатленія кіевскаго процесса). Петроградъ, 1915 г. Ц. 1 р.

Бородкинъ, М. Исторія Финляндіи. Петроградъ, 1915 г. Ц. 5 р.

Бюловъ-фонъ, Бернгардъ, князь. Державная Германія. Петроградъ, 1915 г. Ц. 1 р. 50 к.

Василевскій, Г. А. Виновата ли германская культура. Петроградъ, 1915 г. Ц. 40 к.

Ватинъ, В. А. Минусинскій край въ XVIII вѣкѣ. Минусинскъ, 1913 г. Ц. 1 р. 50 к.

— Село Минусинское. Историческій очеркъ. Минусинскъ, 1914 г. Ц. 1 р. 25 к.

Верхоустинскій, Б. Молодое вино. Романъ. Петроградъ, 1915 г. Ц. 1 р. 50 к.

Волковъ, А. М. Въ отблескѣ кроваваго пожара. Кострома, 1915 г. Ц. 25 к.

Галанинъ, Д. Д. Исторія методологическихъ идей по ариѳметикѣ въ Россіи. Часть I. XVIII вѣкъ. Москва, 1915 г. Ц. 1 р. 50 к.

Гольдштейнъ, I. М. Война, русско-германскій торговый договоръ и слѣдуетъ ли Россіи быть „колоніей" Германіи. Изд. 2-е. Москва, 1915 г. Ц. 60 к.

— Нѣмецкое иго и освободительная война. Москва, 1915 г. Ц. 30 к.

Горькій, М. По Руси. Очерки. Петроградъ, 1915 г. Ц. 1 р. 50 к.

Гульбинскій, И. В. Борисъ Николаевичъ Чичеринъ. Біо-библіографическій очеркъ. Москва, 1914 г.

Данилевскій, В. Я., проф. Очеркъ изъ физіологіи соціальныхъ недуговъ. Харьковъ, 1915 г. Ц. 50 к.

Диканскій, М. Г. О русскихъ курортахъ. Петроградъ, 1915 г. Ц. 50 к.

Есиповъ, В. В. 1. Славяне, нѣмцы и турки. 2. Славяне и нѣмцы. 3. Высшее образованіе въ Польшѣ за 100 лѣтъ. 4. Польскіе крестьяне за 100 лѣтъ. 5. Милость и правда въ тюрьмѣ. 6. Предѣлы гражданскаго права въ Царствѣ Польскомъ. 7. Германцы. 8. Очерки правовой и общественной жизни славянъ. Варшава, 1915 г.

Жирковъ, И. Сказки русскихъ писателей. Кн. I. Москва, 1915 г. Цѣна 15 коп.

Зеленковъ, А. П. Вегетаріанство, какъ средство для лѣченія и предупрежденія болѣзней. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 20 коп.

Икскуль, В. Я., баронъ. Полное собраніе сочиненій. Т. VIII. Стихи. Ревель, 1915 г. Цѣна 1 руб.

Истрина, Е. С. Руководство по исторіи русскаго языка. Петроградъ, 1915 г.

Іоксимовичъ, Ч. М. Забастовки, налоги и доходность у мануфактуристовъ и нефтепромышленниковъ. Москва, 1915 г. Цѣна 3 руб.

Каблуковъ, Н. А. Статистика. Изд. 2-е. Москва, 1915 г. Цѣна 1 руб. 75 коп.

Каневъ, В. Стихи. Петроградъ, 1915 г.

Карабчевскій, Н. П. Мирные плѣнники. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 1 руб.

Карѣевъ, Н. Борьба парижскихъ секцій противъ декретовъ 5 и 13 фрюктидора II года. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 40 коп.

Киселевъ, В. А. Электропромышленность въ ея прошломъ и настоящемъ. Москва, 1915 г. Цѣна 1 руб. 75 коп.

Кормуль Гулесъ, Эд. Трудовая помощь. Пер. Г. Г. Швиттау. Петроградъ, 1914 г.

Короленко, Владиміръ. Очерки и разсказы. Книги 4 и 5-я. Петроградъ, 1915 г. Цѣна каждой книги 1 руб. 50 коп.

Кузминъ, М. Военные разсказы. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Кузнецовъ, К. А. Очерки по теоріи права. Одесса, 1915 г. Цѣна 60 коп.

Лазаревскій, Борисъ. Во время войны. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Лесевичъ, В. В. Собраніе сочиненій. Т. I. Статьи по философіи. Москва, 1915 г. Цѣна 3 руб.

Либровичъ, С. Ф. Исторія книги въ Россіи. II. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 1 руб.

Максимовъ, Н. А. Введеніе въ общую ботанику. Лекціи для учителей. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 90 коп.

Масловскій, Валентинъ. Смѣхъ желѣзнаго города и тайна стыдливой зорьки. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 65 коп.

Меньшиковъ, А. О великой европейской войнѣ 1914—1915 г.г. Вятка, 1915 г. Цѣна 25 коп.

Невская, Анна. На лонѣ мира и войны. Стихотворенія. Нижній-Новгородъ, 1915 г. Цѣна 40 коп.

Недѣльскій, Евгеній. Радость въ страданіи. Москва, 1915 г. Цѣна 1 руб.

Разумовскій, В. И. Огнестрѣльныя поврежденія при современномъ вооруженіи армій. Саратовъ, 1915 г. Цѣна 50 коп.

Рубинъ, Неолъ. Думъ-думъ. Москва, Цѣна 30 коп.

Рудичъ, Вѣра. I. Осень золотая.— II. Въ дни войны. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 75 к.

Сароли, Чарлзъ. Англо-германская проблема. Москва, 1915 г. Цѣна 1 руб. 25 коп.

Филипповичъ, П. П. Объ академическомъ изданіи стихотвореній Е. А. Боратынскаго. Петроградъ, 1915 г.

Фламини, Франческо. „Божественная Комедія" Данте. Пособіе для ея изученія. Москва, 1915 г. Цѣна 75 коп.

Фоминъ, Г. А. Ликвидація монополіи. Екатеринославъ, 1915 г. Цѣна 60 коп.

Хмѣльницкій, И. А. Судебная реформа въ ея дѣятеляхъ. Одесса, 1915 г. Цѣна 20 коп.

Чевкинъ, С. Торговый домъ „Островъ и сынъ". Романъ. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Чертванъ, Маркъ. Мирные завоеватели. Повѣсть. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 1 руб. 25 коп.

Чириковъ, Евгеній. Эхо войны. Москва, 1915 г. Цѣна 1 руб.

Швиттау, Г. Г. Трудовая помощь въ Россіи. Ч. I и II. Петроградъ, 1915 г.

Шиповъ, Н. Н. Нужны ли славянофилы для разрѣшенія славянскаго вопроса? Петроградъ, 1915 г. Цѣна 25 к.

Штейнмецъ, Р. Философія войны. Пер. Г. Абрамова. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 2 руб.

Штернъ, В. Психологическіе методы испытанія умственной одаренности въ ихъ примѣненіи къ дѣтямъ школьнаго возраста. Пер. А. П. Болтунова. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 85 коп.

Вопросы банковъ, биржи и финансовъ. № 2. Петроградъ, 1915 г.

Вопросы теоріи и психологіи творчества. Т. VI, вып. I. Подъ ред. Б. А. Лезина. Харьковъ, 1915 г. Цѣна 2 руб.

Двадцатипятилѣтній юбилей „Вѣстника Воспитанія" (25 января 1915 г.). Москва, 1915 г.

Дѣйствія Нижегородской Губернской Ученой Архивной комиссіи. Вып. I, II, III, IV, VI. Нижній-Новгородъ, 1915 г.

Дѣти и война. Сборникъ статей. Кіевъ, 1915 г. Цѣна 1 руб.

Жертвамъ войны. Первый Омскій литературный альманахъ. Омскъ, 1915 г. Цѣна 2 руб.

Извѣстія студенческихъ организацій М. С.-Х. И. (Петровской Академіи). Вып. I. Москва, 1915 г. Цѣна 50 коп.

Кайзеръ безъ маски. Пер. съ англ. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 75 коп.

Крестьянское огнестойкое строительство. Вып. I и II. Сост. В. Л. Максимовъ, подъ ред. А. М. Соловьева. Петроградъ, 1915 г. Цѣна обоихъ выпусковъ 1 руб. 25 коп.

Къ рѣшенію вопроса о виноградномъ винѣ и пивѣ. Открытое письмо гор. и зем. самоуправленіямъ Россіи отъ противоалкогольныхъ об.-въ Москвы. Москва, 1915 г. Цѣна 20 коп.

Новыя идеи въ астрономіи. Сборникъ № 7. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 80 коп.

Новыя идеи въ техникѣ. Сборникъ № 1. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 80 коп.

Обзоръ дѣятельности Главнаго Комитета Всероссійскаго Земскаго Союза помощи больнымъ и раненымъ воинамъ. 1 авг. 1914 г.—1 февр. 1915 г. Москва, 1915 г.

Образцы чешскаго литературнаго языка. Составилъ и издалъ В. Н. Кораблевъ. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 60 коп.

Охрана жизни и здоровья рабочихъ въ промышленности. Часть III (Горное дѣло). Вып. II. Москва, 1915 г. Цѣна 1 руб.

Педагогическій сборникъ. Вып. I. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 50 коп.

Провинціальная луна. Сборникъ стиховъ. Минскъ, 1915 г. Цѣна 60 коп.

Систематическій указатель литературы за 1914 годъ. Подъ ред. И. В. Владиславлева. Москва, 1915 г. Цѣна 1 руб. 80 коп.

Статистика за редовния воененъ наборъ прѣзъ 1910 и 1911 години. София, 1915 г.

Издатель: М. М. Ковалевскій.

Ред.: К. К. Арсеньевъ. Д. Н. Овсянико-Куликовскій. А. С. Посниковъ.

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки